БИБЛІОТЕКА

Л.-Гв. Гатчинскаго Полка.

Отдѣленіе II 5/17 II 7/74

№ 1445

I 5/113 5/17

29

ﾌｼﾞﾀﾆ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИМ. А. И. ГЕРЦЕНА

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

Библіотеки
Лейбъ-Гвардіи
Гатчинскаго
полка

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

8286

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ

Пров. 50

9137 ж.

издаваемый

М. Катковымъ.

Май

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ.

N 5

МОСКВА.
Въ типографіи Каткова и К°.
1862.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва 8-го мая 1862 года.

Цензоръ *А. Петровъ.*

Цензоръ *Н. Гиляровъ-Платоновъ.*

ЕВРОПА ВЪ КОНЦѢ XVIII ВѢКА

8286

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Въ 1653 году посолъ московскаго царя Алексѣя Михайловича, князь Борисъ Александровичъ Репнинъ, потребовалъ отъ польскаго правительства, чтобы православнымъ Русскимъ людямъ впередъ въ вѣрѣ неволи не было, и жить имъ въ прежнихъ вольностяхъ. Польское правительство не согласилось на это требованіе, и слѣдствіемъ было отпаденіе Малороссіи. Черезъ сто съ чѣмъ-нибудь лѣтъ, посолъ россійской императрицы, также князь Репнинъ предъявилъ то же требованіе, получилъ отказъ, и слѣдствіемъ былъ первый раздѣлъ Польши.

Мы видѣли, какую важную долю вліянія на благопріятный исходъ польскихъ дѣлъ императрица приписывала Никитѣ Ивановичу Панину: „Я вижу, сколь безошибочны были всѣ вами взятыя мѣры“, и это говорилось не въ рескриптѣ, назначенномъ для публики. Панинъ былъ не доволенъ старикомъ Кайзерлингомъ, неудовлетворительностію его донесеній о положеніи дѣлъ, и потому, не отзывая Кайзерлинга, отправилъ къ нему на помощь родственника своего, князя Николая Васильевича Репнина; въ сентябрѣ 1764 года Кайзерлингъ умеръ, и Репнинъ остался одинъ. Всякому, кто знакомъ съ иностранными извѣстіями объ описывае-

мыхъ событіяхъ, Репнинъ необходимо представляется человѣкомъ стремительнымъ на захватъ, на рѣшительныя, насильственныя мѣры. Не предупреждая событій, мы позволимъ себѣ только напомнить читателю, что Репнинъ былъ орудіемъ Панина, дѣйствовалъ по его инструкціямъ; но въ характерѣ Панина была ли эта стремительность? Всѣ отзывы о Панинѣ согласны въ одномъ, всѣ указываютъ на его медленность. Мы видѣли изъ собственнаго признанія Екатерины, какое вліяніе эта медленность, осторожность министра производили на рѣшенія пылкой императрицы: „О, какъ бы вы забранились, еслибъ я написала такое блестящее, но вредное для моихъ дѣлъ письмо! Прошу васъ, поставьте польскаго короля на ту же ногу, на какую вы поставили меня.“ Дѣйствительно, инструкціи Панина посламъ въ Польшѣ проникнуты осторожностію, желаніемъ какъ можно менѣе обнаруживать вмѣшательства въ дѣла. Такъ напримѣръ, когда Кайзерлингъ и Репнинъ дали знать, что Чарторыйскіе требуютъ русскаго войска, Панинъ подалъ мнѣніе: „Тысяча легкихъ войскъ уже готова и ожидаютъ польскихъ коммиссаровъ для препровожденія, что казалось бы уже и довольно въ соотвѣтствіе саксонскимъ войскамъ; но, повидимому, наши друзья ищутъ сколько возможно облегчать свои собственные депансы, и себя усиливать нашими ресурсами, почему мое всеподданѣйшее мнѣніе: другую тысячу, по ихъ желанію, хотя и заготовить, но однакожь къ графу Кайзерлингу напередъ написать, чтобъ наши друзья гораздо осмотрѣлись, *не могутъ ли они такимъ безвременнымъ введеніемъ къ себѣ чужестранныхъ войскъ возпричинствовать противъ себя національную недовѣренность и противу насъ подозрѣніе*, чѣмъ наипаче противные могутъ воспользоваться и отъ чужестранныхъ державъ достать себѣ большее деньгами подкрѣпленіе, а намъ навести отъ нихъ какія-либо безпокойства новыми дѣлами съ ихъ стороны. Итакъ не лучше ли остаться при первомъ нашемъ планѣ, чтобы, не притворяясь и не отлагая, устремиться къ изгнанію Саксонцевъ изъ Польши производимыми движеніями нашихъ войскъ на границахъ и перепущеніемъ въ Польшу готовыхъ уже тысячи козаковъ, и потомъ стараться единодушно взять поверхность надъ противными нынѣ раздробленными факціями собственнымъ вооруженіемъ благонамѣренныхъ маг-

натовъ, и подкрѣпленіемъ ихъ нашими деньгами, нашимъ кредитомъ и нашею въ ихъ дѣлахъ инфлюенціею, соединенною съ королемъ прусскимъ, и наконецъ тою опасностію, которую натурально Поляки имѣть должны отъ насъ, когда ихъ дѣло пойдетъ противъ нашей воли, а особливо въ такое время, какъ у насъ со всѣхъ сторонъ руки останутся свободны, что̀ мы несумнѣнно имѣть и будемъ, если *съ благоразумною умѣренностію* пойдемъ въ семъ дѣлѣ, не напрягая излишне свои струны.“ На этомъ мнѣніи Екатерина написала: „Я весьма съ симъ мнѣніемъ согласна, и, прочитавъ промеморію, почти всѣ тѣ же рефлекціи дѣлала.“

Имѣемъ право ожидать, что и въ диссидентскомъ дѣлѣ Панинъ будетъ поступать также съ благоразумною умѣренностію, и не ошибаемся. Вотъ что̀ писалъ онъ Репнину 13 октября 1764 года: „Отъ проницанія вашего, согласія съ прусскимъ посломъ и отъ соображенія имѣющихся у васъ ея императорскаго величества постановленій долженствуетъ зависѣть благовременное кстати употребленіе такихъ *откровенно* избираемыхъ и употребляемыхъ способовъ (изъясненія съ королемъ и лучшими по характеру магнатами), дабы если совершенная невозможность одержать для диссидентовъ все у нихъ похищенное, по крайней мѣрѣ однакоже, что ни есть довольно знатное и важное въ пользу ихъ возстановлено и исходатайствовано было. Нѣтъ нужды распространяться здѣсь, сколь много польза и честь отечества нашего, а особливо персональная ея императорскаго величества слава интересованы въ доставленіи диссидентамъ справедливаго удовлетворенія. Для приклоненія къ тому короля и всѣхъ способствовать могущихъ магнатовъ довольно уже, и кромѣ формальныхъ трактатами опредѣленныхъ обязательствъ представлять имъ въ убѣжденіе, что когда ея императорское величество для пользы республики не жалѣла ни трудовъ, ни денегъ, дабы ее, въ толь смущенное и критическое время, каковы для нея бывали обыкновенно прежнія междоцарствія, сохранить отъ безпокойствъ, гражданскаго нестроенія и другихъ съ онымъ неразлучно соединенныхъ бѣдствій, безо всякой для себя изъ того корысти, то коль справедливо она можетъ требовать и ожидать отъ благодарности королевской и всея республики, чтобъ правосудное и столь къ персо-

нальной ея величества славѣ, сколько къ собственной чести нынѣшняго польскаго вѣка служащее предстательство и заступленіе ея возымѣли дѣйствіе свое въ пользу нѣкоторой части ихъ согражданъ, кои, вопреки торжественнымъ трактатамъ, собственнымъ польскимъ фундаментальнымъ законамъ, общей вольности вольнаго народа и множеству королевскихъ привилегій, невинно страждутъ подъ игомъ порабощенія за одно исповѣданіе другихъ признанныхъ хрпстіянскихъ религій, въ коихъ они рождены и воспитаны. Къ симъ представленіямъ можетъ ваше сіятельство присовокупить всѣ тѣ, кои вы сами за приличныя почесть изволите, отзываясь въ случаѣ крайности, то-есть когда всѣ другія средства втунѣ истощены будутъ, что и то имъ предостерегать должно, дабы ея императорское величество, увидя къ заступленію своему въ справедливомъ дѣлѣ столь малое со стороны республики уваженіе, не нашлась напослѣдокъ отъ ихъ дальняго упорства принужденную одержать нѣкоторыми вынужденными способами то, чего она отъ признанія знатнаго имъ своего благодѣянія и дружбы инако достигнуть не могла, и чтобъ для того ея величество не указала далѣе оставить въ земляхъ ея тѣ самыя войска, кои по сю пору столь охотно и съ такимъ знатнымъ иждивеніемъ употребляемы были для единой пользы и службы республики, которая долженствовала бы сама собою чувствовать, что утѣсненіемъ одной части согражданъ уничтожается общая ея вольность и равенство. При вынужденномъ иногда употребленіи сей угрозы надобно будетъ вашему сіятельству согласовать съ словами и самое дѣло, и сходно съ тѣмъ учреждать и дальнѣйшее войскъ нашихъ въ Польшѣ пребываніе, дабы, по крайней мѣрѣ, страхомъ вырвать у Поляковъ то, чего отъ нихъ ласково добиться не можно было. *Не думаю я, да и думать почти нельзя*, чтобы можно было въ одинъ разъ возвратить диссидентамъ все то, чего они лишились: довольно когда они въ нѣкоторое равенство правъ и преимуществъ республики приведены и для переду отъ новаго гоненія совершенно ограждены будутъ, дабы инако продолженіемъ прежняго утѣсненія не могли они, и въ томъ числѣ и наши единовѣрные къ невозвратному ущербу государственныхъ нашихъ интересовъ вовсе искоренены быть.“

Въ послѣдствіи (15 сентября 1766 года) Репнинъ полу-

чилъ отъ императрицы подробную инструкцію, чего требовать для диссидентовъ: „Мы не удаляемся конечно отъ дозволенія и сохраненія господствующей религіи нѣкоторыхъ предъ терпимыми отличностей, какъ во всякомъ благоустроенномъ правленіи обыкновенно бываетъ, а посему и согласимся мы охотно на исключеніе диссидентовъ изъ сената и отъ чиновъ внѣ онаго, всю довѣренность республики требующихъ, то-есть гетманскихъ, еслибъ во взаимство сей важной уступки возвращено было диссидентамъ право избранія въ послы на сеймъ, въ депутаты къ трибуналамъ и гродовые старосты, съ узаконеніемъ, чтобъ для соблюденія имъ навсегда сего права, быть изъ нихъ въ нѣкоторыхъ воеводствахъ непремѣнно къ каждому сейму третьему послу при двухъ католикахъ. За важную бы отъ васъ услугу намъ и отечеству сочли мы одержаніе отъ васъ всего вышеписаннаго, но если и не будетъ во всемъ пространствѣ соотвѣтствовать успѣхъ сему нашему опредѣленію, не припишемъ мы однако недостатку усердія или трудовъ вашихъ, зная весьма, сколько трудно или паче невозможно преодолѣть гидру суевѣрія и собственную корысть въ людяхъ; и такъ полагаемъ мы за ультиматъ нашего желанія, чтобъ всемѣрно одержать для диссидентовъ способность владѣть гродовыми староствами, дабы они тѣмъ или другимъ образомъ нѣкоторое участіе въ земскомъ правленіи, а чрезъ то самое и вящую нежели нынѣ сами по себѣ важность пріобрѣсть могли съ совершенною свободой исправленія ихъ религіи во всѣхъ пунктахъ до церкви касающихся. Если сеймъ не согласится ни на что, надлежитъ вамъ, имѣя въ Варшавѣ диссидентовъ сколько возможно въ большемъ числѣ, приготовить ихъ къ тому, дабы они, отъѣзжая тогда всѣ вдругъ отъ сейма съ учиненіемъ по тамошнимъ обрядамъ правительства протестацію, могли составить между собою конфедерацію, и оною формально просить помощи и защищенія у насъ, или же и вообще у тѣхъ своихъ сосѣдей, которые нынѣ въ ихъ пользу интересуются. Мы вѣрно полагаемся на ваше благоразуміе въ такомъ крайнемъ ресурсѣ, что вы его, безъ самой неизбѣжной нужды и съ нами не описавшись, въ дѣйство не произведете, однакожь тѣмъ не меньше вы можете онымъ яко послѣднею нашею твердою резолюціей воспользоваться и при негоціяціяхъ вашихъ тутъ, гдѣ на-

добно будетъ въ конфиденцію объ ней сообщать, съ тѣмъ чтобъ Поляки знали и удостовѣрены были, что мы не допустимъ успокоить сіе дѣло по ихъ единовиднымъ желаніямъ, а поведемъ оное лучше до самой крайности."

Напрасно въ Петербургѣ, желая дѣйствовать съ благоразумною умѣренностію, урѣзывали требованія диссидентовъ: въ Польшѣ не хотѣли уступить ничего. Мы видѣли, что еще въ 1763 году православный епископъ могилевскій, Георгій Конисскій, подалъ императрицѣ жалобу на жестокія притѣсненія: „Гонители благочестія святаго, писалъ Конисскій, не видя себѣ въ томъ гонительствѣ ни отъ кого воспященія, тѣмъ паче свирѣпѣютъ, и на всѣ церкви благочестивыя, особливо въ городѣ Могилевѣ состоящія, напасть вскорѣ, при случаѣ нынѣшняго междукоролевства, намѣрены, и нѣкоторые священники, страха ради, на унію уже предаются; особенно же жившій въ монастырѣ моемъ іеромонахъ Никаноръ Митаревскій, кой родимецъ малороссійскій, бывъ прежде въ семинаріи Переяславской префектомъ и тамо въ важныя преступленія впавъ, отъ священнодѣйствія отлученъ, избѣгъ изъ Россіи и у уніятовъ былъ, послѣ пришедъ ко мнѣ въ Могилевъ для единаго только исправленія его при мнѣ безъ священнодѣйствія держанъ, нынѣ въ отсутствіи моемъ предался къ уніятамъ въ Онуфріевскій, прежде благочестивый бывшій, а нынѣ уніятскій монастырь, къ живущему въ томъ монастырѣ архіепископу уніятскому, родимцу же малороссійскому, Лисянскому, и оной Митаревскій, согласясь съ плебаномъ Кричевскимъ Рейнолдомъ Изличомъ, превеликое священству благочестивому, а особливо строителю монастыря Охорскаго Кричевскаго, дѣлаютъ угнетеніе, такъ что тотъ строитель съ братіею по лѣсамъ принужденъ отъ нихъ крытись." Отъ кіевскаго митрополита пришло извѣстіе, что Трембовльскій староста Іоакимъ Потоцкій насильно четыре православныхъ церкви отнялъ на унію; пинскій епископъ Георгій Булгакъ отнялъ на унію четырнадцать церквей, изувѣчилъ игумена Ѳеофана Яворскаго.

Когда русская партія восторжествовала, когда кандидатъ русской императрицы избранъ былъ въ короли, Конисскій получилъ надежду, что его жалобы будутъ выслушаны въ Варшавѣ, и въ 1765 году рѣшился самъ туда отправиться; но вотъ что онъ доносилъ синоду объ успѣхѣ своего пу-

тествія: „Когда я прошлаго іюня 15 дня, получивши отъ команды смоленской трехъ драгунъ въ конвой, выѣхалъ изъ Могилева, а іюля 11 прибылъ въ Варшаву, то по отдачи прежде поклону фамиліи его королевскаго величества и министрамъ коронным и литовскимъ, представленъ былъ его королевскому величеству. Его величество, выслушавъ мою рѣчь и принявъ челобитную, самъ оную, хотя и большая была, изволилъ вычитать, и обнадеживалъ во всемъ томъ удовольствіе учинить, на что имѣемъ права и привилегіи, только велѣлъ обождать пріѣзду въ Варшаву вице-канцлера литовскаго, г. Предзѣцкаго. По прибытіи своемъ онъ, вице-канцлеръ литовскій, въ Варшаву, велѣлъ мнѣ челобитную мою передѣлать на двѣ челобитныя, изъ коихъ одну заключилъ — обиды, внутрь экономіи могилевской починенныя, подать въ камеру королевскую, другую — съ обидами, внѣ экономіи подѣланными, расписавъ натри экземпляра, подать имъ министрамъ, коронным канцлеру и вице-канцлеру, и ему, вице-канцлеру литовскому, что я и учинилъ. Съ того же времени какъ начали водить, то и понынѣ водятъ безъ всякаго и малѣйшаго успѣха. Росписали до нѣкоторыхъ въ челобитной моей показанныхъ обидчиковъ, чтобъ въ отвѣты на мои жалобы присылали; я о томъ отъ нихъ же господъ министровъ извѣстясь, представлялъ имъ, что мнѣ чрезъ такое собираніе отвѣтовъ новая причиняется обида, понеже и не ко всѣмъ обидчикамъ за таковыми отвѣтами послано, и посылать ко всѣмъ невозможное дѣло, яко большая ихъ часть на судъ Божій позвана, и я съ таковыхъ никакой сатисфакціи не прошу, только возвращенія отнятаго, или только чтобы впредь подобныхъ обидъ дѣлать запрещено, да и которые обидчики въ живыхъ остались и пришлютъ отвѣты, то съ ихъ отвѣтовъ не доведется никакой чинить резолюціи, понеже сами себя виновными не признаютъ, и въ чемъ ложно извиняться захотятъ, я готовъ всегда опровергать, и такимъ способомъ собиранія отвѣтовъ да доказательствъ конца не будетъ, и какъ имъ обидчикамъ таковыхъ отвѣтовъ и доказательствъ съ домовъ своихъ безъ малѣйшихъ убытковъ присылка очень понаровочна, такъ мнѣ ожидать оныхъ отвѣтовъ здѣсь въ Варшавѣ и большіе убытки нести весьма тяжело и несносно, и что на остатокъ съ моихъ жалобъ нѣкоторыя суть таковыя, которыя, по разсмотрѣніи до-

кументовъ письменныхъ, никакому изслѣдованію не подлежатъ. Таковое однако мое представленіе мѣсто у нихъ господъ министровъ не получило, еще учинили меня богатымъ: ты де богатъ, можешь здѣсь проживать, а отвѣтную сторону волочить сюда по скудости ихъ не доведется".

Удивительное зрѣлище представила въ это время Польша: народныя силы, казалось, пробуждались послѣ долгаго усыпленія, обнаружилось необыкновенное единодушіе—но для чего? для того ли чтобъ установить лучшій порядокъ, освободиться отъ иностраннаго вліянія? нѣтъ, для того чтобы не сдѣлать ни малѣйшей уступки требованіямъ дисседенговъ, чтобы не признать никакихъ правъ за христіанами другихъ вѣроисповѣданій, кромѣ католическаго? И въ то же время все ограничивалось страдательнымъ упорствомъ, ограничивалось одними криками; никто не думалъ о средствахъ дѣятельнаго, серіознаго сопротивленія сосѣднимъ державамъ, Россіи и Пруссіи, которыя не могли бросить дисседентскаго дѣла; фанатизмъ только гальванизировалъ мертвое тѣло, но къ жизни его не возбуждалъ. Репнинъ былъ въ изумленіи: „что это такое? писалъ онъ въ Петербургъ: нашимъ требованіямъ уступить не хотятъ; но на что же они надѣются? Своихъ силъ нѣтъ, иностранцы не помогутъ".

Положеніе Репнина въ Варшавѣ было не завидное. Изъ Петребурга присылаютъ къ нему умѣренныя, но твердыя требованія относительно диссидентовъ, тогда какъ на мѣстѣ онъ видитъ ясно, что требованіямъ этимъ ни малѣйшей уступки быть не можетъ. Всякому дипломату бываетъ очень непріятно, когда на него возлагаютъ порученіе, которое исполнить онъ не видитъ возможности; онъ не можетъ освободиться отъ тяжкой для его самолюбія мысли, что правительство его можетъ усумниться, дѣйствительно ли дѣло невозможно, не виновато ли въ этой невозможности, хотя отчасти, неумѣнье уполномоченнаго? Поэтому неудивительно, что Репнинъ сначала сдѣлалъ было отчаянную попытку убѣдить свой дворъ отказаться отъ диссидентскаго дѣла, рѣшился представить, что стоитъ ли заступаться за диссендентовъ?—между ними нѣтъ знатныхъ людей! Понятно, что попытка не удалась: „польза, честь отечества и персональная ея величества слава" требовали, чтобы Репнинъ проводилъ диссидентское дѣло. Такимъ образомъ посолъ

былъ поставленъ, съ одной стороны, между неуклонными требованіями своего двора, и съ другой, упорствомъ Поляковъ, отвергавшихъ всякую мысль къ уступчивости и сдѣлкѣ. Но неужели Репнинъ не могъ ни въ комъ найдти себѣ помощи? Неужели фанатизмъ одинаково обуялъ всѣхъ? Что король? что Чарторыйскіе?

Репнинъ былъ отправленъ въ Польшу, чтобы поддерживать тамъ русскую партію, партію Чарторыйскихъ, и содѣйствовать возведенію на престолъ племянника ихъ, Станислава Понятовскаго. До достиженія этой цѣли Чарторыйскіе и Понятовскій составляли одно, что, разумѣется облегчало положеніе Репнина, упрощая его отношенія къ этимъ лицамъ. Но съ достиженіемъ цѣли, съ восшествіемъ на престолъ Понятовскаго, положеніе посла затруднилось. Королю хотѣлось освободиться изъ-подъ опеки дядей, дѣйствовать самостоятельно, но, какъ человѣкъ слабохарактерный, онъ не могъ этого сдѣлать вдругъ, рѣшительно, да и человѣку съ болѣе твердымъ характеромъ не легко было бы это сдѣлать въ положеніи Станислава-Августа. Въ отсутствіи дядей, король былъ храбръ и самостоятеленъ, но только кто-нибудь изъ стариковъ являлся, король не имѣлъ духа въ чемъ-либо попротиворѣчить, въ чемъ-либо отказать ему. Но умные старики, разумѣется, сейчасъ же поняли, что эта уступчивость невольная, что тутъ нѣтъ искренности, что они своими личными достоинствами и своимъ значеніемъ въ странѣ дѣлаютъ только насиліе королю. Понятно что вслѣдствіе этого возникла холодность между дядьми и племянникомъ, а это затруднило положеніе Репнина. Держаться теперь на одной ногѣ и съ королемъ, и съ Черторыйскими стало тяжело; естественно, что Репнину хотѣлось упростить свои отношенія, то-есть имѣть дѣло съ однимъ королемъ и для этого желать полной независимости послѣдняго отъ дядей. При этомъ естественномъ стремленіи Репнинъ легко перешелъ границу: Чарторыйскіе, замѣтили, что посолъ ближе съ королемъ чѣмъ съ ними, и отплатили ему тѣмъ же удаленіемъ и холодностію. Репнинъ сталъ жаловаться на нихъ въ Петербургъ: „Что касается до моего обращенія съ князьями Чарторыйскими, то послѣ сейма коронаціи усумнясь о ихъ прямодушіи, а особливо послѣ какъ я отказалъ платить впредь до указу воеводѣ русскому мѣсячной

пенсіи, братъ его единственно съ тѣхъ поръ холоденъ. Учтивость основаніе дѣлаетъ нашего обхожденія, о дѣлахъ же я болѣе съ самимъ королемъ говорю.“

Въ Петербургѣ были увѣрены, что по милости Чарторыйскихъ не удалось диссендентское дѣло на первомъ сеймѣ; мы видѣли, въ какихъ выраженіяхъ писалъ объ этомъ король императрицѣ. „*Вопреки мнѣнію всѣхъ моихъ совѣтниковъ* (Чарторыйскіе были самые близкіе совѣтники!) я поднялъ вопросъ о диссендентахъ, потому что вы того желали. Чуть, чуть не умертвили примаса въ моемъ присутствіи [1]. Въ Петербургѣ хотѣли, чтобъ Чарторыйскіе всѣмъ своимъ могущественнымъ вліяніемъ проводили диссендентское дѣло на сеймѣ, и, вмѣсто того, узнаютъ что они даже отговаривали короля начинать его! Еще 12 февраля 1765 года Паninъ писалъ Репнину: „Мы не можемъ и не хотимъ поставлять польскія дѣла совсѣмъ оконченными, пока не сдѣлано будетъ справедливое поправленіе состоянію тамошнихъ диссидентовъ, хотябъ то и самой вооруженной негоціаціи требовало. Здѣсь удостовѣрены, что Чарторыйская фамилія есть та, которая въ семъ пунктѣ больше другихъ недоброжелательна и она существительною причиною въ вашей неудачѣ на послѣднемъ сеймѣ. Вамъ надлежитъ ту фамилію убѣждать и склонять, въ случаѣ же въ томъ безнадежности, воспользоваться настоящею разстроицею между ею и королемъ, и его величество ободрять противу ея. Кромѣ зачинающихся въ вашемъ мѣстѣ женскихъ сплетней и интригъ между фамиліею, и кромѣ духа господствованія двухъ братьевъ Чарторыйскихъ, новый государь больше горячо, нежели прозорливо, за свои дѣла принимается; надобно опасаться, чтобы такимъ образомъ примѣривая все ко внутреннему польскому аршину, онъ не навелъ на себя такихъ хлопотъ, которыя могутъ привести въ разстроицу весь сѣверный акортъ и его посадить между двухъ стульевъ. Благоразуміе, конечно, требуетъ отъ его польскаго величества, чтобъ онъ для будущихъ своихъ выгодъ, изволилъ съ достаточною весьма политическою экономіею и уваженіемъ касаться до своихъ внутреннихъ дѣлъ, и, сколько возможно, воздерживался отъ всего того, что истолкованіе и видъ новости получить можетъ, а вмѣ-

[1] См. первую статью, письма короля отъ 20 апрѣля 1765 г.

сто того гораздо вѣрнѣе и надежнѣе быть кажется, еслибъ усугубилъ свое стараніе акредитовать и укрѣпить себя средствами истинной дружбы и союзовъ съ тѣми державами, которыя возобновленію природныхъ королей въ Польшѣ постановляютъ частію ихъ политической системы".

Въ этомъ письмѣ Панинъ излагаетъ свой взглядъ на польскія отношенія и даетъ видѣть связь этого взгляда съ своимъ главнымъ стремленіемъ. Послѣднее состояло въ томъ, чтобы сѣверныя европейскія государства--Россія, Пруссія, Англія, Данія, Швеція и Польша составляли постоянный союзъ, противоположный австро-французскому союзу южной Европы. Польскій король своею поспѣшностію въ нововведеніяхъ могъ возбудить противъ себя непріязнь короля прусскаго, и этимъ нарушить сѣверный *аккордъ*, поставить Россію въ затруднительное положеніе между польскимъ и прусскимъ королями, одинаково ей союзными, и что̀ всего хуже, если вражда между Пруссіей и Польшею разгорится, то послѣдняя можетъ перейдти къ австро-французскому союзу. Соотвѣтственно этому основному своему взгляду, Панинъ писалъ Репнину, чтобы тотъ всѣми силами содѣйствовалъ браку польскаго короля на дочери короля португальскаго, ибо *это выгодно для сѣверной системы:* португальскій дворъ связанъ съ Англіей, и его вліяніе никогда не будетъ вредить союзу Польши съ Россіей и со всѣмъ сѣверомъ.

Но если въ Петербургѣ сердились на Чарторыйскихъ за охлажденіе къ русскимъ интересамъ, тѣмъ не менѣе не хотѣли разрыва съ могущественною фамиліей и предписывали Репнину сначала убѣждать и склонять ее. Самъ Репнинъ, жалуясь на Чарторыйскихъ, въ то же время писалъ о ихъ могуществѣ и слабости короля, и тѣмъ самымъ, разумѣется, обвинялъ себя въ слишкомъ поспѣшномъ предпочтеніи племянника дядьямъ: „Я уже предъ симъ доносилъ, писалъ онъ къ Панину [1], сколь двое братьевъ Чарторыйскихъ духомъ владычества исполнены, а притомъ что и кредитъ ихъ весьма въ націи великъ, который болѣе еще возросъ тѣмъ, что они въ послѣднее междоцарствіе были шефами нашей партіи, и что черезъ ихъ руки всѣ деньги шли для пріумноженія партизановъ, которые имъ преданы

[1] 13 (26) мая 1765.

и остался; къ тому же тотъ кредитъ содержится въ своей силѣ слабостью короля, который еще не можетъ осилиться и изъ привычки выйдти имъ что-либо отказать, хотя часто и съ неудовольствіемъ на ихъ требованія соглашается.“ Чѣмъ болѣе Репнинъ сближался съ королемъ, тѣмъ болѣе удостовѣрялся въ его слабости: „Во время бытности на охотѣ, писалъ [1] онъ Панину, имѣлъ я случай говорить съ его величествомъ о духѣ владычества князей Чарторыйскихъ и о необходимой нуждѣ, чтобъ онъ наконецъ старался самъ господиномъ быть, а не вѣчно бы въ зависимости ихъ остался. По несчастію, онъ себѣ въ голову ту надежду забралъ, что онъ своихъ дядьевъ резонами и ласкою убѣдитъ и приведетъ въ тѣ границы, въ коихъ подданнымъ быть надлежитъ. Слабость его столь удивительна что не узнаютъ его передъ тѣмъ какъ онъ партикулярнымъ былъ человѣкомъ.“

Но слабость короля естественно заставляла возвратиться къ Чарторыйскимъ, особенно въ виду сейма 1766 года, когда снова должно было подняться диссидентское дѣло. Заблагоразсудили войдти въ непосредственную переписку съ Чарторыйскими: старики увѣряли, что преданность ихъ къ Россіи не измѣнилась, жаловались на короля, на то, что онъ ихъ не слушается, жаловались и на Репнина, приписывая его холодность къ себѣ веселостямъ, которымъ предался посолъ. Репнинъ по этому случаю писалъ Панину [2]. „Князей Чарторыйскихъ содѣйствіе на будущемъ сеймѣ конечно необходимо нужно, не потому чтобы на ихъ прямодушное усердіе считать точно было можно, но потому что кредитъ ихъ весьма великъ, и что хотя при двоякости ихъ сердецъ, но головы, признаться должно, имѣютъ здравѣе нежели всѣ другіе въ сей землѣ. Изъясненія ихъ къ вашему высокопревосходительству не всѣ справедливы, какъ напримѣръ говоря о королевскомъ поведеніи. Согласенъ я весьма, что слабости и скоропостижности въ томъ чрезвычайно много; но не могу я на то согласиться, чтобы какое-нибудь однако жь дѣло хотя маловажное было сдѣлано безъ ихъ свѣдѣнія и согласія. Что же касается до моего противъ нихъ положенія, то не веселье конечно мое

[1] 2 января 1766.
[2] 21 августа 1766.

отдаленіе воспричинствовали, но двоякость ихъ и неблагодарность къ нашему двору."

Какъ бы то ни было, Репнинъ долженъ былъ сдѣлать первый шагъ къ сближенію съ Чарторыйскими. Одинъ братъ, канцлеръ литовскій, проводилъ лѣто 1766 года въ своихъ деревняхъ, и потому Репнинъ обратился къ князю Августу, воеводѣ русскому, прося его назначить свободный часъ для переговоровъ о нѣкоторыхъ интересныхъ дѣлахъ; воевода отвѣчалъ, что завтра самъ пріѣдетъ къ послу. Репнинъ началъ разговоръ увѣреніемъ „о возвращеніи къ нему, Чарторыйскому, высочайшей довѣренности и благоволенія ея императорскаго величества, въ томъ точно упованіи, что его усердіе и преданность совершенно соотвѣтствуютъ сей высочайшей милости. Мнѣ повелѣно, продолжалъ Репнинъ, съ истинною откровенностію во всѣхъ нашихъ дѣлахъ съ нимъ и съ канцлеромъ литовскимъ соглашаться и обще съ ними къ успѣху оныхъ доходить. Всемилостивѣйшей государынѣ желательно и пріятно будетъ, чтобъ его польское величество также противъ нихъ въ совершенной откровенности и довѣренности былъ, и совѣты бъ ихъ предпочиталъ прочимъ." Репнинъ заключилъ привѣтствіемъ, что онъ съ удовольствіемъ получилъ сіи высочайшія повелѣнія, и что пріятно ему будетъ ихъ въ самой точности исполнять. Чарторыйскій отвѣчалъ увѣреніями въ своемъ усердіи, преданности и благодарности. Послѣ этихъ взаимныхъ учтивостей Репнинъ приступилъ къ дѣлу, обратился къ Чарторыйскому съ просьбою открыть съ довѣренностію всѣ тѣ способы, которые могутъ привести диссидентское дѣло къ желанному успѣху. Воевода опять началъ рѣчь увѣреніями въ своемъ усердіи, но кончилъ объявленіемъ, что не хочетъ отвѣчать за успѣхъ дѣла. „Кто первый станетъ говорить объ этомъ дѣлѣ на сеймѣ? я, признаюсь, сдѣлать этого не осмѣлюсь," сказалъ Чарторыйскій. Репнинъ сталъ говорить, что волненія между католиками по поводу диссидентскаго дѣла раздуваютъ епископы своими возмутительными разглашеніями—виленскій—Масальскій, краковскій—Солтыкъ и каменецкій—Красицкій: „Не пристойно ли бы было, для ихъ усмиренія и для обузданія впредь прочихъ, расположить по ихъ деревнямъ находящіяся теперь въ Польшѣ россійскія войска?" спросилъ Репнинъ. Чарторыйскій противъ этого „крѣпко

уперся", говоря, что такой поступокъ встревожитъ, оскорбитъ и отвратитъ „всѣ духи" отъ русской стороны. Репнинъ согласился, особенно когда услышалъ и отъ короля такое же мнѣніе: „Разсудилъ я лучше отъ сего поступка удержаться (писалъ онъ Панину), дабы не дать имъ претекста сказать, что я горячностію своею испортилъ то, что бъ они усердною лаской и привѣтствіемъ исполнить могли. Признаюсь, что мнѣніе мое съ ними не согласно, считая, что въ такихъ возмутительныхъ покушеніяхъ твердостію одною дѣла въ порядокъ можно привести; но чувствую однакожь, что сдѣлавъ то противъ ихъ согласія, чрезъ оное дамъ только имъ претекстъ къ извиненію въ случаѣ неудачи." Чарторыйскій, мало того что не согласился на занятіе русскими войсками епископскихъ деревень, но и выразилъ мнѣніе, что считаетъ полезнымъ вывести совсѣмъ русскія войска изъ Литвы во время сейма: этимъ, говорилъ онъ, нація будетъ обрадована, и докажется желаніе Россіи не силою, но ласкою приводить дѣла къ концу; „тѣмъ болѣе, прибавилъ воевода, что русскія войска всегда могутъ опять сюда вступить по обстоятельствамъ". На это Репнинъ замѣтилъ съ учтивостію, что конфедерація еще не разрушена, и потому причина, приведшая русскія войска въ Польшу, остается по прежнему. (Конфедерацію устроили и русскія войска призвали Чарторыйскіе!)

Разговоръ съ воеводою русскимъ привелъ однако Репнина въ отчаяніе, что̀ видно по тону письма его къ Панину [1]: „Повелѣнія данныя (изъ Петербурга) по диссидентскому дѣлу ужасны, и истинно волосы у меня дыбомъ становятся, когда думаю объ ономъ, не имѣя почти ни малой надежды, кромѣ единственной силы исполнить волю всемилостивѣйшей государыни касательно до гражданскихъ диссидентскихъ преимуществъ." Репнинъ поѣхалъ къ королю и объявилъ ему подробно, чего требуетъ Россія для диссидентовъ, прибавя, что это послѣднее слово, и если на нынѣшнемъ сеймѣ всего этого не исполнятъ, то уже 40.000 войска готовы на границахъ для подкрѣпленія требованій. „Король, по словамъ Репнина, представлялъ трудности или, паче сказать, невозможности къ сему націю согласить; всячески онъ меня оборачивалъ и выпрашивалъ, подлинно ли сіе наше послѣднее

[1] 6 сентября 1766.

слово и подлинно ли войска наши вступятъ, коли всего на сеймѣ не исполнятъ, въ чемъ я его твердо увѣрялъ. Разговоръ кончился вопросомъ отъ короля: могу ли я точнымъ образомъ ему отвѣчать, что ея императорское величество, коли все требуемое мною исполнится, совершенно онымъ довольна будетъ и далѣе сего дѣла и впередъ не поведетъ, на которое я ему донесъ, что я считаю, что сіе обѣщаніе совершенно сдѣлать могу."

Послѣ этого разговора съ Репнинымъ, король написалъ къ своему министру при петербургскомъ дворѣ, графу Ржевускому, чтобъ онъ представилъ императрицѣ всю невозможность исполнить ея требованія относительно диссидентовъ: „Послѣднія приказанія, данныя Репнину, писалъ Понятовскій, приказанія ввести диссидентовъ даже въ законодательство — громовой ударъ для страны и для меня лично. Если еще человѣчески возможно, то представьте императрицѣ, что корона, которую она мнѣ доставила, сдѣлается для меня одеждою Нессоса: она меня сожжетъ, и смерть моя будетъ ужасна. Мнѣ предстоитъ или отказаться отъ дружбы императрицы, или явиться измѣнникомъ отечеству. Если Россія непремѣнно хочетъ ввести диссидентовъ въ законодательство, то это будутъ (еслибы даже ихъ было не болѣе 10 или 12) законно существующія главы партіи, которая будетъ видѣть въ государствѣ и правительствѣ польскомъ враговъ, и которая будетъ необходимо и постоянно искать противъ нихъ помощи извнѣ."

Понятно, что тутъ надобно было дѣйствовать наоборотъ; идти далѣе чѣмъ даже требовала Россія: теперь, лишенные всѣхъ правъ, подвергнутые гоненію, диссиденты по необходимости обращались за помощію къ единовѣрнымъ державамъ; отнять у нихъ всякое побужденіе къ этому, сдѣлать изъ нихъ добрыхъ гражданъ, заставить ихъ дорожить честію и самостоятельностію Польши,—для этого было одно вѣрное средство—сравнять ихъ въ правахъ съ католиками, а король пишетъ, что когда диссиденты получатъ права, тогда-то и сдѣлаются врагами государства!

Между тѣмъ Репнинъ сдѣлалъ новую попытку у Чарторыйскихъ: онъ обратился къ нимъ съ просьбою, чтобы дали честное слово, не отвѣчая за успѣхъ, приложить всѣ свои старанія къ доведенію диссидентскаго дѣла до желаемаго конца, то-есть, чтобъ открыты были диссидентамъ

всѣ гражданскіе чины въ судебныхъ мѣстахъ и дано было участіе въ правленіи, допустивъ ихъ хотя въ ограниченномъ числѣ въ земскіе послы (депутаты) на сеймы. Чарторыйскіе отвѣчали, что не могутъ дать слова и не въ состояніи употреблять свои труды во вредномъ для отечества дѣлѣ. Репнинъ обратился къ королю за рѣшительнымъ отвѣтомъ, и тотъ объявилъ, что не можетъ стараться о диссидентскомъ дѣлѣ. Репнинъ напомнилъ и королю, и Чарторыйскимъ о прежнемъ обѣщаніи ихъ содѣйствовать диссидентскому дѣлу: отвѣтъ былъ одинъ, что тогда разумѣлась одна терпимость. Увѣдомивши объ этомъ свой дворъ, Репнинъ писалъ отъ 24 сентября 1766: „Для того я рѣшился къ генералъ-майору Салтыкову отъ сего жь числа чрезъ курьера повелѣніе послать вступить съ своимъ корпусомъ въ деревни епископовъ краковскаго и виленскаго, питаясь на ихъ коштѣ, ибо ничего уже хуже по диссидентскому дѣлу быть не можетъ, какъ то, что̀ есть, а можетъ-быть сей поступокъ импрессію сдѣлаетъ и что-либо поправитъ. Никакой надежды нѣтъ безъ употребленія силы въ семъ дѣлѣ предуспѣть: и такъ на нее одну остается уповать, ибо не только часть сейма сему дѣлу противна будетъ, но и всѣ головой, когда сверхъ всего духовенства и его инфлюенціи присовокупляются къ противникамъ король, князья Чарторыйскіе и ихъ партизаны, что̀ ужь въ себѣ все и заключаетъ. Долженъ я донести, что во время сеймиковъ и для будущихъ расходовъ на сеймѣ по требованіямъ королевскимъ мной ему выдано 11.000 червонныхъ, изъ которыхъ 6.000 уже выданы послѣ объявленія королю во всемъ пространствѣ нашихъ требованій по диссидентскому дѣлу: почему слѣдственно я и надѣялся, что сіе его заведетъ согласно съ нами о полномъ успѣхѣ онаго работать, а теперь я въ безпокойствѣ нахожусь по симъ издержкамъ.“

На это донесеніе императрица отвѣчала Репнину рескриптомъ [1], что *если* на сеймѣ диссидентское дѣло не будетъ доведено до формальной съ нимъ, посломъ, и съ диссидентами негоціаціи, изъ которой бы резонабельныхъ плодовъ ожидать было можно, и *если* опять потерю всякой надежды

[1] 6 октября 1766 года.

должно будетъ приписать одному коварству стариковъ Чарторыскихъ, въ такомъ случаѣ, опредѣля съ разборчивостію положеніе дѣлъ, употребить все стараніе къ разрыву генеральной конфедераціи и сейма. „Въ самомъ началѣ должно прямо адресоваться къ тѣмъ изъ соперниковъ фамиліи Чарторыскихъ, которые пріобрѣтенному ея во дѣдахъ перевѣсу наиболѣе завидуютъ. Нельзя сомнѣваться, чтобъ такой во мнѣніяхъ нашихъ оборотъ не произведъ важной въ духахъ перемѣны, и чтобъ многіе изъ соперниковъ князей Чарторыскихъ, кои теперь диссидентскому дѣлу противны, не обратились на лучшія по оному мысли."

Дѣло усложнилось тѣмъ, что король, подъ шумокъ, хотѣлъ провести на сеймѣ важныя преобразованія, именно, чтобы вопросы объ умноженіи податей и войска рѣшались большинствомъ голосовъ. Но противники нововведеній дали знать Репнину о замыслахъ, отъ которыхъ онъ имѣлъ наказъ удерживать короля. Вмѣстѣ съ прусскимъ посломъ Бенуа, Репнинъ сильно воспротивился проведенію большинства голосовъ; Чарторыйскіе, изъ нерасположенія къ королю съ одной стороны, а съ другой видя невозможность успѣха и желая показать, русской императрицѣ свою преданность, желая показать что они готовы служить ей во всемъ, что возможно,—Чарторыйскіе помогли Репнину въ этомъ дѣлѣ, помогли и въ дѣлѣ распущенія конфедераціи. Король, съ страшною тоской въ сердцѣ, долженъ былъ отказаться отъ своихъ намѣреній и публично заявить объ этомъ. Репнинъ былъ дѣйствительно подкупленъ поступками *фамиліи* [1], писалъ съ похвалой въ Петербургъ о ея поведеніи, и холодность ея къ диссидентскому дѣлу приписывалъ единственно его непреодолимой трудности. „Прошу покорнѣйше ваше высокопревосходительство, писалъ онъ Панину [2], не только графу Ржевускому, но если можно и къ самимъ Чарторыскимъ, включа великаго маршала короннаго, князя Любомирскаго, ласково отозваться за содѣйствіе ихъ по дѣламъ истребленія множества (большинства) голосовъ и разрыва конфедераціи, а особливо къ князю Адаму Чарторыскому, хотя чрезъ письмо ко мнѣ, кое бы я могъ показать: ибо онъ

---

[1] Говоря о Чарторыйскихъ, обыкновенно употребляли это слово.
[2] 9 ноября 1766.

(князь Адамъ) былъ мнѣ первымъ инструментомъ къ приведенію стариковъ на мою сторону.“ Въ слѣдующемъ донесеніи писалъ [1]: „Я въ семъ дѣлѣ (уничтоженія большинства голосовъ) какъ точнымъ содѣйствіемъ короля, такъ и Чарторыскимъ совершенно доволенъ. Я долженъ по справедливости донесть, что успѣхъ диссидентскаго дѣла не въ силахъ короля, ни Чарторыскихъ. Лучшее доказательство сему сіе самое истребленіе множества голосовъ, которое они вчерась сдѣлали. Неоспоримо, оное дѣло имъ гораздо дороже было и нужнѣе, но, видя пропасть разверстую, сами раздѣлали то, что̀ имъ драгоцѣннѣе всего было, и тако и диссидентское бъ дѣло сдѣлали, коль бы могли, ибо тѣхъ же точно крайностей и по оному ожидаютъ, не имѣя однакожь таковой же противности къ нему, какъ къ первому. Однимъ словомъ, антузіазмъ и сумасбродство, заразившіеся отъ внушеній духовенства и отъ скупости, чтобъ авантажи коронные не раздѣлять съ диссидентами, столь чрезвычайны, что совершенно свыше всѣхъ здѣшнихъ силъ. Король же, коего я нынче видѣлъ во дворцѣ при обыкновенномъ по воскресеньямъ съѣздѣ, въ такомъ унынiи духа, что я онаго изобразить довольно не могу. Я лишь подошелъ къ нему и помянулъ объ разрушенномъ дѣлѣ множества голосовъ съ благодареніемъ, что онъ самъ о томъ публично говорилъ, то онъ вдругъ при всей публикѣ горько заплакалъ и ничего не былъ мнѣ въ состоянiи отвѣчать. Сія самая горесть доказываетъ, сколь онъ къ сему дѣлу привязанъ былъ.“

Чарторыйскіе не переставали увиваться около Репнина, выставлять свою преданность Россіи, просить о возвращеніи прежней милости и наговаривать на короля. Репнинъ писалъ Панину [2]: „Канцлеръ литовской симъ утромъ у меня былъ, чтобъ мнѣ сообщить дружески объ учиненномъ разрывѣ конфедераціи, при чемъ я его благодарилъ за содѣйствіе ихъ въ ономъ и въ истребленіи множества голосовъ по матеріямъ умноженія податей и войска. Онъ много увѣреній дѣлалъ о преданности къ нашему двору, и что бывъ въ послѣднихъ временахъ въ нѣкоторой у насъ недовѣркѣ, лестно бы ему было и съ братомъ имѣть увѣреніе отъ вашего высокопревосходительства о возвращеніи къ нимъ

[1] 12 ноября.
[2] 19 ноября 1766.

покровительства и милости ея императорскаго величества, для достиженія которой они все сдѣлали, что имъ возможно было. Канцлеръ литовскій со мною изъяснился, что король часъ отъ часу болѣе къ нимъ недовѣрія имѣетъ, несогласіе ихъ умножася въ семъ послѣднемъ сеймѣ, чрезъ противность, которую они ему, въ угодность къ намъ, показали, и въ чемъ король не иначе согласился, какъ по необходимости. Канцлеръ прибавилъ, что увѣряся въ согласіи хотя принужденномъ королевскомъ, нужно будетъ учредить всѣ пункты новаго союза (съ Россіею), которымъ они весьма желаютъ убавить требованія королевскія, коимъ онъ во многомъ лишности даетъ."

Но всѣ эти увѣренія въ преданности и выказываніе услугъ не могли повести ни къ чему, благодаря роковому дѣлу о диссидентахъ. Въ другой разъ на сеймѣ всякое соглашеніе по этому дѣлу было отвергнуто съ прежнимъ ожесточеніемъ: грозились изрубить въ куски депутата Гуровскаго, начавшаго рѣчь въ пользу диссидентовъ. Репнинъ имѣлъ право доносить въ Петербургъ, что не въ силахъ Чарторыйскихъ преодолѣть фанатизмъ своихъ согражданъ; въ Петербургѣ могли этому вѣрить; но изъ этого не слѣдовало еще, что должно было принять позоръ неудачи и отказаться отъ дѣла, когда еще оставалось средство возможное и законное въ Польшѣ. Репнину уже было указано это средство: конфедерація между диссидентами, которые должны были обратиться къ Россіи съ просьбою о помощи, и, если Чарторыйскіе откажутся содѣйствовать дѣлу, поднять противную имъ партію. Панинъ непосредственно обратился къ *фамиліи* съ вопросомъ, будетъ ли она помогать диссидентскому дѣлу. Чарторыйскіе отвѣчали уклончиво. Репнинъ замѣтилъ имъ это, замѣтилъ, что мало толковать о своемъ добромъ желаніи, надобно его доказать на дѣлѣ: „Вы говорите объ опасностяхъ отъ диссидентской конфедераціи для самихъ диссидентовъ, а не указываете другихъ средствъ, которыя можно было бы употребить вмѣсто конфедераціи; опасность будетъ грозить не диссидентамъ, а тѣмъ, которые позволятъ себѣ причинить какое-нибудь насиліе диссидентамъ, потому что Россія отомститъ страшно обидчикамъ." Репнинъ показалъ отвѣтъ Чарторыйскихъ главнымъ изъ диссидентовъ, и спросилъ: когда они будутъ готовы съ своею конфедераціей? Тѣ назначили 9 марта 1767 года.

Съ другой стороны, вполнѣ предавшійся Репнину референдарій коронный Подоскій отправился въ объѣздъ по главнымъ членамъ противной *фамиліи* партіи, къ Потоцкому, Осолинскому, Мнишку, епископамъ—Солтыку и Красинскому, испытать ихъ расположеніе, обѣщая покровительство Россіи, посредствомъ котораго они могутъ взять верхъ надъ Чарторыйскими, если только, съ своей стороны, они согласятся содѣйствовать диссидентскому дѣлу.

Мы изложили ходъ диссидентскаго дѣла до 1667 года, чтобы показать, какимъ образомъ Репнинъ принужденъ былъ принять тѣ мѣры, которыя породили различныя конфедераціи и усобицу, предшествовавшую первому раздѣлу Польши. Мы не будемъ описывать этой усобицы, что отвлекло бы насъ далеко отъ нашей цѣли [1]. Мы видѣли, что, совершенно противъ желанія своего, русское правительство было вовлечено въ польскую усобицу; точно также противъ своего желанія, благодаря этой самой усобицѣ, оно было вовлечено въ войну турецкую. Франція оказала хорошую услугу Польшѣ. Для ослабленія здѣсь русскаго вліянія она хлопотала о томъ, чтобы Турція объявила войну Россіи; для спасенія одной полумертвой державы, поднимали другую полумертвую; разумѣется, двѣ полумертвыя державы не могли съ успѣхомъ бороться противъ одной живой, и что же вышло? Успѣхи русскихъ войскъ въ Турціи заставили Австрію войдти въ виды Пруссіи относительно раздѣла Польши, ибо этимъ раздѣломъ поддерживалось европейское равновѣсіе: владѣнія трехъ державъ увеличивались одновременно, и не одна Россія увеличивала свои владѣнія насчетъ Турціи.

Но прежде всего посмотримъ, какъ хотѣла Россія увеличивать свои владѣнія насчетъ Турціи? Она хотѣла пріобрѣсти обѣ Кабарды, Азовъ съ его областью, свободное плаваніе по Черному морю, одинъ островъ на Архипелагѣ, освобожденіе изъ-подъ турецкой власти Крыма и Дунайскихъ княжествъ. Когда Екатерина сообщила эти условія Фридриху II, то онъ отвѣчалъ [2]: „Турки никогда не согласятся на уступку Молдавіи, Валахіи и острова въ Ар-

[1] Смутное время, предшествовавшее первому раздѣлу Польши, составитъ содержаніе особой статьи.

[2] 4 Января 1771 г.

хипелагѣ; независимость Татаръ встрѣтитъ также большія затрудненія, и надобно бояться, чтобы Порта, если довести ее до крайности, не бросилась въ объятія вѣнскаго двора и не уступила ему Бѣлграда. Австрія также скорѣе начнетъ войну чѣмъ согласится на отнятіе у Турціи Молдавіи и Валахіи. Все что̀ можетъ Турція уступить—это обѣ Кабарды, Азовъ съ его областью и свободное плаваніе по Черному морю. Если Россія согласится на это, то онъ, Фридрихъ, сдѣлаетъ первое движеніе къ начатію переговоровъ; въ противномъ случаѣ онъ не двинется, ибо не предвидитъ никакого успѣха, предвидитъ одно, что эти требованія присоединятъ къ старой войнѣ еще новую."

Екатерина отвѣчала на это подробнымъ объясненіемъ своихъ требованій [1]: „Я не требую никакихъ пріобрѣтеній собственно для моей имперіи. Обѣ Кабарды и Азовскій округъ принадлежатъ безспорно Россіи: они такъ же мало увеличатъ ея могущество, какъ мало уменьшили его, когда изъ нихъ сдѣлали границу; Россія чрезъ возвращеніе своей собственности выигрываетъ только то, что пограничные подданные ея не будутъ подвергаться воровству и разбоямъ, что стада ихъ будутъ пастись покойно. Свободное плаваніе по Черному морю есть такое условіе, которое необходимо при существованіи мира между народами. Россія согласилась на это ограниченіе, уступила варварскимъ предразсудкамъ Порты изъ любви къ миру; но этотъ миръ нарушенъ съ презрѣніемъ всѣхъ обязательствъ. Если я имѣю право на какое-нибудь вознагражденіе за войну, столь несправедливую, то конечно не здѣсь я могу и должна его найдти. Я могла бы быть вознаграждена уступкою Молдавіи и Валахіи; но я откажусь и отъ этого вознагражденія, если предпочтутъ сдѣлать эти два княжества независимыми. Этимъ я доказываю свою умѣренность и свое безкорыстіе; этимъ я объявляю, что ищу только удаленія всякой причины къ возбужденію войны съ Портою. Вѣнскій дворъ не понимаетъ своего прямаго интереса, позволяя себѣ такъ живо обнаруживать зависть относительно этого пункта. Я не отодвигаю своихъ границъ ни на одну линію; я остаюсь въ прежнемъ разстояніи отъ его владѣній; если вѣнскій

[1] 19 января 1771.

дворъ доволенъ тѣмъ, что имѣетъ въ Туркѣ такого слабаго сосѣда, то долженъ быть еще болѣе доволенъ сосѣдствомъ маленькаго Молдо-Влахійскаго государства, несравненно болѣе слабаго и равно независимаго отъ трехъ имперій. Если положеніе Турокъ таково, что они должны получить миръ только съ уступками, то они поступятъ очень странно, если уступятъ Бѣлградъ, которымъ спокойно владѣютъ, а не уступятъ княжествъ, которыя уже болѣе не ихъ и возвращеніе которыхъ будетъ всегда зависѣть отъ жребія войны. Притомъ это еще вопросъ—чьи владѣнія имъ желательно увеличить: русскія или австрійскія? Но установленіе двухъ независимыхъ княжествъ вопросъ рѣшаетъ. Я знаю, что вѣнское министерство, по нынѣшней своей системѣ, много настаиваетъ на равновѣсіи Востока, которое до сихъ поръ еще не фигурировало съ такимъ блескомъ въ интересахъ западныхъ государей, и изобрѣтеніемъ котораго мы, быть-можетъ, обязаны союзу Австріи съ Франціей; однако я готова уступить этому политическому равновѣсію; но кто опредѣлитъ, что балансъ вѣренъ, когда границы турецкихъ владѣній простираются до Днѣстра, и что балансъ нарушенъ, если эти границы находятся на Дунаѣ? Жалкое положеніе Востока, если отъ такой разницы въ разстояніи можетъ зависѣть его разрушеніе! Дѣло освобожденія Татаръ есть право человѣчества, котораго требуетъ цѣлая нація: я ей не могу отказать въ помощи. Возстановленіе независимости Татаръ не уменьшаетъ ни въ чемъ могущества Порты и не увеличиваетъ ни въ чемъ могущества Россіи, но отстраняетъ только пограничныя неудобства послѣдней. Вѣнскій дворъ не имѣетъ Татаръ своими сосѣдями, и потому не имѣетъ никакой причины къ безпокойству. Островъ требуемый мною въ Архипелагѣ будетъ только складочнымъ мѣстомъ для русской торговли; я вовсе не требую такого острова, который бы одинъ могъ равняться цѣлому государству, какъ напримѣръ Кипръ или Кандія, ни даже столь значительнаго какъ Родосъ. Я думаю, что Архипелагъ. Италія и Константинополь даже выиграютъ отъ этой складки сѣверныхъ произведеній, которыя они могутъ получать изъ первыхъ рукъ и слѣдовательно дешевле. Надѣюсь, ваше величество согласитесь наконецъ, что если Молдавія и Валахія будутъ провозглашены независимыми, то въ этомъ одномъ островѣ

будетъ заключаться все мое вознагражденіе, и что, отказываясь отъ него, я откажусь рѣшительно отъ всего."

Но эти объясненія не повели ни къ чему; нѣмецкія государства, Пруссія и Австрія, сочли для себя выгоднѣе отдѣлить отъ Польши для Россіи *русскія* области, содѣйствуя такимъ образомъ исторіи, начавшей свое дѣло въ XVII вѣкѣ, а въ себя вобрать славянскія области. За то Турція не лишилась Дунайскихъ княжествъ; только Россія, неожиданно и къ великой досадѣ Австріи, силою оружія заставила Турцію признать независимость Крыма. Это послѣднее событіе не могло остаться безъ послѣдствій: оно заставило Россію отказаться отъ сѣвернаго *аккорда*, перемѣнить прусскій союзъ на австрійскій.

Турція долго не могла переварить условій кайнарджійскаго мира, долго бросалась во всѣ стороны съ просьбою о помощи, нельзя ли какъ-нибудь перемѣнить эти условія. Понятно, что всего чувствительнѣе была для нея потеря Крыма. По условіямъ кайнарджійскаго мира, за султаномъ оставалось въ Крыму религіозное значеніе, какъ преемника калифовъ; но онъ упорно домогался верховныхъ правъ въ области гражданской и политической. Россія, разумѣется, не могла уступить этимъ домогательствамъ, ибо тогда гдѣ же была бы независимость Крыма? Вслѣдствіе враждебныхъ другъ другу вліяній съ двухъ сторонъ—русской и турецкой, образовались партіи на полуостровѣ и вступили въ борьбу другъ съ другомъ, вполнѣ напоминающую намъ борьбу двухъ партій, русской и крымской, въ Казани передъ ея паденіемъ. Ханы смѣнялись вслѣдствіе движенія партій. Уже въ 1775 году свергнутъ былъ преданный Россіи ханъ Сагибъ-Гирей и возведенъ на престолъ преданный Турціи Девлетъ-Гирей; Россія свергнула послѣдняго и возвела на его мѣсто Шагинъ-Гирея. Шагинъ хотѣлъ быть дѣйствительно независимымъ и ввести необходимыя для усиленія своего государства преобразованія, сталъ вводить при этомъ новые, европейскіе обычаи; но этимъ онъ возбудилъ противъ себя сильную старовѣрческую, турецкую партію, началась опять усобица, въ которой Россія должна была поддерживать Шагина. Такое положеніе дѣлъ становилось часъ отъ часу несноснѣе для Россіи. Война ея съ Турціей продолжалась въ Крыму; благодаря Крыму, ежечасно готова была вспыхнуть и непосредственно, въ болѣе-

широкихъ размѣрахъ. Тѣмъ сильнѣе становилось желаніе покончить съ Крымомъ, который не могъ оставаться независимымъ, тѣмъ охотнѣе должны были выслушиваться предложенія въ родѣ слѣдующаго, которое представилъ Потемкинъ:

„Крымъ положеніемъ своимъ разрываетъ наши границы. Нужна ли осторожность съ Туркомъ по Бугу или со стороны кубанской—во всѣхъ сихъ случаяхъ и Крымъ на рукахъ. Тутъ ясно видно, для чего ханъ нынѣшній Туркамъ непріятенъ: для того, что онъ не допуститъ ихъ чрезъ Крымъ входить къ намъ такъ-сказать въ сердце. Положите жь теперь, что Крымъ вашъ, и что нѣтъ уже сей бородавки на носу—вотъ вдругъ положеніе границъ прекрасное: по Бугу Турки граничатъ съ нами непосредственно, потому и дѣло должны имѣть съ нами прямо сами, а не подъ именемъ другихъ. Всякій ихъ шагъ тутъ виденъ. Со стороны кубанской сверхъ частыхъ крѣпостей, снабженныхъ войсками, многочисленное войско Донское всегда тутъ готово. Довѣренность жителей въ Новороссійской губерніи будетъ тогда несумнительна, мореплаваніе по Черному морю свободное, а то извольте разсудить, что кораблямъ вашимъ и выходить трудно, а входить еще труднѣе. Еще въ добавокъ избавимся отъ труднаго содержанія крѣпостей, кои теперь въ Крыму на отдаленныхъ пунктахъ. Всемилостивѣйшая государыня! неограниченное мое усердіе къ вамъ заставляетъ меня говорить: презирайте зависть, которая вамъ препятствовать не въ силахъ. Вы обязаны возвысить славу Россіи. Посмотрите, кому оспорили, кто что пріобрѣлъ: Франція взяла Корсику, Цесарцы безъ войны у Турковъ въ Молдавіи взяли больше нежели мы. Нѣтъ державы въ Европѣ, чтобы не подѣлили между собой Азіи, Африки, Америки. Пріобрѣтеніе Крыма ни усилить, ни обогатить васъ не можетъ, а только покой доставитъ. Ударъ сильный—да кому? Туркамъ: это васъ еще больше обязываетъ. Повѣрьте, что вы симъ пріобрѣтеніемъ безсмертную славу получите, и такую, какой ни одинъ государь въ Россіи еще не имѣлъ. Сія слава проложитъ дорогу еще къ другой и большей славѣ: съ Крымомъ достанется и господство въ Черномъ морѣ, отъ васъ зависѣть будетъ запирать ходъ Туркамъ, и кормить ихъ или морить съ голоду. Хану пожалуйте въ Персіи что хо-

тите,—онъ будетъ радъ. Вамъ онъ Крымъ поднесетъ нынѣшнюю зиму, и жители охотно принесутъ о семъ просьбу. Сколько славно пріобрѣтеніе, столько вамъ будетъ стыда и укоризны отъ потомства, которое при каждыхъ хлопотахъ такъ скажетъ: вотъ, она могла, да не хотѣла или упустила. Есть ли твоя держава кротость, то нуженъ въ Россіи рай. Таврически Херсонъ! исъ тебя истекло къ намъ благочестіе: смотри какъ Екатерина Вторая паки вноситъ въ тебя кротость христіянскаго правленія."

Но „свести бородавку съ носу" было нельзя безъ войны съ Турціею, а для этого нужно было обезпечить себя со стороны сосѣднихъ державъ—Пруссіи и Австріи, преимущественно со стороны послѣдней. Недавно соглашеніе этихъ державъ помѣшало Россіи заключить миръ съ Турціею на желанныхъ условіяхъ, заставить Россію войдти въ виды Пруссіи и Австріи относительно Польши; и теперь исходъ крымскаго дѣла зависѣлъ отъ того, будетъ ли по прежнему существовать это соглашеніе между Пруссіей и Австріей, или можно будетъ разрознить ихъ интересы и заставить ту или другую державу войдти совершенно въ виды Россіи. Поведеніе Фридриха II относительно турецкихъ дѣлъ не могло не охладить къ нему Екатерины: онъ дѣйствовалъ вовсе не такъ, какъ бы можно было надѣяться отъ вѣрнаго союзника, не хотѣлъ принять извѣстныхъ объясненій справедливости русскихъ требованій отъ Турціи, что не могло не оскорбить, явно преслѣдовалъ только свои интересы и заставилъ сообразоваться съ ними. Разумѣется, обвинять за это прусскаго короля, явно на него жаловаться не имѣлось никакого права, тѣмъ не менѣе горечь осталась. Но въ началѣ, то-есть послѣ раздѣла Польши и кайнарджійскаго мира, нельзя было думать объ ослабленіи союза съ Пруссіей, ибо Австрія не давала возможности сближенія съ собою. Мы видѣли, что Потемкинъ въ приведенной запискѣ указывалъ, какъ она безъ войны взяла у Турокъ болѣе чѣмъ мы. Дѣйствительно, еще до заключенія кайнарджійскаго мира Австрія, подъ шумокъ, отрѣзала себѣ на границахъ довольно значительный участокъ земли. На запросъ петербургскаго кабинета по этому дѣлу, вѣнскій отвѣчалъ, что за эти земли уже идетъ столѣтній споръ; вѣнскій дворъ очень бы желалъ, чтобъ это дѣло окончилось мирнымъ путемъ къ удоволь-

ствію обѣихъ сторонъ; но опытъ показалъ, какъ трудно улаживаться съ Портою, и потому почтено за лучшее занять спорную область вооруженною рукой. Дѣлать было нечего: Турція одна не могла защищаться, а Россія и Пруссія также не могли начать войны съ Австріей. Но подобное поведеніе послѣдней конечно не могло содѣйствовать сближенію петербургскаго кабинета съ нею, и Панинъ имѣлъ возможность продолжить систему *сѣвернаго аккорта*. 10-го октября 1776 года онъ подалъ мнѣніе о продолженіи прусскаго союза: „На сихъ дняхъ читалъ мнѣ графъ Солмсъ полученную имъ отъ короля своего государя депешу, въ которой его прусское величество, изъявляя вновь желаніе свое о продолженіи съ вашимъ императорскимъ величествомъ настоящаго союза еще на 10 лѣтъ, повелѣваетъ ему сдѣлать вторично о томъ представленіе въ такой силѣ, что его величество, видя при изнемогающихъ силахъ приближеніе конца жизни своей, болѣе всего имѣетъ на сердцѣ получить отъ вашего императорскаго величества то дружеское утѣшеніе, чтобъ оставить преемника своего въ обязательствахъ и интересахъ вашего величества, слѣдовательно же и въ тѣснѣйшемъ соединеніи съ имперіею Всероссійскою. А какъ по случаю перваго о томъ внушенія угодно было вашему императорскому величеству мнѣ повелѣть, чтобъ я мое по оному мнѣніе представилъ, то я, донося чрезъ сіе о таковомъ вторичномъ отзывѣ графа Солмса, поставляю въ долгъ себѣ всеподданнѣйше изобразить здѣсь собственныя свои по оному мысли. Отъ собственнаго вашего императорскаго величества прозорливѣйшаго усмотрѣнія зависитъ опредѣлить, колико донынѣ союзъ нашъ съ берлинскимъ дворомъ могъ въ теченіи и производствѣ дѣлъ нашихъ полезенъ быть повсемѣстному почти успѣху ихъ. Происшедшія между Англіей и американскими ея селеніями распри, а изъ оныхъ и самая война предвозвѣщаетъ знатныя и скорыя, повидимому, перемѣны въ настоящемъ положеніи европейскихъ державъ, слѣдовательно же и во всеобщей системѣ. Удастся ли селеніямъ устоять въ присвоенной ими нынѣ независимости, или же предуспѣетъ напослѣдокъ Англія истощительными ея усиліями поработить ихъ своей власти, что безъ внутренняго тѣхъ селеній въ конецъ изнеможенія разсудительнымъ образомъ предполагаемо быть не можетъ: но въ обѣ-

ихъ сихъ случаяхъ на вѣрное считать надлежитъ, что лондонскій дворъ потеряетъ весьма много изъ своей настоящей знатности, и что оный, какъ совсѣмъ отдѣленная держава отъ твердой земли Европы, тогда наипаче принужденъ будетъ сокращать политику свою въ тѣснѣйшихъ еще предѣлахъ острововъ своихъ. Естественнымъ оборотомъ изъ сего, сколь вѣроятнаго, столько же и не удаленнаго послѣдствія, получатъ Бурбонскіе, толь тѣсно между собою соединенные домы, а особливо Франція, при непремѣнности коренныхъ и локальныхъ ихъ силъ и пособій, свободнѣйшія руки укоренятъ свою инфлюенцію и свою поверхность тамъ, гдѣ оныя донынѣ въ предѣлахъ умѣренности содержаны были противувѣсіемъ англійскихъ силъ и интересовъ, что съ политическими правилами вашего императорскаго величества никакъ согласовать не можетъ, тѣмъ паче, что и вѣнскій дворъ, по настоящей своей связи съ версальскимъ, найдется тогда въ большей безпечности собственнаго своего положенія, когда ему сей послѣдній, безъ всякаго уже отъ Англіи помѣшательства, будетъ въ состояніи оказывать всякія снисхожденія къ его интересамъ, а взаимно таковыя же и для себя отъ вѣнскаго съ вящею выгодой взаимствовать. Изъ чего собственно для Россіи такое неудобство родиться можетъ: когда станетъ приходить къ истеченію союзъ нашъ съ королемъ прусскимъ, тогда вѣнскій дворъ, и въ чистѣйшемъ намѣреніи содруженія своего съ нами, будетъ конечно размѣрять выгоды свои въ ономъ по выгодамъ имѣющагося съ Франціей союза. Въ разсужденіи всего сего продолженіе тѣснаго вашего союза съ королемъ и короною прусскими есть лучшій и надежнѣйшій способъ къ сохраненію установленной вами въ дѣлахъ политической системы и къ охраненію не одного сѣвера, но и всей уже Европы отъ перевѣса инфлюенціи версальскаго и вѣнскаго дворовъ.“

Союзъ съ Пруссіей былъ возобновленъ, но только по формѣ. Крымскія дѣла, съ одной стороны, и баварское наслѣдство, съ другой, вели необходимо къ перемѣнѣ системы. Іосифъ II хотѣлъ, во что бы то ни стало, пріобрѣсть для Австріи Баварію послѣ пресѣченія тамошней династіи; Фридрихъ II, для безопасности Пруссіи и цѣлой Германіи, считалъ необходимымъ противодѣйствовать всѣми средствами такому усиленію Австріи. Оба, для своихъ цѣлей,

должны были заискивать у Россіи, у одной Россіи, ибо Франція, занятая англо-американскими дѣлами и истощенная въ концѣ, не могла обнаружить своего вліянія на рѣшеніе баварскаго дѣла. На чью же сторону склонится Россія? Разумѣется на ту, которая обѣщаетъ ей свое содѣйствіе для рѣшенія крымскаго дѣла; Австрія поспѣшила дать это обѣщаніе.

Въ маѣ 1779 года, Іосифъ II обязался за себя и за преемниковъ своихъ гарантировать Россіи всѣ ея владѣнія и всѣ ея договоры съ Портою; въ случаѣ нарушенія договоровъ съ турецкой стороны объявить Портѣ войну; если во время этой предполагаемой войны съ Турками на Россію нападетъ какая-нибудь другая держава, то Іосифъ будетъ помогать Россіи всѣми своими силами. Пруссія опоздала съ своими предложеніями, и что же предложила она? Тройной союзъ между Россіей, Пруссіей и *Турціей* противъ Австріи! „17 сентября 1779 года ея императорское величество соизволила читать сообщенную отъ прусскаго посланника, графа Гёрца, депешу къ нему отъ короля государя его съ приложеніемъ таковой же отъ прусскаго повѣреннаго въ дѣлахъ при Портѣ Оттоманской Гафрона, относительно заключенія тройнаго союза наступательнаго и оборонительнаго, между имперіей Всероссійскою, короною прусскою и Портою Оттоманскою. Ея величество предложенія сіи не нашла вовсе себѣ угодными и сходственными съ прямою пользою для государства ея; ибо, не упоминая уже о томъ, колико оскорбителенъ былъ бы для деликатности ея союзъ съ державою непріязненною всей христіянской республикѣ, ниже коль вредныя впечатлѣнія можетъ онъ произвесть въ народахъ, подъ игомъ турецкимъ пребывающихъ, коихъ вѣнскій дворъ вяще тогда отъ насъ отвратить и привязать къ себѣ не упуститъ, встрѣчаются тутъ ея величеству слѣдующія размышленія. Если сей союзъ предполагается единственно преградою горделивымъ замысламъ вѣнскаго двора, то не довольно ли опытомъ доказано, что для обузданія онаго достаточно силъ ея императорскаго величества, соединенныхъ съ королемъ прусскимъ, и особливо послѣ того, когда и Франція, не взирая на разныя свои съ вѣнскимъ дворомъ обязательства, явила свѣту, сколь удалена она пособствовать дальнѣйшему могуществу австрійскаго распространенію, и когда по при-

знанію прусскаго въ дѣлахъ повѣреннаго, изъ отзывовъ посла французскаго заключаемому, дворъ его поставляетъ себѣ въ тягость союзъ съ Австрійцами. Отъ Турокъ помощь не нужна и потому союзъ съ ними можетъ быть полезенъ только имъ: огражденные отъ внѣшняго страха, поправятся и приключатъ Россіи бо́льшую заботу чѣмъ прежде. По непостоянству Турокъ вслѣдствіе частой перемѣны министерства, союзъ сей при первомъ дѣлъ оборотѣ ни во что́ обращенъ быть можетъ. Если будетъ заключенъ союзъ между Пруссіей и Турціей, то въ случаѣ распрей и войны между Россіей и сею послѣдней, къ которымъ дѣла татарскія, затрудненія въ торговлѣ и мореплаваніи и другія по сосѣдству и невѣжеству турецкому недоразумѣнія причину подать могутъ, будемъ мы связаны и самимъ союзникомъ нашимъ, который пользу свою конечно въ томъ полагать будетъ, чтобъ бытіе новаго его союзника, то-есть Порты Оттоманской, ни малѣйшему ущербу подвержено не было, словомъ, что все наше съ той стороны поведеніе зависѣть будетъ отъ двора берлинскаго. Посему угодно ея величеству, чтобъ сіе королемъ прусскимъ учиненное приглашеніе отклонено было образомъ благопристойнымъ. Что́ же касается собственно до Порты, то поелику настоитъ уже нынѣ съ нею трактатъ мира и дружбы, да и ко взаимной торговлѣ положено основаніе, ея величество желаетъ, чтобъ связь сія вяще могла утверждена быть посредствомъ коммерческаго трактата. Къ сему не нужно ничье постороннее посредство.“

Въ 1779 году говорилось еще о возможности утвержденія связи съ Турціей коммерческимъ трактатомъ; но иначе пошли дѣла въ 1782 году, когда вспыхнуло возстаніе противъ Шагинъ-Гирея подъ предводительствомъ родныхъ его братьевъ, и ханъ долженъ былъ удалиться въ Таганрогъ. Екатерина обратилась къ новому союзнику своему, Іосифу II, и получила отъ него самый удовлетворительный отвѣтъ: „Получить письмо вашего императорскаго величества и отвѣчать на него въ продолженіи тѣхъ же двадцати четырехъ часовъ было во мнѣ однимъ чувствомъ и однимъ дѣйствіемъ. Мнѣ не нужно ни размышленій, ни соображеній, ни разчетовъ, когда мое сердце чувствуетъ, и когда дѣло идетъ о томъ, чтобы служить, смѣю сказать, моей императрицѣ, моему другу, моей союзницѣ, моей героинѣ;

да, я готовъ всегда ко всякому соглашенію съ вашимъ императорскимъ величествомъ относительно всѣхъ возможныхъ событій, каковыя могутъ произойдти отъ смутъ въ Крыму [1].“

„Моя радость равна была моей признательности при чтеніи письма, которое вашему императорскому величеству угодно было написать мнѣ, отвѣчала Екатерина. Ваше императорское величество привыкли счастливить людей; вы спѣшите содѣйствовать счастію и вашей союзницы. Обѣщаніе вашего императорскаго величества войдти въ соглашеніе со мною относительно всѣхъ событій, могущихъ произойдти отъ крымскихъ смутъ, это обѣщаніе служитъ для меня драгоцѣннымъ залогомъ вашей дружбы, за что позвольте выразить мою живѣйшую благодарность [2].“

Должно-быть въ это время Безбородко написалъ свою знаменитую записку: „Россія не имѣетъ надобности желать другихъ пріобрѣтеній какъ 1) Очаковъ съ частію земли между Бугомъ и Днѣстромъ; 2) Крымскаго полуострова, буде бы паче чаянія тамошнее правленіе по смерти нынѣшняго хана или по какимъ-либо непредвидимымъ замѣшательствамъ нашлось для насъ невыгоднымъ и вреднымъ, и наконецъ 3) одного, двухъ или трехъ острововъ въ Архипелагѣ для пользъ и нуждъ по торговлѣ. Напротивъ того вѣнскій дворъ возвращеніемъ Бѣлграда съ частію Сербіи и Босніи, а можетъ-быть и банната Краіовскаго учинился бы въ положеніи предъ нами выгоднѣйшемъ. Но можно позволить ему сіе расширеніе предѣловъ своихъ, если онъ согласится съ нами относительно дальнѣйшаго жребія монархіи Оттоманской. Сей жребій опредѣлиться можетъ въ двухъ слѣдующихъ степеняхъ: 1) Ежели обѣ державы, находя продолженіе войны для себя весьма убыточнымъ, а завоеванія ненадежными, предпочли бы заключеніе мира безъ разрушенія Турецкаго государства, въ такомъ случаѣ сверхъ обоестороннихъ пріобрѣтеній полезно было бы имъ условливаться и постановить, чтобъ Молдавія, Валахія и Бессарабія, подъ именемъ своимъ древнимъ Дакіи, учреждена была областію независимою, въ которую владѣтель назначенъ былъ бы закона христіянскаго,

[1] 17 іюля 1782 года.

[2] 1 августа 1782 года.

тамъ господствующаго, если не изъ здѣшняго императорскаго дома, то хотя другая какая-либо особа, на которой вѣрность оба союзника могли бы положиться; новая сія держава не можетъ быть присоединена ни къ Россіи, ни къ Австріи. Но положимъ, что упорство Порты съ одной стороны, а успѣхи съ другой подали бы способы къ совершенному истребленію Турціи и къ возстановленію древней Греческой имперіи въ пользу младшаго великаго князя, внука вашего императорскаго величества. Тутъ также заранѣе предопредѣлить нужно точныя границы сея имперіи, назначая ихъ во владѣніяхъ турецкихъ въ Европѣ на твердой землѣ и въ островахъ архипелажскихъ, разумѣя тѣ, кои за удовлетвореніемъ другихъ останутся: ибо предполагать должно, что при таковомъ въ пользу нашу снисхожденіи вѣнскій дворъ захочетъ имѣть какое-либо основаніе въ Средиземномъ морѣ для торговли своей; что Англія и Франція и Гишпанія можетъ-быть востребуютъ и себѣ нѣкоего пріобрѣтенія, что республика Венеціянская предъявитъ свои притязанія на Морею, которой ей уступать не должно, а лучше замѣнить въ островахъ, можетъ-быть, что Франція и Гишпанія устремятъ намѣренія свои на порты въ Египтѣ или другіе на африканскихъ берегахъ, въ чемъ еще менѣе затрудненія дѣлать слѣдуетъ“ [1].

На этихъ основаніяхъ отправлено было въ Вѣну слѣдующее предложеніе: „Между тремя монархіями должно быть навсегда независимое отъ нихъ государство. Это государство, въ древности извѣстное подъ именемъ Дакіи, можетъ быть образовано изъ провинцій Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи подъ скипетромъ государя религіи греческой. Что̀ касается до равенства въ пріобрѣтеніяхъ, то Россія желаетъ 1) городъ Очаковъ съ областью между Бугомъ и Днѣстромъ; 2) одинъ или два острова въ Архипелагѣ для безопасности и удобства торговли. Хотя положеніе и плодоносіе турецкихъ областей, сосѣднихъ съ государствомъ вашего императорскаго величества, даютъ вашимъ пріобрѣтеніямъ совсѣмъ иное значеніе, однако моя личная дружба къ дорогому союзнику не позволитъ мнѣ колебаться и одной минуты сдѣлать ему это пожертвованіе, ибо я твердо

[1] $^{10}/_{21}$ сентября 1782.

увѣрена, что если наши успѣхи въ этой войнѣ дадутъ намъ возможность избавить Европу отъ врага имени христіанскаго изгнаніемъ его изъ Константинополя, то ваше величество не откажетесь содѣйствовать возстановленію монархіи Греческой, подъ непремѣннымъ условіемъ съ моей стороны сохранять эту возобновленную монархію въ полной независимости отъ моей и возвести на ея престолъ младшаго внука моего, великаго князя Константина, который дастъ обязательство не имѣть никогда притязаній на престолъ россійскій, ибо двѣ эти короны никогда не должны быть соединены на одной главѣ[1]."

Іосифъ отвѣчалъ, что присоединеніе къ Россіи Очакова съ означенною областью не можетъ встрѣтить никакого затрудненія. Что же касается до образованія новаго государства Дакіи и возведенія на греческій престолъ великаго князя Константина, то это будетъ зависѣть отъ успѣховъ войны, съ его же стороны не будетъ затрудненія въ исполненіи всѣхъ этихъ желаній, если только будутъ исполнены и его желанія, которыя состоятъ въ слѣдующемъ: для Австрійской монархіи нужно присоединить: городъ Хотинъ съ небольшою областью, прикрывающею Галицію и Буковину, часть Валахіи, которую огибаетъ Алута, Никополисъ, и отсюда оба берега вверхъ по Дунаю, слѣдовательно города Виддинъ, Орсову и Бѣлградъ, для прикрытія Венгріи; отъ Бѣлграда протянуть линію самую прямую и самую короткую къ Адріатическому морю, включая Golfo della Drina, и наконецъ всѣ владѣнія венеціянскія на твердой землѣ и съ прилежащими островами должны отойдти къ Австрійской монархіи, ибо только этимъ средствомъ произведенія ея земель получатъ цѣпность; полуостровъ Морея, который принадлежалъ нѣкогда Венеціянамъ, острова Кандія, Кипръ и другіе архипелажскіе могутъ богато вознаградить этихъ республиканцевъ; онъ, императоръ, можетъ имѣть тогда морскія суда и быть слѣдовательно гораздо полезнѣе для Россіи; дунайская торговля останется совершенно свободною для австрійскихъ подданныхъ какъ при входѣ въ Черное море, такъ и при выходѣ изъ него чрезъ Дарданеллы; новыя государства,

---

[1] 13 октября 1782.

Дакійское и Греческое, обяжутся не взимать никакихъ пошлинъ съ австрійскихъ судовъ.

Эти соглашенія развязывали руки относительно Крыма; здѣсь Шагинъ-Гирей былъ возстановленъ съ помощію Россіи; но, въ ожиданіи новыхъ смутъ и покушеній со стороны Турціи, Потемкину, отправленъ былъ слѣдующій рескриптъ 14 декабря 1782 года: „Предполагая, что политическій составъ Оттоманской монархіи разными обстоятельствами былъ бы еще отдаленъ отъ конечнаго его разрушенія, и чтобъ мы даже послѣ войны нашлись еще одинъ разъ въ необходимости сдѣлать миръ съ сею державою: не были ль бы мы обязаны отвѣтомъ предъ совѣстію нашею, есть ли бы, имѣя въ рукахъ своихъ надежныя средства удалить на времена будущія всякій поводъ къ новой войнѣ и предварить всечасныя безпокойства да съ такою выгодою для государства нашего, случай тотъ благопоспѣшный изъ рукъ выпустили? Извѣстно, что однимъ изъ главнѣйшихъ поводовъ къ распрямъ нашимъ съ Турками отъ давняго времени служилъ полуостровъ Крымскій, изъ нѣдръ коего не однажды обезпокоены были границы наши. Преобразованіе его въ вольную и независимую область обратилось только въ новыя для насъ заботы со знатными издержками. Опыты времени отъ 1774 года доказываютъ, что таковая независимость мало свойственна татарскимъ народамъ, ибо, чтобъ удержать ее, надлежитъ почти всегда намъ быть вооруженными, и посреди мира изнурять войска трудными движеніями, неся большіе убытки какъ бы во время войны, безъ всякой надежды замѣнить оные. При малѣйшемъ со стороны нашей послабленіи, Турки, пользуясь одиновѣріемъ Татаръ и разными связями, предуспѣваютъ тамъ толико умножать свою силу, что почти всякій разъ паки къ войнѣ прибѣгать должно, дабы только дѣла поставить въ прежней степени. Таковое бдѣніе надъ крымскою независимостію принесло намъ уже болѣе 7.000.000 чрезвычайныхъ расходовъ, не считая непрерывнаго изнуренія войскъ и потери въ людяхъ, кои превосходятъ всякую цѣну. Въ уваженіи на сіи обстоятельства приняли мы намѣреніе рѣшительнымъ образомъ тамошнимъ дѣламъ дать совсѣмъ иной оборотъ, и при дальнемъ со стороны турецкой противъ насъ непристойномъ и интересамъ нашимъ вредномъ поведеніи

такъ ихъ устроить, чтобъ полуостровъ Крымскій не гнѣздомъ разбойниковъ и мятежниковъ на времена грядущія остался, но прямо обращенъ былъ на пользу государства нашего, въ замѣну и награжденіе осмилѣтняго безпокойства вопреки миру нами понесеннаго и знатныхъ издивеній на охраненіе цѣлости мирныхъ договоровъ употребленныхъ, чѣмъ и будетъ изъятъ впредь всякій поводъ къ войнѣ съ Турками, если они сей шагъ намъ самою необходимостію вынужденный не почтутъ за точную причину къ явному разрыву: но и въ семъ послѣднемъ случаѣ находимъ мы полезнѣе однажды навсегда кончить дѣла наши съ помянутою державою, нежели быть во всегдашней отъ нея тревогѣ, чтобъ не допустить ее паки къ крайнему намъ вреду усилиться въ татарской области и почти поработить себѣ оную. Вслѣдствіе того волю нашу на присвоеніе того полуострова и на присоединеніе его къ Россійской имперіи объявляемъ вамъ съ полною нашею довѣренностію и съ совершеннымъ удостовѣреніемъ, что вы къ исполненію сего не упустите ни времени удобнаго, ни способовъ, отъ васъ зависящихъ, но не инако, что поводомъ къ таковому присвоенію Крыма долженствуютъ служить случаи: 1) Буде постигнетъ смерть нынѣ владѣющаго хана, или непріятели его увезутъ; или утвердить его на владѣніи тамошнемъ будетъ ненадежно. 2) Буде онъ, паче чаянія, окажется измѣнникомъ или вовсе сомнительнымъ въ доброхотствѣ къ Россійской имперіи; или же сдѣлаетъ непристойное затрудненіе въ удержаніи нами Ахтъ-Ярской гавани, либо другихъ интересахъ нашихъ. 3) Буде Порта не подастся на прочіе главные артикулы нами требуемые. 4) Буде она пошлетъ войска въ Крымъ или на Кубань, либо моркія силы въ Черное море; или же начнетъ поджигать Татаръ какимъ бы то образомъ ни было къ безпокойству и мятежу. 5) Буде она въ другой части намъ ближней или на другой станетъ противъ насъ тайно или явно собою или чрезъ другихъ дѣйствовать. 6) Буде императоръ римскій распространитъ далѣе свой кордонъ или границу на счетъ Молдавіи или Валахіи; въ таковомъ случаѣ и мы должны искать средства къ соблюденію съ нимъ равенства.“ Потемкинъ долженъ былъ всячески стараться приклонить Татаръ на свою сторону и внушать имъ, чтобы подали просьбу о присоединеніи Крыма къ

Россіи; хану внушать, что будетъ осыпанъ милостями. Если Порта согласится отступить отъ всякаго къ Татарамъ прикосновенія и исполнить мирный договоръ во всемъ его объемѣ, то присоединеніе Крыма отложить до другаго времени, занявъ только Ахтъ-Ярскую гавань.

Въ 1552 году жестокости послѣдняго казанскаго хана Шигъ-Алея заставили Казанцевъ просить царя Іоанна IV свести отъ нихъ ненавистнаго Алея и прислать намѣстника московскаго: въ 1783 году жестокости хана Шагинъ-Гирея произвели такое же движеніе въ Крыму и повели къ уничтоженію его самостоятельности. 7 февраля 1783 года Екатерина послала Потемкину повелѣніе: „Изъ донесеній, присланныхъ къ вамъ отъ генералъ-поручика графа Дебалмена, а къ министерству нашему отъ посланника Веселицкаго, мы съ сожалѣніемъ увѣдомляемся о казни многихъ изъ Татаръ, кои вовлечены были въ участіе въ послѣднемъ тамъ происшедшемъ неспокойствѣ, несмотря на то, что хану Шагинъ-Гирею отъ помянутаго посланника внушаемо было отъ имени нашего о показаніи при семъ случаѣ всякой кротости и человѣколюбія во прощеніи виновныхъ. По сродной намъ жалости, желая отвратить по крайней мѣрѣ впредь всякую жестокость и особливо чтобъ оная тамъ мѣсто не имѣла, гдѣ силы наши воинскія обращаются, соизволяемъ мы, чтобъ вы предписали графу Дебалмену объявить помянутому хану въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, съ какимъ прискорбіемъ получили мы сіе непріятное извѣстіе; что когда возстановленіе его обладанія совершилось подъятіемъ оружія нашего безъ всякого пролитія крови, и когда участвовавшіе въ возмущеніи приведены были въ раскаяніе, то не требовало ли самое человѣчество пощадить обратившихся къ повиновенію? Примѣры прежніе долженствовали его въ томъ научить; мятежъ въ 1777 году укрощенъ былъ конечно не его строгостію. Казни при томъ случаѣ употребленныя и повторенныя потомъ многократно не могли устрашить другихъ, а только огорчили его подданныхъ и предуготовили послѣднее возмущеніе. Онъ долженъ вѣдать, что еслибы мы таковую суровость съ его стороны предвидѣли, не обратили бы войскъ нашихъ на его защиту, ибо несходно то съ правилами нашими, чтобъ силой нашею низверженныхъ попускать на истребленіе. Скорѣе мы оставимъ всякое ему

пособіе, нежели распространимъ оное на угнетеніе рода человѣческаго; что милость и покровительство наше не на одну его особу, но вообще на всѣ татарскіе народы распространяется, и что потому желаемъ, дабы онъ управлялъ сими народами съ кротостію, благоразумному владѣтелю свойственною, и не подавалъ причины къ новымъ бунтамъ, ибо не можетъ ему быть неощутительно, что сохраненіе его на ханствѣ не составляетъ еще для государства нашего такого интереса, для котораго мы обязаны были бы находиться всегда въ войнѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ распряхъ съ Портою, а и ни для чего не согласимся славу оружія нашего, извѣстную столько же побѣдами, сколько и пощадою побѣжденныхъ, подвергать какому либо предосужденію. Заключить сіе изъясненіе требованіемъ, чтобы, до совершеннаго приведенія въ порядокъ дѣлъ въ томъ краѣ, онъ отдалъ на руки военнаго нашего начальства родныхъ своихъ братьевъ и племянника, такожъ и прочихъ подъ стражею содержащихся, бывъ увѣренъ, что какъ, съ одной стороны, жизнь сихъ людей охранена будетъ отъ всякаго противъ ихъ покушенія, такъ, съ другой, не можетъ онъ опасаться отъ нихъ новыхъ безпокойствъ. Между тѣмъ нѣтъ нужды скрывать въ народѣ его на истинѣ самой основанныя внушенія, дабы Татары видѣли, что подобныя казни намъ и военному нашему начальству всемѣрно отвратительны, что мы ничего не оставимъ употребить къ пресѣченію ихъ, и что всѣ тѣ, кои прибѣгнутъ подъ защиту войскъ нашихъ, воспользуются полною безопасностію; да и дѣйствительно предпишите о помѣщеніи ихъ подъ охраненіемъ нашимъ, гдѣ и какъ выгоднѣе, и о соблюденіи ихъ безопасности. Еслибы, паче чаянія, ханъ не съ удовольствіемъ принялъ такое увѣщаніе, и ежелибы онъ сдѣлалъ затрудненіе въ отдачѣ намъ братьевъ и племянника своихъ съ другими Татарами, въ заключеніи содержащимися, въ такомъ случаѣ повелѣваемъ всю стражу при немъ находящуюся, взявъ, отправить къ Ахтъ-Ярской гавани или куда вы за лучше признаете, и потомъ и помышлять только о своихъ дѣлахъ, о своей безопасности, объ удержаніи твердой ноги въ Крыму, и о приведеніи упомянутыхъ дѣлъ къ желаемой и выгоднѣйшей для насъ цѣли, оставляя его (то-есть хана) между народомъ. Впрочемъ казнь означенныхъ князей крови его должен-

ствуетъ служить поводомъ къ совершенному отъятію руки нашей отъ сего владѣтеля, и сигналомъ къ спасенію Крыма отъ дальнѣйшихъ мучительствъ и утѣсненій способомъ, въ рескриптѣ нашемъ отъ 14 декабря 1782 года вамъ подписаннымъ."

Шагинъ-Гирей отказался отъ престола, и Крымъ былъ присоединенъ къ Россіи указомъ 8 апрѣля 1783 года. Бывшій ханъ оставался жить въ Тамани; императрица распорядилась, чтобъ его перевели въ Воронежъ, но онъ не послушался, и въ отвѣтѣ вошелъ въ разныя „нескладныя" изъясненія. Тогда отправленъ былъ къ нему генералъ Игельстромъ съ приказаніемъ, чтобы непремѣнно выѣхалъ изъ Тамани, выбравъ для жительства изъ трехъ городовъ: Воронежъ, Орелъ или Калугу. Игельстромъ долженъ былъ внушить хану, что „съ русской стороны не было упущено ничего къ сохраненію его на престолѣ; собственное его поведеніе, наипаче жестокость отдалила отъ него всѣхъ подвластныхъ; Татары принимали ханомъ всякаго иного, кромѣ его, и многіе отзывались, что они лучше повиноваться будутъ всякому россійскому начальнику, нежели ему. Съ другой стороны, Порта готова была, да и начинала уже пользоваться симъ заботливымъ положеніемъ дѣлъ. Благо и тишину имперіи нашей не могли мы не поставить выше всякаго уваженія къ хану Шагинъ-Гирею или къ кому бы то ни было; что ханъ отрекся отъ правленія безъ всякаго предварительнаго соглашенія съ нами или съ поставленными отъ насъ начальниками; что сама Порта подтвердила присоединеніе Крыма, слѣдовательно непристойно и непозволительно ему, хану, человѣку теперь частному, вступаться въ какія-либо дѣла, касающіяся до земель сихъ; не долженъ онъ жаловаться на министровъ или генераловъ нашихъ, вѣдая, что они исполняли только волю нашу."

Шагинъ-Гирея перевели въ Калугу.

С. Соловьевъ.

ПРОШЛОЕ ЛѢТО ВЪ ДЕРЕВНѢ.

8. Идиллія и элегія, или два друга.

Вся дорога отъ Петровскаго къ имѣнію Петра Ивановича Зарудкина, на пространствѣ цѣлыхъ двадцати трехъ верстъ, чрезвычайно живописна, а самый уголокъ уѣзда, по которому она пролегаетъ, слыветъ *** скою Швейцаріей. Всякая русская губернія, какъ извѣстно, имѣетъ свою Швейцарію. Я не на столько ослѣпленъ патріотизмомъ, чтобы равнять нашъ скромный край съ берегами Лемана и Рейна, но простодушно сознаюсь, что и онъ имѣетъ свою пріятность, особенно если на него глядишь въ ясное іюльское утро, а такое утро именно стояло въ день моего выѣзда. Двѣ гряды холмовъ, заросшихъ лѣсомъ или усыпанныхъ деревнями, на большое пространство тянутся почти параллельно одна другой, иногда широко раздвигаясь, иногда сближаясь на самое малое разстояніе. Лощина между возвышенностями во всю длину украшена быстрою и извилистою рѣчкой, и хотя, по правдѣ сказать, составляетъ одно безконечное болото поросшее кустарникомъ, но видъ ея сверху замѣчателенъ, даже разителенъ. Обманутому глазу представляется какой-то фантастически громадный паркъ, обнесенный съ двухъ сторонъ обрывистыми стѣнами горъ, наполненный рощицами, группами деревьевъ, изумрудными лужайками, и голубыми прогалинами рѣки теряющейся отъ глазъ далеко, далеко... И конечно,

[1] См. *Рус. Вѣст.* № 2 и 3.

еслибъ осушить эту полосу земли, она стала бы похожа на богатый паркъ не только что издали; но осушать его не кому, да сверхъ того она и въ болотистомъ состояніи даетъ хорошее сѣно въ большомъ количествѣ.

Въ двадцати трехъ верстахъ отъ моей усадьбы, двѣ цѣпи холмовъ, о которыхъ упомянуто, сходятся такъ что между ними остается пространство на хорошій ружейный выстрѣлъ, не болѣе. Рѣчка, словно досадуя на стѣсненіе ея простора, начинаетъ шумѣть и бѣжитъ полнѣе, а весною дѣлаетъ нѣкоторыя шалости, особенно съ длиннымъ мостомъ черезъ нее перекинутымъ. И къ правому и къ лѣвому ея берегу сходятся два небольшіе, но старые сада, съ вѣковыми липами и соснами, отъ дряхлости получившими какую-то неистово-искривленную наружность. Сады эти тутъ находятся съ незапамятныхъ временъ. Съ незапамятныхъ же временъ на рѣчку, изъ-за садовой зелени, выглядывали двѣ пустыя мызы съ усадебными постройками. Первый помѣщичій домикъ, на лѣвомъ берегу, не взирая на заброшенное состояніе, смотрѣлъ весело, имѣлъ зеленыя ставни, балконъ и венеціянское окно въ мезонинѣ. Второй, на правомъ, отличался дикостью наружности. Когда я проѣзжалъ мимо его дитятей, мнѣ грезилось нѣчто страшное въ его бревенчатыхъ стѣнахъ, покачнувшейся, навистей крышѣ, и особенно въ оконныхъ стеклахъ скернаго бутылочнаго стекла, отливавшагося по мѣстамъ всѣми цвѣтами радуги. Много лѣтъ оба дома стояли въ запустѣніи, сады глохли, и о владѣтеляхъ этихъ двухъ смежныхъ имѣній никто ничего не зналъ въ уѣздѣ.

И вдругъ, весной 185* года, все ожило и зашевелилось въ той и въ другой усадьбѣ. Безъ вѣсти пропавшіе помѣщики вмѣстѣ явились на родное пепелище, рука съ рукой, съ твердымъ намѣреніемъ докончить на немъ остатокъ жизни. Домикъ налѣво перебрали, вычинили, обшили новымъ тесомъ, домикъ направо разметали до основанія, а на мѣсто его вывели нѣкую чудную постройку, снаружи напоминающую госпитальный баракъ въ лагерѣ, однако внутри весьма помѣстительную, теплую и даже комфортабельную. Затѣмъ пошло очищеніе садовъ и устройство полеваго хозяйства; послѣднее, въ его малыхъ размѣрахъ, пошло прекрасно, потому что мѣста вокругъ отличались

не одною красотою, но замѣчательнымъ и очень рѣдкимъ у насъ достоинствомъ почвы.

Петра Ивановича Зарудкина и друга его, Ивана Петровича Германа, скоро полюбили въ уѣздѣ. И дѣйствительно, болѣе добрыхъ и оригинальныхъ сосѣдей-холостяковъ трудно было пожелать для своего домашняго обихода. Ни тотъ, ни другой не могли назваться людьми очень высокаго образованія, но оба много шатались по свѣту, и видѣли довольно, и были утомлены жизнію, не успѣвъ однакоже отъ этого утомленія перейдти къ счастію. Петръ Ивановичъ отличался въ нѣсколькихъ походахъ, слылъ человѣкомъ испытанной храбрости, но при этомъ былъ хуже всякой женщины мнителенъ на счетъ здоровья, а въ обращеніи особенно съ чужими робокъ и застѣнчивъ. Иванъ Петровичъ, напротивъ, никогда не нюхавшій пороха, и молодость свою употребившій на промотаніе нѣсколькихъ доставшихся ему наслѣдствъ, глядѣлъ отставнымъ рубакой и отличался постоянною, по временамъ даже утомительною веселостію нрава. Давно уже извѣстно, и въ разныхъ книгахъ было сказано, что къ людямъ привязываешься не за голову ихъ, а за сердце, а по этой части нашихъ друзей цѣнилъ всякій. Самая исторія ихъ дружбы къ нимъ располагала. Петръ Ивановичъ, раненый подъ Инкерманомъ, въ тѣсномъ госпиталѣ захватилъ горячку; едва оправившись, поѣхалъ въ Петербургъ долѣчиваться; но дорогой заболѣлъ снова, въ маленькомъ и гнусномъ городкѣ безъ всякихъ удобствъ для больнаго, одномъ изъ тѣхъ городковъ, какіе у насъ иногда лежатъ на почтовыхъ трактахъ, словно для бо́льшаго унынія и омерзенія проѣзжающимъ. Къ счастію его, въ этотъ городокъ, какая-то буря, съ какой-то ярмарки, занесла на временное жительство Ивана Петровича Германа. Услышавъ, что на дрянномъ постояломъ дворѣ лежитъ больной офицеръ, и судя по фамиліи, сосѣдъ его, по единственной оставшейся отъ продажи деревенькѣ, Иванъ Петровичъ изловилъ неуловимаго уѣзднаго медика, пріискалъ чистое помѣщеніе, перевелъ туда больнаго и безотлучно провелъ при немъ около мѣсяца. Петръ Ивановичъ выздоровѣлъ и навсегда привязался къ человѣку, въ такой тяжкій часъ оказавшему ему такія услуги. И никогда онъ такъ не нуждался въ подобномъ другѣ: рана и двѣ опасныя болѣзни расшатали его скорѣе нравствен-

но чѣмъ физически. Сложеніе его, крѣпкое по природѣ, пострадало немного, но отъ воспоминаній о прошломъ Петръ Ивановичъ пріучился считать себя существомъ полумертвымъ, хилымъ, обязаннымъ лѣчиться и предназначеннымъ прожить на свѣтѣ года два-три, не болѣе.

Не слѣдуетъ думать однакоже, чтобъ отношенія друзей нашихъ представляли одну аркадскую сладость. Вопервыхъ, они часто ссорились по хозяйственнымъ вопросамъ: Петръ Ивановичъ, человѣкъ русскій, по аккуратности превосходилъ Нѣмца; а Иванъ Петровичъ, съ его нѣмецкою фамиліей, безалаберностью своею напоминалъ истаго Россіянина. Сверхъ того, если проѣзжій пріятель ночевалъ у Ивана Петровича и на другой день не шелъ обѣдать къ Петру Ивановичу или наоборотъ, сосѣди дулись одинъ на другаго. Наконецъ Германъ дразнилъ Зарудкина, ругая докторовъ и гомеопатію, а подполковникъ сердилъ друга, отзываясь что ходить по полямъ въ халатѣ и туфляхъ совсѣмъ неблагопристойно, а въ худую погоду—то же что самоубійство. Все это придавало нѣкоторую соль жизни нашихъ сосѣдей, но главными ея пріятностями были конечно дружба, гостепріимство и спокойствіе ихъ окружавшія. Признаюсь откровенно, что двадцать или тридцать дней, въ разное время проведенныхъ мною подъ кровлей Петра Ивановича и Ивана Петровича принадлежали къ числу едва ли не самыхъ милыхъ и ясныхъ въ моей жизни. Послѣ этого не трудно догадаться, до какой степени былъ я пораженъ извѣстіемъ о томъ, что можетъ-быть этимъ днямъ уже не возобновиться.

Не успѣлъ я по дремучей липовой аллеѣ подъѣхать къ дому Петра Ивановича какъ сердце мое почуяло какія-то перемѣны къ худшему. Въ саду оказывалось цвѣтовъ на половину менѣе чѣмъ бывало, на дворѣ не замѣчалось прежняго движенія, на барскомъ крылечкѣ задумчиво сидѣлъ и болталъ ногами Калебъ хозяина, деньщикъ Тыщенко, котораго я ни разу въ жизни не видѣлъ не только сидящимъ, но даже стоящимъ въ бездѣйствіи. Завидѣвъ меня, старикъ выразилъ большое удовольствіе и на вопросъ мой сообщилъ со вздохомъ: „Совсѣмъ одурѣлъ нашъ баринъ; ужъ въ *наши* ли съ нимъ годы безъ теплаго гнѣзда оставаться!“ Преданный хохолъ не могъ даже представить себѣ, что по всей вѣроятности Петръ Иванычъ не возьметъ его за гра-

ницу. Самъ баринъ находился неподалеку въ полѣ; за нимъ побѣжалъ крошечный пучеглазый мальчуганъ съ бѣлою головой.

Я вошелъ въ кабинетъ хозяина. Все смотрѣло по старому; французскіе штуцера, турецкія сабли, револьверъ взятый у Англичанина и другіе трофеи сверкали какъ серебро. Пылинки не было на третьемъ томѣ *Домашняго Лѣчебника*, *Макробіотики* и нумерахъ *Русскаго Инвалида*, разложенныхъ гдѣ слѣдуетъ. Бездна мелкихъ вещицъ, дорогихъ для стараго военнаго холостяка, громоздилась по этажеркамъ и столамъ: тутъ были портреты товарищей, потускнѣвшіе отъ времени, коническія пули новой формы, модель нарѣзнаго орудія, янтарные мундштуки странныхъ размѣровъ, чучелы рѣдкихъ птицъ и звѣрковъ. Все казалось такимъ домовитымъ, все, какъ кажется, пришло сюда именно затѣмъ чтобы, сладко вздохнувъ, успокоиться на опредѣленномъ мѣстѣ и потомъ ужь не сходить съ него во вѣки. Но зловѣщій видъ придавала кабинету карта, разложенная на конторкѣ, карта милая лишь молодымъ людямъ и вообще народу еще не уходившемуся: карта желѣзныхъ дорогъ Европы. Могъ ли я когда-нибудь подумать, что увижу подобное безобразіе въ кабинетѣ Петра Иваныча? Знакомые шаги послышались на балконѣ, и амъ хозяинъ предсталъ предо мной, имѣя на себѣ, несмотря на жару, высокія резиновыя калоши и сюртукъ военнаго покроя, подбитый ватой. За первыми поцѣлуями пошелъ разговоръ о здоровьи, всегда очень важный въ жизни Петра Ивановича. Оказалось, что онъ никакъ не чувствуетъ себя способнымъ прожить долѣе года, что онъ ничего не ѣстъ, не можетъ согрѣться вечеромъ, а главное лишился сна и проводитъ мучительныя ночи.

— Что же, спросилъ я,—вы совсѣмъ не спите или сонъ вашъ тревоженъ?

— Совсѣмъ не сплю, да и сонъ нехорошій. Ложусь я рано, въ началѣ одиннадцатаго. Сперва какъ будто заснешь и вдругъ проснешься; сердце бьется. Полежишь, полежишь, опять заснешь, опять проснешься, а вставать рано. Заснешь опять... ну и встанешь такимъ разбитымъ.

Я едва удерживался отъ смѣха.—А не случалось вамъ лечь къ ночи и встать поутру, совсѣмъ не спавши?

Петръ Иванычъ поглядѣлъ на меня съ такимъ удивле-

ніемъ, на лицѣ его выразилось такое недовѣріе къ возможности чего-либо подобнаго, что силъ моихъ не стало, и я расхохотался какъ школьникъ.

Хозяинъ огорчился.—И вы какъ другіе, сказалъ онъ.—Несчастье мое, что у меня лицо красное, и что въ тѣлѣ я не худъ: никто не хочетъ считать меня такимъ больнымъ какъ никто въ мірѣ не боленъ. Вотъ докторъ Копфъ, и тотъ говоритъ: перестаньте кутаться, а ѣшьте сколько хотите. Какой это докторъ? Я буду на столѣ лежать, а вы станете говорить: вотъ сейчасъ вскочитъ да хватитъ въ присядку! Нѣтъ, Сергѣй Ильичъ, я и прежде едва ходилъ, а при теперешнихъ заботахъ...

— О заботахъ-то вы мнѣ и разкажите. Неужели вы въ самомъ дѣлѣ продаете имѣніе?

— Въ самомъ дѣлѣ, и всего за десять тысячъ.

— И Иванъ Петровичъ тоже?

— И онъ тоже. И покупщикъ одинъ Черноярovъ, можетъ-быть знаете.

— Боже мой! да вы оба себя обрекаете на нищету вѣчную!

— Въ Россіи можетъ-быть такъ, а за-границей на это жить можно.

— Да какъ вамъ жить за границей, Петръ Ивановичъ, возразилъ я съ отчаяніемъ.—Вы дѣлаетесь больны если недѣля у васъ прошла безъ гостей, а Иванъ Петровичъ гдѣнибудь закутилъ по сосѣдству. Вы выписываете *Русскій Инвалидъ* чтобы знать военныя новости днемъ раньше. Всѣ ваши корни въ Россіи, ваша кровь лилась на русскую землю. Романъ Тыщенко для васъ необходимость, слуга, другъ, увеселитель. Что для васъ Альпійскія горы? Способны ли вы одинъ вечеръ пробесѣдовать съ самымъ отличнымъ Швейцарцемъ? Что онъ вамъ скажетъ? Какъ станете вы жить безъ простора, безъ лѣса, безъ сада, безъ горы дровъ въ камелькѣ вашемъ?..

— Сергѣй Ильичъ, возразилъ хозяинъ, видимо тронутый моимъ воззваніемъ,—а какъ вы думаете, въ состояніи ли я буду имѣть дрова въ каминѣ и принимать гостей для развлеченія, то-есть скорѣе сказать, какой, предполагаете вы, при настоящихъ перемѣнахъ, окажется мой доходъ съ имѣнія?

— Я не могу знать вашихъ доходовъ, однако я самъ помѣщикъ одного съ вами края...

— Вотъ изъ этого-то ровно ничего не слѣдуетъ, что мы помѣщики одного края. Не только съ вами, но съ иными изъ ближайшихъ сосѣдей мы разнимся, будто жители разныхъ областей. У васъ земли бездна и она плоха, у меня земля превосходная, только ее меньше чѣмъ въ имѣніяхъ самыхъ малоземельныхъ губерній. У васъ мужикъ любитъ промысла и къ землѣ, просто равнодушенъ, а здѣсь мужикъ любитъ землю, и маленькимъ ея клочкомъ доволенъ не будетъ. Вчера ѣхалъ мимо меня нашъ же помѣщикъ Волковъ: онъ даетъ крестьянамъ весь надѣлъ, прибавляетъ маленькую лѣсную пустошь, а при немъ остается богатое имѣніе и оброкъ, то-есть доходъ еще увеличивается на какую-то небольшую сумму, кажется, если я вслушался, на триста цѣлковыхъ. У меня же и оброкъ будетъ ничтожный, и доля земли пустая, а вся разница въ двадцати верстахъ, и конечно то что̀ я отдаю крестьянамъ дороже и лучше всего Волковскаго надѣла!

— Однакоже, если земля ваша такъ хороша, ее будутъ нанимать подъ запашку, или вы сами, нанявъ рабочихъ, можете вести хозяйство попрежнему.

— Отдавать въ наймы землю — доходъ грошовый въ нашемъ краѣ. Вольный трудъ безъ неотступнаго личнаго наблюденія будетъ то же что̀ и невольный; только на устройство его понадобятся деньги, которыхъ у меня нѣту. И наконецъ, признаваться ли до конца? Я не нахожу въ себѣ ни силы, ни рѣшимости на тяжелый трудъ изъ-за куска хлѣба. Вы вотъ какъ-то называли себя человѣкомъ пожившимъ и усталымъ: да что́ значитъ ваша жизнь и ваша усталость передъ моими? Вы сдѣлали слишкомъ долгую прогулку и хотите перевести духъ, понѣжиться, полежать въ прохладѣ. Я ворочалъ камни и ищу свободнаго уголка, чтобъ умереть не помѣшали. Сергѣй Ильичъ, съ пятнадцати лѣтъ я жилъ на своей волѣ, часто безъ куска хлѣба. Я имѣлъ двѣ дуэли и былъ настоящимъ солдатомъ, носилъ ранецъ и ѣлъ солдатскую кашу. Я терялъ людей, которыхъ цѣнилъ болѣе жизни. Я видѣлъ всякое зло; у меня передъ глазами лежало поле заваленное трупами до того, что ногамъ, вымокшимъ въ человѣческой крови, ступить было некуда.

Болѣзнь довершила начатое нравственными потрясеніями, и теперь я никуда не годенъ.

Никогда еще не видалъ я Петра Ивановича такимъ краснорѣчивымъ.—Человѣкъ часто изнуряется до того, сказалъ я ему,—что кажется никуда не годнымъ, а время беретъ свое и возстановляетъ упавшія силы. Впрочемъ я и въ головѣ не имѣлъ вызывать васъ на сильную практическую дѣятельность. Я только совѣтовалъ вамъ не рѣшаться сгоряча и не удаляться изъ Россіи, безъ которой, по моему мнѣнію, вы жить не можете...

Разговоръ нашъ былъ на минуту прерванъ появленіемъ сосѣда Ивана Петровича, который влетѣлъ къ намъ, густымъ басомъ напѣвая какую-то грозную арію изъ *Лукреціи Борджіи*. Въ противоположность своему тепло-одѣтому другу, онъ былъ безъ шляпы, на ногахъ его были туфли, одежда же сверхъ полосатыхъ шальваръ состояла изъ коломенковаго мѣшка, представлявшаго нѣчто среднее между русскимъ халатомъ, греческимъ хитономъ и пальто гнилаго запада.—Ха! ха! ха! ха! закричалъ онъ:—кто это изъ васъ не можетъ жить безъ Россіи? Я всю жизнь по Россіи шатался. Отъ архангельскихъ клоповъ де кавказскихъ блохъ съ муху величиной, мою кровь пили всѣ русскіе звѣри, созданные для удовольствія путешественника? И несмотря на это, я долженъ сказать что обойдусь безъ Россіи какъ нельзя лучше, что даже на первое время за границей стану ругать ее такъ что лучше и требовать невозможно.

— Ну этого ты не будешь, и не долженъ дѣлать, не безъ строгости замѣтилъ Петръ Ивановичъ.

— Ругать не долженъ? Вотъ желать ей зла—другое дѣло, а отъ брани ея не убудетъ. Что я раздраженъ и недоволенъ, того я не скрываю, да наконецъ и скрывать это безполезно. Я не Ѳемистоклъ и не Регулъ. Въ этой лотереѣ, гдѣ выигралъ лишь тотъ кто меньше теряетъ, мнѣ достался билетъ самый скверный. Я лишаюсь четырехъ пятыхъ своего дохода и пожалуй еще, чтобы сохранить остатокъ, долженъ работать какъ каторжный. Вы скажете — общая польза. Да развѣ я перечу пользѣ общей? Развѣ я уклоняюсь отъ того, что даетъ лотерейный билетъ мнѣ попавшійся? Я не плутовалъ, я даже былъ остороженъ на языкъ, покуда крестьянскій вопросъ рѣшался. А теперь чего же мнѣ лицемѣрить? Желѣзная дорога прекрасное дѣло. Если

ей нельзя идти иначе какъ черезъ вашъ садъ, вы обязаны сойдти съ пути и уступить ей что требуется, даже еслибы васъ наградили за это весьма скудно. Но когда машина начнетъ свитать вамъ въ ухо и пускать вонючій дымъ въ окна, никакія мысли объ общемъ благѣ не дадутъ этому дыму запаха фіялки и не превратятъ свиста въ соловьиное пѣніе. Вы исполнили свой долгъ и имѣете полное право удрать отъ локомотивовъ, ругаясь сколько душѣ угодно. Ну да къ бѣсу эти толки! Идемте ко мнѣ; сегодня у меня наловили форелей.

— Очень намъ нужны твои форели, брюзгливо отвѣчалъ Петръ Ивановичъ:—Сергѣй Ильичъ пріѣхалъ ко мнѣ, и оба вы должны у меня обѣдать.

— Твой обѣдъ еще не заказанъ, ты накормишь по-гошпитальному, а у меня въ животѣ уже на трубахъ играютъ.

— Пусть играютъ: да у тебя я боюсь обѣдать, вѣчно наѣшься чего-нибудь тяжелаго.

Споръ, угрожавшій затянуться, наконецъ порѣшился тѣмъ что у Петра Ивановича положено было пировать завтра. Ночлегъ мой къ нѣкоторому огорченію подполковника также былъ назначенъ у Ивана Петровича.

— Какой чортъ у тебя можетъ ночевать? выразился по этому случаю Иванъ Петровичъ:—по комнатамъ пахнетъ микстурой и окон никогда не отворяютъ. Самъ ты только и говоришь что о Положеніи; по комнатамъ изъ комодовъ наложилъ всякой дряни; словно ужь завтра ѣхать въ дорогу. Э! поживемъ пока; день мой—и недѣля моя, и на мѣсяцъ хватитъ, чего же впередъ заглядывать? Вотъ у него карта Швейцаріи, и карта желѣзныхъ дорогъ, у меня этой гадости не увидите. Пора будетъ ѣхать, соберусь въ минуту; а до той поры у меня все по старому. Давайте руки... да сними хоть калоши, чудовище! Здоровѣе всякаго быка, а калоши не снимаетъ.

Мы пошли черезъ садъ Петра Ивановича, но потомъ вмѣсто прямаго пути, взяли вправо, по косогору, надъ рѣчкой. Ландшафтъ, какъ я сказалъ уже, поражалъ здѣсь особенною прелестью. Далеко, въ обѣ стороны, тянулась болотистая лощина съ ея лѣсками, лужайками и сверкающею рѣчкой; сѣнокосъ начинался и по разнымъ мѣстамъ виднѣлись кучки косцовъ, уже кончившихъ утреннюю часть работы. По отлогостямъ холмовъ шли запашки, сперва помѣщичьи, а

потомъ крестьянскія; хлѣбъ, особенно озимый, глядѣлъ несравненно пышнѣе чѣмъ въ окрестностяхъ Петровскаго. Не только качество земли, но самая манера хозяйства очевидно разнилась отъ той, какую видалъ я въ своемъ краѣ. Здѣсь сѣяли клеверъ, о которомъ у насъ никто не думалъ; ячмень, у насъ постоянно скверный, здѣсь взошелъ прекрасно; тоже и съ яровою пшеницей, у насъ давно оставленною. Будь пропорція земли на душу равна нашей, этотъ уголъ уѣзда, при нашихъ цѣнахъ хлѣба, могъ бы назваться золотымъ дномъ; но узкая лента барскаго поля и крестьянскія полоски мизернаго объема ясно показывали, что раскинуться некуда.

Пока мы шли, намъ то и дѣло встрѣчались крестьяне, возвращавшіеся съ своихъ работъ или шедшіе съ барскаго сѣнокоса къ деревнѣ. Передъ Петромъ Ивановичемъ шапки снимали они молча, и онъ имъ кланялся не говоря ни слова; но по взгляду ихъ на Ивана Петровича и по обмѣну привѣтствій легко было видѣть, что этотъ послѣдній пользовался безпредѣльною популярностью въ народѣ. Популярность Матвѣева, уже извѣстнаго читателю, можетъ-быть имѣла болѣе прочности, но она казалась ничтожною передъ этою популярностью. Извольте послѣ этого разгадать русскаго простаго человѣка? Иванъ Петровичъ Германъ, съ своею не русскою фамиліей, безалаберный хозяинъ, часто отягощавшій крестьянъ безтолковыми требованіями, и сверхъ того, если слухи справедливы, порядочный Ловласъ околотка, могъ назваться общимъ любимцемъ на сорокъ верстъ въ окружности. Вся тайна заключалась въ томъ, что онъ былъ всегда веселъ и всегда доступенъ, хотя доступъ къ нему никогда не приносилъ съ собой ничего кромѣ права на рюмку водки, крѣпкаго словца въ дружелюбномъ тонѣ, удара по плечу или по животу изо всей силы, да любезной шуточки, при которой Петръ Ивановичъ впадалъ въ краску, а сѣдой и богобоязливый слуга Павелъ, онъ же поваръ, садовникъ и ключникъ, качая головой, внушалъ барину: „хоть бы вы для праздника-то отъ такихъ словъ побереглись“. Но какъ бы то ни было, ни одинъ мужикъ не прошелъ въ этотъ день по дорогѣ, не побалагуривъ съ Иваномъ Петровичемъ. Дѣти къ нему бѣжали, онъ тресъ ихъ за чубъ, и они оставались довольны. Бабамъ и дѣвушкамъ, по обыкновенію, загибалъ онъ афоризмы неудобные къ печати, но ни мало

ихъ не конфузившіе. Свобода рѣчи была обоюдная и ничѣмъ не стѣсненная; одинъ старикъ сказалъ барину: „Ужели ты и вправду деревню-то продаешь? Отдуть бы тебя палкой!“ А приземистая бабенка, прошмыгнувъ мимо, присовокупила: „Тебѣ ли еще за нами худо—ишь какое брюшище выростилъ!“ Слушая такія интермедіи, мы добрались до *барака*, какъ назывался всѣми сосѣдями домъ Ивана Петровича. И снаружи и даже внутри онъ глядѣлъ баракомъ; и выкрасили его чѣмъ-то бѣлымъ, а пустыя стѣны были оклеены простою печатною бумагой безъ всякихъ красокъ и узоровъ. Стульевъ имѣлось всего штукъ восемь, столовъ и диванов въ сообразной этому пропорціи. Всѣ окна растворены, всѣ двери настежь. Петръ Ивановичъ, почуявъ сквозной вѣтеръ, набросилъ на себя халатъ хозяина и тутъ же велѣлъ Павлу затворить все что̀ только могло затворяться. А между тѣмъ жестоко ошибся бы вѣтреникъ, осмѣлившійся дурно думать объ удобствахъ жизни въ баракѣ Ивана Петровича. Самъ баринъ, конечно, могъ бы спать и на снѣгу безъ вреда здоровью; но онъ любилъ чтобы гостямъ его спалось хорошо, да и старикъ Павелъ не допустилъ бы въ домѣ неудобствъ или холода. Въ глухую осень, при вѣтрѣ, когда многіе помѣщичьи дома, даже богатые, походятъ на пещеру Эола, у Ивана Петровича въ баракѣ оказывалось и тепло и пріютно: комната, въ которой обыкновенно сидѣли и бесѣдовали вечеромъ, теплотой своею пораждала зависть даже въ Петрѣ Ивановичѣ. И все это должно было исчезнуть, и гостепріимному бараку, куда въ мятель и распутицу спѣшилъ сосѣдъ жаждущій отвести душу отъ несноснаго уединенія, предстояло или разрушиться, или что̀ еще хуже, превратиться въ пошлый унылый домъ избитаго покроя, выкрашенный дикенькою краской, разливающею уныніе на окрестный ландшафтъ! Мнѣ стало очень грустно, я призадумался, и день кончился бы вяло, еслибы Петръ Ивановичъ не развлекъ и не порадовалъ меня такими словами:

А вашъ пріѣздъ, можетъ-быть, заставитъ меня еще разъ подумать насчетъ продажи имѣнія. Зачѣмъ торопиться, покуда не гонятъ? А такую цѣну, какъ теперь, думаю намъ дастъ всякій.

— Еще бы нѣтъ! прибавилъ покладливый Иванъ Петровичъ. — Два лѣта какъ-нибудь промаячимъ, а удрать всегда поспѣешь!

Обычное расположеніе духа ко мнѣ вернулось. Я не догадался что Петръ Ивановичъ, внимательный и деликатный какъ бо́льшая часть мнительныхъ людей, понялъ мою грусть и разсѣялъ ее невинною ложью. Рѣшеніе двухъ друзей насчетъ эмиграціи оставалось неизмѣннымъ, но Петру Ивановичу и его другу не хотѣлось, чтобъ ихъ гость считалъ настоящее свиданіе *послѣднимъ свиданіемъ*.

IX. Волостной старшина и кандидатъ изъ Французовъ.

Послѣ отличнаго, но тяжелѣйшаго обѣда съ форелями и обычною свитой, я вышелъ изъ дома въ садъ Ивана Петровича, чтобы насладиться этими общепренебрегаемыми, но для меня весьма пріятными часами, когда лѣтній день еще не перешелъ въ вечеръ, но уже утратилъ свою духоту и излишнюю яркость. Тихо обошелъ я знакомыя мѣста, полежалъ подъ вѣковыми липами, знакомыми мнѣ съ дѣтства, и побродивши достаточно, пробрался въ ту комнату барака, въ которой обыкновенно сходились гости на вечернюю бесѣду. Упомянутая мною комната звалась кабинетомъ Ивана Петровича, хотя тщетно стали бы вы въ ней искать чернильницы, письменнаго стола, бумаги и перьевъ. Хозяинъ писалъ въ годъ двѣ или три записки; тѣмъ и ограничивались его кабинетныя упражненія. Книгъ въ кабинетѣ находилось множество, три стѣны были уставлены книгами русскими, французскими, нѣмецкими, и какими странными, какими *неупотребительными*, но за то какими занимательными! Библіотека эта досталась Ивану Петровичу по наслѣдству, съ имѣньицемъ. Онъ ее цѣнилъ мало и называлъ старымъ хламомъ, но для людей набившихъ себѣ оскомину учеными и литературными новинками, такой хламъ, особенно въ деревенской тиши, стоилъ золота. Тутъ капитанъ Кукъ стоялъ рядомъ съ барономъ Мюнхгаузеномъ, велерѣчивый Бугенвиль не стѣснялся присутствіемъ *Полночнаго Колокола. Монахъ, или пагубныя слѣдствія пылкихъ страстей*, красовался между альманахами временъ Дельвига, любопытнѣйшіе труды Мерсье въ какомъ-то змѣиномъ переплетѣ, были перемѣшаны съ разрозненными томами журнала *Благонамѣренный*.

А наивные нѣмецкіе юмористы, которыхъ имени не произнесешь безъ усилія, а французскіе *in quarto* съ краснымъ обрѣзомъ, печатанные въ Голландіи, а полное изданіе ежемѣсячныхъ сочиненій къ пользѣ и увеселенію служащихъ, а *Письмовникъ* Курганова, во всей первобытной полнотѣ съ анекдотами про духовныхъ особъ и образцами любовныхъ писемъ! Но въ силахъ ли мое слабое перо перечислить всѣ богатства библіотеки Ивана Петровича, библіотеки близкой моему сердцу, и за которую конечно не взялъ бы я лучшей библіотеки любаго петербургскаго литератора, еслибъ у литераторовъ петербургскихъ имѣлось когда-нибудь что-либо похожее на библіотеки?

Уже я сидѣлъ около получаса надъ фоліантомъ старинныхъ гравюръ, изображавшихъ во французскомъ стилѣ наиболѣе разительныя сцены изъ Фенелонова Телемака, когда домъ Ивана Петровича сталъ пробуждаться отъ послѣобѣденнаго усыпленія. Прежде всего показался старикъ Павелъ съ чайнымъ приборомъ, потомъ Романъ Тыщенко прошелъ по двору, таща съ собой военную шинель и красный вязаный шарфикъ—вѣрные признаки того, что подполковникъ намѣревается пробыть у сосѣда до ночи. Затѣмъ въ спальнѣ Ивана Петровича послышались зѣванье, чиханье, кашлянье и пѣніе. Наконецъ обѣ двери кабинета отворились въ одно время, и въ одну вошелъ Петръ Ивановичъ, а въ другую хозяинъ.

— Ба, ба, ба, кого я вижу! закричалъ Иванъ Петровичъ съ такимъ одушевленіемъ, какъ будто бы мы не видались цѣлые полгода:—уже онъ проснулся и читаетъ книгу! Или спалось худо, или комары мѣшали?

— Побойтесь Бога, отвѣчалъ я,—мы отобѣдали въ три часа, а теперь уже вечеръ. Я увѣренъ, что Петръ Иванычъ уже былъ и въ саду, и на покосѣ.

— Послѣ его обѣдовъ, брюзгливо сказалъ Петръ Ивановичъ, указывая на друга,—не много находишься. Вѣдь это хуже всякаго убійства наѣдаться такимъ образомъ. У меня до сей поры біеніе сердца, а еще что̀ завтра будетъ!!

— Правда твоя, правда, Петръ Иванычъ. Вотъ и со мной какая странная штука случилась...

Петръ Ивановичъ навострилъ уши, ему показалось, что сейчасъ представится случай пустить въ ходъ гомеопатическую аптеку.

— Едва я добрался до спальни, продолжалъ Иванъ Петровичъ, какъ на меня напала... какъ тебѣ сказать... чертовская какая-то слабость. Я прилегъ на постель и потерялъ всякое сознаніе. Пролежалъ я въ этомъ обморокѣ часа три и опомнился лишь передъ твоимъ приходомъ.

Громкій хохотъ сопровождалъ эту остроту насчетъ послѣобѣденнаго сна, которую и я слыхалъ до десяти разъ, но къ которой никакъ не могъ привыкнуть Петръ Ивановичъ. Онъ плюнулъ и сказалъ: „Экая пустомеля! а я въ самомъ дѣлѣ подумалъ было что съ нимъ что-то случилось.“

Павелъ принесъ самоваръ, и ставя его на столъ, сказалъ подполковнику, что *волостной* пришелъ къ нему зачѣмъ-то.

— Зови, зови его сюда! закричалъ Иванъ Петровичъ.—А! какое пріятное зрѣлище! продолжалъ онъ, когда въ комнату вошелъ худенькій мужичокъ, не то сѣдой, не то бѣловолосый отъ природы, съ лицомъ маленькимъ, незначительнымъ и некрасивою жиденькою бородкой. — Добро пожаловать, господинъ министръ внутреннихъ дѣлъ, старшина изъ старшинъ, первѣйшая голова въ дѣлѣ, защитникъ и покровитель нашей волости! Честь имѣю представить вамъ сосѣда Сергѣя Ильича Безыменнаго, изъ Французовъ, въ родѣ нашего кандидата [1], съ тою только разницей, что онъ не суется ни въ кандидаты, ни въ посредники. Имѣю счастіе предложить вамъ, Савелій Тихонычъ, стаканъ чая. Да что жъ ты не садишься, старая крыса? Ты теперь сановникъ, мы люди простые, чего тебѣ корячиться?

Старшина взялъ стаканъ, но сѣсть отказался.—Я только на минуточку къ Петру Иванычу, сказалъ онъ и обратился къ Зарудкину. Завтрашній день прогульщики выдутъ, время еще не ушло и безпокоиться не извольте. Одинъ только Иванъ Васильевъ, точно, ушибъ руку, и ...

— Да я и не трогаю Ивана Васильева, сказалъ Петръ Ивановичъ, и руку его я глядѣлъ, и отъ меня же беретъ онъ и лѣкарство.

— Только сдѣлайте одолженіе, батюшка Петръ Иванычъ, продолжалъ старшина,—ужь дайте себѣ трудъ, да и Платону скажите, чтобы не запускалъ разчета рабочимъ. Кто не

---

[1] Вѣроятно всѣмъ читателямъ извѣстно, что на случай отсутствія посредниковъ имѣются заранѣе выбранные кандидаты, обязанные править ихъ должность.

вышелъ или маячитъ въ полѣ безъ дѣла, дайте знать тотчасъ, а какъ накопится ихъ много, да пройдетъ недѣля, какъ тутъ разберешь праваго отъ виноватаго.

— И сказано, что Соломонъ премудрый! перебилъ Иванъ Петровичъ:—а правда ли Савелій Тихонычъ, что ты на сходкѣ называлъ кандидата Французомъ?

— Это тебѣ вздору напоролъ кто-то, спокойно возразилъ Савелій Тихоновъ:—Французъ онъ тамъ или Чухонецъ, намъ этого разбирать не приходится. Говорилъ я только, чтобъ его *безпокоили меньше*, чтобы прикащики да старшины разбирались сами, али слали въ волость, коли за споромъ что будетъ.

— Ну, а коли кандидатъ да за это взбѣсится?

— Что жь такое, батюшка? Не я лѣзъ на мое мѣсто, доходу мнѣ отъ него не прибыло; скажутъ, чтобы шелъ долой—не заплачу. Покуда былъ посредникомъ Дмитрій Алексѣичъ, меня и слышно не было, а теперь время другое.

— Ну признайся же, Савелій Тихонычъ, кандидатъ большой дуралей, такъ ли?

— Да мнѣ до этого какое дѣло, батюшка Иванъ Петровичъ, возразилъ старшина, ставя пустой стаканъ и кланяясь,—меня не приставляли рѣшать, какой тамъ у него разумъ. А что коли станешь его слушаться, такъ дойдешь до острога, это и я знаю, да и мужикъ ужь раскусилъ не сегодни.

И не взирая на убѣжденія Ивана Петровича, предлагавшаго ему еще чаю, волостной старшина, раскланявшись вышелъ изъ комнаты.

— Талейранъ, Талейранъ Перигорскій! закричалъ вслѣдъ ему веселый хозяинъ и затѣмъ, по моей просьбѣ, сообщилъ мнѣ кой-какія подробности о Савельѣ Тихонычѣ.

— До выборовъ въ нашей волости, началъ Иванъ Петровичъ, я почти и не зналъ Савелія, а кажется, знаю всякаго парнишку и всякую бабу по сосѣдству. Мужикъ онъ простой, хоть и богатый, торгу не ведетъ, семью держитъ въ порядкѣ, а такъ какъ у него женатыхъ сыновей пятеро, и всѣ живутъ не подѣлившись, то онъ нанимаетъ землю гдѣ только можетъ и хлѣба ставитъ столько, что хоть бы иному помѣщику въ пору. Я былъ на волостныхъ выборахъ. „Савелій, Савелій, Савелій“, кажется не было одного голоса противъ. Вышелъ Савелій и сталъ отказываться, за ста-

ростію и простотою. „Никого не хотимъ кромѣ тебя, Савелій Тихонычъ“. Старикъ попробовалъ съ другой стороны: „нравомъ я больно крутъ, братцы, выбирайте другаго, неравно сами всплачетесь“.—„Ничего что крутъ, намъ не бабу надобно.“ Больше ужь Савелій не спорилъ. „Ну, православные, и меня и мою семью вы знаете“, сказалъ онъ. „Дѣти у меня въ послушаніи, нѣвѣсткамъ воли не много, хозяинъ я у себя въ домѣ, хозяиномъ буду и въ волости. Такъ ужь и знайте, а за честь вамъ спасибо.“ И точно, я думаю такого порядка какъ у насъ нѣтъ ни въ одной волости по губерніи. Нѣтъ деревеньки, въ которой не побывалъ бы Савелій, сельскіе старшины ходятъ у него по стрункѣ; вотъ покосы едва начались, а я думаю онъ ужь успѣлъ объѣхать всѣ усадьбы. На руку онъ тяжелъ, и прежній посредникъ съ нимъ за это бранился, ну, а при теперешнемъ Савелью ни въ чемъ нѣтъ помѣхи.

— Неужели же вашъ кандидатъ, спросилъ я,—въ самомъ дѣлѣ оказался такою дрянью? Я близко знаю Ставицкаго и скорѣе думалъ, что онъ будетъ пристрастенъ къ крестьянамъ, кстати и не кстати.

— Да онъ и пристрастенъ; развѣ не слыхали Савелья: „съ такимъ начальникомъ дойдешь до острога?“ Зачѣмъ бы вы ни обратились къ Ставицкому, вы виноваты ужь за то, что вы помѣщикъ. Я думаю, еслибъ у меня порубили мужики всѣ яблони и груши изъ сада, онъ бы порѣшилъ такъ: „Это невинная шалость, крестьянину захотѣлось испытать, хорошо ли топить избу грушевыми дровами.“ Ну и выходитъ, что всѣ его рѣшенія уничтожаются на мировомъ съѣздѣ. Видитъ Савелій, видятъ и сами мужики, что дѣло не складно. Посредникъ говоритъ плюйте на помѣщика, а на съѣздѣ рѣшаютъ: посредникъ навралъ, на помѣщика плевать не надо, а васъ, коли станете дурить, отдуютъ на славу. Всякій старшина повѣсилъ бы носъ, а Савелій нашелся. Онъ созвалъ старостъ, побывалъ по усадьбамъ, гдѣ приходилось, заглянулъ на сходки. Смотришь, собща и порѣшили больше Павла Семеныча *не безпокоить*, а коли гдѣ затѣется споръ, обращаться къ Савелью Тихонычу. Такъ и идутъ дѣла ужь второй мѣсяцъ, къ общему удовольствію. У насъ, какъ вы знаете, на каждыхъ двадцати верстахъ свои нравы и обычаи. Въ нашемъ околоткѣ на мужиковъ очень жаловаться нельзя, за то бабы неистов-

ствуютъ какъ вѣдьмы. У меня въ одинъ день шесть бабъ не пошли на работу, за болѣзнію. Савелій накрылъ ихъ въ тотъ же день на ихней работѣ, и теперь бабы присмирѣли. За то когда сосѣдъ Плѣшаковъ потребовалъ работы отъ женщины беременной и слабой, старшина ему объявилъ: „ты ужь батюшка жалуйся кому знаешь, а въ нашей волости больная баба работать не станетъ.“ И еслибы Плѣшаковъ вздумалъ упрямиться, на мировомъ съѣздѣ ни одинъ голосъ за него бы не вступился.

— Грустно однакожь, замѣтилъ я, что такой честный и вовсе не глупый человѣкъ, какъ Ставицкій, дошелъ до того что сами крестьяне отшатнулись отъ него за негодностью.

— Да кто жь ему приказывалъ браться за дѣло, къ которому онъ не имѣетъ способностей. Отказаться отъ кандидатства не трудно, да и зачѣмъ было за него браться, зная что посредникъ собирается за границу, по болѣзни.

— Павла Семеныча Ставицкаго, сказалъ Петръ Иванычъ,—я считаю человѣкомъ вреднымъ, и...—тутъ подполковникъ понизилъ голосъ:—между нами сказать, революціонеромъ.

— Экъ куда хватила наша гомеопатія! возразилъ Иванъ Петровичъ.—Называть такихъ людей революціонерами это тоже какъ еслибы кто тебя и меня, за нашу молодость, назвалъ разбойниками. Мы и на дуэляхъ дрались и фонари били, а все-таки не стали извергами рода человѣческаго. Теперь молодежь другая, жизнь свою начала она подъ гнетомъ, разгула у нея не было, растрястись ей некуда, вотъ она и покрикиваетъ у себя въ четырехъ стѣнахъ, да прикидывается сердитою. Они съ народомъ, они за народъ, хоть и говорить съ мужиками не выучились. А я думаю, всколыхнись, народъ, да что я говорю всколыхнись!—просто подними одинъ палецъ, такъ у его радѣтелей отъ страха ноги отнимутся. Народъ сила большая!

Неизвѣстно до какихъ глубоко-политическихъ умствованій зашла бы наша дружеская бесѣда, еслибы не дало другаго направленія самое лицо, послужившее къ ней поводомъ. На косогорѣ, къ сторонѣ мызы Петра Ивановича, показалась телѣжка тройкою, а въ телѣжкѣ сидѣлъ такъ часто упоминаемый Павелъ Семеновичъ Ставицкій, кандидатъ и довольно близкій сосѣдъ нашихъ пріятелей. Изъ предше-

ствовавшихъ сужденій на его счетъ, можно было подумать что въ домѣ Петра Ивановича и въ баракѣ Ивана Петровича кандидату не встрѣтить хорошаго пріема; но деревня и уединеніе—великіе проводники терпимости. „Какъ посидишь недѣли три не видавши никого кромѣ старосты,“ говорилъ мнѣ одинъ посѣдѣлый помѣщикъ: „такъ и скажешь самъ себѣ: „хоть бы бестіи чиновники пріѣхали описывать имѣніе!“ Да кромѣ того Ставицкій и мои пріятели не имѣли причины для особенной вражды: въ волости, какъ мы уже знаемъ, дѣлами правилъ старшина Савелій; кандидатъ же, довольный тѣмъ что по крайней мѣрѣ не всѣ помѣщики его участка жалуются на него мировому съѣзду, цѣнилъ расположеніе Ивана Петровича и Петра Ивановича.

Я зналъ Ставицкаго болѣе десяти лѣтъ и часто видѣлся съ нимъ, то въ столицѣ, то за границей, постоянно поддерживая дружескія между нами отношенія. Не удавалось мнѣ до тѣхъ поръ видѣть его въ деревнѣ и лучше бы оно мнѣ никогда не удалось. Павелъ Семеновичъ получилъ образованіе не только что хорошее, но строгое и разнообразное; способности его не принадлежали къ роду дюжинныхъ, только наша русская лѣнь, которая подъ другими именами и масками губитъ насъ совершенно также какъ губила нашихъ отцовъ и дѣдовъ, скоро свела его въ разрядъ персонъ умѣющихъ хорошо говорить и неспособныхъ ни на что кромѣ разговора. Конечно, способности въ практической жизни даются не всякому, но Ставицкій, съ вѣтреностью мальчика, заглушилъ и испортилъ даже то въ чемъ судьба ему не отказала. Въ двадцать три года онъ удивлялъ самыхъ развитыхъ людей начитанностью и многосторонностью своихъ занятій; въ двадцать пять лѣтъ онъ уже не читалъ ничего кромѣ иностранныхъ журналовъ, въ двадцать восемь онъ нашелъ что можно довольствоваться двумя-тремя русскими; въ тридцать онъ сталъ и въ русскихъ журналахъ пробѣгать лишь текущія новости да статейки съ бранью. Одинъ видъ *книги* сталъ пугать его, человѣка рожденнаго и приготовленнаго именно для кабинетной дѣятельности. Попробовалъ онъ служить, и доклады писалъ прекрасно, но послали его наблюдать за неважною поставкой хлѣба и Павелъ Семеновичъ надѣлалъ самыхъ ребяческихъ промаховъ. Поѣхалъ онъ хозяйничать въ имѣніе, запустилъ дѣла еще

хуже чѣмъ они были запущены и утѣшилъ себя, объявивши, что до развязки крестьянскаго вопроса заниматься имѣніемъ глупо. Послѣ 19 февраля, Ставицкій принялъ должность кандидата, хорошо зная что мировой посредникъ его участка долженъ отлучиться на довольно долгое время: такое рѣшеніе могло назваться несчастнѣйшимъ въ его жизни, потому что и деревню, и мужика, и хозяйство, и самаго сосѣда-помѣщика зналъ онъ и понималъ менѣе нежели я знаю и понимаю чудеса санскритской литературы.

Въ послѣднее время часто приходится встрѣчать русскихъ людей вовсе не знающихъ жизни и въ то же время кинувшихся въ жизнь самую практическую: такіе люди прежде всего дѣлаются лгунами, и это первый ихъ шагъ къ нравственному крушенію. Трудно сказать самому себѣ: „не годенъ я къ этому дѣлу“, а отойдти въ сторону еще труднѣе, при нашей лѣни передѣлать себя и сызнова начать свое житейское воспитаніе. Гораздо легче обманывать себя и обманывать другихъ, умышленно или неумышленно. Гораздо легче сваливать отвѣтственность за свои промахи на невѣжество окружающей среды, на недостатки общества, на безобразные пороки ближнихъ. Къ чести Павла Семеновича надо сказать, что онъ по большей части былъ лгуномъ неумышленнымъ. Зоркость его ума давно уже ослабѣла отъ бездѣятельности, отъ спокойнаго продовольствія мыслями чужими и принятыми на вѣру. Онъ уже плохо видѣлъ свои недостатки. Въ тяжелой посреднической должности повсюду встрѣчая неудачи, недовѣріе, протесты передъ съѣздомъ, а на съѣздѣ постоянный отпоръ отъ Матвѣева и ему подобныхъ лицъ, Ставицкій отъ чистаго сердца вообразилъ себя гонимымъ рыцаремъ правды и прирожденнымъ поборникомъ угнетенныхъ, даже не догадываясь о томъ, что эти самые угнетенные, разгадавъ опрометчивость и безполезность его вмѣшательствъ, поспѣшили укрыться отъ нихъ за спиной простаго мужика Савелія Тихонова.

— Ба, ба, ба! Кто это къ намъ явился? Кто сей мужъ, суровъ лицомъ? по обыкновенію своему кричалъ Иванъ Петровичъ, принимая гостя:—садитесь, садитесь къ самовару, нашъ уѣздный Ледрю-Ролленъ, Меттернихъ и Гарибальди! (За сочетаніе именъ выше прописанныхъ пусть уже отвѣчаетъ Иванъ Петровичъ.) Вотъ вамъ Сергѣй Ильичъ,

человѣкъ не чужой. Вотъ Петръ Иванычъ, совершенно увѣренный въ томъ что вы пламенѣете желаніемъ носить его плѣшивую голову на пикѣ! Что новаго? Не открыли ли вы въ участкѣ какого-нибудь изверга-помѣщика, питающагося бифстексомъ изъ человѣческаго мяса? Все ли хорошо въ нашей волости?

Бѣдный Павелъ Семеновичъ съ первыхъ же словъ показалъ свое обширное знакомство съ ввѣреннымъ ему участкомъ.

— Старшиной я несовсѣмъ-то доволенъ, сказалъ онъ, не безъ важности сдвинувъ брови.

— Будто? Савеліемъ?

— Да, Савеліемъ. Лѣнивъ очень. Я думаю ни одинъ крестьянинъ въ вашей деревнѣ не знаетъ гдѣ волость и кто старшиной въ волости. Эти богачи-кулаки, какъ Савелій, либо тѣснятъ міръ, либо о немъ не заботятся.

— Побойтесь Бога, Павелъ Семенычъ, да не нищаго же прощалыгу выбирать въ сельскія должности.

— Не всякій нищій есть прощалыга, а разбогатѣвшій мужикъ...—И кандидатъ сказалъ небольшую тираду, которая, я думаю, имѣла бы свой смыслъ въ бѣглой статейкѣ о французскомъ крестьянинѣ.

— Эдакъ придется жалѣть о томъ, смѣясь возразилъ Иванъ Петровичъ,—что нашъ уѣздъ имѣетъ несчастье считаться не изъ бѣдныхъ. Надо надѣяться впрочемъ, что съ новыми поборами, да жалованьями старшинамъ да писарями и сельскими постройками, у мужика денегъ убавится.

— Ну а когда вашъ съѣздъ? спросилъ кандидата Петръ Ивановичъ.

— Къ несчастію на той недѣлѣ... При одномъ названіи этого глупѣйшаго съѣзда душа моя возмущается. Опять брань, опять эти шпильки, опять эти противныя лица. Еслибы можно было сваливать свое горе на другаго, я бы попросилъ Сергѣя Ильича бывать за меня на съѣздахъ.

— Благодарю за честь, отвѣчалъ я,—только не тяжело ли будетъ держать отвѣтъ за чепуху тобой надѣланную.

Едва я сказалъ эти слова какъ мнѣ самому стало горько за ихъ жесткость, а еще болѣе за то что я, самъ человѣкъ во многомъ похожій на Ставицкаго, позволилъ себѣ такое грубое нападеніе. Справедливо сказано, что между грѣхами ближняго мы любимъ карать лишь тѣ, къ которымъ сами наклонны. Почему писатели такъ безпощадно

грызутся, наперекоръ своимъ общимъ интересамъ, не оттого ли что ихъ слабости однородны? Отчего бюрократъ подкапывается подъ бюрократа и придворный ненавидитъ придворнаго? Конечно не изъ одного соперничества по мѣстамъ, но и изъ-за тождества пороковъ. Рѣдко шевелитъ насъ грѣшокъ къ которому мы душой не причастны.

Павелъ Семеновичъ взглянулъ на меня съ выраженіемъ грустнаго упрека.

— Если вступаться за людей, никогда не имѣвшихъ заступника, сказалъ онъ,—по твоему значитъ дѣлать чепуху, то я не оправдываюсь и не отказываюсь отъ отвѣтственности.

— Прости меня, Павелъ Семенычъ, сказалъ я,—съ теперешними спорами и разладомъ мнѣній сболтнуть чепуху еще легче чѣмъ ее сдѣлать. Дурной мысли я не имѣлъ; мнѣ только показался досаднымъ твой отзывъ о другихъ посредникахъ, которыми, кажется, всѣ довольны.

— То-есть ты разумѣешь, всѣ помѣщики.

— За Матвѣева ручаюсь, что имъ довольны и крестьяне.

— Да, онъ *командиръ* не дурной, и его слушаются, съ ироніей отозвался Ставицкій.

— Дорогой нашъ сосѣдъ, возразилъ Петръ Ивановичъ, обыкновенно оживлявшійся съ наступленіемъ вечера,—да больше намъ ничего не надобно; вѣдь еще не настала пора, когда людей можно будетъ вести впередъ одною краснорѣчивою фразой. Въ смутное и переходное время командиры, какъ вы называете, всего нужнѣе, лишь бы только они знали куда идутъ, и дѣла не портили.

— Да, Матвѣевъ знаетъ куда идти: къ сохраненію стараго, а портить не хочетъ онъ крѣпостнаго права. Спросите у кого угодно, вотъ его слова на послѣднемъ съѣздѣ: намъ довѣрены интересы крестьянъ и интересы помѣщиковъ, но сверхъ того намъ довѣрено кое-что третье, о чемъ въ Положеніи мало говорится. Передъ нами извѣстное количество хозяйствъ, которыхъ покуда ничто не измѣнило, и слишкомъ быстрый упадокъ которыхъ нанесетъ бѣдствіе всему краю. Я васъ спрашиваю, какъ понимать такую теорію?

— Какъ самый практическій и житейскій выводъ изъ того что у насъ передъ глазами, возразилъ Петръ Ивановичъ.—Крестьянскій вопросъ, до окончательнаго своего

рѣшенія, будетъ безпрестанно видоизмѣняться, и если мы не будемъ этого видѣть, а ломить безъ толку по одной прямой линіи, толку не выдетъ. Критическое положеніе сельскихъ хозяйствъ есть одно изъ явленій, можетъ-быть временныхъ и случайныхъ, но неоспоримыхъ и требующихъ немедленнаго вниманія. Его размѣровъ не предвидѣли составители Положенія, или они разчитывали на подмогу, которой не оказалось. Общее безденежье и упадокъ кредита еще придали ему особливую важность. Государство положительно не въ силахъ совершать большихъ тратъ, частная дѣятельность спитъ: гдѣ у насъ начала вольнаго труда, гдѣ запашки на смѣну брошеннымъ? Послѣ этого, какже осуждать Матвѣева и не поддерживать его?

— На этомъ основаніи, замѣтилъ Ставицкій,—будетъ лучше всего признать реформу лишь на словахъ, а на дѣлѣ оставить рабство съ его ужасами.

— Павелъ Семенычъ, отвѣчалъ подполковникъ,—и вы мало знаете сельскій бытъ внѣ нашего края, и я, хотя шатался по Россіи, но не принадлежу къ людямъ очень бывалымъ. Оставимъ же общія стороны вопроса и будемъ держаться своего околотка; тутъ мы не заплутаемся и можемъ провѣрять доводы наши. Вы думаете, что не надо щадить прежнихъ помѣщичьихъ хозяйствъ, ибо они поддержка ужасамъ рабства. Позвольте же спросить васъ, не за Россію, которой мы не знаемъ, но за нашу губернію и нашъ уѣздъ и вашъ участокъ, гдѣ тѣ ужасы рабства, которыхъ сносный посредникъ не можетъ уничтожить въ одинъ день, безъ всякой помѣхи, откуда бы то ни было? Вы скажете, что нашъ край богатъ, сближенъ съ столицами, что мужикъ здѣсь развитъ и стало-быть помѣщикъ смиренъ. Но вѣдь васъ и не назначали въ захолустье, обоимъ намъ менѣе знакомое чѣмъ берега Амура. Для чего же вы...

— Тутъ я и остановлю васъ, Петръ Иванычъ, въ свою очередь возразилъ кандидатъ:—остановлю затѣмъ чтобы доказать вамъ, какъ пристрастны вы къ своему краю и какъ мало знаете вы о безобразіяхъ, которыя мнѣ, по моей должности, мечутся въ глаза безпрерывно. Знаете ли вы, что здѣсь, вблизи отъ васъ, въ моемъ участкѣ, открылъ я сильнаго барина, который, съ помощію страха и нечеловѣческихъ жестокостей, держитъ при себѣ двухъ жен-

щинъ, по прямому смыслу Положенія освобожденныхъ и имѣющихъ полное право оставить его, внесши оброкъ за два года?

— Кто же это? спросили мы съ Петромъ Ивановичемъ.— Кто сей Аппій Клавдій новаго времени, добавилъ Иванъ Петровичъ, не скрывавшій своего недовѣрія.

— Никто иной какъ твой дядя, Сергѣй Ильичъ, отвѣчалъ кандидатъ,—твой дядя Борисъ Николаичъ Борженецкій, разныхъ орденовъ кавалеръ и воинъ временъ давнишнихъ. И все дѣло велось такъ хорошо, что я только на дняхъ видѣлъ этихъ несчастныхъ молодыхъ женщинъ и отъ нихъ самихъ узналъ всѣ подробности.

— Ужь не *пѣвицы* ли это? опять спросилъ Иванъ Петровичъ.

— Именно пѣвицы, состоящія при жадринскомъ замкѣ Борженецкаго, хотя тамъ давно ужь нѣтъ ни оркестра, ни домашняго театра.

— Постойте, однакоже, Павелъ Семенычъ, въ свою очередь сказалъ подполковникъ,—да развѣ вы не знаете, что Борисъ Николаичъ еще въ мартѣ распустилъ, и не къ чести его прибавить, даже разогналъ всѣхъ своихъ дворовыхъ?

— Разогналъ безполезныхъ, а эти дѣвушки слишкомъ хороши собою чтобы выпутаться безъ вмѣшательства власти.

— Послушайте, однако, дражайшій сосѣдъ, началъ Иванъ Петровичъ,—дѣломъ этимъ конечно нельзя пренебрегать, но, ради Бога и для своей выгоды, ведите его съ крайнею осторожностью. Пѣвицъ этихъ я нѣсколько знаю, онѣ безпрестанно шатаются по всѣмъ деревенскимъ и сельскимъ праздникамъ... соберите о нихъ полныя свѣдѣнія на бумагѣ, непремѣнно на бумагѣ, а ужь потомъ дѣйствуйте. Борисъ Николаичъ...

— То-есть, говоря короче, вы даете замѣтить, что мнѣ не подъ силу схватиться съ Борисомъ Николаичемъ?

— Любезнѣйшій другъ, Павелъ Семенычъ, перебилъ я, замѣчая, что до ссоры не далеко,—можно ли такъ перетолковывать совѣтъ, самый радушный и дружескій? Никто не думаетъ стѣснять твоихъ дѣйствій, но исторія тобой разказанная такъ необычайна, что ей нельзя дать хода безъ самаго точнаго разслѣдованія. Гдѣ видѣлъ ты этихъ дѣвушекъ? Сами онѣ къ тебѣ явились?

— Смѣютъ онѣ подумать о моей мызѣ! Я встрѣтилъ ихъ въ Никольскомъ, на ярмаркѣ.

— Если онѣ безпрепятственно ходятъ по ярмаркамъ, значитъ могли бы побывать у тебя, и надзоръ за ними не такой неусыпный. Ты знаешь, что дяди моего я не защищаю, но ты позволишь мнѣ сказать, что Борисъ Николаичъ человѣкъ не глупый и щедрый на свои прихоти. Правдоподобно ли, чтобъ онъ рѣшился на открытое нарушеніе закона для удержанія *пѣвицъ*, которыя уже не первый годъ въ этомъ званіи, и по всей вѣроятности, охотно въ немъ останутся за приличное жалованье?

— И молодыя дѣвушки, жаждущія свободы, и развратный старикъ, не знающій границъ своему произволу, не способны поступать логически, возразилъ кандидатъ.

— Положимъ такъ, согласился я,—но почему же никто по сосѣдству не знаетъ и не говоритъ о неистовствахъ Бориса Николаича относительно этихъ невольницъ? Ты, безъ сомнѣнія, знаешь, что въ уѣздѣ новости летаютъ съ быстротой и секреты домашней жизни невозможны. Павелъ Ивана Петровича и Романъ Тыщенко въ точности знаютъ что̀ ты кушалъ сегодня за обѣдомъ, нѣтъ ли у тебя больныхъ коровъ въ стадѣ и кто изъ твоихъ крестьянъ вноситъ оброкъ исправно. Всякая гадость, дѣлавшаяся въ имѣніяхъ дяди, обходила весь край и часто залетала далеко, въ Петербургъ, что̀ его наконецъ и обуздало. Почему же мы не знали и не слыхали ужасовъ съ пѣвицами? Тутъ дѣло не въ нравственной сторонѣ,—Борженецкій позволялъ и способенъ дозволить себѣ дѣла еще худшаго самовластія,—но если ты думаешь, что отъ него зависитъ утаить хоть что-либо изъ своихъ дѣлъ, то это значитъ, что сельскій бытъ и деревенскіе языки тебѣ совсѣмъ не знакомы.

Много разъ потомъ я жалѣлъ, что высказанныя мною замѣчанія сообщилъ я Павлу Семеновичу не наединѣ, а въ присутствіи людей, съ которыми онъ до значительной степени разнился по воззрѣніямъ. Въ довершеніе неловкости, я предложилъ кандидату, во время моего предстоящаго визита у дяди, вывѣдать у домашнихъ кой-какія подробности о дѣвушкахъ приносившихъ жалобу. Это показалось Ставицкому прямымъ вмѣшательствомъ въ его дѣла, и онъ усиленно попросилъ меня, во все пребываніе въ Жадринѣ,

ни словомъ, ни движеніемъ не показывать, что я знаю о загадочной исторіи. „Да тебѣ будетъ и некогда, добавилъ онъ,—я самъ туда собираюсь, не теряя времени.“

Остатокъ вечера прошелъ мирно и пріятно; до крестьянскаго дѣла больше не касались. Послѣ ужина кандидатъ уѣхалъ, а Петръ Ивановичъ повторилъ приглашеніе на слѣдующій день къ обѣду и тоже побрелъ во свояси.

X. Нравоучительная глава о томъ, какое великое дѣло вольный трудъ въ рукахъ искуснаго хозяина.

Слѣдующій день положено было провести у Петра Ивановича, а послѣ обѣда, съ наступленіемъ прохладныхъ часовъ, я и Иванъ Петровичъ имѣли направиться къ дядѣ Борису Николаевичу, замокъ котораго находился верстахъ въ двадцати отъ нашихъ пріятелей. У меня на душѣ лежала просьба барышни Олимпіады Павловны; что же до Германа, то онъ уже съ недѣлю не былъ въ гостяхъ, и радъ былъ прокатиться не только къ моему дядѣ, но къ самому Вельзевулу. Согласно рѣшенію, лошади были готовы въ шестомъ часу вечера, но выѣхали мы гораздо позже. Вопервыхъ, обѣдъ Петра Ивановича затянулся; онъ состоялъ блюдъ въ девяти, не тяжелыхъ, это правда, но изобильныхъ. Кажется, каждое кушанье отдѣльно было изготовлено для слабыхъ желудковъ, а въ цѣломъ оказалось отяжелѣніе общее, и хозяинъ утѣшилъ себя лишь тѣмъ, что сообщилъ намъ принимаясь за пирожное: „Могу поручиться только за то что завтра буду боленъ при смерти.“ Затѣмъ, невозможнымъ оказалось прервать сонъ Ивана Петровича до того часа, въ который онъ обыкновенно прерывался. Лѣнивецъ мычалъ, отмахивался руками, прикидывался больнымъ, наконецъ вставалъ съ дивана, и чуть его оставляли въ покоѣ, засыпалъ растянувшись въ креслѣ. Солнце почти садилось, когда мы простились съ Зарудкинымъ и выѣхали. Удушливый день уступалъ мѣсто ночи столько же удушливой; небо заволоклось зловѣщими тучами; все предвѣщало проливной дождь, если не лѣтнюю грозу. И не сдѣлали мы пяти верстъ какъ насъ охватили сумерки,

какія-то особенныя сумерки, мягкія и грозныя въ одно и то же время. Огромныя капли теплаго дождя закапали, застучали въ коляску; кучеръ поднялъ ея верхъ и набросилъ на себя что-то кожаное, а Иванъ Петровичъ, безъ умолку сообщавшій мнѣ разныя уѣздныя новости, былъ прерванъ сильнѣйшимъ громовымъ ударомъ. Кто способенъ не восхищаться іюньскою грозою? Кто не любилъ весенняго свѣжаго грома, и даже этихъ теплыхъ, стремительныхъ потоковъ дождя, такъ жадно впиваемаго изумрудными полями? Однако пріятнѣе было бы любоваться грозой изъ окна своего дома, и мы скоро въ томъ убѣдились: тучи повисли хуже прежняго, мракъ не уменьшался, и мы съ Иваномъ Петровичемъ скоро замѣтили, что кучеръ мой ѣдетъ по какой-то ужь слишкомъ узкой дорогѣ, между лугами и перелѣсками какъ будто незнакомыми. Попался перекрестокъ, и возница, придержавши лошадей, спросилъ Ивана Петровича куда брать направо или налѣво. „Направо,“ отвѣчалъ тотъ съ увѣренностію. Версты на три потянулся какой-то дрянной лѣсъ, а затѣмъ опять перекрестокъ. Новый вопросъ, и на этотъ разъ нѣкоторое раздумье со стороны сосѣда. „Опять направо,“ сказалъ онъ, безъ прежней рѣшительности. Наконецъ мы заѣхали въ болотную трущобу, сдѣлали какой-то объѣздъ цѣликомъ по косогору, замучили лошадей, выѣхали на подлѣйшій проселокъ и все-таки оставались въ надеждѣ что скоро увидимъ передъ собой усадьбу Бориса Николаевича. Гроза перестала, тучи раздвинулись; несмотря на позднюю пору, стало замѣтно свѣтлѣе. Вотъ, въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ показалась деревня, правѣе еще деревня и какое-то очень высокое зданіе. Пріѣхали, подумалъ я, и однако не узнавалъ мѣста, въ особенности не могъ догадаться куда дѣвался огромнѣйшій прудъ дяди, и почему домъ, когда-то обставленный вѣковымъ паркомъ, высочайшими липовыми рощами, теперь стоитъ словно на пустырѣ. Еще я глядѣлъ во всѣ глаза и сомнѣвался, когда хохотъ Ивана Петровича сызнова загремѣлъ надъ моимъ ухомъ.

— Экъ мы куда протѣсали! провозгласилъ онъ вглядываясь по одному со мной направленію:—вѣдь до Бориса Николаича отсюда пятнадцать верстъ слишкомъ! Это Евдокимовская мыза Гривки, и придется здѣсь пристать на ночь.

Я отвѣчалъ, что вовсе не знакомъ съ Евдокимовымъ, что

ночевать въ незнакомомъ домѣ опасно, по части сѣверныхъ скорпіоновъ и тарантуловъ, и что наконецъ неловко въ такую позднюю пору вторгаться въ чужое жилище.

— А проѣхать развѣ будетъ ловко? возразилъ Иванъ Петровичъ,—это приметъ Евдокимовъ за личную обиду. Наконецъ, если продолжать путь, необходимо нанять лошадей; ваши деликатныя лошадки едва духъ переводятъ.

Кучеръ подтвердилъ эти слова. Мы остановились невдалекѣ отъ барскаго двора и послали встрѣчнаго караульщика доложить о нашемъ появленіи.

Пока крестьянинъ исполнялъ данное порученіе, я глядѣлъ на домъ господина Евдокимова. Извѣстно, что всѣ большія деревянныя зданія имѣютъ печальную наружность; деревянная постройка непремѣнно должна имѣть малый объемъ и уютность: нѣсколько этажей и широкіе размѣры никакъ не поладятъ съ нею. Можетъ-быть вслѣдствіе черняго сумрака, но вѣрнѣе вслѣдствіе своего объема незнакомый господскій домъ показался мнѣ не то сараемъ, не то фабрикой. Въ окнахъ его еще мелькали огни, причемъ легко усматривалось, что окна не украшены ни сторами, ни занавѣсями. Передъ главнымъ фасомъ дома красовалось что-то въ родѣ партера, только безъ цвѣтовъ, и какъ оказалось поутру, полнаго сорною травою. Садъ казался большимъ, но деревья были такъ тощи и малы, что на тѣнь ихъ не позволялось разчитывать; по увѣренію Ивана Петровича, садъ былъ насаженъ давно и, одинъ чортъ знаетъ почему, все оставался въ одномъ положеніи. Болѣе разсматривать было нечего и некогда, потому что около дома началось движеніе, ворота распахнулись и на крыльцо съ бѣлыми на подобіе флейточекъ колоннами, расточая намъ горячія привѣтствія, вышелъ самъ хозяинъ.

— Добро пожаловать, дорогіе гости! Давно искалъ случая, Сергѣй Ильичъ, съ вами познакомиться. Вотъ спасибо грозѣ такъ спасибо!

И возглашая эти слова Аполлонъ Андреевичъ Евдокимовъ выказывалъ свое энергическое къ намъ радушіе всѣми зависящими отъ него путями. Когда я выходилъ изъ коляски, онъ безъ всякой надобности поднялъ меня на руки какъ перышко и поставилъ на землю; потомъ совершилъ тоже съ тучнымъ Иваномъ Петровичемъ; потомъ пожелалъ самъ тащить изъ экипажа мой

чемоданчикъ и дорожный мѣшокъ моего спутника. Отворивши дверь, онъ побѣжалъ передъ нами вверхъ по лѣстницѣ, оглянулся, сбѣжалъ внизъ и сдѣлалъ вторичное восхожденіе вмѣстѣ съ нами. Напрасно намекнулъ я ему о желаніи оправиться отъ дороги гдѣ-нибудь въ особой комнатѣ, онъ прокричалъ: „къ чорту церемоніи!“ и провелъ насъ прямо въ большую комнату, гдѣ сидѣли его жена, двѣ большія дочери, одна племянница и одна гувернантка. Всѣ эти дамы не показались мнѣ очень красивыми, въ особенности супруга Аполлона Андреевича по наружности своей могла бы зваться его матерью, даже бабушкой. Самъ Евдокимовъ, несмотря на волоса съ сильною просѣдью, имѣлъ видъ молодцоватаго, красиваго мальчика, тоненькій, мускулистый, безпокойный, онъ, казалось, каждую минуту куда-то порывался, собирался куда-нибудь бѣжать или отхватать нѣкую совершенно неожиданную штуку руками и ногами. Комната, въ которую вошли мы, не опозорила бы собой барака Ивана Петровича: мебели въ ней находилось такъ мало, что хозяинъ самъ приволокъ два стула изъ сосѣдняго аппартамента. За то на одной стѣнѣ висѣлъ огромнѣйшій портретъ Екатерины II, во весь ростъ, а на другой, масляными же красками изображалась охота за тигромъ. На каминѣ стоялъ большой серебряный кубокъ, очевидно выигранный на конской скачкѣ.

— Ну-съ, драгоцѣнный нашъ Аполлонъ Андреичъ, началъ мой спутникъ, послѣ первыхъ разспросовъ, предложеній чая и рекомендацій, — давненько мы таки съ вами не видались. Какъ живется въ вашемъ краѣ? Нынче сами знаете, на всякихъ десяти верстахъ что-нибудь есть особливое. Что работы? не гадитъ ли посредникъ? тихо ли по сосѣдству?

При вопросахъ этихъ, дамы начали смѣяться, а племянница хозяина, дѣвица бойкая и должно-быть всѣми признаваемая за умницу, произнесла: „штрафъ, штрафъ съ Ивана Петровича!“

Я освѣдомился о томъ, чѣмъ провинился мой пріятель.

— Это ужь у насъ такое условіе, отвѣчала дѣвица, закуривая папироску на лампѣ, причемъ табакъ посыпался въ огонь и причинилъ какое-то разстройство свѣтильнѣ,— всю зиму въ уѣздѣ столько говорили о крестьянскомъ вопросѣ; мы наслушались такихъ отсталыхъ и однообразныхъ сужденій, что для огражденія себя согласились больше

не говорить ни о крестьянахъ, ни о хозяйствѣ, ни о Положеніи. За нарушеніе закона *вотируется*, по большинству голосовъ, какое-нибудь взысканіе.

— Это все вздоръ и женская чепуха, добавилъ Аполлонъ Андреевичъ,—взыскивайте себѣ съ тѣхъ кто не развязался со старымъ порядкомъ, а для меня и моего имѣнія крестьянскій вопросъ, дѣло прошлое. Я могу разсуждать о немъ какъ разсуждаетъ какой-нибудь Испанецъ или Англичанинъ. Я развязался съ мужиками еще до февраля мѣсяца, я благословилъ барщинниковъ на всѣ четыре стороны, я ввелъ у себя вольный трудъ, я купилъ машинъ на три тысячи цѣлковыхъ и знать не знаю никакихъ затрудненій!

— Слышалъ я, слышалъ о вашихъ нововведеніяхъ, замѣтилъ Иванъ Петровичъ,—только не погорячились ли вы на первыхъ порахъ; человѣкъ-то вы черезчуръ ретивый!

— Ретивость еще не большой порокъ, смѣясь сказалъ Аполлонъ Андреевичъ.

— Гдѣ же вы добыли вольныхъ рабочихъ: изъ Финляндіи, или можетъ въ Пруссію посылали?

— Изъ Пруссіи придетъ артель къ осени...

— Самое время, а до той артели?

— Да что вы, Иванъ Петровичъ, будто по своему сосѣдству рабочихъ не стало?

— Не то что не стало, а ихъ просто никогда не было. Спросите у мужиковъ, легко ли дается имъ нанять въ семью работника, или *казака*, какъ они называютъ? При удобствѣ всякаго рода заработковъ, въ нашемъ краѣ свободный парень не такъ-то охочъ до полевой каторги. Да и вообще у насъ большой охоты къ земледѣлію не имѣется. Придется выбирать изъ людей дрянныхъ, пустодомовъ, или изъ гулякъ, которыхъ своя семья держитъ на привязи.

— Оно можетъ-быть и такъ, весь воодушевившись возразилъ Аполлонъ Андреевичъ, а хозяинъ-то на что? Его дѣло воодушевить, пріучить, направить рабочаго, наградить тамъ, взыскать здѣсь, подать примѣръ дѣятельности. Я, конечно, не въ правѣ считать себя большимъ мастеромъ; но я чувствую, что судьба предназначила меня быть земледѣльцемъ, производителемъ, изобрѣтателемъ...

Тутъ исхудалая и сморщенная супруга хозяина тяжело вздохнула; должно-быть ей хорошо было извѣстно, къ чему судьба предназначила Аполлона Андреевича.

— Да, продолжалъ господинъ Евдокимовъ, совершенно упившійся своимъ краснорѣчіемъ,—о вольномъ трудѣ говорятъ и пишутъ много вздора, да болтунамъ ли, дрянным ъ ли писакамъ безъ кола и двора понимать это дѣло? Для меня, господа, вольный трудъ то же что военное обученіе для хорошаго начальника. Я самъ служилъ въ кавалеріи. Поглядите когда въ эскадронъ приведутъ рекрутъ—дрянныхъ, гнилыхъ, такихъ, что иной и къ лошади подойдти не смѣетъ. И что жь? отъ взгляда, отъ слова, отъ хорошаго воодушевленія, вы потомъ не узнаете тѣхъ же рекрутъ—молодцы да и только! Вотъ если у тебя оказывается такое призваніе, такъ и берись за хозяйство. Очень, очень, всей душой я радъ, господа, что вы заглянули въ наше уединеніе. Завтра, если будемъ живы, я надѣюсь вамъ показать что такое значитъ вольный трудъ въ рукахъ искуснаго хозяина.

Послѣдовали новый вздохъ супруги и новая импровизація со стороны Аполлона Андреевича. Онъ говорилъ такъ горячо и задорно, что дамы, начавшія было свой разговоръ со мною, прекратили его очень скоро: хозяинъ кажется не любилъ постороннихъ бесѣдъ во время своего одушевленія. Когда подали ужинъ, дѣло дошло до того, что господинъ Евдокимовъ собирался взять въ аренду всѣ запашки, кинутыя помѣщиками по губерніи, перепархивая съ рабочими изъ усадьбы въ усадьбу, воздѣлать поля по лучшему способу, подготовить огромныя массы хлѣба и направить ихъ частію въ Петербургъ, частію за границу. Операція обѣщала сто на сто, а если взять въ соображеніе неизбѣжное возвышеніе цѣнъ съ будущимъ годомъ, то и гораздо болѣе. Къ удовольствію моему, ужинъ былъ и коротокъ и невкусенъ; безъ этого намъ можетъ-быть пришлось бы увѣдать и не о такихъ громадныхъ замыслахъ.

— Странный человѣкъ вашъ Евдокимовъ, сказалъ я Ивану Петровичу, когда насъ оставили однихъ въ пустой комнатѣ безъ сторъ, кроватей и столовъ, съ постелями посланными на узенькихъ диванчикахъ. Мое ложе, говоря къ слову, было покрыто вмѣсто одѣяла халатомъ, довольно засаленнымъ.

— Нисколько не странный, отвѣчалъ Иванъ Петровичъ, покуда я вынималъ изъ мѣшка пледъ и замѣнялъ имъ халатъ, не соблазнявшій меня нисколько,—вовсе не стран-

ный. Онъ просто дуракъ, только къ сожалѣнію дуракъ до крайности бодрый и дѣятельный. У простаго человѣка различные дурацкіе планы обыкновенно остаются въ головѣ и кончаются разговоромъ, а этотъ чудачина такъ и рвется примѣнять ихъ къ дѣлу. Видѣли вы призовой кубокъ на каминѣ? онъ стоитъ Евдокимову половины состоянія. Аполлону Андреичу когда-то вообразилось что выгодно завести конскій заводъ, въ нашемъ краѣ, при нашихъ урожаяхъ и цѣнахъ хлѣба! Ранѣе того, онъ придумалъ пароходство по такой рѣкѣ, какую въ лѣтніе мѣсяцы куры въ бродъ переходятъ. Теперь онъ отдался вольному труду, и конечно не броситъ своихъ дѣлъ, покуда не запутается съ руками и ногами. Хорошо еще что у него тесть съ толстою сумой — извѣстный откупщикъ Сапожищевъ; безъ того давно бы ему сидѣть гдѣ-нибудь въ темницѣ, другимъ мудрецамъ на поученіе.

Вслѣдъ за этимъ приговоромъ нашъ Иванъ Петровичъ захрапѣлъ. И я бы совершилъ то же съ большимъ удовольствіемъ, но къ несчастію я засыпаю медленно, а двѣ или три минуты на изготовленномъ для меня диванѣ достаточно показали, что въ домъ Аполлона Андреевича безъ персидскаго порошка ѣздить невозможно. Къ довершенію несчастія, солнце стало всходить (по случаю поздняго пріѣзда мы и разошлись поздно), красные лучи его били прямо въ нашу комнату. Проклиная судьбу, я поскорѣе одѣлся, зажегъ сигару, сѣлъ у окна и сталъ глядѣть на жидкій садишко, съ этой стороны примыкавшій къ дому. Давно не видалъ я мѣстности болѣе унылой и сада до такой степени безтолковаго. Прямо подъ окнами шла аллея чахлыхъ березокъ, ея песчаная дорожка вся заросла цѣпкими травами, а немного правѣе шла другая дорога, вновь засыпанная краснымъ пескомъ съ остатками выведенныхъ по немъ узоровъ. Около забора, за небольшимъ прудомъ, виднѣлось строеніе въ родѣ бани,—гнилое, покривившееся; шагахъ въ сорока отъ него стоялъ новенькій китайскій павильйонъ носившій на стѣнахъ всѣ цвѣты радуги. Сигара моя кончалась, и я начиналъ дремать въ жесткомъ креслѣ, когда надъ ухомъ моимъ раздались страшныя проклятія, и я увидалъ предъ собой Ивана Петровича, въ ночномъ уборѣ, однимъ прыжкомъ очутившагося далеко отъ своей постели. — Подлецъ! каторжникъ! душегубецъ! шу-

мѣлъ онъ,—это низость оставлять у себя гостей, не имѣя комнаты опрятной! Глядите на мои руки, я весь искусанъ! Велимте закладывать, Сергѣй Ильичъ. Ѣдемъ сію же минуту! Съ такими разбойниками нечего церемониться!

Не безъ большихъ усилій убѣдилъ я Ивана Петровича, что если проѣхать мимо мызы Евдокимова вчера казалось ему неловкимъ, то покинуть эту мызу, въ самую средину ночи, значило нанести ея хозяину кровавое оскорбленіе и что наконецъ наносить ближнимъ кровавыя оскорбленія изъ-за негодныхъ клоповъ—не приходится. Поспоривъ нѣсколько времени, мы согласились провести остатокъ ночи въ креслахъ и утромъ уѣхать послѣ чая.

Часу въ восьмомъ неугомонный господинъ Евдокимовъ уже влетѣлъ въ нашу несчастную спальню. Его нисколько не удивило то, что онъ засталъ насъ дремлющими въ креслахъ и даже то что Иванъ Петровичъ, на вопросъ о томъ какъ ему спалось, отвѣчалъ съ озлобленіемъ: „чрезвычайно скверно!“—„Лѣтомъ спать вредно,“ сказалъ Аполлонъ Андреевичъ, „я самъ уже три часа на ногахъ и два раза обошелъ все по хозяйству. Самъ не понимаю что со мной дѣлается! И въ молодости былъ я живымъ, въ полку звали меня непосѣдой, а теперь право сталъ я еще хуже. Вотъ такъ и не сидится, такъ бы все копалъ, ломалъ, строилъ, распоряжался. Хоть бы сегодня: самъ поднялъ рабочихъ всѣхъ до единаго, самъ разставилъ косцовъ, да за то какъ же пошла и работа! Просто огонь, а не люди! Я думаю, теперь рядовъ то, рядовъ то сколько навалили! Право, хоть самому стать впереди и косить—

„Ты коса ль моя,
Коса острая,
Не тупися ты,
О младу траву!

„Вотъ ужь пятый десятокъ пошелъ, а все не могу уходиться!“

Видя что Аполлонъ Андреевичъ по случаю лирическихъ порывовъ совершенно забылъ о всей житейской мелочи, мой спутникъ сошелъ внизъ, добылъ какого-то мальчишку, тазъ, воду и рукомойникъ, потомъ потребовалъ чаю и послѣ долгихъ хлопотъ получилъ желаемое, причемъ былъ напоенъ чаемъ и самъ хозяинъ. M-me Евдокимова и другія дамы,

какъ оказалось изъ разспросовъ, вставали не ранѣе перваго часа. Чайный приборъ, намъ поданный, какъ нельзя болѣе гармонировалъ со всею обстановкой мызы: чайникъ былъ прекрасный, старый берлинскій, хотя съ отбитымъ носикомъ; вмѣсто молочника предстояла красная глиняная кружка, а на одной изъ чашекъ было написано синими буквами: „въ знакъ пріязни и дружбы.“

— Ну господа, теперь въ поле! закричалъ хозяинъ, еще не допивши до половины свой стаканъ чая,—въ поле, на работу, здѣсь духота и бабье! Что̀ за воздухъ послѣ вчерашней грозы, просто конфеты. На покосъ, на покосъ! вы не уѣдете не увидавши моего хозяйства. Кабы всѣ трудились какъ нашъ братъ, не было бы слышно о томъ что тамъ кидаютъ запашку, тамъ распродаютъ скотъ... тьфу, какое малодушіе! Ну беремте шапки, идти не далеко, съ полверсты, налѣво, за перелѣскомъ.

И мы вышли. Утро точно было превосходное, только даже оно никакъ не могло украсить собою помѣстій Аполлона Андреевича. Трехъэтажный деревянный домъ съ желтыми стѣнами и красною крышей былъ просто гадокъ. Роща около знаменитаго локоса казалась красивою, но отъ скудости ли почвы, отъ тѣсноты ли, ея деревья лѣзли вверхъ не пріобрѣтая ничего въ толщину. Впрочемъ на прогулку я не жалуюсь; Евдокимовъ три раза покидалъ насъ, забѣгая то на конюшню, то въ кузницу, то въ сарай, куда поставили молотильную машину. Всякій разъ онъ приглашалъ насъ съ собою, но мы уклонялись, и Аполлонъ Андреевичъ, окончивъ обозрѣнія, догонялъ насъ бѣглымъ шагомъ.

Молотильная машина заняла хозяина довольно долго, такъ что мы съ Иваномъ Петровичемъ, не торопясь и бесѣдуя, успѣли пройдти рощу, маленькій перелѣсокъ за нею и дойдти до косцовъ, такъ великолѣпно открывшихъ работу. Къ удивленію нашему, мы увидѣли скошеннымъ лишь самый непримѣтный клочокъ луга; рабочіе же, не взирая на раннюю пору, казалось, сами себя наградили полнѣйшимъ отдыхомъ. Описывая обязанный трудъ крестьянъ въ Петровскомъ, я упомянулъ, что въ немъ имѣлось нѣчто кислое и госпитальное; въ сельцѣ Гривкахъ Евдокимова, напротивъ того, вольный трудъ походилъ на картину сельскаго увеселенія. Люди, отставивши косы, сидѣли по двое и по трое, бесѣдуя подъ деревьями; въ сторонѣ, два

весьма чахлые парня боролись при общимъ смѣхѣ, двѣ бабы, пробиравшіяся по дорогѣ, свернули на покосъ, и около нихъ образовался кружокъ, повидимому, очень веселый. Если у меня лѣнились такъ неловко и невыгодно для самихъ лѣнивцевъ, то здѣсь наука праздности имѣла уже нѣчто удалое и самоувѣренное. Не доставало лишь гармоники и присутствія нѣсколько бо́льшаго числа лицъ изъ прекраснаго пола, чтобы составить нѣчто въ родѣ дивертисемента или „именинъ благодѣтельнаго помѣщика.“ Я остановился на краю луга и глядѣлъ съ изумленіемъ. Иванъ Петровичъ расхохотался, и придвинувшись къ борцамъ, сталъ громкими восклицаніями поощрять удачные маневры атлетовъ...

— Бездѣльники, дармоѣды! Такъ-то вы работаете, негодяи! раздался неподалеку громовый голосъ, и господинъ Евдокимовъ, весь красный, съ сжатыми кулаками, выбѣжалъ на лугъ изъ перелѣска. Онъ былъ дѣйствительно страшенъ въ эту минуту; при пустой головѣ и вспыльчивости, Аполлонъ Андреевичъ не имѣлъ недостатка въ самолюбіи, и горько показалось ему что гости, только что наслушавшись хвастливыхъ его рѣчей, вдругъ наткнулись на подобное рабочее безобразіе. Подобно вихрю ворвался онъ въ кружокъ, составившійся около двухъ бабенокъ, и кружокъ мгновенно разскочился; одинъ парень изъ него упалъ на четвереньки, а бабы стрѣлой побѣжали къ дорогѣ. Потомъ Евдокимовъ схватилъ за шиворотъ какого-то сановитаго мужика въ кафтанѣ, повидимому подрядчика или старосту (остальные косцы, числомъ до двадцати, были въ рубашкахъ), потресъ его изо всей силы и кинулъ на земь. Рабочіе взялись за косы и, не очень торопясь однако, заняли покинутыя мѣста; только боровшіеся парни, въ жару состязанія, не послѣдовали общему примѣру. Аполлонъ Андреевичъ очутился и тутъ, съ криками и бранью, передать которые конечно мое перо не въ силахъ. Старшій изъ парней получивъ добраго тумака, тотчасъ же кинулся на работу, но меньшой, какъ кажется чахоточный и задорный, только посторонился и сказалъ хозяину: „драться-то, баринъ, нынче не положено.“ Никогда не видалъ я даже на картинахъ лица, сколько-нибудь похожаго на лицо Аполлона Андреевича тотчасъ послѣ этого отвѣта. „Убью!“ глухо крикнулъ онъ, какъ-то подался впередъ всею грудью и поднялъ налившіеся кровью глаза на смѣлаго парня.

Тотъ не выдержалъ взгляда и кинулся бѣжать какъ сумашедшій не къ рабочимъ, не къ дорогѣ, а черезъ болото, къ рѣчкѣ и стоявшему за ней еловому лѣсу. Евдокимовъ кинулся за бѣгущимъ, прыгая черезъ кочки, опускаясь въ трясины по колѣно, но предыдущіе подвиги его утомили, онъ плюнулъ, вернулся и направился къ намъ, отирая потъ катившійся градомъ. Мы съ Иваномъ Петровичемъ стояли, какъ вкопаные, стыдясь, возмущаясь душой и все-таки чувствуя всю комическую сторону сценъ такъ неожиданно передъ нами разыгравшихся.

Евдокимовъ добрался до насъ. „Совсѣмъ уморился," проговорилъ онъ, и въ голосѣ его не было слышно даже малѣйшихъ слѣдовъ недавняго гнѣва. „Трудъ-то пожалуй себѣ вольный, а все-таки острастка ему не мѣшаетъ. Глядите, глядите-ка, какъ пошли откалывать, прибавилъ онъ указывая на косцовъ, которые въ самомъ дѣлѣ начали косить не худо.

— Работаютъ-то они ничего, только такими острастками вы себя уморите въ одинъ мѣсяцъ, замѣтилъ Иванъ Петровичъ.

— Не говоря о томъ, что растеряете всѣхъ рабочихъ, добавилъ я, не скрывая чувства отвращенія.

— Рабочихъ растеряю? съ веселымъ смѣхомъ возразилъ Аполлонъ Андреевичъ:—на этотъ счетъ безпокоиться не извольте. Или вы думаете, что мужику не вкусно получать на всемъ на готовомъ, по восьми цѣлковыхъ, да еще *ничего не дѣлая?*

— Аполлонъ Андреичъ! со смѣхомъ же сказалъ Иванъ Петровичъ, послѣ настоящаго великаго изреченія нѣтъ никакой надобности въ дальнѣйшемъ осмотрѣ вашихъ нововведеній. Теперь мы оба видимъ и понимаемъ вполнѣ, какое великое дѣло вольный трудъ въ рукахъ искуснаго хозяина!!!

С. БЕЗЫМЕННЫЙ.

ВСЯКОМУ СВОЕ

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

Dem Einen die Perle, dem Andern die Truhe.

H. Heine.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Безъ отчаянія и унынія похоронила своего мужа Софья Михайловна Бухарова. Для нея онъ давно уже не существовалъ: обманутая въ своихъ лучшихъ надеждахъ, обманутая въ любви мужа, наконецъ въ немъ самомъ, она перестрадала это тяжелое разочарованіе и стала совершенно равнодушна къ мужу. Но какъ утопающій хватается за соломинку, такъ и люди обманувшіеся въ чемъ-нибудь еще съ большею цѣпкостью ищутъ ухватиться за что-нибудь иное. У Софьи Михайловны былъ сынъ, и на немъ сосредоточилась вся ея жизнь.

Она сама начала учить Леонида, такъ что помимо всѣхъ гувернантокъ и гувернеровъ онъ перешелъ прямо съ ея рукъ къ болѣе серіознымъ наставникамъ. Года шли однообразно одинъ за другимъ: зима посвящалась ученію, а лѣто

отдыху. Софья Михайловна не могла надивиться какъ это Леонидъ, изъ крошечнаго ребенка, сдѣлался такъ скоро сперва большимъ мальчикомъ, а вслѣдъ за тѣмъ почти и молодымъ человѣкомъ. До восьмнадцати лѣтъ онъ жилъ въ такомъ отдаленіи отъ свѣта и общества, что не имѣлъ о нихъ никакого практическаго понятія. Софья Михайловна нашла наконецъ, что пора исправить это упущеніе, и рѣшилась на слѣдующее лѣто отправиться погостить въ деревню къ одной изъ своихъ дальнихъ родственницъ, Ксеніи Петровнѣ Будаковой. Въ предшествующіе годы, Бухарова постоянно проводила вакаціонное время Леонида въ своемъ имѣніи, гдѣ жила вдвоемъ съ сыномъ въ совершенномъ уединеніи, не имѣя никакихъ знакомствъ. Эта идиллическая жизнь вполнѣ удовлетворяла ея желаніямъ: она какъ будто превращалась въ Руссо, а Леонидъ въ Эмиля. Онъ почти не отходилъ отъ матери; она разказывала ему что-нибудь, заставляла его самого говорить, останавливала вниманіе ребенка на всемъ что̀ ихъ окружало, и неутомимо слѣдила за каждымъ движеніемъ его души. Софья Михайловна поставила себѣ единственною цѣлью въ жизни создать счастливое будущее своему сыну и твердо вѣрила, что его будущее зависитъ исключительно отъ нея одной. „Вотъ какъ я стану воспитывать его!“ „Вотъ что̀ я изъ него сдѣлаю!“ „Вотъ, какъ я устрою жизнь его!“ Она такъ рѣшительно подводила всѣ итоги, какъ будто жизнь и будущность ея сына были какою-то вещью находившеюся въ ея полномъ распоряженіи. Конечно, она предвидѣла при этомъ разныя препятствія, вмѣшательство постороннихъ вліяній; но ей казалось, что такого рода борьба не могла имѣть иного исхода, кромѣ ея же полнаго торжества. Въ этомъ она убѣждалась еще болѣе, когда прочитывала въ глазахъ сына безграничную привязанность къ себѣ. Леониду минуло уже семнадцать лѣтъ, когда въ послѣдній разъ онъ проводилъ каникулы, по обыкновенію, вмѣстѣ съ матерью, въ одномъ изъ отдаленныхъ ея помѣстій. Софья Михайловна замѣтила скоро, что Леонидъ уже не то чѣмъ онъ былъ прежде, и что въ немъ произошла какая-то значительная перемѣна. Конечно, онъ былъ съ нею такъ же предупредителенъ, ласковъ, нѣженъ, какъ и прежде, а все же въ немъ была замѣтна какая-то перемѣна. Они попрежнему были неразлучны, читали и гуляли вмѣстѣ, и разъ, какъ-то, отойдя далеко отъ

дому, они сѣли отдохнуть въ тѣни густаго лѣса. Леонидъ легъ на траву, подперъ голову рукой и сталъ задумчиво смотрѣть въ даль. Въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ любящая и гордая мать, молча любовалась имъ и, дѣйствительно, имъ можно было любоваться: онъ былъ замѣчательно хорошъ. Мальчикъ сбросилъ шляпу, и легкій вѣтерокъ прихотливо путалъ и взбивалъ его шелковистые, черные волосы; едва замѣтный пухъ слегка оттѣнялъ его верхнюю губу; загорѣлыя щеки, при малѣйшемъ волненіи, покрывались яркимъ румянцемъ. Въ настоящую минуту онъ былъ задумчивъ; то была тихая, безцѣльная, безсознательная дума. „Леонидъ!“ тихо произнесла его мать. Онъ ничего не отвѣчалъ. „Леонидъ!“ сказала она громче. Онъ повернулъ къ ней голову.

— Помнишь, Леонидъ, какъ два года тому назадъ мы сидѣли на этомъ самомъ мѣстѣ, и насъ засталъ здѣсь сильный дождь?

— Нѣтъ, не помню, отвѣчалъ онъ разсѣянно.

Этотъ отвѣтъ нѣсколько удивилъ Софью Михайловну; такъ рѣдко случалось, чтобы Леонидъ чего-нибудь не помнилъ.

— Неужели ты забылъ? Да помнишь, мы зашли въ избу къ пчельнику, чтобъ укрыться отъ дождя, и еще такъ долго сидѣли тамъ и говорили. Вотъ я такъ помню даже о чемъ мы говорили съ тобой: вспоминали о твоемъ дѣтствѣ, о томъ какъ ты былъ боленъ въ скарлатинѣ... ты еще сказалъ тогда, что вѣрно мнѣ тяжеле было видѣть тебя больнымъ чѣмъ тебѣ самому переносить эту болѣзнь. Ну, теперь помнишь?

— Помню, отвѣчалъ онъ какъ-то нерѣшительно, какъ бы сомнѣваясь, помнитъ ли онъ это въ самомъ дѣлѣ, или это ему только такъ кажется.

Софья Михайловна пристально посмотрѣла на Леонида: „онъ скучаетъ!“ подумала она, и въ первую минуту мысль эта сильно ее встревожила. И такъ уже съ нѣкотораго времени ревнивой матери чаще и чаще стало западать въ голову опасеніе, что сынъ ея не можетъ постоянно и исключительно принадлежать ей одной. Придетъ наконецъ время, когда онъ полюбитъ и, быть-можетъ, полюбитъ сильно, такъ полюбитъ, что для иной привязанности въ его сердцѣ не будетъ уже мѣста. „Все это возможно, но этого

никогда не будетъ!“ успокоивала она себя, и ей нужно было себя успокоивать, потому что такія предположенія приводили ее въ ужасъ. Надобно отдать ей справедливость: она дорожила привязанностію сына не столько для себя, сколько для него же самого: ей казалось, какъ это кажется большей части любящихъ женщинъ, что счастье дорогаго имъ человѣка прочно и вѣрно только въ ихъ рукахъ: ну кто же другой можетъ его понять и оцѣнить? кто сумѣетъ его успокоить, приласкать, сказать ему вовремя слово утѣшенія?.. конечно, никто. Онѣ увѣрены, что только онѣ сумѣютъ сберечь и охранить любимаго человѣка отъ всякой невзгоды. Софья Михайловна была убѣждена, что никто и никогда не пойметъ и не оцѣнитъ Леонида такъ какъ она, что никто такъ неусыпно и такъ исключительно не будетъ, да и не сумѣетъ позаботиться о его счастьи. Вотъ какъ она представляла себѣ его будущность: прежде всего онъ будетъ очень образованный человѣкъ, нисколько однакожь не сухой; хорошія его качества должны непремѣнно располагать къ нему всѣхъ, кто только его знаетъ; въ жизни самая лучшая дорога будетъ ему открыта; заботы обо всѣхъ удобствахъ его она, конечно, приметъ на себя. Она станетъ стараться, чтобъ онъ былъ спокоенъ и доволенъ, на сколько это достижимо. И онъ будетъ любить ее всѣми силами души, не столько даже изъ признательности сколько по влеченію; онъ будетъ любить ее больше, несравненно больше чѣмъ всѣхъ остальныхъ. Она сама выберетъ ему ту дѣвушку, которая должна посвятить ему свою жизнь; онъ изъ ея же рукъ приметъ жену, и за то еще болѣе станетъ любить свою мать. О возможности разстаться съ сыномъ Софья Михайловна никогда и не помышляла. Жизнь ея совершенно слилась съ его жизнью; она только имъ и дышала и вслѣдствіе того перешла къ заключенію, что вѣроятно и онъ точно также не можетъ жить безъ нея. Она современемъ будетъ руководить воспитаніемъ его дѣтей и раздѣлять съ Леонидомъ и его женой всѣ заботы по этому предмету. Но все это еще далеко, а пока онъ принадлежитъ ей, исключительно одной ей.

И вдругъ Софья Михайловна замѣтила, что Леонидъ скучаетъ. Она сильно задумалась и внимательно стала наблюдать за нимъ; ей хотѣлось, чтобъ онъ самъ заговорилъ и съ намѣреніемъ, или даже неумышленно, высказалъ

свое настроеніе. Но Леонидъ молчалъ и оставался разсѣяннъ и задумчивъ. Болѣе часа она ждала, чтобъ онъ заговорилъ и все напрасно; наконецъ она сочла лишнимъ ждать долѣе. „Да можетъ-быть онъ и самъ не понимаетъ, что ему скучно,—такъ тѣмъ лучше," подумала она.

— Леонидъ, я теперь отдохнула, пойдемъ домой, сказала Софья Михайловна.

Леонидъ всталъ и, какъ бы говоря самъ съ собою, тихо сказалъ:—Какая тутъ глушь!

— А мнѣ это-то и нравится, перебила мать:—посмотри, какой славный видъ отсюда.

— Нѣтъ, я не о томъ говорю, но тутъ никого нѣтъ по сосѣдству....

— Такъ что же? спросила Софья Михайловна очень хладнокровно.

— Да вотъ мнѣ пришло сейчасъ въ голову какъ бы хорошо было ѣздить съ кѣмъ-нибудь на охоту съ собаками; я еще никогда такъ не охотился.

Леониду навернулось на языкъ это желаніе только при вопросѣ матери; сначала же ему просто хотѣлось, чтобъ было полюднѣй и пошумнѣй. Софья Михайловна была очень рада, что мысли ея сына приняли такой оборотъ.

— Такъ что же? сказала она ему ласково:—это очень легко исполнить. Тутъ по сосѣдству, вѣроятно, найдется много охотниковъ изъ крѣпостныхъ или однодворцевъ; можно пригласить ихъ. Я достану тебѣ славныхъ охотничьихъ собакъ.

Леонидъ остался этимъ очень доволенъ, и всю дорогу проговорилъ объ охотѣ.

Софья Михайловна не только доставляла ему всѣ удовольствія, какихъ онъ желалъ, но и сама придумывала все что могла, чтобы только постоянно занимать и развлекать его. Она купила ему превосходныхъ верховыхъ и упряжныхъ лошадей; онъ катался каждый день, часто ѣздилъ на охоту; иногда Софья Михайловна и сама отправлялась съ нимъ на рыбную ловлю, въ лодкѣ. Вмѣсто отдыха, она садилась подлѣ него и читала ему какія-нибудь серіозныя историческія сочиненія. Словомъ, она старалась, чтобы мальчикъ былъ занятъ съ утра до вечера и не имѣлъ времени скучать отъ бездѣйствія. „На лѣто ему станетъ занятій и развлеченій, думала она,—а на будущій годъ

я уже не повезу его сюда.“ Она понимала, что уже пора познакомить Леонида съ обществомъ, но не хотѣла ввести его въ бывшій кругъ знакомыхъ своего покойнаго мужа, какъ бы боясь, что сынъ можетъ пойдти по стопамъ отца; а кругъ ея знатной родни, тетушекъ и бабушекъ, не могъ бы конечно удовлетворить Леонида. Софья Михайловна имѣла въ виду свою дальнюю родственницу, Ксенію Петровну Будакову, которую знала и уважала какъ женщину умную, добрую и образованную. У нея были, въ настоящее время, двѣ дочери: старшая лѣтъ девяти и младшая лѣтъ семи. Мать нѣжно любила обѣихъ дѣвочекъ, и для того чтобъ исключительно посвятить себя дѣтямъ, она оставила столицу и переселилась въ деревню, находившуюся верстахъ въ четырехъ отъ маленькаго уѣзднаго городка, довольно чистенькаго и красиваго. Въ этомъ городкѣ находился источникъ минеральныхъ водъ, очень полезныхъ для золотушныхъ дѣтей, и потому Будакова переѣзжала въ городъ со всѣмъ семействомъ почти на все лѣто, что̀, впрочемъ, ни мало не мѣшало имъ пользоваться всѣми деревенскими удовольствіями.

Ксенія Петровна давно уже приглашала Бухарову провести вмѣстѣ съ нею лѣто, но та все откладывала эту поѣздку, извиняясь подъ какимъ-нибудь предлогомъ. Наконецъ она сама напомнила своей родственницѣ о ея приглашеніи, обѣщаясь пріѣхать вмѣстѣ съ Леонидомъ и прогостить у нея цѣлое лѣто. Софья Михайловна не упускала изъ вида, что у Будаковой есть дочери; она знала ихъ обѣихъ, и была увѣрена, что современемъ онѣ будутъ дѣвушки съ добрыми наклонностями, хорошо образованныя и къ томуже очень богатыя невѣсты. По праву родственницы, она не будетъ терять ихъ изъ вида, будетъ изучать образъ ихъ воспитанія, и ужь конечно не допуститъ себя ошибиться въ нихъ. Она заблаговременно постарается сблизить съ ними Леонида: сначала они свыкнутся, потомъ между ними установятся дружескія отношенія, а тамъ, очень естественно, дружба перейдетъ въ любовь, и такъ какъ никакихъ препятствій не предвидится, то они и будутъ счастливы. Вѣроятно, это будетъ Леночка; потому что Ольга еще очень мала, да она и не такъ хороша собою, какъ ея старшая сестра.

II.

Софья Михайловна съ сыномъ отправились къ Будаковой. Уже стемнѣло, когда они въѣхали въ городъ. Карета ихъ остановилась у подъѣзда большаго деревяннаго дома. Ихъ встрѣтила привѣтливая хозяйка съ дѣтьми и двумя гувернантками, и вскорѣ все общество расположилось вокругъ самовара.

— Какъ Леночка и Ольга выросли! замѣтила между прочимъ Бухарова.—Онѣ обѣ пополнѣли, и цвѣтъ лица сталъ у нихъ лучше.

— Ну, какъ я рада! отвѣчала заботливая мать:—онѣ довольно слабаго здоровья, и я не позволяю имъ много учиться; теперь онѣ только языками занимаются: вотъ Mme Грау учитъ ихъ по-нѣмецки, а Mlle Колле́ по-французски.—При этомъ хозяйка указала глазами сперва на пожилую Нѣмку, помѣщавшуюся между обѣими дѣвочками, а потомъ на молодую, вертлявую Француженку, довольно хорошенькую. Глаза Софьи Михайловны остановились на этой послѣдней. „Очень не дурна!“ подумала она, всматриваясь въ ея оживленные каріе глаза, вздернутый носикъ и пунцовыя губы: „а должно быть кокетка! Она уже разъ десять успѣла взглянуть украдкой на Леонида... Ему уже восьмнадцать лѣтъ, и онъ, какъ на зло, похорошѣлъ въ послѣднее время...“ Въ эту минуту Mlle Колле́ привстала, чтобы достать хлѣба, и перегнулась надъ столомъ. Ея движенія отличались живостію, но иногда могли казаться ужь слишкомъ рѣзкими. „И сложена не дурно,“ замѣтила про себя Софья Михайловна Она посмотрѣла на сына, а Леонидъ не успѣлъ еще и оглядѣться. Онъ обводилъ глазами вокругъ всей комнаты, поочередно разсматривая и воротничокъ на шеѣ хозяйки, и самоваръ, и рукавчики Mlle Колле́, и картины, въ обиліи развѣшенныя по стѣнамъ, и собаку, бѣгавшую кругомъ стола. Казалось, ему до всего было дѣло.

— Леонидъ, ты вѣдь, конечно, помнишь Леночку, спрашиваетъ его мать.

— Какъ же, maman, очень помню!

— А я васъ совсѣмъ не помню, отвѣчаетъ Леночка, мелькомъ взглядывая на Леонида, причемъ сильно покраснѣла, потупилась и безпокойно завертѣлась на стулѣ.

— И я совсѣмъ не помню, подтверждаетъ Ольга, смотря въ глаза сестры и тоже конфузясь.

— Какія же вы деревенщины! замѣчаетъ Ксенія Петровна съ улыбкой:—что же вы конфузитесь вашего cousin?

— Это ничего не значитъ, ma tante, отвѣчаетъ Леонидъ, тоже слегка краснѣя сверхъ всякаго ожиданія:—вѣдь онѣ меня не знаютъ; а вотъ я постараюсь быть какъ можно любезнѣе, и тогда надѣюсь заслужить расположеніе моихъ кузинъ.

Mlle Коллé взглянула на него и одобрительно улыбнулась. Онъ тоже совершенно неожиданно посмотрѣлъ на нее, вмѣсто того чтобы взглянуть на своихъ маленькихъ родственницъ.

На другой день все общество отправилось осматривать окрестности; вышли за городъ; дѣти съ гувернантками шли впереди, и Леонидъ присоединился къ нимъ. Mlle Коллé завязала разговоръ съ молодымъ человѣкомъ; она принялась разспрашивать его о петербургскихъ новостяхъ, и хотя онъ почти никакихъ не зналъ, однако она осталась очень довольна его отвѣтами. Потомъ совершенно неожиданно обратилась она къ дѣтямъ, и сказала имъ: „Ну, вотъ, дѣти! я теперь разкажу вашему cousin всѣ ваши секреты.“

Дѣти съ крикомъ уцѣпились за нее и стали упрашивать, чтобъ она ничего не говорила. Она бѣгала отъ нихъ, показывая видъ, будто хочетъ разказать Леониду всѣ ихъ сокровенныя тайны, возилась и смѣялась съ ними точно ребенокъ.

— Посмотрите, какъ они веселы, замѣтила Ксенія Петровна, шедшая съ Бухаровой немного поодаль:—я очень рада, что Mlle Коллé такая живая: дѣтямъ никогда не бываетъ съ нею скучно.

— Да, она слишкомъ еще молода и едва ли способна заниматься серіозно съ дѣтьми.

— Нѣтъ, ничего; къ тому же вѣдь она не одна при нихъ, а Mme Грау очень положительная и аккуратная Нѣмка. По-

французски же Mlle Колле́ учитъ ихъ очень исправно. Правда, это дѣлается какъ бы играя; но мнѣ именно это-то и нравится.

— А много онѣ у васъ учатся? спросила Софья Михайловна, думая совсѣмъ о другомъ.

— Нѣтъ, я уже говорила вамъ, что не позволяю имъ долго заниматься; а теперь на лѣто я и вакацію имъ дала.

— Какъ же онѣ проводятъ теперь время?

— Онѣ встаютъ очень рано, берутъ ванны и потомъ долго гуляютъ. Вотъ если Леонидъ охотникъ до раннихъ прогулокъ, то ему, можетъ-быть, было бы пріятно гулять вмѣстѣ съ ними.

— Конечно. А съ кѣмъ гуляютъ дѣти?

— Съ Mme Грау. Сначала мои гувернантки хотѣли чередоваться, но Mlle Колле́ очень лѣнива рано вставать, такъ что Mme Грау добровольно согласилась побалавать ее немножко и позволяетъ ей спать сколько угодно.

— Леонидъ вѣроятно съ удовольствіемъ будетъ гулять вмѣстѣ съ ними, сказала Софья Михайловна.

На другой день Леонидъ всталъ очень рано и отправился гулять вмѣстѣ съ дѣтьми. Они пришли въ общественный садъ, совершенно запустѣлый, красивый и живописный. Mme Грау сѣла на скамейку и принялась работать; дѣти начали бѣгать, играть въ мячикъ и въ *серсо*; Леонидъ отошелъ подальше, усѣлся на травѣ подъ деревьями и принялся читать. Все время онъ не отрывался отъ этого занятія; только разъ, когда Леночка подошла къ нему и спросила что онъ читаетъ, онъ сказалъ ей названіе книги и показалъ виньетку на заглавномъ листѣ.

На слѣдующее утро, какъ только Mme Грау стала одѣваться, чтобъ идти гулять съ дѣтьми, въ комнату ея впорхнула Mlle Колле́, совсѣмъ уже готовая.

— Это что такое? проговорила удивленная Нѣмка.

Въ отвѣтъ она получила множество ласкъ, а наконецъ услыхала слѣдующее:

— Ахъ, моя милая, добрая Mme Грау! вы не повѣрите какъ мнѣ совѣстно, что вы до сихъ поръ исполняли мою обязанность и вмѣсто меня гуляли съ дѣтьми. Но этого больше не будетъ, увѣряю васъ, никогда не будетъ. Вѣдь вы очень устаете, когда гуляете съ ними?

— Нѣтъ, нельзя сказать, чтобъ очень; я только довожу ихъ до сада, а тамъ за то все время сижу.

— Ахъ, бѣдная, милая Mme Грау! Вы еще, пожалуй, могли простудиться. Мнѣ такъ совѣстно, такъ совѣстно...

— Да ничего, ничего. Въ другой разъ и вы для меня что-нибудь сдѣлаете.

— Ну, конечно; все, что̀ вы только захотите.

— А вы насчетъ прогулокъ не стѣсняйте себя: если вамъ тяжело рано вставать, то я опять буду ходить за васъ съ ними.

— Нѣтъ, душа моя, очень вамъ благодарна; я ужь не допущу васъ до этого; мнѣ, право, такъ совѣстно.

— Ну, какъ хотите, отвѣчала добродушная Mme Грау.— Такъ вы идите съ дѣтьми, а я пока пощу купить ягодъ; мнѣ хочется сварить себѣ варенье.

— Пожалуста, и меня въ долю возьмите.

Говорливая Нѣмка распространилась было о вареньяхъ, но Mlle Коллѐ убѣжала отъ нея, не давъ ей окончить начатой фразы. Отправились; дѣти шли впередъ, взрослые сзади. Леонидъ и Mlle Коллѐ говорили всю дорогу, такъ что для обоихъ время прошло совершенно незамѣтно. Въ саду просидѣли довольно долго, но Леонидъ и не раскрывалъ своей книги. Француженка предложила прогуляться по городу, и всѣ съ удовольствіемъ приняли это предложеніе.

— Вотъ пойдемте на ту гору, сказала она:—оттуда долженъ быть славный видъ.

Пока они медленно взбирались на гору, Mlle Коллѐ восхищалась лѣтнимъ утромъ и утверждала, что нѣтъ ничего пріятнѣе раннихъ прогулокъ.

— Такъ отчего жь вы прежде-то никогда не гуляли съ нами? спросила Леночка, подсмѣиваясь.

— Не перебивайте, когда большіе говорятъ, замѣтила ей строго гувернантка.

Ольга весело проговорила:

— А я знаю, почему вы пошли сегодня съ нами гулять, знаю, знаю...

Mlle Коллѐ остановилась какъ вкопаная, даже Леночка какъ будто чего-то испугалась.

— Вы оттого пошли, что Mme Грау хочетъ варенье варить; я слышала, я все слышала.

Mlle Коллѐ, не говоря ни слова, пошла дальше.

„Какая она добрая!“ подумалъ Леонидъ: „правда, тутъ еще большой доброты не видно, если она сама очень любитъ гулять по утрамъ. Но все же она, вѣрно, очень добрая,“ заключилъ онъ наконецъ, Богъ знаетъ почему.

Взойдя на гору, они были поражены замѣчательно красивымъ видомъ, развернувшимся передъ ихъ глазами. У подошвы горы текла широкая, спокойная рѣка; на противоположномъ берегу, до самаго горизонта, тянулась зеленая равнина, по которой мѣстами виднѣлись живописныя усадьбы. Но всего болѣе привлекали къ себѣ общее вниманіе домикъ и садъ, расположенные на верху горы, передъ которыми они вдругъ очутились. Mlle Колле и Леонидъ невольно остановились въ совершенномъ восторгѣ. Домикъ былъ маленькій, деревянный, но такой веселенькій, свѣтлый, чистый, что одинъ видъ его успокоительно дѣйствовалъ на душу. Садъ былъ испещренъ самыми разнообразными цвѣтами и кустарниками. Узкія песчаныя дорожки терялись между безчисленнымъ множествомъ наклоненныхъ цвѣточныхъ головокъ. Всевозможные цвѣта и оттѣнки перемѣшивались, сливались и составляли что-то фантастически-затѣйливое. Весь садикъ казался сплошною массой и былъ какъ бисеромъ засыпанъ цвѣтами.

— Ахъ, какъ это хорошо! какъ это мило! какъ очаровательно! повторяла восхищенная Mlle Колле.—О, еслибы можно было достать букетъ изъ этихъ цвѣтовъ! прибавила она такимъ безнадежнымъ тономъ, какъ будто пожелала достать себѣ звѣзды или луну.

— Это, я думаю, можно сдѣлать, вмѣшался Леонидъ:— тутъ, вѣрно, есть и для продажи цвѣты; я сейчасъ спрошу.

— Какъ же вы это сдѣлаете? Развѣ это можно?

Леонидъ замялся немного.—Я думаю, что можно; вѣрно, можно, сказалъ онъ.

— Ну, если вы это сдѣлаете, такъ это будетъ самый любезный рыцарскій поступокъ, проговорила Француженка, кокетливо улыбаясь.

Леонидъ рванулся впередъ.

— У васъ будетъ этотъ букетъ, непремѣнно будетъ! произнесъ онъ, вспыхнувъ отъ волненія.

Въ одинъ прыжокъ онъ былъ уже у воротъ, вошелъ на дворъ, приблизился къ дому. Дверь была заперта, а звонка нѣтъ. Стучаться показалось ему неучтивымъ: хозяева, мо-

жетъ-быть, еще спятъ; пожалуй, весь домъ перебудишь! А рыцарскій-то поступокъ надо же совершить. Да неужели нельзя прямо въ садъ пройдти? Тамъ, вѣроятно, найдется какой-нибудь садовникъ или что-нибудь въ этомъ родѣ. Леонидъ не долго думалъ: онъ обошелъ вокругъ дома, и дѣйствительно увидѣлъ маленькую калитку, которая вела въ садъ. Отворяетъ, входитъ, идетъ дальше, и вотъ передъ нимъ стройная женская фигура, съ лейкой въ рукахъ, наклоненная надъ цвѣтами. Одѣта она очень просто: темное ситцевое платье, коленкоровый черный фартукъ, но на шеѣ нѣтъ платка, непремѣнной принадлежности всѣхъ русскихъ служанокъ; узоръ ситца очень красивъ и платье сшито съ большимъ вкусомъ; волосы у молодой женщины были еще не причесаны и едва сдерживались маленькою гребенкой. При видѣ незнакомца она остановилась, посмотрѣла на него очень спокойно и вѣжливо спросила чего ему надо.

— Я хотѣлъ спросить... мнѣ поручили узнать, чей это садъ?

— Моего дѣдушки, Степана Николаича Валенина.

— Такъ не можете ли вы мнѣ сказать... меня тоже просили узнать... не продаются ли здѣсь цвѣты?

— Продаются. Вамъ какихъ угодно?

— Мнѣ хотѣлось бы имѣть букетъ...

— Очень хорошо; я сейчасъ приготовлю вамъ его.

— Помилуйте, зачѣмъ же вамъ самимъ безпокоиться?

— Ничего, я очень люблю заниматься цвѣтами.

Она достала изъ кармана большія старыя ножницы, потомъ клубокъ толстыхъ суровыхъ нитокъ, и принялась за дѣло. Леонидъ все время не спускалъ съ нея глазъ; это была молодая дѣвушка лѣтъ семнадцати. Казалось, она заимствовала отъ окружавшихъ ее цвѣтовъ всю ихъ свѣжесть и привлекательность; каждое ея движеніе было полно граціи; ея выразительные, грустные глаза точно ласкали своимъ бархатнымъ взглядомъ. Подъ ея ножницами цвѣты падали одинъ за другимъ; она собирала ихъ въ свой фартукъ, и когда ихъ набралось достаточно, усѣлась на траву и начала составлять букетъ.

— Посмотрите, какіе славные анютины глазки, сказала она, показывая цвѣты Леониду;—такіе бархатистые... и какъ я много срѣзала ихъ въ эти дни!

— И вамъ ихъ не жаль?

— Немножко жаль, да что же дѣлать! А вотъ нарцисовъ въ нынѣшнемъ году такъ очень много, оттого я ихъ не жалѣю посмотрите сколько я нарѣзала ихъ для вашего букета, прибавила она, улыбаясь.

— Вотъ онъ и готовъ, проговорила дѣвушка, подавая Леониду свѣжій, благоухающій букетъ.

„Господи Боже мой! Ну какъ я спрошу у нея, что онъ стоитъ?“ думалъ Леонидъ въ полномъ отчаяніи: „да у меня силъ не хватитъ... что жь я теперь буду дѣлать?..“ Къ счастію, дѣвушка сама вывела его изъ этого затрудненія.

— Это стоитъ тридцать пять копѣекъ ассигнаціями, сказала она очень просто.

— Какъ неужели только?.. Какъ это мало!.. Это очень дешево...

Молодая дѣвушка съ улыбкой посмотрѣла на него. Леонидъ спохватился, что все сказанное имъ было совершенно лишнимъ; онъ умолкъ, торопливо досталъ изъ кошелька два пятачка и былъ очень радъ, что они по крайней мѣрѣ оказались хоть новенькими. Онъ робко и конфузясь подалъ ей эти деньги; она, все также улыбаясь, взяла и положила ихъ въ карманъ. Леонидъ откланялся и пошелъ изъ сада; уходя, онъ нѣсколько разъ оборачивался назадъ.

— Ахъ, мсье Леонидъ, какъ я вамъ благодарна!.. какъ это мило съ вашей стороны!.. какъ вы любезны!.. разразилась Mlle Колле неудержимымъ потокомъ благодарностей, когда Леонидъ молча подалъ ей букетъ. Она даже не спросила, какимъ образомъ онъ досталъ его; больше всего занимало ее то, что молодой человѣкъ досталъ этотъ букетъ для нея, и что онъ былъ очень радъ чѣмъ-нибудь услужить ей. Юноша, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, вѣроятно самъ бы разказалъ какъ все было; но его говорливая собесѣдница не дала ему на то времени. Она болтала о цвѣтахъ и о букетахъ, о садахъ и лѣсахъ, о деревенской и городской жизни, наконецъ о нечувствительности и холодности молодыхъ людей, о чувствительности и нѣжности молодыхъ дѣвушекъ. Время шло такъ быстро, что они и не замѣтили какъ вернулись домой. Mlle Колле пошла показывать свой трофей Софьѣ Михайловнѣ и Ксеніи Петровнѣ; обѣ дамы похвалили Леонида за изящный вкусъ. Софья Михайловна даже минутъ

десять продержала этотъ букетъ въ рукахъ, внимательно разсматривая его со всѣхъ сторонъ и разговаривая въ то же время съ Mlle Колле; она видимо жалала узнать ее поближе. „Ну, что же за бѣда, если она ему нравится?“ думала заботливая мать: „нѣтъ, это не такая дѣвушка, которая могла бы внушить ему сильную и прочную привязанность; а если онъ станетъ только ухаживать за ней... ну, въ этомъ большой бѣды еще не будетъ...“

По поводу букета, Леонидъ хотѣлъ было разказать матери какъ онъ ему достался; но ему вдругъ пришло въ голову, что онъ не сумѣетъ передать все такъ какъ было, да еще сверхъ того обществу можетъ показаться страннымъ, что до сихъ поръ онъ не сказалъ о томъ ни слова Mlle Колле... Кончилось тѣмъ, что Леонидъ не упомянулъ о встрѣченной имъ дѣвушкѣ. Въ другой разъ онъ все разкажетъ, какъ только опять увидитъ ее,—а увидитъ то онъ ее непремѣнно...

III.

Степанъ Николаевичъ Валенинъ давно уже поселился въ уѣздномъ городкѣ ***. Старики могли бы припомнить, какъ онъ перебрался туда съ молодою женой. Прошло нѣсколько лѣтъ,—онъ овдовѣлъ. У него остался сынъ, и для воспитанія этого мальчика Валенинъ принужденъ былъ пересилить въ себѣ врожденную гордость и обратиться съ просьбою о помощи къ своимъ богатымъ роднымъ. Одинъ изъ его двоюродныхъ братьевъ, жившій постоянно въ Москвѣ, доставилъ ему незначительное частное мѣстечко въ этой столицѣ, а сына взялъ къ себѣ и далъ ему порядочное по тому времени воспитаніе. Молодой человѣкъ полюбилъ дѣвушку безъ всякаго состоянія. Дядя и слышать не хотѣлъ объ этомъ бракѣ; онъ предложилъ своему молодому родственнику выбирать между имъ и своею невѣстой. Племянникъ, не задумываясь, женился. Тогда дядя отказался отъ него, назвалъ его неблагодарнымъ и низкимъ человѣкомъ, змѣей, которую онъ отогрѣлъ у своего сердца.

Старый Валенинъ тоже лишился своего мѣста, и послѣ свадьбы всѣ вмѣстѣ отправились снова на житье въ свой

родной маленькій городокъ. Вмѣсто стараго полуразвалившагося дома, выстроили новый, маленькій, но уютный. И отецъ, и сынъ, оба пристроились къ мѣсту, и сначала все шло хорошо. Скоро старику Богъ далъ внучку; назвали ее Машенькой. Отецъ и мать не могли наглядѣться на нее, любовались ею, ласкали ее, только и говорили о томъ какъ-то она выростетъ, какая она будетъ добрая и милая, какъ будетъ ихъ утѣшать и какъ сама будетъ счастлива,—и они тоже будутъ счастливы, — и дѣдушка, и весь міръ будетъ счастливъ!

А старый-то дѣдушка заболѣлъ: съ нимъ приключился параличъ. Мѣсто свое онъ, конечно, долженъ былъ оставить, и бѣдный старикъ сокрушался всего болѣе о томъ, что будетъ въ тягость своимъ дѣтямъ. Въ самомъ дѣлѣ, болѣзнь старика довела ихъ почти до нищеты: доходъ убавился, а расходы съ каждымъ днемъ увеличивались. Прежде у нихъ былъ очень простой, но по крайней мѣрѣ сытный столъ, а теперь приходилось часто голодать. Платья износились, а новыхъ пошить было не на что. Машенькѣ приходилось бѣгать въ худыхъ башмачкахъ, а иногда и въ разорванномъ, запачканномъ платьицѣ. Мать ея не плакала, но сердце ея постоянно ныло; пропала веселость, надежда на счастье, — осталась одна робкая, томительная грусть. Мужъ ея все это видѣлъ и доходилъ до отчаянія.

Онъ мучился глядя на нее; она еще болѣе страдала, видя его мученія. Чахли, чахли, да скоро и послѣдовали въ могилу одинъ за другимъ. Машенька осталась послѣ нихъ лѣтъ двѣнадцати. Узнавъ о смерти непокорнаго племянника, богатый дядя сжалился наконецъ надъ старымъ Степаномъ Николаевичемъ, разбитымъ болѣзнію и горемъ, и написалъ къ нему письмо. Онъ говорилъ, что прощаетъ старику его слабость; готовъ даже примириться съ нимъ; что же касается до его непокорнаго сына, то само небо наказало его за непослушаніе.„ А тебя, старика, я не забуду, приписывалъ онъ, до самой твоей смерти буду высылать тебѣ ежегодно по триста рублей ассигнаціями. О твоей внучкѣ я заботиться не намѣренъ, а совѣтую тебѣ не баловать ея, чтобъ она не вышла такою же безпутною, какъ былъ ея отецъ.“ Дѣдушка былъ очень радъ, что его внучкѣ будетъ чѣмъ жить. Еслибы можно было, продлилъ бы онъ свою

жизнь еще на долгіе, долгіе годы, и все бы скрипѣлъ да скрипѣлъ для нея голубушки.

Но что жь ему было съ Машенькой-то дѣлать? Дѣвочка не маленькая; какъ и куда ее пристроить? Да и разставаться-то ему съ ней не хотѣлось: только одно и утѣшеніе, одна и отрада, что ея добрые, любящіе глазки. Къ счастію для старика, а еще больше для бѣдной дѣвочки, въ этомъ городѣ у откупщика помѣстилась въ гувернантки дальняя родственница Машеньки, Анна Андреевна Банова. Это была дѣвушка лѣтъ восьмнадцати, хотя на видъ ей казалось гораздо больше, высокая, широкоплечая, съ крупными и правильными чертами лица. Она была совершенно одна и ни отъ кого не зависѣла. Сознаніе собственныхъ силъ и твердая вѣра, что ни при какихъ обстоятельствахъ жизни она не падетъ духомъ, придавали ей невозмутимое спокойствіе; она такъ бодро, пожалуй даже такъ дерзко смотрѣла жизни прямо въ глаза, что не могла не внушать къ себѣ уваженія окружавшимъ ее людямъ. Поселившись въ городѣ ***, Анна Андреевна навѣстила своихъ родственниковъ Валентиныхъ. Машенька съ перваго взгляда очень понравилась ей, и она пожелала сдѣлать для нея что-нибудь полезное.

— Послушайте, дѣдушка, сказала она: — отпускайте ко мнѣ пожалуста Машеньку каждый день; она бы стала у меня учиться, а это было бы ей очень полезно.

— Родная вы моя, проговорилъ растроганный старикъ:— дай вамъ Богъ здоровья. Вы ей первая благодѣтельница будете. Ужь вы не оставляйте ее, матушка, вѣдь она у меня... что жь она?.. вѣдь сиротка...

Машенька каждый день стала ходить къ Аннѣ Андреевнѣ. Ее въ семействѣ слишкомъ залюбили и слишкомъ изнѣжили морально. Съ утра до вечера ее ласкали, за нее огорчались, надъ нею плакали. Отъ всѣхъ окружающихъ она видѣла самую трогательную нѣжность. А потому каждый равнодушный взглядъ, каждое обыкновенное слово, чуть-чуть не совсѣмъ ласковое, тяжело ложилось ей на душу. Въ ней было что-то сиротливое и страдальческое, и Анна Андреевна поставила себѣ первою цѣлью изгладить въ дѣвочкѣ слѣды ея первоначальнаго воспитанія. Машенька вскорѣ убѣдилась на дѣлѣ, что можно быть очень добрымъ человѣкомъ и

обращаться съ людьми очень просто и равнодушно, даже холодно. Мало-по-малу она освободилась отъ своей прежней робости и застѣнчивости. Она не была уже такою впечатлительною и пугливою какъ прежде; даже ея нервы укрѣпились. Анна Андреевна заботилась только объ одномъ: „что же будетъ современемъ изъ Маши?“ Она стала наблюдать ея свойства и наклонности, и замѣтила въ ней страсть къ цвѣтамъ. Анна Андреевна задумала развить эту страсть, выписала для своей воспитанницы небольшой курсъ ботаники, нѣсколько руководствъ для воздѣлыванія цвѣтовъ, нѣсколько сортовъ цвѣточныхъ сѣменъ, уговорила дѣдушку нанять для Машеньки работника на лѣто и отдать въ полное ея распоряженіе весь садикъ принадлежавшій къ его дому. Вскорѣ этотъ садикъ превратился въ пестрый, красивый цвѣтникъ, въ которомъ Машенька почти безвыходно проводила все лѣто. Зимою она читала, работала, изучала ботанику и занималась цвѣтами, остававшимися въ комнатахъ. А дѣдушка былъ радъ, что внучка его проводила съ нимъ цѣлые дни. Впрочемъ и лѣтомъ она его не забывала, и разъ двадцать на день подбѣжитъ къ его окну, постучится, поговоритъ о чемъ-нибудь, или броситъ къ нему на постель какой-нибудь цвѣтокъ: „посмотрите, дѣдушка, какой хорошенькій! Да вы его понюхайте, какъ онъ хорошо пахнетъ! Попробуйте-ка его въ табакерку положить.“ Дѣдушка слушался, клалъ цвѣтокъ въ табакерку, а самъ ужь, конечно, гораздо болѣе любовался хорошенькимъ личикомъ, ласково глядѣвшимъ на него въ окно, чѣмъ этимъ красивымъ и пахучимъ цвѣткомъ.

Когда Машенька развела цвѣтовъ вдоволь, то, по совѣту Анны Андреевны, стала продавать ихъ и для пересадки, и букетами. Ее очень занимало, что она имѣетъ свои собственные маленькіе доходы, и что труды ея не пропадаютъ даромъ. Однимъ изъ обычныхъ покупателей ея букетовъ былъ Иванъ Ивановичъ Травкинъ, писецъ уѣзднаго суда. Одинъ разъ, вернувшись изъ сада и, по обыкновенію, принимая стаканъ чаю изъ рукъ старушки-матери, онъ вдругъ совершенно неожиданно замѣтилъ ей:

— Ахъ, маменька, еслибъ у насъ въ домѣ была молодая хозяйка!

— Ну что жь, Ваничка, какъ ты женишься, такъ и будетъ молодая хозяйка, отвѣчала старушка, вовсе не обижаясь нелестнымъ для нея желаніемъ сына.

— Да вѣдь вы знаете, маменька, что мнѣ теперь нельзя жениться; надо ждать пока я столоначальника получу, а когда еще это будетъ?

— Ничего, Ваничка, подожди еще годика два, три; вѣдь ты еще очень молодъ.

— Нѣтъ, маменька, не то вы говорите: я оттого только жениться теперь не могу, что мнѣ нечѣмъ будетъ жену содержать.

— Ну, я объ этомъ-то и говорю.

— Ахъ, еслибъ я былъ столоначальникъ!—Иванъ Ивановичъ вздохнулъ еще сильнѣе прежняго.

— Такъ что же бы такое? Развѣ у тебя ужь есть кто-нибудь на примѣтѣ?

— Ахъ, маменька, вы мнѣ лучше объ этомъ не говорите-съ! отвѣчалъ ей сынъ съ глубокимъ вздохомъ.

— Да кто жь это, Ваничка, я и ума не приложу, спрашивала заинтересованная и удивленная мать.

— Нѣтъ, маменька, я ужь лучше вамъ ничего не скажу-съ. Еслибы только я вамъ ее назвалъ... да нѣтъ, вы не поймете; честное слово, ничего не поймете. Вы пожалуста не огорчайтесь, что я вамъ это такъ прямо говорю-съ.

Вздохи становились все глубже и глубже.

— Ну, какъ хочешь, Ваничка, отвѣчала обиженная старушка:—Богъ съ тобой, дѣлай какъ знаешь, только у всѣхъ у добрыхъ людей водится такъ, что если есть кто на примѣтѣ, такъ объ этомъ прежде всего родной матери говорятъ.

— Ну, такъ и быть, маменька, я вамъ пожалуй скажу; только вы ее вовсе не знаете и ничего не поймете-съ.

— Да ну, говори, говори, торопила его мать, нетерпѣливо желавшая услышать новость.—Кого бы, кажется, мнѣ тутъ не знать? У меня всѣ городскія невѣсты на перечетѣ.

— Вотъ видите ли, маменька, это... это Марья Васильевна Валенина.

— Марья Василь.... какая это бишь Валенина? Я и не припомню.

— Ахъ, маменька, какой это ангелъ-съ!

Послѣ этого перваго объясненія Иванъ Ивановичъ сталъ откровеннѣе съ матерью, найдя въ ней сильное сочувствіе и желаніе чѣмъ-нибудь утѣшить сынка. Онъ сталъ повѣрять ей всѣ свои тайны, разказывалъ ей каждый разъ когда видался съ Машенькой, было ли то въ церкви, или на ули-

цѣ, или въ ея садикѣ. Посѣщалъ онъ этотъ садикъ аккуратно два раза въ недѣлю, и каждый разъ входилъ туда какимъ-то оторопѣлымъ, несчастнымъ, испуганнымъ.

— Марья Васильевна!.. будьте такъ добры, сдѣлайте мнѣ букетикъ-съ, говорилъ онъ, и голосъ его прерывался, и онъ долженъ былъ собрать всѣ свои силы, чтобы продолжать:— только вы знаете, маленькій-съ...

Машенька тщательно составляла маленькій букетикъ, потомъ ласково подавала его Травкину, обмѣнивалась съ нимъ нѣсколькими словами, раскланивалась очень радушно, и онъ уходилъ.

Счастливымъ или несчастнымъ уходилъ онъ—Богъ его знаетъ, только шагалъ онъ какъ-то особенно быстро и усердно; одна рука размахивалась какъ крыло у вѣтряной мельницы, а въ другой онъ держалъ букетъ и несъ его съ такимъ неестественнымъ напряженіемъ, будто подымалъ трехпудовую гирю. Приходя домой онъ отдавалъ букетъ матери.

— Вотъ, маменька, спрячьте его. Вѣдь это *ея* букетикъ то.....

Онъ прибавлялъ это тихимъ, задушевнымъ голосомъ и принимался горячо цѣловать и обнимать добрую растроганную старушку. Она высушивала каждый изъ этихъ букетиковъ и берегла ихъ для Ванички.

— Анета, мнѣ хотѣлось бы поговорить съ тобой, сказала одинъ разъ Машенька своей бывшей наставницѣ, а теперешней подругѣ. Вотъ видишь ли, я замѣтила.....—Она начала было очень серіозно, но кончила тѣмъ, что улыбнулась.—Я замѣтила, что Травкинъ въ меня влюбленъ.

— Ну такъ что же? спросила Анна Андреевна, смотря ей прямо въ глаза.

— Да ничего. Я хотѣла только попросить у тебя совѣта что мнѣ дѣлать?

— Да ты-то его любишь?

— Нѣтъ, не люблю, и не могу любить.

— Я это знаю.

— Такъ что же мнѣ дѣлать?

— Да ничего.

IV.

Mme Грау сварила свое варенье, и на другой день сама повела дѣтей гулять. На этотъ разъ Леонидъ опять запасся книгой, и прогулка прошла для него также какъ и въ первый день. Mme Грау изъ сада не выходила, а ему было какъ-то совѣстно уйдти одному. Вернувшись домой, онъ былъ не въ духѣ, но Mlle Колле предложила ему читать что-то вмѣстѣ, и онъ совершенно развлекся. Они долго говорили и спорили, и день прошелъ незамѣтно. На слѣдующее утро настала очередь молодой Француженки, и она нисколько не полѣнилась встать пораньше. Леонидъ проснулся тоже въ очень веселомъ расположеніи духа, и особенно тщательно занялся своимъ туалетомъ. Онъ не бралъ съ собой книги и, разговаривая очень весело, предложилъ пойдти гулять по городу, а дойдя до извѣстнаго садика, спросилъ у Mlle Колле позволенія принести ей букетъ цвѣтовъ. Получивъ это позволеніе, онъ пробрался въ цвѣтникъ знакомою ему дорожкой, и нашелъ тамъ Марью Васильевну занятую цвѣтами.

— Будьте такъ добры, сдѣлайте мнѣ букетъ, сказалъ онъ, подходя къ дѣвушкѣ.

— Сейчасъ. Такой же какъ и въ тотъ разъ?

— Да, сдѣлайте одолженіе, такой же... впрочемъ это какъ вамъ угодно, мнѣ все равно.... я вполнѣ полагаюсь на вашъ вкусъ. „Вотъ я сейчасъ находилъ глаза Mlle Колле очень хорошенькими, думалъ онъ про себя, ну какое же сравненіе съ *ея*-то глазами... У той глаза тоже блестятъ, но какая разница! У этой глаза... какъ звѣзды, а у той какъ свѣчки.“

Букетъ былъ почти уже готовъ, а Машенька не сказала еще ни слова.

— Если это васъ не затруднитъ, то пожалуста сдѣлайте еще два букета... мнѣ нужно....

Говоря это, Леонидъ сильно сконфузился.

— Въ такомъ случаѣ помогите мнѣ; я стану срѣзывать цвѣты, а вы ихъ держите. Тогда это скорѣй пойдетъ.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ онъ. — Вы, вѣроятно, очень любите цвѣты?

— Да, я ихъ очень люблю.

— Какъ у васъ здѣсь все въ порядкѣ... какъ хорошо!..

— Да, и никто не хочетъ мнѣ вѣрить, что у меня тутъ работаютъ только два работника, да еще какіе... ихъ никто не хотѣлъ нанимать, потому что они ни ни какую работу не годны.

— Отчего же такъ?

— Одинъ хромой, а у другаго лѣвая рука вся высохла.

— Бѣдные... А вашъ дѣдушка самъ не занимается цвѣтами?

— Нѣтъ, онъ не можетъ; ему даже нельзя выходить изъ комнаты: вѣдь онъ въ параличѣ.

— Ахъ, какое несчастіе! проговорилъ Леонидъ съ горячимъ сочувствіемъ:—и вы съ нимъ одни, совершенно одни?

— Одна; такъ что же?

— Но вамъ его, должно-быть, такъ жаль... такъ грустно видѣть его въ такомъ положеніи...

Машенька ничего не отвѣчала; Леонидъ сдѣлался задумчивъ и тоже ничего не говорилъ. Получивъ всѣ три букета, онъ молча простился и вышелъ.

Mlle Колле приняла свой букетъ съ большимъ удовольствіемъ. „А это кому же?“, спросила она.

— Maman и тетенькѣ. Леночка! Ольга! хотите вы отдать эти букеты нашимъ мамашамъ?

Обѣ дѣвочки даже покраснѣли отъ радости.

Прошло нѣсколько минутъ молчанія.

— Что это съ вами, М. Леонидъ? отчего вы такой задумчивый?

— Я?... нисколько.

— Нѣтъ, вы, право, чѣмъ-то очень озабочены.

— Увѣряю васъ, нисколько.

Онъ ушелъ немного впередъ и нѣсколько минутъ шелъ одинъ. Потомъ онъ присоединился къ остальному обществу: его влекло непреодолимое желаніе поговорить объ извѣстномъ ему садикѣ.

— Знаете кто занимается этимъ садикомъ? спросилъ онъ Mlle Колле.

— А кто?

— То-есть, кто его обрабатываетъ, хотѣлъ я сказать; два больные работника: одинъ—хромой, а другой—безрукій.

Его собесѣдница громко засмѣялась.

— Откуда же это набрали такихъ? спросила она, не переставая смѣяться.

— Не понимаю что̀ вамъ кажется такъ забавнымъ, отвѣчалъ Леонидъ, нѣсколько обиженнымъ тономъ.—Я не вижу ничего смѣшнаго въ томъ, что двумъ несчастнымъ дается возможность честнымъ трудомъ зарабатывать себѣ хлѣбъ.

— Я нисколько не желала васъ обидѣть, отвѣчала Француженка весело и шутя;—но вѣдь это право очень смѣшно.— И она снова засмѣялась.—Ну, а скажите пожалуста, кто содержитъ этотъ садикъ? спросила она, желая наконецъ смягчить Леонида.

— Валенинъ, отвѣчалъ онъ очень коротко.

— Что, онъ молодой человѣкъ?

— Напротивъ, это дряхлый старикъ въ параличѣ, отвѣчалъ Леонидъ.

Mlle Коллé разразилась такимъ громкимъ смѣхомъ, что онъ остановился какъ вкопаный.

— Вотъ это мило! вотъ прекрасно! повторяла она, продолжая истерически хохотать:—паралитикъ, хромой и безрукій! Ха, ха, ха! Нѣтъ ли тамъ еще слѣпыхъ, нѣмыхъ и глухихъ?... Вотъ милое собраніе всѣхъ недуговъ! Вѣдь этого нарочно не придумаешь! Каковы три граціи! Ха, ха, ха!

Mlle Коллé не замѣчала ни полнаго негодованія Леонида, ни того, что ея громкій смѣхъ обращалъ на нее вниманіе всѣхъ проходящихъ. Въ ея живомъ воображеніи рисовались три типа до такой степени смѣшные, что она была рѣшительно не въ силахъ сдержать свой неукротимый громкій смѣхъ.

— Да за что̀ же вы на меня сердитесь? обратилась она наконецъ къ Леониду, и это разсмѣшило ее еще болѣе:— развѣ я виновата? Будто это я ихъ такъ изуродовала? Ха, ха, ха! Да я этого въ жизнь не забуду. Я думаю, когда они покажутся втроемъ въ садъ, такъ всѣ воробьи разомъ разлетятся. Ха, ха, ха!

Леонидъ потерялъ всякое терпѣніе; онъ гордо и свысока посмотрѣлъ на свою смѣющуюся собесѣдницу. Онъ даже былъ

столько неучтивъ, что круто повернулъ голову и ушелъ впередъ, оставивъ Mlle Колле одну съ дѣтьми. Сзади его раздался взрывъ самаго веселаго и возбуждающаго смѣха.

Онъ вернулся домой одинъ; вслѣдъ за нимъ пришли и всѣ остальныя. Mlle Колле разказала Софьѣ Михайловнѣ и Ксеніи Петровнѣ съ неподражаемымъ юморомъ о томъ, какъ и почему разсердился на нее Леонидъ; она передала весь ихъ разговоръ въ такомъ комическомъ видѣ; наговорила имъ столько вздору и столько забавныхъ вещей, что слушательницы невольно должны были смѣяться. Леонидъ, присутствовавшій при всемъ этомъ, не возражалъ ни слова, но хмурился все болѣе и болѣе. Въ продолженіе всего остальнаго дня онъ былъ угрюмъ и мраченъ, какъ громовая туча, и только къ вечеру молодая Француженка успѣла примирить его съ собой своею неистощимою любезностью и веселостью.

На другое утро очередь была за Mme Грау идти на прогулку съ дѣтьми. Леонидъ проводилъ ихъ до городскаго сада, а самъ пошелъ къ Валенинымъ. Машеньку онъ опять засталъ въ саду. Попросивъ ее сдѣлать букетъ, онъ сказалъ, что теперь, вѣроятно, каждый день будетъ безпокоить ее подобною просьбой, потому что ея букеты очень нравятся его матери. При этомъ случаѣ онъ заговорилъ о своей maman, и о своей теткѣ, и о самомъ себѣ, и какъ они сюда пріѣхали, и какъ долго еще останутся; потомъ онъ разспрашивалъ Машеньку обо всѣхъ ея семейныхъ обстоятельствахъ и о ней самой. Однимъ словомъ, онъ старался изъ всѣхъ силъ сблизиться съ нею, на сколько это было возможно. Букетъ былъ давно уже готовъ, а онъ все еще не могъ рѣшиться уйдти. Изъ садика онъ пошелъ прямо къ рѣкѣ и бросилъ букетъ въ воду; ему пришло въ голову, что если онъ каждый день будетъ возвращаться домой съ букетами, то это можетъ возбудить подозрѣніе. Весь остальной день онъ былъ очень веселъ, и Mlle Колле замѣтила ему, что онъ гораздо умнѣе и милѣе нежели какъ былъ вчера.

На другой день была ея очередь гулять съ дѣтьми, и Леонидъ тоже пошелъ съ ними. Mlle Колле представилось, что въ послѣднее время онъ сталъ капризенъ и своенравенъ.

„А вотъ я его исправлю,“ говорила она себѣ съ торже-

ствующею миной, стоя передъ зеркаломъ; „я тоже начну съ нимъ капризничать: увидимъ, чей будетъ верхъ...“

Дошли до сада, Mlle Коллé расположилась въ немъ и сказала дѣтямъ, чтобъ они играли.

— Неужели вы хотите тутъ остаться? спросилъ Леонидъ: — пойдемте лучше по городу.

— Не хочу.

— Развѣ вы устали? снова спросилъ Леонидъ.

— Нѣтъ, не устала.

— Такъ отчего же вы не хотите идти?

— Такъ, не хочу, отвѣчала Француженка, дѣлая капризную и самоувѣренную минку, противъ которой, по ея мнѣнію, невозможно было устоять.

— Въ такомъ случаѣ я пойду одинъ, сказалъ Леонидъ очень просто, раскланялся и ушелъ.

Mlle Коллé осталась, какъ громомъ пораженная; она посмотрѣла вслѣдъ Леониду; потомъ, не имѣя силъ сдерживать досаду и краснѣя до ушей, проговорила въ полголоса: „Какой капризный.... мальчишка!....“ Она очевидно хотѣла, чтобы молодой человѣкъ слышалъ это, но онъ былъ уже далеко. Какъ только онъ потерялъ изъ вида своихъ спутницъ, лицо его приняло самое веселое и довольное выраженіе: онъ былъ такъ радъ, что пошелъ одинъ и что ему можно будетъ остаться у Марьи Васильевны сколько захочется. На этотъ разъ они встрѣтились какъ старые знакомые. Машенька принялась дѣлать ему букетъ, а онъ разспрашивалъ ее о ея занятіяхъ, о томъ, какъ она проводитъ время, любитъ ли она читать, и много ли читаетъ?

— Очень люблю, только мнѣ трудно доставать книги, отвѣчала на послѣдній вопросъ дѣвушка.

— Такъ позвольте мнѣ доставать вамъ книги. Хотите, я вамъ завтра же принесу?

Леонидъ былъ такъ радъ случаю услужить ей чѣмъ-нибудь, что даже покраснѣлъ отъ удовольствія. Машенька съ благодарностію приняла его предложеніе.

— Я вамъ принесу очень хорошую книгу; въ ней нѣсколько повѣстей и разказовъ; я отмѣчу самые лучшіе изъ нихъ... или нѣтъ, лучше вы прочтите ихъ всѣ къ ряду, а потомъ скажите мнѣ, какіе вамъ больше понравятся. Я

увѣренъ, что это будутъ тѣ самые, которые и я нахожу лучшими.

— Почему же вы такъ думаете? спросила Машенька улыбаясь.

— Да такъ мнѣ кажется... Отчего бы намъ не сойдтись въ нашихъ сужденіяхъ?

Леонидъ такъ сконфузился, что не нашелъ сказать ничего лучшаго. По его просьбѣ, она водила его по всему садику, и показывала свои любимые цвѣты. Леонидъ разспрашивалъ, какъ развилась въ ней любовь къ цвѣтамъ, и о разныхъ обстоятельствахъ ея дѣтства; въ свою очередь онъ передалъ ей все что только помнилъ и зналъ о себѣ по разказамъ другихъ. Машенька слушала его очень внимательно.

— Какъ же ваша маменька заботилась о вашемъ воспитаніи, сказала она наконецъ послѣ нѣкотораго раздумья;— и какъ же она васъ любила, да и любитъ, конечно!.. а моя такъ давно ужь умерла...—При этомъ Машенька невольно вздохнула и задумчиво нагнула голову. Когда она бывала грустна, лицо ея выражало еще болѣе доброты чѣмъ обыкновенно; въ такія минуты, въ ней было что-то до такой степени трогательное, что невозможно было смотрѣть на нее равнодушно и не сочувствовать ей. Леониду въ одну минуту сдѣлалось такъ грустно, что онъ едва не заплакалъ.

— Да, это въ самомъ дѣлѣ ужасно, проговорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ, — что вы лишены всего что доставляетъ наслажденіе въ жизни... Вы одни, совершенно одни... Вашъ бѣдный дѣдушка самъ нуждается въ попеченіяхъ... Современемъ все это, разумѣется, вознаградится, потому что человѣкъ, который васъ полюбитъ и котораго вы тоже полюбите, сумѣетъ, конечно, замѣнить вамъ всѣхъ и все... — Леонидъ старался сказать эту фразу какъ можно тверже и спокойнѣе, но именно она-то ему и не удавалась. — Но все что прошло, того уже не поправишь, прибавилъ онъ грустно.

Вернувшись домой, Леонидъ весь день былъ взволнованъ; Mlle Колле дулась и не говорила съ нимъ. Софья Михайловна наблюдала за ними и дѣлала свои заключенія. „Да она должно-быть сильно нравится ему. И что это у нихъ за ссора? Ужь не притворство ли это? Она съ нимъ не

говоритъ, онъ такой взволнованный; это что-нибудь да значитъ."

На другой день Леонидъ не пошелъ гулять съ дѣтьми и объявилъ довольно торжественно, что по утрамъ будетъ ѣздить верхомъ. „Какой плутишка!" подумала Софья Михайловна: „это сегодня такъ, потому что гуляетъ Mme Грау, а завтра вѣрно передумаетъ и пойдетъ опять съ дѣтьми."

Леониду осѣдлали лошадь; онъ взялъ съ собою обѣщанную книгу и отправился прямо къ Валенинымъ. Онъ уже разузналъ, что къ нимъ можно было пріѣхать, минуя улицы, прямо отъ рѣки, узкою тропинкой. Такъ онъ и сдѣлалъ. Привязавъ лошадь къ забору, онъ вошелъ въ садъ; Машенька только что выходила изъ дому.

— Здравствуйте, Леонидъ Павловичъ, сказала она весело, идя къ нему на встрѣчу:—вы сегодня пятью минутами раньше.

— Что это, просто замѣчаніе безъ всякой цѣли, или выговоръ?

— Выговоръ? За что же?

— За то что я слишкомъ рано пріѣхалъ.

— Тѣмъ лучше

— Посмотрите, Марья Васильевна, какая у меня славная верховая лошадь.

Онъ повелъ ее смотрѣть своего Султана и былъ совершенно доволенъ, что онъ ей понравился.

— Вотъ я привезъ вамъ книгу, о которой говорилъ; тутъ есть очень хорошенькій разказъ; онъ мнѣ такъ понравился... Какъ бы мнѣ хотѣлось прочесть его вмѣстѣ съ вами!

— Такъ будемте читать.

— Развѣ можно? спросилъ обрадованный Леонидъ.

— Отчего же нельзя?.. Конечно, можно. Хотите зайдти въ домъ?

— Мнѣ кажется тутъ лучше...

— Такъ останемтесь тутъ; только надо стулья принести.

— Зачѣмъ стулья? замѣтилъ Леонидъ:—тутъ такъ хорошо на травѣ.

— Такъ пойдемте, по крайней мѣрѣ, въ бесѣдку.

Они вошли въ маленькую бесѣдку, построенную изъ необтесанной березы. На землѣ былъ разостланъ коверъ. Они усѣлись и начали читать. Читалъ Леонидъ, и онъ часто

подымалъ глаза, чтобы смотрѣть на Машеньку и слѣдить за мѣняющимся выраженіемъ ея лица. Онъ былъ совершенно счастливъ, что одно и то же заставляло ихъ негодовать, радоваться или огорчаться. Они въ равной степени сочувствовали дѣйствующимъ лицамъ разказа. Когда чтеніе кончилось, они оба заговорили, перебивая другъ друга и доканчивая фразы начатыя другимъ. Леонидъ вспомнилъ наконецъ, что пора уже ѣхать, и сталъ собираться въ путь; но ему сильно хотѣлось, чтобъ его удержали.

— Погодите не много, сказала Машенька;—не хотите ли вы позавтракать?

Этотъ повидимому простой вопросъ такъ озадачилъ Леонида, что онъ даже не нашелся что̀ отвѣчать.

— Я всегда завтракаю молокомъ, продолжала Машенька:—хотите раздѣлить мой завтракъ?

— Пожалуста, я буду вамъ очень благодаренъ.

Леонидъ покраснѣлъ отъ удовольствія; это приглашеніе показалось ему со стороны Маши такою милою и привлекательною короткостью, что онъ пришелъ въ восторгъ. Машенька убѣжала и черезъ нѣсколько минутъ снова появилась въ садикѣ, неся на подносѣ два стакана молока и два ломтя чернаго хлѣба. Какой же это былъ вкусный хлѣбъ, и какое славное молоко! Леонидъ былъ увѣренъ что никогда не ѣлъ ничего подобнаго. Они сидѣли на травѣ съ своимъ завтракомъ,—и кто бы ни взглянулъ на ихъ веселыя, оживленныя лица, всякій сказалъ бы: „вотъ счастливые-то люди!“

Софья Михайловна удивилась, что Леонидъ не перемѣняетъ своего рѣшенія, и каждое утро ѣздитъ верхомъ одинъ.—„Ничего не понимаю,“ думала она: „нѣтъ... мнѣ надо непремѣнно сблизиться съ Mlle Коллѐ и разузнать все отъ нея. Леонидъ откровененъ со мною, но мнѣ неловко разспрашивать его; а она, очень можетъ-быть, и сама не замѣтитъ, какъ проболтается.“ Съ этою цѣлію Софья Михайловна стала чаще разговаривать съ молодою Француженкой. Увлеченная потокомъ своей рѣчи, Mlle Коллѐ часто разказывала своей собесѣдницѣ множество веселыхъ, остроумныхъ и довольно легкихъ анекдотовъ; но до Леонида дѣло не доходило. Mlle Коллѐ избѣгала всякаго разговора о немъ. Наконецъ. Софья Михайловна рѣшилась прямо приступить къ дѣлу. Она ласково взглянула на Mlle Коллѐ, и сказала ей очень дружескимъ тономъ:

— Скажите мнѣ пожалуста, моя милая Mlle Коллé, за что вы сердитесь на Леонида?

— Да развѣ я на него сержусь?.. Изъ чего вы это заключили? отвѣчала самоувѣренно Француженка.

— Вотъ видите ли, продолжала Софья Михайловна, будто бы не разслышавъ вопроса,—мой сынъ такъ молодъ, онъ еще не видалъ общества, и совершенно не знакомъ съ приличіями свѣта. Очень легко можетъ-быть, что онъ, самъ того не понимая, былъ съ вами неучтивъ, невѣжливъ, и вы, вѣрно, за это недовольны имъ?

— Совсѣмъ нѣтъ, отвѣчала Mlle Коллé, съ легкимъ оттѣнкомъ досады:—М. Леонидъ умѣетъ быть очень любезнымъ, когда захочетъ.

— Скажите же мнѣ, душа моя, чѣмъ онъ васъ оскорбилъ? Съ нимъ, право, надо еще обращаться какъ съ ребенкомъ. Я хорошенько побраню его, заставлю просить у васъ прощенія, и постараюсь предостеречь его отъ всякихъ подобныхъ неосторожностей.

— Да онъ ничѣмъ не оскорбилъ меня, онъ только капризничалъ! сказала наконецъ Mlle Коллé, принимая нѣсколько обиженный и капризный видъ. Она немного покраснѣла и глаза ея заблестѣли.—Впрочемъ, какое мнѣ до того дѣло, капризничаетъ ли онъ, или нѣтъ; мнѣ рѣшительно все равно, что бы онъ ни дѣлалъ и ни думалъ!—Она начала замѣтно горячиться и можно было предвидѣть, что она, забывшись, выскажетъ все что у нея было на душѣ.—Что мнѣ за дѣло, куда бы онъ ни ѣздилъ и съ кѣмъ бы ни видался, заключила она.

— Да въ чемъ дѣло? спросила Софья Михайловна, желая казаться совершенно равнодушною.

— Я въ послѣднее время узнала о немъ то, что вовсе не дѣлаетъ ему чести!

— Неужели? Что же это можетъ быть?

— Да то, что онъ вотъ уже около мѣсяца, подъ предлогомъ привозить вамъ букеты, ѣздитъ чуть ли не каждый день въ садъ къ одному старику, затѣмъ чтобы видѣть его внучку. И вѣдь никому ничего не сказалъ о ней... я ужь спрашивала у людей и узнала отъ нихъ, что старикъ живетъ не одинъ и что у него есть внучка, очень молоденькая и хорошенькая дѣвушка.

Еслибы Mlle Коллé успѣла опомниться, то вѣроятно не

высказала бы такъ явно, что сердится на Леонида только за то, что ему нравится другая. Софья Михайловна старалась показать ей, что она совершенно иначе понимаетъ ея гнѣвъ.

— Такъ это-то васъ и привело въ такое негодованіе?... Помилуйте, душа моя, вы, стало-быть, вовсе не знаете, молодыхъ людей; они, право, всѣ таковы. Имъ кажется, что тутъ нѣтъ ничего дурнаго обмануть родныхъ, даже мать (при этомъ словѣ Софья Михайловна невольно ожесточилась); это для нихъ не болѣе какъ шутка. Вотъ видите ли, какъ равнодушно смотрю я на эту продѣлку; берите же съ меня примѣръ и не судите этого мальчика слишкомъ строго. Право, мнѣ кажется, что на него дѣйствуетъ очень тяжело то, что вы на него такъ долго сердитесь. Я думаю даже, что онъ много бы измѣнился къ лучшему, еслибы вы по-прежнему были съ нимъ добры и привѣтливы.

Mlle Колле сомнительно покачала головой, но ей было пріятно услышать такое мнѣніе. Софья Михайловна положительно старалась возбудить въ ней желаніе снова начать кокетничать съ Леонидомъ. „Это можетъ быть отвлечетъ его отъ той молодой дѣвушки, съ которою онъ ѣздитъ видѣться ежедневно. И кто она такая?.. чѣмъ все это кончится?..“ Уфъ, съ какимъ недоброжелательствомъ Софья Михайловна думала въ эту минуту о бѣдной Машѣ! Но кто знаетъ, вѣрно ли еще все это? не ошибается ли Француженка? Софья Михайловна никогда не рѣшилась бы дѣйствовать черезъ прислугу и наводить справки; она сообразила, что лучше всего обратиться къ самому Леониду. Онъ проводилъ вечера постоянно дома, и въ эту минуту сидѣлъ въ гостиной и читалъ, или, лучше сказать, держалъ книгу для виду, а самъ думалъ о чемъ-то. Софья Михайловна нѣсколько разъ прошлась по комнатѣ, потомъ приблизилась къ нему и, положивъ ему руку на плечо, ласково заговорила:

— Ты давно не приносилъ мнѣ цвѣтовъ, Леонидъ; не можешь ли ты теперь достать мнѣ букетъ; мнѣ бы хотѣлось въ мою комнату поставить.

— Сейчасъ, maman, сейчасъ.

Леонидъ видимо обрадовался этому порученію; онъ поспѣшно выбѣжалъ изъ комнаты и велѣлъ сѣдлать свою лошадь.

Наконецъ онъ вернулся съ букетомъ. Софья Михайловна разочла, что можно было успѣть доѣхать шагомъ до самаго отдаленнаго края города, сдѣлать десять букетовъ и вернуться тѣмъ же аллюромъ. Она выглянула изъ окна; лошадь Леонида была вся въ мылѣ и храпѣла, слѣдственно онъ сильно скакалъ. Значитъ, онъ пробылъ тамъ литняго по крайней мѣрѣ полчаса.

V.

Анна Андреевна уѣхала на лѣто въ деревню вмѣстѣ съ семействомъ, въ которомъ жила, такъ что Машенькѣ не съ кѣмъ было подѣлиться своими впечатлѣніями и чувствами, а подѣлиться-то было чѣмъ. Она бы разказала ей, какъ, просыпаясь каждое утро, она прежде всего подбѣгаетъ къ окну, чтобы посмотрѣть нѣтъ ли дождя и думаетъ, увидитъ ли въ этотъ день Леонида? Она бы даже не скрыла, что ей бываетъ очень грустно, когда онъ не приходитъ, или опаздываетъ, и не то чтобы только грустно было, но и страшно: не боленъ ли онъ? не случилось ли чего-нибудь? И каждый разъ, когда она увидитъ Леонида, по ея лицу разольется легкая краска, а на душѣ сдѣлается такъ весело, такъ свѣтло... нѣтъ, впрочемъ не то, чтобы весело, иногда бываетъ и грустно, -- но все же хорошо. Леонидъ бываетъ почти каждый день у Валениныхъ. Султанъ его такъ привыкъ къ этой дорогѣ, что не нужно было и править имъ: онъ будто зналъ, что нужно спѣшить, а потомъ самъ собою останавливался у забора, къ которому его всегда привязывали. Машенька часто давала ему хлѣба, и онъ до такой степени зналъ ее, что даже зналъ, когда она приходила.

Леониду еще ни разу не случалось встрѣчать кого-нибудь у Машеньки. Дѣйствительно, покупателей на цвѣты было очень мало, а знакомыхъ у Валениныхъ почти никого не было. Одинъ разъ, пріѣхавъ позднѣе, Леонидъ остался долѣе обыкновеннаго, и, въ его присутствіе, въ садикѣ появился Травкинъ. Бѣдный канцеляристъ совершенно растерялся, увидѣвъ близь Машеньки красиваго молодаго человѣка, по его соображеніямъ, должно-быть очень знатнаго. Онъ запикался на каждомъ словѣ, выговаривая свою обычную фразу

о букетикѣ, краснѣлъ, даже слезы выступали на глазахъ; фуражка два раза падала изъ его дрожавшей руки. Машенька хотѣла ободрить его, и говорила съ нимъ ласковѣе обыкновеннаго. Когда онъ ушелъ, Леонидъ засмѣялся и спросилъ у Машеньки:

— Что это за явленіе?

— Чиновникъ Травкинъ, отвѣчала она слегка краснѣя.

Леонидъ принялся передразнивать его, и самъ отъ души смѣялся. Машенька вспыхнула; на ея лицѣ появилось выраженіе такого же негодованія, какъ когда-то у самого Леонида на Mlle Колле посмѣявшейся надъ тремя несчастными калѣками. Леонидъ не замѣтилъ этого, потому что въ эту минуту онъ занимался своею шляпой, представляя какъ Травкинъ роняетъ и поднимаетъ ее, спотыкаясь. Смѣялся онъ, конечно, не злобно и безъ всякаго дурнаго намѣренія; просто ему было весело, и онъ готовъ былъ смѣяться всему на свѣтѣ. Тѣмъ не менѣе насмѣшки его подѣйствовали на Машеньку очень непріятно, и это первое чувство недовольства Леонидомъ всего лучше свидѣтельствовало о ея слабости. Она никогда бы не рѣшилась сказать Леониду что думала о немъ въ эту минуту; но ей было непріятно, грустно и совѣстно за него. Ей послѣ этого хотѣлось, чтобы Леонидъ никогда не встрѣчался съ Травкинымъ, и поэтому былъ бы лишенъ случая посмѣяться надъ нимъ. Бѣдный Травкинъ! Ну можно ли насмѣхаться надъ нимъ?.. да еще кому?.. Леониду!..

Леонидъ продолжалъ каждое утро видаться съ Машей. Только одинъ разъ случилось, что онъ пріѣхалъ послѣ обѣда, именно тогда, какъ Софья Михайловна, въ видѣ испытанія, послала его за букетомъ. Машенька въ это время была въ комнатѣ; онъ прошелъ черезъ садикъ, подошелъ къ ея окну, и позвалъ ее. Сначала она испугалась, но потомъ испугъ перешелъ въ радость.

— Какъ это случилось, что вы въ такое время здѣсь? спросила она Леонида.

— Maman сама просила меня, чтобъ я привезъ ей букетъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Такъ стало-быть ей мои букеты нравятся?

— Очень нравятся.

— Погодите же, я ей сдѣлаю превосходный букетъ.

Машенька съ большимъ одушевленіемъ принялась за дѣло.

Изъ всего садика выбирала она самые лучшіе цвѣты; ее сильно занимала, сильно радовала мысль, что Софья Михайловна сама пожелала имѣть этотъ букетъ. Любящее сердце молодой дѣвушки готово было излить свое чувство на все что̀ окружало Леонида. Софью Михайловну она любила, хотя никогда не встрѣчала ея: Машенькѣ достаточно было знать, что эта женщина мать Леонида, что она заботилась о немъ съ минуты его рожденія, и что любитъ его больше всѣхъ на свѣтѣ.

— Посмотрите, хорошъ букетъ? спросила она Леонида.

— Очень хорошъ!

— Онъ все время не спускалъ съ нея глазъ. „Какая она милая, какая она добрая!“ думалъ онъ, и въ эту минуту ему больше всего на свѣтѣ хотѣлось бы сказать Машенькѣ что̀ онъ о ней думаетъ. Но онъ, конечно, молчалъ и только продолжалъ смотрѣть на нее.

— Какъ вы думаете, понравится этотъ букетъ вашей maman?

— Конечно, понравится. Знаете что̀, продолжалъ онъ, немного помолчавъ:—maman очень ревнива, и когда я былъ маленькій, я помню, она часто спрашивала у меня: „хотѣлось ли бы мнѣ, чтобъ у меня были сестры и братья,“ и всегда радовалась, когда я отвѣчалъ ей: „нѣтъ, мама, не хочу! мнѣ тебя одну нужно!“ Да и сама она была довольна, что у нея не было другихъ дѣтей, что она могла любить безраздѣльно одного меня... Но мнѣ кажется, что еслибъ она васъ узнала хорошенько, то пожелала бы имѣть такую же дочь, какъ вы... Но за себя... нѣтъ, я не желалъ бы никакой перемѣны...

Сказавъ это, онъ сильно смутился. Машенька скрыла свое волненіе, и молча подала ему букетъ; онъ взялъ его и уѣхалъ.

Софья Михайловна все искала удобнаго случая поговорить съ Леонидомъ, но не знала какъ приступить къ дѣлу. Наконецъ она рѣшилась спросить у него, откуда онъ доставалъ букеты. Онъ назвалъ владѣльца садика. Софья Михайловна спросила, кто составляетъ и продаетъ букеты; онъ принудилъ себя солгать, и отвѣчалъ:—садовникъ.

— А изъ какихъ членовъ состоитъ семейство Валентина?

— Я у него въ домѣ ни разу не былъ, отвѣчалъ увертливо Леонидъ.

Софья Михайловна поняла, что съ этой стороны ничего не сдѣлаешь, и рѣшилась ждать.

На другой день Леонидъ былъ у Машеньки: они сидѣли въ бесѣдкѣ, онъ былъ задумчивъ.

— Какъ это странно, проговорилъ онъ наконецъ:—случается, что самое хорошее чувство побуждаетъ насъ къ поступкамъ, не скажу дурнымъ, но и не совсѣмъ хорошимъ.

— Какъ такъ? спросила Машенька съ недоумѣніемъ.

— Если хотите, то я вамъ разкажу, отвѣчалъ Леонидъ, и онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе, чтобы говорить какъ можно спокойнѣе:—вотъ видите ли, я нахожу въ вашемъ обществѣ не то что удовольствіе, а высокое наслажденіе для себя; а между тѣмъ я никогда никому не сказалъ о васъ ни слова; мало того, я даже умышленно говорилъ неправду, для того только чтобы не называть васъ. И для чего я это дѣлаю, самъ хорошенько не знаю.

Машенька задумалась; но черезъ минуту подняла свое доброе, улыбающееся личико, и сказала:

— Я понимаю васъ очень хорошо и даже могу объяснить вамъ, почему вы такъ поступаете. (Она была очень рада, что можетъ успокоить Леонида). Нѣтъ ничего удивительнаго, продолжала она,—что вы ни съ кѣмъ не говорили обо мнѣ; я дѣлаю то же самое; когда дѣдушка спрашивалъ о васъ, я назвала только вашу фамилію, но ничего больше не говорила. Вѣдь согласитесь, когда вы съ кѣмъ разговариваете, то вамъ хотѣлось бы, чтобы ваши слова принимались именно такъ, какъ они сказаны.

— Ну да, конечно!

— Хорошо. Мы знаемъ и понимаемъ другъ друга, но другимъ одними разказами всего нельзя передать, и выходитъ, что еслибы мы стали говорить одинъ о другомъ, то насъ бы вовсе не поняли и стали бы смотрѣть на насъ совершенно иначе... совсѣмъ не такъ...

— Ну да, да! перебилъ оживившійся Леонидъ:—эта самая мысль и мелькала у меня въ головѣ, когда я не хотѣлъ разказывать о васъ... А вы, Марья Васильевна, не отказываетесь отъ вашихъ словъ; вы сейчасъ сами сказали, что мы знаемъ и понимаемъ другъ друга.

— Я это и теперь готова подтвердить.

— Благодарю васъ, проговорилъ Леонидъ съ чувствомъ:—такъ мы друзья.

— Друзья.

— Такъ дайте же мнѣ вашу руку.

Машенька протянула ему обѣ руки; онъ судорожно сжалъ ихъ и потомъ по нѣсколько разъ съ жаромъ поцѣловалъ и ту, и другую. Когда онъ приподнялъ голову, щеки его горѣли, глаза искрились, въ голосѣ было слышно сильное волненіе.

Успокоившись немного, Леонидъ сказалъ:

— Да, дѣйствительно, кто васъ не знаетъ, тотъ не можетъ составить о васъ никакого понятія изъ однихъ разказовъ, а кто васъ знаетъ и понимаетъ, тотъ не можетъ васъ не любить.

Машенька пропустила послѣднее слово будто незамѣченнымъ, и отвѣчала сколько могла спокойно:

— Вы, право, преувеличиваете всѣ мои добрыя качества; вы еще такъ мало знаете людей, и въ особенности женщинъ, вамъ все въ нихъ кажется Богъ знаетъ чѣмъ.

Леонидъ недовѣрчиво покачалъ головою, но ничего не отвѣчалъ. Вернувшись домой, онъ все время былъ разсѣянъ, задумчивъ и молчаливъ. Это настроеніе длилось нѣсколько дней; онъ каждое утро продолжалъ видѣться съ Машенькой, но его задумчивость все-таки не исчезала. Одинъ разъ, пріѣхавъ довольно рано, онъ подошелъ къ ней съ видомъ непривычной рѣшимости, и сказалъ:

— Знаете, Марья Васильевна, я все это время собирался писать къ вамъ, но не могъ; лучше такъ сказать...

Машенька посмотрѣла на него съ недоумѣніемъ.

— Вотъ видите ли, продолжалъ онъ,—я хотѣлъ спросить у васъ, какъ вы думаете, чѣмъ должно кончиться мое чувство къ вамъ?

Машенька поблѣднѣла; она чувствовала какъ по всѣмъ ея членамъ пробѣжала дрожь, и отвѣчала нетвердымъ голосомъ:

— Я право не понимаю что̀ вы хотите сказать.

— Какъ не понимаете? Вѣдь вы не можете же не знать, что я васъ люблю, сказалъ Леонидъ, и въ свою очередь голосъ его сильно задрожалъ.—Вотъ я и хочу спросить у васъ, какъ вы смотрите на это чувство?... — Не получивъ никакого отвѣта, онъ продолжалъ:—Черезъ два года я окончу курсъ, мнѣ будетъ двадцать одинъ годъ, я буду совер-

шеннолѣтнимъ и могу тогда располагать собою какъ захочу...

— Ну тогда, прервала его Машенька трепетнымъ голосомъ,—тогда вы и будете дѣйствовать, какъ пожелаете... тогда и будетъ время говорить... зачѣмъ же теперь?... къ чему?...

— Но вѣдь я люблю васъ, возразилъ Леонидъ задыхающимся голосомъ,—и потому я хочу знать... какъ вы смотрите на это чувство?

Машенька поблѣднѣла еще больше, и на глазахъ ея выступили крупныя слезы.

— Машенька, вы меня любите? прошепталъ Леонидъ, бережно взявъ ея руку.

— Да, отвѣчала она едва слышно,

Леонидъ хотѣлъ было привлечь ее къ себѣ, но она съ испугомъ вырвалась изъ его рукъ и убѣжала. Онъ ускакалъ куда-то въ поле и только къ обѣду вернулся домой. Его задумчивость и озабоченный видъ замѣнились мечтательностію, а разсѣянность осталась все та же. На другое утро какъ только онъ пріѣхалъ къ Машенькѣ, она первая подошла къ нему и прежде всего сдѣлала съ нимъ условіе, чтобъ онъ никогда, ни въ какомъ случаѣ, ничѣмъ не напоминалъ ей о вчерашнемъ разговорѣ, иначе ихъ дружескія отношенія прекратятся. Леонидъ нехотя согласился. Ему казалось очень неестественнымъ не говорить о томъ что̀ его больше всего занимало, и поэтому онъ большею частію молчалъ. Наконецъ, какъ бы въ вознагражденіе, онъ сталъ умолять Машеньку согласиться, чтобъ они говорили другъ другу „ты“, и успокоился только тогда, когда получилъ это разрѣшеніе. Сначала Леонидъ думалъ, что ему будетъ гораздо легче и лучше, когда онъ выскажетъ Машенькѣ свое чувство, а имъ, напротивъ того, овладѣла въ послѣднее время безсознательная, непреодолимая тоска, которая не оставляла его даже и въ присутствіи Маши. Онъ былъ постоянно грустенъ, задумчивъ, а иногда и раздражителенъ. Софья Михайловна замѣчала все это и рѣшилась поговорить съ нимъ *серіозно*.

— Леонидъ, сказала она ему грустнымъ и вкрадчивымъ голосомъ:—отчего ты сталъ чуждаться меня въ послѣднее время? Ты ко мнѣ очень перемѣнился.

— Нисколько, maman, увѣряю тебя, нисколько.

— Ты любишь меня меньше прежняго. Отчего ты сталъ со мною такъ скрытенъ? Ты любишь, и ничего мнѣ объ этомъ не говоришь, сказала она очень рѣшительно.

— Ну, maman!

Леонидъ какъ бы просилъ ее продолжать; онъ собралъ всѣ свои силы, и казался довольно спокойнымъ.

— Ты любишь внучку старика Валенина?

— Да, maman, это правда.

— Послушай, душа моя, прежде всего вспомни пожалуста, что тебѣ только еще восьмнадцать лѣтъ.

— Такъ что же изъ этого?

— Да ты еще не можешь сказать навѣрное, любишь ли ты кого, или нѣтъ; она тебѣ нравится, а ты воображаешь и самъ увѣряешь себя, что серіозно ее любишь.

— Нѣтъ, maman, нѣтъ, это неправда! Если теперь ты не вѣришь, что любовь моя серіозна, то ты убѣдишься въ томъ современемъ.

Для Софьи Михайловны фраза эта звучала какъ угроза. Она задумалась и даже немного испугалась.

— Ну, хорошо, положимъ, что я вѣрю тебѣ, сказала она послѣ короткаго молчанія. — Теперь скажи мнѣ пожалуста, отчего ты такъ тщательно скрывалъ отъ меня эту тайну? Ты даже рѣшался лучше лгать нежели сознаться мнѣ во всемъ.

Онъ ничего не отвѣчалъ; она нагнулась, и пристально посмотрѣла ему въ глаза: — Неужели недостаточно всей моей любви и всѣхъ моихъ заботъ, чтобъ убѣдить тебя въ томъ, что все касающееся тебя трогаетъ меня гораздо больше чѣмъ свое собственное горе или несчастіе... Отчего же ты мнѣ ничего не сказалъ?

— Maman, ну право не знаю отчего я молчалъ... увѣряю тебя, что я просто былъ не въ силахъ говорить съ тобой объ этомъ, самъ не знаю почему, а то бы я все разказалъ тебѣ.

— Отчего жь ты былъ не въ силахъ? Вѣдь теперь ты говоришь очень твердо и безъ малѣйшей робости?

Леонидъ вспомнилъ какъ объясняла Маша ихъ обоюдное молчаніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ, что это была не единственная причина, мѣшавшая ему быть откровеннымъ. Кромѣ этой причины, онъ просто опасался, хотя и несознательно, что ему станутъ мѣшать въ его дѣйствіяхъ.

— Признайся, Леонидъ, продолжала Софья Михайловна грустнымъ, но ласковымъ тономъ,—когда проснулось въ тебѣ настоящее чувство, или то что̀ ты считаешь такимъ, привязанность къ матери начала ослабѣвать мало-по-малу, и теперь, кажется, едва-едва напоминаетъ о своемъ существованіи...

— Нѣтъ, мама, право нѣтъ, увѣряю тебя нѣтъ.

Начинало уже вечерѣть, въ комнатѣ было довольно темно, такъ что Леонидъ не замѣчалъ, что у Софьи Михайловны навернулись слезы; но онъ слышалъ ласку и нѣжность въ ея голосѣ; усѣвшись на скамейкѣ у ея ногъ, онъ положилъ голову къ ней на колѣни.

— Мама, право же я тебя люблю... очень люблю, сказалъ онъ ласкаясь.

Софья Михайловна ничего не отвѣчала и гладила его шелковистые черные волосы. Черезъ нѣсколько минутъ она спросила взволнованнымъ голосомъ:

— Леонидъ, неужели ты думаешь, что чувство это доставитъ тебѣ счастье въ будущемъ?

— Конечно, maman.

— Никогда, никогда! возразила она порывисто и страстно; въ эту минуту она и сама не знала чѣмъ бы могла подтвердить свой приговоръ.

— Да отчего же, maman? спросилъ Леонидъ, нѣсколько смущенный.

— Повѣрь, дитя мое, что съ этой стороны тебѣ счастья не будетъ. Дай Богъ, по крайней мѣрѣ, чтобы чувство это не заставило тебя страдать.

— Да отчего же, maman, отчего же? Повѣрь, что я буду счастливъ, непремѣнно буду счастливъ.... Она такая милая....

При этихъ словахъ Леонидъ, сверхъ всякаго ожиданія, залился слезами. Софья Михайловна дала ему время выплакаться. Она видѣла его слезы, она слышала его рыданія, и невольно должна была думать, что единственная причина этихъ страданій — его несчастное, гибельное чувство. Она все болѣе и болѣе ожесточалась противъ Маши. Леонидъ успокоился, и ему стало легче.

— Право, maman, я буду счастливъ, сказалъ онъ наконецъ, продолжая недосказанную мысль:—и ты непремѣнно должна мнѣ вполнѣ сочувствовать и даже помогать всѣми

силами. (Софью Михайловну покоробило.) Я непремѣнно буду счастливъ, да и не могу не быть счастливъ.

— Перестань пожалуста, Леонидъ, перебила она его довольно сухо:—ты еще совершенный ребенокъ и не понимаешь ни себя, ни своего чувства.

— Нѣтъ, maman, я сейчасъ докажу тебѣ, что непремѣнно буду счастливъ. Чего же будетъ не доставать для моего счастья? Ея душевныя и нравственныя достоинства такъ высоки, я даже не думалъ, чтобы могло быть такое совершенство на землѣ... Собой она очень хороша, такъ привлекательна какъ нельзя больше; она удивительно, пластично хороша....

Софья Михайловна принужденно захохотала:

— Ты говоришь просто изъ какого-нибудь романа; такъ отзываются всѣ влюбленные о своихъ богиняхъ.

— Я отдавалъ ей только должную справедливость, отвѣчалъ Леонидъ немного раздраженный,—мнѣ хотѣлось доказать тебѣ, что я буду счастливъ.

— Ну, перестань пожалуста; это такія мечты, такія бредни.... Есть вещи, о которыхъ гораздо лучше молчать. Надобно совершенно не уважать человѣка, чтобы заставлять его выслушивать всякій вздоръ.

Она встала и вышла изъ комнаты. Послѣдняя ея фраза оскорбила Леонида. Онъ былъ изумленъ, отчего она въ началѣ разговора была такъ нѣжна и ласкова, а окончила его такъ жестко и несправедливо. Онъ не понималъ, что она дѣйствительно страдала за него и сочувствовала ему сколько могла, но какъ только дѣло коснулось исключительно Машеньки, она была не въ состояніи осилить себя, и невольно раздражалась и ожесточалась.

Объясненіе съ матерью сильно подѣйствовало на Леонида. На него снова напала тоска, и онъ два дня не ѣздилъ видѣться съ Машею. Его можетъ-быть облегчило бы, еслибъ онъ могъ передать ей свой разговоръ съ матерью; но онъ помнилъ условіе и зналъ, что Маша не захочетъ слышать ничего что было говорено о его чувствѣ къ ней.—„Зачѣмъ она такая?“ приходило ему въ голову, и въ первый разъ онъ не то что упрекнулъ, но пороптalъ на Машу. Къ исходу втораго дня онъ почувствовалъ непреодолимое желаніе видѣть ее. Ложась спать, онъ просилъ

разбудить его какъ можно раньше; но, проснувшись на зарѣ, онъ услышалъ шумъ дождя по крышѣ и стекламъ; подойдя къ окну, увидѣлъ что вода ручьями бѣжитъ по улицѣ; на этотъ день надо было отложить надежду видѣть Машу. Онъ страшно скучалъ и не зналъ куда дѣваться. Софья Михайловна замѣчала все это, но избѣгала всякаго объясненія, понимая его безполезность и убѣждаясь что еще не пришло время дѣйствовать. Ей нѣсколько разъ приходило въ голову, не увезти ли ей Леонида, еслибы даже пришлось употребить на это власть; но она опасалась, что насиліе можетъ вызвать сильную реакцію: тогда, пожалуй, все дѣло пропадетъ, а теперь она все еще имѣла твердую надежду, что такъ или иначе, рано или поздно, ей удастся склонить Леонида на свою сторону. „Теперь скоро августъ, думала она,—а еще заранѣе было рѣшено, что въ концѣ августа мы ѣдемъ. Стало-быть остается только мѣсяцъ... ну, это не Богъ знаетъ сколько!“

Прошелъ и третій день. На слѣдующее утро погода была отличная, и Леонидъ отправился къ Машѣ. Къ нему вышелъ хромой работникъ и сказалъ, что барышни нѣтъ дома, что она у Анны Андреевны, пріѣхавшей изъ деревни, и вѣроятно цѣлый день останется у нея. Леонидъ вернулся домой совершенно разстроенный; ему приходило въ голову, что когда Анна Андреевна узнаетъ все, то она будетъ мѣшать ихъ свиданіямъ, такъ что онъ уже никогда, никогда не увидитъ Маши, и что для него все теперь кончено.

Вечеромъ того же дня Ксенія Петровна предложила Софьѣ Михайловнѣ отправиться на свадебный балъ въ одно богатое купеческое семейство. Софья Михайловна согласилась и пошла передать это предложеніе Леониду, надѣясь развлечь его. Онъ сидѣлъ одинъ въ своей комнатѣ, блѣдный, задумчивый и грустный. Софья Михайловна остановилась, и въ душѣ ея шевельнулось сожалѣніе; она и такъ замѣчала, что Леонидъ очень похудѣлъ и поблѣднѣлъ въ послѣднее время, а теперь, видя его такимъ грустнымъ и разстроеннымъ, она, кажется, была бы готова подъ первымъ впечатлѣніемъ сама дать ему возможность увидѣться съ Машей.

— Нѣтъ, maman, не хочется, сказалъ онъ на приглашеніе ѣхать на балъ.

— Такъ вотъ что, Леонидъ, сказала она немного запинаясь —не можешь ли ты достать мнѣ букетъ? Мнѣ хотѣлось бы ѣхать туда съ букетомъ.

Леонидъ встрепенулся и ожилъ; самъ бы онъ не рѣшился ѣхать такъ поздно, а теперь его посылаютъ, и можетъ-быть онъ увидитъ Машу, свою милую, ненаглядную Машу. Онъ велѣлъ осѣдлать лошадь, и помчался по знакомой дорожкѣ. Было уже темно, но онъ все-таки подъѣхалъ къ садику, надѣясь какъ-нибудь случайно еще найдти ее тамъ. Дѣйствительно, она была тамъ.

— Что это значитъ, что вы пріѣхали такъ поздно, спросила она съ удивленіемъ, но не скрывая своей радости.

— А ты испугалась?

— Нѣтъ, ничего; но ты зачѣмъ пріѣхалъ?

— Маман желаетъ имѣть букетъ; она ѣдетъ на какой-то балъ сегодня.

— А ты поѣдешь?

— Нѣтъ, не хочется.

— Такъ надо же поскорѣй букетъ-то сдѣлать; подожди немного я сейчасъ принесу фонарь. — Черезъ нѣсколько минутъ она вернулась съ маленькимъ фонарикомъ и заставила Леонида держать его, а сама стала рѣзать цвѣты. Она очень торопилась, боясь задержать Софью Михайловну, и букетъ скоро былъ готовъ.

— Ну, поѣзжай же поскорѣй, поскорѣй, торопила она Леонида.—Я тебѣ стану свѣтить, пока ты сядешь на лошадь. — И она стала свѣтить; но свѣтъ фонаря падалъ только на нее одну. Обманутая темнотой, покрывавшею всѣ окружающіе предметы, она думала, что и ее не видно, и потому не заботилась о выраженіи своего лица. Она внимательно слѣдила за всѣми движеніями Леонида, представлявшагося ей какою-то темною тѣнью, и глаза ея выражали такъ много любви и чувства, сколько никогда еще въ нихъ не подмѣчалъ Леонидъ. Ея черные волосы, освѣщенные фонаремъ, блестѣли синимъ отливомъ; ротъ былъ полуоткрытъ, и вся фигура была необыкновенно привлекательна. Леонидъ былъ уже въ сѣдлѣ, но онъ пріостановился на нѣсколько минутъ и молча любовался ею; потомъ онъ вдругъ соскочилъ съ лошади, и быстро подбѣжалъ къ Машѣ.

— Что̀ съ тобой? спросила она.

— Маша, отвѣчалъ онъ умоляющимъ голосомъ:—я не видалъ тебя вотъ уже три дня; мнѣ хочется остаться съ тобой, хотя на нѣсколько минутъ, и поговорить.

— Какъ это можно? тебя будутъ ждать.

— Пусть меня ждутъ, но я непремѣнно хочу говорить съ тобой.—Онъ сказалъ это такъ твердо и рѣшительно, что Машенька ничего не отвѣчала.—Пойдемъ въ бесѣдку и сядемъ.

Онъ взялъ ее за руку и привелъ въ бесѣдку. Они сѣли. Машенька поставила подлѣ себя фонарь и взяла въ руки букетъ, чтобъ онъ не измялся. Леонидъ нѣсколько минутъ ничего не говорилъ и только молча смотрѣлъ на нее; онъ хотѣлъ говорить о чемъ-нибудь, но ни на чемъ не могъ сосредоточиться: голова его горѣла, и мысли путались.

— Ну что же, Леонидъ? рѣшилась наконецъ спросить Маша. Ей становилось какѣ-то неловко и страшно; къ тому же она замѣтила блѣдность и волненіе Леонида, и ей стало очень жаль его.

— Вотъ что, Машенька, сказалъ онъ наконецъ:—что̀ ты говорила съ Анною Андревной?

— Говорила о тебѣ.

— Что̀ же ты ей сказала?

— Ну, да о тебѣ..

— Да что?

Машенька поняла чего онъ добивался, и улыбаясь ему своею доброю, ласкающею улыбкой и сильно краснѣя, проговорила:

— Ну, да я сказала ей, что я тебя люблю!

— Машенька! прошепталъ Леонидъ, не помня себя. Онъ крѣпко обвилъ ея станъ руками и привлекъ ее къ себѣ. Она, какъ бы въ защиту, заслонилась букетомъ, но онъ отвелъ ея руку и прижалъ ее къ груди.

— Леонидъ, оставь меня, оставь, ради Бога оставь, прошептала она съ усиліемъ. Леовидъ откинулся назадъ, и лицо его въ одну минуту приняло выраженіе безумнаго отчаянія; глаза были полны слезъ; онъ ломалъ себѣ руки и повторялъ прерывающимся и замирающимъ голосомъ.

— Машенька, ты меня не любишь... ты меня вовсе не любишь...

Лицо его выражало такую мучительную тоску, такое безнадежное отчаяніе, что въ эту минуту Машенька все забыла; она порывисто бросилась къ нему на шею, страстно прижалась къ его груди, и едва имѣла силы прошептать: „я люблю тебя,—я, право, люблю тебя!“

Она крѣпко прижалась лицомъ къ его плечу, но онъ поднялъ ея голову, и въ порывѣ бѣшенаго восторга прильнулъ губами къ ея губамъ.

VI.

— Такъ Леонидъ не поѣдетъ съ нами? спрашивала Ксенія Петровна.

— Нѣтъ, не поѣдетъ, отвѣчала Софья Михайловна.

— Такъ чего же мы дожидаемся? Поѣдемте, вѣдь ужь скоро девять часовъ.

— Ну, поѣдемте.

Онѣ вернулись послѣ полуночи. Софья Михайловна спросила о Леонидѣ; ей отвѣчали, что его нѣтъ дома, что онъ еще не возвращался. Она ушла въ свою комнату и раздѣлась, но долго, долго еще она не засыпала и прислушивалась съ напряженнымъ вниманіемъ, не стукнетъ ли кто въ калитку, не послышатся ли шаги, не залаетъ ли собака. Но все было невозмутимо-тихо. Пробилъ часъ, пробили два часа, пробили три; начало уже разсвѣтать, а Леонида все нѣтъ; наконецъ она, усталая, заснула.

Леонидъ вернулся домой въ четвертомъ часу; онъ долженъ былъ нѣсколько разъ стучаться прежде чѣмъ ему отперли; наконецъ показалась сонная и недовольная фигура дворника, и отворила калитку. Леонидъ, не говоря ни слова, бросилъ ему поводья своей лошади и тихо пробрался къ себѣ на верхъ.

По утру всѣ собрались къ чаю, и каждый старался показывать видъ, что не знаетъ и не помышляетъ ничего особеннаго, что сегодня такой же простой день, какъ и вчера. Оставшись съ Леонидомъ наединѣ, Софья Михайловна отбросила этотъ видъ, и смотря на сына испытующимъ взглядомъ, спросила коротко:

— Гдѣ ты былъ такъ долго вчера вечеромъ?

Леонидъ былъ сильно взволнованъ, и онъ съ нѣкоторымъ цинизмомъ отвѣтилъ матери ея собственною фразой:

— Есть вещи, о которыхъ гораздо лучше молчать; надобно совершенно не уважать человѣка, чтобы заставлять его выслушивать всякій вздоръ.

Съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты.

Трудно описать, какъ сильно была поражена Софья Михайловна. Она очень испугалась, и въ первый разъ сознала ясно, что сынъ ея находится подъ вліяніемъ дѣйствительно сильнаго чувства. Она рѣшилась повести дѣло какъ можно осторожнѣе. Прошло полторы недѣли, а она ни словомъ, ни видомъ не напомнила Леониду, что между ними есть тайна. Онъ попрежнему отлучался каждый день, но никто не спрашивалъ у него отчета въ его дѣйствіяхъ; будто все такъ и должно было быть.

По случаю какого-то торжественнаго праздника, въ городѣ *** устраивался въ общественномъ саду фейерверкъ. Новость эта привела всѣхъ жителей въ волненіе. Къ вечеру, въ назначенный день, въ саду собрались толпы народа; Ксенія Петровна съ своими гостьми была тоже въ числѣ любопытныхъ. Для почетныхъ лицъ города была устроена особая площадка подъ навѣсомъ, и всѣ добровольно уступали на ней первыя мѣста семейству Ксеніи Петровны. Усѣлись. Леонидъ былъ подлѣ Софьи Михайловны; онъ сталъ смотрѣть кругомъ, и вскорѣ различилъ въ толпѣ Машеньку съ другою дамой, и догадался, что, вѣроятно, это Анна Андреевна. Ему, конечно, очень хотѣлось подойдти къ нимъ, но сдѣлать это при всѣхъ, публично, онъ никакъ не рѣшался, духу не хватало, и онъ только издали слѣдилъ за Машенькой глазами. Софья Михайловна наблюдала за его взглядами; она увидѣла Машеньку, и догадалась что это она.

— Кто эта хорошенькая дѣвушка? спросила она Леонида будто мимоходомъ. Леонидъ показалъ видъ, что не понимаетъ о комъ идетъ рѣчь.

— Гдѣ?.. какая?.. спрашивалъ онъ, нарочно повертываясь во всѣ стороны.

Ксенія Петровна, ничего не подозрѣвая, съ полною наивностью стала разспрашивать всѣхъ о хорошенькой дѣ-

вушкѣ и узнала наконецъ, что это Марья Васильевна Валенина.

— А, Валенина!.. проговорила какая-то пожилая, богатая помѣщица, сидѣвшая возлѣ нея:—я что-то слыхала о ней. Ахъ, да, помню! Ея дѣдушка содержитъ оранжерею, или огородъ, или садъ, что-ли, право не знаю, но что-то въ этомъ родѣ.—Она обернулась въ ту сторону, гдѣ была Маша, и стала смотрѣть на нее въ лорнетку.—Въ самомъ дѣлѣ не дурна, продолжала она:—довольно миленькая, но не замѣчательное лицо... Когда я вижу бѣдныхъ дѣвушекъ хорошенькихъ собой, да ели онѣ еще получили какое-нибудь воспитаніе, то мнѣ всегда становится жаль ихъ; гораздо лучше для нихъ быть дурными.

— Отчего же? спросила Софья Михайловна, желавшая чтобы словоохотливая дама продолжала развивать свою теорію.

— Да гораздо меньше искушеній и гораздо меньше случаевъ быть несчастною. Вотъ, напримѣръ, эта Валенина: вѣроятно найдется много молодыхъ людей, которые будутъ не прочь за ней ухаживать, а это не можетъ повести ни къ чему хорошему.

— Но зачѣмъ же предполагать вездѣ дурное? замѣтила Софья Михайловна:—можетъ быть ее полюбитъ честный человѣкъ и женится на ней.

— Что же за счастье, если она и выйдетъ за какого-нибудь бѣднаго, ничтожнаго чиновника, котораго сама будетъ презирать.

Леонидъ, будто въ волшебномъ фонарѣ, увидалъ передъ собою фигуру Травкина, и ему показалось даже, что фигура эта насмѣхается надъ нимъ. Онъ встряхнулъ головой какъ бы для того чтобы прогнать непріятное видѣніе, и еще съ большимъ вниманіемъ сталъ вслушиваться въ разговоръ.

— Но вы все предполагаете только дурное, снова сказала Софья Михайловна:—развѣ не можетъ случиться, что ее полюбитъ какой-нибудь достойный человѣкъ, котораго она тоже полюбитъ, и тогда почему же бы не быть имъ счастливыми?

— Что вы разумѣете подъ именемъ *достойнаго* человѣка? Положимъ онъ будетъ не пьяница, не игрокъ; положимъ даже, что это будетъ дѣйствительно довольно

честный человѣкъ. Но развѣ этого достаточно? Представьте себѣ бѣдность, нищету, оборванныхъ дѣтей; а ужаснѣе всего, это грубое невѣжество, о которомъ въ нашей сферѣ очень многіе даже и понятія не имѣютъ.

— Но вѣдь можетъ же быть...

— Ужь не хотите ли вы сказать, что на ней можетъ жениться образованный и богатый человѣкъ изъ нашего круга? И вы думаете, что эта дѣвушка была бы счастлива? Да; если она бездушная, безчувственная деревяшка, а въ противномъ случаѣ она непремѣнно будетъ страдать. Ей будетъ тяжело уже то, что ее перемѣстятъ въ совершенно чуждую сферу, что всѣ родные, близкіе и знакомые ея мужа станутъ смотрѣть на нее свысока и жалѣть о его безразсудствѣ. Да помилуйте, такая жизнь должна быть просто невыносима!

Эта дама не имѣла дочерей, но за то у нея было трое взрослыхъ сыновей, и она очень не любила хорошенькихъ бѣдныхъ дѣвушекъ. Однако послѣдніе ея доводы показались Леониду неопровержимыми. Онъ содрогнулся и невольно посмотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ была Маша. Она дѣйствительно теряла, конечно не отъ сравненія съ окружающимъ ея обществомъ, а отъ того только что была въ обществѣ. Она какъ-то робко и пугливо выглядывала изъ-подъ своей простенькой шляпки, и всѣ движенія ея были неразвязны и стѣснены. Леонидомъ овладѣли самыя мучительныя думы; онъ такъ погрузился въ свое собственное, только что открытое несчастіе, что и не замѣтилъ какъ окончился фейерверкъ.

Машенька осталась какъ нельзя болѣе довольна этимъ вечеромъ. Она совершенно неожиданно попала на фейерверкъ. Анна Андреевна, не предупреждая ея заранѣе, прямо зашла за ней и уговорила идти вмѣстѣ. И какъ Машенька была счастлива, что имѣла случай видѣть Софью Михайловну! Она нашла въ ней такъ много сходства съ Леонидомъ, и такое хорошее, такое благородное выраженіе въ лицѣ, что совершенно плѣнилась ею; къ тому же ее очень занималъ и самъ по себѣ фейерверкъ; она видѣла его въ первый разъ въ жизни, и восхищалась каждою ракеткой.

На другой день, рано утромъ, ее разбудилъ легкій стукъ въ окно и голосъ Леонида, назвавшій ее по имени. Она немного испугалась.

— Леонидъ, это ты?.. Что случилось?

— Ничего; я только что проснулся, на зарѣ, и пріѣхалъ сюда; если ты не очень устала, то выйдь пожалуста ко мнѣ; утро превосходное, и мы вмѣстѣ пошли бы гулять.

Машенька надѣла наскоро блузу, покрыла голову черною тюлевою косынкой и вышла въ садъ.

„Ну вотъ теперь она очень хороша!“ подумалъ Леонидъ:“ несравненно лучше чѣмъ была вчера вечеромъ.“— Mercі, Маша, за то что ты вышла, сказалъ онъ ей.

— Куда же мы пойдемъ?

— Сойдемъ пожалуста къ рѣчкѣ и посидимъ тамъ на берегу между кустарниковъ; если будетъ сыро, я разстелю тебѣ свое пальто.

Они сошли къ рѣкѣ и усѣлись.

— Знаешь, Маша, я почти всю ночь не спалъ и все думалъ о тебѣ.

— Что же ты думалъ? спросила она съ участіемъ.

— Думалъ о томъ какъ это будетъ, когда намъ можно будетъ обвѣнчаться?

Изъ груди Машеньки вырвался подавленный вздохъ.

— Ну что это, Машенька, зачѣмъ это? сказалъ Леонидъ съ нѣжнымъ упрекомъ:—право мы будемъ счастливы... Только, видишь ли что: maman, конечно, будетъ противъ этого, и всѣ наши родные, и знакомые... Но что же до этого? Не надо на нихъ и вниманія обращать.

Теперь, когда онъ былъ подлѣ Маши, ему казалось ни по чемъ бросить всѣхъ, чтобъ быть съ нею. Машенька поблѣднѣла.

— Что ты говоришь, Леонидъ, опомнись ради Бога, сказала она взволнованнымъ голосомъ: — не забывай, что ты говоришь о своей матери! Я ни за что не соглашусь назваться ея дочерью противъ ея воли...

Она остановилась, чувствуя что рыданія душатъ ее. Если-бы въ эту минуту она стала поддерживать Леонида въ его отважной рѣшимости идти наперекоръ всѣмъ, онъ мало-по-малу укрѣпился бы въ этомъ намѣреніи; но когда онъ увидѣлъ, что и она противъ него, то онъ самъ испугался своей рѣшимости, которая показалась ему слишкомъ дерзкою.

— Но, можетъ-быть, современемъ maman измѣнитъ свое мнѣніе; можетъ-быть, она добровольно согласится...

Онъ старался успокоить и самого себя, и Машу; но вскорѣ онъ былъ отвлеченъ отъ будущаго настоящимъ. Онъ осторожно снялъ съ Маши тюлевую косынку, и распустивъ ея длинные черные волосы, сталъ играть ими, вплетая въ ея косу нѣжную вьющуюся зелень, росшую по берегу, и любовался ея грустнымъ, задумчивымъ личикомъ.

Солнце стояло уже высоко, и лучи его золотили поверхность тихой широкой рѣки; съ каждою минутой становилось все теплѣй и теплѣй. Кузнечики усерднѣе стрекотали въ травѣ, жужжали пчелы, пѣли птицы, рыба играла на поверхности воды; роса вездѣ уже обсохла; при яркомъ утреннемъ солнцѣ, поля, покрытыя золотистою рожью, еще рѣзче отдѣлялись отъ зеленыхъ скошенныхъ луговъ: было такъ хорошо!

Усталый послѣ безсонной ночи, Леонидъ расположился у ногъ Маши, обвилъ руками ея колѣни, и положивъ на нихъ голову, тихо задремалъ. Убѣдившись, что онъ заснулъ, Машенька дала волю слезамъ, накопившимся у ней на душѣ, и онѣ потекли тихо, ровно, одна за другою, и какъ алмазы скатывались съ ея блѣдныхъ щекъ на блузу, иногда падая на волосы Леонида и блестя на нихъ какъ росинки.

Въ это же самое утро Анна Андреевна встала довольно рано и задумала навѣстить свою бывшую ученицу; она собиралась поговорить съ ней обо многомъ, дать нѣсколько совѣтовъ и предостеречь ее. Ей показалось еще слишкомъ рано, и чтобы не будить Маши, она вздумала прогуляться, и черезъ садикъ сошла къ рѣкѣ. Не доходя не много до берега, она замѣтила что-то бѣлое между кустами, и наконецъ ясно разглядѣла Машеньку и Леонида, спавшаго на ея колѣняхъ. Она тихо и осторожно удалилась и пошла домой. Она разомъ поняла, что роль ея въ отношеніи къ Машенькѣ должна будетъ измѣниться: теперь уже предстоитъ ей только успокоивать и утѣшать ее. Къ тому же она замѣтила слезы Маши, ея блѣдное изнуренное личико, и ей стало такъ жаль ея, что она горько заплакала, и мужественныя черты ея лица приняли выраженіе глубокой грусти. Вернувшись домой, она рѣшила что не пойдетъ въ этотъ день къ Валенинымъ.

Сдѣлавъ легкое движеніе, Леонидъ очнулся и увидѣлъ слезы Машеньки.

— Маша! милая! что съ тобою? спросилъ онъ съ участіемъ и лаской ее.—Знаешь ли что? проговорилъ онъ послѣ минутнаго молчанія:—мнѣ такъ хорошо, такъ хорошо, что ничего даже и то, что ты плачешь... мнѣ это почти даже нравится; ты при этомъ такая милая...

Онъ нѣжно обнялъ ее и прислонился головою къ ея плечу; ему хотѣлось бы остаться такъ долго, долго; онъ желалъ бы забыться въ этомъ положеніи пожалуй хоть на цѣлые годы.

VII.

Августъ мѣсяцъ приходилъ къ концу. Въ одинъ прекрасный вечеръ, получивъ нѣсколько писемъ съ почты, Софья Михайловна объявила всеторжественно, что имъ непремѣнно надо ѣхать въ Петербургъ послѣ завтра же утромъ: дѣла по ея процессу требовали ея немедленнаго присутствія, да къ тому же и вакація кончалась. Леонидъ выслушалъ это рѣшеніе какъ приговоръ судьбы: жребій его былъ брошенъ, участь рѣшена. Было еще не очень поздно, и онъ отправился къ Машенькѣ, чтобы передать ей все. Ему сказали, что она у Анны Андреевны. Леонидъ вырвалъ изъ своего бумажника листокъ и написалъ Машенькѣ, что послѣзавтра онъ ѣдетъ, и что въ остающееся время онъ постарается пробыть какъ можно долѣе съ нею. Попросивъ отдать эту записку Машенькѣ какъ только она вернется, онъ ушелъ домой. Почти всю ночь провелъ онъ безъ сна, думая о томъ, какъ онъ обо всемъ разкажетъ Машенькѣ, какъ на нее подѣйствуетъ его отъѣздъ, что они будутъ говорить, какъ простятся. Онъ заснулъ только къ утру, и въ восемь часовъ, проснувшись и одѣвшись, поскакалъ къ Валенинымъ, и опять не засталъ Машеньки. Ему сказали, что она рано утромъ ушла къ Аннѣ Андреевнѣ, потому что та больна.

— А записку мою ей отдали? спросилъ огорченный Леонидъ.

— Отдали-съ.

— Марья Васильевна никакого отвѣта не оставляла?

— Никакого-съ.

Леонидъ далъ денегъ безрукому работнику и упросилъ его пойдти къ Аннѣ Андреевнѣ и отдать Машенькѣ записку, въ которой онъ просилъ ее хотя на короткое время вернуться домой, чтобы проститься съ нимъ. Онъ прибавлялъ, что будетъ ждать ея въ саду.

Вернувшись наканунѣ домой, Машенька была очень удивлена когда ей подали первую записку Леонида. Содержаніе этой записки сильно на нее подѣйствовало; на нее напалъ такой же безсознательный и неопредѣленный страхъ, какой испытываютъ дѣти когда остаются въ темной комнатѣ. Она сначала не могла ни обдумать, ни ясно представить себѣ предстоявшую разлуку. Всю ночь просидѣла она одѣтая на постели, то прислоняя голову къ подушкамъ, то снова подымая ее. Какъ только разсвѣло, она вышла въ садъ. Свѣжій воздухъ немного пробудилъ ее изъ какого-то неестественнаго полусна; она почувствовала въ себѣ болѣе жизни и болѣе способности чувствовать.

„Черезъ нѣсколько часовъ, думала она, Леонидъ будетъ здѣсь: онъ придетъ со мной проститься... можетъ-быть надолго, кто знаетъ, не навсегда ли?... А потомъ уѣдетъ... Да неужели это правда? проговорила она съ отчаяніемъ, неужели онъ уѣдетъ?“ Она сѣла на траву, покрытую холодною, утреннею росою, и съ ней сдѣлался сильный истерическій припадокъ. Оправившись немного, она встала, наскоро одѣлась, и пошла къ Аннѣ Андреевнѣ, которая очень испугалась, замѣтивъ ея разстроенный и истомленный видъ.

— Машенька! что съ тобою? спросила она.

— Ничего... Я пришла пробыть съ тобою весь этотъ день... вѣдь ты позволишь? Дома я сказала, что ты больна.

— Сдѣлай милость оставайся; я буду очень рада.

Машенька усѣлась на ея постель, не снимая бурнуса, потому что чувствовала нервный ознобъ, и въ нѣсколькихъ словахъ объяснила ей въ чемъ дѣло.

— И ты не хочешь проститься съ нимъ? спросила Анна Андреевна.

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что... Еслибъ я видѣла его и думала, что это уже въ послѣдній разъ, то мнѣ кажется я

бы этого не вынесла... А главное, зачѣмъ я буду мучить его моими слезами и моимъ отчаяніемъ...

Анна Андреевна сочла лишнимъ говорить съ нею и утѣшать ее; усѣвшись въ углу комнаты, она показывала видъ будто читаетъ что-то съ большимъ вниманіемъ.

Часа черезъ два, Машенькѣ подали записку Леонида. Она прочла ее, потомъ крѣпко стиснула въ рукѣ, бросилась въ подушки и громко зарыдала.

— Нѣтъ, я не пойду къ нему, говорила она прерывающимся голосомъ;—онъ будетъ ждать меня въ саду, но я не могу идти... не могу... Только я напишу ему...

Для этого ей надо было успокоиться, потому что рука ея слишкомъ дрожала.

— Посмотри, Анюта, теперь не очень дрожитъ? спрашивала она минутъ черезъ десять, написавъ нѣсколько словъ на пробу.

— Нѣтъ, не очень,

— Ну такъ я напишу ему.

Вотъ что она писала:

„Леонидъ! мнѣ никакъ нельзя проститься съ тобою: Анюта очень больна, и я не могу оставить ее. Пожалуста не огорчайся и будь спокоенъ. Сдѣлай это для меня. Твоя М.“

Докончивъ эту записку, Маша совершенно упала духомъ; она опустила голову на столъ и едва слышно прошептала:

— Анюта, запечатай и отправь.

Потомъ она легла на постель, долго плакала, и наконецъ заснула.

Когда Леонидъ получилъ записку Машеньки, онъ страшно поблѣднѣлъ и вернулся домой грустный и разстроенный. Онъ ничего не могъ ѣсть, и едва-едва сдерживалъ слезы, готовыя каждую минуту брызнуть изъ его глазъ. Вечеромъ онъ снова поѣхалъ къ Валенинымъ, въ надеждѣ встрѣтить Машеньку; ему казалось невозможнымъ уѣхать не видавшись и не простившись съ нею; но Машеньки опять-таки не было. На другой день, проснувшись на зарѣ, и видя что весь домъ еще спитъ, онъ снова отправился къ Машенькѣ, пробрался черезъ садикъ и подошелъ къ ея окну. Сторы не были спущены; онъ заглянулъ въ комнату и увидѣлъ, что постель Машенькина стояла не тронутая, слѣдовательно она не ночевала дома. Вотъ и послѣдняя надежда пропала... Онъ

нѣсколько времени смотрѣлъ въ ея комнату, потомъ пошелъ въ бесѣдку, закрылъ лицо руками, и горько, горько заплакалъ...

Уходя, онъ нарвалъ цвѣтовъ и бросилъ ихъ въ комнату Маши. Когда онъ вернулся домой, начинали уже укладывать экипажъ. Леонидъ былъ какъ въ чаду, и ничего не понималъ и не замѣчалъ. Онъ не помнилъ какъ прощалась съ нимъ тетка, и просила не забывать ея и снова пріѣхать къ ней погостить; какъ Mlle Колле, забывъ старый гнѣвъ, дружески протянула ему руку, но, взволнованная и смущенная, ничего не сказала; какъ Mme Грау давала ему наставленія на нѣмецкомъ языкѣ какъ покоить дорогой свою maman и какія предосторожности брать противъ простуды. Карета уже тронулась, а Леночка и Ольга все еще продолжали кричать: „adieu ma tante! adieu cousin!“ Леонидъ прижался въ уголъ кареты, и сначала самъ не замѣчалъ какъ по лицу его потекли тихія слезы. Но вскорѣ слезы эти перешли въ рыданія; онъ приникъ головою къ подушкамъ, и долго безостановочно плакалъ.

Софья Михайловна смотрѣла на него, и сердце ея болѣзненно сжималось; ей было жаль сына, и она вмѣстѣ съ нимъ страдала и плакала въ душѣ, хотя никто не сказалъ бы этого, видя ея наружное спокойствіе. Она наблюдала за сыномъ въ теченіи всего лѣта, и убѣдилась, что онъ очень слабъ. И странно: ей ни разу не пришла въ голову мысль, не есть ли это слѣдствіе даннаго ею воспитанія; напротивъ, она удивлялась какъ могла не перейдти къ нему частица ея твердости и воли. „Но что же я могу для него сдѣлать, грустно думала Софья Михайловна, чѣмъ я утѣшу его?“

И незамѣтно мысль ея отошла въ далекіе годы, когда она находилась къ Леониду совершенно въ такихъ же отношеніяхъ: восьмнадцать лѣтъ тому назадъ отнимали его отъ кормилицы; онъ плакалъ, кричалъ, тосковалъ, чуть не заболѣлъ отъ горя, а Софья Михайловна, глядя на него, страдала не меньше самого ребенка, и точно также съ отчаяніемъ спрашивала себя: „Что же мнѣ сдѣлать для него? Чѣмъ я его утѣшу?“

Тому назадъ восьмнадцать лѣтъ!... шутка сказать! Тогда Софья Михайловна была еще молодою, роскошною жен-

щиной, Павелъ Сергѣевичъ былъ еще живъ, а Леонидъ былъ крошка, но и тогда уже онъ обѣщалъ сдѣлаться красавцемъ. Впрочемъ, онъ вовсе не былъ авантаженъ когда его отнимали отъ кормилицы: онъ до того кричалъ и плакалъ, что его маленькое личико распухло и покрылось красными пятнами. Сколько было хлопотъ чтобъ унять его! Кормилицу удалили; на молокѣ ея испекли маленькую лепешечку, и дали ее малюткѣ, но онъ съ досадой швырнулъ ее на земь; подали въ другой разъ, и опять то же самое. Только съ третьяго раза онъ согласился принять ее, и тотчасъ же поднесъ ко рту. Передъ нимъ шумѣли, пѣли, играли, и ребенокъ, одурѣвъ отъ этой сверхъестественной трескотни и вытаращивъ глазенки, переставалъ на время плакать. Увы! теперь уже подобное средство на него не дѣйствуетъ. Карета мчится быстро впередъ, стуча своими колесами по гладко-накатанной большой дорогѣ, звенятъ колокольчики подъ дышломъ, дребезжатъ окна; топотъ лошадей, крики ямщика, стукъ экипажа, все это вмѣстѣ могло бы, кажется, подѣйствовать; но Леонидъ будто переселился душою въ другой міръ, и ничего не замѣчаетъ. Онъ не подымалъ головы отъ подушекъ, хотя и пересталъ плакать.

Не зная какъ съ нимъ заговорить чтобы разсѣять его, Софья Михайловна довольно некстати предложила ему наконецъ сдобную лепешку, отъ которой онъ отказался однимъ отрицательнымъ движеніемъ головы. И что это было за великолѣпное, за краснорѣчивое движеніе! Каждый волосокъ отдѣльно такъ и кричалъ: „не хочу! не хочу!“ Софья Михайловна не смѣла настаивать. Ну, право, предлагая эту лепешку Леониду, она не дѣлала никакого сближенія между его настоящимъ положеніемъ и тѣмъ что происходило въ этомъ родѣ восьмнадцать лѣтъ назадъ; въ противномъ случаѣ, припомнивъ былое и основываясь на опытѣ, она предложила бы лепешку до трехъ разъ, въ полной увѣренности, что наконецъ онъ ее приметъ. Вмѣсто того она замолчала и робко посмотрѣла на сына, догадываясь что ея предложеніе было неумѣстно; ей очень хотѣлось бы заговорить съ нимъ о томъ и о другомъ, но она остерегалась, быть навязчивою, а еще больше того опасалась раздражить его. Долго она молчала, грустно смотря въ

даль, придумывая что бы сказать ему, чѣмъ бы подѣйствовать на него успокоительно.

Чувство Леонида къ Машенькѣ она находила положительно вреднымъ, и порѣшила что такъ или иначе чувство это должно быть искоренено; но чего бы не сдѣлала она, чтобы смягчить необходимыя послѣдствія крутой мѣры?

Наконецъ Леонидъ заснулъ въ каретѣ; Софья Михайловна осторожно пересѣла на переднюю лавочку къ своей горничной, для того чтобъ ему было покойнѣе. Сначала сонъ его былъ тихъ, но потомъ онъ началъ бредить. „Машенька! Машенька! куда ты бѣжишь!“ проговорилъ онъ громко. „Машенька! Машенька!“ закричалъ онъ черезъ нѣсколько минутъ, дѣлая движеніе руками, будто ловилъ ее. Онъ проснулся—и видѣніе исчезло; съ нѣкоторымъ испугомъ осмотрѣлся онъ кругомъ, опомнился, и снова бросился въ подушки, и опять слезы, и опять рыданія... „Боже мой! да когда же это кончится?“ прошептала Софья Михайловна, и быстро опустила вуаль, чтобы скрыть собственныя слезы.

Такъ прошелъ первый день путешествія; назавтра Софья Михайловна предложила Леониду читать вмѣстѣ одинъ романъ, въ которомъ положеніе главныхъ дѣйствующихъ лицъ напоминало его собственное положеніе. Сначала онъ слушалъ нехотя, но потомъ, мало-по-малу, вниманіе его было возбуждено выраженіемъ его собственныхъ ощущеній; наконецъ эти дѣйствующія лица уже сами по себѣ заинтересовали его, и кончилось тѣмъ, что чтеніе это очень разсѣяло его. Пріѣхавши въ Петербургъ, Софья Михайловна первая напомнила Леониду о томъ, что онъ могъ бы написать къ Машенькѣ. Сначала онъ съ жаромъ ухватился за эту мысль, но когда онъ сталъ писать, то живо почувствовалъ недостаточность такого утѣшенія, и отбросивъ нетерпѣливо перо, снова заплакалъ. Тогда его мать явилась утѣшительницею, и онъ, нисколько не стѣсняясь, постоянно говорилъ съ ней о Машѣ. Это его видимо облегчало. Кромѣ того, Софья Михайловна постоянно выѣзжала съ нимъ и ввела его въ очень изысканный кругъ общества, гдѣ онъ былъ принятъ очень благосклонно; по крайней мѣрѣ, онъ не скучалъ. Кромѣ того, она постаралась заинтересовать Леонида самимъ собою: и дѣйствительно, онъ нашелъ что положеніе

его очень интересно. Подъ конецъ онъ такъ занялся этимъ положеніемъ, что Машенька и его истинное чувство къ ней отодвинулись на задній планъ.

Софья Михайловна какъ-то разъ замѣтила Леониду, что обстоятельства Машеньки должны быть очень стѣсненныя, но что во всякомъ случаѣ предложить ей денежное вспомоществованіе никакъ нельзя: это ее оскорбитъ; но какой-нибудь очень богатый подарокъ, который она сама могла бы превратить въ деньги, она, вѣроятно, приметъ. Леонидъ вполнѣ съ этимъ согласился. Софья Михайловна дала ему значительную сумму денегъ и сказала, чтобъ онъ распорядился ею какъ хочетъ. Леонидъ былъ глубоко тронутъ этимъ поступкомъ матери; онъ съ увлеченіемъ благодарилъ ее; потомъ отправился къ лучшему ювелиру, купилъ великолѣпную брилліантовую цѣпочку и послалъ ее Машѣ. Сначала онъ все придумывалъ, чтобы написать ей при этомъ, но потомъ порѣшилъ, что лучше ничего не писать, а отправить только подарокъ; впрочемъ онъ не думалъ скрываться, и собственноручно надписывалъ посылку.

VIII.

Машенька провела у Анны Андреевны безсонную ночь наканунѣ отъѣзда Бухаровыхъ. На другой день она встала очень рано, и выйдя за городъ, пошла по большой дорогѣ. Ей хотѣлось еще разъ взглянуть на Леонида: это былъ бы послѣдній лучъ радости, а за тѣмъ наступала такая тьма, что Машенька не имѣла рѣшимости подумать о своемъ будущемъ. Недалеко отъ города расположился обозъ чумаковъ, и при видѣ этихъ тѣсно стоявшихъ подводъ, Машенькѣ пришло въ голову спрятаться за ними въ ожиданіи проѣзда Бухаровыхъ. Она подошла къ одному изъ чумаковъ, и ласково спросила его:

— Можно мнѣ тутъ отдохнуть?.... между этихъ подводъ?...

Добродушный замазаный хохолъ вытаращилъ свои сѣрые глаза, и минуты три, не моргнувъ, пристально смотрѣлъ на нее.

— Нехай, наконецъ сказалъ онъ.

Машенька съ жаромъ поблагодарила его, и поспѣшила забраться между двухъ возовъ. Изъ города выѣзжалъ экипажъ, подымая густое облако пыли. Бѣдная дѣвушка чувствовала, что сердце ея забилось усиленно, въ глазахъ сдѣлалось темнѣй, и она обезсилѣла отъ волненія, овладѣвшаго ею. Вотъ карета быстро приближается, но ее все еще заслоняетъ поднятая ею пыль... а вотъ теперь видно: вотъ на передней лавочкѣ сидитъ горничная, а вотъ Софья Михайловна въ дорожномъ платьѣ, а вотъ подлѣ нея вѣроятно.... но карета проскакала мимо.... Леонидъ сидѣлъ въ самомъ углу кареты, и Машенька не могла видѣть его. Карета катится далѣе, оставляя за собой струю густой сѣрой пыли. Вчерашній день Машенька была сильна одною, послѣднею надеждой, что еще разъ увидитъ Леонида, хотя онъ и не замѣтитъ ея, еще разъ взглянетъ на него, и потомъ будетъ думать о немъ и припоминать какимъ она видѣла его въ каретѣ, какое у него было выраженіе лица, былъ ли онъ очень грустенъ?.... И она не видѣла его..... Усѣвшись на одну изъ телѣгъ, она долго смотрѣла вслѣдъ за удалявшимся экипажемъ и прощалась съ своею послѣднею, завѣтною мечтой еще разъ увидѣть Леонида. Она опомнилась только тогда, какъ чумаки начали впрягать своихъ воловъ. Она отошла въ сторону и сѣла на валъ между пожелтѣвшихъ лазинъ. Обозъ тронулся; она долго еще прислушивалась къ скрипу телѣгъ и къ лѣнивому понуканью чумаковъ, и смотрѣла на пыль, разстилавшуюся сплошною стѣною вслѣдъ за обозомъ.

Машенькѣ пришло въ голову, что еслибы ей предстояло отправиться въ путь вмѣстѣ съ этимъ обозомъ, и ѣхать долго, долго,—и далеко, далеко,—но что потомъ она была бы вмѣстѣ съ Леонидомъ, съ какимъ наслажденіемъ, сидя на одной изъ этихъ телѣгъ, она всматривалась бы въ медленное повертываніе колесъ, и думала бы, что каждый шагъ и каждая минута приближаютъ ее къ счастію; съ какимъ терпѣніемъ она переносила бы скуку и утомленіе дороги, и холодъ, и непогоду. Она засыпала бы каждую ночь, убаюканная веселыми мечтами, а просыпалась бы съ отрадною мыслію, что вотъ еще день прошелъ и еще ближе къ сроку. А теперь когда она увидитъ его?

Машенька вернулась домой, и для нея снова началась

тихая, будничная жизнь. Все шло по старому; дѣдушка былъ съ нею все также нѣженъ и ласковъ; и садикъ оставался все тотъ же, и бесѣдка, и дорожка все такія же какъ были.

Прошло уже болѣе трехъ недѣль послѣ отъѣзда Бухаровыхъ, а Анна Андреевна еще ни разу не видала бывшей ученицы своей. Она думала, что лучше оставить Машеньку выплакаться на волѣ; но подъ конецъ ей захотѣлось повидаться съ ней. Анна Андреевна нашла Машеньку въ ея комнатѣ; она ничего не дѣлала, а сидѣла на стулѣ, сложа руки на колѣняхъ и пристально смотря въ одну точку. Она казалась блѣдною, изнуренною; увидавъ Анну Андреевну, она подошла къ ней и молча протянула ей руку; казалось, что и говорить-то ей было не по силамъ.

— Машенька, что съ тобою? проговорила Анна Андреевна, не въ состояніи превозмочь своего испуга.

— А что? Я очень измѣнилась и похудѣла; я это знаю, отвѣчала Машенька, какъ-то холодно и равнодушно смотря ей въ лицо.

— Что ты съ собой дѣлаешь? продолжала съ чувствомъ Анна Андреевна:—вспомни, что тебѣ можетъ быть долго придется еще на свѣтѣ жить; пожалѣй же себя хоть немного!

— Нѣтъ, я себя не жалѣю; право, мнѣ себя нисколько не жаль, а если жаль, такъ другаго... только вовсе не Леонида; мнѣ кажется, что онъ долженъ быть очень спокоенъ и счастливъ; право, я увѣрена въ этомъ...—Она проговорила это скоговоркой и замолчала.

— Скажи ради Бога, что ты съ собой дѣлаешь? говорила ей Анна Андреевна, не сдерживая своего чувства:—вѣдь на тебя посмотрѣть страшно; что ты себя мучаешь!

— Я уже сказала, что мнѣ себя не жаль, а жаль другаго... Вотъ видишь ли, Анюта, мнѣ нужно поговорить съ тобою, да какъ-то не могу; только это пройдетъ; погоди немножко.—Она подошла къ ней и взяла ея руку своими холодными, исхудалыми руками. — Если ты когда-нибудь любила меня и любишь, то тебѣ можно будетъ доказать это на дѣлѣ...

— Говори пожалуста и будь увѣрена, что я сдѣлаю для тебя все что только могу.

— Не для меня, мнѣ ничего не нужно, а нужно другому.

Машенька дрожала какъ листъ и не подымала глазъ. Анна Андреевна хотѣла подойдти къ ней, обнять, ее, но какъ-то не смѣла; ей самой стало такъ страшно, что она едва переводила дыханіе.

— Вотъ видишь ли, продолжала Маша, понижая свой голосъ до такой степени, что ее едва можно было разслышать: вотъ видишь ли... у меня будетъ ребенокъ... такъ что же съ нимъ будетъ?.. какъ онъ станетъ жить?..

„Да вѣдь не будетъ же ему хуже чѣмъ тебѣ несчастной,“ чуть не сорвалось съ языка Анны Андреевны, но она удержала этотъ порывъ неподдѣльной горести, и отвѣчала съ нѣжнымъ, но твердымъ участіемъ:

— Что жь, Маша, онъ будетъ жить, какъ и другіе живутъ; мы вмѣстѣ будемъ заботиться о немъ..

Голосъ ея порвался отъ слезъ. Она обняла Машу, и положила ея голову къ себѣ на плечо.

У Машеньки точно что-то тяжелое отпало отъ сердца; краска показалась на ея блѣдныхъ, исхудалыхъ щекахъ, но вмѣстѣ съ краской показались и слезы; она долго, долго плакала, но на душѣ ея стало легче и спокойнѣе.

Анна Андреевна думала и заботилась о Машѣ болѣе нежели она сама, и вотъ что она порѣшила сдѣлать: отъ дѣдушки надо было все скрыть, иначе это могло бы убить его; потомъ, когда пойдетъ время, Анна Андреевна найметъ себѣ особую квартирку и Машенька переселится къ ней, подъ предлогомъ ходить за Анной Андреевной, какъ за больною. Потомъ Машенька возвратится къ дѣдушкѣ, а ребенка будетъ навѣщать и видѣть у нея.

Вскорѣ Машенька получила по почтѣ брилліантовую цѣпь; этотъ поступокъ со стороны Леонида сильно поразилъ ее.

— Анюта, стало-быть онъ мнѣ заплатилъ? спрашивала она трепетнымъ голосомъ, держа въ рукахъ крупные, дорогіе брилліанты.

Черезъ нѣсколько дней она подошлакъ Аннѣ Андреевнѣ, и сказала ей довольно спокойно:

— Знаешь ли, я очень перемѣнилась въ послѣднее время; сначала одинъ видъ этой цѣпи приводилъ меня въ отчая-

ніе, а теперь я нахожу, что она можетъ пригодиться моему будущему ребенку....

У Машеньки родилась дочь, и ее назвали Лидіей. Анна Андреевна крестила ее. Дѣвочка эта была очень мила, и мѣсяцевъ двухъ начала уже улыбаться. Къ этому времени Анна Андреевна сшила ей кружевной чепчикъ съ розовыми лентами, и маленькое личико ребенка такъ мило выглядывало изъ этого чепчика, что дѣвочкой можно было залюбоваться. Крестная мамаша забавлялась ею какъ куклой. Въ комнату тихо вошла Машенька, блѣдная, худая, но съ прежнимъ выраженіемъ безконечной доброты на лицѣ; только теперь къ этому выраженію присоединялась еще постоянная, ровная грусть. Рѣдко, рѣдко лучъ радости или веселости освѣщалъ это вѣчно грустное и сосредоточенное, хотя и спокойное, лицо.

— Машенька, да посмотри же какъ эта дѣвочка мила и какъ она на тебя похожа, обратилась къ ней Анна Андреевна.

Машенька остановилась возлѣ качки, и задумчиво смотрѣла на дочь. Дѣвочка таращила глазенки, и потомъ принималась сосать свои крошечные кулачки, или же дѣлала ими неопредѣленныя порывистыя движенія; по временамъ она морщила свой лобикъ и дѣлала очень серіозную и даже сердитую гримасу, а потомъ улыбалась безъ всякой причины. Машенька разсмѣялась наконецъ, глядя на нее; потомъ, подумавъ немного, взяла ее на руки, одѣла потеплѣе и собралась выйдти изъ дома.

— Куда это ты? спросила удивленная Анна Андреевна.

— Къ дѣдушкѣ, отвѣчала Машенька, и вышла вонъ.

Войдя въ комнату больнаго старика, Машенька подошла къ нему и тихо опустила на его колѣни маленькую спеленатую дѣвочку.

— Ахъ, какой милый ребенокъ! проговорилъ добродушный старичокъ.—Какъ его зовутъ?

— Это дѣвочка, дѣдушка; зовутъ ее Лидіей.

— Какая славная, какая хорошенькая! Да чья жъ она такая?

— Это воспитанница Анюты, отвѣчала Машенька несовсѣмъ твердымъ голосомъ.

— Какая она добрая, эта Анна Андреевна! сказалъ рас-

троганный старикъ, вспоминая ея прежнія заботы о самой Машѣ:—такихъ добрыхъ людей рѣдко встрѣтишь; дай ей Богъ здоровья!

Машенька такъ сильно сочувствовала въ эту минуту дѣдушкѣ, что не могла ни слова сказать отъ волненія. Старикъ занялся маленькою дѣвочкой; онъ щекоталъ ее за подбородокъ, или примѣривалъ цвѣты къ ея чепчику.

— Ты мнѣ ее иногда приноси, Машенька, коли только Анюта позволитъ.

— Съ удовольствіемъ, дѣдушка; непремѣнно буду приносить.

Машенька вернулась домой болѣе оживленная чѣмъ обыкновенно.

— Анюта, она очень понравилась дѣдушкѣ и очень его забавила; если это дѣйствительно доставитъ ему удовольствіе, то я конечно буду часто носить ее къ нему. Пусть она утѣшаетъ его, сколько можетъ, хотя онъ и не знаетъ какъ она ему доводится, прибавила Машенька грустно.

Анна Андреевна истощила все свое краснорѣчіе, доказывая ей, что для самого старика гораздо лучше чтобъ онъ ничего не зналъ, и что иначе онъ будетъ самымъ несчастнымъ человѣкомъ на весь коротенькій остатокъ своей жизни. Машенька вполнѣ согласилась, но чувствовала все-таки, что ей очень тяжело обманывать бѣднаго дѣдушку. Потомъ мысли ея опять перешли къ маленькой дѣвочкѣ.

— Пока Лидія будетъ маленькая, мнѣ за нее какъ-то вовсе не страшно: ее будутъ любить, о ней будутъ заботиться; ну а что ожидаетъ ее потомъ, когда она будетъ взрослою дѣвушкой?

Машенькѣ представлялось будущее ея дочери не иначе какъ цѣлымъ рядомъ страданій и обманутыхъ надеждъ. И снова Аннѣ Андреевнѣ нужно было прибѣгать къ утѣшеніямъ и убѣждать ее, что если Лидія будетъ имѣть твердый характеръ и получитъ порядочное воспитаніе, то она сама составитъ себѣ счастіе и устроитъ жизнь свою какъ захочетъ. Утѣшенія эти слабо дѣйствовали на Машеньку.

— Да если она и будетъ несчастна, проговорила она наконецъ съ грустною улыбкой,—такъ что жь?.. Она будетъ переносить горе также какъ и я. Вѣдь не правда ли, Анюта, я довольно твердо переношу несчастіе?

Анна Андреевна посмотрѣла на ея исхудалое, истомленное лицо, на ея угасшіе, грустные глаза, и никакъ не могла съ ней согласиться; но она не хотѣла отнять у нея и этого крошечнаго утѣшенія, той увѣренности, что она твердо переноситъ свое горе,—и отвѣчала ей ободрительно:

— Ну, да ты у меня молодецъ, когда только не поддаешься грустнымъ мыслямъ.

Она ласково обняла Машеньку и поцѣловала ее; но та поняла, что Анна Андреевна говоритъ противъ себя, и нѣжно посмотрѣвъ ей въ глаза, улыбнулась ей съ чувствомъ глубокой благодарности.

IX.

А что же подѣлывалъ въ это время нашъ знакомый Иванъ Ивановичъ Травкинъ? Къ концу того лѣта, въ которое мы съ нимъ познакомились, онъ приходилъ въ страшное смятеніе: какъ и гдѣ ему можно будетъ видѣться съ Машей въ продолженіе всей зимы? Она, пожалуй, вовсе не будетъ выходить изъ дому: что жь тогда дѣлать? — занесетъ ея садикъ сугробами, ляжетъ снѣгъ на песчаныя дорожки, на гряды отцвѣтшихъ цвѣтовъ; ужь не будетъ она больше гулять по садику; не будетъ рвать цвѣты душистые... Такъ гдѣ жь наконецъ онъ ее увидитъ?

Травкинъ порѣшилъ, что ему надо познакомиться съ старикомъ Валенинымъ; а исполнить это было вовсе не трудно. Дѣдушка принялъ его очень радушно и просилъ навѣщать ихъ какъ ему только вздумается, если только Иванъ Ивановичъ не соскучится съ ними. При этомъ Травкинъ такъ сконфузился и растерялся, взглянувъ на Машу что не могъ ни слова сказать въ отвѣтъ. Онъ сталъ довольно часто посѣщать Валенинныхъ и по цѣлымъ часамъ сидѣлъ молча въ отдаленномъ углу, не отрывая глазъ отъ Маши. Все смотрѣлъ, да смотрѣлъ, а что онъ въ это время думалъ, Богъ его знаетъ; только подконецъ онъ пришелъ къ заключенію, что Машенька перемѣнилась.

— Право, маменька, перемѣнилась; совсѣмъ не то, что прежде была, говаривалъ онъ своей матери:—и что это съ ней такое, придумать не могу.

Къ нему въ душу закралось сомнѣніе; онъ сталъ догадываться, припоминать прошедшее, слѣдить за настоящимъ.

Вскорѣ всѣ его сомнѣнія разрѣшились, потому что участь Машеньки стала извѣстна всѣмъ болѣе или менѣе знавшимъ ее.

Бѣдный Травкинъ ходилъ какъ въ воду опущенный, къ Валентинымъ больше не заглядывалъ, съ матерью о Машенькѣ не говорилъ ни слова, и когда добрая старушка, слышавшая обо всемъ стороной, въ первый разъ начала было разговоръ объ этомъ,—онъ вздрогнулъ, поблѣднѣлъ и такъ перемѣнился въ лицѣ, что она дала себѣ зарокъ никогда не напоминать ему о Машѣ.

У Травкина былъ другъ и пріятель, Василій Трофимовичъ, котораго онъ очень любилъ, и былъ съ нимъ когда-то очень откровененъ. Этотъ Василій Трофимовичъ, узнавъ обо всемъ случившемся, сказалъ ему въ присутствіи многихъ чиновниковъ:

— Ну, братъ Ваня, ищи себѣ другую невѣсту; хорошо, что эта себя во время показала, а вѣдь на видъ-то поди какою смиренницей прикидывалась.

Травкинъ посмотрѣлъ на него растерянными испуганными глазами, попытался что-то сказать, но, не найдя словъ, всталъ и вышелъ изъ канцеляріи.

„Такъ вотъ какъ... о ней уже всѣ говорятъ, бродило у него въ головѣ; надъ нею всѣ ужь смѣются... и точно они радуются, точно имъ весело! Вася-то, Вася-то каковъ! Тоже смѣется! Или онъ самъ не испыталъ никакого горя?.. или онъ вовсе не понимаетъ, какъ это люди страдаютъ?.. Вотъ посмотрѣлъ бы я, еслибы съ нимъ что случилось; еслибъ онъ впалъ въ бѣдность, въ нищету; еслибы начальники стали притѣснять его да выгнали бы изъ службы... еслибы Богъ все это на него наслалъ, вотъ тогда-то я бы посмотрѣлъ, такъ ли бы онъ сталъ говорить.“

Травкинъ говорилъ отъ чистаго сердца; въ эту минуту онъ ненавидѣлъ своего бывшаго пріятеля, и дѣйствительно желалъ ему всѣхъ этихъ золъ. Возвратившись домой, онъ былъ такъ встревоженъ, что весь день прослонялся изъ угла въ уголъ, ничего не дѣлая; даже и ночь провелъ онъ почти всю безъ сна. Проснувшись рано по-утру, онъ вышелъ бродить по городу. День былъ воскресный и присутствія не было. Начали благовѣстить къ ранней обѣднѣ. Травкинъ направился было въ церковь, когда увидалъ на противоположномъ тротуарѣ женщину подъ вуалью, и съ

маленькимъ ребенкомъ на рукахъ. Это была Машенька; она шла съ наклоненною головой, видимо избѣгая всякой встрѣчи и не желая быть никѣмъ замѣченною. У Травкина сердце замерло: онъ сильно испугался при мысли, что можетъ-быть она поднимете голову, и глаза ихъ встрѣтятся. Онъ бросился въ первый проулокъ и ни разу не обернулся назадъ. Когда онъ пришелъ домой, на него успокоительно подѣйствовалъ видъ маленькихъ бѣдныхъ комнатокъ, чисто-убранныхъ, выметенныхъ и вымытыхъ. Его старуха-мать, каждый праздникъ и каждое воскресеніе, чистила и убирала весь домъ, а потомъ рано отправлялась на кухню и сама готовила для Ванички его любимый пирогъ или вкусный кусокъ жареной говядины. Она и въ этотъ разъ была уже на кухнѣ. Ивавъ Ивановичъ снялъ со стѣны гитару, и усѣвшись на жесткомъ ситцевомъ диванѣ, затянулъ звучнымъ и пріятнымъ, хотя необработаннымъ голосомъ, одну изъ любимыхъ имъ пѣсень Кольцова. Услышавъ это пѣніе, добрая старушка встрепенулась. „Мать пресвятая Богородица! что это съ нимъ сегодня? или у него изъ памяти вонъ, что нынче воскресенье и что недавно только къ ранней обѣднѣ отблаговѣстили.“

Старушка набожно перекрестилась, и поставивъ въ уголъ ухватъ, которымъ была вооружена, направилась было вонъ изъ кухни, но остановилась только на минутку, на одну коротенькую минутку, чтобы дослышать конецъ пѣсни. И какая это была славная пѣсня! Въ ней слышалось столько тоски, столько заунывной печали, что въ душу сама собою напрашивалась тихая грусть, и на глазахъ навертывались слезы. Пѣсня кончилась, но вслѣдъ за ней, почти безостановочно, послѣдовала другая, такая же заунывная, говорившая о такомъ же глубокомъ и незабвенномъ горѣ. Старушка остановилась, пригорюнилась, и по лицу ея потекли слезы; а между тѣмъ она все такъ же заботливо смотрѣла за огнемъ, и наблюдала чтобы не перекипѣла вода въ чугунѣ. Иванъ Ивановичъ долго еще пѣлъ; пѣсня смѣнялась одна дрругою, и въ каждой изъ нихъ выражалось то сердечная кручина, то безталанная долюшка, то загубленная молодость и на вѣки потерянное счастье; съ каждою пѣсней выраженіе тоски и печали все усиливалось, и дошло наконецъ до отчаянія. А старушка все стояла и слушала. Но вдругъ она вздрогнула и измѣнилась въ

лицѣ... что это такое?.. До нея доносился все тотъ же голосъ, звуки все той же гитары, но пѣніе изъ заунывнаго и печальнаго вдругъ перешло въ разгульное, бѣшеное, плясовое, цыганское... началась какая-то буйная, неудержимая оргія. Травкинъ могъ бы показаться истымъ цыганомъ; глаза его горѣли, онъ встряхивалъ головой, сильно билъ по струнамъ, и его чистый, звучный голосъ бралъ бѣшено веселыя и рѣзкія ноты. Но пѣсня эта продолжалась не болѣе минуты; да она на пѣсню и не была похожа, — это было что-то въ родѣ внезапнаго хохота или крика. Потомъ послышался трескъ; Иванъ Ивановичъ ударилъ объ полъ гитарой, и она въ дребезги разбилась. При этомъ трескѣ старушка снова вздрогнула; послѣдняя пѣсня такъ потрясла ея нервы, что ея слезы перешли въ глухія рыданія... Лишь спустя нѣсколько времени она рѣшилась войдти къ сыну. Онъ сидѣлъ въ углу дивана и, казалось, немного успокоился, но все еще былъ блѣденъ и, опустивъ голову, смотрѣлъ внизъ. На полу у его ногъ валялись осколки гитары; старушка нагнулась и молча стала подбирать ихъ; она догадывалась, что не должна говорить о случившемся, ни даже показывать видъ, что понимаетъ положеніе сына, потому что и въ этомъ была частица Маши.

— Что это, Ваничка, какой ты неосторожный!.. Какъ это ты гитару могъ расколоть?.. Да еще поутру въ воскресенье пѣть началъ.

Не получивъ никакого отвѣта, старушка тихо вышла вонъ, оробѣвъ не сказала ли она и тутъ слишкомъ много.

Черезъ нѣсколько времени къ Травкину явился Василій Трофимычъ, блѣдный, измученный, и разказалъ ему о своемъ бѣдственномъ положеніи: бѣдняга потерялъ нѣсколько десятковъ рублей изъ казенныхъ денегъ, и приходилъ въ совершенное отчаяніе, не имѣя никакой возможности поправить дѣла. Травкинъ почувствовалъ что-то въ родѣ угрызенія совѣсти; онъ не вѣрилъ чтобъ онъ могъ накликать бѣду на кого бы то ни было, но ему было совѣстно и страшно вспомнить, что онъ хотя на одну минуту могъ пожелать своему пріятелю всякаго зла. Иванъ Ивановичъ отдалъ своему другу все, что у него было въ наличности денегъ, и въ случаѣ крайней необходимости обѣщалъ ему занять на свое имя.

„Вотъ бы я теперь продалъ для него гитару, кабы

только не сломалъ ея," думалъ онъ про себя.—Да ты, Вася, не убивайся, сдѣлай милость не убивайся. Что жь въ этомъ толку-то совсѣмъ до отчаянія доходить. Ужь повѣрь, что я сдѣлаю все что могу для тебя, а ты не убивайся... Только вотъ что, Вася... я тебя объ одномъ, въ *жизнь* свою объ одномъ только и буду просить: не говори ты никогда ничего дурнаго... ну, ты знаешь о *комъ*... о Марьѣ Васильевнѣ... Не намъ, братъ, съ тобой судить,— не намъ говорить... развѣ мы что-нибудь съ тобой знаемъ?.. Ничего мы не понимаемъ, а потому и не слѣдъ говорить...

Ему было больно и тяжело обвинять и безъ того уже огорченнаго человѣка. Василій Трофимычъ обѣщалъ ему все на свѣтѣ, и увѣрялъ что никогда не забудетъ такого одолженія.

X.

Прошло болѣе года; начиналось лѣто. По садику Валениныхъ гуляла Маша между распустившихся цвѣтовъ и кустарниковъ, а за нею, переваливаясь съ боку на бокъ, бѣжала маленькая хорошенькая дѣвочка. Въ садикъ вошелъ Травкинъ, и по прежнему смутился какъ только увидѣлъ Машу; но вскорѣ лицо его снова приняло серіозный, сосредоточенный и торжественный видъ; казалось, онъ готовился къ чему-то особенному. Онъ попросилъ Марью Васильевну выслушать его, и началъ тихимъ, прерывающимся голосомъ:

— Вы меня простите, если я не сумѣю говорить съ вами какъ должно; что же съ этимъ дѣлать, тутъ ужь не моя вина; а чувствую я, ей-Богу, не хуже другихъ... Только я боюсь, чтобы вы, пожалуй, не обидѣлись; а вѣдь, право, мнѣ больше всего на свѣтѣ хотѣлось бы, чтобы вы ничѣмъ не огорчались. Я знаю, вы могли бы всякаго и получше меня осчастливить,—да что же дѣлать,—не всѣ васъ понимаютъ...а вѣдь я... конечно, я ничѣмъ другимъ, можетъ, и не взялъ, за то вѣдь ужь любить-то я васъ буду больше бѣлаго свѣта, больше родной матери, больше всего, всего на свѣтѣ...

По лицу Травкина струились слезы, но онъ ихъ не замѣчалъ; сквозь эти слезы онъ смотрѣлъ на Машеньку глазами, переполненными какой-то материнской, без-

завѣтной, почти болѣзненной любви. Машенька была растрогана до глубины души и вмѣстѣ съ тѣмъ она сознавала свое безвыходное положеніе; она страдала, и привлекши къ себѣ маленькую Лидію, нагнулась надъ ней и громко зарыдала.

— Марья Васильевна! скажите ради Бога, что̀ съ вами, спросилъ ее Травкинъ, едва имѣя силы переносить ея горе.—Можетъ-быть вамъ непріятно что̀ я сейчасъ говорилъ, такъ вы скажите мнѣ только, скажите хоть одно слово, и я ужь никогда во всю жизнь не заговорю съ вами объ этомъ.

Машенька отрицательно покала головой.

— Такъ не о Лиденькѣ ли вы плачете? продолжалъ онъ вкрадчивымъ, мягкимъ голосомъ, но такъ тихо, что она едва могла разслышать.—Клянусь вамъ, клянусь всѣмъ на свѣтѣ, что я сталъ бы любить ее какъ родную дочь; да и теперь-то развѣ я ея не люблю, такъ люблю, что все бы для нея сдѣлалъ: я бы сталъ заботиться о ней, покоить ее, стараться, чтобъ она ни въ чемъ нужды не имѣла. Вѣдь она такая славненькая... а ужь на васъ-то какъ похожа... я думаю, вы были точь въ точь, когда были такія же крошечныя... О чемъ же вы плачете?.. Такъ стало-быть я не могу ничѣмъ васъ утѣшить?.. Ничѣмъ?..

Машенька подняла на него свои заплаканные глаза.

— Иванъ Иванычъ, проговорила она голосомъ, прерывавшимся отъ рыданій,—я теперь не въ силахъ говорить съ вами, право не въ силахъ... Лучше уйдите... Я буду отвѣчать вамъ послѣ.

Онъ молча направился было къ калиткѣ, но она поспѣшно вернула его и, дружески взявъ его за руку, съ жаромъ проговорила:

— Вы очень добрый, вы отличный человѣкъ! Вы лучше, гораздо лучше всѣхъ, кого я знаю!

Травкинъ грустно посмотрѣлъ на нее, молча выпустилъ ея руку и вышелъ изъ сада.

Оставшись одна, Машенька на свободѣ предалась полному отчаянію; она чувствовала и сознавала, что уже не можетъ быть счастлива, а вслѣдствіе этого не можетъ и другому доставить счастья. Быть женою Травкина она никогда не согласится: развѣ она его стоитъ? Онъ несравненно

выше и лучше ея; но это ничего: отъ него она согласилась бы принять и жертву, и благодѣяніе; но она-то, она-то что̀ дастъ ему въ замѣнъ? Вѣдь ему нужно одно только, вѣдь онъ одного только и желаетъ — ея счастья; а развѣ она можетъ быть счастлива?.. Развѣ это возможно?.. Прошедшее вставало какимъ-то страшнымъ привидѣніемъ, доводившимъ ее до ужаса, до отчаянія. Она преклонялась передъ Травкинымъ, она боготворила его, но все-таки не любила; ей казалось, что она и не посмѣетъ его полюбить. Она думала въ первую минуту, что ненавидитъ себя при сравненіи съ нимъ; но это было несправедливо; она не была способна на такое чувство,—ей было только жаль себя, такъ жаль, что и высказать невозможно. И Леонида было ей жаль, зачѣмъ онъ сталъ между Травкинымъ и возможнымъ для него счастіемъ? Жаль и Лидію, зачѣмъ она не большая, зачѣмъ не можетъ оцѣнить и полюбить Травкина и осчастливить его своею любовью? А на себя она смотрѣла какъ на умирающаго въ послѣдней агоніи; она уже не для кого утѣшеніемъ и отрадой быть не можетъ, потому что сама счастьемъ наслаждаться не въ состояніи. Подъ тяжестью этого горькаго сознанія она ослабѣвала, изнемогала...

Травкинъ не являлся за отвѣтомъ, потому что ждалъ указанія отъ Маши, а она не рѣшалась призвать его, не имѣя сказать ему ничего утѣшительнаго; но она ждала его со дня на день и находилась постоянно въ самомъ напряженномъ и неспокойномъ состояніи. Вскорѣ она совершенно неожиданно получила письмо отъ Леонида. Вотъ что̀ содержало въ себѣ это письмо:

„Милая Машенька! Вотъ уже скоро два года съ тѣхъ поръ какъ мы разстались; но не думай, чтобы я тебя забылъ въ эту долгую разлуку; нѣтъ, я все также люблю тебя; если же ты перемѣнилась и разлюбила меня, то признайся мнѣ въ этомъ прямо, откровенно и будь увѣрена, что я не стану негодовать. Я же съ своей стороны буду съ тобой совершенно откровененъ и разкажу тебѣ все какъ было, а ты суди меня и осуждай, если найдешь за что̀. Maman больше всего на свѣтѣ заботится о моемъ счастіи и доказала мнѣ очень основательно, что прежде нежели поступать рѣшительно, я долженъ былъ увѣриться на дѣлѣ, дѣйствительно ли мое чувство къ тебѣ такъ прочно,

какъ я предполагалъ. Вслѣдствіе этого убѣжденія я долженъ былъ думать о тебѣ какъ можно меньше, не писать къ тебѣ, стараться тебя забыть. Теперь, милая Машенька, ты тѣмъ болѣе можешь быть увѣрена въ искренности моего чувства, что прошедши чрезъ всѣ эти испытанія, я чувствую, что все-таки сильно люблю тебя, и память о тебѣ во мнѣ не изгладится. Я люблю тебя столько, что даже не повѣрилъ всему что̀ говорили мнѣ о тебѣ: будто ты любишь Травкина, и даже выходишь за него замужъ, и еще множество разныхъ нелѣпостей... Конечно, я этому не вѣрю и боюсь даже, не оскорбилъ ли я тебя, что пишу объ этомъ. Теперь моей maman со мною нѣтъ; она уѣхала на короткое время изъ Петербурга, и я какъ-то особенно часто и много думаю о тебѣ; ты мнѣ являешься какимъ-то милымъ, очаровательнымъ призракомъ. Милая, милая Маша, я тебя очень люблю! Пиши ко мнѣ пожалуста и скажи, измѣнилась ли ты ко мнѣ? Я никакъ не придумаю, на что̀ мнѣ рѣшиться, и не соображу, какъ мнѣ надо дѣйствовать; помоги мнѣ. Не знаю, будетъ ли мнѣ возможно пріѣхать къ тебѣ это лѣто; не лучше ли будетъ, еслибы ты могла сама пріѣхать сюда; денегъ я бы тебѣ выслалъ сколько угодно. Машенька, неужели ты этого не сдѣлаешь? Еслибы ты знала, съ какимъ нетерпѣніемъ и съ какимъ восторгомъ я сталъ бы ожидать тебя. Пріѣзжай, милая, очаровательная моя Маша. Нѣжно обнимаю тебя и цѣлую тысячу, милліонъ разъ. Весь твой, Леонидъ Бухаровъ.“

Машенька прочла это письмо и улыбнулась; лицо ея приняло такое же доброе и кроткое выраженіе, какъ когда она смотрѣла на Лидію. Но отвѣчать было для нея довольно трудно. Неужели она все сообщитъ Леониду? Неужели она разкажетъ ему, какъ она страдала и что̀ перенесла въ эти два года, какъ она перемѣнилась? Вѣдь ужь конечно она не то что̀ была; она и теперь любитъ Леонида, но какъ-то иначе, совершенно иначе противъ прежняго; и смотритъ на него иначе, и на себя смотритъ не такъ, и ясно видитъ невозможность ихъ взаимнаго счастія, несостоятельность ихъ прежнихъ надеждъ. Но какъ же высказать ему все это?—вѣдь это его огорчитъ. Разъ навсегда признавъ за собою невозможность дѣйствовать успокоительно и от-

радно на близкихъ ей людей, она по крайней мѣрѣ всѣми силами старалась не огорчать и не оскорблять ихъ. Наконецъ, послѣ долгихъ и тяжкихъ размышленій, вотъ что она отвѣчала Леониду:

„Я никогда еще не говорила съ тобою такъ, какъ собираюсь говорить теперь; да и не мудрено: я нѣсколько перемѣнилась, стала серіознѣе и разсудительнѣе и въ настоящую минуту прежде всего обращаюсь къ твоему благоразумію, въ которомъ я и не сомнѣваюсь послѣ того какъ ты послушался совѣта твоей maman и велъ себя такъ осторожно въ продолженіе этихъ двухъ лѣтъ. (Тутъ Машенька остановилась и задумалась: не найдетъ ли онъ эту фразу слишкомъ жесткою; но кончилось тѣмъ, что она ея все-таки не вычеркнула.) Конечно, ты сталъ бы искать въ нашемъ соединеніи счастія для насъ обоихъ, но я вполнѣ убѣждена, что счастье это невозможно для насъ. При другихъ условіяхъ, вѣроятно, было бы иначе; но мы родились въ разныхъ сферахъ; насъ раздѣляетъ все: и не согласіе твоей матери, и мнѣніе твоихъ знакомыхъ, и общественные законы, и отчасти даже наши собственныя понятія. Зачѣмъ же возставать и бороться противъ всего этого, когда можно видѣть заранѣе, что силъ не достанетъ? Будь также разсудителенъ какъ и я: дружески протянемъ одинъ другому руку и останемся на вѣкъ друзьями, но болѣе—ничѣмъ. Преданная тебѣ, М.“

Болѣе Машенька ничего не написала; и это стоило ей большихъ усилій, да и показалось ей достаточнымъ. Она старалась даже измѣнить свой почеркъ, чтобы какъ можно менѣе напоминать Леониду прежнюю любящую и дорогую ему Машу,—чтобъ ему было не такъ тяжело оторваться отъ всякой надежды...

Машенька давно уже чувствовала, что ей не здоровится, но все превозмогала себя, а между тѣмъ ей становилось со дня на день все хуже и хуже, и наконецъ она слегла.

Травкинъ былъ увѣренъ, что ему нечего надѣяться на благопріятный отвѣтъ, но все же ему хотѣлось по крайней мѣрѣ видѣться съ Машей, и потому, не дожидаясь вызова съ ея стороны, онъ рѣшился навѣстить ее. Тутъ только онъ узналъ, что она больна, и по ея желанію вошелъ къ ней въ комнату. Она лежала въ постелѣ, худенькая, слабая, но все съ тѣмъ же добрымъ привѣтли-

вымъ взглядомъ. Лидія сидѣла у ея ногъ, и разбирала лоскутики.

— Здравствуйте, Иванъ Иванычъ, сказала больная, протягивая ему свою блѣдную исхудалую руку.—Благодарю васъ, что вы пришли меня навѣстить. Ну какъ ваша маменька, здорова ли она?

— Ничего-съ... слава Богу здорова... А что жь это вы-то захворали, Марья Васильевна?... Что̀ это съ вами?

Онъ говорилъ такимъ задушевнымъ и ласковымъ голосомъ, съ какимъ только нѣжная мать обращается къ больному ребенку.

— Да я немного заболѣла, отвѣчала Маша грустно: — впрочемъ боли я никакой особенной не чувствую, а такъ что-то не хорошо... очень не хорошо... Вы видѣли моего дѣдушку? Какъ онъ, бѣдный, огорченъ!

Она заплакала.

— Марья Васильевна, да вы не огорчайтесь, ради Бога, не огорчайтесь. Богъ дастъ, вамъ скоро лучше будетъ... Вы непремѣнно поправитесь.

— Да... можетъ-быть. Ну, а если нѣтъ...

— Перестаньте, Марья Васильевна, какъ это можно говорить!

— Но все же не лишнее поговорить объ этомъ заранѣе; вѣдь все можетъ случиться... Вотъ видите ли что̀ я хотѣла вамъ сказать: вы такой добрый человѣкъ, какихъ мало на свѣтѣ, а мнѣ страшно оставлять мою бѣдную Лиденьку совершенно одну... такъ вотъ я и хотѣла васъ попросить... если меня не будетъ на свѣтѣ, не оставляйте ее... постарайтесь, чтобъ она была такая же добрая, какъ вы...

Она закрыла лицо руками и заплакала. Травкинъ стоялъ передъ нею блѣдный, разстроенный, едва переводя дыханіе, и насилу могъ проговорить:

— Да вы будете здоровы... Вы непремѣнно выздоровѣете...

Потомъ онъ задумался; грудь его высоко подымалась, и онъ съ трудомъ сдерживалъ рыданія. Наконецъ онъ нагнулся къ Машенькѣ, и сказалъ ей подавленнымъ голосомъ:

— Послушайте, Марья Васильевна... вѣдь онъ живетъ въ Петербургѣ... Бухаровъ-то?... вѣдь онъ тамъ?... Такъ я съѣзжу за нимъ и привезу его сюда... хотите?...

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо, проговорила Машенька съ испугомъ.—Пожалуста не дѣлайте этого... я не хочу...

— Такъ я, значитъ, ничего не могу для васъ сдѣлать?... ничѣмъ не могу вамъ помочь?...

— Напротивъ, вы утѣшаете меня сами собою, мнѣ пріятно быть съ вами... Вы такъ успокоительно на меня дѣйствуете.

Травкинъ почувствовалъ лихорадочную дрожь.

— Помните, о чемъ мы говорили съ вами въ послѣдній разъ?.. Ну, когда вы выздоровѣете, этому не бывать?..

Машенька задумалась. Она будто припоминала что-то, или старалась что-то предугадать; только она долго думала, а потомъ ласково посмотрѣла на Травкина, и сказала ему:

— Ну, хорошо... Когда я выздоровлю, тогда буду согласна...

И прежде чѣмъ онъ успѣлъ опомниться, она взяла его руку и съ чувствомъ ее поцѣловала. Ей было какъ-то совѣстно передъ нимъ, точно она его обманула.

Травкинъ совершенно растерялся; онъ громко зарыдалъ и поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

XI.

Съ годами домикъ Валениныхъ много измѣнился; къ нему придѣлали пристройки, и на видъ онъ точно разросся, какъ разрослись кустарники сирени, жимолости и розъ, которыми испещренъ садикъ, прилежащій къ дому. Въ этомъ садикѣ, по чистымъ песчанымъ дорожкамъ, бѣгаетъ хорошенькая рѣзвая дѣвочка лѣтъ семи или восьми. Въ домѣ, окна выходящія въ садъ отворены, и изъ нихъ поминутно кто-нибудь выглядываетъ, чтобы посмотрѣть за бѣготнею рѣзвой дѣвочки и сказать ей нѣсколько ласковыхъ словъ. Дѣвочка весело и беззаботно отвѣчаетъ, смѣется, прыгаетъ, а иногда пробуетъ даже взлѣзть по стѣнѣ къ окну, такъ чтобъ ее можно было достать и поставить въ комнату. Въ домѣ теперь гораздо людиѣе и шумнѣе чѣмъ было прежде, и всѣ комнаты перемѣнили свое назначеніе. Въ той темной

угольной, гдѣ лежалъ старый больной Валентинъ, помѣщается теперь хотя и старая, но еще крѣпкая и свѣжая женщина, мать Ивана Ивановича Травкина; маленькая Лидія спитъ съ нею. Травкинъ занимаетъ бывшую комнату Маши, а въ пристройкѣ живетъ Анна Андреевна съ мужемъ. Ея мужъ—человѣкъ очень умный и дѣльно образованный, но на видъ немножко загрубѣлый и даже неотесанный. Дѣтей у нихъ нѣтъ, но Лидія замѣняетъ имъ родную дочь, и они любятъ ее какъ собственнаго ребенка. А Иванъ Ивановичъ души въ ней не чаетъ; онъ по цѣлымъ часамъ любуется ею, и при этомъ у него иногда навертываются слезы на глазахъ, когда онъ думаетъ о Машенькѣ, о своей милой, незабвенной Машенькѣ. Онъ вспоминаетъ, какъ она скончалась шесть лѣтъ тому назадъ послѣ непродолжительной, но томительной болѣзни; а онъ, безумный, все надѣялся на ея выздоровленіе и ожидалъ, что она согласится быть его женою! Дѣдушка очень скоро послѣдовалъ за Машенькой; онъ не могъ перенести этой утраты. Домъ его, по завѣщанію, достался Аннѣ Андреевнѣ; она и переселилась въ него еще до замужества, а когда вышла замужъ, то предложила Травкину съ матерью переѣхать къ нимъ на общее хозяйство. И между этими добрыми, любящими людьми, маленькой дѣвочкѣ житье было славное. Старушка Травкина баловала и ласкала ее, припасала ей разныя лакомства, и всегда за нее заступалась. Къ неописанной радости Ивана Иваныча, Лидія звала ее не иначе какъ бабушкой. Анна Андреевна съ любовью и заботливостью занималась ея воспитаніемъ, при чемъ ей помогалъ ея мужъ, а Иванъ Иванычъ дѣйствовалъ на нее какъ солнце на растеніе: онъ всегда былъ готовъ пригрѣть и приголубить ее.

Лидія была очень рѣзвая, даже шаловливая дѣвочка; любимою ея игрой было бѣгать и скакать по садику, или же нарядившись мальчикомъ, прыгать по стульямъ и табуретамъ. Но она забывала и свой нарядъ, и усы проведенные женною пробкой по ея пухленькимъ розовымъ щечкамъ, когда мужъ Анны Андреевны начиналъ разказывать своимъ краснорѣчивымъ, но простымъ и твердымъ слогомъ, разные эпизоды изъ своей жизни. Лидія слушала его умныя и задушевные разказы съ напряженнымъ и глубокимъ вниманіемъ.

Такъ часто проводила она длинные зимніе вечера, и заслушавшись, сидѣла вмѣстѣ съ большими до поздней ночи. И когда кончались разказы, она бывала такъ возбуждена, что не рѣшалась уходить спать, боясь, что безъ нея опять будутъ разказывать, садилась на колѣни къ Травкину, и наконецъ-то засыпала подъ его тихій напѣвъ, убаюканная его нѣжными, материнскими ласками.

Еслибы бѣдная Машенька знала, что ея Лидіи будетъ такъ хорошо, она умерла бы спокойнѣе и еще съ большею признательностію къ окружающимъ людямъ.

(До слѣд. №.)

Р. ГАРДНЕРЪ.

ТЕОРІЯ И ПРАКТИКА
ЯСНОПОЛЯНСКОЙ ШКОЛЫ.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ ТУЛЬСКАГО УЧИТЕЛЯ.

Ясная Поляна. Журналъ педагогическій, издаваемый гр. Л. Н. Толстымъ. Москва. 1862.

Появленіе новаго педагогическаго журнала *Ясная Поляна*, безъ сомнѣнія, очень порадовало друзей народа и образованія. Тульская же гимназія съ особенною симпатіей можетъ привѣтствовать это новое изданіе. Она имѣетъ въ немъ, кромѣ общаго, еще свой мѣстный, нѣсколько родственный интересъ. На ея глазахъ выросла молодая школа, которой оригинальное устройство стало теперь знакомо публикѣ посредствомъ замѣчательнаго двухмѣсячнаго отчета редактора *Ясной Поляны*, устроителя и вмѣстѣ учителя этой самой школы. Педагогическая дѣятельность графа Л. Н. Толстаго извѣстна нашей гимназіи не по одному журналу, не въ одной теоріи. Оттого-то, болѣе чѣмъ на комъ-нибудь другомъ, на учителѣ тульской гимназіи лежитъ обязанность выступить для обсужденія вопросовъ затронутыхъ *Ясною Поляной*, и высказать о новомъ журналѣ и новой школѣ свое посильное мнѣніе.

Мы воздержимся теперь отъ всякихъ общихъ сужденій, отъ всякихъ бездоказательныхъ похвалъ и упрековъ журналу. Намъ кажется удобнѣе и для себя, и для читателя, сдѣлать сначала замѣчанія на отдѣльные вопросы, которые мы почему-либо считаемъ важными, и потомъ уже, въ концѣ статьи, высказать свое заключительное мнѣніе о цѣломъ журналѣ. Мы предполагаемъ, что читатель нашъ прочтетъ *Ясную Поляну* прежде чѣмъ выслушаетъ замѣчанія на нее, и поэтому избавляемъ себя отъ труда систематически излагать ея сущность. Зато мы постараемся расположить свои замѣтки такъ, чтобы читатель постепенно знакомился съ основными положеніями *Ясной Поляны*, переходя отъ общихъ вопросовъ къ болѣе частнымъ.

I.

Въ *Ясной Полянѣ* сразу замѣтны двѣ различныя стороны:

Вопервыхъ, она сообщаетъ свѣдѣнія о новыхъ школахъ Яснополянскаго мироваго участка.

Вовторыхъ, излагаетъ педагогическіе взгляды издателя на народное образованіе.

Отчетъ о школахъ богатъ дорогими для педагога и психолога наблюденіями. Противъ педагогическихъ взглядовъ графа Толстаго мы имѣемъ многое возразить. Они касаются впрочемъ болѣе общихъ вопросовъ образованія, и мы надѣемся доказать, что ихъ судьба далеко не тѣсно связана съ судьбою яснополянскихъ школъ.

Мы теперь и приступаемъ къ этимъ педагогическимъ убѣжденіямъ *Ясной Поляны*.

Основная мысль ея выражена на послѣднихъ страницахъ первой статьи перваго нумера такимъ образомъ:

„... Не только не существуетъ никакой науки образованія и воспитанія, педагогики, но первое основаніе ея еще не положено; опредѣленіе педагогики и ея цѣли въ философскомъ смыслѣ невозможно, безполезно и вредно.“ (стр. 29, № I.)

И далѣе:

„Мы не только не признаемъ за нашимъ поколѣніемъ *права знанія* того что нужно для совершенствованія человѣка, но убѣждены, что если бы это знаніе было у человѣчества, то *оно не могло бы передать или не передать его молодому поколѣнію.* Мы убѣждены, что *сознаніе* добра и

зла, *независимо отъ воли человѣка,* лежитъ во всемъ человѣчествѣ и развивается *безсознательно* вмѣстѣ съ исторіей, что молодому поколѣнію также невозможно привить образованіе нашего сознанія, какъ невозможно лишать его этого нашего сознанія и той ступени высшаго знанія, на которую возведетъ его *слѣдующій шагъ исторіи.* (стр. 29. ibid.)

Изъ этихъ двухъ отрывковъ, кажется, видно, что *Ясная Поляна* относится совершенно отрицательно къ педагогикѣ и къ исторіи развитія человѣчества вообще; ея скептицизмъ самаго радикальнаго свойства. Если распутать эти нѣсколько сбивчивыя фразы, неправильная конструкція которыхъ дѣлаетъ еще страннѣе ихъ смыслъ, то выйдетъ кажется слѣдующее:

Исторія, то-есть люди, *развиваются безсознательно;* организмы одного поколѣнія обладаютъ отъ природы *безсознательнымъ сознаніемъ* добра и зла. Вліяютъ они или не вліяютъ на слѣдующее поколѣніе, все-таки организмы этого новаго поколѣнія будутъ обладать большею, чѣмъ они, степенью *безсознательнаго сознанія.* Такимъ образомъ жизнь историческая представляется здѣсь какою-то автоматическою и фаталистическою смѣной однихъ организмовъ другими, невѣдомо чѣмъ усовершенствованными. Такимъ образомъ опровергаются вещи, въ истинѣ которыхъ не можетъ никто сомнѣваться: опровергается воспитательное вліяніе матери, семьи, религіи и всѣхъ нравственныхъ подвиговъ человѣчества.

Въ раскрытіи грамматическаго смысла этого парадокса лежитъ весь его приговоръ. Авторъ увлекся здѣсь идеею органическаго развитія природы и представилъ себѣ сознательное вмѣшательство одного поколѣнія въ жизнь другаго чѣмъ-то чуждымъ природѣ и потому безполезнымъ. Онъ забылъ одно: что сознательное вліяніе на другихъ есть такое же неотъемлемое натуральное свойство для человѣка, какъ свойство окислять для кислорода, свойство воспламеняться для фосфора. Ходъ исторіи, то-есть жизни человѣчества, заключается именно въ этихъ многообразныхъ, перепутанныхъ вліяніяхъ одной воли на другую, въ этихъ сознательныхъ вмѣшательствахъ одного человѣка въ жизнь другаго. Слѣдовательно, *исторіи безсознательной* быть не можетъ, и *дальнѣйшій шагъ исторіи безъ участія сознательныхъ силъ*—не мыслимъ.

Но графъ Толстой идетъ еще далѣе, еще смѣлѣе; прямо послѣ приведенныхъ фразъ, онъ говоритъ:

„Наше мнимое знаніе законовъ добра и зла, и на основаніи ихъ *дѣятельность на молодое поколѣніе* есть большею частію *противодѣйствіе развитію* новаго сознанія, не выработаннаго еще нашимъ поколѣніемъ, а вырабатывающагося въ молодомъ поколѣніи, есть *препятствіе, а не пособіе образованію*“ (стр. 29, № 1).

Иначе сказать: каждое поколѣніе мѣшаетъ развиваться новому; чѣмъ дальше, тѣмъ больше противодѣйствій, тѣмъ хуже. Странный, подумаешь, прогрессъ! Еслибы, не довѣряя исторіи, мы были обязаны вѣрить яснополянской теоріи, пришлось бы, пожалуй, повѣрить, что міръ все хилѣлъ да хилѣлъ отъ тысячелѣтнихъ противодѣйствій, и что смерть его теперь не за горами, а за плечами.

Послѣ этого читатель вправѣ вообразить, что всѣ остальныя положенія *Ясной Поляны* суть только дальнѣйшія развитія ея скептической премиссы, и поэтому должны раздѣлить судьбу ея. Но это не такъ; главный недостатокъ графа Толстаго, замѣченный нами въ изложеніи его взглядовъ на образованіе, есть непослѣдовательность самому себѣ. Она не разъ приводитъ его къ противорѣчіямъ. Выразивъ напримѣръ свое убѣжденіе въ незаконности и вредѣ участія одного поколѣнія въ образованіи другаго, графъ Толстой вдругъ нападаетъ только на высшіе классы, стремящіеся учить народъ по своему, и при этомъ говоритъ о незамѣнимой пользѣ для ребенка домашнихъ условій, „разговоровъ старшихъ“ и т. п. (стр. 19, № I). Какъ это все согласить? Но дѣло становится еще непонятнѣе, когда непосредственно за всѣмъ цитированнымъ авторъ начинаетъ биться надъ опредѣленіемъ цѣли и значенія *науки образованія*, которой существованіе въ другомъ мѣстѣ своей статьи онъ рѣшительно отвергъ. Онъ хлопочетъ о томъ, какъ бы лучше вмѣшаться въ образованіе дѣтей, а предварительно отнялъ у человѣка всякое право вмѣшиваться въ развитіе другаго и призналъ въ этомъ вмѣшательствѣ не пособіе, а положительное препятствіе образованію. Еслибъ это была еще мимолетная фраза въ увлеченіи споромъ, но вѣдь это сжатое повтореніе мыслей, проникающихъ всю статью, resumé всей педагогической теоріи, нарочно отнесенное къ заключенію статьи, для окончательнаго уясненія ея читателю. Тутъ нельзя предположить обмолвокъ.

Опредѣляетъ науку образованія графъ Толстой сначала отрицательно: „образованіе есть исторія, и поэтому не имѣетъ конечной цѣли“.

Съ этимъ можно еще согласиться; по крайней мѣрѣ мы не знаемъ конечной цѣли исторіи. Но вѣдь историческая жизнь черезъ это не была лишена постоянныхъ стремленій къ какой-нибудь цѣли. Напротивъ того, исторія, въ каждый моментъ своего движенія, представляется сплетеніемъ множества частныхъ, временныхъ цѣлей, которыя различнымъ образомъ вызываютъ дѣятельность человѣка, и изъ которыхъ многія принимаются въ увлеченіи за вѣчныя. Это въ натурѣ людей; жить безъ цѣли значитъ жить безъ надежды, а такая жизнь врядъ ли возможна. Общая цѣль есть результатъ всей жизни, окончательный выводъ изъ дѣйствія разнородныхъ силъ. Его можно видѣть только при окончаніи, и въ немъ пока нѣтъ нужды. Стало-быть и педагогія въ правѣ не имѣть конечной цѣли, въ правѣ стремиться къ своимъ временнымъ и мѣстнымъ цѣлямъ, по преимуществу имѣющимъ значеніе для жизни. Далѣе графъ Толстой продолжаетъ:

„Образованіе, въ самомъ общемъ смыслѣ, обнимающее и воспитаніе, есть по нашему убѣжденію та дѣятельность человѣка, которая имѣетъ основаніемъ потребность къ равенству и неизмѣнный законъ движенія впередъ образованія. Мать учитъ ребенка своего говорить только для того, чтобы понимать другъ друга, мать инстинктомъ пытается спуститься до его взгляда на вещи, его языка, но законъ движенія впередъ образованія не позволяетъ ей спуститься до него, а его заставляетъ подняться до ея знанія (стр. 29 и 30).

Желательно, чтобы читатель съ особеннымъ вниманіемъ остановился на этихъ словахъ. Мнѣ они просто кажутся безплодною натяжкою, затемняющею смыслъ всѣмъ понятныхъ вещей. Зачѣмъ тутъ потребность равенства, инстинктъ, зачѣмъ особенно этотъ фатумъ невѣдомый законъ движенія, не позволяющій одного, повелѣвающій дѣлать другое? Кто его призналъ или доказалъ? Если отвергнуть, какъ дѣлаетъ графъ Толстой, воспитательное вліяніе взрослаго поколѣнія на молодое, то въ чемъ надобно видѣть этотъ чудный законъ? Мать любитъ ребенка, хочетъ удовлетворить его нуждамъ, и сознательно, безъ всякой мистической потребности, чувствуетъ надобность приноровиться къ его зачаточному разсудку, говорить съ нимъ простѣйшимъ языкомъ. Она не только не стремится къ

равенству съ своимъ ребенкомъ, что̀ было бы въ высшей степени противоестественно, а напротивъ намѣренно старается передать ему весь запасъ своего знанія. Въ этой-то естественной передачѣ умственныхъ пріобрѣтеній отъ одного поколѣнія другому и состоитъ движеніе образованія, не нуждающееся ни въ какихъ новыхъ спеціяльныхъ законахъ. Каждый вѣкъ кидаетъ въ общую кучу свою горсть, и чѣмъ дальше мы живемъ, тѣмъ выше поднимается эта куча, тѣмъ выше и мы съ ней поднимаемся. Это извѣстно до избитости, и я не вижу никакого оправданія въ стремленіяхъ потрясти такую логически и исторически очевидную истину.

Итакъ мы указали на внутреннее противорѣчіе во взглядахъ графа Толстаго. Отнимая у человѣка право образовывать другаго, онъ все-таки долженъ былъ признать необходимость этого вмѣшательства. Каково жь должно оно быть по понятіямъ *Ясной Поляны?*

Вопервыхъ, высшіе общественные слои (то-есть общества, правительства), какъ мы видѣли, не должны браться за это дѣло; исторія, по мнѣнію графа Толстаго, показала весь вредъ ихъ долгихъ усилій (стр. 7, 8 и 9). Въ чемъ же вредъ, и какая причина его? Графъ Толстой болѣе всего устремляетъ нападки свои на принудительность образованія. Подъ принудительностью тутъ разумѣется обязательность обученія и разныя окольныя приманки, которыми правительство думаетъ привлечь народъ въ школы. Но вѣдь одинъ этотъ вопросъ не рѣшаетъ дѣла: у насъ въ Россіи для образованія простаго народа не было никакихъ принужденій, да и для высшихъ классовъ ихъ было очень мало. Въ самой Германіи принудительность образованія есть учрежденіе новое, и бо́льшая часть ея исторіи обошлась безъ него. Въ другихъ странахъ Европы его нѣтъ и никогда не было. Въ чемъ же еще причина сопротивленія народа всѣмъ попыткамъ къ его образованію? Графъ Толстой видитъ его главнымъ образомъ въ томъ, что высшіе классы постоянно навязывали ему свои ошибочныя теоріи, нисколько не прислушиваясь къ его дѣйствительнымъ нуждамъ, между тѣмъ какъ вся наша педагогическая дѣятельность должна была бы, по его мнѣнію, руководствоваться „только одною волей народа“ (стр. 28). Еслибы дѣло шло только объ изу-

ченіи нуждъ народа, о приноровленіи нашихъ понятій къ его понятіямъ и вкусамъ, мы бы вполнѣ одобрили положеніе *Ясной Поляны*; необходимость знать матеріялъ, съ которымъ имѣешь дѣло, умѣть доставить ему то, въ чемъ онъ нуждается, — это для насъ давнишняя аксіома. Но графъ Толстой не даромъ говоритъ: „съ одной только волей народа“. Онъ увлекся ненавистью къ деспотизму до деспотизма; чтобы дать полноправіе обиженному, онъ лишаетъ всѣхъ правъ прежняго обидчика и мѣняетъ только роли ихъ. Мы не разъ слышали мнѣніе графа Толстаго объ этомъ предметѣ, выраженное съ бо́льшими подробностями. По нашему мнѣнію, графъ Толстой чтитъ народъ болѣе чѣмъ слѣдуетъ; онъ иногда до такой степени благоговѣетъ передъ нимъ, что признаетъ святость многихъ неосмысленныхъ явленій, если только они запечатлѣны народнымъ именемъ; на томъ же основаніи онъ часто отвергаетъ, какъ незаконное, все выросшее на другой почвѣ. Онъ забываетъ родство сословій и еще болѣе—преимущество высшихъ образованныхъ классовъ надъ простымъ. Увлекающаяся натура художника довела его въ этомъ случаѣ до несправедливости. Спрашивается, какая роль образователя, если онъ долженъ руководиться одною волей тѣхъ, кого думаетъ образовывать? Къ чему приведетъ такая теорія, какъ не къ полной неподвижности? Въ такомъ случаѣ ребенокъ руководился бы въ своемъ развитіи только своею семейною и сословною сферой, которыя сами не что иное, какъ плоды многихъ насилій, многихъ беззаконныхъ и безпорядочныхъ вмѣшательствъ, когда-то случившихся, плоды естественные, но вовсе не образцовые, очень часто не желанные. Мы освящаемъ эти плоды тысячелѣтнихъ неблагопріятныхъ вліяній, принимая ихъ за что-то коренное, естественное по преимуществу, и узаконяваемъ ихъ на всякую дѣятельность. А что́ созрѣло при гораздо выгоднѣйшихъ условіяхъ, что́ было плодомъ такихъ же естественныхъ силъ, только избраннымъ, наиболѣе удавшимся плодомъ, что́ носитъ въ себѣ не одно историческое, но и нравственное, и логическое оправданіе, то мы изгоняемъ изъ сферы дѣятельности, считаемъ деспотизмомъ, насилованіемъ извнѣ. За что́ же? за то что здѣсь система, обдуманность, предосторожности, за то, что здѣсь

сознаніе, опирающееся на болѣе тонкихъ опытахъ, чѣмъ тысячелѣтній слѣпой опытъ массъ, выдаваемый за безсознательное указаніе природы? Отвергнуть этотъ элементъ можно тогда только, когда мы признаемъ, какъ брамины, что одни люди произошли изъ устъ, другіе изъ ногъ божества. Но мы не сомнѣваемся въ родствѣ своемъ съ народомъ; неужели же наши понятія до такой степени могутъ быть неподходящи къ его понятіямъ, что отдѣляются отъ нихъ какъ масло отъ воды? неужели наша психологія и нравственность стоятъ совсѣмъ на другихъ началахъ, чѣмъ у него? Я убѣжденъ совершенно въ противномъ; я убѣжденъ, что позорно для самого народа искусственно охранять его принципы отъ нашихъ вліяній. Все, что̀ нужно ему, то имѣетъ крѣпкіе корни и устоитъ. Многое у народа очень дурно, многое ему совсѣмъ не нужно, но оно̊ держится въ силу своей заматерѣлости, какъ держится старая мозоль, въ силу упорства всего отжившаго не покидать хорошо обмятаго мѣста. Вліяніе свѣжаго элемента здѣсь необходимо; безъ борьбы съ нимъ не будетъ жизни и движенія впередъ; старое вредное разсѣменится, и ничего новаго лучшаго не взойдетъ. Мнѣ странно, что кто-нибудь видитъ въ этомъ ненатуральность; говорятъ обыкновенно—жизнь сама все сдѣлаетъ постепенно; постепенно, такъ, торопиться не слѣдуетъ,—но что̀ же такое сама жизнь, какъ не это взаимное вліяніе лучшаго на худшее, и борьба одного съ другимъ?

У графа Толстаго народъ есть исключительно простой народъ: образованный классъ онъ совершенно отдѣляетъ отъ него, онъ видитъ въ нихъ два существа, постороннія другъ другу, противурѣчащія другъ другу во всѣхъ своихъ склонностяхъ и потребностяхъ; поэтому образованный классъ не долженъ навязывать своего образованія народу; не оно ему нужно, думаетъ графъ Толстой. Это бы можно еще съ натяжкой утверждать о Россіи, вспоминая Петра. Но онъ говоритъ эти о Нѣмцахъ, и о Французахъ. Мнѣ кажется, что вообще вкрались нѣкоторыя иллюзіи въ понятія о народѣ. Народъ дѣйствительно всегда мнѣ представляется чѣмъ-то очень свѣжимъ, сильнымъ и симпатичнымъ. Но я не хочу обманывать себя на счетъ этого чувства. Я понимаю, что смотрю на него только, какъ на возможность

многаго хорошаго, какъ на матеріялъ, изъ котораго надежда можетъ себѣ строить все, что̀ угодно. Такой взглядъ необходимъ людямъ, чтобы поддерживать вѣру въ добро. Съ тѣмъ же чувствомъ смотримъ мы на дѣтей; въ нихъ тоже всѣ возможности, всѣ задатки. Но, ставя вопросъ практически, надо признать, что сами въ себѣ высшіе классы все-таки лучше и выше такъ-называемаго народа.

Всѣ наши симпатіи теперь за народъ, потому что онъ угнетенъ, спутанъ по рукамъ и ногамъ. Мы съ непріязнію глядимъ на самовластнаго помѣщика и на толстокожаго буржуа. Но подумайте серіознѣе, кто этотъ буржуа? Вѣдь это народъ! да мало того, народъ сдѣлавшій шагъ впередъ въ развитіи. Мы видимъ изъ ежедневнаго опыта, каковъ бываетъ этотъ нравственно-чистый, этотъ, исполненный всякой мощи и чести, народъ, какъ только онъ получаетъ возможность дѣлать то, чего не можетъ въ своемъ первоначальномъ состояніи. Разбогатѣвшіе и разжирѣвшіе цѣловальники, дворники, откупщики, у насъ на глазахъ. Все, что̀ есть грубаго, жесткаго, тупаго и грязнаго въ купечествѣ нашемъ,—все это есть свободное развитіе простонародныхъ свойствъ, практическое осуществленіе разныхъ идеальныхъ ожиданій нашихъ, разныхъ предполагаемыхъ возможностей. Образованный классъ тотъ же народъ, но приведенный счастливыми обстоятельствами въ лучшее положеніе, изъ буржуа-лавочника дѣлается со временемъ буржуа-Маколей, и какими буколиками не затемняй человѣкъ своего ума, все-таки нужно сознаться, что цѣнность народа заключается именно въ томъ, что изъ него есть возможность возникнуть Маколеямъ и подобнымъ имъ. Слѣдовательно, не должно снимать съ народа отвѣтственность за разныя несовершенства въ ходѣ его образованія. Онъ собственно самъ себя образуетъ: грамотные и разбогатѣвшіе члены его дѣлаются его учителями; всѣ недостатки ихъ пріемовъ и ихъ взглядовъ—его собственные, родные недостатки. Опытъ представляетъ намъ наглядныя доказательства этой мысли. Подумайте о томъ, напримѣръ, какъ ясно отражается на устройствѣ школъ характеръ каждаго народа. Нѣмецъ, педантъ и систематикъ не въ одной школѣ, но и въ семьѣ, и въ общественной жизни. Дисциплина и формальная вы-

правка Француза, привязанность къ старымъ формамъ у Англичанъ — все это столько же въ жизни, сколько въ школѣ. Возможно ли освободить образованіе отъ этихъ коренныхъ качествъ народа, какъ бы ни казались они вамъ уродливыми? Даже наши простонародные учители, самоучки и самодѣлки, какіе-нибудь отставные солдаты и деревенскіе маляры, и тѣ блистательнымъ образомъ доказываютъ, что недостатки нашихъ педагогическихъ системъ именно въ родствѣ ихъ съ характеромъ народа, въ томъ, что они еще мало отдалились отъ простонародныхъ воззрѣній.

Есть ли другой, большій ревнитель буквоѣдства, зубренія, механическаго потѣнія надъ книгой, какъ простой человѣкъ? Найдете ли вы другаго, болѣе, чѣмъ онъ, безпощаднаго насилователя дѣтской натуры и дѣтской воли? Развѣ правила *Домостроя* не живутъ до сихъ поръ въ сердцѣ русскаго простаго человѣка, особенно среди старовѣровъ нашихъ, этихъ наиболѣе послѣдовательныхъ и наиболѣе русскихъ грамотѣевъ? Поэтому мнѣ непонятно на какомъ основаніи графъ Толстой взваливаетъ вину на одни образованные классы и считаетъ ненатуральнымъ ихъ вмѣшательство. Вина не въ этомъ, вина въ бѣдности природы человѣка, въ тугомъ, чуть замѣтномъ ростѣ его. Чѣмъ болѣе будетъ отдаляться отъ теперешнихъ простонародныхъ воззрѣній высшій классъ, тѣмъ болѣе будетъ признаковъ общаго народнаго развитія. Лишь бы только за истинныя воззрѣнія не принимались внѣшнія, счужи навѣянныя подражанія. Я вѣрю въ органическую связь общественныхъ классовъ и думаю, что старая римская басня о ногахъ и желудкѣ не лишена справедливости.

II.

Нападками на обязательство школьнаго обученія и неумѣлое вмѣшательство въ него высшаго класса *Ясная Поляна* не ограничивается; она расширяетъ вопросъ, отрѣшаясь въ послѣдствіи отъ всякаго различія сословій и вооружаясь вообще на способы нашего образованія.

Мы знакомы уже съ ея основною мыслію, что старое поколѣніе не имѣетъ права образовывать молодое. Здѣсь

эта мысль развита вполнѣ и подкрѣплена рядомъ теоретическихъ и фактическихъ доводовъ. Главнѣйшихъ доводовъ два: первый—тотъ, что мы сами не знаемъ, чему полезно учить дѣтей; второй—тотъ, что современное школьное образованіе не только безполезно, но вредно, потому что наши школы совершенно отстали отъ жизни.

Разберемъ теперь эти доводы:

Ясную Поляну смущаетъ то обстоятельство, что въ различныя времена люди учатъ различному и различно. Схоластики одному, Лютеръ другому, Руссо по своему, Песталоцци опять по своему. Она видитъ въ этомъ невозможность установить критеріумъ педагогики, и на этомъ основаніи отвергаетъ педагогику. А мнѣ кажется, она сама указала на этотъ необходимый критеріумъ, приводя помянутые примѣры. Критеріумъ въ томъ, чтобъ учить сообразясь съ потребностями времени. Онъ простъ и въ совершенномъ согласіи съ исторіей и логикой. Лютеръ оттого только и могъ быть учителемъ цѣлаго столѣтія, что самъ былъ созданіемъ своего вѣка, думалъ его мыслію и дѣйствовалъ по его вкусу. Иначе его огромное вліяніе было бы или невозможно, или сверхъестественно; не походи онъ на своихъ современниковъ, онъ бы исчезъ безплодно, какъ непонятное, никому не нужное явленіе, пришлецъ среди народа, котораго даже языка онъ не понимаетъ. Тоже и съ Руссо и всякимъ другимъ; Руссо формулировалъ въ своихъ теоріяхъ накипѣвшую ненависть своего вѣка къ формализму и искусственности, его жажду простыхъ сердечныхъ отношеній. Эта была неизбѣжная реакція противъ версальскаго склада жизни, и если бы только одинъ Руссо чувствовалъ ее, не явился бы вѣкъ романтизма, не явились бы универсальные замыслы переродить человѣчество, декларація правъ, Карлы Моры и все подобное. Упрекать Лютера и Руссо за то, что они, вооружаясь противъ историческихъ узъ, навязывали людямъ свои теоріи, значитъ упрекать цѣлый вѣкъ въ незаконности его настроенія. Цѣлому вѣку теорій не навяжешь.

Но отъ его теоріи врядъ ли за то отдѣлаешься. Мнѣ непонятно, чего бы хотѣлъ графъ Толстой отъ педагогіи. Онъ все о крайней цѣли, о незыблемомъ критеріумѣ хлопочетъ. Нѣтъ этихъ, такъ, по его мнѣнію, не нужно никакихъ.

Отчего же не вспомнитъ онъ о жизни отдѣльнаго человѣка, о своей собственной? Вѣдь онъ, конечно, не знаетъ крайней цѣли своего существованія, не знаетъ общаго философскаго критеріума для дѣятельности всѣхъ періодовъ своей жизни. А вѣдь живетъ же онъ и дѣйствуетъ; и оттого только живетъ и дѣйствуетъ, что въ дѣтствѣ имѣлъ одну цѣль и одинъ критеріумъ, въ молодости другіе, теперь опять новое, и такъ далѣе. Былъ онъ вѣрно и шалуномъ мальчикомъ,—у тѣхъ извѣстно какой критеріумъ,—и религіознымъ юношей, и либераломъ-поэтомъ, и практическимъ дѣятелемъ жизни; каждое такое естественное настроеніе духа заставляло его иначе глядѣть на міръ, иного ждать и инымъ руководствоваться. Въ этихъ постоянныхъ смѣнахъ взглядовъ и состоитъ богатство развитія человѣчества, его философская и житейская опытность. Въ чемъ графъ Толстой видитъ упрекъ человѣчеству и педагогіи, ихъ противорѣчіе самимъ себѣ, въ томъ я вижу необходимость, естественность и даже достоинство. Свобода педагогіи не въ отсутствіи положительныхъ воззрѣній, а въ возможности свободнаго разростанія вмѣстѣ разнообразныхъ педагогическихъ понятій. Пусть то, которое имѣетъ больше живучести, вытягиваетъ изъ общей земли больше соковъ и заставляетъ сохнуть все внутренно-безсильное. Какъ не антипатично намъ какое-нибудь ученіе, оно будетъ жить и цвѣсти, пока будетъ на землѣ для его питанья достаточное число сродныхъ ему головъ; мы будемъ развивать свой собственный несходный взглядъ, будемъ бороться, и исторія покажетъ на чей сторонѣ побѣда. Хорошъ такой ходъ образованія или дуренъ, намъ все равно; онъ по крайней мѣрѣ успокоителенъ, его нельзя измѣнить, имъ однимъ только двигается практическая жизнь. Людямъ XIX вѣка нужно иное, чѣмъ людямъ XVI вѣка, и ихъ педагогія поэтому совсѣмъ иная, хотя *Ясная Поляна* рѣшительно отвергаетъ разницу. Она росла постепенно, принимала новые элементы на столько, на сколько тѣ могли побѣдить сопротивленіе старыхъ, сообразовалась съ матеріяломъ бывшимъ у ней въ рукахъ, то-есть съ качествомъ и количествомъ учениковъ и учителей, съ требованіями родителей, ограниченностію самой науки и безчисленнымъ множествомъ частныхъ условій. Вотъ она и

явилась такою какъ есть. Она дѣйствительно не граціозна съ точки зрѣнія художника, не выдерживаетъ даже строгой критики ума или нравственнаго чувства. Но у нихъ одинъ грѣхъ съ жизнію; все безобразіе, вся красота у нихъ общія. Одну дрянь навязало ей суевѣріе, другую деспотизмъ, третью корысть. Но вѣдь и жизнь полна кругомъ суевѣрія, деспотизма и корысти. Всѣ эти элементы суть неизбѣжныя и очень сильныя вліянія, которыя не слѣдуетъ упускать изъ разчета при какой бы то не было теоріи. Забудете ихъ—они сами напомнятъ себя и возьмутъ таки свое. Я убѣжденъ, что ограниченность современной педагогіи вполнѣ соотвѣтствуетъ ограниченности большинства современныхъ намъ людей, и что намъ остается только хлопотать объ уменьшеніи этихъ людей посредствомъ нашихъ теорій, если мы надѣемся достигнуть этимъ искомаго результата. Но графъ Толстой, какъ мы замѣтили, находитъ безъ всякихъ оговорокъ, что наша современная школа совершенно въ разладѣ съ настоящею жизнью, даже больше: по его мнѣнію, *средневѣковыя школы болѣе соотвѣтствовали своему времени и стояли наравнѣ съ общимъ образованіемъ народа, если не впереди его, а наши напротивъ назади* (стр. 21). „Наука страшно развилась, говоритъ графъ Толстой, а способъ передачи между тѣмъ *остался тотъ же* поэтому школа должна была отстать и сдѣлаться не лучше, а хуже.“ Чтобы поддержать ее въ уровень съ образованіемъ, не улучшая, надо по мнѣнію графа Толстаго быть Китайцемъ, то есть равномѣрно стѣснить и всѣ другіе пути образованія. Рѣшить однимъ почеркомъ пера вопросъ объ отношеніи школъ къ обществу не легко; такому рѣшенію предпосылаются обыкновенно цѣлые томы солидныхъ, осторожныхъ изслѣдованій, основанныхъ на близкомъ знакомствѣ съ современными документами и съ безконечною литературой этого вопроса, на спеціальныхъ работахъ столько же долгихъ и скучныхъ, сколько трудныхъ. Не знаю, откуда графъ Толстой беретъ свои данныя, утверждая, что „самая *плохая школа* среднихъ вѣковъ была лучше самой *лучшей школы* нашего времени, ибо болѣе *соотвѣтствовала своему времени* и стояла все-таки наравнѣ съ общимъ образованіемъ, ежели не впереди, тогда какъ наша школа стоитъ позади его.“ Кто это сказалъ? Когда и почему? Гдѣ изслѣдованіе объ этомъ? Гдѣ эти сравнитель-

ныя таблицы? Въ подобныхъ случаяхъ необходимы самыя педантическія цитаты; въ *Ясной* же *Полянѣ* нѣтъ ни одной ссылки ни на одинъ историческій авторитетъ. Графъ Толстой говоритъ объ этомъ такъ положительно и вмѣстѣ бѣгло, какъ будто простой логическій смыслъ общеизвѣстныхъ фактовъ, сразу указываетъ на этотъ выводъ. Но я однако далеко не убѣждаюсь имъ: я знаю напротивъ, что средневѣковый человѣкъ имѣлъ очень разнообразную, часто кипучую дѣятельность, которая вызывала на работу всѣ его силы; въ средніе вѣка простая поѣздка на богомолье, простая торговля коробочника сопряжена была съ разными столкновеніями, препятствіями, опасностями; на каждомъ шагу человѣка поражала запутанность людскихъ отношеній, неразъясненность самыхъ насущныхъ вопросовъ. Природа представлялась ему собраніемъ невѣдомыхъ, враждебныхъ силъ; такъ что мысль его не въ состояніи была держаться въ границахъ здравой логики, и неслась поневолѣ въ царство фантазіи. Трудно было человѣку принимать какъ нѣчто законное всякій существующій фактъ и успокоиваться на безстрастномъ объясненіи теолога, когда факты эти проходили чугуннымъ колесомъ поперекъ тѣла, когда они вырывали изъ него окровавленные живые куски. Тогда не могли спать сомнѣніе и тревога, тогда умъ человѣка поневолѣ долженъ былъ во всѣхъ направленіяхъ пробовать свои безсильныя крылья, искать, порываться. А на него между тѣмъ клалъ оковы суровый догматизмъ школы, убивалъ запросы, клеймилъ именемъ ереси каждый свободный вздохъ ума. Оттого-то и наполнены средніе вѣка вѣрою во все что̀ есть несбыточнаго, и удаленіемъ отъ всего что̀ естественно. Наука не хотѣла знать жизни, а жизнь не хотѣла такой безжизненной науки. Это отчужденіе науки отъ жизни, какъ мы до сихъ поръ думали, справедливо считалось характерною чертой средневѣковыхъ школъ. Что тогда было очень много запросовъ въ душѣ человѣка, что бо́льшая часть мыслей возмущающихъ насъ теперь была возбуждена и тогда, въ этомъ убѣждаютъ насъ біографіи еретиковъ и мыслителей переходной эпохи; въ произведеніяхъ Шекспира, безъ сомнѣнія, тоже отразились запросы вѣка, и возможность Гамлета на границѣ XVI столѣтія нѣсколько подтверждаетъ наши слова. Между тѣмъ, при этомъ сходствѣ запросовъ въ двѣ

названныя эпохи, какая громадная разница въ удовлетвореніи ихъ! Графъ Толстой словно намѣренно не хочетъ быть справедливымъ къ нынѣшней школѣ. „Въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, каждая школа учреждается на образецъ другой, учрежденной на образецъ прежде-бывшей", говоритъ онъ на стр. 19 и потомъ на стр. 17. Школа постоянно отвѣчаетъ на одни и тѣ же вопросы, нѣсколько вѣковъ тому назадъ постановленные человѣчествомъ. Въ другомъ, уже разъ приведенномъ мѣстѣ, онъ упрекаетъ школу въ томъ, что способъ ея передачи остался тотъ же какъ и въ среднихъ вѣкахъ. Это не что иное какъ голословное, ничѣмъ не подкрѣпленное отрицаніе всей исторіи педагогіи. Но она говоритъ за себя фактами: похожи ли нынѣшнія гимназіи на схоластическія школы XIII и XIV столѣтій, тому ли въ нихъ учатъ и такъ ли, какъ тамъ учили, объ этомъ спорить мы считаемъ неумѣстнымъ. Мы напомнимъ только одно: въ современныхъ школахъ ребенка снабжаютъ всѣми элементами научной и хозяйственной дѣятельности, началами ремеслъ, искусствъ, политики и проч., все это посредствомъ введенія въ преподаваніе физики, исторіи, географіи. Эти ли предметы входили въ *trivium* и *quadrivium* Кассіодора и въ программы Ѳомы Аквинскаго — предоставляемъ судить знающимъ. Если же есть еще нѣкоторые пункты сходства, если до сихъ поръ считаютъ столько же полезнымъ, какъ и прежде, знать какую форму имѣетъ земля, и какъ помножать сотни на 1.000, то въ этомъ виновато человѣчество, которое во всѣхъ своихъ возрастахъ похоже само на себя и не находитъ, кажется, нужнымъ дѣлать насильственный разрывъ съ своимъ прошедшимъ. Но можетъ-быть графъ Толстой, несправедливый въ своемъ сравненіи, справедливъ въ сущности своего мнѣнія о несоотвѣтствіи нынѣшней школы съ современною жизнію. Мнѣ кажется, что разрѣшить этотъ вопросъ еще труднѣе чѣмъ первый. Мы совершенно отказываемся угадать ту степень развитія школъ, какая должна быть въ настоящее время. Мы не знаемъ какимъ и сколькимъ запросамъ жизни она обязана отвѣчать. Знаемъ только, что она не обязана отвѣчать на всѣ запросы; не обязана оттого, что не можетъ, тѣмъ болѣе что и всѣ другія сферы дѣятельности человѣка, его политическое устройство, его знаніе, его художествен-

ное творчество, далеко не отвѣчаютъ на всѣ его запросы. Мнѣ кажется намъ достаточно рѣшить въ этомъ случаѣ только вопросъ о томъ, приносятъ ли вообще пользу наши школы и идетъ ли ихъ развитіе вмѣстѣ съ развитіемъ другихъ народныхъ силъ. Авторъ путешествовалъ около года по Европѣ и осматривалъ разныя народныя школы; онъ вынесъ изъ своихъ наблюденій убѣжденіе въ несостоятельности этихъ школъ, даже больше—въ несостоятельности и положительномъ вредѣ педагогики. Мы не будемъ защищать недостатковъ преподаванія, на которые большею частью справедливо нападаетъ графъ Толстой, на формальное заучиванье, на опущеніе многихъ важнѣйшихъ предметовъ преподаванія и т. п. По большей части этихъ вопросовъ, педагогика уже прежде высказала свой судъ; намъ остается только недоумѣвать, какимъ образомъ въ статьѣ графа Толстаго нѣтъ помину о самыхъ образцовыхъ воспитательныхъ заведеніяхъ Германіи и Швейцаріи, откуда изгнаны по крайней мѣрѣ устарѣвшіе педагогическіе пріемы поразившіе графа Толстаго въ марсельскихъ школахъ. Мнѣ кажется, такой, можно сказать, смертный приговоръ надъ цѣлою наукой и надъ цѣлымъ искусствомъ, имѣющимъ свою почтенную исторію и очень разнообразную жизнь въ настоящемъ, требуетъ гораздо больше доказательствъ. Насъ лучше убѣдило бы обстоятельное изложеніе педагогическаго устройства школъ, числовыя данныя, знаменательные факты изъ ихъ жизни, чѣмъ голый ультиматумъ, подписанный этимъ школамъ *Ясною Поляною*. Мнѣ кажется, вопросъ о безполезности или вредѣ школъ можно разрѣшить очень скорымъ и простымъ способомъ: если докажутъ, что люди находившіеся подъ вліяніемъ нашей несовершенной педагогики ничѣмъ не превосходятъ другихъ людей, значитъ педагогика безполезна. Если докажутъ, что воспитанники педагогическихъ заведеній уступаютъ людямъ въ нихъ не бывшимъ, значитъ она вредна. Вопросъ сводится на то: имѣютъ ли образованные люди какое-нибудь преимущество надъ необразованными, напримѣръ кончившіе курсъ университетскій надъ кончившими курсъ гимназіи, эти послѣдніе надъ воспитывавшимися въ уѣздныхъ училищахъ. А объ этомъ вопросѣ мы имѣемъ право не спорить, пока кто-нибудь не заявитъ въ немъ своего сомнѣнія. Графъ Толстой страннымъ образомъ доказываетъ безполезность школъ: въ Марселѣ,

напримѣръ, онъ сравниваетъ ихъ вліяніе съ вліяніемъ жизни, и удивляется, что взрослый работникъ гораздо больше знаетъ чѣмъ школьникъ. Да развѣ школа имѣла когда-нибудь претензію замѣнить жизнь? Она снабжаетъ только нѣкоторыми основными элементами умъ человѣка, и дѣлаетъ его болѣе способнымъ къ сознательной жизни. Развитіе этихъ элементовъ все-таки остается за самою жизнію; чѣмъ она богаче, тѣмъ богаче развитіе; оттого и оказывается разница между деревенскимъ мужикомъ и жителемъ большаго города, обладающаго музеями, театрами и политическою жизнью. Но неужели отъ кого-нибудь скрыто, что театры, музеи, библіотеки и газеты, имѣющіе по наблюденію издателя *Ясной Поляны* благодѣтельное вліяніе на народъ, произведены этою отсталою школой? Отчего жь она предшествуетъ всѣмъ этимъ учрежденіямъ, и гдѣ ея нѣтъ — ихъ нѣтъ? Отчего же развитіе школъ въ томъ несовершенномъ видѣ, въ какомъ онѣ кажутся безполезными графу Толстому, идетъ всегда рука объ руку съ развитіемъ общаго благосостоянія народа и всегда служитъ мѣриломъ его умственнаго развитія? Наши старовѣры — самый зажиточный и вмѣстѣ самый грамотный классъ русскаго простонародья. Англичанинъ въ своей практической жизни чрезвычайно много обязанъ школьной скамейкѣ и латыни своего учителя; лучшіе люди въ Англіи признаются въ этомъ съ гордостью. Мнѣ кажется, этихъ простыхъ доводовъ достаточно для опроверженія парадокса *Ясной Поляны*, если мало одного логическаго заключенія.

III.

Отрекаясь отъ всего что до сихъ поръ сдѣлано педагогикой, графъ Толстой приступаетъ къ устройству совершенно новой школы, основанной на полной свободѣ отъ всякихъ заранѣе составленныхъ взглядовъ. Недостатки нашихъ школъ до такой степени поразили его, что онъ впалъ въ странную крайность. Онъ дѣйствуетъ такъ, какъ будто до него царь земной все время двигался по ложной орбитѣ, и ему первому выпало на долю своротить его на истинный путь. Подумаешь, что педагогическій опытъ начинается только

съ нынѣшняго дня. Мы впрочемъ не очень расположены нападать на такія крайности; увлеченіе понятно при каждомъ оригинальномъ воззрѣніи; довольно если хотя въ основѣ его есть справедливая мысль. Вредъ крайности уничтожается самою громадностью преувеличенія, а польза ея заключается вѣроятно въ томъ, что она помогаетъ людямъ глубже разрабатывать предметъ, освѣщая его съ новыхъ сторонъ или въ чемъ-нибудь поправляя результаты тысячи другихъ такихъ же фанатическихъ работъ надъ нимъ. Еслибы человѣкъ могъ быть послѣдователенъ въ подобномъ недовѣріи къ пріобрѣтеніямъ чужаго опыта, онъ бы изнемогъ на первой попыткѣ удостовѣриться лично во всѣхъ знаніяхъ и вѣрованіяхъ человѣчества. Къ счастію, на практикѣ этотъ скептицизмъ можетъ касаться только какого-нибудь частнаго вопроса, рѣшенію котораго онъ даже полезенъ.

Основывая свою школу, графъ Толстой убѣжденъ, что не имѣетъ никакихъ педагогическихъ убѣжденій, что онъ еще ничего не знаетъ, что всему научитъ его личная практика, безсознательныя указанія самихъ учениковъ. Мнѣ кажется, что графъ Толстой находится здѣсь въ нѣкоторомъ самообольщеніи; мнѣ хочется по этому поводу доказать ему слѣдующее: вопервыхъ, что онъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ заранѣе составленныхъ взглядовъ, и притомъ взглядовъ той самой педагогіи, которую въ теоріи отвергаетъ. Вовторыхъ, что полная свобода школы, какъ онъ ее понимаетъ, невозможна, а если возможна, то вредна. *Что графъ Толстой дѣйствуетъ подъ вліяніемъ старой педагогіи*, этотъ пунктъ я очищу нѣсколькими словами: пусть онъ укажетъ на какой-нибудь педагогическій пріемъ употребляющійся въ Яснополянской школѣ и незнакомый нашей педагогикѣ, пусть укажетъ на неизвѣстные намъ учебники и книги служащіе пособіемъ его ученикамъ и учителямъ; пусть назоветъ хоть одинъ новый предметъ преподаванія въ Яснополянской школѣ, не вошедшій въ программу другихъ школъ. Тогда только можетъ онъ отринуть педагогику, когда обойдется безъ ея помощи. Всѣ эти пріемы, равно какъ и выборъ предметовъ, выработались подъ вліяніемъ разныхъ педагогическихъ теорій, исторически измѣнявшихся и развивавшихся. Они-то и есть педагогика, ея конкретные представители. Зачѣмъ же, пользуясь ими, от-

вергать ихъ пользу? Допустимъ, что Яснополянская школа можетъ шагнуть въ педагогикѣ далѣе чѣмъ теперешнія наши школы; но все-таки она шагнетъ по старому пути, потому что она стоитъ теперь при своихъ смѣлыхъ попыткахъ на всемъ старомъ.

Теперь постараемся доказать второе наше положеніе, что *полная свобода воспитанія*, какъ понимаетъ ее издатель *Ясной Поляны*, *вредна и невозможна*.

Этотъ вопросъ въ *Ясной Полянѣ*, можетъ-быть, самый капитальный. Поднятый только съ точки зрѣнія школьнаго воспитанія и подкрѣпленный съ одной стороны мастерскимъ изображеніемъ изсушающаго вліянія нѣмецкой дисциплинарной школы, съ другой одушевленною картиной занятій яснополянскихъ мальчиковъ, вопросъ этотъ можетъ привлечь на свою сторону многихъ. Но въ него слѣдуетъ вникнуть поглубже. Вѣдь это вопросъ всеобъемлющій, первой важности. Онъ сводится на вопросъ о принудительномъ элементѣ въ жизни человѣка вообще. Принужденіе кругомъ насъ, не въ одной школѣ, не для однихъ дѣтей: семья есть принужденіе, общество принужденіе всѣ законы, всякое устройство основаны на принужденіи; даже физическое воспитаніе дѣтей есть принужденіе, и на самое рожденіе ихъ можно, пожалуй, смотрѣть какъ на поразительный деспотизмъ. Метафизическую разработку такихъ вопросовъ я считаю дѣломъ безплоднымъ и для меня не по плечу. Я принимаю всюду господствующій фактъ за вполнѣ-законный, потому что не вижу возможности отъ него освободиться. Я понимаю, что, живя въ мірѣ, человѣкъ подчиняется вліянію всѣхъ его дѣятелей, и что давленіе однихъ людей на другихъ, съ перевѣсомъ въ пользу силы, есть такой же незыблемый законъ природы, какъ давленіе атмосферы, какъ вліяніе температуры и географическаго положенія. *Ясная Поляна*, конечно, согласна съ этою мыслію; но она можетъ сказать, что при извѣстной развитости человѣкъ въ правѣ употреблять свои силы только съ полезною цѣлью. А мы, повторитъ она, сами не знаемъ чему надо учить.

Несмотря на скептицизмъ вѣка, заразившій и насъ въ числѣ многихъ, подобные вопросы рѣшены въ нашей головѣ очень положительно.

Мы знаемъ чему полезно учить, — это наше твердое убѣжденіе.

Врядъ ли *Ясная Поляна* станетъ отрицать, что нѣкоторыя привычки, черты характера и свѣдѣнія всегда и вездѣ полезны для человѣка; напримѣръ, что привычка серіознаго, неповерхностнаго труда, сознательнаго отношенія къ различнымъ явленіямъ жизни, привычка порядка и многія другія—положительно полезны, въ какихъ бы обстоятельствахъ и на какой бы степени развитія ни находился человѣкъ. Съ другой стороны, распущенность натуры, безсиліе ума и воли нельзя не счесть за вещь весьма вредную во всѣхъ положеніяхъ жизни.

Далѣе мы убѣждены, что умное воспитаніе можетъ доставить первыя условія и предохранить отъ вторыхъ.

У *Ясной Поляны*, однако, совсѣмъ иныя убѣжденія; она возстаетъ противъ всякой нравственной и умственной дисциплины; по ея мнѣнію, не слѣдуетъ вмѣшиваться ни въ какія шалости мальчиковъ, останавливать драку и шумъ, даже взыскивать за воровство. Графъ Толстой сомнѣвается, приводитъ ли тутъ наказаніе къ какому-нибудь хорошему результату, и передаетъ намъ интересный психологическій разказъ объ одномъ школьникѣ-ворѣ (стр. 45 и 46, № I). Вопроса этого тоже не рѣшили бы мы ни положительно, ни отрицательно съ отвлеченной точки зрѣнія. Но вѣдь насущныя требованія практики не позволяютъ оставаться въ сферѣ скептицизма, и на сторонѣ наказанія всегда окажется больше житейскихъ доводовъ. Можетъ-быть, *Ясная Поляна* считаетъ это воспитательное вліяніе обязанностью однихъ родителей, отнимая его только у школы. Но воспитатель такъ часто замѣняетъ собою родителей, по крайней мѣрѣ на извѣстное время, что вопроса, по нашему мнѣнію, раздѣлять невозможно.

Что *Ясная Поляна* вооружается и на всякую умственную дисциплину, это видно изъ ея упрековъ старой школѣ. Старая школа часто учитъ дѣтей предметамъ, которые имъ не интересны и, можетъ-быть, не нужны; критеріумомъ же ихъ годности *Ясная Поляна* считаетъ одинъ свободный интересъ самихъ дѣтей.

Постараемся теперь съ своей точки зрѣнія показать какъ практическое неудобство, такъ и положительный вредъ полнаго отсутствія дисциплины въ воспитаніи дѣтей.

1) Практическая необходимость принужденія основывается на томъ, что никто не въ состояніи довѣрить зачаточному разсудку дѣтей. Мать это знаетъ лучше всѣхъ, и потому слѣдитъ за каждымъ шагомъ своего ребенка. Младенцемъ онъ вцѣпится въ глазъ мамки всѣми пятью ногтями, школьникомъ—хватитъ камнемъ въ окно, запачкаетъ новыя штанишки, подшибетъ товарищу глазъ. Когда нужно учиться, онъ выйдетъ на кулачки или отравится въ лѣсъ за ягодами; можетъ-быть, черезъ три часа ему даже и учиться захочется—да ужъ нельзя, учителю каждаго мальчика не дожидаться, онъ домой ушелъ. Какъ же тутъ безъ дисциплины? Отца нѣтъ, отецъ бы чубъ надралъ за рванье и пачкотню, не далъ бы драться, посадилъ бы за книжку. У отца никто не отнимаетъ этихъ правъ, а безъ него кому же вмѣшиваться въ это дѣло, какъ не учителю. Правъ или не правъ ребенокъ съ философской точки зрѣнія, а если онъ гноитъ въ лужѣ свои единственные сапожонки купленные отцомъ на трудовую копѣйку, отецъ имѣетъ полное основаніе вытянуть его оттуда и какимъ-нибудь памятнымъ образомъ предостеречь его отъ повторенія этой забавы, въ сущности совершенно невинной. Что же дѣлать? Практическая необходимость законнѣе или, лучше сказать, сильнѣе всякаго отвлеченнаго значенія предмета. Положимъ, ребенокъ не пойметъ смысла наказанія, но онъ не будетъ повторять того что ему обращается во вредъ: это-то пока и необходимо. Руссо въ *Эмилѣ* простираетъ эту теорію до жесткаго возмездія ребенку всякаго убытка и непріятности, имъ производимыхъ. Если все это справедливо по отношенію къ отцу, спрашивается въ правѣ ли учитель отказывать отцу въ помощи во время его отсутствія?

2) Отсутствіе нравственной дисциплины намъ кажется вреднымъ для будущаго развитія ребенка, для образованія его характера. Я думаю, что свобода, одобряемая теоріей *Ясной Поляны*, можетъ въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ развратить и разслабить духъ человѣка. Старыя няньки называли эту теорію баловствомъ, и они, по моему, очень правы. Взрослый человѣкъ не можетъ разчитывать на постоянное удовлетвореніе своихъ вкусовъ и привычекъ; кромѣ его, есть еще много другихъ людей и у всякаго свои вкусы и привычки; кромѣ людей, есть еще кругомъ разныя другія

обстоятельства, столько же неподатливыя; живетъ человѣкъ такъ, какъ позволяютъ всѣ эти живущія кругомъ его силы; онѣ съ ними борется и сообразуется, для борьбы нужна привычка и сила: ихъ должно подготовить воспитаніе. А мы вдругъ, вмѣсто того, начнемъ такъ вести дѣтей, какъ будто кромѣ нихъ на свѣтѣ нѣтъ другой воли, другой жизни. Мы обязаны исподоволь пріучать ихъ къ той сферѣ, гдѣ они должны дѣйствовать. Животныя не всѣ выходятъ изъ яйца въ готовомъ видѣ, способныя на самостоятельную жизнь. Цыпленокъ, выклюнувшись, прямо ищетъ своихъ зеренъ, а коршунята долго еще визжатъ и зѣваютъ въ своемъ гнѣздѣ, откуда ихъ не могутъ поднять безсильныя крылья. Они не умѣютъ летать, не умѣютъ охотиться; безъ этого ихъ жизнь не возможна, оттого родителямъ приходится ихъ воспитывать, учить летать и охотиться, то-есть бороться съ внѣшними вліяніями, пріучаться къ сферѣ ихъ будущихъ дѣйствій. Человѣку нужно все это въ бо́льшихъ размѣрахъ, въ усложненномъ видѣ; его воспитаніе продолжительнѣе и труднѣе. Но смыслъ того и другаго одинъ; въ немъ оправданіе деспотизма семьи и школы, на который часто вооружаются; въ немъ наше нравственное право на навязыванье дѣтямъ нашихъ собственныхъ понятій, противъ чего горячо возстаетъ графъ Толстой. Мы не имѣемъ права обманывать дѣтей, бросать ихъ въ жизнь безъ всякихъ силъ къ борьбѣ, чтобъ они были задавлены жизнію, какъ безкрылыя птицы.

Вообще я считаю этотъ пунктъ столь важнымъ, что позволю себѣ сдѣлать здѣсь небольшое отступленіе. Въ настоящее время педагогія находится въ порѣ реакціи, которую, кажется, совсѣмъ упускаетъ изъ виду графъ Толстой. Прежній формализмъ, насиліе ума посредствомъ розги и палки, опротивѣли людямъ, и они вдались, какъ всегда водится, въ противоположную ошибку. Отупляющее зубреніе замѣняется разжевываніемъ самыхъ понятныхъ вещей, дранье и поранцы—часто совершенною распущенностію. Графъ Толстой очень забавно и мѣтко говоритъ во 2-й книжкѣ *Ясной Поляны* о вѣнцѣ новой системы, *фишбухахъ*. Такого рода тупоумныя переливанія изъ пустаго въ порожнее, такая лабораторная фабрикація дѣтскихъ понятій, составляетъ эпидемію нынѣшней педагогіи. Учатъ

дѣтей не разсуждать, а резонерствовать, притворяться разсуждающими по извѣстной программѣ. Что за странная мысль объяснять ребенку причину всего что̀ онъ видитъ и слышитъ? Какъ будто онъ въ самомъ дѣлѣ имѣетъ на это право и желаніе? Онъ, безъ сомнѣнія, обо многомъ спроситъ васъ, и отчего же не объяснить, если вещь ему близка, нужна, понятна? Но многаго онъ не можетъ знать, многаго ему знать не слѣдуетъ, а повадите его, такъ онъ все будетъ философствовать. Дикенсъ, въ своей поэтической симпатіи ко всему задавленному, любитъ выставлять типы дѣтей съ таинственными запросами и рано развитою пытливостію, которыхъ никто на понимаетъ и не удовлетворяетъ. Такіе частные случаи, безъ сомнѣнія, встрѣчаются, но, говоря по правдѣ, рѣдко. Гораздо чаще дѣтей на этомъ пунктѣ портятъ, поблажая всѣмъ этимъ мнимымъ проблескамъ и пріучая ихъ интересничать разными пустяками. Я видалъ, какъ мальчуганы лѣтъ десяти и двѣнадцати, лакомки и шалуны, съ искусною наивностью озадачивали вдругъ своихъ маменекъ вопросами въ родѣ слѣдующихъ: „а что, мамаша, какіе цвѣточки выростутъ на нашихъ могилкахъ“ или: „мамаша, мамаша, кто живетъ на той звѣздочкѣ?“ или: „мамаша, что̀ такое значитъ время?“ Такіе вопросы не вытекали ни изъ характера ихъ, ни изъ вліянія обстановки; а просто они плутовски подмѣтили слабость мамаши въ этомъ деликатномъ пунктѣ, и пробили въ немъ себѣ лазейку.

А попробуйте разъ объяснить подобную вещь, — вы ужь въ рукахъ ребенка, и онъ пойдетъ васъ мытарить: что̀ значитъ жизнь, что̀ значитъ *значитъ*, отчего мы не говоримъ по-китайски, отчего трава не красная, а зеленая, и пошелъ, и пошелъ, и не слушаетъ вашихъ объясненій, а только радуется, что васъ озадачилъ, что о томъ же умѣетъ говорить, о чемъ и большіе. Въ сущности дѣтямъ немногое хочется дѣйствительно знать; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ отъ нихъ не трудно отдѣлаться какимъ-нибудь успокоительнымъ отвѣтомъ. Ужь во всякомъ случаѣ никто изъ нихъ не потребуетъ метафизическаго постиженія сущности вещей, въ родѣ знаменитаго опредѣленія рыбы, и тому подобнаго. А у насъ именно навязываютъ дѣтямъ эти неестественные запросы.

Да, наконецъ, еслибы дѣти и дѣйствительно хотѣли

добиться чего-нибудь, не слѣдуетъ совершенно сглаживать передъ ними неровностей мысленнаго пути. Пусть сами тужатся, укрѣпляютъ умственныя мышцы борьбою съ неподдающеюся работой. Зачѣмъ имъ кормиться разжеванною другими пищей? Желудокъ окрѣпаетъ отъ нѣсколько грубыхъ матеріяловъ и наоборотъ разстраивается отъ химически очищенной, аптекарски взвѣшенной пищи. Въ чемъ помоги, направь, не дай сбиться или упасть отъ напраснаго истощенія, а въ чемъ оставь на собственныя силы. У насъ кругомъ поучительные примѣры того, какъ необходимъ для стойкости ума и воли безпомощный трудъ; его горькими ошибками, его вѣчною ощупью, мы только и учимся настоящимъ образомъ. Все что̀ мы пріобрѣли другими путями, то почти не наше, то мелко сидитъ въ насъ, готово испариться и измѣниться. Оттого-то знаніе изъ книги, по слуху, и другое знаніе, изъ опыта, только обмолвкою языка могутъ называться однимъ именемъ. Въ средніе вѣка вырабатывались особенно твердые, закаленные типы людей; сфера была до такой степени враждебна человѣку, что многіе совсѣмъ не выдерживали ея; но кто выдерживалъ, тотъ былъ силенъ, тотъ имѣлъ способность дѣйствовать безъ страха и устали, погребать себя въ фоліантахъ, бороться въ одиночку съ хаотическимъ обществомъ. Наши бурсы, наслѣдовавшія всѣ недостатки и достоинства схоластики XII вѣка, могутъ справедливо гордиться тѣмъ, что изъ ихъ рядовъ выходятъ терпкіе, настойчивые люди, идущіе часто на проломъ и терпѣливо добивающіеся самыхъ далекихъ цѣлей. Мы не хвалимъ бурсу и схоластики, но мы указываемъ на нихъ какъ на крайнія воплощенія извѣстной идеи, въ которыхъ слѣдовательно результаты этой идеи особенно замѣтны. Крайность своимъ очевиднымъ вредомъ не отнимаетъ полезнаго значенія у самой идеи. Въ наше время замѣтенъ совсѣмъ противуположный недостатокъ. Какъ прежде часто встрѣчались приверженцы буквы и формы, сухіе грызуны науки, такъ часты теперь верхохваты и верхогляды, люди лизнувшіе кой-чего концомъ языка, играющіе на поверхности науки, революціонеры и реформаторы не кончившіе курса гимназіи, безграмотные публицисты и тому подобные господа. Они обыкновенно усваиваютъ себѣ „*соки науки*“, ея „*идею и духъ*“, въ совершенной отрѣшенности отъ факта; факты

они оставляютъ кротамъ, каменьщикамъ, громоздящимъ матеріялы, а они, всеобъемлющіе зодчіе, орлы, окидываютъ взглядомъ все поднебесье и строятъ грандіозное зданіе изъ безпорядочной кучи камней. Отличные образцики этихъ геніевъ, принимающихъ свою лѣнь за призваніе къ высшей дѣятельности, встрѣчалъ я на первыхъ курсахъ университета и въ послѣднихъ классахъ гимназіи. Одинъ такой зодчій, напитанный „соками“ науки, до того презиралъ факты, что отвѣчалъ свой урокъ исторіи почти такимъ манеромъ: „Ну, такъ этотъ—какъ его—ну тамъ, царь ихъ или предводитель, одинъ разъ пошелъ къ этимъ—какъ ихъ—къ сосѣднему народу.... и..... побѣдилъ его.... а черезъ нѣсколько времени его собственное царство было разрушено однимъ воинственнымъ царемъ.“ При этомъ сей молодой человѣкъ старался своими жестами и произношеніемъ показать полное презрѣніе къ числамъ и именамъ; когда же, при поставленіи ему единицы, спросили его, отчего онъ ихъ не знаетъ, отвѣтствовалъ оскорбленно-ироническимъ тономъ: „я это *читалъ*, но вѣдь не зубрить же на память всѣ года.“ Вообще эти господа любятъ приблизительность въ самомъ широкомъ ея пониманіи, и часто опредѣляютъ эпохи царствованія Петра или Карла Великаго столѣтіями двумя впередъ или назадъ; прикосновенія же точныхъ наукъ, въ родѣ алгебры и ариѳметики, какъ вообще участія мѣры и вѣса, не терпятъ. Въ университетѣ они превращаются обыкновенно въ маленькихъ Мирабо, хотя не совсѣмъ тверды въ географіи Россіи, и сбиваются при дѣленіи цѣлаго числа на дробь. Эту болѣзнь нашу я приписываю утрировкѣ современнаго воспитанія; прежде люди потѣли подъ буквами и словами, и поневолѣ принимали плодъ своихъ долгихъ трудовъ за что-то очень важное; теперь имъ все стараются разъяснить, возбудить въ нихъ отчетливое представленіе о предметѣ, ничего не оставляютъ на ихъ собственную догадку, ничего не заставляютъ ихъ запоминать буквально. Они убѣждаются, что факты сами по себѣ ничего, что важно понятіе, общая мысль, а между тѣмъ и эта мысль имъ досталась дешево, чужими руками; вотъ такимъ образомъ и составляется легкомысленный взглядъ на трудъ, о чемъ мы выше говорили. Мои воспоминанія о собственномъ дѣтствѣ и дѣтствѣ всѣхъ близкихъ мнѣ людей несомнѣнно убѣждаютъ

меня во всемъ сейчасъ высказанномъ. Полезнѣйшее вліяніе на наше развитіе имѣли воспитатели точные и даже нѣсколько строгіе въ своихъ требованіяхъ, не ухаживавшіе за дѣтскимъ умомъ какъ за оранжерейнымъ растеніемъ, но знакомившіе его, смотря по нуждѣ, и съ ясными днями, и съ суровою непогодой.

Вообще я такъ формулирую свою мысль: 1) Въ воспитаніи очень полезно сознательное и добровольное стараніе ребенка; для этого ему надобно многое толковать, возбуждать его интересъ. Это одинъ элементъ воспитанія. Во 2) столько же полезно усвоеніе ребенкомъ нѣкоторыхъ нравственныхъ и физическихъ привычекъ и нѣкоторыхъ фактическихъ знаній, понимаетъ ли онъ ихъ нужду или нѣтъ. Для этого необходимы дисциплина, заучиваніе наизусть, принужденіе со стороны воспитателя и повиновеніе со стороны дѣтей. Изъ этихъ двухъ главныхъ элементовъ должно состоять искусство воспитанія. Пропорція ихъ не одинакова въ разныхъ случаяхъ, тактъ и опытность опредѣляютъ ее на практикѣ, руководясь условіями самой природы дѣтей и всей ихъ обстановки, прошедшей и настоящей. Педагогическая метода бурсы и прежнихъ училищъ нашихъ ухватилась за одинъ второй элементъ; многіе новѣйшіе педагоги, между прочимъ и графъ Толстой, напротивъ того почти совершенно упустили его изъ виду. Въ бурсѣ одинъ долгъ, одна заповѣдь—зубренье; въ *Ясной Полянѣ*—свобода желаній и дѣйствій, возбужденіе и удовлетвореніе интереса. Бурса принимаетъ въ разчетъ только волю воспитателя, *Ясная Поляна* только волю ребенка; въ бурсѣ все то справедливо и необходимо что̀ подходитъ подъ составленную и окоченѣвшую теорію, какъ бы это ни губило жизнь. Въ *Ясной Полянѣ* святъ всякій совершенный ребенкомъ фактъ, какъ бы онъ ни противорѣчилъ всему, во что̀ вѣритъ нашъ умъ, наученный прежнею опасностью и своею логикой. 3) Что касается до свободы выбора предметовъ самими дѣтьми, то графъ Толстой выходитъ здѣсь изъ своего обыкновеннаго афоризма: почему мы знаемъ, что̀ имъ нужно? Мы не первый разъ встрѣчаемся въ педагогіи съ такого рода скептицизмомъ; намъ неоднократно приходилось слышать вопросы въ родѣ слѣдующихъ: почему мы знаемъ, что мальчика нужно учить физикѣ, а не самоварному искусству, разказамъ о походахъ Александра Македонскаго,

а не о ссорѣ какого-нибудь старосты съ цѣловальникомъ? кто доказалъ хоть разъ пользу или необходимость всѣхъ этихъ штукъ? кто спросилъ ребенка: хочется ли это ему знать? Исходя изъ подобныхъ взглядовъ, графъ Толстой берется давать въ своей школѣ только то что̀ просится, необходимость чего оправдывается уже однимъ желаніемъ дѣтей.

На это я имѣю въ запасѣ два отвѣтные пункта: вопервыхъ мнѣ кажется, что мы имѣетъ право выбирать предметы обученія на томъ основаніи, что мы животные той же породы какъ и они, были такими же дѣтьми какъ и они, и сверхъ своей личной опытности пріобрѣли еще очень много практическихъ знаній изъ сравненія тысячи другихъ опытовъ, совершенныхъ людьми самыхъ разнообразныхъ свойствъ въ самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ. Все это дало намъ въ руки довольно вѣрное пониманіе нуждъ ребенка и многихъ, если не всѣхъ, послѣдствій отъ того или другаго способа обращенія съ ними. Программа предметовъ, почитаемыхъ теперь главными въ образовательномъ отношеніи, требуетъ большихъ измѣненій въ общемъ и въ частностяхъ; но все-таки программа эта никогда не должна выпадать изъ опытной руки воспитателя въ неумѣлыя ручонки дѣтской толпы. Все-таки мы предпочтемъ изученіе химіи и физики изученью всякихъ спеціальныхъ ремеслъ, на томъ основаніи, что изъ многолѣтняго опыта люди поняли все неудобство труда надъ частностями безъ знанія общихъ основъ; все-таки изъ безчисленнаго множества разказовъ мы остановимся скорѣе на тѣхъ, которые имѣли замѣтное вліяніе на жизнь народовъ чѣмъ на ссорахъ бабъ и старостъ, милліоны разъ повторявшихся, невозможныхъ для памяти и относительно безполезныхъ для вывода. Многія изъ подробностей наукъ излишни, не носятъ въ себѣ оправданія,—на это можно вооружаться; но все-таки въ цѣломъ каждая наука обогащаетъ насъ кругомъ понятій и фактовъ, необходимыхъ для просвѣщенія человѣка. Наконецъ, если найдутъ одну изъ теперешнихъ наукъ мало полезною, пусть ее изгоняютъ изъ программы, наше право выбора этимъ не нарушается; но все-таки дѣтей должны руководить наше сознаніе и наша опытность, а не ихъ собственный безпорядочный инстинктъ. Вовторыхъ, предоставленіе самимъ дѣтямъ выбора предметовъ буквально невоз-

можно въ практикѣ; школа *Ясной Поляны*, проводящая въ теоріи эту мысль, сама отвергла ее на дѣлѣ, потому что въ ней существуетъ раздѣленіе преподаванія на двѣнадцать предметовъ, и притомъ предметовъ очень обыкновенныхъ въ нашей педагогіи. Ужь мальчикамъ этого никакъ не выдумать. Чѣмъ они будутъ руководствоваться въ своемъ выборѣ, когда имъ рѣшительно неизвѣстно, изъ чего выбирать? Запросы ихъ слишкомъ безпорядочны, разнохарактерны, случайны; послѣ бесѣды о Богѣ, они васъ спросятъ почемъ пряники. Замѣчено, что дѣти гораздо съ бо́льшимъ удовольствіемъ слѣдуютъ за большимъ, умѣющимъ войдти въ ихъ довѣренность, чѣмъ за своимъ братомъ. Большой и разкажетъ лучше, и выдумаетъ лучше игру, и знаетъ какъ все устроить; ребенокъ чувствуетъ, что большой лучше его самого умѣетъ угадать его нужды, по крайней мѣрѣ умѣетъ яснѣе ихъ формулировать и полнѣе удовлетворить. Поэтому онъ готовъ за нимъ охотно слѣдовать и въ обученіи. Учитель обязанъ заботиться только объ одномъ: приспособляться къ возрасту и смыслу учениковъ. Методъ преподаванія—совсѣмъ другое дѣло; онъ создается на самомъ мѣстѣ дѣйствія, на полѣ педагогической борьбы, сколько изъ теоретическихъ знаній, скопившихся въ головѣ, столько же изъ живаго, измѣнчиваго, неуловимаго матеріяла, надъ которымъ въ эту минуту работаешь. Графъ Толстой очень вѣрно понимаетъ это первое правило здравой педагогіи и посвятилъ ему во второмъ нумерѣ своего журнала прекрасную статью, полную дорогихъ наблюденій. Но вѣдь методъ и программа слишкомъ большая разница.

IV.

Мы много сказали въ укоръ педагогическимъ мнѣніямъ графа Толстаго; а между тѣмъ стоитъ только читателю разъ побывать въ Яснополянской школѣ, чтобъ убѣдиться въ самомъ успѣшномъ ходѣ ея. Мы сами съ особенною симпатіей глядимъ на эту прекрасную школу, прикосновеніе съ которою всегда освѣжительно дѣйствовало на нашу душу. Графъ Толстой представилъ въ своемъ жур-

налѣ нѣсколько поэтическихъ картинъ изъ быта своей школы; эти дорогіе отрывки имѣютъ не одно только художественное достоинство, въ нихъ много реальной правды, хотя, конечно, рядомъ съ ними необходимы и другія картины, въ родѣ тѣхъ напримѣръ, которыя сообщаетъ недовѣрчивый сотрудникъ *Ясной Поляны*, г. М. Б. Въ виду такихъ фактическихъ доказательствъ, наши разсужденія легко могутъ быть приняты за упорное доктринерство, за нежеланіе признать законнымъ жизненное явленіе, само по себѣ прекрасное и сильное, но не подходящее подъ нашу теорію. Это однако не такъ. Яснополянская школа безспорно лучше всѣхъ народныхъ школъ, мнѣ извѣстныхъ. Но причина ея достоинствъ не въ тѣхъ педагогическихъ взглядахъ, на которыя я нападаю. Причина въ ея исключительно-счастливомъ положеніи; школа эта составляетъ предметъ горячей заботливости образованнаго, талантливаго и вполнѣ обезпеченнаго человѣка. Словомъ „заботливость“ еще недостаточно выражается степень участія графа Толстаго въ судьбѣ Яснополянской школы. Это предметъ поглощающій теперь его мысли, его общественную и домашнюю жизнь, его литературныя и ученыя занятія. Онъ предается ему съ вдохновеніемъ художника и разрабатываетъ его всею силой своихъ практическихъ способностей и знаній.

Въ школѣ — его гордость, его желаніе дѣла, его желаніе добра, его служеніе обществу. Школа снабжена всѣмъ что графъ Толстой считаетъ нужнымъ для нея; между тѣмъ какъ въ другихъ народныхъ школахъ одинъ учитель на всѣхъ, въ Яснополянской школѣ бываетъ по четыре и по пяти постоянныхъ учителей, кромѣ находящихся на временномъ испытаніи. Одинъ изъ учителей самъ графъ Толстой, котораго образованіе и опытность, конечно, не могутъ идти въ сравненіе съ обыкновенными народными учителями; другой учитель—Нѣмецъ, окончившій курсъ въ Іенскомъ университетѣ, натуралистъ и математикъ, обучаетъ дѣтей черченію и дѣлаетъ различные физико-химическіе опыты, доступные ребятамъ; остальные учители всѣ образовались подъ руководствомъ графа Толстаго и выбраны имъ. Во всѣхъ другихъ школахъ этого мироваго участка, классы помѣщаются въ простыхъ избахъ; учитель живетъ часто въ той же комнатѣ, гдѣ мальчики учатся. Яснопо-

лянская школа помѣщена въ каменномъ двухъэтажномъ флигелѣ, въ сѣняхъ котораго устроены *баръ* и *рекъ* для гимнастики; въ томъ же флигелѣ есть отдѣльныя помѣщенія для всѣхъ учителей, есть маленькій кабинетъ съ физическими снарядами, лабораторіей, минералогическою коллекціей и другими принадлежностями нагляднаго обученія. Кромѣ того, всѣ средства богатаго помѣщичьяго дома, въ случаѣ нужды, находятся въ распоряженіи школы; множество выписываемыхъ журналовъ и новыхъ книгъ, порядочная домашняя библіотека, разныя художественныя изданія, все это доступно ученикамъ школы, если окажется полезнымъ. Дѣти поютъ хоромъ подъ игру рояля, дирижируемые и обучаемые самимъ графомъ Толстымъ, вечеромъ часто играютъ у него въ кабинетѣ въ шашки или другую игру, разсматриваютъ рисунки, крутятся и прыгаютъ вмѣстѣ съ нимъ на гимнастикѣ, ходятъ съ нимъ на охоту, на качели, купаться въ прудъ. Нужно ихъ повеселить, поощрить,—устраивается театръ, совершенно простой и оригинальный, но все-таки нуждающійся въ талантливой и достаточной рукѣ. На актѣ раздаются шапки и кушаки, несказанно радующіе мальчиковъ. Вообще во всемъ видны широкія средства, умственныя и матеріяльныя, двигающія Яснополянскую школу. Это не то что̀ двадцатилѣтній учитель, изъ втораго курса университета, которому дѣться некуда, которому мужики даютъ по 50 коп. въ мѣсяцъ, и поэтому глядятъ на него покровительственно, какъ на своего наемника. Такой учитель не только не смѣетъ думать о полученіи журнала, онъ едва добьется чтобы въ классѣ были черныя доски. Авторитетъ его въ глазахъ учениковъ и родителей, какъ человѣка зависящаго, нуждающагося, далеко не тотъ что̀ авторитетъ графа Толстаго, помѣщика и мироваго посредника, все дѣлающаго даромъ, на свой счетъ. Всѣмъ этимъ я хочу сказать одно: Яснополянская школа мало относится къ области общественной педагогіи, также мало какъ домашнее воспитаніе какого-нибудь ребенка въ хорошемъ домѣ, окруженнаго самымъ счастливымъ вліяніемъ. Никакіе законы не могутъ имѣть въ виду высокую добродѣтель, жертвы и т. п. Все это относится къ личной нравственности человѣка, а законы пишутся для всѣхъ вообще. Также точно педагогія не должна разчитывать на страстныя привязанности учителей и на ихъ безкорыстность. Она имѣетъ дѣло съ народными учителями получаю-

щими по 50 копѣекъ съ мальчика, а не съ такими учителями, которые тратятъ на школу свои собственныя сотни рублей; у нея въ распоряженіи люди небольшаго образованія, не находящіе болѣе выгоднаго сбыта своихъ знаній, а не люди передовыхъ рядовъ съ артистическою душой и благородною любовью къ полезному дѣлу, ничѣмъ не стѣсненною въ своемъ выборѣ. Графъ Толстой не просто учитель: онъ влюбленъ въ свою школу, и дѣйствуетъ какъ влюбленный, всѣмъ жертвуя своей любимой мечтѣ. Но разлюби онъ ее завтра, — завтра же можетъ и разстаться съ нею. Его ничто извнѣ не обязываетъ, оттого, можетъ-быть, и возможно такое страстное отношеніе къ дѣлу. Обыкновенный учитель не посвятитъ всего своего времени ученикамъ, онъ еще долженъ заботиться о собственной жизни, у него свои вкусы и желанія, для удовлетворенія которыхъ нужно свободное время и средства. Получая 50 копѣекъ, онъ инстинктивно старается дать на 50 копѣекъ, а получая 3 рубля—на 3 рубля, и вполнѣ спокоенъ совѣстью, потому что глядитъ на педагогію, какъ на комерческое дѣло, взглядомъ экономиста. Такихъ-то экономистовъ и должна имѣть въ виду педагогія, заботясь объ устройствѣ народныхъ школъ. Я знаю, что можно при этомъ удобномъ случаѣ исполниться благороднаго негодованія, и наговорить красивыхъ вещей о святости служенія просвѣщенію и проч. Но пусть себѣ реторика утѣшается своимъ сладкозвучіемъ, а я всегда буду того мнѣнія, что насильственныхъ жертвъ существовать не можетъ и не должно. Графъ Толстой живетъ съ своею школой все равно какъ отецъ съ семьей; онъ ей жертвуетъ часто цѣлые дни и недѣли, и намъ конечно не можетъ не нравиться такая благородная и полезная прихоть; но все-таки это прихоть, то-есть страсть, зависящая отъ внутренняго настроенія, ничѣмъ не обезпеченная, на которую разчитывать никто не имѣетъ права. Можетъ-быть, какой-нибудь народный учитель былъ бы согласенъ цѣлые дни играть даромъ на скрипкѣ въ пользу бѣдныхъ, потому что это его личная страсть, но онъ, можетъ-быть, никакъ не захочетъ посвящать свое внѣклассное время бесѣдамъ съ учениками, и безъ того ему надоѣвшими. Скажутъ, что надобно выбирать учителей по призванію; это совершенно невозможно. Кто угадаетъ призваніе даже въ самомъ себѣ, не только въ другомъ, и что̀ наконецъ за спеціальное при-

званіе быть народнымъ учителемъ? *Яснополянская школа не можетъ быть поэтому образцовою народною школой; въ ней все не такъ, какъ можетъ быть въ настоящихъ народныхъ школахъ*, и успѣхъ ея я приписываю главнымъ образомъ именно тѣмъ условіямъ, которыя нѣтъ возможности воспроизвести въ другомъ мѣстѣ. Главная причина успѣшнаго хода Яснополянской школы въ томъ, что *она семья, а не школа*, и что глава этой семьи человѣкъ съ очень рѣдкими условіями. Графъ Толстой полюбилъ дѣтей душой артиста, понявъ въ нихъ многое, непонятное прозаическимъ натурамъ; дѣти поняли его любовь, полюбили его въ свою очередь; этому много помогъ и психологическій тактъ графа Толстаго, его особенное умѣніе правдиво и вмѣстѣ осторожно относиться къ дѣтямъ. Замѣчательная простота его обращенія, интересъ возбуждаемый въ дѣтяхъ живописнымъ разказомъ человѣка вездѣ бывалаго и все знающаго, его веселый нравъ, способность участвовать въ забавахъ дѣтей и устраивать для нихъ забавы—все это, проникнутое инстинктивною симпатіей другъ къ другу, сблизило Яснополянскую школу съ учителемъ крѣпко-на-крѣпко; родилось взаимное довѣріе, дружба; умственныя и нравственныя силы дѣтей не сдавливались страхомъ или нелюбовью, а заработали весело, свободно и горячо; учитель незамѣтно пріобрѣлъ самый прочный авторитетъ; дѣти часто понимаютъ очень тонко чего хотятъ отъ нихъ, и желанія графа Толстаго, даже не выраженныя прямо, были инстинктивными законами совѣсти для дѣтей, крѣпко вѣрившихъ въ него и крѣпко его любившихъ. Вотъ, по моему, вся разгадка отрадныхъ успѣховъ Яснополянской школы, рѣзко отличающихъ ее отъ другихъ школъ. Наблюдательныхъ посѣтителей поражалъ особенно самый духъ школьниковъ, ихъ упорныя добровольныя занятія въ теченіи семи, восьми часовъ ежедневно, свѣжій и довольный видъ ихъ, постоянная работа мысли, замѣтная на каждой дѣтской рожицѣ въ многочисленномъ классѣ. Послѣ своей школы графъ Толстой имѣлъ полное право негодовать на то обычное явленіе въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, которое онъ такъ мѣтко описалъ подъ именемъ *школьнаго состоянія*. Съ другой стороны; посѣтителя не поразятъ особенныя знанія мальчиковъ Яснополянской школы, ихъ фактическія свѣдѣнія, бѣглость

и точность математическихъ выкладокъ. Методы Яснополянской школы очень просты и обыкновенны; мальчики иногда не понимаютъ такихъ вещей, которыя въ другихъ школахъ отлично всѣ знаютъ. Но дѣло въ томъ, что при знаніи и при незнаніи достоинства школы становятся одинаково ясны: всѣ *мальчики сами думаютъ, сами добиваются, сами хотятъ научиться.* Пробужденность ихъ духа, самостоятельность внутренней работы въ головѣ мальчика, вотъ чѣмъ радуетъ Яснополянская школа. А она, повторяю, зависитъ не столько отъ умнаго школьнаго устройства, сколько отъ счастливыхъ семейныхъ условій. Для семьи же правилъ не напишешь. Намъ могутъ поставить на видъ, что полная свобода Яснополянской школы доводитъ, вопреки нашимъ теоріямъ, до хорошихъ результатовъ. Но такъ ли это? Не заключаетъ ли въ себѣ домашняя жизнь мальчика, вліяніе его родной семьи, того принудительнаго элемента, безъ котораго балуется духъ человѣка, изнѣживаются его силы? Развѣ можно ровнять крестьянскаго мальчика, все лѣто занятаго работой, имѣющаго круглый годъ разныя хозяйственныя обязанности, съ дѣтьми достаточныхъ сословій? Принужденный выгонять скотину въ 4 часа утра, пасти ее на выгонахъ и болотахъ во всякую погоду, находясь подъ постояннымъ вліяніемъ суровыхъ воспитательныхъ понятій мужика-отца, ребенокъ въ правѣ дохнуть свободой хотя на школьныхъ скамейкахъ; это лишь нѣсколько уравновѣситъ слишкомъ несправедливый процентъ обязательности и слѣпаго повиновенія, тяготѣющаго надъ нимъ въ жизни. Да и то, впрочемъ, мы не увѣрены, на сколько полезенъ будетъ для ихъ будущаго этотъ произвольный выборъ труда и отсутствіе всякихъ воспитательныхъ требованій извнѣ. Горекъ и суровъ путь бѣднаго человѣка; ему менѣе другихъ надо поддаваться влеченію своихъ вкусовъ, менѣе разчитывать на возможность совершенно свободныхъ отношеній. Бѣдность и трудъ во что бы ни стало — есть рабство, коренящееся не въ дурномъ устройствѣ общества, не въ какихъ-нибудь временныхъ аномаліяхъ, а въ самой слабости человѣческой природы, печальномъ уставѣ нашего міра. Графъ Толстой обходитъ положительное рѣшеніе этого вопроса, до-

вольствуясь одними неубѣдительными лирическими мѣстами по этому поводу (см. № I. 56 и 57 стр.) На дѣлѣ онъ, повидимому, не считаетъ опаснымъ вести крестьянскихъ мальчиковъ по тому пути, на которомъ настоящая жизнь не можетъ оставить ихъ. Для насъ, во всякомъ случаѣ, это важный вопросъ, разрѣшающійся скорѣе отрицательно чѣмъ положительно. Кромѣ этого, свобода яснополянскихъ школьниковъ дѣлается понятною отъ отсутствія нѣкоторыхъ требованій неизбѣжныхъ въ болѣе-образованныхъ сословіяхъ. Можетъ-быть графъ Толстой не захочетъ признать законности такихъ ничтожныхъ педагогическихъ требованій, какъ выработка извѣстныхъ внѣшнихъ пріемовъ, такъ-называемыхъ приличныхъ манеръ. Мы не хотимъ понимать подъ этимъ словомъ граціозныя расшаркиванья и присѣданія, изобрѣтаемыя танцмейстерами, и вообще такъ-называемую манерность; мы разумѣемъ здѣсь ту степень скромности; вниманія къ другимъ, то отсутствіе рѣзкихъ, непріятно поражающихъ движеній и выраженій, которыя мы считаемъ чрезвычайно важными въ человѣкѣ, и которыя составляютъ отличительную черту дѣтей хорошей семьи. Замѣтно, что у дѣтей, предоставленныхъ самимъ себѣ, особенно въ большомъ обществѣ товарищей, неудержимо развиваются разныя ухорскія, дисграціозныя ухватки; они привыкаютъ къ самымъ пошлымъ, часто грязнымъ остротамъ и выходкамъ, которыя сильно способствуютъ внутренней распущенности души, ея нравственному огрубѣнію. Все это тѣмъ хуже, что является чѣмъ-то крайне-искусственнымъ. Какой-нибудь необработанный мальчуганъ, двумя годами старше другихъ, съ здоровыми кулаками и горланъ, пріобрѣтаетъ чаще всего авторитетъ среди товарищей; его насмѣшекъ боятся, его привычкамъ стараются подражать, а между тѣмъ все порядочное, менѣе жесткое и грубое, должно молчать или притворяться, то-есть идти за общественнымъ мнѣніемъ, руководимымъ горланами. Я это постоянно замѣчалъ, приглядываясь къ обширному кружку дѣтей; здѣсь особенно важно вмѣшательство большаго, руководительство вкусами дѣтей, поддержка скромныхъ достоинствъ, осаживаніе грубачей-коноводовъ. Конечно, тутъ одна дисциплина не поможетъ; но вѣдь графъ Толстой объявляетъ себя противъ вся-

какого, даже косвеннаго, вмѣшательства въ воспитаніе. Не знаю почему Яснополянская школа доставляетъ графу Толстому только одни утѣшительные факты самоуправленія дѣтей. Вполнѣ довѣряя уважаемому редактору *Ясной Поляны*, мы не можемъ однако откинуть прочь собственныя наши наблюденія и наблюденія близкихъ намъ людей, также смыслящихъ въ педагогіи, которые тоже не изъ одной обязанности занимаются своимъ дѣломъ и стараются по возможности распространить свободу преподаванія и свободу жизни самихъ воспитанниковъ. Мы всѣ стоимъ противъ искусственности и теоретичности воспитанія, всѣ очень любимъ дѣтей и желаемъ быть ихъ друзьями. Что только можно сдѣлать для свободы воспитанія, безъ видимой опасности самимъ дѣтямъ, мы съ радостію дѣлаемъ, потому что на этотъ путь склоняются всѣ наши личные вкусы и всѣ наши педагогическія убѣжденія. Но, руководясь такими взглядами, мы все-таки должны признаться, что не нашли возможности установить на дѣлѣ ту степень свободы, за которую стоитъ Яснополянская школа. Опытъ убѣдилъ насъ, что нельзя быть большимъ оптимистомъ во взглядахъ на дѣтей и на простой народъ; бѣдность человѣческой природы обнажается тотчасъ же; часто открываются неутѣшительныя и грубыя явленія, разныя искривленія стеблей и вредные наросты. Еще есть одно исключительное условіе Яснополянской школы, при которомъ дѣлается возможнымъ бо́льшая степень свободы учениковъ. Это стѣсненіе учителей въ ихъ пользу. Принимаются во вниманіе только вкусы и выгоды мальчиковъ; учители живущіе въ Ясной Полянѣ преданы имъ въ жертву добровольно или по необходимости. Понятно, что учитель, обязанный всецѣлымъ поглощеніемъ своихъ силъ на пользу Яснополянской школы, можетъ ждать пока дѣтямъ наскучитъ валяться кучей на полу, можетъ подчиняться ихъ капризному настроенію, то-есть прекращать свои занятія въ классѣ когда ему было бы, можетъ-быть, всего удобнѣе этимъ заниматься, и начинать ихъ снова тогда, когда толпа нагулявшихся дѣтей отрываетъ его отъ собственнаго дѣла. Въ другихъ заведеніяхъ сдѣлать этого нельзя, потому что тамъ учители имѣютъ свои отдѣльныя отъ школы потребности и не въ состояніи удовлетворить

ихъ ограниченнымъ вознагражденіемъ получаемымъ отъ училища. Всѣ они люди болѣе или менѣе образованные, болѣе или менѣе общественные, всякому дорога еще его личная жизнь, которую онъ не рѣшится закабалить за 600 руб. въ годъ. Слѣдовательно свободу учителей также необходимо принимать въ разчетъ, если не хотимъ превратить педагогическую свободу въ деспотизмъ противоположнаго рода. Графъ Толстой пишетъ, что только уроки священника распредѣлены правильно, потому что ему приходится пріѣзжать за двѣ версты, и такъ какъ у него много другихъ обязанностей. Вотъ и прекрасное объясненіе необходимости правильныхъ расписаній, а слѣдовательно и дисциплины въ каждой школѣ, основанной на взаимныхъ выгодахъ, а не на самоотверженіи. Абсолютной, метафизической нужды въ этомъ, разумѣется, нѣтъ; есть только практическая, житейская нужда, которая гораздо важнѣе всѣхъ абсолютныхъ, то-есть не существующихъ нуждъ. При томъ исключительномъ положеніи въ которомъ находится Яснополянская школа, она дѣйствительно можетъ превратиться въ своего рода *педагогическую лабораторію*, какъ выразился графъ Толстой (см. 20 стр.). Опыты могутъ производиться въ ней при самой благопріятной обстановкѣ, потому что она не стѣснена ничѣмъ, и жертвуетъ всѣмъ для своей цѣли. Такіе опыты вѣроятно доставятъ дорогія свѣдѣнія о свойствахъ педагогическаго матеріяла, различныхъ реакціяхъ на него, температурѣ его плавленія и замерзанія. Но обыкновенныя школы не могутъ быть только лабораторіями, ихъ цѣль тѣснѣе и ближе: онѣ фабрики, отъ нихъ требуется поставка извѣстныхъ продуктовъ къ извѣстному сроку. Хотя всякій порядочный фабрикантъ наблюдаетъ за свойствами матеріяла, который онъ обрабатываетъ, но все-таки его главная цѣль не изслѣдованіе свойствъ маргарина и олеина, а выливанье свѣчъ. Торопимый неотлагательнымъ запросомъ, онъ поневолѣ долженъ довольствоваться суммою химическихъ свѣдѣній, до него выработанныхъ, и дѣйствовать на ихъ основаніи. Результаты лабораторныхъ трудовъ онъ принимаетъ въ разчетъ на столько, на сколько они приложимы къ условіямъ его фабрики. Можетъ-быть педагогическія лабораторіи также необходимы, но вѣрно то, что школы необходимѣе, какъ бы рутинно

ни фабриковались въ нихъ педагогическіе продукты. Запросъ—вотъ вся разгадка ихъ неизбѣжности. Исторія Яснополянской школы сама доказываетъ, что школѣ невозможно долго удерживать характеръ чистаго эксперимента. Съ каждымъ шагомъ жизни своей, она невольно все болѣе и болѣе облекается въ обычныя школьныя формы, и каждая такая форма, порожденная необходимостію, есть вмѣстѣ радикальное отступленіе отъ педагогическихъ убѣжденій графа Толстаго. Мы помнимъ Яснополянскую школу, когда всѣ предметы преподаванія въ ней представляли крайнюю неопредѣленность, почти смѣсь. Теперь не аккуратно расписаны двѣнадцать предметовъ, между которыми даже черченіе отдѣлено отъ рисованія. Нѣмецкій учитель ввелъ мало-по-малу порядокъ и нѣкоторую дисциплину въ школѣ, часы священника утверждены незыблемо, баллы пріобрѣтаютъ огромное значеніе, сами мальчики высказываютъ потребность въ большемъ порядкѣ. Все это—отъ постепеннаго усиленія вліянія учителей и отъ невозможности продолжать иначе дѣло. Если теперь въ Яснополянскую школу проникли общіе пріемы педагогики, то посмотрѣли бы мы, до чего бы дошелъ педагогъ съ убѣжденіями графа Толстаго, очутившись въ условіяхъ другихъ школъ, напримѣръ въ условіяхъ Тульской гимназіи, которыя намъ ближе знакомы. Тутъ не 5 учителей на 30 мальчиковъ, тутъ въ каждомъ классѣ сидятъ по 50, 60 и даже 70 учениковъ; однихъ новопоступившихъ въ 1-й и 2-й классъ нынѣшній годъ было около 100 человѣкъ, всякій съ своими особенными привычками, вкусами и характерами, всѣ разной степени развитія и неравныхъ свѣдѣній. Какъ вы примѣните тутъ, въ тѣсной комнатѣ, гдѣ черной доски негдѣ поставить, и гдѣ сидятъ между тѣмъ шестьдесятъ человѣкъ съ своими тетрадями и книгами, какъ примѣните вы принципъ свободнаго движенія, разговора и пр.? Сами мѣстныя условія создаютъ дисциплину, а слѣдовательно и взысканія. Мы не разъ пробовали совсѣмъ развязывать ученикамъ руки и рѣдко наслаждались тѣми картинами радости и свободы, которыя такъ заманчиво нарисовалъ художникъ-педагогъ въ № I своего журнала. Ругня, толкотня, шалости за спиной, невозможность внимательно слушать и смотрѣть—вотъ что чаще всего является при анархическомъ устройствѣ класса; нѣсколько хорошихъ мальчиковъ слушаютъ старательно, до-

садуютъ на остальныхъ, другіе равнодушнѣе, третьи притворяются внимательными, а втайнѣ пользуются тѣснотой, увеличиваютъ давку, ложатся на спины товарищей, поднимаютъ смѣхъ и стараются превратить урокъ въ пошлую забаву. Всѣмъ не угодишь, многихъ ничѣмъ не заинтересуешь, да и возможности нѣтъ примѣниться одному въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ къ натурамъ шестидесяти мальчиковъ. Прибавьте сюда опредѣленныя требованія родителей, недостатокъ времени и силъ учителя, имѣющаго еще другія занятія, невозможность жить семейною жизнію съ многочисленною и разношерстною толпою, и выйдетъ какъ $2 \times 2 = 4$, что убѣжденія *Ясной Поляны* приведутъ въ Тульской гимназіи почти къ тому же порядку вещей, который въ ней теперь существуетъ. Это тѣмъ вѣрнѣе, что люди, дѣйствующіе въ упомянутой гимназіи, приступили къ дѣлу почти съ такими же точно взглядами, какъ и графъ Толстой. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Россіи были другія попытки водворить свободу воспитанія, и что всѣ онѣ на практикѣ оказались мало осуществимыми.

Мы высказали наконецъ все, что̀ имѣли сказать противъ *Ясной Поляны*. Главные пункты нашего разногласія состоятъ стало-быть въ слѣдующемъ:

1) Мы признаемъ *право* одного поколѣнія вмѣшиваться въ воспитаніе другаго. 2) Мы признаемъ *право* высшихъ классовъ вмѣшиваться въ народное образованіе. 3) Мы не согласны съ яснополянскимъ опредѣленіемъ образованія. 4) Думаемъ, что школы не могутъ и не должны быть изъяты изъ-подъ историческихъ условій. 5) Думаемъ, что современныя школы гораздо ближе отвѣчаютъ современнымъ потребностямъ чѣмъ средневѣковыя. 6) Считаемъ наше воспитаніе не вреднымъ, а полезнымъ. 7) Думаемъ, что полная свобода воспитанія, какъ ее понимаетъ графъ Толстой, вредна и невозможна. 8) Думаемъ наконецъ, что устройство Яснополянской школы противорѣчитъ педагогическимъ убѣжденіямъ редактора *Ясной Поляны*.

Со всѣмъ тѣмъ, новый журналъ является представителемъ лучшихъ стремленій новѣйшей педагогіи, стремленій выраженныхъ слишкомъ въ радикальной формѣ, но въ основѣ все-таки справедливыхъ. *Ясная Поляна* отрицаетъ свое родство съ современною педагогіей, видитъ между собой и ею непроходимую бездну. Мы другаго мнѣнія.

Мы даже ставимъ въ упрекъ *Ясной Полянѣ*, что она всѣ свои боевые снаряды метала въ отсталыя педагогическія учрежденія и пріемы, часто била давно-побитыхъ враговъ, забывая что лежачаго не бьютъ. *Ясная Поляна* страннымъ образомъ упускала изъ виду всѣ свободныя педагогическія попытки новаго времени, будто бы не признавая ихъ существованія. Итакъ мы совершенно согласны съ общимъ направленіемъ новаго журнала, которое, если очистить его отъ слишкомъ понятныхъ увлеченій, представитъ намъ слѣдующія отрадныя явленія: 1) *Стремленіе повести образованіе народа путемъ самостоятельнаго, органическаго развитія*, безъ вредныхъ вмѣшательствъ бюрократіи или регламентовъ; вслѣдствіе этого, въ противность мертвящему однообразію, всякой готовой теоріи, предоставленіе каждой школѣ права на ея собственныя оригинальныя формы жизни, какъ бы ни казались онѣ исключительны. 2) *Стремленіе къ гораздо большей свободѣ преподаванія и школьнаго устройства* чѣмъ было до сихъ поръ въ большинствѣ нашихъ школъ. 3) Совершенно *опытное направленіе* школы, то-есть стремленіе ввести въ педагогію истинный *натуральный методъ*. 4) *Уваженіе къ духовнымъ потребностямъ народа*, и съ этою цѣлью основательное *изученіе его характера и жизни*. Эти основныя правила, въ силу которыхъ выступила *Ясная Поляна* на поле педагогическихъ работъ, имѣютъ, по нашему мнѣнію, такое серіозное значеніе, что отъ ихъ бо́льшаго или меньшаго успѣха можетъ зависѣть рѣшеніе коренныхъ вопросовъ народнаго счастія. Мы рады отъ души, что борцомъ за свободу народнаго образованія выступилъ графъ Толстой. Онъ соединяетъ много дорогихъ условій, полезныхъ въ этомъ дѣлѣ. Труды его по народной педагогіи исполнены глубокой и страстной симпатіи къ предмету, которая дѣлается тѣмъ цѣннѣе для насъ, что подкрѣпляется рѣдкимъ педагогическимъ тактомъ, опытнымъ знаніемъ народа, необыкновенною свѣжестью и самостоятельностію мысли; наконецъ художественное чувство автора сообщаетъ живописный колоритъ не только всякой картинѣ, но и всякой мысли, имъ высказываемой. Его очерки вмѣстѣ и чрезвычайно полезные матеріалы, и прекрасныя художественныя импровизаціи. Они заставятъ полюбить школу и крестьянскихъ мальчиковъ, даже людей о нихъ не думающихъ. Сцена лѣсной прогулки и другая—

вечерняго урока—принадлежатъ къ числу высокихъ поэтическихъ разказовъ, а такихъ сценъ не одна въ двухъ первыхъ книжкахъ журнала, которыя мы имѣли въ виду, когда писалась эта статья. Читая ихъ, невольно поймешь какое вліяніе должно производить на дѣтей дружелюбное сообщество такой теплой и артистической натуры. *Ясная Поляна* имѣетъ еще одно чрезвычайно важное и рѣдкое достоинство: какъ бы ошибочны ни были мнѣнія графа Толстаго, они никогда не могутъ быть вредны, потому что неминуемо исправятся практикою школы. Въ нихъ такъ много широты, свободы, натуры, что всему будетъ мѣсто что̀ только окажется нужнымъ. Ничего изсушающаго, безобразящаго голову, перекраивающаго жизнь на нѣмецкій унылый модель, въ нихъ и слѣда нѣтъ. *Ясная Поляна* доказываетъ собою, что педагогія дѣйствительно можетъ быть живою наукой, и что школьный отчетъ въ устахъ талантливаго человѣка превращается изъ сухаго перечня въ прелестный психологическій и поэтическій разказъ. Когда сравнишь полныя жизни и правды статьи *Ясной Поляны* съ безхарактерными подражаніями какимъ-то чуждымъ намъ теоріямъ, наполняющими многіе наши педагогическіе журналы—какая разница! Какъ рѣзко всплываетъ на верхъ бездарность и бездушіе, въ какую бы схоластическую мантію они ни рядились, на какихъ бы фразахъ ни танцовали! Одушевленіе сообщается только искренностію любви; ея не выдумаешь. Таланта тоже не выдумаешь, а безъ него ничто не дастъ мѣткости и характера мыслямъ, точно также какъ многотомная энциклопедія Шмидта никогда не познакомитъ русскаго педагога съ крапивенскимъ мужикомъ. Пусть не подумаетъ читатель, что педагогическія мнѣнія графа Толстаго способны вызвать насъ только на то множество замѣчаній, которыя составили предметъ этой статьи. Еслибы мы имѣли цѣлью сдѣлать полную характеристику *Ясной Поляны*, мы бы нашли гораздо больше матеріяла для самыхъ искреннихъ похвалъ ей. Но мы считаемъ свое одобреніе безполезнымъ для капитальныхъ достоинствъ замѣчательнаго труда графа Толстаго, сильнаго своими внутренними средствами. Нашею цѣлью было только указаніе, по нашему крайнему разумѣнію, нѣкоторыхъ ошибокъ и увлеченій *Ясной Поляны*. *Ясную Поляну* мы ставимъ вообще очень высоко; мы считаемъ ее способ-

ною породить цѣлую плодотворную школу педагогической литературы.

Пока же пусть всякій, кто интересуется народомъ и образованіемъ, внимательно прочтетъ *Ясную Поляну*. Никто, мы увѣрены, не будетъ въ претензіи на нашу рекомендацію; кто не извлечетъ изъ этого чтенія полезныхъ психологическихъ и педагогическихъ выводовъ, тотъ получитъ по крайней мѣрѣ эстетическое наслажденіе. Мы же сами желаемъ, чтобы всѣмъ посчастливилось также какъ намъ—многому доброму научиться у *Ясной Поляны* и вмѣстѣ съ тѣмъ многимъ прекраснымъ насладиться въ ней. Мы привѣтствуемъ въ *Ясной Полянѣ* свѣжаго, полнаго силъ и любви бойца, которому дай Богъ, не уставая и не унывая, идти его свободнымъ жизненнымъ путемъ.

1862, 14 апрѣля.
Тула.

ЕВГЕНІЙ МАРКОВЪ.

ХУДОЖНИКЪ.

Нѣтъ, вѣрь мнѣ, не любовь, не страстныя мечты
Красою строгою во мнѣ рождаешь ты!
Нѣтъ, не горятъ во мнѣ нечистыя желанья,
Когда я погруженъ въ святое созерцанье,
Въ благоговѣніи, стою передъ тобой,
Весь пораженъ тобой, растерянный, нѣмой.
Какъ истый Скиѳъ, къ красѣ высокой не привычный,
Гляжу я съ трепетомъ на образъ твой античный,
И мнѣ не вѣрится, въ мечтахъ моихъ, что онъ
Слѣпой природою случайно порожденъ:
Ты все мнѣ чудишься божественной Діаной
Рукою Фидія разумно изваянной.

Б. АЛМАЗОВЪ.

1862 г.
7-го мая.

АНГЛІЙСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА

СТАТЬЯ ВТОРАЯ [1].

Англійское законодательство о печати. Постановленія объ открытіи и содержаніи типографій и объ изданіи печатныхъ произведеній.—Журналы; опредѣленія термина и правила изданія.—Право конфискаціи противозаконныхъ изданій. — Пасквили; опредѣленіе термина; преслѣдованіе и наказанія. — О правѣ отвѣтчика доказывать истину поносительныхъ словъ. — Роль присяжныхъ въ дѣлахъ по преступленіямъ, совершаемымъ путемъ печати.—Сравнительныя замѣтки о законодательствѣ по дѣламъ печати въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ и Франціи.

Законодательство о печати, взятое въ цѣломъ, обнимаетъ собою постановленія объ открытіи и содержаніи типографій и объ изданіи произведеній печати, затѣмъ о злоупотребленіяхъ печатнаго слова и, наконецъ, о правахъ литературной собственности. Постановленія о литературной и тѣмъ болѣе художественной или музыкальной собственности не касаются прямо занимающаго насъ здѣсь вопроса; въ настоящую статью войдутъ лишь постановленія о типографіяхъ и сходныхъ съ ними заведеніяхъ, о книгахъ, журналахъ и пр., и тѣсно связанныя съ ними постановленія о печатныхъ обидахъ и поношеніяхъ, о пас-

[1] См. *Русскій Вѣстникъ* № 3.

виляхъ. Связь между первыми и послѣдними постановленіями особенно тѣсна въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ печать пользуется свободой. Въ Англіи, общая и главная цѣль первыхъ постановленій—знаніе именъ издателей, чтобы въ случаѣ нужды имѣть всегда отвѣтчиковъ передъ гражданскимъ судомъ по иску обиженнаго, и передъ судомъ уголовнымъ за нарушеніе законовъ. Цѣль эту читатель прослѣдитъ во всѣхъ нижеслѣдующихъ предписаніяхъ закона.

Въ Англіи не требуется дозволенія правительства для того чтобы завести типографію, литографію и т. п. Каждый имѣетъ на то право, но только обязанъ объявить о своемъ намѣреніи, въ присутствіи одного свидѣтеля, полицейскому чиновнику своего округа, и получить отъ него свидѣтельство или удостовѣреніе (certificate) въ томъ, что онъ дѣйствительно заявилъ свое намѣреніе. Тому же правилу подчиняется каждый основывающій словолитню или заводящій фабрику станковъ. Каждый продающій литеры или печатные станки обязанъ вести подробный списокъ всѣмъ своимъ покупателямъ, и, по требованію мироваго судьи, представлять ему этотъ списокъ. Каждый печатающій что-либо обязанъ сохранять одинъ экземпляръ своего изданія, съ четкою и ясною надписью на немъ своего имени и мѣста нахожденія типографіи; экземпляръ этотъ хранится, для представленія въ случаѣ требованія мировому судьѣ, *въ продолженіи 6 мѣсяцевъ со дня напечатанія* (during six calendar months). За нарушеніе какого-либо изъ этихъ правилъ, виновные подвергаются денежному взысканію въ 20 ф. ст. (около 140 р. с.). Типографъ обязанъ означать, на первой и на послѣдней страницѣ (или на лицевой сторонѣ) своего изданія, четко (in legible characters) свое имя, мѣсто своего жительства или мѣсто нахожденія типографіи, подъ опасеніемъ быть подвергнутымъ, за нарушеніе этого, вмѣстѣ съ продающимъ или распространяющимъ такое его изданіе, денежному взысканію въ 5 ф. ст. за каждый экземпляръ. Правила эти касаются сочиненій вообще—книгъ, изображеній и пр., но не распространяются на правительственные акты, также на объявленія о продажахъ, карты съ именами, адресами и т. п. [1].

---

[1] Для пояснительнаго сравненія, не лишнимъ будетъ привести здѣсь нѣкоторыя важнѣйшія соотвѣтствующія постановленія нашего законодательства. Содержаніе типографій (*Св. Зак.* изд. 1857 г. Т XI.

Что до правилъ касающихся собственно *журналовъ*, то прежде чѣмъ говорить о нихъ, необходимо опредѣлить самый терминъ. Въ англійскихъ законахъ находятся три пополняющія одно другое опредѣленія *журнала* или *газеты Журналомъ*, или *газетою* (newspaper) называется: 1) „всякое изданіе заключающее въ себѣ публичныя новости, вѣдомости или изложенія происшествій, и печатающееся въ какой-либо части Соединеннаго Королевства для распространенія и обнародованія (to be dispersed and made public); 2) всякое изданіе, которое выходитъ въ сроки, не превышающіе 26 дней, и содержитъ въ себѣ исключительно или преимущественно одни объявленія; и 3) всякое изданіе, которое заключаетъ въ себѣ публичныя новости, вѣдомости или изложенія происшествій, или какія-либо замѣчанія и разсужденія о нихъ,— которое печатается въ Соединенномъ Королевствѣ для продажи и выходитъ періодически, книжками или листами, въ сроки не превышающіе 26 дней, и которое, при этомъ, состоитъ не болѣе какъ изъ двухъ листовъ (21 дюйма въ длину и 17 въ ширину) и стоитъ не болѣе 6 пенсовъ.“ Первыя два опредѣленія, какъ читатель видитъ, очень не полны, и еслибы не прибавили третьяго, то очень затруднительно было бы отличить журналъ отъ многихъ другихъ изданій [1].

Уст. Торг. ст. 295) принадлежитъ у насъ къ предметамъ свободной торговли, то-есть торговли безъ свидѣтельствъ. Для открытія необходимо дозволеніе начальства, которое только издалека, безъ сомнѣнія, можетъ быть сравнено съ „удостовѣреніями“, требуемыми въ Англіи. За открытіе типографіи, литографіи или другаго заведенія этого рода, безъ дозволенія правительства, и за печатаніе въ такой типографіи или литографіи хотя бы и дозволенныхъ книгъ, эстамповъ и т. п., виновные, у насъ, сверхъ закрытія заведеній ихъ, подвергаются, смотря по обстоятельствамъ, болѣе или менѣе увеличивающимъ или уменьшающимъ вину ихъ, или аресту на время отъ 3 недѣль до 3 мѣсяцевъ или денежному взысканію отъ 50 до 100 руб. (т. XV. Улож. о нак. угол. ст. 1773). За неозначеніе на издаваемыхъ книгахъ имени содержателя типографіи виновные подвергаются денежному взысканію отъ 50 до 100 руб.; за неозначеніе года печатанія книги, мѣста гдѣ она напечатана (и дозволенія цензора по установленной формѣ), съ виновныхъ взыскивается 10 руб. (тамъ же, ст. 1367). Книгопродавцы, содержатели публичныхъ для чтенія библіотекъ и магазиновъ для торга разными произведеніями искусствъ и словесности, за продажу и выпускъ недозволенныхъ сочиненій, подвергаются денежному взысканію въ первый разъ—50 руб., во второй—100, а въ третій 200 руб.; произведенія конфискуются (тамъ же, ст. 1369).

[1] На митингѣ, собранномъ 4-го февраля этого года членами и друзь-

Право свободнаго изданія журнала принадлежитъ въ Англіи какъ англійскимъ подданнымъ, такъ и иностранцамъ. Каждый, безъ дозволенія правительства, имѣетъ право, по исполненіи предписанныхъ формальностей, издавать какой угодно журналъ. Формальности заключаются, вопервыхъ, въ *подпискѣ* (Recognizance), и вовторыхъ, въ *объявленіи* (Declaration). Подъ опасеніемъ денежнаго взысканія въ 20 ф. ст., каждый желающій печатать или издавать *журналъ политическій* (то-есть „содержащій въ себѣ публичныя новости и разсужденія о церкви и государствѣ“), или политическую *брошюру* (сочиненіе не превосходящее двухъ листовъ и стóящее менѣе 6 пенсовъ), долженъ дать „подписку“ въ томъ, что онъ заплатитъ, въ случаѣ напечатанія чего-либо пасквильнаго, сумму, къ уплатѣ которой будетъ приговоренъ; при этомъ издатель журнала оставляетъ въ обезпеченіе въ Лондонѣ и ближайшихъ окрестностяхъ—400 ф. ст., въ провинціи—300 ф. ст. Подъ опасеніемъ денежнаго взысканія въ 50 ф. ст., каждый желающій печатать или издавать какой бы то ни было журналъ обязанъ представить въ департаментъ внутреннихъ сборовъ (Board of Inland Revenue) *письменное объявленіе*, заключающее въ себѣ правильное заглавіе изданія, подробное обозначеніе мѣста, въ которомъ оно печатается и издается (published), и полное имя и мѣсто жительства типографа, издателя и собственниковъ; это *объявленіе* должно быть подписано типографомъ, издателемъ и тѣми изъ собственниковъ, которые живутъ въ Англіи; оно должно возобновляться каждый разъ, когда произойдутъ какія-нибудь перемѣны. Копіи съ этихъ *объявленій*, засвидѣтельствованныя въ вѣрности съ подлиннымъ, имѣютъ ходъ во всѣхъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ. Департаментъ внутреннихъ сборовъ (Board of Inland Revenue) вноситъ въ особую книгу (Register) заглавіе каждаго журнала съ именами типографовъ и издателей, какъ показано въ *объявленіяхъ*; и эта книга выставляется для

ями *ассоціаціи для отмѣны налоговъ на образованіе*, въ честь Мильнера Гибсона, послѣдній, благодаря за подарки поднесенные ему въ знакъ признательности за его важныя услуги въ двѣнадцатилѣтнее предсѣдательство въ *ассоціаціи*, — упомянулъ объ этой неполнотѣ, вслѣдствіе которой, „со дней королевы Анны, правительство не могло опредѣлить точно что̀ такое *журналъ*“; къ счастію, прибавилъ Гибсонъ, эта неопредѣленность способствовала много отмѣнѣ журнальныхъ пошлинъ.

всеобщихъ безвозмездныхъ (without fee or reward) справокъ. Для права пересылки журнала за границу требуется особенная ежегодная „регистровка“, въ главномъ почтамтѣ, при которой взимается 5 шилл.

Типографъ или издатель журнала, кромѣ того, обязанъ представлять въ департаментъ, тотчасъ по выходѣ нумера, *одинъ* экземпляръ изданія (конечно не даромъ, а за обыкновенную цѣну) съ именемъ и мѣстомъ жительства типографа или издателя, *написаннымъ ихъ собственною рукою или рукою довѣренныхъ*. Экземпляръ этотъ хранится въ департаментѣ *два года*, *представленія, въ случаѣ требованія, въ судѣ*; по истеченіи для же двухъ лѣтъ, онъ отсылается въ Британскій Музеумъ [1]. Имя, фамилія (the christian name and surname) и мѣсто жительства типографа и издателя, равно какъ мѣсто печатанія и изданія, день, мѣсяцъ и годъ появленія, должны быть напечатаны въ концѣ *всякаго нумера* и *всякаго прибавленія*, подъ опасеніемъ денежнаго взысканія въ 20 ф. ст. Дѣла по денежнымъ взысканіямъ производятся отъ имени генералъ-атторнея, генералъ-адвоката или адвоката департамента внутреннихъ сборовъ.

Завершеніемъ постановленій о типографіяхъ и изданіи журналовъ и произведеній печати вообще, служитъ важный законъ, по которому мировой судья, подозрѣвающій кого-либо, на основаніи показанія подъ присягой, въ содержаніи типографіи безъ *удостовѣренія*, или не въ томъ мѣстѣ, которое означено имъ, имѣетъ право приказать полицейскому чиновнику, *предписаніемъ* за собственною подписью и печатью, *войдти въ домъ*, въ дневное время (in the day time), и *конфисковать* всѣ типографскіе станки, вмѣстѣ съ литерами и другими матеріялами, равно какъ и всю отпечатанную уже бумагу.

---

[1] У насъ (см. т. XIV Уст. Ценз. ст. 79), кромѣ *безвозмездно* представляемыхъ всегда *семи* экземпляровъ (2 для цензурнаго комитета и 5 для различныхъ библіотекъ) требуется еще, и также *безвозмездно*, по экземпляру всѣхъ газетъ, журналовъ и альманаховъ для III отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи, по экземпляру сочиненій, касающихся законовѣдѣнія,—для II отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи, по экземпляру сочиненій, касающихся военной топографіи, путешествій, статистики, археологіи, исторіи, химіи, физики и т. д., то-есть всего за исключеніемъ чисто-литературныхъ произведеній, какъ-то, стихотвореній, повѣстей и романовъ,—для генеральнаго штаба, а прежде требовался еще экземпляръ нѣкоторыхъ книгъ для военно-цензурнаго комитета.

Чтобы перейдти теперь къ законамъ о *пасквиляхъ*, мы опредѣлимъ прежде самый терминъ. По опредѣленію Стивена, „всякое поношеніе, стремящееся унизить человѣка во мнѣніи другихъ, или выставить его на смѣхъ, письменное, рисованное, эмблематическое или тому подобное, есть *пасквиль* (libel) [1].“

Подъ словомъ *пасквиль* подразумѣвается также богохульство, измѣна и оскорбленіе добрыхъ нравовъ, совершаемыя письменно. Какъ поношеніе *письменное* (written diffamation), пасквиль важнѣе поношенія *словеснаго* (spoken).

Для совершенія „пасквильнаго“ преступленія, необходима публикація, обнародованіе, то-есть сообщеніе пасквиля поносимому или же постороннему лицу. Поношеніе, безъ публикаціи, не подлежитъ наказанію по англійскимъ законамъ. Если будетъ найденъ *рукописный* пасквиль, то лицо писавшее его обязано доказать, что оно не назначало его къ распространенію; но если будетъ найденъ *печатный* пасквиль, то самая печать служитъ уже доказательствомъ публикаціи, такъ какъ лица печатавшія, наборщикъ и другіе, должны были прочесть его. Доказательствомъ публикаціи служитъ также сломанная печать поносительнаго письма. Точный отчетъ о судебныхъ засѣданіяхъ не считается пасквилемъ точно также какъ прошеніе,—каковы бы ни были выраженія его,—представленное парламенту или комитету какой-либо палаты. Но если прошеніе было сообщено кому-нибудь, не принадлежащему къ членамъ парламента, то оно, въ случаѣ оскорбительныхъ или ругательныхъ о комъ-либо словъ, считается пасквилемъ.

Дѣла о пасквиляхъ подлежатъ или гражданскому суду, для удовлетворенія обиженнаго за понесенный имъ ущербъ,

---

[1] Stephen *New Comment.* т. III, стр. 467. Почти такое же опредѣленіе пасквиля даетъ Warton въ своемъ *Law Diction.* стр. 432. По опредѣленію Гаукинса (*Polit. Dictionn.* т. II, стр. 253), „*пасквилемъ* называется злостное поношеніе, выраженное письмомъ, рисункомъ и т. п., стремящееся очернить или память умершаго, или доброе имя живущаго, и подвергающее его общественной ненависти, презрѣнію или осмѣянію“. Понятіе выражаемое *пасквилемъ* въ Англіи, выражается у насъ до нѣкоторой степени какъ словомъ „клевета“, такъ и словами „ругательное или оскорбительное для чести кого-либо сочиненіе или изображеніе, а также „обида словесная или *письменная*“ (въ отличіе отъ такъ-называемой „обиды дѣломъ“).

или суду уголовному, за нарушеніе порядка [1]. Вмѣстѣ съ сочинителями пасквилей подлежатъ преслѣдованію лица печатавшія и лица распространявшія ихъ. По закону, изданному при Георгѣ III, типографу или издателю пасквильнаго сочиненія, въ случаѣ нужды или требованія оскорбленнаго, можетъ быть дано изъ суда „предписаніе объ открытіи имени автора“ (a bill of discovery); точно такое же „предписаніе“ можетъ быть дано лицу, на которое падаетъ подозрѣніе въ составленіи пасквиля, и это судебное предписаніе обязываетъ его показать подъ присягой, онъ ли авторъ названнаго пасквиля.

Наказаніе за составленіе, изданіе и распространеніе пасквилей заключается въ денежныхъ взысканіяхъ и заключеніи. Каждый сочинившій, печатающій, издающій и распространяющій пасквиль, или способствующій этому, или угрожающій кому-либо напечатаніемъ, съ цѣлію исторгнуть отъ другихъ деньги или цѣнную вещь, или съ цѣлію получить какое-либо выгодное или сопряженное съ довѣренностію мѣсто,—подвергается заключенію, съ тяжкою работой или безъ оной (with or without hard labour), на время не превышающее трехъ лѣтъ. Издавшіе клеветной пасквиль, *зная, что онъ лживъ*, но безъ упомянутыхъ выше умысловъ, подвергаются *двухлѣтнему* заключенію и денежному взысканію по назначенію суда. Издавшіе пасквиль, не зная лживъ ли онъ, и не имѣя другихъ злыхъ умысловъ, подвергаются заключенію, не превышающему *одного* года, или денежному взысканію по *назначенію* суда [2]. Тутъ, какъ и въ случаѣ противозаконнаго содержанія типографіи или изданія печатныхъ произведеній, книгъ, журналовъ и проч., англійскій законъ даетъ право судебному мѣсту или лицу, на основаніи приговора, или просто за неявку къ суду обвиняемаго, приказать *конфисковать* экземпляры пасквиля у обвиняемаго или у другаго, названнаго въ предписаніи, лица; точно также въ случаѣ если на кого-либо падаетъ основательное подозрѣ-

---

[1] У насъ, по личнымъ обидамъ или оскорбленіямъ, *искъ* можетъ быть также или *уголовный* о наказаніи виновнаго, или же *гражданскій* о взысканіи безчестія (т. XV Зак. Суд. Уст. ст 42).

[2] Не привожу здѣсь наказаній за пасквили возмутительные, предательскіе или измѣнническіе, и пр., которые обусловливаются множествомъ сложныхъ, не касающихся нашего предмета, обстоятельствъ.

ніе въ храненіи у себя пасквиля, мировой судья, имѣетъ право подвергнуть *обыску* жилище такого лица, и, если впускъ будетъ безосновательно отсрочиваемъ. или въ немъ будетъ вовсе отказано,—войдти въ домъ, въ дневное время, *силой* [1].

Въ дѣлахъ о поношеніяхъ необыкновенную важность имѣетъ право отвѣтчика доказывать истину своихъ словъ. По англійскимъ законамъ, въ искѣ гражданскомъ о взысканіи безчестія, отвѣтчикъ всегда имѣлъ право доказывать справедливость этихъ словъ; въ дѣлахъ же уголовныхъ онъ прежде лишался этого права, на томъ основаніи, что пасквиль, лживъ ли, справедливъ ли онъ, всегда заключаетъ въ себѣ нарушеніе порядка. Изданный въ 1845 году *Актъ для улучшенія закона относительно оскорбительныхъ словъ и пасквилей* (Act to amend the law respecting diffamatory words and libel) значительно измѣнилъ послѣднее правило. „Для лучшаго охраненія добраго имени

---

[1] По нашимъ законамъ, кто дозволитъ себѣ клевету въ *печатномъ* или другомъ видѣ, и станетъ распространять ее, или способствовать ея распространенію, тотъ подвергается заключенію въ тюрьмѣ на время отъ трехъ мѣсяцевъ до одного года, и при этомъ обязанъ на основаніи правилъ въ ст. 62 Улож. о нак. постановленныхъ, испросить у оскорбленнаго имъ прощеніе (по ст. 62, въ присутствіи суда или свидѣтелей, по формѣ и въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, которыя для сего предписываются); а буде обиженный пожелаетъ, то и заплатить ему опредѣленное въ Зак. гражд. и въ постановл. о благ. въ казенн. сел., безчестіе. (Т. XV Улож. о нак., ст. 2095). За составленіе и распространеніе какимъ бы то ни было образомъ, *хотя и не заключающихъ въ себѣ прямой клеветы*, но *ругательныхъ*, или же по чему-либо иному, *явно оскорбительныхъ для чести* какого-либо частнаго лица *сочиненій* или *изображеній*, виновные, смотря по роду оскорбленій или ругательствъ, по степени участія въ составленіи и распространеніи сочиненій или изображеній и другимъ обстоятельствамъ, приговариваются къ аресту на время отъ трехъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ, или къ заключенію въ тюрьмѣ на время отъ трехъ до шести мѣсяцевъ; при этомъ обязаны испросить у оскорбленнаго прощеніе, а буде тотъ пожелаетъ, заплатить опредѣленное безчестіе (ст. 2098). Что касается до *домоваго обыска*, то по общимъ законамъ ст. 93 т. XV Зак. суд. угол.), во всякомъ случаѣ когда мѣстное начальство будетъ имѣть въ виду основательное подозрѣніе или получитъ доказательство, что въ чьемъ-либо домѣ скрывается *поличное*, оно должно отрядить, для обыска и выемки къ означенному дому, надежнаго чиновника съ надлежащею командой. Выемщикъ (по ст. 94), прибывъ къ мѣсту и войдя, по установленнымъ правиламъ въ домъ, обязанъ обыскать оный, съ правомъ отмыкать запертое, когда домъ пустой, или хозяинъ не учинитъ того добровольно, и, нашедъ поличное, представить какъ оное, такъ и ополиченнаго въ судъ.

частныхъ лицъ, для бо́льшаго обезпеченія свободы печати и для болѣе успѣшнаго пресѣченія злоупотребленій ея," было постановлено, что отвѣтчикъ, въ уголовныхъ дѣлахъ по пасквилямъ, можетъ, въ свою „защиту", доказывать справедливость своихъ обвиненій, равно какъ необходимость ихъ публикаціи для общественной пользы, и что судъ, въ случаѣ осужденія, при назначеніи наказанія, обязанъ принимать въ соображеніе бо́льшую или меньшую справедливость этихъ обстоятельствъ. Тотъ же самый *актъ* сдѣлалъ еще нѣсколько другихъ важныхъ измѣненій въ прежнихъ постановленіяхъ о правѣ защиты отвѣтчика передъ судомъ. Такъ, прежде, издатели журнала отвѣчали безусловно (absolutly and without qualification) за все пасквильное, появлявшееся въ ихъ изданіи. Теперь, обвиняемый издатель можетъ, въ свою защиту, доказывать, что пасквиль былъ напечатанъ не вслѣдствіе злобы или нерадѣнія, или не по его приказанію, и что онъ предлагалъ (или соглашался) напечатать въ ближайшемъ нумерѣ своего, или другаго, по желанію обиженнаго, изданія, приличное извиненіе. Что́ до различныхъ издержекъ, то онѣ взыскиваются, какъ обыкновенно, съ виновныхъ или потерявшихъ дѣло [1].

Я долженъ сказать теперь о присяжныхъ, которые въ дѣлахъ о преступленіяхъ, совершаемыхъ путемъ печати, имѣютъ особенно значительную роль. По англійскимъ законамъ, судья обязанъ только дать присяжнымъ юридическое опредѣленіе пасквиля, и затѣмъ предоставить имъ самимъ рѣшить, подходитъ ли обвиняемое изданіе подъ опредѣленіе, или нѣтъ. Вопросъ о томъ, обязаны ли присяжные рѣшать лишь вопросъ о

---

[1] По нашимъ законамъ, въ дѣлахъ гражданскихъ, истецъ доказываетъ свой искъ, *а отвѣтчикъ оправдываетъ себя основательными доказательствами* (т. X зак. суд. гражд., ст. 294, 312 и 313); въ дѣлахъ уголовныхъ и слѣдственныхъ (ст. 144, 286 и 666) какъ слѣдователи, такъ и судъ, *не должны отрекаться отъ разсмотрѣнія показаній обвиняемаго*, что́, безъ сомнѣнія, при нашемъ печатномъ порядкѣ, не можетъ имѣть того значенія, какое имѣетъ въ другихъ странахъ право отвѣтчика доказывать въ уголовныхъ дѣлахъ истину поносительныхъ словъ. Признаніе клеветы (по ст. 141, т. XV Улож. о нак.) при слѣдствіи и судѣ, служитъ обстоятельствомъ, увеличивающимъ вину и наказаніе. Всѣ дѣла о клеветѣ и распространеніи ругательныхъ или оскорбительныхъ для чести другаго, *сочиненій, изображеній* или слуховъ, начинаются не иначе какъ по жалобамъ оскорбленныхъ (т. XV Улож. о нак., ст. 2102, и т. XIV Уст. пред. прест., ст. 496).

самомъ фактѣ публикаціи, или же, вмѣстѣ съ этимъ, о „пасквильности“ или виновности изданія, служилъ долго предметомъ недоразумѣній. Прежде послѣднее рѣшали судьи, предоставляя присяжнымъ одинъ вопросъ о дѣйствительности факта публикаціи, обстоятельство тѣмъ болѣе неудобное, что съ подчиненіемъ печати по отмѣнѣ въ 1695 году цензуры и правиламъ англійскаго обычнаго права (*common law*), власть судей въ дѣлѣ назначенія наказаній стала очень широка. Въ 1792 году, въ министерство Фокса, актомъ парламента было постановлено, что присяжные даютъ приговоръ какъ о самомъ фактѣ публикаціи, такъ и о виновности обвиняемаго изданія. Этимъ узаконеніемъ дѣло значительно измѣнилось, и существенная часть судебнаго рѣшенія перешла въ руки присяжныхъ; вслѣдствіе того все разбирательство о пасквиляхъ получило болѣе подвижный характеръ, удобнѣе чѣмъ прежде примѣняющійся къ общественному мнѣнію о томъ что̀ должно считаться предосудительнымъ, и что̀ можетъ быть допущено въ интересѣ гласности и общей пользы. Вообще дѣла о пасквиляхъ стали съ тѣхъ поръ все рѣже и рѣже. Не рѣдко бываетъ также, что судьи пользуются предоставленною имъ свободой въ назначеніи цифры штрафа для облегченія добросовѣстныхъ подсудимыхъ. Иногда присяжные постановятъ приговоръ о виновности подсудимаго, и судья назначаетъ номинальный штрафъ въ 1 шилл. На практикѣ строго соблюдается лишь то правило, чтобы всякому предоставлена была возможность опровергнуть взведенное на него обвиненіе. Но желаніе преслѣдовать обвинителя, не отражая обвиненія, не встрѣчаетъ сочувствія ни въ общественномъ мнѣніи, ни въ присяжныхъ, ни въ судьяхъ. Что же касается политическихъ сужденій, то тутъ на практикѣ господствуетъ полная свобода, и давно уже не было примѣра судебныхъ преслѣдованій, хотя эти преслѣдованія и допускаются закономъ.

Англичане много говорили о сбивчивости, неопредѣленности и притѣснительности англійскихъ законовъ о печати. Признавая строгость нѣкоторыхъ, оставшихся отъ прошедшаго столѣтія постановленій, нельзя не замѣтить однакоже, что англійскіе законы о печати, разсматриваемые въ цѣломъ, отличаются и даже всегда отличались замѣчательною юридическою логикой. Такъ прямая цѣль всякаго уголовнаго

законодательства, заключающаяся въ „предостереженіи„ и „пресѣченіи“ (которыми выражается вся теорія и вся практика свободы печати), никогда не выпускалась изъ виду, никогда не искажалась другими цѣлями, и никогда „предупрежденіе“ не смѣшивалось съ „пресѣченіемъ,“ на томъ лишь основаніи, что результаты ихъ сходны. Въ концѣ прошедшаго столѣтія, въ эпоху притѣснительныхъ постановленій о печати, не было ни одного собственно „предупредительнаго“; ни разу, послѣ уничтоженія цензуры, „предварительное“ одобреніе книгъ не было возстанавливаемо ни въ какой формѣ, ни разу „предварительное“ дозволеніе на открытіе заведеній или изданіе журналовъ не было требуемо отъ типографовъ, такъ что *печать* всегда оставалась, въ сущности, *свободною*. Когда приходилось выбирать между временнымъ прекращеніемъ (suspension) закона *Habeas corpus* и временнымъ прекращеніемъ *свободы печати*, выборъ падалъ на первое, то-есть на мѣру, требовавшую жертвы *личной свободы*, но при которой оставалась *свобода печати*, для заявленія злоупотребленій, могущихъ произойдти отъ стѣсненія личной свободы.

Что до притѣснительности законовъ, то неопредѣленность или обширность термина „пасквиль,“ подъ который подходятъ всѣ „богохульныя, измѣнническія, возмутительныя, оскорбляющія добрые нравы сочиненія или изображенія,“ могла бы быть притѣснительною, еслибы въ Англіи не было такъ много гарантій гражданской свободы. Притѣснительное постановленіе, по которому отъ типографа или издателя можно потребовать чтобъ онъ объявилъ имя автора пасквиля и даже указалъ мѣсто его жительства, а въ противномъ случаѣ принялъ на себя всю отвѣтственность, это постановленіе сохранилось со времени Георга III; но обычай, въ большей части случаевъ, помимо законодательства, упраздняетъ его, какъ упраздняетъ много другихъ устарѣвшихъ постановленій, которые съ теченіемъ времени сдѣлались ненужными и уже не соотвѣтствуютъ измѣнившемуся общественному мнѣнію [1]. Порицатели Англіи не рѣдко упоминаютъ о какомъ-то будто бы существующемъ

[1] Къ числу подобныхъ постановленій относится „запрещеніе“ журналамъ публиковать парламентскія пренія, которое, не будучи вычеркнуто изъ законовъ, уже болѣе 100 лѣтъ какъ упразднено обычаемъ.

въ англійскихъ законахъ особенномъ постановленіи, о *scandalum magnatum* (объ оскорбленіи высокихъ особъ). Мы не могли найдти ничего подобнаго, по находящимся въ нашихъ рукахъ источникамъ, между существующими постановленіями; въ исторіи же англійскихъ законовъ было нѣсколько постановленій, извѣстныхъ подъ именемъ статутовъ *de scandalis magnatum*, но эти статуты относятся къ отдаленному времени Эдуарда III (они изданы по случаю сильнаго распространенія клеветы, не разъ подвергавшей опасности жизнь оклеветанныхъ особъ). „Преступленія по пасквилямъ, говоритъ Стивенъ по поводу мнѣнія о чрезмѣрной строгости англійскихъ зазоновъ, наказывались по римскимъ законамъ, въ нѣкоторыя эпохи, крайне строго. Законъ *Двѣнадцати таблицъ* причислилъ поношенія, оскорбительныя для чести другаго, къ уголовнымъ преступленіямъ; еще не задолго до Августа, наказанія за нихъ назначались тѣлесныя. Въ царствованіе императора Валентиніана, пасквили были опять причислены къ преступленіямъ уголовнымъ, и не только за составленіе, но за распространеніе и даже за неуничтоженіе ихъ, виновные подвергались уголовнымъ наказаніямъ. Наши законы въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, соотвѣтствуютъ скорѣе среднему періоду римскаго законодательства, когда свобода, наука и гуманность находились въ полномъ развитіи; они отличаются умѣренностію, вполнѣ достаточною для защиты ихъ отъ упрека въ нарушеніи (infringing) свободы печати“ [1]. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что свобода печати ограничена исключительно въ видахъ огражденія личности, и что важнѣйшею гарантіей и лучшею защитой несправедливо преслѣдуемыхъ служитъ *англійскій судъ присяжныхъ*, которому принадлежитъ рѣшеніе большей части дѣлъ о печати.

Дѣла по преступленіямъ печати принадлежатъ къ числу тѣхъ, въ которыхъ судъ присяжныхъ, не только важенъ, но необходимъ и незамѣнимъ. Чтобы судить о невинности или виновности сочиненія необходимо нѣкоторое *произвольное*, или по крайней мѣрѣ, *свое собственное* толкованіе. Слова важны лишь по содержащемуся въ нихъ смыслу. Скрытый смыслъ фразы можетъ составить преступленіе. Толкованіе требуемое при этомъ тогда лишь чуждо произвола

[1] Stephen's *New Comment.* T. IV, стр. 326.

а потому пристрастія и деспотизма, когда оно принадлежитъ представителямъ общественнаго мнѣнія, *присяжнымъ*. Сопряженная со всякимъ рѣшеніемъ, основаннымъ на собственномъ толкованіи, неопредѣленность, неограниченность власти не совмѣстна съ значеніемъ и долгомъ судьи. Судья есть нелицепріятный, безпристрастный, точный исполнитель закона, примѣнять который онъ долженъ буквально, не допуская толкованій; а объясняя скрытый и тайный смыслъ книги, онъ невольно дѣлаетъ предположенія и нарушаетъ тѣмъ основное правило своей обязанности. Присяжные не связаны формами и условіями, которымъ подчиняется судья; представители общественнаго мнѣнія, они рѣшаютъ вопросъ по общему здравому смыслу, по совѣсти, а потому и все что̀ касается совѣсти, намѣренія, нравственнаго значенія, должно быть предоставлено имъ. Принадлежащее присяжнымъ право̀ рѣшать фактъ и *напряженіе* поступка, получаетъ особенную важность въ дѣлахъ по печати; въ Англіи, какъ читатель видѣлъ выше, имъ предоставлено право подтверждать не только самый фактъ публикаціи, но и виновность изданія. Въ этомъ залогъ справедливой оцѣнки обвиняемаго сочиненія, сужденія „полнаго“, то-есть невозможности приговора за нѣсколько „отдѣльныхъ“, указанныхъ правительствомъ, отрывковъ или фразъ, на основаніи которыхъ, какъ справедливо замѣтилъ лордъ Эрскинъ въ прошедшемъ столѣтіи, можно бы легко приговорить издателя Библіи къ наказанію за распространеніе атеизма. Еще другое важное обстоятельство требуетъ, чтобы преступленія печати были предоставлены суду присяжныхъ. Различіе этихъ преступленій отъ другихъ заключается, между прочимъ, въ томъ, что бо́льшая часть ихъ затрогиваетъ честь или, по крайней мѣрѣ, самолюбіе правительства; когда дѣло касается воровства или убійства, правительство нисколько не стѣсняетъ признаніе невинности обвиняемыхъ; когда же дѣло касается сочиненій, правительство (если оно указало его суду) какъ бы осуждаетъ извѣстныя убѣжденія, и признаніе невинности ихъ автора является торжествомъ мнѣнія частнаго лица надъ мнѣніемъ власти. Судья, принадлежа къ правительству и невольно завися отъ него, едва ли можетъ рѣшать всегда такія дѣла совершенно безпристрастно и, какъ мы видимъ во Франціи

рѣдко оправдываетъ обвиняемаго. То же самое, какъ извѣстно читателямъ, было и въ Англіи во времена послѣднихъ Георговъ, несмотря на то, что англійскій судья, получающій *значительное* содержаніе и чуждый стремленій къ повышеніямъ и искательства высшихъ государственныхъ должностей, ибо эти должности не вручаются людямъ его среды, а членамъ адвокатуры или палатъ,—англійскій судья, по отношенію къ исполнительной власти, независимѣе судей всѣхъ другихъ странъ. При подобныхъ обстоятельствахъ, или правительство не должно имѣть права обвинять, или суды не всегда будутъ имѣть право оправдывать; первое вызываетъ анархію, второе уничтожаетъ свободу. Судъ присяжныхъ стоитъ по срединѣ: въ интересѣ присяжныхъ, какъ собственниковъ, друзей порядка, чтобъ общественное спокойствіе не было нарушаемо; въ интересѣ же ихъ, какъ частныхъ людей, которыхъ ожидаетъ, можетъ-быть, сходное съ обвиняемымъ положеніе, чтобы никто не подвергался безвинно наказанію [1].

Централизаторы и разноименные фанатики порядка, могутъ возразить здѣсь, что не слѣдуетъ подвергать власть неудачамъ и промахамъ, что мы забываемъ великое *primo vivere* государства. Мы не затруднимся отвѣтомъ. Чѣмъ менѣе стѣснительныхъ преградъ противопоставляется свободѣ печати, чѣмъ независимѣе и разнообразнѣе могутъ быть высказываемыя сужденія и убѣжденія, тѣмъ добро производимое свободною печатью выкупаетъ производимое ею зло, каковъ бы ни былъ правительственный порядокъ и каково бы ни было развитіе общества. Даже при представительномъ правительствѣ, которое, по старому удачному

---

[1] Въ замѣчательной статьѣ *La magistrature et le jury en France*, напечатанной въ *Revue d. d. Mondes* 15 февраля этого года, *Беркье*, говоря о великой роли присяжныхъ въ англійскомъ судопроизводствѣ вообще и въ дѣлахъ печати въ особенности, указываетъ на необыкновенную законность и справедливость, съ которыми составляются въ Англіи списки кандидатовъ и выбираются присяжные, между тѣмъ какъ во Франціи, по закону 1853 года, составленіе такихъ списковъ предоставлено мерамъ, чиновникамъ называемымъ мировыми судьями, подпрефектамъ и префектамъ, то-есть чиновникамъ непосредственно зависящимъ отъ исполнительной власти. Авторъ, говоря о значеніи рѣшенія присяжныхъ, не придаетъ, между прочимъ, особой важности затруднительности для судьи рѣшать вопросъ о внутреннемъ смыслѣ сочиненій, съ чѣмъ, какъ видно изъ сказаннаго нами выше, нельзя согласиться.

выраженію, должно быть правленіемъ общественнаго мнѣнія, только посредствомъ свободной печати можетъ общество помогать правительству указаніями и совѣтами, и, главное, только посредствомъ свободной печати можетъ поддерживаться взаимное пониманіе и сочувствіе между правящими и управляемыми. Тамъ же гдѣ нѣтъ представителей и представляемыхъ, гдѣ нѣтъ возможности требовать отчета, гдѣ нѣтъ пока необходимости давать объясненія и пр., лишь предоставленіе печати возможно полной свободы можетъ многому пособить и выкупить многое.

Читатель позволитъ мнѣ сказать теперь нѣсколько словъ о законахъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и Франціи. Для сравнительнаго поясненія, это будетъ не безполезно здѣсь. Постановленія объ открытіи типографій, литографій, словолитень и т. п., объ изданіи книгъ и журналовъ, въ Америкѣ, очень мало отличаются отъ англійскихъ постановленій по тѣмъ же предметамъ; наказаніе, то-есть сроки заключеній и количество денежныхъ взысканій, немного ограниченнѣе. Что до *пасквилей*, то по словамъ Кента, знаменитаго комментатора американскихъ законовъ, ученіе англійскаго обычнаго права (общаго закона) о пасквиляхъ господствуетъ и въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ (english *common law doctrine* of libel is the *common law doctrine in this country*) [1]. „Охраненіе добраго имени гражданъ отъ поношеній, составляетъ часть права личной безопасности, говоритъ Кентъ. Законы древнихъ, равно какъ и законы новыхъ народовъ, принимали всегда подъ свое покровительство доброе имя частныхъ лицъ.“ Объяснивъ значеніе поносительныхъ словъ и *пасквиля* у Римлянъ, Кентъ опредѣляетъ пасквиль, какъ зло-

[1] *Commentaries on American Law*, by James Kent. Boston, 1858. (9 изд.) Т. I, стр. 626. Въ первомъ письмѣ дано было объясненіе термина *Common law*. Для полноты приводимъ здѣсь опредѣленіе *Кента*. *The common law* (общее, или бытовое право), есть совокупность принциповъ, обычаевъ и правилъ касающихся управленія и личной и имущественной безопасности, и не основывающихся на точномъ и положительномъ законодательномъ постановленіи. По замѣчанію знаменитаго англійскаго судьи (лорда Уэльмота) *статуты*—это письменная воля законодательства, а законы *общаго права*, это тѣ же статуты, лишь обношенные временемъ; для тѣхъ и другихъ равно необходимо согласіе законодательной власти (Т. I, стр. 530). *Статуты* суть выраженія положительной воли законодательства, объявленіе которой сопряжено съ нѣкоторыми предписываемыми формами (стр. 499).

стное изданіе (malicious publication), выраженное печатью, письмомъ, рисункомъ или эмблемой, стремящееся оскорбить память умершаго, или умалить доброе имя живущаго, и подвергнуть ихъ общественной ненависти, презрѣнію или осмѣянію. Злостный *умыселъ*, *оскорбительное намѣреніе*, прибавляетъ онъ, необходимы для совершенія преступленія. Пасквиль становится тогда „обидой“ (grievance), а потому законъ смотритъ на него какъ на преступленіе противъ лица и противъ общества, и подвергаетъ виновнаго не только преслѣдованію для вознагражденія за оскорбленіе частнаго лица, но и отвѣтственности передъ государствомъ за нарушеніе порядка. „При всемъ желаніи закона охранить честь и характеръ каждаго, прибавляетъ вслѣдъ затѣмъ Кентъ, не слѣдуетъ, однако, забывать, что свобода слова и печати не должны быть нарушаемы. Откровенное выраженіе убѣжденій и полная свобода разсужденія по отношенію къ характеру и поведенію государственныхъ служителей и кандидатовъ на общественное благорасположеніе (public men and candidates for public favour), необходимы, какъ для удовлетворительнаго пользованія правомъ подачи голосовъ, такъ и для контроля надъ властями, который принадлежитъ свободному народу Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Поэтому у насъ принято принципомъ конституціи, что каждый гражданинъ имѣетъ право высказывать, печатать и распространять свои убѣжденія о чемъ угодно, оставаясь отвѣтственнымъ за злоупотребленіе этимъ правомъ, и что никакой законъ, имѣющій цѣлію стѣснить свободу слова и печати, не можетъ быть законно (rightfully) изданъ [1].

---

[1] Для объясненія послѣдняго правила вообще и слова *rightfully* въ особенности, необходимо припомнить, что въ Соединенныхъ Штатахъ *акты* законодательной власти могутъ отмѣняться или упраздняться (void), если они не „конституціонны,“ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Въ Англіи, никакая *власть* не можетъ измѣнять или повѣрять постановленія парламента; въ Америкѣ, законъ долженъ быть согласенъ, вопервыхъ, съ общею конституціей Соединенныхъ Штатовъ, а, вовторыхъ, съ конституціей своего отдѣльнаго штата, и если законы противорѣчатъ принципамъ которой-либо изъ нихъ, то они не исполняются. Такъ какъ конституція, въ своемъ принципѣ, есть дѣло народа, то постановленія законодательной власти, не согласныя съ цѣлью и духомъ конституціи, не могутъ имѣть силы. Рѣшеніе же, *конституціоненъ* ли извѣстный статутъ, или нѣтъ, принадлежитъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, *судамъ*, или *власти судебной* вообще.

Переходя къ важному вопросу о правѣ защиты отвѣтчика въ дѣлахъ по печатнымъ оскорбленіямъ, Кентъ замѣчаетъ, „что рѣшеніе этого вопроса не легко, что вообще очень затруднительно согласить охраненіе репутаціи съ охраненіемъ свободы слова и печати.“ „Права эти приходятъ часто въ опасное столкновеніе, и наши (американскіе) статуты, отвѣчая общему желанію сохранить полную свободу разсужденій, стремятся ослабить попеченіе, которымъ законъ обычный (Common Law) окружаетъ и охраняетъ доброе имя лицъ.“ По искамъ гражданскимъ, въ Соединенныхъ Штатахъ, отвѣтчикъ имѣетъ право, какъ и въ Англіи, доказывать въ *оправданіе* себя истину своихъ словъ; по дѣламъ уголовнымъ отвѣтчику также предоставляется это право, но доказательство истины не можетъ служить къ его *оправданію* (justification), а служитъ лишь обстоятельствомъ „болѣе или менѣе уменьшающимъ вину его.“ Актъ конгресса 14 іюля 1798 года причисляетъ пасквили противъ правительства, конгресса или президента Соединенныхъ Штатовъ къ уголовнымъ преступленіямъ, и въ то же время предоставляетъ обвиняемому *право доказывать*, передъ судомъ, въ свою защиту, справедливость фактовъ, находящихся въ пасквилѣ. „Законодательство Пенсильваніи,“ говоритъ затѣмъ Кентъ „постановило въ 1809 году статутомъ, что никто не можетъ быть преслѣдуемъ за оглашеніе *официальнаго поведенія* лицъ, находящихся на общественной службѣ, и что во всѣхъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ по пасквилямъ отвѣтчикъ имѣетъ право доказывать истину своихъ словъ въ оправданіе себя.“ „Нью-Йоркскій *Court of Errors* (кассаціонный судъ) въ рѣшеніи своемъ по дѣлу Бланшара, говоритъ далѣе авторъ, распространилъ терпимость по отношенію къ пасквильнымъ изданіямъ на столько же, какъ и пенсильванское законодательство; по теоріи этого суда, лицо, подающее прошеніе *Совѣту назначеній* (Council of appointement) о смѣнѣ чиновника за незаконное, по службѣ, поведеніе, *не можетъ быть*, въ возмездіе за то, *преслѣдуемо обвиняемымъ чиновникомъ*, было ли обвиненіе справедливо или нѣтъ, и было ли намѣреніе просителя безкорыстно или злостно (innocent or malicious).“ Кентъ замѣчаетъ здѣсь, что „англійскій законъ, въ этомъ случаѣ, основанъ на болѣе справедливомъ началѣ. Прошеніе королю, парламенту, военному

министру, о пресѣченіи какого-либо злоупотребленія, считается законнымъ, когда оно подано съ добрымъ намѣреніемъ и безъ превышенія права; если же окажется, что прошеніе подано съ злостнымъ намѣреніемъ и безъ основательной причины, то проситель предается суду."

Не имѣя возможности распространяться здѣсь много о сѣверо-американскомъ законодательствѣ, я обращу еще вниманіе читателей лишь на замѣчательныя слова Кента по вопросу о преслѣдованіи отвѣтчика и правѣ доказывать истину содержанія изданія. „Мнѣніе, что въ гражданскомъ, равно какъ въ уголовномъ преслѣдованіи за пасквили, изслѣдованіе должно ограничиваться *однимъ уясненіемъ намѣренія издателя*, говоритъ онъ, справедливо и разумно. Доказательство справедливости содержанія можетъ быть допущено для уясненія этого намѣренія. Виновность, равно какъ существенное основаніе для преслѣдованія за поношеніе, заключается въ *злостномъ намѣреніи*; когда же мысль или совѣсть (mind) невинна, тогда не можетъ быть и преслѣдованія" [1].

Итакъ, сѣверо-американское законодательство о печати очень близко къ англійскому, изъ котораго и произошло. Во Франціи—совсѣмъ другое. Эта страна, въ этомъ отношеніи, является полнымъ контрастомъ Англіи. Тутъ мы встрѣчаемъ множество законовъ, которыхъ мотивы неопредѣленны и темны, которыхъ примѣненіе ведетъ не къ огражденію общественнаго порядка и неприкосновенности лицъ, а къ внушенію страха и распространенію паники между людьми связанными съ печатью. Очень многое возведено въ законъ лишь съ тою цѣлію, чтобъ открыть поле произволу чиновниковъ и снабдить ихъ даже самыми несправед-

[1] По поводу послѣдняго, авторъ разказываетъ что одинъ проповѣдникъ назвалъ, въ своей проповѣди, нѣкоего Гриквуда, человѣкомъ безнравственнымъ и, приведя обстоятельства его смерти, указалъ на нихъ, какъ на очевидное проявленіе Господней немилости; примѣромъ этимъ проповѣдникъ хотѣлъ показать, какъ явно караетъ Провидѣніе великихъ грѣшниковъ. Случилось, что этотъ самый Гриквудъ не только не померъ, но присутствовалъ при проповѣди. Онъ затѣялъ процессъ въ поношеніи, но судъ вмѣстѣ съ присяжными справедливо рѣшили, что проповѣдникъ, приводя свой примѣръ просто какъ историческій фактъ, безъ всякой злостной цѣли, не подлежитъ взысканію за безчестіе. *Commenton Americ. Law* by I. Kent. т. I, стр. 629—638.

ливыми средствами въ борьбѣ съ политическими партіями раздирающими Францію. Словомъ, французское законодательство носитъ на себѣ ясные слѣды революціоннаго, террористическаго характера, объясняющагося лишь особенностями французскаго общественнаго и политическаго быта. Такъ напримѣръ, каждый желающій открыть типографію (а также книжную торговлю) долженъ имѣть спеціяльное разрѣшеніе отъ правительста, принести присягу и получить *патентъ* (brevet). Патентъ не можетъ быть переданъ другому лицу (est personnel); контракты, сопряженные съ такою передачей, не имѣютъ силы (toute stipulation est nulle, comme contraire à l'ordre public). Каждый желающій печатать что-либо обязанъ сдѣлать о томъ предварительное заявленіе (déclaration), въ которомъ означить и число экземпляровъ своего изданія. По закону 17-го мая 1819 года, типографъ отвѣчалъ за печатаніе преступнаго лишь тогда, когда онъ сдѣлалъ это умышленно (sciemment). *Органическій декретъ о печати* 17-го февраля 1852 года, измѣнилъ это постановленіе; въ настоящее время, типографъ, вмѣстѣ съ авторомъ сочиненія и издателемъ или отвѣтственнымъ редакторомъ журнала, отвѣчаетъ, во всякомъ случаѣ, за напечатанное имъ.

Правила объ изданіи журналовъ подвергались, въ послѣднее время, многократнымъ измѣненіямъ. Цензура періодическихъ изданій и книгъ вообще, возобновленная, какъ читатели помнятъ, въ 1805 году и измѣненная потомъ декретомъ о печати 1814 года (въ силу котораго предварительному одобренію подвергались книги не превосходящія 20 листовъ и всѣ журналы) была отмѣнена декретомъ 20 іюля 1815 года. Декретъ этотъ объявлялъ, что „злоупотребленія печати могутъ быть вѣдаемы теперь *лишь судами*, хранителями правъ, стражами общественнаго порядка, спокойствія „семействъ и чести гражданъ". Но эти права были не рѣдко стѣсняемы, отчасти произвольнымъ вмѣшательствомъ администраціи, отчасти законодательнымъ порядкомъ.

Закономъ 14-го декабря 1830 года была установлена, въ первый разъ, *штемпельная пошлина* (droit de timbre) съ періодическихъ изданій. Она взималась въ размѣрѣ: *шести сантимовъ* съ печатнаго листа въ 30 кв. дециметр., *трехъ сантимовъ*—съ листа въ 15 кв. дец., съ прибавленіемъ по *одному сантиму* за каждые 5 кв. дец.—свыше 15. Закономъ

9-го сентября 1835 года, журналы политическіе, выходившіе болѣе одного раза въ мѣсяцъ, были подчинены внесу *обезпеченія* (cautionnement), въ слѣдующемъ размѣрѣ: въ департаментахъ Сены, Сены и Уазы, Сены и Марны, требовалось 100.000 фр. отъ журналовъ, выходившихъ болѣе *двухъ разъ* въ недѣлю, 75.000 фр. — отъ выходившихъ *два раза* въ недѣлю и 25.000 фр. отъ журналовъ, выходившихъ *два раза* въ мѣсяцъ; *обезпеченіе* для *ежедневныхъ* журналовъ всѣхъ остальныхъ департаментовъ, въ городахъ болѣе чѣмъ въ 50.000 жителей, было опредѣлено въ 25,000 фр., въ городахъ ниже этого—въ 15,000 фр. Половина этихъ суммъ требовалась отъ журналовъ *не ежедневныхъ*. Обезпеченіе вносилось наличными деньгами; проценты съ него платились въ размѣрѣ, опредѣленномъ для другихъ казенныхъ залоговъ. Тогда же было постановлено, что никакой рисунокъ или эстампъ, гравюра, литографія, медаль или эмблема, не могутъ быть издаваемы, выставляемы или пускаемы въ продажу безъ *предварительнаго одобренія* министра внутреннихъ дѣлъ, въ Парижѣ, и префектовъ въ департаментахъ, подъ опасеніемъ заключенія на время отъ 1 мѣсяца до 1 года и денежнаго взысканія отъ 100 до 1.000 фр. Распространяя это запрещеніе на открытіе театровъ и представленіе новыхъ піесъ, законъ прибавлялъ, „что мѣстное начальство имѣетъ всегда право, въ виду общественнаго порядка, прекратить представленіе піесы и даже закрыть на время театръ.“

Важныя измѣненія, касательно *обезпеченій*, вносимыхъ политическими журналами, были сдѣланы при „временномъ правительствѣ“ 1848 года. Закономъ 9-го августа было назначено: 24.000 фр. обезпеченія для журналовъ трехъ вышеназванныхъ департаментовъ выходящихъ болѣе *двухъ разъ* въ недѣлю, 18.000 фр. для журналовъ выходящихъ *два раза*, 12.000 фр. для выходящихъ *одинъ разъ* въ недѣлю и 6.000 фр. для выходящихъ три раза въ мѣсяцъ; 6.000 фр. требовалось отъ ежедневныхъ провинціяльныхъ журналовъ, въ городахъ имѣющихъ болѣе 30.000 жителей, и 3.600 фр. въ городахъ малолюднѣйшихъ; половина послѣднихъ суммъ вносилась провинціяльными журналами являвшимися рѣже. Издатели, которые внесли, на основаніи закона 9-го сентября 1835 года, обезпеченія болѣе чѣмъ опредѣлялось настоя-

щимъ декретомъ, могли получить излишекъ обратно. Постановленіе это было лишь переходною мѣрой; декретъ 9-го августа распространялъ его дѣйствіе лишь до 1-го мая 1849 года, послѣ котораго всѣ журналы освобождались отъ обезпеченій. Въ параллель съ уменьшеніемъ количества обезпеченій, декретомъ 24-го августа того же года, была понижена почтовая плата съ журналовъ и съ писемъ, съ либеральною же цѣлью способствованія распространенію свѣдѣній.

Но вскорѣ значительная часть всѣхъ предшествующихъ постановленій была измѣнена *органическимъ декретомъ о печати* (Décret organique sur la presse) 17-го февраля 1852 года, на которомъ, преимущественно, основываются дѣйствующіе въ настоящее время во Франціи законы.

Статья первая декрета объявляетъ: — „*Никакое періодическое изданіе, занимающееся политикой или соціальною экономіей, не можетъ быть основано или издано (créé ou publié) безъ предварительнаго дозволенія правительства.* Дозволеніе это можетъ быть дано лишь французскому подданному совершеннолѣтнему и пользующемуся гражданскими и политическими правами. Предварительное дозволеніе правительства необходимо также для *какихъ бы то ни было* измѣненій *въ составѣ отвѣтственныхъ редакторовъ (gérants), главныхъ редакторовъ (rédacteurs en chef), собственниковъ и администраторовъ журнала*“.

Обезпеченіе политическихъ журналовъ было опредѣлено: въ 50.000 фр. для выходящихъ болѣе *трехъ разъ* въ недѣлю, въ департаментахъ Сены, Сены и Уазы, Сены и Марны, Роны, въ 30.000 фр. для выходящихъ *три раза* и менѣе; въ 25.000 фр. для журналовъ выходящихъ болѣе *трехъ разъ* въ недѣлю, въ городахъ имѣющихъ 50.000 жителей (въ остальныхъ департаментахъ), въ 15.000 фр. въ городахъ малолюднѣйшихъ, и въ половину этихъ суммъ для журналовъ выходящихъ рѣже. Всѣ политическія періодическія изданія (даже съ гравюрами или какими-нибудь изображеніями), заключающія въ себѣ менѣе 10 печатныхъ листовъ отъ 25 до 32 квадр. дециметровъ, или менѣе 5 листовъ отъ 50 до 62 кв. дец., подчинены штемпельной пошлинѣ въ *шесть сантимовъ* съ листа, въ департаментахъ Сены, и Сены и Уазы, и въ *три сант.* въ другихъ мѣстахъ. Въ первыхъ двухъ департаментахъ, за каждые 10 кв. дец. сверхъ опредѣленнаго размѣра,

положено взимать *полтора сантима*, въ остальныхъ — *одинъ сантимъ* [1]. Той же штемпельной пошлинѣ подчинены и иностранныя, ввозимыя въ Францію, изданія.

Торговля книгами, въ провинціи, производится во Франціи преимущественно посредствомъ такъ называемыхъ *colporteurs* „разнощиковъ“, или „ходебщиковъ“, которымъ издатели дѣлаютъ обыкновенно значительную уступку. Правительство допускаетъ свободную продажу произведеній печати отъ издателей и изъ книжныхъ магазиновъ, но требуетъ представленія разнощичьихъ книгъ на предварительное разсмотрѣніе особой *коммиссіи* (commission de colportage). Всѣ разнощичьи книги должны носить на себѣ клеймо: „*Sureté générale. Ministère de l'Intérieur*“, и число сочиненій, подвергшихся въ 1861 году цензурѣ „коммиссіи“, простиралось до 1.340,—*цензурѣ*, которую въ отличіе отъ *предупредительной* и *внушительной*, можно бы назвать „разносною“, или, чтобы не острить не удачно, просто „переносною“.

Декретъ 17-го февраля запретилъ публикацію преній сената и законодательнаго корпуса, подъ опасеніемъ денежнаго взысканія отъ 1.000 до 5.000 фр. „Отвѣтственные редакторы“ обязывались печатать всѣ офиціяльныя сообщенія въ ближайшемъ нумерѣ и, притомъ, безвозмездно. Декретъ прибавлялъ, что *одно осужденіе* за преступленіе путемъ печати (*crime* commis par la voie de la presse), *два осужденія* за проступки или малыя провинности (délits ou contraventions), совершенные въ продолженіе двухъ лѣтъ, влекутъ за собою запрещеніе журнала, *по праву*. Послѣ *одного осужденія* отвѣтственнаго редактора, правительство можетъ, въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, или *прекратить* журналъ *на время* (suspendre), или *запретить* оный совершенно (supprimer). Журналъ, даже не подвергавшійся никакимъ осужденіямъ, можетъ быть *прекращенъ* рѣшеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ, послѣ *двухъ предостереженій* (avertissement), данныхъ въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ. Наконецъ журналъ можетъ быть *запрещенъ*, какъ послѣ „судебнаго“ или „административнаго“ *прекращенія*, такъ и просто въ виду общественной безопа-

[1] Одинъ процентъ штемпельной пошлины уступается за убыль макулатуры.

сности декретомъ главы государства, внесеннымъ въ *бюллетень законовъ* [1].

Правительство, пользуясь своею произвольною властію, имѣетъ возможность нарушать свободу печати разсылкой журналамъ, помимо предостереженій, различныхъ „конфиденціальныхъ сообщеній“, запрещающихъ печатаніе или распространеніе не нравящихся ему извѣстій. Такъ, когда одна воспитанница извѣстнаго императорскаго института въ Сенъ-Дени влюбилась въ одного молодаго человѣка, и уѣхала съ нимъ, журналамъ тотчасъ же было запрещено не только разсуждать объ этомъ, но даже и упоминать, что, безъ сомнѣнія, оказалось безполезнымъ, ибо бельгійскія и англійскія газеты разнесли эту новость повсюду. Во время парижскаго конгресса, журналамъ запрещено было говорить о вѣроятныхъ результатахъ его; при смерти знаменитаго Манина—объявлять о часѣ его похоронъ; въ 1856 году, по случаю возвышенія цѣнъ на хлѣбъ, всѣ редакціи получили слѣдующее запрещеніе: „журналы не должны показывать ни намекомъ, ни какимъ-либо непрямымъ образомъ (soit implicitement, soit indirectement) различіе, существующее между настоящею цѣною хлѣба и цѣною, по которой, вслѣдствіе вознагражденія правительства, онъ долженъ продаваться. (*Communiqué par le ministre de l'Intérieur, 10 sept. 1856.*)

Наконецъ, декретомъ 17-го февраля 1852 года подтверждался уничтожающій силу журналистики, и въ сущности безполезный, законъ республики 16-го іюля 1850 года, о подпискѣ авторами своихъ именъ подъ статьями, подъ опасеніемъ запрещенія изданія и взысканія съ виновныхъ отъ 500 до 2.000 фр.

Органическій декретъ 17-го февраля 1852 года, опредѣлилъ еще, что за публикацію *какихъ бы то ни было ложныхъ извѣстій и вымышленныхъ документовъ*, хотя бы и безъ злаго умысла, виновные подвергаются денежному взысканію отъ 50 до 1.000 фр.; а если публикація была совершена съ злымъ умысломъ *или* вызвала нарушеніе порядка, то виновные подвергаются заключенію на

---

[1] *Code politique et constitutionnel de l'Empire Français*, par Louis Tripier, стр. 360 — 466. *Dictionn. de Droit* par J. Bousquet, т. II. стр. 475—481.

время отъ одного мѣсяца до одного года, и денежному взысканію отъ 500 до 1.000 фр.; если публикація сопряжена и съ тѣмъ и съ другимъ обстоятельствомъ, то назначается *maximum* наказанія.

Важный вопросъ о правѣ отвѣтчика доказывать истину обвиняемаго сочиненія былъ рѣшаемъ во Франціи различно. По прежнему закону, никто не могъ доказывать (въ уголовныхъ дѣлахъ) истину поносительныхъ обвиненій, „кромѣ случаевъ, касающихся представителей власти или лицъ, находящихся на общественной службѣ, по предметамъ ихъ обязанности". Новый законъ, основанный на органическомъ декретѣ 17-го февраля 1852 года, прибавляетъ, „что ни въ какомъ случаѣ, показанія свидѣтелей, для доказательства истины поносительныхъ обвиненій, не могутъ быть допущены". По прежнему закону, журналы не могли публиковать только тѣхъ процессовъ, въ которыхъ допускалось доказательство истины поносительныхъ обвиненій; во всякомъ случаѣ имъ дозволялось печатать сущность жалобы или обвиненіе и приговоръ. Декретомъ 17-го февраля, журналамъ запрещена публикація какихъ бы то ни было дѣлъ по преступленіямъ печати.

Далѣе типографъ и книгопродавецъ-издатель подвергаются преслѣдованію за публикацію преступныхъ сочиненій одинаково съ ихъ авторами, хотя очевидно, что типографъ или книгопродавецъ не можетъ быть судьею предлагаемаго ему сочиненія, ни въ ученомъ и литературномъ, ни въ политическомъ отношеніи; правительство, подвергая его отвѣтственности за печатаніе сочиненій, требуетъ чтобъ онъ вникалъ во внутренній смыслъ каждой печатаемой имъ строчки, то-есть возстановляетъ въ лицѣ его цензуру, — цензуру крайне притѣснительную по своей неопредѣленности, и зависящую отъ большей или меньшей образованности типографа, отъ проницательности его ума, и пр. Единственная обязанность его, какъ и принято въ Англіи, должна заключаться въ гласности дѣла, въ уклоненіи отъ всякой тайны; объявивъ свое имя, мѣсто жительства, мѣсто нахожденія типографіи и т. д., прибавивъ имя автора или издателя, онъ долженъ быть внѣ отвѣтственности за направленіе изданія, когда дѣйствовалъ безъ умысла. Подвергать типографа отвѣтственности за каждую напечатанную имъ строчку есть крайняя несправедливость; но такое право становится верхомъ притѣсне-

нія вслѣдствіе того, что всѣ подобныя дѣла рѣшаются теперь во Франціи полицейскими судами.

Проступки совершаемые путемъ печати, по закону 26-го мая 1819, вѣдались присяжными; законъ 25-го марта 1822 года подчинилъ ихъ судамъ полиціи исправительной, то-есть изъялъ ихъ изъ вѣдѣнія присяжныхъ. Законъ 8-го декабря 1830 года снова отнесъ ихъ къ вѣдѣнію уголовныхъ судовъ; наконецъ, декретъ 31-го декабря 1851 года, подтвержденный органическимъ декретомъ 17-го февраля 1852 года, постановилъ еще разъ, *что всѣ поступки* (délits), *указанные въ законахъ о печати, вѣдаются судами полиціи исправительной, а аппелляціи по нимъ подаются исправительной палатѣ аппелляціоннаго суда* [1].

Нѣсколько существенныхъ измѣненій въ этомъ драконовскомъ, или скорѣе мефистофелевскомъ, законодательствѣ, было сдѣлано лишь *декретами 24-го ноября 1860 года* и *2-го іюля прошлаго 1861 года.* Первымъ изъ нихъ, журналамъ дозволено „обсуживать свободно“ правительственные акты и печатать пренія законодательнаго корпуса и сената, впрочемъ не иначе какъ съ офиціальнаго текста [2]; вторымъ, отмѣнено *запрещеніе* журналовъ *по праву* послѣ *двухъ осужденій*, равно какъ правительственное *запрещеніе*, по какимъ-либо обстоятельствамъ, послѣ *одного осужденія*; при этомъ было постановлено еще, что двухлѣтняя давность упраздняетъ *предостереженіе.*

Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, Персиньи, отъ 7-го декабря 1860 года, разосланный префектамъ въ объясненіе декрета 24-го ноября, интересенъ какъ документъ, принимающій на себя офиціяльное исполненіе моей теперешней обязанности сравнить французское законодательство о печати

---

[1] *Code polit. et constitut. de l'Empire Français*, par. L. Tripier стр. 444—460. *Diction. de Droit.* Par Bousquet, т. I, стр. 661—664 и т. II, стр. 475—478.

[2] Въ ст. 4 декрета 24-го ноября 1860 года, сказано: „Въ виду ускоренія и удобства распространенія преній сената и законодательнаго корпуса, слѣдующій проектъ сенатусъ-консульта будетъ представленъ сенату: „Отчеты засѣданій сената и законодательнаго корпуса, составленные секретарями-редакторами, находящимися при президентахъ каждаго собранія, будутъ разсылаться каждый вечеръ журналамъ. Кромѣ того, пренія каждаго засѣданія записываются стенографами и печатаются на другой день, *in extenso*, въ офиціяльномъ журналѣ.“ *Moniteur universel*, 24 ноября 1860 года (№ 329).

съ англійскимъ. „Получивъ неограниченную власть, предоставляемую законами о печати министру внутреннихъ дѣлъ, писалъ Персиньи префектамъ, я считаю нужнымъ высказать вамъ прямо, въ какомъ духѣ я намѣренъ пользоваться этою властью. Я только что возвратился изъ среды народа (изъ Англіи), который можетъ справедливо гордиться своими учрежденіями, гдѣ свободой печати пользуются открыто, не вредя ни государству, ни общественному порядку, ни безопасности частныхъ лицъ и собственности, гдѣ, будучи полезной всѣмъ партіямъ, служа всѣмъ и всѣми уважаемая, она (свобода печати) составляетъ полнѣйшую гарантію общественной свободы, порядка и благосостоянія страны. Я присутствовалъ долго при этомъ великомъ зрѣлищѣ, и еслибы прежде я не любилъ истинной свободы, то полюбилъ бы ее въ этой странѣ". Послѣ этого вступленія, министръ разсматриваетъ законодательство о печати въ Англіи и, упомянувъ, между прочимъ, въ доказательсво настоящей строгости его, объ изданномъ въ 1848 году *актъ для лучшаго охраненія престола и правительства*, на основаніи котораго журналисты *John Mitchele* и *John Machin* (sic) были приговорены къ четырнадцатилѣтней ссылкѣ,— приходитъ къ заключенію, что „духъ англійскаго законодательства о печати можетъ быть выраженъ слѣдующимъ образомъ: полная свобода по отношенію ко всему что служитъ къ пользѣ, а не ко вреду государства, и *отрицаніе всякой свободы, лишь только дѣло коснется нападокъ на государство.*" [1]

---

[1] Я долженъ обратить здѣсь вниманіе читателей, какъ на несправедливость вывода, такъ и на невѣрность данныхъ,—на *циркулярное* искаженіе фактовъ. Приводимый министромъ, въ доказательство особенной строгости англійскихъ законовъ о печати, *актъ для лучшаго охраненія престола и правительства* (Act for the better security of the Crown and Government) не имѣетъ никакого прямаго отношенія къ печати, точно также какъ и къ нападкамъ на правительство, въ виду которыхъ Персиньи указалъ на него. *Актъ* былъ изданъ по случаю безпорядковъ, возникшихъ въ 1848 году въ Ирландіи, гдѣ образовалась партія, имѣвшая цѣлью отдѣленіе Ирландіи отъ Англіи *силой:* открытое возмущеніе, подговоръ другихъ къ отдѣленію *силой*, были причислены тогда къ преступленіямъ подлежащимъ ссылкѣ (a transportable felony). Изъ *Annual Register, State Trials* 1848 года, стр. 373, видно, что Ирландецъ *John Mitchell* былъ приговоренъ къ четырнадцатилѣтней ссылкѣ именно за подобное преступленіе, и что однѣ статьи его журнала *United Irishmen*, безъ возмутительныхъ рѣчей и другихъ дѣйствій, не могли бы подвергнуть его

Изъ этого министръ заключаетъ, что англійская печать свободна потому, что въ Англіи никто не возстаетъ противъ правительства, а такъ какъ во Франціи онъ видитъ противное, то и считаетъ нужнымъ пользоваться тутъ своею властью, то-есть давать *предостереженія* за всѣ нападки на конституцію, императора и пр. Онъ можетъ-быть имѣетъ нѣкоторыя основанія для такого образа дѣйствій во Франціи, гдѣ въ политическомъ мірѣ нѣтъ ничего прочнаго и царствующая династія окружена партіями поддерживающими претендентовъ, но онъ совершенно не правъ, когда думаетъ оправдать или объяснить свой образъ дѣйствій ссылками на Англію. *Отрицаніе свободы* наступаетъ тамъ лишь въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о вооруженныхъ нападкахъ на государство, а нападки словомъ, хотя по закону и могутъ быть преслѣдуемы передъ судомъ, на дѣлѣ остаются безъ наказаній. Ирландскіе адитаторы, подъ охраною англійскихъ законовъ, пишутъ объ Англіи, то сильнѣе чего трудно было бы написать въ государствѣ, которое находилось бы съ Англіей въ войнѣ; они призывали французское вторженіе, приглашали маршала Макъ-Магона и предначертывали планъ компаніи; они громко торжествовали во время индійскаго возстанія и призывали на Англію кару Провидѣнія. Всѣ эти возгласы, заключавшіе въ себѣ явное нападеніе на государство, печатались въ ирландскихъ газетахъ совершенно безнаказанно. Впрочемъ, надобно сказать правду, г. де-Персиньи прибѣгаетъ къ парадоксальному сравненію Франціи съ Англіей лишь съ тою цѣлію, чтобы доказать на дѣлѣ свою рѣшимость поддерживать *всякими средствами* наполеоновскую династію; существенное побужденіе его состоитъ въ томъ, что эта династія еще не упрочилась на престолѣ Франціи. Поэтому все что̀ говоритъ онъ о необходимости строгаго и произвольнаго образа дѣйствія по дѣламъ печати, относится исключительно къ Франціи и не примѣ-

---

наказанію. Ирландецъ *John Martin* (а не *Machin*, какъ сказано въ циркулярѣ) за подговоръ къ насильственному разрушенію такъ-называемаго *законодательнаго союза* (Legislative Union) Англію съ Ирландіей, то-есть къ возстановленію *силой* отдѣльнаго ирландскаго парламента, былъ приговоренъ къ десятилѣтней (а не къ четырнадцалѣтней) ссылкѣ (... that you, John Martin, be transported beyond the sea for a period of *ten* years", и пр. стр. 388.)

нимо ни къ какой другой странѣ Европы. Но министръ Наполеона III очень ясно различаетъ интересы династіи и администраціи, и въ заключеніе своихъ наставленій префектамъ, прибавляетъ: „Не забывайте, что чѣмъ исключительнѣе неограниченная власть администраціи въ дѣлахъ печати, тѣмъ съ большею справедливостью слѣдуетъ пользоваться ею. Не слѣдуетъ забывать, что власть эта была ввѣрена моему министерству въ интересѣ государства, а не администраціи. Пусть же дѣйствія ваши будутъ гласны, и пусть, вмѣстѣ съ моими, предоставятся они общественному суду. Слѣдуйте, наконецъ, примѣру императора, и знайте, что только однимъ усердіемъ вашимъ къ общественной пользѣ можете вы доказать ему свою преданность.“ [2]

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Л. ДЕ-РОБЕРТИ.

---

[2] Дѣйствительно, теперешняя Франція, какъ ни далека отъ Англіи, съ которою сравниваетъ ее Персиньи, не похожа, однако на знакомое всѣмъ *нѣмецкое* государство, гдѣ *цензуръ* недавно подлежали не только *Bücher jeder Art und in jeder Sprache, Bilderwerke, Zeichnungen, Risse, Pläne, Charten,* но даже *Noten mit beigefügten Worten*, гдѣ цензоръ долженъ былъ вникать во внутренній смыслъ каждаго слова, и хотя и не привязываться къ словамъ и отдѣльнымъ выраженіямъ, однако наблюдать, чтобъ и въ нихъ *wichtiger und hoher Gegenstände mit geziemender Achtung nnd mit Anstand erwähnt werde*, и гдѣ вновь издаваемыя, одобренныя уже разъ, книги *werden auf dieselbe Weise bei der Censur eingereiht, wie Handschriften, und für die zweite, dritte Auflage u. s. w. approbirt, wenn auch bei diesem Umdrucke gar keine Veränderungen in denselben gemacht sein sollten*, и такъ далѣе въ этомъ же замѣчательномъ и непереводимомъ родѣ.

ЗАМѢТКИ

О

ВОЛЬНО-НАЕМНОМЪ ТРУДѢ [1]

V. Приближеніе зимы.

Свободы ищетъ и добивается человѣкъ на всѣхъ поприщахъ, политическомъ, общественномъ, умственномъ, художественномъ; словомъ сказать, на всѣхъ. Слово *свобода* у всѣхъ на языкѣ и, быть-можетъ, на сердцѣ; а между тѣмъ многіе ли уяснили себѣ его значеніе? Свободу понимаютъ какъ возможность двигаться во всѣхъ направленіяхъ. Но природа не пускаетъ меня ни въ небо, ни въ землю, ни ко дну океана, ни сквозь стѣну. Для духовнаго движенія есть также свои океаны и стѣны. Интересно осмотрѣть остающееся въ нашу пользу пространство, по которому мы дѣйствительно можемъ двигаться. Пространство это и обширно, и тѣсно, смотря по избранному нами направленію; но куда ни пойди, непремѣнно наткнешься на стѣну, будетъ ли эта стѣна вѣчность, запертыя ворота, звѣрь или другой подобный намъ человѣкъ,— законъ безсознательной природы или сознательный законъ общества.

[1] См. *Русскій Вѣстникъ* № 3.

Но нѣтъ пограничнаго столба со словомъ закона: „далѣе нельзя“, который бы тѣмъ самымъ не говорилъ: „а до сихъ поръ можно“. Другими словами: нѣтъ обязательнаго закона, который бы не заставлялъ предполагать извѣстное право. Вотъ сознаніе-то этого закона и опредѣляемаго имъ права и составляетъ сущность свободнаго существа въ сравненіи съ несвободнымъ. Человѣкъ, увязившій ногу между твердыхъ тѣлъ, будетъ неподвижно ждать освобожденія; но ни одно животное не въ состояніи понять необходимости не двигаться, и не было примѣра, чтобы въ подобномъ случаѣ любое животное не сломило себѣ кости. Только сознаніе законныхъ препятствій и связанныхъ съ ними правъ даетъ то довольство, тотъ духовный міръ, который составляетъ преимущество свободнаго передъ рабомъ. Я вижу препятствіе, и знаю, что если *туда* нельзя, за то *здѣсь* я полный хозяинъ. Съ другой стороны, свободный человѣкъ не приметъ молча поставляемаго ему препятствія, котораго онъ не понимаетъ, а будетъ посильно протестовать противъ него, во имя своего сознанія. Свободный человѣкъ, понимая несвоевременность извѣстнаго явленія въ данный моментъ, не станетъ ратовать противъ него въ прошедшемъ и пойметъ его заслуги тамъ. Свободный человѣкъ, несмотря ни на Венеру Милосскую, ни на Аполлона Бельведерскаго, не предастся культу Олимпійцевъ, но не станетъ называть за него Грековъ дураками. Свободный не оттолкнетъ никакого изученія, слѣдовательно и изученія древности хотя бы каракалпакской, но не забудетъ въ то же время, что идеалъ всякаго живаго организма въ будущемъ, а не въ прошедшемъ. Потому-то намъ и не нужно ни общиннаго владѣнія, ни крѣпостнаго права, что они были да сплыли, или Богъ дастъ сплывутъ. Свободный знаетъ, что хлопотать о народности какого бы то ни было народа то же что̀ убиваться изъ-за древесности лѣса. Поэтому напряженно откапывать какое-нибудь нарѣчіе для литературнаго и образованнаго круга, въ то время какъ лучшіе представители его давно усвоили себѣ нарѣчіе болѣе развитое, тоже что̀ сказать: не ѣшь жаркаго вилкой, потому что она орудіе не народное. Кто-то отыскалъ въ русскихъ пѣсняхъ:

„Бабища кабацкая
Турыжная, бабища ярыжная“

И долой Пушкина: то не серіозно, а вотъ эта гадость серіозна.

Свободный человѣкъ, понявъ, напримѣръ, что мы сидимъ въ грязи, не ограничитъ свою дѣятельность праздною перефразировкой этого реченія, а поищетъ средствъ вылѣзть изъ грязи. Къ этому первый шагъ—сознаніе какъ и на сколько мы въ грязи.

Съ этой точки обращаюсь отъ моего долгаго отступленія, къ продолженію моихъ замѣтокъ.

Что такое предложеніе и требованіе, которыми свободно устанавливаются цѣны, говорить я не буду, какъ не стану и гадать о томъ, каково будетъ отношеніе предложенія рабочихъ рукъ къ требованію на нихъ въ будущемъ. Я говорю здѣсь о настоящемъ, и вижу что бо́льшая часть моихъ сосѣдей мало-по-малу заводятъ вольный трудъ и требуютъ рабочихъ, на тѣхъ же основаніяхъ и условіяхъ, на какихъ требуетъ ихъ и моя экономія. Около Мценска есть уже большія экономіи на чистомъ вольно-наемномъ трудѣ. Чтобъ объяснить себѣ условія найма рабочихъ, нужно сказать для какого они времени нанимаются, и кто они такіе? Я уже упомянулъ, что мнѣ для обработки моихъ полей нужно восемь человѣкъ; я нанимаю еще девятаго на лѣто для облегченія работъ. Кромѣ того, мнѣ придется принанимать постороннихъ во время уборки. Первое, что при этомъ кинется въ глаза каждому практику, будетъ несоразмѣрно большое число годовыхъ рабочихъ. Зачѣмъ же нанимать восемь годовыхъ, когда и на лѣто въ крайнемъ случаѣ достаточно восьми. Такое замѣчаніе справедливо. Но тамъ, гдѣ все хозяйство основано на вольно-наемныхъ, кто поручится, что рабочіе не нашедши около себя мѣстъ, не подрядятся въ даль, на дороги, на югъ и т. д., и тогда что же дѣлать съ открытіемъ весны? Нанимать издѣльно? Прекрасно. Но во-первыхъ, надо будетъ съ потерей времени отыскивать желающихъ; во-вторыхъ никто не пойдетъ на чужую работу не кончивъ своей, а между тѣмъ драгоцѣнное время ушло, и вы безъ овса, навоза, гречихи, сѣна и т. д. Вольно-наемное дѣло у насъ еще въ младенчествѣ и поэтому нечего удивляться, что крестьянинъ, не привыкшій заранѣе разчиты-

вать, на всякое дѣлаемое ему предложеніе, даже самое для него выгодное отвѣчаетъ одно: „какъ люди, такъ и мы“. И сколько бы вы ни перебрали людей, они все будутъ искать образцовъ; а если вамъ удалось склонить хотя одного, очарованіе снято, этотъ одинъ дѣлается *людьми*, и подражатели выползаютъ со всѣхъ концовъ, даже на умѣреннѣйшихъ противъ перваго условіяхъ. Надо сказать правду, наемщики съ своей стороны, хотя и не говорятъ громко завѣтнаго: „какъ люди, такъ и мы“, но въ сущности поступаютъ также. Какъ бы то ни было, для спокойствія, необходимо въ настоящее время нанимать рабочаго годоваго, имѣя преимущественно въ виду его лѣтнюю работу. Остается разсмотрѣть, кто нанимается въ работники? Домашняя прислуга, кучеръ, лакей и пр. составляютъ отдѣльный вольно-наемный классъ. Въ счетъ заработной платы идетъ его помѣщеніе, пища и т. д. Ему прежде всего необходимо гдѣ-нибудь пріютиться и затѣмъ уже получать плату, и на его трудъ время года не имѣетъ вліянія. Тутъ отношенія между наемщикомъ и рабочимъ просты. Не нравится одинъ другому, и они расходятся такъ же просто какъ и сошлись; за то никто и не дастъ впередъ, безъ особыхъ обстоятельствъ, денегъ неизвѣстному слугѣ. Не таковы отношенія наемщика къ полевому работнику. Этотъ послѣдній также землевладѣлецъ, не нуждающійся въ помѣщеніи и продовольствіи (я говорю о наймѣ въ земледѣльческой полосѣ); осенью ему нужны деньги на уплату повинностей или на свадьбу, и онъ нанимается въ работники. Не коротко знакомымъ съ дѣломъ покажется страннымъ, что отецъ или братъ *малаго*, *котораго женятъ*, проситъ на одно празднество бракосочетанія весь годовой заработокъ жениха, а а иногда и болѣе того; но это и служитъ новымъ доказательствомъ крайней неразчетливости нашего крестьянина. Интересна будетъ статистика браковъ 1861 года. Свадебъ было безъ конца. Еслибы нанимающійся перебился осень безъ денегъ, то весной онъ быть-можетъ и вовсе не пошелъ бы въ заработки, и двое-трое стали бы ковырять у себя тамъ, гдѣ при бабахъ и одного довольно. Но ему нужны деньги не въ будущемъ, а сейчасъ, безотлагательно, и онъ идетъ наниматься, ставя первымъ условіемъ, чтобы половина денегъ была ему уплачена впередъ. При такихъ об-

стоятельствахъ, всякаго рода совѣты, какъ напримѣръ: не нанимайте съ осени полнаго числа рабочихъ, не давайте денегъ впередъ—безполезны; необходимость принуждаетъ и нанять съ осени, и деньги дать впередъ. Независимо отъ приведенныхъ причинъ, заставляющихъ хлопотать о прочности годоваго условія съ рабочимъ, есть еще одна, о которой не могу умолчать. Предположимъ, что рабочій не нуждается въ немедленномъ полученіи денегъ, и согласенъ наниматься помѣсячно. У насъ, по окончаніи полевыхъ работъ, можно имѣть, по 3 р. въ мѣсяцъ, сколько угодно рабочихъ; мало того, рабочіе съ удовольствіемъ станутъ по 10 р. за всѣ шесть зимнихъ мѣсяцевъ. Но смѣшно было бы ожидать, чтобы рабочій мѣсячный остался въ покосъ и уборку за 3 р. въ мѣсяцъ, когда онъ легко заработаетъ въ это время 10 р.

Итакъ еще разъ: самый ходъ дѣла заставляетъ нанимать рабочаго годоваго заблаговременно и давать ему большой задатокъ. Эти неблагопріятныя для хозяйства условія до того измѣняютъ сущность и качество вольно-наемнаго труда, что его по справедливости нельзя и называть этимъ именемъ. Деньги получены впередъ и истрачены полгода тому назадъ; къ Святой получена еще часть. Много ли затѣмъ остается на все лѣто, когда другіе, рядомъ, зарабатываютъ гораздо болѣе? А тутъ-то и наступаетъ истинно трудовая жизнь, когда, проработавъ весь день на жарѣ, надо ночью гнать лошадей въ поле и караулить ихъ въ такъ-называемомъ *ночномъ*. Много надо философіи, чувства долга и разныхъ добродѣтелей, для того чтобы человѣкъ не забылъ давнопрошедшаго одолженія и условія; и какъ ожидать этихъ выспреннихъ качествъ отъ неразвитаго крестьянина, когда они такъ рѣдки у насъ и между образованными? Человѣкъ взявшій деньги въ займы черезъ нѣсколько времени не только забываетъ одолженіе заимодавца, но даже смотритъ враждебно на его притязанія, и не будь закона, ограждающаго послѣдняго, многіе ли получили бы обратно ссуду? Но пока я раздумывалъ о существующихъ условіяхъ найма рабочихъ, нужно было приступить къ самому дѣлу. Что предложеніе было не велико, видно изъ того, что я только пріискалъ необходимое число новыхъ, а старыхъ, бывшихъ уже у меня и пожелавшихъ остаться

на слѣдующій годъ, не перемѣнялъ; за то цѣна нѣсколько измѣнилась. Во избѣжаніе просьбъ насчетъ обуви (лаптей) и рукавицъ, я прибавилъ на то и на другое 1 р. 50 к., и всѣмъ годовымъ обязался платить 31 р. 50 к.

Михайло копачъ насилу дорылъ свой прудъ, между тѣмъ какъ Юхновцы живо окончили работу; но ихъ прудъ оказался противъ чаянія совершенно сухимъ, между тѣмъ какъ у Михайла стала набѣгать ключевая вода. Необходимость заставила обрыть одинъ клинъ канавой въ защиту отъ безпощадныхъ набѣговъ сосѣдской скотины. Старикъ Глѣбъ между тѣмъ оказался рѣшительно неспособнымъ вести хозяйство; я его разчелъ, взявъ на время у Ш*** хорошаго мужика въ старосты. Этотъ мужикъ на всѣ приказанія отвѣчалъ однообразнымъ: „слухаю батюшка“, а въ сущности безполезно топтался на мѣстѣ, не хуже Глѣба. Надо было подумать о болѣе расторопномъ и смышленомъ помощникѣ, и мнѣ отрекомендовали молодаго малаго проживающаго въ Москвѣ. Дали ему знать, и онъ явился съ полною готовностію приняться за дѣло усердно.

Прежде всего старался я объяснить новому прикащику необходимость прямыхъ и честныхъ отношеній.—Ради Бога изгони разъ навсегда всякую ложь. Проси что тебѣ надо, и говори правду. Сдѣлай замѣчаніе въ случаѣ если найдешь распоряженіе мое неудобнымъ; но если и затѣмъ я останусь при первомъ приказаніи, исполняй его.

— Слушаю.

Рабочихъ годовыхъ мы наняли только шесть и затѣмъ нѣсколько поуспокоились въ надеждѣ приманять еще двухъ въ мартѣ. Между новыми оказался взъерошенный чернолицый и кряжистый, хотя нѣсколько сиротливый, Титъ. На работѣ онъ съ перваго разу показался весьма усердным, но все у него какъ-то не клеилось. Лошадь ли станетъ запрягать, запряжетъ криво и косо; солому ли примется навивать, то же самое.

Ледникъ оконченъ и готовъ принять ледъ. Но гдѣ взять льду? Возить за 7 верстъ съ Неручи—слишкомъ неугобно. Въ большомъ прудѣ вода едва покрыла дно, въ

верхнемъ концѣ, и замерзла; но если она промерзла до дна, льда нельзя колоть, глыбы не будутъ отдѣляться. Разумѣется пошли толки въ родѣ: „да какъ его колоть, не изымешь. Вишь онъ! его теперь прихватило.“ Взглянувъ на берега, я разчелъ, что около плотины глубина воды уже должна быть около двухъ аршинъ, и потому для пробы велѣлъ прорубить четвероугольникъ. Рабочіе, очевидно, считали это дѣло нелѣпою затѣей. Дѣйствительно, углубленіе было сдѣлано почти въ аршинъ, а воды все нѣтъ. Я уже и самъ сталъ терять надежду; но подумавъ, что весной все равно не достанешь льду, такъ какъ по мѣстности неполный прудъ долженъ быть во время зимы занесенъ снѣгомъ сажени на двѣ, велѣлъ колоть далѣе. Недолго затѣмъ длилось мое неловкое положеніе. Еще нѣсколько ударовъ топоромъ и пѣшней, и одинъ изъ рабочихъ крикнулъ вода. Вода точно брызнула фонтаномъ. Ледникъ успѣли набить болѣе чѣмъ въ половину, а тутъ поднялись метели и ледъ замело.

Приходя къ окончанію замѣтокъ о первомъ, кратковременномъ, но тѣмъ не менѣе хлопотливомъ сезонѣ, не могу не высказать еще одного убѣжденія, къ сожалѣнію моему, почерпнутаго изъ опыта. При настоящемъ положеніи вольнаго хозяйства, должно всѣми мѣрами избѣгать сложныхъ производствъ. Никакой глазъ присмотрщика не услѣдитъ за всѣми злоупотребленіями, отъ которыхъ не рѣдко все производство окончательно погибнетъ въ одинъ часъ. Вотъ одинъ изъ такихъ примѣровъ. Въ числѣ прочихъ хозяйственныхъ обзаведеній, я купилъ у предшественника за сходную цѣну сорокъ ульевъ пчелъ; при этомъ онъ выпросилъ у меня позволеніе оставить на пасѣкѣ до зимы четыре колодки, проданныя имъ куда-то на сторону. Старикъ бывшій у него пасѣчникомъ остался до зимы у меня, и такъ хорошо разказывалъ о своихъ способностяхъ ходить за пчелами, что любо было его слушать. Въ концѣ августа надо было осмотрѣть пчелъ, и подрѣзать излишній медъ. Мы выбрали удобный на это день. Приготовивъ чистыя липовыя кадушки, мы отправились на пасѣку. Старикъ вынулъ у первой колодки

колозни (закладки), помолился на востокъ, сдѣлалъ ножомъ крестъ на сотахъ и началъ подчищать. Въ это время я получилъ извѣстіе, по которому немедля долженъ былъ отправиться въ Москву. Дѣлать было нечего; я велѣлъ готовить лошадей. Однако, черезъ часъ сборовъ, пошелъ заглянуть на пасѣку и нашелъ уже одну липовку полную сотами, а другую вощиной. „Сколько тутъ будетъ меду, спросилъ я пчельника, полагая по объему посуды пуда четыре. „Пуда должно быть три есть". „А много подчистилъ?" „Восемь колодокъ." Оставалось подчищать еще тридцать двѣ колодки. И я уѣхалъ, разчитывая по крайней мѣрѣ на двѣнадцать пудовъ меду. Каково же было мое изумленіе, когда по возвращеніи я узналъ, что меду собрано со всѣхъ сорока колодокъ три пуда! Эти три пуда я самъ видѣлъ, такъ украсть ихъ уже нельзя было. Къ чему же, спрашивается, молился и закрещивалъ соты набожный пасѣчникъ? Бѣда была еще бы не велика еслибъ онъ укралъ только медъ. Какъ въ послѣдствіи оказалось, онъ такъ обчистилъ пчелъ, что онѣ едва перезимовали. Здѣсь позволю себѣ маленькій анахронизмъ и забѣгу впередъ. Въ февралѣ 1861 года я сталъ искать пасѣчника. Явился старикъ, который, желая убѣдить меня въ своемъ знахарствѣ, совершенно для меня неожиданно нагнулся ко мнѣ и съ необыкновенною быстротой началъ причитать какую-то спеціальную молитву о пчелахъ. Думая, что онъ долго останется у меня, я не поторопился тогда же записать молитву, но помню изъ нея нѣсколько словъ, особенно меня поразившихъ.

Божія Матерь
Отворяй ворота,
Чтобъ моя пчела,
На полетъ летала (шла на работу),
Чужую пчелу побивала.

Сильныя пчелы, какъ извѣстно, иногда ходятъ на разбой къ чужой пчелѣ. Мошенники пчеловоды не рѣдко нарочно возбуждаютъ своихъ пчелъ къ убійству, ставя имъ водку. Конечно, мошенничество бываетъ вездѣ, но обращаться съ нимъ къ небу въ молитвѣ, значитъ считать его безупречнымъ. Долго еще неуклонному закону придется бдительно стоять на стражѣ, пока русскій человѣкъ не забудетъ своего наивнаго произвола и наслѣдственной лжи. Мнѣ

припомнился теперь разказъ своего сосѣда Ш***. Въ качествѣ церковнаго старосты, Ш*** въ своемъ большомъ и зажиточномъ приходѣ, по праздникамъ, самъ продаетъ свѣчи. „Нерѣдко, говоритъ Ш***, подойдетъ мужикъ съ просьбой:—Копѣечную свѣчку, и наклонясь наухо, прибавитъ:—въ должокъ. Да какъ же братъ деньги-то.—Помилуйте отдамъ, ужели я Господа Бога-то обману. Ну, и подашь ему свѣчку. А сколько я своихъ денегъ за такія свѣчи заплатилъ!..“

Когда выпалъ первый снѣгъ, пріѣхали какіе-то крестьяне съ запиской на подъемъ четырехъ колодокъ. Это было около завтрака. Я велѣлъ прикащику отпустить четыре колодки къ ряду у входа направо. Такъ говорилъ мнѣ самъ продавецъ и показывалъ ихъ моему старостѣ. У меня, помнится, былъ кто-то посторонній, потому я и не выходилъ.

Часу въ четвертомъ пришелъ прикащикъ:—Пожалуйте на пчельню. Мужики шумятъ. Подавай имъ на выборъ лучшія колодки изъ середины.

Я пошелъ на пчельню, и уже издали услыхалъ страшный споръ и шумъ.

— Что вы за люди? спросилъ я толстыхъ и съ виду богатыхъ мужиковъ, въ новыхъ полушубкахъ.

— Крестьяне князя К***.

„А! подумалъ я: вотъ почему вы и кричите.“—Ну, любезные, вы здѣсь не шумите; берите то зачѣмъ пріѣхали, а будете кричать и выдумывать свое, я велю васъ прогнать, и дѣло пойдетъ черезъ становаго. Вотъ ваши колодки. Гдѣ староста?—Пришелъ староста.—Укажи колодки.

— На вотъ, батюшка, извольте посмотрѣть,—и онъ показалъ мнѣ на задней сторонѣ четырехъ колодокъ мѣтки краснаго карандаша продавца.

— Видите. Теперь убирайтесь вонъ.

— Много довольны вашею милостью, — и они, забравъ пчелъ, уѣхали.

Неутѣшительную перспективу представляла наступившая зима. Домъ продувало со всѣхъ сторонъ, зимовать въ немъ не было возможности. Надо было зимой привезть желѣза на крышу, кирпичу, песку, лѣсу, алебастра и прочаго матеріяла для весенней перестройки.

А чѣмъ кормить скотъ и какъ перемолотить безъ машинъ въ трехкопенномъ овинѣ, четыреста копенъ хлѣба? Прим-

лось бы кормить снопами, какъ дѣлалъ мой предшественникъ. Но и тутъ кое-какъ выручилъ меня Ш***, предложивъ возить къ нему немолоченную рожь и брать назадъ солому. Сѣна оставалось въ декабрѣ не болѣе 1.000 пудовъ.

VII. Зимняя дѣятельность.

Въ началѣ декабря наступила стужа, поднялись метели. Новыя, необшитыя и неоштукатуренныя стѣны дома рѣшительно не защищали отъ вѣтру. Зимовать очевидно было не возможно, да къ тому же дѣла звали въ Москву, куда я и прибылъ около половины декабря. Здѣсь первою заботой моею было заказать молотилку и вѣялку, безъ которыхъ полевое хозяйство будущимъ лѣтомъ было бы невозможно. Знакомый мой, опытный хозяинъ, посовѣтовалъ мнѣ обратиться къ г. Вильсону, у котораго на механическомъ заводѣ приготовляются большею частію такъ называемыя хуторскія двуконныя молотилки. Я послушался совѣта, не медля обратился къ г. Вильсону, и тутъ же заключилъ съ нимъ условіе, по которому онъ обязался поставить мнѣ къ 1-му февраля хуторскую молотилку съ чугуннымъ приводомъ, для большей легкости на три, а не на двѣ лошади, и ручную вѣялку, могущую въ случаѣ нужды дѣйствовать и конннымъ приводомъ. Въ деревнѣ между тѣмъ было поручено прикащику исправно увѣдомлять меня о ходѣ пріуготовительныхъ работъ по предстоящей отдѣлкѣ дома, которую мнѣ хотѣлось окончить какъ можно ранѣе весною, чтобы быть совершенно свободнымъ для полевыхъ занятій. На этотъ конецъ я условился о покупкѣ и доставкѣ въ деревню къ февралю необходимыхъ матеріяловъ: лѣсу, кровельнаго желѣза, кирпичу, извести (на обкладку стѣнъ), песку, который въ нашей черноземной полосѣ добывать довольно затруднительно, и т. п. Для внутренней отдѣлки я велѣлъ нанять столяровъ, а *сухимъ* ясеневымъ деревомъ мнѣ заблаговременно назвался сосѣдній лѣсоторговецъ, у котораго я въ теченіе осени забралъ довольно различнаго лѣснаго матеріялу. Полы въ домѣ, хотя и новые, были весьма неплотны, и я рѣшился лучше заказать паркетъ въ Москвѣ. Казалось, все напередъ было обдумано и разчитано, но

зная какъ всѣ дѣла у насъ дѣлаются, я никакъ не могъ успокоиться въ Москвѣ, и распечатывалъ каждое письмо приказчика не безъ замиранія сердца. Предчувствіе не обмануло меня. Въ началѣ февраля я получилъ довольно лаконическое извѣщеніе, что ничего изъ *приказаннаго* не дѣлается, что столяровъ нанято трое и они уже напилили брусьевъ и фанеръ для дверей, но ясень оказался сырой и всю заготовку порвало въ щепки. Молотилка и вѣялка должны были скоро быть готовы къ отправленію, и г. Вильсонъ, у котораго, сверхъ полной стоимости машинъ, оставалось въ конторѣ 20 р. сер. моихъ денегъ, совершенно успокоилъ меня насчетъ скорой ихъ отправки, а равно насчетъ присылки въ маѣ машиниста, который долженъ по условію установить машины на мѣстѣ и пустить ихъ въ ходъ, получая у меня по 75 коп. въ день харчевыхъ. Кромѣ того, я обязался отправить его на мой счетъ въ Москву. На другой день по полученіи роковаго письма, худыя почтовыя лошади валяли меня съ боку на бокъ по невообразимымъ ухабамъ московско-харьковскаго шоссе, и черезъ трое сутокъ, я прибылъ домой. Оказалось, что приказчикъ ничего не преувеличилъ въ своемъ письмѣ. Я засталъ столяровъ граціозно полирующихъ присланную изъ Москвы мебель, а за ними груды потрескавшагося ясеня. Строительный матеріялъ не только не привезенъ, но даже и не купленъ. Дороги адскія. Ни плотниковъ, ни кровельщиковъ нѣтъ, а между тѣмъ надо сейчасъ снимать крышу, передѣлывать стропилы и крыть желѣзомъ.

Какъ? и это все въ февралѣ?—Да что жь дѣлать? Съ крышей, при усердной работѣ, надо провозиться мѣсяцъ, а въ мартѣ пойдутъ весенніе дожди, потолокъ протечетъ, и вся привозная мебель должна погибнуть. Оставить же дѣло до іюня значитъ обречь себя на столпотвореніе въ продолженіе всего лѣта. Во время полевыхъ работъ нужно жить дома, а какъ жить въ немъ, когда крыша и двери сняты, стѣны и потолки штукатурятся, а полы выломаны? Дополняя картину неустройства, я долженъ прибавить, что единственно спасительная мѣра перевозки хлѣба къ Ш*** и соломы обратно отъ него ко мнѣ, оказалась на практикѣ весьма неудобною. При значительной раструскѣ дорогой мелкаго и крупнаго корма, двойная перевозка до того была обременительна для лошадей, что я засталъ вообще всю

скотину въ самомъ жалкомъ видѣ. На жеребятахъ отъ худобы показалась даже сыпь. Къ счастію, я не продавалъ ни зерна ржи изъ моего небольшаго запаса, и тотчасъ же велѣлъ давать отъ четырехъ до пяти фунтовъ муки въ сутки на каждую голову. Это усиленное, но дорогое средство спасло скотину. Плотниковъ на крышу я нанялъ издѣльно. Лѣсъ привезли. За невозможностію въ скоромъ времени отыскать для столяровъ сухаго ясеня, я нашелъ стараго дубу, и работа немедленно началась.

Не даромъ русская пословица говоритъ: „на добрыхъ воду возятъ“. Эта пословица очевидно произошла изъ опыта. Если у васъ есть между рабочими лошадьми замѣчательно добрая, будьте увѣрены, никакой присмотръ, никакія увѣщанія, не спасутъ бѣднаго животнаго отъ ежеминутныхъ попырокъ. Сѣна ли привезть, хоботья ли насыпать, соломы ли навозить, кого взять?—рыжаго. Послать куда поскорѣе,—на рыжемъ. Однимъ словомъ, бѣдный рыжій за все отвѣчаетъ. Понятно, что въ дальней дорогѣ или на тяжелой работѣ всякому пріятнѣе имѣть лошадь не требующую ежеминутныхъ понуканій; но возить кормъ около дома рѣшительно все равно, слишкомъ или не слишкомъ ретива лошадь. Но рыжій не даромъ слыветъ добрымъ, и поэтому оброть уже сама его ищетъ по двору между всѣми другими отдохнувшими лошадьми. При окончательномъ разгромѣ дома, я поневолѣ долженъ былъ прибѣгнуть къ прошлогодней системѣ, то-есть поселиться на жительство у Ш***, и къ себѣ пріѣжать ежедневно по утрамъ на нѣсколько часовъ.

Надобно нанять кровельщиковъ. Мнѣ сказали, что мценскіе и сходнѣй и искуснѣй орловскихъ. Кромѣ того, необходимо было по дѣламъ побывать во Мценскѣ; но дороги были такъ дурны, что я предпочелъ поѣхать туда черезъ Орелъ, гдѣ надѣялся самъ купить кровельнаго желѣза, которое въ то время страшно поднялось въ цѣнѣ. Наканунѣ отъѣзда я велѣлъ прикащику приготовить необходимое, по количеству желѣза, число подводъ, и ѣхать съ ними въ Орелъ за матеріаломъ, считая по дурной дорогѣ отъ 20 до 25 пудовъ на лошадь. Въ Орлѣ я купилъ желѣза, велѣлъ накладывать, а самъ поѣхалъ далѣе. Вернувшись изъ Мценска спрашиваю:—Что? привезли желѣзо?

— Слава Богу привезли благополучно и сложили. Только

что-то нашъ рыжій не веселъ, корму не ѣстъ, а всю дорогу щелъ передомъ (впереди обоза) и везъ слишкомъ тридцать пять пудовъ.

Не удивительно, что онъ не веселъ и не ѣстъ корму. Однако пойдемъ посмотримъ его. Я нашелъ бѣднаго рыжаго въ общемъ денникѣ съ сильнѣйшимъ отдѣленіемъ злокачественной мокроты изъ ноздрей. Очевидно, у него открылся сапъ.

Завѣдывавъ въ продолженіи пяти лѣтъ, въ качествѣ полковаго адъютанта, коннымъ лазаретомъ, я волею и неволей присмотрѣлся къ разнороднымъ явленіямъ конскихъ болѣзней и въ особенности *сапа*, долго свирѣпствовавшаго въ нашемъ полку. Эта ужасная и въ высшей степени прилипчивая болѣзнь до того упорна, что никакія врачебныя пособія, ни самыя энергическія мѣры полковаго командира, при первомъ проявленіи заразы, не могли избавить отъ нея полка. Самое зданіе коннаго лазарета оказывалось заразительнымъ. Ни обмазываніе известью, ни хлоръ, ни изысканная чистота, не помогали злу. Только походъ во время венгерской кампаніи, въ продолженіи котораго опустѣвшій и растворенный конный лазаретъ вымерзалъ двѣ зимы, избавилъ полкъ отъ давнишняго бѣдствія. Сапъ заразителенъ не только для лошадей, но и для людей, приходящихъ въ соприкосновеніе съ больными животными, и въ этомъ случаѣ никакія средства не помогаютъ. Мучительная смерть неизбѣжна. Мнѣ сказывали, что въ К. гусарскомъ полку погибли два служителя при конномъ лазаретѣ, которые, несмотря на строгое запрещеніе, завертывались на ночь въ попоны съ больныхъ лошадей. Все сказанное я считалъ необходимымъ объяснить прикащику, старательному молодому человѣку. Тѣмъ не менѣе онъ съ какою-то полуулыбкой увѣрялъ меня, что это голова у рыжаго болитъ и что когда мокрота сойдетъ, ему будетъ легче.

— Однако, вотъ отдѣльное стойло, сказалъ я,—загони его туда и сдѣлай милость присмотри, чтобъ онъ не приходилъ ни въ какое соприкосновеніе съ остальными лошадьми. Кормъ и водопой должны быть отдѣльные; иначе всѣ лошади пропадутъ и весь дворъ надо будетъ бросить.

— Слушаю.

На другой день пріѣзжаю, и, представьте себя на моемъ мѣстѣ, застаю рыжаго въ общемъ денникѣ. Повторяю,

прикащикъ человѣкъ старательный и практически не глупый. Но что̀ сдѣлаешь противъ рутины? Разумѣется, лошадь была тотчасъ же совершенно отдѣлена отъ здоровыхъ, и несмотря на увѣренія прикащика что ей гораздо лучше, на третій день пала.

Много у насъ было писано со всѣхъ концовъ Россіи о высокознаменательномъ событіи прошлаго февраля и о томъ какъ принятъ былъ крестьянами благодѣтельный манифестъ, но говоря въ свою очередь о прошлогоднемъ февралѣ, не могу не прибавить нѣсколько словъ отъ себя. Предварительныхъ толковъ въ образованныхъ классахъ было довольно. Наконецъ ожиданія разрѣшились разсылкою манифеста. Оставалось только его обнародовать, то-есть прочесть крестьянамъ по церквамъ. Нельзя отрицать, чтобы бо́льшая часть людей мыслящихъ не смотрѣла на будущее воскресенье почти съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ мореходецъ смотритъ на ярко-прекрасную зорю, обѣщающую перемѣну вѣтра, и на безсознательное море, которое, Богъ его знаетъ, взволнуется или не взволнуется. Однако воскресенье пришло, а море и не думало волноваться. У него даже не зарябило въ глазахъ отъ лишней чарки водки. Крестьяне обычнымъ порядкомъ разъѣхались по дворамъ, и вѣроятно, каждый въ своей семьѣ, занялись истолкованіемъ совершившагося событія. Мы съ Ш*** встрѣтили на порогѣ только что вернувшагося отъ обѣдни старосту его имѣнья.

— Что, Михайло, слушали манифестъ?

— Какъ жъ, батюшка! слушали.

— Что жъ? вы его поняли?

— Какъ не понять! Поняли одно, что надо теперь всѣхъ слушаться отъ мала до велика.

Приходилось мнѣ спрашивать и другихъ крестьянъ о томъ же. Отвѣты были въ подобномъ же смыслѣ.

Возвращаюсь къ разказу.

Нужный для построекъ песокъ отыскался въ лугу крестьянъ деревни С***, смежныхъ съ хуторскими мужиками моего сосѣда Ш***, верстахъ въ трехъ отъ меня. До меня никто не покупалъ песку, какъ никто не покупалъ воды и снѣгу, несмотря на то что въ трехъ верстахъ оттуда и помѣщики и крестьяне давно торгуютъ бѣлымъ камнемъ. Но то камень, а это песокъ. Я послалъ попросить у ста-

росты деревни С*** позволенія брать песокъ и, разчитавъ какъ трудно добываніе его въ зимнее время, самъ назначилъ за четверть 30 k. сереб. Очевидно, крестьяне этой деревни, которымъ всего сподручнѣе было воспользоваться предстоявшими заработками, сочли продажу и возку песка химерой. Песокъ мнѣ брать позволили; но никто изъ крестьянъ и не тронулся рыть и возить его

За то хуторскіе мужики Ш*** дѣятельно принялись за работу, и песку мнѣ навезли не мало. Къ концу февраля наступили оттепели, по дорогамъ образовались зажоры, и возка сдѣлалась страшно затруднительною. Тогда только крестьяне деревни С. догадались, что вѣрно можно и пескомъ торговать, когда ихъ сосѣдямъ да за ихъ же песокъ платятъ чистыя деньги. Они наотрѣзъ отказали крестьянамъ хуторскимъ въ пескѣ, говоря что ужь лучше они сами будутъ брать деньги. Мало того, что С—скіе мужики стали на перебой между собою возить песокъ по выдуманной мною цѣнѣ, у нихъ за эту же цѣну явились конкурренты за 7 верстъ отъ меня, которые, по невозможности за дурною дорогой доставлять песокъ одиночками, возили его парами. Какъ нова и дика была для крестьянъ мысль о цѣнности личнаго труда, я еще яснѣе увидѣлъ въ послѣдствіи. При сложныхъ на него требованіяхъ съ моей стороны, мнѣ приходилось подобнымъ же образомъ и съ одинаковымъ успѣхомъ назначать отъ себя положительныя цѣны по разнымъ отраслямъ труда. Съ открытіемъ весны, когда крестьяне уже опытомъ научились брать съ меня деньги, они все-таки остались при внутреннемъ убѣжденіи, что торговали несуществующими цѣнностями, то-есть, по ихъ же выраженію, брали деньги даромъ. Вся округа говорила про меня: „Вѣрно у него денегъ много, когда онъ намъ ихъ даромъ раздаетъ.“—Да за что же онъ вамъ ихъ даетъ?—„А Богъ его знаетъ! Мы и сами не знаемъ.“ Я не только не давалъ даромъ денегъ, но платилъ цѣны весьма умѣренныя. Въ послѣдствіи мы увидимъ, что въ знакомыхъ уже крестьянамъ отрасляхъ труда и промыслахъ они не такъ сговорчивы на дѣло, и не такъ податливы въ цѣнѣ. Возить напримѣръ хлѣбъ на рынокъ мужичокъ готовъ, но ломитъ цѣну неслыханную. „Это дѣло—хлѣбъ, а то песокъ.“ Невѣроятно, а правда.

Послѣ долгихъ и напрасныхъ поисковъ, нашелся простой мужикъ штукатуръ. Мы поладили въ двухъ словахъ,

условясь въ платѣ за квадратную сажень. Онъ получилъ 15 р. с. задатку и пошелъ набирать рабочихъ. Ш*** тоже искалъ штукатура. На другой день явился великій краснобай изъ-за Мценска, положительно увѣрявшій, что нанятый мною мастеръ не въ силахъ сдѣлать моей работы. Къ стыду моему, краснобай меня уговорилъ. Такъ какъ Ш*** въ свою очередь нуждался въ штукатурѣ, то мы предложили первому рядчику стать на новую работу, на тѣхъ же условіяхъ, на что онъ легко согласился. Но меня краснобай жестоко наказалъ за мою довѣрчивость. Онъ взялъ, правда, небольшой задатокъ; но съ тѣхъ поръ я его не видалъ, и что еще хуже, я поджидалъ его артель въ то время, когда уже нужно было работать. Разумѣется, не желая прибавлять къ убыткамъ новые убытки, я его и не разыскивалъ, хотя зналъ его имя и мѣсто жительства.

Всякая законность потому только и законность, что необходима, что безъ нея не пойдетъ самое дѣло. Этой-то законности я искалъ и постоянно ищу въ моихъ отношеніяхъ къ окружающимъ меня крестьянамъ, и вполнѣ увѣренъ, что рано или поздно она должна взять верхъ и вывести нашу сельскую жизнь изъ темнаго лабиринта на свѣтъ Божій. Но единицамъ добиться въ этомъ отношеніи цѣли въ настоящее время не только трудно, а едва ли возможно. Вздумавъ однажды утромъ взглянуть на работу поденьщика Алексѣя, поступившаго ко мнѣ по примѣру прошлаго года, я увидалъ весьма бѣдноодѣтаго крестьянина, державшаго на веревкѣ тощую косматую корову, едва ли не изъ числа видѣнныхъ Фараономъ во снѣ. Надо прибавить, что тощій крестьянскій скотъ, особенно лошади, въ нашей сторонѣ исключеніе. На это есть свои причины, о которыхъ я быть-можетъ скажу въ своемъ мѣстѣ нѣсколько словъ. На этотъ разъ мужикъ и его корова не представляли образцовъ довольства.

— Что тебѣ надо? спросилъ я мужика.

— Да вотъ, батюшка, привелъ коровку къ вашему бычку. Сдѣлай божескую милость, не откажи.

— Ты откуда?

— Да вотъ мы съ Алексѣемъ изъ одной деревни, онъ меня знаетъ!

Частые истребительные падежи скота, въ нашихъ мѣстахъ, вынуждаютъ быть крайне осторожнымъ на счетъ

сближенія своей скотины съ чужою. Поэтому прошлою осенью я отказалъ гуртовщику въ просьбѣ прогнать по моей отавѣ гуртъ, хотя онъ мнѣ за это предлагалъ порядочную плату. А тутъ неизвѣстная, да еще болѣзненная на видъ корова. Не смотря на это первымъ моимъ побужденіемъ было уступить просьбѣ бѣднаго мужика, не въ примѣръ другимъ. Авось такъ пройдетъ! Я зналъ, однако, что сдѣлать это безъ всякихъ условій, значило бы привлечь къ себѣ на дворъ цѣлую округу. Поэтому я обратился къ мужику съ слѣдующими словами:

— Я ни своей скотины на чужую землю, ни чужой на свою не пускаю. И всякую приведенную или пущенную сюда корову буду забирать и отсылать въ станъ; на этотъ разъ, такъ и быть, выручу тебя по-сосѣдски. Почемъ у васъ бабы продаютъ куръ? (Мнѣ нужны были куры, и я скупалъ ихъ у сосѣдей.)

— Да кто ихъ знаетъ? Бабье дѣло.

— Однакожь? дороже четвертака не продаютъ?

— Точно что не продаютъ.

— У тебя есть продажныя?

— Есть.

— Сколько?

— Да съ пятокъ будетъ.

— Ты поѣдешь въ воскресенье мимо меня?

— Какъ же, бютюшка, поѣду.

— Привези же мнѣ четырехъ, или какъ ты говоришь пятокъ куръ, а я тебѣ заплачу по четвертаку.

— Слухаю, батюшка. Съ чего жь?

— Да ты смотри не обмани.

— То-то, ты смотри, Митрій! не обмани, вмѣшался вслушавшійся въ нашъ разговоръ Алексѣй. — Вѣдь это, братъ, обмануть не своего брата мужика. Не приходится.

Я сталъ объяснять мужикамъ, что обманъ все обманъ, къ кому бы онъ ни относился, въ чемъ оба были совершенно согласны, и въ доказательство окончательнаго уразумѣнія моихъ словъ, Алексѣй съ удареніемъ повершилъ:

— Вѣдь это обмануть не своего брата мужика, это не приходится.

Просьба мужика была исполнена, а куръ онъ мнѣ не привезъ.

Приводить новыхъ примѣровъ пониманія и исполненія условій и договоровъ со стороны нашихъ крестьянъ, я болѣе не буду, хотя могъ бы привести ихъ сколько угодно.

VIII. Контрактъ.

Съ наступленіемъ марта, явилась необходимость нанимать недостающихъ годовыхъ рабочихъ и одного лѣтняго на подмогу. Первымъ годовымъ цѣна уже была опредѣлена съ осени, а съ лѣтнимъ надо было торговаться. Прошлогодній горькій опытъ окончательно убѣдилъ меня, что давать задатку рабочимъ, безъ обезпеченія насчетъ исполненія ими условій договора, нельзя. Но чѣмъ себя обезпечить? Контрактомъ? Что же писать въ этомъ контрактѣ? Говорить въ немъ о штрафахъ — нечего и думать. Ни одинъ рабочій не пойдетъ къ вамъ ни за какія деньги. Послѣ многихъ соображеній, я выставилъ въ контрактѣ слѣдующіе пункты: „Обязанъ я (имрекъ) 1) вести себя честно и трезво; 2) никуда, ни подъ какимъ предлогомъ, безъ разрѣшенія начальства, не отлучаться; 3) всякую порученную мнѣ работу, во всякое время, исключая годовые праздники, исполнять усердно и безъ отговорокъ; 4) за порученными мнѣ вещами смотрѣть старательно и хранить ихъ въ цѣлости; 5) довольствоваться здоровою и сытною пищей и особаго какого харча и содержанія не требовать. А буде я вышесказаннаго не исполню, то подвергаю себя за то отвѣтственности передъ закономъ.“

Написавъ послѣднія слова, я невольно улыбнулся. Какъ будто законъ, карая меня за противозаконные поступки, справляется, давалъ ли я подписку подвергать себя отвѣту передъ нимъ, или не давалъ! Но при составленіи контракта, я болѣе всего имѣлъ въ виду тотъ врожденный трепетъ, съ которымъ русскій человѣкъ смотритъ на всякую грамотку. Я не ошибся въ моемъ предположеніи. Этотъ страхъ оказался такъ великъ, что я рисковалъ остаться безъ рабочихъ, на что я впрочемъ и рѣшался лишь бы только не имѣть передъ собою грустной перспективы остать-

ся съ незаконтрактованными рабочими. Съ другой стороны, я былъ увѣренъ, что стоило мнѣ съ законтрактованными рабочими прожить годъ, такъ чтобъ о контрактѣ, какъ о непріятномъ предметѣ, не было и помину, то я буду спасенъ. Но какъ поймать перваго рабочаго? Случай на этотъ разъ помогъ мнѣ. Читатель, быть-можетъ, не забылъ прошлогодняго исправнаго работника Карпа, котораго негодяй Гаврила такъ безцеремонно взялъ у меня до срока. Вотъ этотъ-то Карпъ явился наниматься *на лѣто*. Въ цѣнѣ мы скоро сошлись; но главное затрудненіе было убѣдить его подписать составленный мною контрактъ.

— Ты помнишь, сказалъ я ему,—какъ твой дядя въ прошломъ году снялъ тебя до срока. Теперь, чтобъ этого не могло быть, я никого, кто проситъ впередъ денегъ, не нанимаю безъ контракта. Грамотѣ ты самъ не знаешь; сходи къ дворнику на Кресты, попроси его прочесть то что я тебѣ прочелъ; дай ему руку, онъ за тебя подпишетъ, и тогда приходи за задаткомъ. Ты слышишь, здѣсь въ бумагѣ написано то же что̀ ты мнѣ обѣщаешь на словахъ. Я тебѣ быть-можетъ и на слово бы повѣрилъ; но дядѣ твоему не повѣрю, и безъ контракта тебя не возьму.

Задатку Карпъ, нанявшійся за 27 р. 50 к., просилъ 10. Послѣ долгихъ колебаній, контрактъ былъ подписанъ; оставалось только отдать деньги, за которыми онъ хотѣлъ придти вечеромъ. Между тѣмъ, тотчасъ же послѣ обѣда, явился дядя его, Гаврила, съ словами:—Пожалуйте деньги.

— Я тебѣ денегъ не дамъ, потому что нанимался не ты, а твой племянникъ, на имя котораго и написано увольнительное отъ помѣщика свидѣтельство. Приведи Карпа, и я при тебѣ ему отдамъ десять рублей.

— Нѣтъ, малый не можетъ получать деньги, потому что я ему хозяинъ. (Этотъ хозяинъ постоянно обираетъ бѣднаго Карпа, который вслѣдствіе того всегда одѣтъ весьма плохо.) Такого и закона нѣтъ, чтобы малый могъ безъ меня наниматься.

Напрасно старался я объяснить Гаврилѣ, что теперь напротивъ нѣтъ закона, чтобы кто-нибудь могъ отдавать другаго въ работу. Онъ стоялъ на своемъ.

— А коли такъ, значитъ я сниму малаго.

— Ты ни отдавать, ни снимать его не можешь, потому что

онъ нанятъ у меня по контракту, и я знаю его, а тебя и знать не хочу.

Тутъ новыя объясненія безопасности контракта, и за всякимъ разомъ возгласъ:

— Оно такъ, да на что жь вы малаго-то подъ *кундрахъ* подвели. Мы люди темные, такъ что намъ *кундрахъ*. Мнѣ *кундрахъ* не нуженъ.

— Я писалъ контрактъ не для забавы, и писалъ его не для темныхъ людей, а для себя, и если онъ тебѣ не нуженъ, то онъ мнѣ нуженъ, а ты если будешь приставать со вздоромъ, то я тебя не велю сюда пускать.

Вошелъ Карпъ.—Вотъ Карпъ, если тебѣ нужны деньги, возьми десять рублей.

— Нѣтъ, какъ можно деньги брать впередъ, вдругъ неожиданно заговорилъ Гаврила;—надо ихъ прежде заработать, а тогда ужь свое и получить. Мы денегъ впередъ невозьмемъ.

Они дѣйствительно такъ и сдѣлали, и взяли первые 10 р. только послѣ Святой. Карпъ благополучно дожилъ до послѣдняго дня срока. Гаврила болѣе не показывался. О контрактѣ не было все лѣто помину; но онъ произвелъ магическое дѣйствіе бумаги (грамоты) на людей темныхъ, хотя въ сущности исполненіе его не было гарантировано. Что бы я сталъ съ нимъ дѣлать, еслибы подписавшій его нарушилъ условія? Повелъ бы дѣло, во время уборки, судебнымъ порядкомъ, что ли? Предположимъ даже, что я выигралъ бы его черезъ два года, спрашивается: что бы я выигралъ этимъ выигрышемъ? Все это очень ясно; а тѣмъ не менѣе, желая усилить магическую силу грамоты, я изъ писанныхъ превратилъ контракты въ печатныя бланки, и въ прошлую осень неиначе нанималъ годовыхъ рабочихъ какъ по такимъ документамъ. Карпъ проторилъ темную дорогу контракта. Мимоходомъ скажу нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ Гаврилы. Съ выборомъ посредниковъ, выбирали и сельскихъ старостъ. Не удивительно ли, что крестьяне села, въ которомъ живетъ Гаврила, не нашли никого хуже его въ сельскіе старосты? Этотъ пьяный, нахальный, вѣчно хитрящій и между тѣмъ странно тупой и безтолковый мужикъ, сдѣлавшись старостой, накуралѣсилъ такъ исправно, что его пришлось, какъ

я слышалъ, арестовать, оштрафовать, тѣлесно наказать и смѣнить. Стало-быть онъ прошелъ все что могъ.

О крестьянахъ того же села разказывали у насъ въ томъ же году довольно оригинальный анекдотъ. Въ помѣщичьемъ саду стояли, да и теперь еще стоятъ, небольшія мѣдныя пушки, изъ которыхъ стрѣляли въ торжественные дни. Довольно значительная стоимость пушекъ соблазнила какихъ-то охотниковъ до легкихъ работниковъ. Когда два вора сняли двѣ пушки съ лафетовъ, и наваливъ на возъ, поскакали съ ними черезъ деревню, помѣщичій староста, замѣтивъ похищеніе, вскочилъ на лошадь, и бросился въ погоню. На деревнѣ онъ сталъ звать мужиковъ на помощь; но они отозвались, что сегодня не барскій, а крестьянскій день, и потому имъ воровъ довить не для чего.

III. Весеннія затрудненія.

Въ началѣ апрѣля снѣгъ сошелъ и, несмотря на значительные холода, кое-гдѣ начала пробиваться молодая травка. Скудость зимняго корму заставляла думать о томъ, какъ бы поскорѣе выгнать скотину въ поле. Желая осмотрѣть сѣнокосный лугъ, я поѣхалъ туда верхомъ и засталъ все стадо, и весь табунъ сосѣдей купцовъ К*** на моемъ сѣнокосѣ. Пастухъ даже не торопился сгонять стадо. Тутъ только, желая отбить и загнать къ себѣ корову или лошадь, я убѣдился какъ трудно, если не совершенно невозможно, исполнить это одному. Подо мной была рѣзвая и очень поворотливая лошадь, такъ что я легко могъ и догнать и заворотить любую скотину. Но едва вы ее завернули, она огибаетъ васъ за крупомъ лошади, и заворачиваніе начинается снова, и такимъ образомъ можно вальсировать до безконечности.

Я уже говорилъ о близости воды въ нашей почвѣ. Это хорошо въ агрономическомъ отношеніи, но для построекъ невыносимо. Еще въ мартѣ, во время полой воды, пришлось выбираться изъ выхода подъ домомъ. Несмотря на каменные своды, вода прибывала въ немъ ежедневно, и наконецъ весь выходъ превратился въ подземный водоемъ,

въ которомъ не выбранныя овощи плавали въ самомъ живописномъ безпорядкѣ. Вотъ и земля оттаяла, а вода въ выходѣ не убываетъ. Она можетъ остаться почти на все лѣто, и тогда придется завалить выходъ, и сдѣлать новый на иномъ мѣстѣ. Удобнѣй всего ему быть тамъ, гдѣ онъ есть, да и кто поручится, что и на новомъ мѣстѣ онъ будетъ сухимъ выходомъ, а не колодцемъ? Долго думалъ я, какъ тутъ быть? Устроить машину неудобно: выходъ подъ самымъ домомъ. Черпать ведрами еще хуже: эта работа Донаидъ будетъ повторяться каждую весну. Наконецъ, я какъ Архимедъ воскликнулъ: нашелъ, нашелъ! Лучше всего сдѣлать подземный каменный тоннель, провести его изъ выхода въ ближайшую садовую канаву, которую придется углубить, и этимъ путемъ спустить воду въ прудъ. Хотя тоннель и придется устраивать на четырехъ-аршинной глубинѣ, но все-таки такое устройство обойдется дешевле новаго погреба. Я объяснилъ свою мысль поденьщику Алексѣю, привычному ровокопу, и онъ взялся за условленную плату исполнить ее. Надо было прорыть глубокую канаву къ самому фундаменту, и потомъ на четырехъ-аршинной глубинѣ подрыться подъ фундаментъ и подъ кухню, и только тогда можно было попасть на каменную стѣну выхода, чтобы проломать въ ней отверстіе. Уже при наружной работѣ, стѣны глубокой канавы безпрестанно отсѣдали, и земля огромными глыбами обваливалась, а когда дошли до фундамента, то и Алексѣя и меня начало брать сильное раздумье. Ну какъ, и тутъ земля станетъ валиться, и мы завалимъ фундаментъ на домъ, да пожалуй подавимъ сапе-ровъ? Судя по обстоятельствамъ, надо было непремѣнно ожидать этихъ бѣдствій, и мысль о нихъ до того меня запугала, что я далъ Алексѣю новыя деньги за то, чтобъ онъ поскорѣе засыпалъ часть своей же работы. Вдругъ неожиданно является прошлогодній солдатъ-копачъ, Михайло. Посмотрѣвъ на нашу затѣю, онъ рѣшительно объявилъ, что *ему*, то-есть Алексѣю, этого не сдѣлать.

— Ну, а ты сдѣлаешь?

— Сдѣлаю, ваше высокоблагородіе. Тутъ надо подпорка, и мы будемъ работать сидя.

— Сдѣлай милость, работай какъ хочешь, лишь бы успѣшно. Если окончишь, получишь отъ меня, кромѣ условленной платы, особое награжденіе.

Съ этими словами я уѣхалъ на нѣсколько часовъ по одному дѣлу. Вернувшись къ полдню, застаю Михайла на крыльцѣ.

— Что̀ тебѣ надо?

— Ваше высокоблагородіе, позвольте слово сказать.

— Хоть два.

— Оно точно, что погребъ-то весь подъ домомъ, да рукавъ-то съ каменною лѣстницей, вѣдь онъ нижнимъ-то концомъ, то-есть нижнею площадкой, вышелъ подъ галдарею. Тамъ сказываютъ воды-то, что въ погребѣ, что на площадкѣ, глубина одна. Я и самъ видѣлъ, лѣстницу-то каменную высоко залило. Зачѣмъ же намъ идти канавой подъ домъ? Позвольте намъ за уголъ обвести, да привесть къ площадкѣ. Вода все едино до капли должна сбѣжать. А фундамента мы нигдѣ не тронемъ.

Эта здравая и совершенно простая мысль, не пришедшая однакоже никому изъ насъ въ голову, привела меня въ восторгъ.

Я не могъ при всѣхъ плотникахъ и каменьщикахъ не признать Михайла молодцомъ и не выдать ему тотчасъ же обѣщаннаго награжденія. Тоннель, дѣйствительно, и прокопали, и выложили камнемъ въ три дня, и вода сбѣжала вся.

Ай да Михайло! исполать! Никогда не забуду, какъ отрадно было мнѣ среди тупаго непониманія и нежеланія понимать, встрѣтить самодѣятельную усердную догадку.

IV. Пѣсня.

Погода установилась ясная и теплая. Хотя мнѣ еще нельзя было жить дома, но я пріѣзжалъ попрежнему ежедневно сводить счеты съ рабочими, и сидя за работой въ комнатѣ, нерѣдко уже отворялъ окно на галерею. Всѣмъ извѣстна привычка русскаго ремесленника пѣть во время работы. Пахарь не поетъ; за то плотники, каменьщаки, штукатуры—почти неумолкающіе пѣвцы. Послѣднее слово напоминаетъ очаровательный разказъ Тургенева: но я не былъ такъ счастливъ, чтобы встрѣтить что-нибудь похожее на описанныхъ имъ пѣвцовъ. Много переслушалъ я

русскихъ пѣсень, но никогда не слыхалъ ничего сколько-нибудь похожаго на музыку.

„Грустный вой пѣсня русская.“ Именно вой. Это даже не извѣстная послѣдовательность нотъ, а скорѣе какой-то произвольно акцентированный ритмъ одного и того же неопредѣленнаго носоваго звука. У женщинъ пѣніе—головной визгъ. И то и другое крайне непріятно. Говорятъ, на Волгѣ поютъ хорошо. На Волгѣ я не бывалъ. А можетъ-быть, когда завоютъ на Волгѣ, скажутъ, что на Уралѣ хорошо поютъ. Какъ бы то ни было, прошлою весной я жилъ въ мірѣ русскихъ пѣсень, или лучше сказать, русской пѣсни, потому что мѣняются одни слова, а пѣсня все та же. Она неслась съ крыши, съ балкона, съ кирпичныхъ стѣнъ, отовсюду, и я уже не обращалъ на нее никакаго вниманія, какъ нѣкогда живя въ десяти шагахъ отъ морскаго прибоя, не обращалъ вниманія на его шумъ. Въ плотничьей артели былъ красивый, сильно-сложенный и щеголеватый малый. Имѣя дѣло съ подрядчикомъ, я не зналъ плотниковъ по именамъ и даже мало обращалъ на нихъ вниманія; но этого нельзя было не замѣтить. Невысокая поярковая шляпа съ павлиньимъ перомъ такъ красиво сидѣла на густыхъ, вьющихся бѣлокурыхъ волосахъ, образовавшихъ подъ ея небольшими полями тугой и пышный вѣнокъ. Кудри эти были всегда тщательно расчесаны. Однажды, сидя у растворенаго окна, я увидалъ этого парня усердно пробирающаго топоромъ паз въ столбѣ для будущей стеклянной рамы на галереѣ. Онъ затянулъ пѣсню, которая тотчасъ обратила на себя мое вниманіе, не напѣвомъ или гармоніей, голосъ пѣсни былъ одинъ и тотъ же стереотипный, но словами, и я началъ вслушиваться.

Парень затянулъ извѣстный романсъ:

„Отгадай, моя родная,
Отчего я такъ грустна
И сижу всегда одна я
У завѣтнаго окна.“

Каково! подумалъ я. Вотъ оно куда пошло. А между тѣмъ я смутно чувствовалъ, что содержаніе романса, несмотря на свою незатѣйливость, далеко не по плечу пѣвцу.

Романсъ трактуетъ чувство дѣвушки, волнуемой еще безпредметною любовью, въ которой она не можетъ дать себѣ

отчета. Кто не слыхалъ, какъ въ устахъ людей, не усвоившихъ собственныхъ именъ русской географіи, стихъ извѣстной пѣсни, „и колокольчикъ даръ Валдая,“ превращался: въ „колокольчикъ *гаргалгая*“? Подобные варіанты встрѣчаются даже у институтокъ. Чего же я долженъ былъ ожидать отъ крестьянина? Однако строфа вытягивались за строфой, не представляя никакихъ диковинокъ. Наконецъ дѣло дошло до куплета:

„Лягу я въ постель, не спится,
Мысли бродятъ вдалекѣ,
Голова моя кружится,
И сердечушко въ тоскѣ.“

Какъ, подумалъ я, справится пѣвецъ съ этими отвлеченностями? Онъ затянулъ:

„Лягу я въ постель не спится—э-э-эхъ
Никто меня не береть.“

Нужно же ему было объяснить, почему ей не спится, а слѣдующій стихъ:

„Мысли бродятъ вдалекѣ.“

не имѣющій для него никакого значенія, какъ ничего не объясняющій, замѣненъ весьма понятнымъ:

„Никто меня не береть“.

Что за бѣда что онъ въ явной враждѣ съ содержаніемъ романса! За то понятенъ.

А что жь? Дай Богъ, чтобы русскіе крестьяне поскорѣе, подобно моему парню, почувствовали потребность затянуть новую пѣсню. Эта потребность сдѣлаетъ имъ трубы, вычиститъ избу, дастъ человѣческія постели, облагородитъ семейныя отношенія, облегчитъ горькую судьбу бабы, которая напрасно бьется круглый годъ надъ приготовленіемъ негодныхъ тканей, тогда какъ ихъ и лучше и дешевле можетъ поставить ей машина за пятую долю ея труда; явятся новыя потребности, явится и возможность удовлетворить ихъ. Не бѣда, что быть-можетъ еще и черезъ сто лѣтъ русскій крестьянинъ-земледѣлъ не въ состояніи будетъ сознательно произнесть

стиха: „Мысли бродятъ въ далекѣ“; но на пути къ этому стиху онъ найдетъ много и нравственныхъ и матеріальныхъ благъ, доселѣ ему недоступныхъ. Нравственное развитіе не гвоздь какой-нибудь, который можно произвольно забить въ народъ, какъ въ стѣну. Оно уживается только съ матеріальнымъ довольствомъ. А нельзя отрицать замѣтнаго стремленія русскаго крестьянина къ прогрессу въ послѣднія 25 или 30 лѣтъ, — и онъ уже поднялъ много добра по этому новому пути. Это особенно замѣтно по костюму. Старинный зипунъ съ кружками изъ шерстянаго шнурка на спинѣ, безъ котораго еще въ дѣтствѣ моемъ ни мужика, ни бабу нельзя было себѣ представить, исчезъ окончательно. Убійственно тяжелая и крайна безобразная *кичка* держится только по захолустьямъ. Зимой, вмѣсто обычной пеньки вокругъ горла, у тулуповъ поднялись высокіе овчинные воротники. А какъ это важно въ полѣ, вы можете убѣдиться на дѣлѣ. Попробуйте въ воскресный день, когда мужики возвращаются рысью, въ нѣсколько саней одни за другими, при чемъ замѣчательно, что здоровякъ хозяинъ сидитъ въ отличномъ тулупѣ съ поднятымъ воротникомъ, а бабы и мальчишки жмутся отъ холода въ плохихъ шубенкахъ, попробуйте, говорю, остановить такого носителя воротника. Повѣрьте, для свѣденія какихъ-либо счетовъ, онъ, подобно обозникамъ г. Успенскаго, не станетъ прибѣгать къ держанію кошеля передъ грудью, представленію себя двугривеннымъ, а товарища пятиалтыннымъ, или строганію лучинокъ. Сознанная потребность теплаго воротника поможетъ ему разчитаться, хотя и не по ариѳметикѣ, но скоро и безошибочно. Въ прошломъ году главный плотникъ принесшій, за излѣченіе старика-отца, къ намъ на поклонъ 10 яицъ, уже получилъ въ отвѣтъ не деньги, а немного чаю и сахару, чѣмъ остался гораздо довольнѣе. Я отчасти сочувствую иносказательной увязнувшей колымагѣ, о которой была какъ-то рѣчь въ газетѣ *День*, колымагѣ съ оторвавшимся и ускакавшимъ форрейторомъ. Дѣйствительно, форрейторъ оторвался и ускакалъ, но это слава Богу. Еслибъ онъ не оторвался, то вѣроятно сидѣлъ бы съ колымагой и до сегодня въ грязи. Но летая вкривь и вкось по всѣмъ направленіямъ, онъ не мало обозрѣлъ мѣстностей и поразвѣдалъ дорогъ. Теперь, при его указаніи,

стыдно будетъ, закиданному грязью, кучеру опять засѣсть въ трясину. И не форрейтору спрашивать совѣта у вахлака кучера, а пусть кучеръ разспроситъ хорошенько у бывалаго форрейтора про дороги. Форрейторскія лошади, слава Богу, проскакали черезъ узкій мостикъ, кажущійся такимъ опаснымъ для колымажныхъ лошадей. Извѣстное дѣло, не видывали и заноровились, и тутъ старая манера бить кнутомъ только испортитъ дѣло. Пусть-ка форрейторъ нѣсколько разъ переѣдетъ мостикъ на своихъ, подъ самымъ носомъ колымажныхъ лошадей, такъ колымажныя-то очнутся и сами тронутъ слѣдомъ за передними. Все бы хорошо. Но тутъ еще другая бѣда. Хотя форрейторъ, въ сравненіи съ кучеромъ, парень бывалый; но несмотря на долгую скачку вдоль и поперекъ, онъ все еще не вывѣтрился. Сейчасъ видно, что они, и тотъ и другой, не только одной семьи, а братья родные, которымъ, какъ говорится, въ Нѣмцѣ (то-есть въ порядкѣ и сдержанности) тѣсно. Вотъ форрейторъ-то и вышелъ балагуръ хоть куда, онъ теперь можетъ хоть съ какою ни на есть особой разумомъ пораскинуть, а на дѣлѣ до сихъ поръ у чужихъ разныхъ господъ перенялъ только кафтанъ нѣмецкаго сукна, розовый галстукъ, да папиросы. Что станешь дѣлать съ широкими натурами! Кромѣ крученыхъ папиросъ, онъ до страсти полюбилъ: „шпиленъ-зи полька!“ „Бутылочку похолоднѣе“! — А разверните-ка ему нѣмецкія-то полы, такъ увидите, что подъ нимъ сѣдло все истыкано, одинъ войлокъ торчитъ, да что еще! Сказываютъ, лошадей-то онъ мало что не кормитъ, а успѣлъ гдѣ-то заложить. Старикъ-кучеръ смотрѣлъ, смотрѣлъ, слѣзъ съ козелъ, да въ кабакъ, благо около кабака завязли. Говорятъ, кучеръ-то позапасливѣй, и бережетъ мелочь въ сапогахъ, да что-то плохо вѣрится. Гдѣ, кажется, пьющему человѣку быть запасливымъ около кабака. Прежде точно и кучеру, и форрейтору думать много не нужно было. Лошади были свѣжія, еще не умотались; чуть стали запинаться, „валяй по тремъ, коренной не тронь.“ Великое и прямое дѣло былъ въ то время кнутъ. Но теперь форрейторъ догадался, что когда лошадь заноровилась, то что ни больше пори кнутомъ, то хуже. А вотъ о другомъ-то такомъ же извѣстномъ свойствѣ лошади они не догадываются. Иная худо зимовавшая

лошадь, съ перваго или со втораго разу заноровится, такъ что бьются-бьются съ ней, да и бросятъ. Глядишь поступила на хорошій кормъ, справилась, и затѣмъ тронетъ съ мѣста безъ малѣйшаго норова. „Люби кататься, люби саночки возить.“ А послѣдняго-то, ни кучеръ, ни форрейторъ терпѣть не могутъ. Они точно не понимаютъ, что синій кафтанъ—слѣдствіе исправныхъ лошадей, и что по грязной дорогѣ, и въ еще болѣе грязной избѣ, такой кафтанъ случайная прихоть, а не насущная потребность.

Выше я радовался возникающимъ въ народѣ потребностямъ нѣкоторыхъ удобствъ. Но эти факты дѣйствительно отрадны только тамъ, гдѣ они являются выраженіемъ болѣе высокаго уровня жизни.

Въ запрошломъ году, въ сезонъ тетеревиной охоты, мнѣ привелось побывать у одного изъ героевъ Тургеневскаго разказа: *Хорь и Калинычъ*. Я ночевалъ у самого Хоря. Заинтересованный мастерскимъ очеркомъ поэта, я съ большимъ вниманіемъ всматривался въ личность и домашній бытъ моего хозяина. Хорю теперь за восемьдесятъ лѣтъ, но его колоссальной фигурѣ и геркулесовскому сложенію лѣта ни по чемъ. Онъ самъ былъ моимъ вожатымъ въ лѣсу, и слѣдуя за нимъ, я усталъ до изнеможенія; онъ ничего. Попалъ я въ эту глушь, какъ разъ на Петровъ день. Хорь самъ quasi-грамотный, хотя не научилъ ни дѣтей, ни внучатъ тому же. У него какая-то старопечатная славянская книга, и подлѣ нея мѣдныя круглыя очки, которыми онъ ущемляетъ носъ передъ чтеніемъ. Надо было видѣть съ какимъ таинственно-торжественнымъ видомъ Хорь принялся за чтеніе вслухъ по складамъ. Очевидно, книга выводила его изъ обычной жизненной колеи. Это уже было не занятіе, а колдовство. Старшіе разошлись изъ избы по сосѣдямъ. Оставались только ребятишки возившіеся на грязномъ полу, да старуха сидѣла на сундукѣ и перебирала какія-то тряпки, близь дверей въ занятую мною душную, грязную, кишащую мухами и тараканами каморку.

Старуха вѣрно для праздника поприневолилась надъ пирогами, и потому громогласно икала, приговаривая: „Господи Іисусе Христе!“ И посреди этого раздавались носовые звуки: „сту—жда—ю—ще—му—ся.“ Часа въ три послѣ обѣда втащили буро-зеленый самоваръ, и Хорь прошелъ

въ мою каморку къ шкапу съ разбитыми стеклами. Тамъ стояли разныя бутылки съ маслами и прокислыми ягодами, разнокалиберныя чашки, помадная банка со скипидаромъ, а рядомъ съ нею изъ замазанной синей бумаги выглядывали крупные листья чаю. Тутъ же, на другой бумажкѣ, лежалъ кусокъ сахару, до невѣроятія засиженный мухами.

— Не хочешь ли, старикъ, я тебѣ отсыплю свѣженькаго чайку?

— Пожалуйте. Да вѣдь намъ чай надолго, прибавилъ Хорь.—Пьемъ мы его по праздникамъ. Попьемъ, попьемъ, да опять на бумагѣ высушимъ. Вотъ онъ и надолго хватитъ.

Кто послѣ этого скажетъ, чтобы грамотность и чай были въ семьѣ Хоря дѣйствительными потребностями?

V. Еще о пчелахъ.

Хотя я и не желалъ говорить болѣе о пчелахъ, но какъ перевозка ихъ производилась на наемныхъ подводахъ прошлою весной, то я не хочу упустить случая сказать нѣсколько словъ о крестьянскихъ лошадяхъ, этой важной отрасли общаго сельскаго хозяйства. Читатель вѣрно помнитъ, какъ я бился пріискивая порядочнаго пасѣчника, и наконецъ пришелъ къ убѣжденію, что будучи самъ мало свѣдущъ по этой части, я не могу вести правильно пчеловодство. Пришлось перевесть пчелъ на пасѣку къ Ш***. Но мнѣ сказали, что пчеламъ надо до перевозки дать облетаться, а перевозить ихъ—послѣ захожденія солнца, когда онѣ соберутся въ ульи, и если на недальнее разстояніе, то всѣ ульи разомъ. Иначе пчелы утромъ прилетятъ на старое мѣсто, и подымутъ съ оставшимися губительный бой.

Для достиженія этой троякой цѣли, я дождался теплаго весенняго дня, и нанялъ крестьянъ Ш***, съ тѣмъ чтобъ они пріѣхали со всѣмъ необходимымъ количествомъ подводъ разомъ и подъ вечеръ. Потому ли, что крестьяне знали о тяжеловѣсности моихъ ульевъ или по другой какой причинѣ; но вечеромъ они явились, какъ на подборъ, на такихъ отличныхъ сытыхъ лошадяхъ, что я невольно на

нихъ порадовался. Но радость эта была однако не продолжительна. Мужиковъ оказалось мало по количеству подводъ, да и тѣмъ пришлось сбиваться въ кучу для осторожнаго подъему ульевъ, такъ что при лошадяхъ, въ числѣ которыхъ напились матки и жеребцы, осталось мало людей. Пока хлопотали затыкать летки у ульевъ, стало темно. Нетерпѣливыя лошади не хотѣли смирно стоять, двигались и ломали молодыя деревья. Поднялся шумъ, ржаніе; мужики старались около ульевъ, и я напрасно пытался возстановить какой-нибудь порядокъ. Повалить возъ съ ульями значитъ побить пчелъ, потому что онѣ потонутъ въ оторвавшихся сотахъ. Кое-какъ ульи разложили по подводамъ, но на бѣду изъ лѣсу приходилось подыматься по косогору. Въ темнотѣ, только что задній извощикъ станетъ помогать переднему поддерживать возъ, лошадь его, порываясь за тронувшимся возомъ, хватитъ въ свою очередь на пригорокъ, заберетъ въ сторону, и возъ съ ульями грохнется со всего маху о земь. Ось или оглобли пополамъ, надо ихъ перемѣнять; подняли, перемѣнили, два воза прошли, и опять та же исторія и та же мука. Вдругъ слышу грохотъ воза и вопли прикащики: „ноги, ноги!“ Тяжелый возъ, который онъ было бросился поддержать, дѣйствительно, повалясь, прихватилъ ему ноги. Надо было ожидать перелома костей, но къ счастію этого не случилось.

Пріятно видѣть исправныхъ крестьянскихъ лошадей, но на эту исправность есть свои причины, о которыхъ не мѣшаетъ поразмыслить. Что такое наука, какъ не рядъ наблюденій надъ извѣстными явленіями, и что такое искусство, какъ не произвольное соединеніе извѣстныхъ условій для опредѣленной цѣли? Ни съ точки зрѣнія науки, ни съ точки зрѣнія искусства, хозяйство нашего крестьянина не выдерживаетъ даже самой снисходительной критики. Тутъ нѣтъ ни опыта ни умозрѣнія, а царствуетъ безразчетная рутина. Такъ напримѣръ, хлѣбъ, зерно добытое въ потѣ лица, единственная надежда и подспорье крестьянина-земледѣльца, ему рѣшительно ни по чемъ. Къ вороху подошла корова, лошадь, свинья,—пусть роетъ, мнетъ и соритъ. Это свой *животъ*. Можетъ-быть семья послѣ новаго году будетъ безъ хлѣба, этого крестьянинъ не соображаетъ. Тогда онъ займетъ, а къ новинѣ отдастъ вдвое за то, что безъ пользы пропало подъ нога-

ми лошадей, куръ, свиней, и проч. Крестьянинъ до сихъ поръ увѣренъ, что съ осени зеленямъ только лучше отъ вытаптывающей ихъ скотины.

Полное равнодушіе къ собственному хозяйству продолжается у крестьянина до тѣхъ поръ пока дѣло не дошло до *животовъ*, то есть скотины и преимущественно лошади.

Бываютъ и тутъ примѣры нерадѣнія и лѣни; но такіе примѣры—исключеніе. Зерно, борона, хомутъ и пр. безразличны, а лошадь индивидуальна; она уже не вѣщь, она лицо, и едва ли не первое лицо въ семействѣ. Это превосходно понялъ Кольцовъ въ своемъ *Пахарѣ:*

Я самъ-другъ съ тобою,
Слуга и хозяинъ.

И тутъ, порою, трудно опредѣлить, кто слуга и кто хозяинъ. Каждая кроха, за которую бы и ребятишки сказали спасибо, идетъ *животамъ*. Представьте себѣ теперь двухъ сосѣдей: крупнаго фермера, помѣщика, и маленькаго крестьянина. У крестьянина 8 десятинъ земли, а у помѣщика 500. Первый всякую живность продаетъ, а второй всякую живность покупаетъ у перваго, потому что домашнее ея содержаніе обходится дороже покупки. У насъ напримѣръ осенью молодая индѣйка покупается за 20 к. с. Развѣ есть возможность выкормить ее дома за эту цѣну? Мы только что сейчасъ говорили о сытости крестьянскихъ лошадей въ нашихъ мѣстахъ. Какой помѣщикъ-хозяинъ похвастаетъ такими? Долго еще имъ придется этого дожидаться, да и едва ли когда дождутся. Вотъ что значитъ собственный присмотръ и призоръ, скажутъ на это. Дѣйствительно, собственная непосредственная дѣятельность тутъ много значитъ, но далеко не все. Оставя въ сторонѣ исправность крестьянской скотины, взглянемъ на ея численность. На восьми десятинахъ у хорошаго крестьянина отъ трехъ до четырехъ лошадей, а съ подростками до шести; отъ одной до двухъ, а быть-можетъ и трехъ штукъ рогатаго скота; да отъ десяти до двѣнадцати штукъ овецъ и свиней. Положимъ, что у крестьянина только по одной штукѣ крупнаго и по одной мелкаго скота на десятину,—и того шестнадцать штукъ. Представимъ себѣ у помѣщика соразмѣрное числу десятинъ количество скота, и мы получимъ на 500 десятинъ 1.000 штукъ. Не только такое количество, но даже

300 штукъ, и не при теперешнемъ состояніи хозяйства, а при искусственномъ разведеніи травъ, едва ли возможно. Въ чемъ же заключается главный секретъ успѣшнаго крестьянскаго скотоводства? Секретъ простой: у мужика скотина и, главное, лошади все лѣто по чужимъ парамъ, сѣнокосамъ и хлѣбамъ, а зимой лошади въ извозѣ. Мальчишку бьютъ въ семьѣ, если имѣвъ возможность запустить лошадей на чужое поле, онъ прокормилъ ихъ на своемъ. Кромѣ того, до сей поры крестьянинъ пахалъ барскій паръ, возилъ на этотъ же паръ удобреніе, возилъ съ поля снопы, сѣно и т. д. Ясно и естественно, что его лошадь кормилась тамъ же, гдѣ и работала.

Прошлою весною нанимались крестьяне за семь верстъ возить купленный мною на постоялыхъ дворахъ навозъ на мой паръ. На этомъ пару они жили двѣ недѣли, и разумѣется тамъ же кормили своихъ лошадей, и въ полдень и ночью, во все продолженіе ихъ работы. Не помню, была ли даже объ этомъ рѣчь при условіяхъ найма, дотого это вытекаетъ изъ сущности дѣла. Не могу же я ему сказать: твоя лошадь цѣлый день работала, такъ ты къ вечеру сгоняй ее за семь верстъ покормить, а утромъ пригони назадъ на работу. Если же по новому положенію хозяйства, большія фермы, не находя достаточнаго количества наемныхъ конныхъ рабочихъ во всякое время за сходную цѣну, будутъ вынуждены заводить собственныхъ лошадей, то право или лучше сказать необходимость кормить лошадь тамъ же, гдѣ она работаетъ, перейдетъ съ крестьянскихъ на фермерскихъ, и крестьяне должны будутъ или съ большею готовностію идти на конную вольную работу, или уменьшить количество своихъ рабочихъ лошадей, которыя будутъ представлять въ ихъ хозяйствѣ ненужную тягость. Я говорю не нужную, потому что полагая на тягло по двѣ десятины въ клину, одной лошади почти достаточно на три тягла, у которыхъ теперь по крайней мѣрѣ девять лошадей. Что же станутъ дѣлать и ѣсть остальныя восемь или семь лошадей? Мнѣ кажется, это естеетвенное слѣдствіе новаго порядка вещей точно также побудитъ крестьянина къ лѣтнему конному вольнонаемному труду въ полѣ, какъ недостаточность зимняго продовольствія гонитъ теперь зажиточнаго крестьянина зимой въ извозъ.

VI. Филипъ и Титъ.

Приведу два примѣра особеннаго виду затрудненій съ рабочими. Филипъ, дожившій осень и до годоваго срока, поступилъ ко мнѣ въ годовые на новый срокъ и по новой цѣнѣ; Титъ годовой нанятъ въ то же время на мѣсто убылаго. Въ первые дни по пріѣздѣ моемъ изъ Москвы прикащикъ объявилъ мнѣ, что Филиппъ намъ не годится, оказавшись нечистымъ на руку. „Когда его посылали въ лѣсъ, съ его же малымъ, онъ изъ ½ сажени привезъ только 7 плахъ. Я и спрашиваю, говоритъ прикащикъ, а гдѣ же полсаженокъ? Да вотъ весь тутъ. Это они съ малымъ дома дровъ-то и скинули. А то еще Степанъ приходилъ, да говоритъ: какъ бы чего не было? Филипъ насъ подговаривалъ изъ сараю набить возъ сѣна ночью.“ „А много ли за нимъ теперь нашихъ денегъ?“ —„Десять серебромъ.“—„Ну тутъ ужъ не до денегъ, надо такого человѣка съ рукъ сбыть.“—„То-то и я думалъ, да какъ его сбыть-то? Это всякій станетъ деньги брать впередъ, да нарочно что̀ ни есть сдѣлаетъ, чтобы согнали.“ И тутъ случай помогъ мнѣ. На другой день послѣ нашего разговора является ко мнѣ незнакомый черный, высокій мужикъ. „Что тебѣ надо.“—„Явите, батюшка, божескую милость. Вашъ работникъ Филипъ меня больно обидѣлъ.“—„Чѣмъ?“—„Въ запрошлое воскресенье зашли мы съ нимъ на постоялый дворъ. Дѣло было праздничное. Онъ меня угостилъ и я его. Выпили на порядкахъ. Я сталъ разчитываться, да распахнулъ грудь, а онъ у меня на крестѣ и увидалъ кошель. Тамъ была красненькая, синенькая, да рубль серебромъ. Рубль-то я досталъ, а тѣ въ кошелѣ были. Нечего грѣха таить, пьянъ былъ довольно. И легли мы съ нимъ оба спать. Поутру проснулся: ни Филипа, ни кошеля на крестѣ: срѣзанъ.“—„Объ этомъ ты проси становаго. Этого дѣла я разобрать не могу.“ Надо же было представиться такому стеченію обстоятельствъ, что становой, который бываетъ у меня раза два въ годъ, проѣздомъ на слѣдствіе, явился

въ дверяхъ въ то же время, когда сильно опечаленный проситель уходилъ отъ меня.

Я объяснилъ становому дѣло, просл избавить меня отъ искусника Филипа, но такъ чтобъ онъ по злобѣ не надѣлалъ какого зла. Проситель мужикъ объяснилъ свою претензію, становой въ тотъ же день черезъ сотскаго вытребовалъ Филипа, и я радъ былъ, что мои 10 р. исчезли вмѣстѣ съ нимъ.

Во время весенней пахоты Титъ вѣроятно попростудился и занемогъ. У него появился ознобъ, жаръ и головная боль. Какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, употреблены были домашнія средства, и черезъ недѣлю больной видимо поправился, но на работу не вышелъ; проходятъ еще три дня, другіе въ полѣ, а онъ въ избѣ. Наконецъ онъ приходитъ ко мнѣ.

— Позвольте мнѣ до двора.

— Да вѣдь ты слабъ?

— Я какъ-нибудь дойду.

— Когда же ты придешь?

— Какъ поправлюсь. Дѣло Божье. А можетъ я и все лѣто прохвораю. Власть Божья. А мнѣ позвольте домой.

— Ты былъ боленъ?

— Былъ.

— Тебя заставляютъ работать?

— Нѣтъ.

— Лѣчили?

— Лѣчили.

— Ты здоровъ?

— Здоровъ. Да я слабъ, не смогу работать.

— Не работай. Но домой тебѣ не зачѣмъ. Ты можешь идти коли хочешь самовольно; но я тебя не отпускаю.

На другой день спрашиваю у кухарки, гдѣ Титъ?—Онъ съ утра ушелъ домой.

— А какъ онъ теперь ѣстъ?

— Съ рабочими за столъ не садится, а какъ они со двора, такъ только подавай. Ѣстъ какъ должно.

На этотъ разъ случившійся въ нашей сторонѣ исправникъ, которому я объяснилъ дѣло, помогъ бѣдѣ. Послали сотскаго на подводѣ за Титомъ.

— Сколько ты забралъ денегъ?

— Пятнадцать рублей.

— Какъ же ты смѣлъ безъ позволенія уйдти оттуда, гдѣ забралъ впередъ деньги? Ступай, и если ты черезъ три дня не будешь на работѣ, то тебя сотскій представитъ въ уѣздъ. Тамъ докторъ тебя освидѣтельствуетъ: боленъ—въ больницу; здоровъ—на заработки пятнадцати рублей. Ступай.

На другой день я нашелъ Тита подъ навѣсомъ; онъ справлялъ телѣгу.

— Что, Титъ, знать лучше тебѣ стало?

— Маненько отошло будто.

На третій день рано утромъ онъ былъ на пашнѣ съ товарищами, а осенью, отходя въ срокъ, объяснялъ, что еслибы не нужда дома, остался бы еще жить. „Много доволенъ и вами и прикащикомъ,“ и за двѣ прогуленныя недѣли прислалъ дожить бабу.

VII. Систематическая потрава.

Около половины моя, когда трава уже значительно подымается въ лугахъ, однажды вечеромъ, при вечернемъ рапортѣ, прикащикъ объявилъ мнѣ, что у насъ на лугу свѣжіе слѣды конскіе.

— Надо, прибавилъ онъ, взять кого-нибудь верхомъ, и часу въ первомъ ночи изъѣхать въ лугъ.

— Хорошо. Возьми кого-нибудь изъ кучеровъ.

На другое утро увидавъ его спрашиваю:

— Ну что были въ эту ночь?

— Помилуйте, да мы съ кучеромъ Ефимомъ сѣли въ полночь на лошадей, да въ лугъ. Только что поднялись на пригорокъ, глядимъ, а на нашемъ лугу человѣкъ десять—З—скихъ и К—скихъ мужиковъ запустили табунъ лошадей въ сорокъ. Мы къ нимъ. Чтожь это вы ребята дѣлаете? говорю я имъ. Они на насъ. Тутъ по голосу я узналъ нашего прошлогодняго работника Ивана, да и говорю ему: „какъ же тебѣ не стыдно Иванъ, на такія дѣла пускаться? Ну, онъ немного и того — будто посдался. А тѣ, З—скіе, ко мнѣ, кричатъ: „бей ихъ! Мы васъ отучимъ по ночамъ, шляться. Вяжи ихъ, ребята!“ Ефимъ видитъ дѣло плохо, повернулъ лошадь да прочь. А я соскочилъ съ лошади, да и

говорю: „ну, коли вы разбойники, вяжите меня.“ Тутъ ужь Иванъ сталъ ихъ уговаривать, и согнали лошадей. Пуще всѣхъ Ѳомка з—скій озорничалъ. Я ему сегодня сталъ на межѣ говорить, а онъ мнѣ: „Чего ты? Я тебя и въ глаза не видалъ“.

Однако становой допросилъ Ивана, уличилъ и наказалъ Ѳомку въ примѣръ другимъ,—и потрава лугу изъ систематической превратилась, по крайней мѣрѣ, въ эпизодическую. О мелкихъ, тѣмъ не менѣе въ совокупности весьма ощутительныхъ потравахъ, я говорилъ уже столько, что не хочу дальнѣйшимъ о нихъ воспоминаніемъ тревожить себя и докучать читателю.

VIII. Философія и исторія одной молотильной машины.

Найдутся вѣроятно читатели, которыхъ можетъ заинтересовать обѣщанное будничное отношеніе крестьянъ къ новому для нихъ и для всѣхъ, вольному земледѣльческому труду; а быть-можетъ тѣмъ же читателямъ никогда не доводилось видѣть молотилки или составить о себѣ ней ясное понятіе.

Для нихъ я могъ бы ограничиться немногими словами, а именно: молотильная машина есть снарядъ, состоящій изъ двухъ главныхъ частей, привода и собственно молотилки. Приводъ — зубчатое горизонтальное колесо, вращаемое вокругъ неподвижной оси рычагами, къ которымъ припряжены лошади, и сообщающее посредствомъ врытаго въ землю вала (незримаго) вращательное движеніе такъ-называемому маховому колесу. Самая молотилка—ящикъ съ горизонтально вращающимся цилиндромъ, вооруженнымъ желѣзными зубьями, проходящими въ своемъ движеніи отъ подобныхъ же неподвижныхъ зубьевъ на такомъ разстояніи, что зерна растеній не раздавливаются, а только выбиваются изъ оболочки и отдѣляются отъ стебля. На наружной сторонѣ молотильнаго ящика, на самой оси цилиндра, небольшое колесо. Стоитъ связать это колесо съ маховикомъ привода, посредствомъ ремня, и заставить ло-

шадей ходить и двигать рычаги (водилы), какъ безпощадные зубья цилиндра начнутъ протаскивать, черезъ одно отверстіе ящика, подносимыя къ нимъ растенія, и выбрасывать ихъ истерзанными въ противоположное. Вотъ и все. Стóитъ ли объ этомъ толковать долго? Такъ думаете вы. Но для меня молотильная машина имѣетъ не одно значеніе. Мы видѣли выше, что она не только работникъ, но и регуляторъ работъ, самый бдительный надсмотрщикъ. Пока она работаетъ, никто изъ ея помощниковъ не можетъ не работать. Но всего этого мало. Посмотрите на этихъ бѣдныхъ лошадей! Съ какимъ усиліемъ, съ какою ревностію тащутъ онѣ за собою тяжелыя водилы! Какъ задней, по ея мнѣнію, лошади хочется догнать переднюю! Сколько пути придется несчастной четвернѣ пройдти въ одинъ день! И завтра то же, и послѣзавтра опять, и опять то же! Бѣдныя животныя! Онѣ безъ отдыха идутъ впередъ и впередъ, все съ одинаковымъ напряженіемъ, и увы! все по тому же завѣтному кругу, изъ котораго имъ не дано выступить ни на шагъ. И какъ безкорыстно-добросовѣстны эти усилія! Вотъ оно истинное искусство для искуства! Трудолюбивые двигатели, онѣ и не замѣчаютъ скрытую подъ ихъ же ногами связь съ молотилкой, единственно отъ которой имъ такъ и трудно совершать свой путь. Для посторонняго поверхностнаго наблюдателя эти двигатели заняты самымъ безплоднымъ и даже смѣшнымъ дѣломъ вѣчно кружиться на одномъ мѣстѣ. Такая дѣятельность напоминаетъ ему работу Данаидъ, и онъ съ насмѣшливою улыбкой уходитъ изъ небольшой пристройки, служащей театромъ безполезныхъ круженій. „Точь-въ-точь философская дѣятельность духа въ обширномъ значеніи, думаетъ поверхностный наблюдатель. Неужели они не видятъ, что ходятъ на привязи, съ которой не могутъ сорваться? Вонъ, вонъ отсюда! Здѣсь душно, темно, сыро: туда, въ большой, свѣтлый сарай: тамъ, по крайней мѣрѣ, кипитъ плодотворная дѣятельность.“ Дѣйствительно, въ большомъ сараѣ исторіи уже нельзя сомнѣваться въ результатахъ. Сокрушительные зубья цилиндра, съ быстротою молніи прохватываютъ все что бы имъ ни попалось къ роковому выходу. И очищенное зерно, и переработанная солома вылетаютъ изъ-подъ нихъ могучимъ золотистымъ каскадомъ. Нѣтъ такого проросшаго и, повидимому, никуда негоднаго снопа, изъ кото-

раго бы машина не выдѣлила здоровыхъ зеренъ. Попадись препятствіе, щепка, палочка, машина дрогнетъ, но препятствіе уже разлетѣлось прахомъ.

Все это прекрасно, господинъ наблюдатель, но отчего вы не постараетесь стать на точку, съ которой бы вы могли обозрѣвать единовременно оба явленія и уяснить себѣ взаимное ихъ соотношеніе? Вы бы сейчасъ замѣтили, какимъ сильнымъ толчкомъ отозвался на лошадяхъ-двигателяхъ ударъ, полученный машиною отъ попавшей въ нее щепки. Вы бы поняли, что единственною цѣлію механики было соединить въ двигателяхъ двѣ силы: центральнаго влеченія и силу центробѣжную. При каждой отдѣльно-взятой не было бы самого движенія и той плодотворной игры силъ, которая васъ такъ плѣняетъ въ большомъ сараѣ. Вамъ бы стало ясно, что движеніе во всемъ механизмѣ одно, но что, будучи въ приводѣ горизонтальнымъ, оно въ молотилкѣ переходитъ въ вертикальное. Вы бы поняли, что у хозяина двѣ равносильныя заботы. Первая, чтобы лошади шли тѣмъ естественнымъ ходомъ, на который разчитанъ весь механизмъ, и не порывались придавать усиленными движеніями необычайной быстроты молотилкѣ. Этого механизмъ не выдержитъ. Или молотилка полетитъ въ дребезги, или связь между ею и приводомъ лопнетъ. Вторая забота, чтобы подъ могучіе зубцы машины какъ можно рѣже попадали постороннія тѣла, въ родѣ щепокъ, камней и т. п.; въ противномъ случаѣ, при чрезмѣрномъ толчкѣ, произойдутъ тѣ же самыя явленія, то-есть порча машины или разрывъ между ею и приводомъ. Вамъ не случалось видѣть этого разрыва во время самаго ходу, когда, напримѣръ, ремень соскакиваетъ съ *маховика*? Разумѣется, машина еще прежнимъ импульсомъ повертится-повертится да и остановится; но лошадей тутъ-то и не остановишь. Откуда прыть возьмется! Онѣ почувствуютъ удивительную легкость. Тутъ уже философская дѣятельность переходитъ въ софистику...

Но я слишкомъ долго остановился на сравненіи. Я хотѣлъ разказать исторію *одной* молотильной машины, и потому возвращаюсь къ ней.

Во второй половинѣ февраля, по отвратительнымъ дорогамъ, обѣ машины, молотилка и вѣялка, болѣе или менѣе благополучно прибыли изъ Москвы по назначенію.

Имѣя въ виду среднихъ рабочихъ лошадей, я при заказѣ просилъ г. Вильсона прислать мнѣ приводъ не о двухъ, а о трехъ водилахъ, что онъ и отмѣтилъ въ книгѣ при мнѣ. Присланный приводъ, къ сожалѣнію, оказался о двухъ водилахъ. Дѣлать было нечего; надо было пособить этому горю домашними средствами. Въ маѣ, по условію, г. Вильсонъ долженъ былъ прислать машиниста для установки машинъ на мѣстѣ и приведенія ихъ въ полное дѣйствіе. Однако май приходилъ къ концу, а обѣщанный машинистъ не являлся, и разобранныя части машины лежали нетронутыя. Я написалъ къ г. Вильсону, и получилъ отвѣтъ, что машинистъ на дняхъ долженъ выѣхать и явиться ко мнѣ. Май и половина іюня прошли въ напрасныхъ ожиданіяхъ. Я возобновилъ мою просьбу, и получилъ новыя увѣренія въ скорой высылкѣ машиниста; но когда онъ и въ послѣднихъ числахъ іюля не являлся, я послалъ уже г. Вильсону письменные вопли, указывая ему на необходимость молотить рожь для предстоящихъ посѣвовъ. На этотъ разъ я не получилъ никакого отвѣта, и въ началѣ августа принужденъ былъ домашними средствами ставить машину. Не стану описывать пытки, которую мнѣ пришлось выдержать съ неискусными въ этомъ дѣлѣ деревенскими мастерами; довольно того, что машина наконецъ была установлена, и худо ли, хорошо ли, стала молоть. Нужно прибавить, что она ломалась почти ежедневно, а когда въ концѣ осени наступила серіозная молотьба, то я уже и сказать не могу, сколько разъ отдѣльныя ея части перебывали въ кузницѣ и на орловскомъ литейномъ заводѣ. Когда *роликъ*, надавливающій горизонтальное колесо привода на шестерню, послѣ долгихъ и многоразличныхъ мучительныхъ капризовъ, окончательно сломался, я вынужденъ былъ прибѣгнуть къ помощи сосѣдняго машиниста-дворового. Разумѣется, онъ нашелъ въ машинѣ все неудобнымъ, условился привести все въ наилучшій видъ, взялъ съ собою *роликъ*, обѣщавъ установить его назавтра самымъ прочнымъ образомъ, выпросилъ задатку, и уѣхалъ; черезъ два дня мой посланный вернулся съ возстановленнымъ роликомъ и извѣстіемъ, что механикъ уѣхалъ за полтораста верстъ, и когда вернется—не извѣстно. Вновь привернутый роликъ отлетѣлъ при второмъ оборотѣ колеса, и мое драматическое положеніе дошло до конца 5-го акта. Но тутъ судьба сжалилась надо мной и

привела ко мнѣ механика-дилетанта, который и выручилъ меня изъ окончательной бѣды. По его указаніямъ, исправленная и уложенная машина молотила всю зиму, хотя и не совсѣмъ оставила милую привычку ломаться отъ времени до времени. Легко представить, какъ сѣтовалъ я на г. Вильсона, отъ котораго уже и не ждалъ механика. Съ тѣмъ я и поѣхалъ въ половинѣ декабря 1861 года въ Москву, и дня черезъ два по пріѣздѣ отправился къ г. Вильсону.

— Однако, г. Вильсонъ, вы поступили со мною безжалостно. Я измучился надъ вашею машиной.

— О! въ этомъ отношеніи вы можете быть покойны, былъ отвѣтъ.—Не вы одни на меня сѣтуете. Я въ нынѣшнемъ году *надулъ* всѣхъ моихъ довѣрителей. Эта общая ихъ участь въ нынѣшнемъ году.

Признаюсь, этотъ отвѣтъ такъ меня озадачилъ, что я на минуту замолчалъ, но тотчасъ же прибавилъ:

— Я долженъ вамъ замѣтить, г. Вильсонъ, что въ настоящее время готовлю статью о сельскомъ хозяйствѣ и считаю моимъ долгомъ разказать въ ней все наше дѣло какъ оно было.

— Я васъ даже самъ буду объ этомъ покорнѣйше просить. Тогда быть-можетъ войдутъ и въ мое положеніе. Вотъ въ этомъ ящикѣ у меня восемь паспортовъ машинистовъ. Всѣ они забрали впередъ по семидесяти да по восьмидесяти рублей серебромъ, и поѣхали ставить машины по покупателямъ, да вмѣсто того разъѣхались по своимъ деревнямъ. Писалъ я, писалъ къ мѣстному начальству и пишу до сихъ поръ, паспорты у меня; но ни денегъ, ни мастеровъ по сей день не вижу.

На такой краснорѣчивый доводъ я не нашелся ничего сказать. Впрочемъ, г. Вильсонъ обѣщалъ непремѣнно прислать ко мнѣ машиниста въ нынѣшнемъ году. Посмотрю, буду ли я на этотъ разъ счастливѣе.

IX. Скачка по гречихѣ и послѣдствія скачки.

Прошлогодній яровой клинъ мой, бо́льшую часть котораго, по возвышенному положенію, можно обозрѣвать изъ усадьбы, одною стороною прилегаетъ къ землямъ деревни П., а другою къ значительной дачѣ О. На эту сторону О—скіе

крестьяне выѣзжали всею барщиной подымать паръ, и мы принуждены были бдительно наблюдать затѣмъ чтобы лошади, пасущіяся на пару, не побивали нашего яроваго. Однажды,— это былоготочасъ послѣ обѣда,—прикащикъ замѣтилъ О—скаго крестьянина безъ церемоніи проѣхавшаго верхомъ съ своей межи на противоположную, прямо черезъ наши овесъ и гречиху. Верховой проѣхалъ въ деревню П. и очевидно долженъ былъ возвращаться къ своимъ тою же дорогой, то-есть опять по хлѣбу. Ближе къ усадьбѣ наши рабочіе, въ свою очередь, подымали паръ. Прикащикъ, выждавъ немного, поѣхалъ верхомъ на жеребцѣ на перехватъ проѣхавшему верховому; но вмѣсто верховаго, поднимаясь на пригорокъ, захватилъ пѣшаго мужика шедшаго по хлѣбу въ одномъ съ исчезнувшимъ верховымъ направленіи. Я въ это время гонялъ на кордѣ лошадь, и увидавъ сначала верховаго, а потомъ пѣшаго мужика, захотѣлъ лично убѣдиться, что за причина такого безцеремоннаго путешествія по моему яровому? Съ этою цѣлію я пошелъ пѣшкомъ вслѣдъ за уѣхавшимъ прикащикомъ. Еще далеко не дошелъ я до яроваго, а прикащикъ уже поворотилъ мужика къ усадьбѣ, куда онъ и пошелъ видимо безъ всякаго сопротивленія. Продолжая идти на встрѣчу идущему ко мнѣ крестьянину, я рѣшился быть какъ можно хладнокровнѣе.

— Что же это вы, ребята, говорю я подошедшему крестьянину,—среди бѣлаго дня и ѣздите и ходите по яровому? Развѣ это хорошо? Я на васъ буду жаловаться.

— Виноваты, батюшка, грѣхъ такой случился.

— Какой тутъ грѣхъ! Еслибъ еще лошадь занесла, а то я самъ видѣлъ какъ сперва малый проѣхалъ рысью черезъ весь клинъ, а за нимъ и ты пошелъ, какъ будто такъ и слѣдуетъ.

— Виноваты, батюшка.

— Ты О—скій?

— Точно такъ.

— Какъ тебя зовутъ?

Онъ назвалъ себя по имени, отечеству и двору, и я записалъ его въ памятную книжку. Послѣ этого я хотѣлъ его отпустить; но вспомнивъ, что онъ могъ назваться вымышленнымъ именемъ, я спросилъ еще разъ, точно ли онъ тотъ кѣмъ назвался. „Да меня вашихъ два работника знаютъ.“ Небольшой лугъ отдѣлялъ насъ отъ нашихъ рабочихъ, и поэтому я позвалъ его дойдти

до нихъ для справки. Показаніе его оказалось вѣрнымъ, и я его отпустилъ. Въ эту минуту на глазахъ у всѣхъ насъ происходило довольно оригинальное зрѣлище. Вернувшійся на клинъ прикащикъ столкнулся съ возвращавшимся черезъ нашъ клинъ верховымъ мужикомъ. Увидѣвъ прикащика, мужикъ пустилъ лошадь по гречихѣ во весь духъ. Но прикащиковъ жеребецъ скоро догналъ лошадь крестьянина, и несмотря на увертки послѣдняго, было ясно, что угонки черезъ двѣ мужикъ будетъ пойманъ. Убѣдясь въ невозможности отвертѣться верхомъ, мужикъ соскочилъ съ лошади и сталъ дѣлать пѣшкомъ такіе зигзаки, что ему позавидовалъ бы любой заяцъ. Брошенная мужикомъ лошадь побѣжала къ своему табуну, а прикащикъ видно въ свою очередь смекнулъ, что ему верхомъ не услѣдить за изворотами пѣшаго. Соскочивъ съ жеребца, онъ пустился пѣшкомъ догонять мужика. „Э-э-эхъ! догонитъ онъ его! И-и-ишь какъ припустилъ!“ раздавались возгласы нашихъ рабочихъ. Дѣйствительно, въ минуту мужикъ былъ пойманъ. Повидимому, не однихъ нашихъ рабочихъ заинтересовала происходившая сцена. О—скіе мужики, побросавъ сохи, гурьбою двинулись къ межѣ; отпущенный мною мужикъ подошелъ къ борцамъ, я тоже пошелъ къ нимъ навстрѣчу, а они всѣ трое повернули ко мнѣ. Этимъ и слѣдовало окончиться всей скачкѣ и бѣготнѣ, но судьбѣ было угодно еще усложнить дѣло. Брошенная спасавшимся мужикомъ лошадь вѣроятно была матка, и потому прикащиковъ жеребецъ понесся за нею слѣдомъ, и скоро очутился на чужой землѣ, въ чужомъ табунѣ. Замѣтивъ бѣгство жеребца и боясь, чтобы чужые лошади не избили его въ табунѣ, прикащикъ оставилъ шедшихъ ко мнѣ на встрѣчу мужиковъ и бросился со всѣхъ ногъ въ погоню за жеребцомъ. Взволнованный и отеломленный собственнымъ усиленнымъ движеніемъ, онъ мчался какъ угорѣлый къ чужой межѣ, но не успѣлъ онъ добѣжать до нея, какъ вся барщина съ криками и гиканьями кинулась на него. На этотъ разъ уходить пришлось уже ему, и онъ бросился бѣжать въ мою сторону, съ каждымъ мгновеніемъ отдѣляясь все болѣе и болѣе отъ гикающей и бѣгающей по моему овсу барщины. Между тѣмъ оба мужика, старый отпущенный мною, и молодой пойманный прикащикомъ на гречихѣ, подошли ко мнѣ.

— Какъ же это ты нашелъ конную дорогу по хлѣбу?

— Батюшка, позвольте мнѣ вашего кнутика, обратился ко мнѣ старикъ.

— На что тебѣ?

— Да одолжите на одну минуту.

Не понимая въ чемъ дѣло, я передалъ старику арапникъ. Въ то же мгновеніе молодой парень въ бѣлой рубахѣ, упалъ на колѣни и поподозъ ко мнѣ, а старикъ началъ его преусердно хлестать по спинѣ, приговаривая:

— Это сынъ мой, батюшка!... Я изъ-за тебя подлеца самъ душою покривилъ на старости лѣтъ. Какъ вижу что онъ поѣхалъ по хлѣбамъ, и я дѣлать нечего побѣжалъ, хоть въ П-хъ перенять его. Вотъ тебѣ наука: во всю жизнь не забудешь отцовскаго наставленія. И не проси милости.

Я уже вынужденъ былъ укротить пылъ расходившагося не на шутку старика. Въ это время, преслѣдуемый издали ревущею барщиной, прикащикъ добѣжалъ до меня съ воплями, что разбойники хотятъ его убить и не отдаютъ убѣжавшаго жеребца.

— Что за вздоръ ты говоришь, перебилъ я его возгласы.—Что за чепуха тамъ у васъ творится? обратился я къ старику.

— Да все съ глупаго знать разума, отвѣчалъ старикъ. А между тѣмъ, я быстрыми шагами пошелъ на встрѣчу бѣжавей по овсу толпѣ. Оба мужика и прикащикъ не подалеку слѣдовали за мною. Увидѣвъ меня, несущаяся фаланга тотчасъ же заколебалась, и оборотясь назадъ, медленно пошла на свою межу. Только человѣкъ десять лѣваго фланга стоявшихъ не на овсѣ, а на лугу, сбились въ кучу на дорогѣ и отступали такъ медленно, что я могъ ихъ догнать.

— Что вы тутъ дѣлаете?

— Да мы такъ. Да нашего парня изловили. Да мы ничего. Мы значитъ, только такъ, значитъ, послышалось изъ толпы.

— Развѣ вашего парня обижали или били? Развѣ вы судьи въ своемъ дѣлѣ? Развѣ можно оравой бѣгать по чужому хлѣбу? Отчего же вы не даете жеребца?

— Да все, батюшка, сдуру, перебилъ меня шедшій за мною старикъ.—И уйдутъ всѣ, и сейчасъ сами поймаемъ и приведемъ жеребца.

Все сказанное старикомъ было немедленно исполнено, и миръ возстановился.

Сами факты небольшой траги-комедіи такъ краснорѣчивы, что я не прибавлю отъ себя ни слова.

X. Испольная десятина.

Выше было говорено, что предшественникъ мой, не управляясь съ запашкой, былъ вынужденъ отдавать бо́льшую ея часть изъ-полу, то-есть за пользованіе отдаваемою землею получать только половину продуктовъ свезенными и сложенными на гумно. Повидимому, что̀ можетъ быть проще и удобнѣе этой системы, тѣмъ болѣе что чистая прибыль, получаемая при наилучшей организаціи полнаго собственнаго хозяйства, если взять въ соображеніе всѣ сопряженные съ нимъ расходы, едва ли превыситъ прибыль испольную. Наемщикъ, при обработкѣ испольной десятины, не менѣе хозяина заинтересованъ доброкачественною подготовкою почвы и охраненіемъ хлѣба отъ побоевъ и потравъ. Чего же лучше? и покойно, и безубыточно. Но дѣло въ томъ, что наемщикъ, свозя съ вашего поля половину продуктовъ, тѣмъ самымъ лишаетъ васъ возможности удобрять его, и въ нѣсколько лѣтъ земля будетъ совершенно истощена. Всякая система гдѣ-нибудь да пригодна. Можетъ-быть въ Малороссіи, гдѣ, по большому количеству нови, возможно обходиться безъ удобренія, испольная раздача земель дѣйствительно выгодна, а не раззорительна; но въ нашихъ мѣстахъ объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Какъ мы видѣли выше, половина моей озимой запашки въ прошломъ году была моимъ предшественникомъ раздана изъ-полу, и хотя я записалъ по порядку имена главныхъ съемщиковъ и количество снятыхъ каждымъ изъ нихъ десятинъ, тѣмъ не менѣе весной не могъ понять, какъ они разберутся съ своими участками. Главные наемщики раздавали свои участки дробными частями что̀ привело къ окончательной запашкѣ и уничтоженію межъ, которыя мнѣ, по окончаніи осеннихъ работъ, пришлось возстановлять съ неимовѣрными усиліями. Можно ли вести вольнонаемное хлѣбопашество безъ ясно-обозначенныхъ межъ? Если, какъ мы видѣли, такъ трудно уберечь сѣнокосы, то еще труднѣе уберегать отаву, и потому

въ нашихъ мѣстахъ, тотчасъ по уборкѣ сѣна, на луга пускаютъ скотъ на подножный кормъ. Это время самое утомительное для рабочихъ и потому, скрѣпя сердце, иногда проходишь молчаніемъ небольшіе побои и потравы, причиненные въ *ночномъ* собственными лошадьми, подъ надзоромъ истомленныхъ дневными трудами рабочихъ. Когда у насъ не будетъ потравъ со стороны сосѣдей, явится травосѣяніе и съ нимъ ночное продовольствіе рабочихъ лошадей на конюшнѣ, кошенымъ кормомъ. Тогда прекратится и нелѣпая, обременительная для рабочихъ, гоньба въ *ночное*, отрадная для однихъ конокрадовъ. Но скоро ли наступитъ для русскаго земледѣлія это вожделѣнное время? Недѣли черезъ двѣ послѣ уборки сѣна я узналъ, что ночью наши лошади надѣлали слѣдовъ по ржи. Я велѣлъ подтвердить рабочимъ о болѣе бдительномъ надзорѣ; но не дѣлалъ изъ этого никакой исторіи, тѣмъ болѣе что потоптанной ржи не поможешь. Рожь поспѣла и, усердно принявшись косить собственный посѣвъ, я далъ знать половинщикамъ, чтобъ и они принимались за работу. Въ самый ея разгаръ, проѣзжая окраиной луга, недалеко отъ одного изъ наемщиковъ, я замѣтилъ, что онъ мнѣ машетъ, дѣлая знакъ чтобы я остановился. Я задержалъ лошадь, и мужикъ пошелъ ко мнѣ на встрѣчу.—Что тебѣ надо? спросилъ я его.

— Потрудитесь, батюшка, доѣхать до моей десятинки. Извольте посмотрѣть что тутъ такое, продолжалъ мужикъ, когда мы остановились около его десятины, вдоль которой пролегали два или три слѣда, а пятая часть была значительно спутана.

— Чтожь мнѣ, батюшка, съ нею дѣлать? Вѣдь вотъ это мѣсто ни сжать ни скосить. Мы ужь было зачали да измучились.

— Вопервыхъ, ты говоришь вздоръ. Спутанная рожь, я вижу, недурна, и ее можно сжать. Да къ чему ты меня привелъ сюда? Чѣмъ же я тебѣ могу пособить?

— Мнѣ, батюшка, очень обидно. Вотъ рядомъ тоже моя десятина; я про ту ничего не говорю, та цѣла, а эта изволите видѣть! Больно обидно. Ужь вы прибавьте что-нибудь за побои. Пастухъ сказывалъ, это ваши работники въ *ночномъ* потоптали.

— Ты прежде ее всю сожни и скоси, да сложи въ копны.

Видишь немного остается. Вечеромъ я буду тутъ проѣзжать, и тогда мы съ тобой перетолкуемъ.

— Слушаю, батюшка.

Дѣйствительно, я подъѣхалъ къ этой десятинѣ въ то время когда скашивались послѣднія копны.

— Ну что? сколько копенъ стало на ней? спросилъ я.

— Да восьмнадцать копенокъ. Чтожь, батюшка, положите что-нибудь.

— За что же я тебѣ стану платить? Я съ тебя ничего не полагаю за то что смотрѣлъ за вашими десятинами такъ же какъ за своими все лѣто. И хвастать мнѣ этимъ нельзя. Зная что хлѣбъ испольный, я берегъ столько же свое какъ и твое, а если грѣхъ случился надъ нашимъ общимъ хлѣбомъ, то грѣхъ пополамъ: мы терпимъ убытокъ пополамъ.

— Да мнѣ то ужь больно обидно, батюшка! Скотинка то твоя и твои рабочіе побили хлѣбушка. Вѣдь я его годъ ждалъ.

— Развѣ я меньше ждалъ? Подумай, чего ты у меня требуешь. Нашу общую съ тобою десятину потоптали рабочіе, потоптали какъ оказывается не больно ей во вредъ. Ты видишь, рядомъ съ твоими десятинами у меня въ цѣломъ ярусѣ стало не по восьмнадцати, а только по одиннадцати копенъ, и за это ты съ меня же хочешь взять деньги. Ты говоришь, что твоя работа пропала. Изволь, я тебѣ заплачу за твои сѣмена и за работу, а ты отдай мнѣ весь хлѣбъ.

— Нѣтъ, какъ можно!

— Не то, выбирай любую изъ моихъ десятинъ. Тамъ одиннадцать копенъ, а у тебя восьмнадцать.

— Да вѣдь эта какая десятина-то! Это новь. Мнѣ ея-то ужь больно жалко. Вамъ, батюшка, слѣдуетъ за побой выворотить съ твоихъ работниковъ.

— Какъ же я съ нихъ стану выворачивать? Уговору у насъ такого не было, и теперь я не въ силахъ этого сдѣлать.

— Ты, батюшка, скрути-ка ихъ хорошенько, такъ они духомъ виноватаго найдутъ. Ты ихъ во-какъ скрути, прибавилъ мужикъ, сжимая свой кулакъ:—чтобъ изъ нихъ подлецовъ сокъ потекъ.

— Значитъ, ты хочешь, чтобы я судомъ съ нихъ требовалъ уплаты за побой. Но я на нихъ не ищу, а если ты

такой ретивый и добрый человѣкъ, что желаешь у насъ порядки завести, ступай, проси на нихъ. Я тебѣ отъ себя дамъ восьмнадцать серебромъ на хлопоты.

— Нѣтъ, кормилецъ, лучше вся десятина пропадай чѣмъ по судамъ за нею ходить. А вы ихъ сами прикрутите, такъ небось! Что на нихъ глядѣть-то? Мошенники только деньги брать, а хозяйскаго добра не жалко!

Убѣдясь окончательно въ невозможности вразумить мужика, я перемѣнилъ тонъ и объявилъ, что если онъ не согласенъ ни на одну изъ предлагаемыхъ мною сдѣлокъ, то ничего не получитъ.

Тѣмъ дѣло и кончилось, что̀ не помѣшало тому же крестьянину позднею осенью возобновить свою попытку сорвать съ меня хотя что-нибудь. Онъ приходилъ опять толковать о томъ же и также безуспѣшно. Пробуютъ.

Выше я упомянулъ о возкѣ зернового хлѣба на рынокъ, въ противоположность съ возкою песку; теперь скажу объ этомъ предметѣ нѣсколько словъ. Осенью я запродалъ часть ржи орловскому купцу, обязавшись доставить хлѣбъ къ извѣстному сроку. Прослышавъ, что мнѣ нужны подводы, окрестные крестьяне съ разныхъ сторонъ частенько приходили ко мнѣ наниматься за тридцатипяти-верстное разстояніе. Первый запросилъ съ меня неслыханную цѣну 60 коп. сер. съ четверти, то-есть около 8 копѣекъ съ пуда. Я не давалъ ему и половины, и онъ уѣхалъ. Но ни странно ли, что мужики, пріѣзжавшіе вслѣдъ затѣмъ изъ совершенно другихъ мѣстностей, затвердили тѣ же 60 копѣекъ?

Вѣчное: *какъ люди такъ и мы*, у нихъ не только переходитъ изъ устъ въ уста, но кажется разлито въ воздухѣ. Была единственная надежда на Алексѣя плотника, простоявшаго у меня съ артелью все лѣто. Онъ заблаговременно объявилъ мнѣ, что не только пришлетъ подводъ шесть своихъ, но соберетъ еще охотниковъ въ своей деревнѣ. Не дороги мнѣ были его шесть подводъ, а нуженъ былъ его примѣръ. Я зналъ, что повези онъ на шестернѣ хотя по три копѣйки съ пуда, всѣ повезутъ по той же цѣнѣ. Дорожить двумя-тремя лишними рублями онъ не могъ, получая у меня, *по душѣ*, многое безъ ряда. Но и тутъ я ошибся,—и онъ сталъ дожидаться какихъ-то людей. Наконецъ снѣгъ выпалъ, и охотниковъ по назначенной мною цѣнѣ, даже съ уступкой, явилось много.

XI. Ѳедотъ и праздникъ Михаила Архангела.

Хотя мимо меня, въ полуверстѣ, пролегаетъ старая мценско-курская большая дорога, но по случаю шоссе почтовыя станціи на ней упразднены и спасительныя, въ зимнія метели, старыя ракиты, безжалостно истребляются сосѣдними крестьянами и проходящими гуртовщиками. За то почти на половинѣ пути, на самой большой дорогѣ, сидитъ зажиточный, нѣкогда богатый дворъ Ѳедота. Отецъ Ѳедота, бывшій крѣпостной, откупился съ своею семьей на волю, купилъ у барина сто десятинъ земли, въ томъ числѣ нѣсколько десятинъ строеваго дубу, выстроилъ на большой дорогѣ постоялый дворъ, и на превосходныхъ лошадяхъ держалъ вольную станцію. Старикъ, само собою разумѣется, былъ отличный хозяинъ, держалъ дѣтей въ страхѣ Божіемъ, и семейство при немъ процвѣтало.

Дворъ ихъ я знаю уже лѣтъ двадцать пять и помню ихъ патріархальный бытъ еще въ то время когда теперешній хозяинъ Ѳедотъ и пьяный братъ его, мценскій ямщикъ, возили, молодыми парнями, проѣзжихъ на превосходныхъ отцовскихъ лошадяхъ. Этотъ промыслъ перешелъ къ нимъ отъ отца, но мало-по-малу,—особенно стало это замѣтно въ послѣдніе три-четыре года,—все у Ѳедота пошло подъ гору. Въ праздникъ Ѳедотъ неминуемо пьянъ, и добрыя лошади отъ дурнаго корму и присмотру еле-еле таскаютъ проѣзжіе экипажи.

Какъ бы то ни было, за неимѣніемъ почтовыхъ, намъ, при поѣздкахъ въ Мценскъ, приходится или высылать своихъ на подставу къ Ѳедоту, или доѣхавъ до него, брать его лошадей.

6-го ноября мнѣ нужно было побывать въ Мценскѣ, куда долженъ былъ пріѣхать и Ш***. Дорога отъ осеннихъ проливныхъ дождей была отвратительная; тѣмъ не менѣе я доѣхалъ до Ѳедота на своихъ, безъ особыхъ приключеній. Ѳедота не было дома, такъ-называемая горница для проѣзжихъ была не топлена, чего въ прежнія времена не случалось, и я былъ вынужденъ отогрѣваться въ общей избѣ, состо-

ящей изъ двухъ старыхъ покрившихся и подпертыхъ срубовъ. Трудно себя представить болѣе грязное и запущенное человѣческое жилище. Я засталъ двадцатилѣтнюю хозяйскую дочь одну, если не считать старуху-мать, отъ головной боли валявшуюся подъ грязнымъ полушубкомъ на лавкѣ. Дѣвушка, сама въ грязной рубахѣ и неменѣе грязномъ сарафанѣ, мела дырявый скачущій полъ, покрытый перьями.

— Или куръ щипала? спросилъ я ее, закуривая папироску, и начиная ходить взадъ и впередъ по избѣ, чтобъ отогрѣть ноги.

— Какже, къ празднику, къ Михайлу Архангелу. У насъ престолъ. Ужь я ихъ щипала, щипала! Въ однѣ руки. Итьмать-то отъ головы другую недѣлю валяется.

Проходя взадъ и впередъ отъ двери къ печкѣ, я заглянулъ на такъ-называемую *загнѣтку* (площадку передъ устьемъ). Въ углу ея, небольшою пирамидой, возвышались обгорѣлыя, паленыя, бараньи головы.

— Эка вы барановъ-то надушили. Куда вамъ такая пропасть, пять барановъ?

— Тамъ ихъ шесть, отвѣчала дѣвушка, не безъ гордости.— Какже? праздникъ! Все поѣдятъ. Священники будутъ.

Овца у насъ стоитъ три рубля серебромъ, и вѣситъ около пуда, подумалъ я. Куда такую пропасть мяса одиноко-сидящему двору? Да и какой расходъ!

Девятаго ноября мы съ Ш*** на усталыхъ лошадяхъ приближались, на возвратномъ пути, къ усадьбѣ Ѳедота.

— Кажется, замѣтилъ Ш***,—придется намъ сегодня долго дожидаться, пока соберутъ тройку. Ѳедотъ теперь или лежитъ, или сидитъ съ красносизымъ носомъ, и толку долго не добьешься.

На порогѣ сѣней насъ встрѣтилъ какой-то залихватски развеселый парень, въ синемъ кафтанѣ и красной рубашкѣ.

— Изволите, господа, лошадокъ спрашивать? Въ ту же минуту соберутъ.

Про Ѳедота мы и не спрашивали въ увѣренности получить неизбѣжный отвѣтъ: „отдыхаетъ, того, маленько выпивши.“

Каково-же было наше удивленіе, когда въ дверяхъ перегородки показался Ѳедотъ, да еще совершенно трезвый.

— Что это ты, Ѳедотъ, не пьянъ? спросилъ его Ш***.

— Нѣтъ, будетъ. Вчера точно, сильно было въ головѣ, а сегодня не надо. Сегодня я еще ни-ни, маковой росинки во рту не было, а не то что пьянъ.

— А вчера такн справилъ праздникъ? спросилъ я въ свою очередь.—Кто же гости-то были?

—Да вотъ парень-то что можетъ видѣли въ сѣняхъ, это мой зять съ женою; кое-кто изъ ближнихъ сосѣдей, человѣкъ пять было можетъ-статься; да причетъ церковный. Какже, нельзя! Не то что кто-нибудь; надо угостить какъ должно. Нельзя же.

— А сколько, скажи-ка правду, сталъ тебѣ вчерашній праздникъ?

Какъ-то бойко подмигнувъ однимъ глазомъ, Ѳедотъ наклонился ко мнѣ и въ полголоса произнесъ: „Рублей въ пятьдесятъ серебромъ обошлось. Я тутъ не считаю домашняго, муки, крупы, картошекъ.“

Вотъ отчего, подумалъ я, такъ тупы стали его лошади. Мало ли годовыхъ праздниковъ, и если каждый стоитъ ему хоть въ половину противъ престольнаго, то денегъ, необходимыхъ въ хозяйствѣ, пропразднуется не мало. Намъ запрягли лошадей, и я потребовалъ счетъ, который по недостатку мелочи, рѣдко у насъ бываетъ очищенъ копѣйка въ копѣйку. Сосчитавъ мой расходъ, Ѳедотъ лукаво поглядѣлъ на меня, и скинулъ двѣ косточки на счетахъ.

— Эти два рубля за мною были еще съ позапрошлаго разу, сказалъ онъ.

— Какихъ два рубля?

— А помните вы проѣзжали въ коляскѣ, да за четверку слѣдовало три рубля, а вы мнѣ дали ассигнацію. Я посмотрѣлъ на нее, отправя васъ съ малымъ, а тамъ не три, а пять рублей. Думалъ я, ошибся ли это онъ, или пытаетъ меня. Вѣрно спроситъ. А вотъ вы и въ другой послѣ проѣзжаете, а не спрашиваете. Зачѣмъ же мнѣ даромъ пользоваться?

Я очень радъ, что пришлось окончить мои замѣтки разказомъ объ этомъ отрадномъ фактѣ; а то быть-можетъ и читателю, также какъ и мнѣ, не разъ приходилъ въ голову нижеслѣдующій вопросъ.

XII. Вопросъ.

Отчего въ моихъ замѣткахъ выступаетъ преимущественно темная сторона нашей земледѣльческой жизни?

Отвѣтъ простъ. Я ничего не сочинялъ, а старался добросовѣстно передать лично пережитое, указать на тѣ, часто непобѣдимыя препятствія, съ которыми приходится бороться при осуществленіи самаго скромнаго земледѣльческаго идеала. Затрудненій и препятствій много,—но гдѣ средства устранить ихъ и сравнять дорогу всему земледельческому труду, этому главному, чтобы не сказать единственному, источнику нашего народнаго благосостоянія? Наше правительство и наши *передовые* люди дѣятельно заняты разъясненіемъ и разрѣшеніемъ многоразличныхъ задачъ, связанныхъ съ этимъ вопросомъ. Даже въ литературѣ нельзя отрицать темнаго стремленія поэтому пути; но какъ странно выражается порою это стремленіе! Сколько напримѣръ говорится у насъ о *пауперизмѣ* и *пролетаріатѣ!* Наши публицисты изо всѣхъ силъ стараются доказать неудобство и зловредность колоссальнаго пролетаріата въ государственномъ организмѣ. Нельзя предположить, чтобы люди, пересыпающіе передъ публикой всѣ возможныя экономическія теоріи и въ сжатыхъ очеркахъ и съ мелкими подробностями, сами не понимали соціально-экономическихъ моментовъ народной жизни, — не понимали бы, что при рѣдкомъ народонаселеніи и огромномъ количествѣ *нови* возможно и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ удобно общинное землевладѣніе, дѣлающееся при густомъ населеніи и малоземельности невозможнымъ, — не понимали бы, что пролетаріатъ—слѣдствіе съ одной стороны густаго населенія, а съ другой—вызываемыхъ самою необходимостію машинъ, — что онъ сѣдина гражданственности, и не можетъ появиться при ея зачаткахъ. Что такое страна пролетаріата, въ двухъ словахъ? Страна, гдѣ руки ищутъ работы, а работы нѣтъ Что такое Россія? Страна, въ которой необходимѣйшая работа ищетъ рукъ, а рукъ нѣтъ. Не очевидно ли, что у насъ въ настоящее время забота объ устраненіи пролетаріата не

иное что, какъ заботы лѣниваго мальчика, который, вмѣсто того чтобъ учить латинскія склоненія, становится передъ зеркаломъ и говоритъ: „когда я буду большой, у меня выростутъ усы и борода. Усы я буду завивать какъ дяденька, а бакенбарды запущу какъ у папаши.“ Дѣйствительно, при благопріятнѣйшихъ условіяхъ къ умноженію народонаселенія, и у насъ, лѣтъ черезъ 500 можетъ-быть выростетъ борода пролетаріата. Но что тогда будетъ, никто не знаетъ; а если тогда будутъ журналы, то они на досугѣ побесѣдуютъ объ этомъ предметѣ.

Съ вопросомъ о свободѣ самъ собою возникаетъ вопросъ объ образованіи. Общество можетъ руководиться или закономъ произвола, или закономъ разумной необходимости, будетъ ли этотъ законъ отысканъ сверху, снизу или изъ середины. Но накопленіе знаній, обусловливающихъ образованіе, требуетъ напряженной спеціальной дѣятельности, большею частію несовмѣстной съ чисто-матеріяльными заботами, поглощающими всю жизнь большинства. Эта вѣковая истина только все болѣе и болѣе разростается по мѣрѣ ежедневно расширяющагося круга науки. Десятилѣтнимъ Каину и Авелю достаточно было десяти вечернихъ уроковъ матери для того чтобы выдержать полный докторскій экзаменъ во всѣхъ возможныхъ наукахъ. Не даромъ нѣмецкій поэтъ говоритъ:

„Es gab kein Buch in ganz Athen;
O! schreckliche Verworfenheit!
Man wurde vom Spazierengehn
Und von der Luft gescheid.“

Увы! куда дѣвались эти удобныя, покойныя времена? Мальчикъ не успѣетъ еще пройдти доисторическихъ фактовъ, какъ новѣйшая исторія въ одинъ день Севастополя или Сольферино, наготовитъ ихъ ему столько, что бѣднякъ съ ними и въ недѣлю не управится. Ясно что полное умственное образованіе, равно какъ и богатство, не каждому доступно по его матеріяльнымъ и моральнымъ средствамъ. Эти роскошные плоды, возбуждающіе общую дѣятельность своею хотя бы и отдаленною красотой, растутъ на вѣтвяхъ дерева, подъ ласкающими лучами солнца, и уже оттуда зрѣлые и плодотворные падаютъ къ корню. Государственное хлѣбное дерево единовременно и распускается, и цвѣтетъ,

и оплодотворяется, и завязываетъ плоды, и выманиваетъ ихъ до окончательной зрѣлости. Какже, однако, тутъ быть? Не мы первые и не мы послѣдніе живемъ на свѣтѣ. Есть же государства благоустроенныя, гдѣ мѣстные законы вытекли изъ исторической необходимости, и гдѣ эти законы глубоко уважаются массой народа, массой, которая между-тѣмъ никакъ не можетъ похвастать, чтобы въ ней повсемѣстно было развито образованіе. Стало быть, тамъ у нихъ есть еще какая-нибудь сила, вслѣдствіе которой скромный листокъ подчиняется общей гармоніи растительности, чтобы въ свою очередь пройдти, быть-можетъ, черезъ всѣ ея фазы до зрѣлости сочнаго плода? Есть, и это сила не столько научное *образованіе*, доступное немногимъ, сколько *воспитаніе*, доступное всѣмъ. Перенося наше сравненіе изъ міра растительнаго въ міръ человѣческихъ возрастовъ, мы тотчасъ увидимъ, что образованіе доступно человѣку зрѣлому и невозможно въ ребенкѣ, которому между-тѣмъ воспитаніе необходимо.

Воспитаніе есть та нравственная почва, въ которой кроется корень истиннаго образованія. Безъ этой почвы самый образованный человѣкъ нерѣдко является какимъ-то ученымъ дикаремъ, въ которомъ, вопреки всѣмъ даннымъ науки, безсознательно бродятъ неукрощенные и неуравновѣшенные инстинкты. Образованіе живетъ въ области мысли и знанія, воспитаніе совершается въ нравахъ. Къ чему лукавить? Образованіе нерѣдко въ своихъ тенденціяхъ враждебно воспитанію. Одинаково ли съ воспитаніемъ смотритъ образованіе, напримѣръ, на рыцарскую месть за личное оскорбленіе? А представьте себѣ цѣлый народъ, въ которомъ бы совершенно замерло это чувство чести, и повѣрьте, что самый образованный человѣкъ отвернулся бы отъ этой всеобщей и безвозмездной потасовки.

Благодатные плоды вѣчно творческаго духа все ниже и ниже, собственною тяжестію, наклоняютъ къ корню плодоносныя вѣтви. Но на все свое время и свой чередъ. На безвременьи ничего не бываетъ. Было время, когда верхушки нашей народности должны были оплодотвориться цвѣтомъ иностранной цивилизаціи; тогда намъ еще рано было думать о плодахъ, мы еще гордились ранними цвѣтами, хотя много въ нихъ въ послѣдствіи оказалось пустоцвѣту. Еще въ очень недавнее время титулъ чело-

вѣка *воспитаннаго* былъ лучшею рекомендаціей. Но теперь верхніе побѣги начинаютъ сгибаться подъ наливающими плодами, и въ атмосферѣ высшей интеллигенціи одного титула *воспитанности* недостаточно. Въ этомъ кругу надо уже самобытно дѣйствовать, а благовоспитанный человѣкъ только никого не толкаетъ, ничего не ломаетъ, никому не мѣшаетъ, а для самодѣятельности можетъ еще не имѣть достаточныхъ способовъ. Жизнь въ этой сферѣ, кромѣ воспитанія, требуетъ отъ человѣка умственнаго образованія. За то для нижнихъ вѣтвей, въ свою очередь, наступаетъ время расцвѣтанія и оплодотворенія, которое совершится тѣмъ проще и естественнѣе, что за сѣменною пылью не нужно обращаться въ чужой садъ, а она найдется тутъ же на родномъ деревѣ.

Наступило время настоятельно требующее общаго народнаго *воспитанія*. Здѣсь не мѣсто подробно разсматривать признаки и сущность воспитанія, заключающіеся преимущественно въ непоколебимомъ уваженіи къ законности, личности и собственности. Остается только спросить, какими путями можно, съ большею вѣроятностью, достигнуть желанной цѣли? Чтобы разрѣшить этотъ вопросъ, надо сдѣлать другой: что̀ такое воспитаніе? Рядомъ съ сознательнымъ образованіемъ воспитаніе, при своемъ началѣ, есть привычка свободно дѣйствовать въ кругу ясно обозначенныхъ неизмѣнныхъ законовъ, привычка переходящая современемъ въ природу. Ребенку до тѣхъ поръ неизмѣнно говорятъ: не клади локтей на столъ, не зѣвай въ обществѣ, не толкайся, не становись къ другимъ спиною, пока это не станетъ у него второю природой, и ему самому не будетъ совѣстно и неловко нарушеніе этихъ правилъ. Только тогда можно ожидать, что онъ пойметъ, какъ не хорошо оскорбить другаго невниманіемъ и невѣжествомъ. Итакъ первое средство къ народному воспитанію—положительные и бдительно-охраняемые законы. Вы хотите правильнаго, свободнаго и нерутиннаго сельскаго хозяйства. Прекрасно! Дѣйствительно, тутъ малѣйшій успѣшный примѣръ весьма важенъ, и можетъ повести къ благотворнымъ послѣдствіямъ. Я только что началъ сѣять яровую пшеницу, а ужь одинъ работникъ, видя успѣхъ, просилъ у меня сѣменъ для своего домашняго хозяйства. Оградите же честный трудъ отъ беззаконныхъ вторженій чужаго произвола. Тутъ не нужно никакихъ крутыхъ мѣръ.

Объявите самый небольшой штрафъ за каждую загнанную на поляхъ скотину, напримѣръ хоть 25 к. серебромъ съ лошади, штрафъ, безъ котораго скотина не можетъ быть возвращена хозяину и т. д., и повѣрьте, что черезъ годъ слово *потрава* исчезнетъ изъ народнаго языка. Но положительные нелицепріятные законы, внушающіе къ себѣ уваженіе и довѣріе, только одинъ изъ многихъ путей къ народному воспитанію. Рядомъ съ нимъ должны прокладываться и другіе, для внесенія въ народныя массы здравыхъ понятій, въ замѣнъ дикаго, полуязыческаго суевѣрія, тупой рутины и порочныхъ тенденцій. Лучшимъ удобнѣйшимъ проводникомъ на этихъ путяхъ можетъ, безъ сомнѣнія, быть *грамотность*. Но не надо увлекаться и забывать, что она не болѣе какъ проводникъ, а никакъ не цѣль. Говорите: нужно, во что бы ни стало, *воспитаніе;* это главное. Намъ стыдно уже поступать въ этомъ дѣлѣ также опрометчиво, какъ поступали нѣкогда невоспитанные и равнодушные родители, которые совали указку въ руки первому пьяному пономарю или французскому кучеру.

Тяжелъ и высокъ нравственный подвигъ духовныхъ воспитателей народа. Этимъ воспитателямъ предстоитъ напередъ глубоко проникнуться сознаніемъ предстоящаго подвига, и простымъ людямъ объяснять, понятнымъ для нихъ языкомъ, простые законы чистой нравственности, оставя на время схоластическія тонкости въ сторонѣ. Тогда Ѳедоты перестанутъ гордиться язычески-невоздержнымъ празднованіемъ престола, далеко превышающимъ ихъ средства и потому раззорительнымъ для ихъ семействъ, которому они не могутъ дать человѣческое воспитаніе.

А. ФЕТЪ.

НАЯДА.

(Подражаніе А. Шенье.)

Полудня въ знойный часъ, когда, ища прохлады,
Въ пещеры прячутся пугливыя Наяды,—
Я крадусь съ трепетомъ чуть слышною стопой
Межь камней и кустовъ извилистой тропой,
Едва протоптанной стопой Наяды скромной,—
Въ прохладный, тихій гротъ таинственный и темный.
Тамъ въ узкой впадинѣ у входа притаясь,
Отъ нимфы дѣвственной не отвожу я глазъ,
И млѣю, на красы роскошныя взирая:
Наяда стройная, прекрасная, нагая,
Съ вѣнкомъ изъ тростника на юной головѣ,
Раскинувъ легкій станъ на мягкой муравѣ,
Подъ говоръ водъ глухой и крикъ цикады звонкой,
Спокойно, мирно спитъ безпечнымъ сномъ ребенка,—
Не вѣдая, чтобъ могъ изъ смертныхъ кто-нибудь
На тайны дѣвственной красы ея взглянуть:
Ихъ видѣли досель въ равнинахъ Океана
Лишь лучезарный Фебъ и блѣдная Діана,
Да зеркало морей, да равнодушный взоръ
Ея застѣнчивыхъ и дѣвственныхъ сестеръ.

Б. АЛМАЗОВЪ.

1862 г.
11-го мая.

ВОСПИТАННИЦА САРА

ПРИКЛЮЧЕНІЯ,

ПОЧЕРПНУТЫЯ ИЗЪ МОРЯ ЖИТЕЙСКАГО.

XV.

Фамилія Луцкихъ-Сборицкихъ принадлежала къ одному изъ тѣхъ знаменитыхъ родовъ, которые переселились изъ Червонной Руси, во время польскаго преобладанія, когда папежъ вводилъ унію. Этотъ родъ, по общему повѣрью, всегда отличался наслѣдственными достоинствами своими — благодушіемъ и благовидностію. Но развѣтвленіе его быстро сократилось въ началѣ настоящаго столѣтія. Единственною страслью, по мужескому колѣну, остался князь Василій. Совершивъ съ честью послѣдніе суворовскіе походы въ Италію, онъ вышелъ въ отставку и женился на старшей изъ двухъ сестеръ, Горелинскихъ, славившихся красотой. Младшая вышла въ то же время, по страсти, за Чарудатова, молодаго человѣка съ большими способностями цѣпляться и карабкаться на высоту, ловко пробиваться сквозь толпу впередъ, и придавать себѣ значеніе. Сестры были дружны между собой; но неравенство замужества бываетъ часто помѣхой и дружбѣ и род-

ству; и еслибы самъ Чарудатовъ не дорожилъ родствомъ съ княжескимъ родомъ, то страдавшее самолюбіе супруги его отдалило бы ее совершенно отъ сестры княгини. Для нея было невыносимо являться въ княжескомъ домѣ какой-нибудь титулярною совѣтницей, не имѣющею ни помѣстья, ни собственнаго дома, ни даже собственной дачи. Сверхъ того, въ то время бронзовые фермуары и браслеты, поддѣльные камни и жемчугъ, не выступали еще на одну доску съ настоящими; а показаться въ свѣтъ съ какою-нибудь томпаковою, украшенною крошечными камешками, вывѣской явнаго несостоянія, было невозможно.

Чарудатовъ однакоже довольно успокоилъ жену свою въ этомъ отношеніи. Покуда она сказывалась то больной, то нездоровой, онъ, посредствомъ того же родства съ домомъ Луцкихъ, пролѣзъ сквозь щель въ большой свѣтъ, заявилъ вездѣ достоинства угоды и услужливости, и въ непродолжительномъ времени очутился на сценѣ камеръ-юнкеромъ и въ одно и то же время правителемъ канцеляріи въ одномъ вѣдомствѣ, завѣдывающимъ дѣлами въ другомъ, членомъ комитета въ третьемъ, предсѣдателемъ коммиссіи въ четвертомъ, исправляющимъ должность вице-президента въ пятомъ, чиновникомъ по особымъ порученіямъ въ шестомъ, и повсюду жалованье, интересныя отношенія, чины и награды. И вотъ, никто еще не успѣлъ оглянуться, а Чарудатовъ сталъ уже и самъ вліятельнымъ лицомъ и сильнымъ ходатаемъ по какому угодно дѣлу.

Луцкіе давно уже жили на покоѣ въ Москвѣ, утѣшаясь единственнымъ своимъ сыномъ, и съ любовію занимаясь его воспитаніемъ; а Чарудатовъ сталъ на ногу разумѣется въ Петербургѣ. Какъ внимательный родственникъ, онъ предложилъ князю Василію Григорьевичу озаботиться о службѣ его сына и дать ему ходъ.

Князь однакоже желалъ, чтобы сынъ служилъ въ военной службѣ; а княгинѣ хотѣлось, чтобъ онъ служилъ по статской, при дядѣ; она не любила даже разказовъ о войнѣ и сраженіяхъ.

— Вѣдь онъ у насъ одинъ и послѣдній въ родѣ: какъ же мы будемъ подвергать его опасностямъ, гдѣ жизнь на волоскѣ.

— И я былъ послѣдній въ родѣ, и несмотря на это служилъ подъ ядрами и пулями, и благодаря Бога вышелъ

изъ огня живъ и здоровъ. А что касается до опасностей, то во всякой службѣ есть свои непріятели, да еще бьютъ изъ-за угла. Мы предоставимъ Мишѣ на волю выбирать себѣ службу.

Княгиня согласилась, благословила сына, и онъ отправился въ Петербургъ.

Когда молодой князь Михайло явился къ теткѣ, она рекомендовала его мужу, велѣла дочери своей Цецилiи поцѣловать своего cousin, дала вечеръ и представила своего племянника prince Michel всему чиновному міру.

Хорошо воспитанный, безъ тщеславія и полный понятія объ истинномъ достоинствѣ человѣка, молодой Луцкій былъ пораженъ этимъ очарованнымъ сценическимъ кругомъ, гдѣ разыгрывались роли ума, просвѣщенія, заслугъ, значенія въ свѣтѣ, почета, уваженія, любезности, искренней любви и истинной дружбы. Съ перваго же раза, онъ почувствовалъ неспособность свою быть участникомъ этихъ живыхъ картинъ и звукоподражаній.

— Ну, Москвичъ, сказалъ ему дядя покровительственнымъ голосомъ,—я тебя опредѣлю къ себѣ въ канцелярію; но у насъ здѣсь баклушъ не бьютъ. Понимаешь?

— Кое-что понимаю, отвѣчалъ Луцкій.

— Кое-что! кое-что недостаточно на службѣ, замѣтилъ Чарудатовъ, не понявъ отвѣта, а можетъ-быть и не имѣя времени вникать въ него.—Это отъ того, что у васъ *тамъ* учатъ чему-нибудь и какъ-нибудь.

— Я выдержалъ экзаменъ по программѣ; но еслибы напримѣръ нужна была для канцеляріи высшая астрономія, то я о ней понятія не имѣю.

— Нѣтъ, любезный, зачѣмъ такъ высоко; мы начнемъ испытаніе съ канцелярской науки; напримѣръ составить бумагу, сдѣлать выписку изъ дѣлъ...

— Собственно канцелярской науки я не знаю; но я знакомъ съ судопроизводствомъ, а слѣдовательно съ нѣкоторыми пріемами веденія дѣлъ и письмоводства.

— Да, да, да; ты кажется особенно занимался философіей? на службѣ она не нужна.

Луцкій промолчалъ.

Тетушка и двоюродная сестрица, Цецилія, въ свою очередь проэкзаменовали его.

— Ну, что у васъ въ Москвѣ дѣлается? По прежнему шьютъ и вышиваютъ блесками пелены да воздухи?

— Матушка по прежнему любитъ собственноручные труды для приношеній въ храмы; но я знаю многихъ, которыя также вяжутъ кошельки на память, или что нибудь плетутъ.

Этотъ отвѣтъ не понравился теткѣ.

Сестрица Цецилія, смуглая въ отца и типированная съ водевильныхъ demoiselles du grand monde, сообщала Луцкому, что въ Москвѣ живутъ только старичье да купцы, и что петербургскіе изношенные наряды и платья идутъ въ Москву и тамъ покупаются дамами для баловъ.

Посреди высшихъ занятій приличіями свѣта, этимъ ограничились на первый разъ любезности съ prince de Moscou, какъ назвала Цецилія своего cousin.

Отецъ Луцкаго, предоставивъ на волю сына избрать родъ службы, на всякій случай далъ ему письмо къ старому сослуживцу своему, командовавшему гвардейскою дивизіей.

Видная наружность и умъ молодаго Луцкаго, напоминавшіе отца его, товарища прежнихъ лѣтъ, расположили къ нему стараго генерала, и онъ предложилъ ему вступить непремѣнно въ одинъ изъ полковъ его дивизіи.

— Я этого бы и желалъ, отвѣчалъ Луцкій.

— Такъ шей же мундиръ; а я распоряжусь.

Затрудненій никакихъ не встрѣтилось. Луцкій чрезъ нѣсколько дней явился въ домѣ тетки въ мундирѣ гвардейскаго юнкера, въ то самое время когда Чарудатовъ намѣревался справиться о вакансіи писца, на которую бы можно было опредѣлить племянника жены.

— Это что жь такое? спросилъ онъ его съ изумленіемъ.— Отецъ и мать просятъ моего ходатайства объ опредѣленіи тебя въ статскую службу, а ты, вопреки имъ, самовольно вступаешь въ военную?

— Отецъ и мать предоставили мнѣ выборъ, и я предпочелъ военную, отвѣчалъ Луцкій.

— Поздравляю! проговорилъ Чарудатовъ, взглянувъ на него прищурясь, но желчное чувство выступило на лицѣ его.

Проходя по всѣмъ закоулкамъ съ врожденною жаждой къ пріобрѣтенію и захвату, Чарудатовъ не оставлялъ безъ вниманія родство съ Луцкими и изъ видовъ на ихъ богатство, въ надеждѣ добраться до него какими-нибудь окольными путями.

Сначала, вызываясь самъ на заботы о племянникѣ, онъ имѣлъ цѣлью вовлечь его въ полную зависимость отъ себя, и современемъ надѣялся овладѣть имъ. Въ этотъ замыселъ входилъ даже разсчетъ на пособіе дочери. Но Луцкій какъ будто понялъ намѣреніе его, и только изрѣдка являлся въ домъ тетки, отговариваясь службой. Чарудатовъ возненавидѣлъ его, и въ кругу своего вліянія съ озлобленіемъ наводилъ тѣнь на блестящія достоинства молодаго человѣка.

По вліянію ли свѣтилъ или по внутреннему состоянію земли, бываютъ времена умственной темной воды, когда видя ничего не видишь кромѣ черныхъ пятенъ, и когда у подозрѣнія такое расширеніе зрачковъ и чувствительность слуховаго барабана, что всякій шелестъ кажется ему тревогой и появленіемъ чудовища. Подобнымъ временемъ умѣлъ воспользоваться Чарудатовъ, по особенному вліянію своему, чтобы погубить племянника.

Луцкій быстро двигался впередъ по службѣ. Ротмистромъ пріѣхалъ онъ въ отпускъ къ отцу и матери. Дружба княгини съ матерью Марьи Ивановны скоро сблизила его съ сердцемъ этой дѣвушки, свадьба была уже рѣшена, но вдругъ Луцкій исчезъ изъ Москвы. По городу пробѣжалъ шепотъ: его увезли! и это слово было страшнѣе нежели— онъ умеръ! Счастливаго и полнаго надеждъ на свѣтлую будущность, его погребли за-живо; онъ очутился въ какомъ-то подземномъ склепѣ. Этотъ переходъ отъ бытія къ небытію, эти зачеркнутыя страницы всего жданнаго и желаннаго, поразили Луцкаго мертвящимъ ужасомъ. Страшныя мысли били ему въ голову; отрѣшенный отъ жизни, онъ долго вглядывался въ глубину мрака, видѣлъ только гробы отца и матери; но наконецъ и мракъ опустѣлъ, все исчезло, и онъ впалъ въ какое-то онѣмѣлое состояніе всѣхъ чувствъ; какія-то привидѣнія водили его куда-то, говорили что-то ему, онъ слушалъ ихъ, не понималъ, и молчаніемъ какъ будто подтверждалъ ихъ слова, соглашался съ ними.

Что съ нимъ было во все время безсознательнаго болѣзненнаго состоянія, Луцкій не помнилъ; онъ очнулся далеко отъ родины, гдѣ-то на краю земли, въ какомъ-то незнакомомъ ему жильѣ. За нимъ ухаживали незнакомыя лица: какой-то ласковый старикъ, въ военномъ сюртукѣ, какая-то добродушная женщина, и изрѣдка появлялось, мгновенно,

какое-то существо, отъ котораго вѣяло на него жизнью, и онъ ожилъ.

Случай и счастіе привели Луцкаго подъ кровъ бывшаго сослуживца отца его. Въ домѣ добраго коменданта крѣпости, семейство котораго состояло только изъ жены и дочери, онъ былъ принятъ и успокоенъ какъ родной.

— Мы были закадычные друзья съ твоимъ отцомъ, сказалъ ему однажды словоохотливый старикъ;—но насъ поссорило одно обстоятельство. Не слѣдуетъ разказывать сыну о молодости и грѣшкахъ отца, да не могу, хочется хоть передъ тобой оправдаться отъ клеветы, которая похѣрила дружбу его ко мнѣ. Мы были еще поручиками въ кирасирскомъ полку; дивизіонъ нашъ стоялъ въ Подоліи, въ небольшомъ *майонткѣ* одного пана. Познакомились; княжество и богатство, да еще при умѣ и красотѣ, не то что нашъ братъ кулекъ. На мою долю, разумѣется, съ перваго же посѣщенія достались паны, да старыя пани, а на долю князя Василья, какъ будто невзначай, выпала пани Генріетта. Въ продолженіи какого-нибудь мѣсяца я успѣлъ выиграть въ пикетъ около десяти злотыхъ; а князь Василій, вижу, поигрываетъ въ игру азартную, горячится, того и гляди поставитъ всего себя на карту. Не утерпѣлъ, говорю князю Василью: берегись! Дѣло дошло до ссоры. Дружба не беретъ; а друга жаль. Винюсь, по любви къ отцу твоему, пошелъ я съ доносомъ къ полковому командиру, говорю ему: плохо дѣло. А онъ — славный былъ человѣкъ—не долго думалъ, вытребовалъ князя Василія въ штабъ, да немедленно по особому порученію и отправилъ въ Москву. И все бы прекрасно: голова провѣтрилась, пылъ потухъ, и были бы мы друзьями по сіе время; да на бѣду тогда же насъ произвели въ штабъ-ротмистры и дали мнѣ дивизіонъ, который, по старшинству, слѣдовалъ отцу твоему. Что жь вышло? онъ счелъ свою командировку за слѣдствіе моихъ происковъ, написалъ мнѣ обидное письмо, и перешелъ въ другой полкъ. Тѣмъ и дружба порѣшилась. Обиду надо бы было выместить хоть на тебѣ. И вымещу: обниму тебя вмѣсто отца.

Старикъ съ чувствомъ обнялъ Луцкаго.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Съ двѣнадцати лѣтъ Маша расцвѣтала на глазахъ Луцкаго, и любимымъ его занятіемъ было образованіе этой дѣвушки. Когда ея чувства и по-

нятія развились вполнѣ, онъ сталъ бояться встрѣчать взгляды ея синихъ глазъ. Вмѣстѣ съ ея возрастомъ въ немъ созрѣла новая любовь, и вполнѣ изгладились въ памяти черты блистательной свѣтской Марьи Ивановны.

Онъ признался въ чувствахъ своихъ старику коменданту

— Князь ты или ссыльный, мнѣ все равно; но безъ воли отца и матери? сказалъ старикъ.

— Они всегда предоставляли мнѣ располагать своею судьбой, отвѣчалъ Луцкій,—а здѣсь я совершенно уже въ другомъ мірѣ; и какимъ образомъ испрошу согласіе ихъ?

— Ну, воля твоя, а я, признаюсь, буду радъ оставить на твоихъ рукахъ мою Машу.

Старикъ прослезился, призвалъ жену и дочь. Нѣсколько словъ все рѣшили, и Луцкій женился.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, мирно и радостно проведенныхъ, комендантъ получилъ конвертъ, распечаталъ его, вздохнулъ глубоко и отдалъ Луцкому.

— Ну, братъ, поздравляю тебя, сказалъ онъ,—тебѣ назначено жить въ имѣніи отца. Поѣзжай, поѣзжай скорѣе; утѣшь его старость!

Съ трепетнымъ сердцемъ принялъ Луцкій эту радостную вѣсть; но ему горько было разстаться съ стариками и съ мирною ихъ жизнью, и стало страшно, когда неизбѣжный провожатый загремѣлъ подлѣ него саблей и шпорами: ему казалось, что на него, уже свободнаго, надѣли снова оковы.

Выѣхали изъ горъ, спустились въ равнины; низменный тяжелый воздухъ не благотворно дохнулъ на Марію. Во время пути родилась дочь Вѣра, а бѣдная мать не перенесла болѣзни.

Убитый неутѣшнымъ горемъ, Луцкій похоронилъ жену, и отправился съ малюткой въ подмосковную; здѣсь только узналъ онъ, что отецъ и мать его живутъ въ своемъ дальнемъ имѣніи.

Вѣрочка была слаба, везти ее было опасно, пробыть долѣе сутокъ безъ разрѣшенія невозможно, и Луцкій принужденъ былъ оставить младенца на попеченіе повивальной бабки, которую случайно пріискала жена Наумыча.

Древнее помѣстье князей Луцкихъ, Сборицы, лежало на границахъ Галиціи. Туда поѣхали старые князь и княгиня доживать вѣкъ свой, когда получили отъ Чарудатова коварныя извѣстія о судьбѣ единственнаго ихъ сына.

Посреди прекрасной и игриво разнообразной природы, между рѣкой и озеромъ, возвышался старинный домъ съ надворными строеніями, окруженный садомъ въ оградѣ изъ пирамидальныхъ тополей. Обширная зала съ выходами на балконы съ обѣихъ сторонъ раздѣляла домъ на двѣ половины. Одну половину занимала княгиня, другую князь.

При всей огромной прислугѣ, при множествѣ офиціянтовъ, женщинъ и горничныхъ дѣвушекъ, въ домѣ соблюдалась ненарушимая тишина, все ходило въ полступни, все говорило въ полголоса... Но весь обрядъ столичной жизни строго соблюдался; каждый зналъ свое дѣло и мѣсто, все шло какъ заведенные часы, безъ напоминанія, безъ толкотни, безъ счетовъ и безъ разговоровъ.

Въ числѣ прислуги, въ домѣ было замѣчательное лицо: бывшій дядька стараго князя, Софронычъ. Съ княземъ былъ онъ во всѣхъ походахъ неразлученъ, всегда и вездѣ при немъ. Этотъ честный человѣкъ такъ освоился довѣренностію къ нему князя и княгини, что для него не было тайны, и что̀ касалось ихъ, то близко было и годами его сердцу. Онъ былъ годами двадцатью старше князя и считалъ уже себѣ подъ девяносто. Дряхлый и сознававшій уже, что̀ „глазки худо видятъ, ушки худо слышатъ, ножки худо ходятъ,“ онъ сидѣлъ или лежалъ въ своей комнатѣ; но ежедневно, по нѣсколькy разъ выходилъ дозоромъ по дому. Обойдетъ комнаты, посмотритъ на все: тутъ ли; постоитъ, послушаетъ что̀ говорятъ князь и княгиня, поставитъ къ чему-нибудь и свое слово, и пойдетъ обратно восвояси. А если князь или княгиня спросятъ иногда ласково: „что̀, Софронычъ?“ онъ отвѣчаетъ: „ничего, ваше сіятельство!“

Въ первое время уединенной жизни, невыносимая грусть и тоска овладѣли княземъ и его женой. Цѣлые дни сидѣли они неразлучно и возбуждали взаимное горе и слезы, спрашивая другъ у друга что̀ сдѣлалось съ Мишей, который такъ уважалъ и любилъ ихъ, подавалъ столько прекрасныхъ надеждъ.

— Что̀ могло погубить его? спрашивала княгиня.

— Не знаю, княгиня, не понимаю. Никогда не ожидалъ я и тѣни того что̀ пишетъ о немъ мужъ твоей сестры.

— Не даромъ, однакоже, хотѣлось мнѣ, чтобъ онъ служилъ по статской службѣ, на глазахъ у дяди. Сестра пи-

сала, что ему готово было прекрасное и видное мѣсто; но что онъ отказался отъ него и, увлеченный разсѣяніемъ, совершенно оставилъ ея домъ.

— Разсѣяніе! проговорилъ князь.

— Да! было бы лучше, еслибъ онъ служилъ при дядѣ, опытномъ человѣкѣ, который самъ себѣ сдѣлалъ карьеру и въ службѣ, и въ свѣтѣ.

— Да! повторилъ и князь:—надо отдать справедливость. У Чарудатова гроша за душой не было, у сестры твоей также; а живутъ какъ будто у нихъ сто тысячъ годоваго дохода. Откуда берется—это не разрѣшимая задача. На его жалованье можно жить въ теплѣ, быть сытымъ и одѣтымъ; а чтобы нанимать вельможескій домъ, давать пиры и балы, имѣть собственную великолѣпную дачу и постоянную ложу въ театрѣ, надо заложить и перезаложить чорту душу.

— Я и сама иногда удивляюсь, откуда все берется, сказала и княгиня, качая головою.

Воспоминанія о сынѣ наполняли дни стариковъ. Иногда, для разнообразія и для развлеченія, они переходили съ мѣста на мѣсто, изъ комнаты въ комнату, изъ половины на половину, какъ будто въ гости другъ къ другу, и дворецкій являлся ежедневно съ вопросомъ, гдѣ прикажутъ ихъ сіятельства накрывать на столъ, или подавать чай, въ комнатахъ князя, или княгини. Послѣ обѣда, передъ вечеромъ, то князь скажетъ: „не хотите ли, княгиня, выйдти на балконъ?“ и княгиня подаетъ ему руку. То княгиня замѣтитъ, что съ этой стороны вѣтерокъ, не лучше ли перейдти на другую сторону,—и князь подаетъ ей руку и ведетъ на балконъ со стороны обширнаго озера; и они долго смотрятъ, какъ будто любуясь, какъ хорошо рисуется передъ ними между рощами бархатный лугъ по скату къ озеру.

— Кажется, на озерѣ видна лодка, видно рыбу ловятъ?

— Не вижу, князь; а помнишь, когда мы были здѣсь съ Мишей, какъ я напугалась? Онъ выѣхалъ на самую середину озера въ лодочкѣ, и вдругъ поднялась буря. Забыть не могу! такъ ужь и думала, что утонулъ!

— Ужь лучше бы онъ утонулъ, проговорилъ князь, вздыхая;—по крайней мѣрѣ мы бы знали, гдѣ его могила.

— Богъ съ вами, что вы это, князь!

— Гдѣ онъ? что съ нимъ, живъ ли? ни слуху, ни духу!

Послѣ подобныхъ словъ наступало опять молчаніе и

грустная дума. Мысли стариковъ летѣли во всѣ стороны отыскивать сына.

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Наконецъ княгиня занялась шитьемъ воздуховъ для церкви, а князь повѣркою счетовъ по разнымъ имѣніямъ. Но и въ эти занятія мѣшались тѣ же печальные помыслы и путали узоры и счеты.

Это тоскливое однообразіе нарушено было неожиданнымъ пріѣздомъ гостей.

Когда доложили, что кто-то подъѣзжаетъ къ дому, князь и княгиня въ недоумѣніи торопливо поднялись съ мѣстъ и пошли встрѣчать, думая, не Миша ли. Но ожиданіе ихъ горько обманулось. Изъ дорожной кареты вышли двѣ дамы: сестра княгини съ дочерью.

— Не могла, сестрица, утерпѣть, чтобы не навѣстить васъ и не раздѣлить съ вами горе... вы не повѣрите, какъ мы всѣ изстрадались душою, когда узнали о несчастіи! говорила Чарудатова, обнимая княгиню и отирая глаза платкомъ.

Эхо крикливаго голоса раздалось по всему дому и отозвалось даже въ ушахъ Софроныча.

— Что тамъ такое дѣлается? пробормоталъ онъ тревожно, и поплелся на продолжавшійся неумолкаемый гулъ. Въ гостиной, подлѣ безмолвной княгини, опустившей слезящій взоръ сидѣли двѣ какъ будто знакомыя Софронычу барыни: остановясь, онъ посмотрѣлъ на нихъ, вслушался и проговорилъ: „вотъ, принесло!“

— Я бы тебя не узнала, Цецилія, сказала, наконецъ, княгиня нѣсколько успокоясь;—ты такъ выросла, сформировалась... я тебя помню лѣтъ двѣнадцати.

— Почти пятнадцать лѣтъ какъ мы не видались, прибавила мать.—Да, пятнадцать лѣтъ!.. Скажите пожалуста, какъ летитъ время.

Княгиня продолжала смотрѣть на племянницу, и, казалось, удивлялась, что она успѣла уже не только сформироваться, чтобы не сказать созрѣть, но и поблекнуть.

Чарудатовъ отправилъ жену и дочь къ старикамъ Луцкимъ съ надлежащею инструкціей, не только угождать старикамъ, утѣшать и развлекать ихъ, но и оберегать отъ всякаго иного родственнаго и посторонняго вліянія.

— Если они горюютъ еще о своемъ мерзавцѣ сынѣ, излагалъ онъ изустно свое наставленіе,—то надо позабо-

титься ласками искоренить въ нихъ безполезное горе... Ты, Цецилія, должна быть внимательна къ нимъ и особенно къ старику; займи, разсѣй его, однимъ словомъ поволочись за нимъ. А лучше всего уговорить ихъ переѣхать сюда... мы помѣстимъ ихъ въ своемъ домѣ.

Эти наставленія имѣли бы ожидаемый успѣхъ, еслибы самъ Чарудатовъ, хоть по очереди, превращался то въ жену, то въ дочь. Но его повѣренныя принялись за дѣло черезчуръ усердно, чтобы скорѣе кончить его,—вопервыхъ, во избѣжаніе смертной скуки жить долго съ стариками и потворствовать ихъ причудамъ; а вовторыхъ, чтобы не изныть по Петербургѣ, гдѣ у каждой были свои нѣжныя привязанности, а у Цециліи, кромѣ того, свои влеченія, цѣли и надежды, которыми она не намѣрена была жертвовать ни за какіе милліоны.

Съ перваго же дня онѣ раздѣлились на два корпуса и повели атаку. Мать занялась своею сестрой, а дочь—княземъ; Чарудатова сама по себѣ была неугомонная болтунья; а съ придачей усердія, разказы ея текли шумнымъ потокомъ, и рѣзкій голосъ, то порывисто возвышаясь, то понижаясь какъ по скату, то превращаясь въ шепотъ, то вдругъ какъ будто прорываясь сквозь ущелье, вторился эхомъ пустыхъ комнатъ. Къ нему можно было прислушаться и изъ передней, и изъ дѣвичьей. Глухой Софронычъ никакъ не могъ къ нему привыкнуть, и въ забывчивости прислушивался, кто тамъ поднялъ брань.

По привычкѣ проводить время въ тихой бесѣдѣ съ женой, князь тяготился росказнями сестры ея, и часто вставалъ и бродилъ по комнатамъ, чтобъ отдохнуть отъ этого своего рода утомленія. Но Цецилія бросалась вслѣдъ за нимъ, брала его подъ руку, и цѣлуя въ плечо, въ свою очередь надоѣдала ему нѣжностями.

— Ахъ ты кошка, кошка, какъ ластится и курнычетъ! говорилъ Софронычъ, смотря на нее.

— Какъ хорошо здѣсь у васъ, дядюшка! какіе пейзажи! восклицала Цецилія, увлекая князя на балконы:—какая прелесть!

— Да, когда-то было хорошо, отвѣчалъ онъ.

— Отчего же, дядюшка, когда-то, отчего же не теперь? Посмострите какое очарованіе!

Иногда, на повторяемыя однѣ и тѣ же фразы старикъ

молчалъ, а иногда отвѣчалъ съ скрытою досадой:

— Оттого, моя милая, когда-то, а не теперь, что эта прекрасная сцена для меня опустѣла, дѣйствіе на ней кончилось. Ты понимаешь ли, когда природа хороша, и что ее оживляетъ?

— Разумѣется удовольствія, отвѣчала Цецилія съ увѣренностію, что разрѣшила вопросъ;—еслибъ эти пейзажи перенести въ Петербургъ, что бы это было? Тамъ совсѣмъ нѣтъ природы.

— Это я вижу, сказалъ князь разсѣянно, скучая разговоромъ,—но за то столько удовольствій, прибавилъ онъ.

— Ахъ, да; еслибъ я имѣла волю надъ вами, дядюшка, я бы увезла васъ въ Петербургъ. Какъ бы намъ пріятно это было: всегда вмѣстѣ, всегда кто-нибудь есть, поминутно новости. Каждый день ѣздимъ въ театръ, въ оперу, въ концерты. Знаете ли какъ это разсѣиваетъ! Совершенно не чувствуешь какъ проходитъ время...

— Кажется, княгиня зоветъ насъ? былъ обыкновенный вопросъ князя, когда надоѣдала ему Цецилія, и онъ шелъ къ княгинѣ.

Княгиня въ самомъ дѣлѣ не выносила долгаго отсутствія мужа. Вдвоемъ съ нимъ ей, казалось, легче было выносить говорливость сестры.

— Князь, что жь это вы насъ забыли? говорила она всегда, когда онъ возвращался.

Князь и видѣлъ, какъ тяготится иногда княгиня безконечными разказами гостьи, въ перебой съ дочерью, но избавиться отъ нихъ не было никакого средства, передать разкащицъ хоть для отдыха было некому.

Не болѣе какъ черезъ недѣлю, однакоже, Чарудатова и дочь ея почувствовали невыносимую скуку въ неисходномъ однообразіи жизни князя и княгини. Ни одной посторонней души не является въ домѣ; ни сами, не только не выѣзжаютъ куда-нибудь, но даже не выходятъ въ садъ. У княгини болятъ ноги, и князь чувствуетъ слабость въ ногахъ. Одинъ выходъ—по праздникамъ въ церковь, одна прогулка—въ хорошее время на балконѣ.

Сидѣть въ продолженіи дня подлѣ княгини и занимать ее повтореніемъ однихъ и тѣхъ же разказовъ—утомительно. Слушать ея горе о сынѣ—еще тошнѣе. Угождать старикамъ ровно нечѣмъ, польстить чѣмъ-нибудь и подавно. Развле-

ченій никакихъ; нѣтъ даже ни американскихъ собакъ, ни ангорскихъ кошекъ, до которыхъ и мать и дочь охотницы.

Цецилія первая вышла изъ себя.

— Нѣтъ, maman, сказала она матери:—здѣсь умрешь съ тоски! я не въ силахъ болѣе выносить! это какіе-то живые покойники!

— Подлинно, что отпѣтые! прибавила и сама Чарудатова.— Остается одно средство: уговорить ихъ переѣхать въ Петербургъ и помѣстить у себя въ домѣ, на особой половинѣ. Пусть себѣ доживаютъ вѣкъ. По крайней мѣрѣ все сохранится; а здѣсь на кого же оставить? Сестра совсѣмъ охилѣла, князь также слабъ. Еще годъ, два, совсѣмъ здѣсь обезумѣютъ; того и гляди найдутся со стороны князя наслѣдники мимо насъ. Я съ сестрой слажу, а ты уговаривай князя, и повеземъ ихъ.

Уговоры и начались. Чарудатова, послѣ долгихъ убѣжденій, принялась за мольбы и расчувствовалась даже до слезъ.

— Помилуйте, сестрица, что жь это такое, мы врозь живемъ и умремъ. Вѣдь у меня только и родни, что вы. Роднаго чужимъ не замѣнишь! Будь возможность оторваться мужу отъ службы,—я бы пріѣхала сюда; купила бы гдѣ-нибудь подлѣ васъ хоть хуторъ, и по крайней мѣрѣ знала бы, что мы не за двѣ тысячи верстъ другъ отъ друга... Не выпускаютъ изъ службы! вишь государственный человѣкъ нуженъ. Конечно, и жалованье большое, но вѣдь достаетъ только на прожитье. Приданаго Цецилiи не накопишь, а безъ приданаго кто жь возьметъ?.. Ахъ, сестрица, еслибы вы съ княземъ переѣхали въ Петербургъ! какое бы счастье мнѣ! мы бы васъ успокоили. Помѣщеніе у насъ большое. Нравится вамъ уединенная жизнь, жили бы въ уединеніи.

— Нѣтъ, душа моя, намъ нельзя жить уединенно въ столицѣ.

— Ахъ, полноте, сестрица! Петербургъ тѣмъ и отличается отъ всѣхъ городовъ, что въ немъ можно жить какъ хочешь. По крайней мѣрѣ я была бы совершенно спокойна и счастлива. Вотъ, вы жалуетесь ногами; тамъ тотчасъ бы вамъ помогли. А здѣсь? я право въ ужасъ прихожу: какъ можно жертвовать такъ здоровьемъ своимъ, жить безъ людей, и на случай болѣзни безъ всякой помощи?..

Княгиня стала задумываться, слезныя убѣжденія не были такъ томительны для нея, какъ разказы объ удовольствіяхъ Петербурга.

Князь, въ угоду княгинѣ, не сталъ бы противорѣчить; а между тѣмъ Цецилія умоляла князя, чтобъ онъ уговорилъ княгиню на переѣздъ въ Петербургъ.

— Я вамъ сама буду наливать чай, буду читать книги, газеты...

Князь вспомнилъ сына, который былъ постояннымъ его чтецомъ до самаго отъѣзда на службу, и это предложеніе племянницы понравилось ему болѣе всѣхъ ея ласкъ и интересныхъ разказовъ, которыми она старалась оживить въ дядѣ утомленныя горемъ чувства.

Убѣжденія и повторяемыя ежедневно просьбы начали уже склонять стариковъ къ уступчивости. Оставалось еще разъ расчувствоваться Чарудатовой до слезъ, и дѣло было бы рѣшено. Но она неожиданно получила отъ мужа письмо по эстафетѣ.

— Что̀ папаша пишетъ?.. что̀ съ вами, maman? спросила Цецилія, видя что мать ея поблѣднѣла и письмо задрожало въ ея рукахъ.

— Мы погибли! на отца начетъ въ двѣсти тысячъ! проговорила Чарудатова и упала въ кресла безъ чувствъ.

Испуганная Цецилія взяла изъ рукъ ея письмо и прочитала: „Несчастіе! растрачены неизвѣстно кѣмъ огромныя казенныя суммы, и я въ числѣ отвѣчающихъ за нихъ. На меня начетъ до двухъ сотъ тысячъ. Проси у князя эту сумму и скорѣе пріѣзжай. Скажи, что мнѣ нужны эти деньги только на время ревизіи, по окончаніи которой я ихъ немедленно возвращу. Если замедлишь, меня отдадутъ подъ судъ, и тогда все пропало...“

— Что̀ мы будемъ дѣлать? проговорила, приходя въ себя, Чарудатова.

— Просить скорѣе князя и княгиню дать батюшкѣ эти деньги, и скорѣе ѣхать. Для нихъ это ничего не сто́итъ.

— Ничего не сто́итъ! Князь такой скряга, скупецъ, что у него не вымолишь посмотрѣть на двѣсти тысячъ!

— Ахъ, да что̀ жъ дѣлать, maman! надо просить.

— Пойдемъ!.. я на колѣняхъ готова просить!

Вся въ слезахъ и въ отчаяніи вошла Чарудатова съ до-

черью въ комнату княгини, которая только что разсуждала съ княземъ о предложеніи сестры.

— Что это значитъ? спросила изумленная княгиня, взглянувъ на сестру, которая сѣла въ кресла и зарыдала.

— Что съ вами? спросилъ и князь съ участіемъ.

— Отъ батюшки письмо... съ нимъ случилось несчастіе, отвѣчала за мать Цецилія.

— Что такое случилось?

— Только вы и можете спасти его, князь! проговорила Чарудатова.

— Сдѣлайте одолженіе, скажите, чѣмъ я могу помочь.

— На него начетъ въ двѣсти тысячъ... пропали казенныя деньги... онъ отвѣчаетъ за нихъ... его отдадутъ подъ судъ, если этой суммы не будетъ во время ревизіи... Помогите, князь! Сестрица, просите князя!

— Двѣсти тысячъ, а по нашему семьсотъ тысячъ! это ужасно! сказалъ князь.—Но какая же еще ревизія, когда пропажа, безъ сомнѣнія, и открыта ревизіей?

— Ужь я не понимаю, какъ это случилось; но помогите, князь! Только на ревизію, князь, положить деньги въ казенный ящикъ, чтобы сумма была сполна; а потомъ можно взять, и мужъ немедленно вышлетъ къ вамъ обратно... Помогите, князь, выручите насъ изъ бѣды...

— Положить на время ревизіи, да потомъ взять! Да кто жь это позволитъ? возможное ли это дѣло?

— Очень возможное: вѣдь казначей подъ начальствомъ мужа. Да это сколько разъ случалось; и что жь такое! на нѣсколько времени.

— Оно бы кажется и ничего, да не дозволено; потому что эти займы растутъ до двухъ сотъ тысячъ, которыхъ негдѣ взять!

— Надо же какъ-нибудь помочь, князь, сказала княгиня, растроганная слезами сестры.

— Очень естественно, что надо помочь, отвѣчалъ князь.— Мужу вашему, однакоже, я помочь не могу; но семейство не виновато въ его поступкахъ; а потому, въ случаѣ какого-нибудь несчастія, вы будете отъ меня сполна обезпечены; а Цецилія, если выйдетъ замужъ, получитъ хорошее приданое.

Чарудатова продолжала заливаться слезами, а Цецилія подошла къ дядѣ и поцѣловала его въ плечо.

— Вамъ однакоже надо поторопиться ѣхать. По прибытіи въ Петербургъ, напишите мнѣ обо всемъ обстоятельно.

— Но мужъ пишетъ, если вы не поможете, и я не привезу денегъ, то его отдадутъ подъ судъ, и все пропало! Умоляю васъ, князь, спасите его! начала снова Чурудатова.

Князь, не отвѣчая ничего, всталъ съ мѣста, отошелъ къ окну на другой сторонѣ комнаты, гдѣ стоялъ и глазѣлъ Софронычъ.

— Что, ваше сіятельство, чай денегъ проситъ? проговорилъ онъ:—затѣмъ и пріѣхала.

Княгиня знала нравъ князя и поняла, что онъ уже рѣшилъ дѣло, и просьбы напрасны.

— Что должно и можно, то князь сдѣлаетъ, сказала она сестрѣ:—а мой совѣтъ скорѣе тебѣ ѣхать; присутствіе твое для мужа необходимо. Напиши мнѣ скорѣе, въ чемъ дѣло, и тогда мы увидимъ.

Продолжать разговоръ было не о чемъ; тѣмъ болѣе что Чарудатова начала гнѣвно роптать на равнодушіе людей. Цецилія сидѣла надувшись. Наконецъ онѣ ушли въ свою комнату; а на другой день отправились въ дорогу, не отказавшись однакоже отъ значительныхъ подарковъ князя и княгини.

— Я предвидѣлъ, сказалъ князь,—что эта роскошь берется не изъ чистыхъ источниковъ.

— Мнѣ только жаль сестры и Цециліи, сказала вздохнувъ княгиня.

— О нихъ давно надо было жалѣть. Особенно о Цециліи: въ ея возрастъ она уже совершенно истрепалась и никуда не годится!

XVI.

Жизнь стариковъ пошла обычнымъ порядкомъ. Присутствіе Чарудатовой и ея дочери тяготило ихъ; но оно же и нѣсколько развлекало постоянно-грустное расположеніе духа. Въ разговоръ вошло и разсужденіе о несчастной ихъ судьбѣ, и невыгодныя заключенія о самомъ Чарудатовѣ, и ожиданіе письма, и любопытство чѣмъ кончится его дѣло.

Письма однакоже не было; а между тѣмъ, въ одно утро

доложили князю, что пріѣхалъ нарочный изъ подмосковной.

Это былъ посланный отъ князя Михаила, съ письмомъ, предувѣдомлявшимъ о его пріѣздѣ.

Князь торопливо взялъ письмо, развернулъ, узналъ руку сына, вскочилъ и побѣжалъ къ княгинѣ; но волненіе подкосило его ноги. Онъ сѣлъ, отдохнулъ, позвалъ человѣка и велѣлъ вести себя.

Старики чуть не умерли отъ радости. Читая письмо сына, они едва переводили духъ, и слезы капали изъ глазъ.

Въ слѣдъ за этимъ посланьемъ, онъ надѣялся быть и самъ.

Для стариковъ, ожиданіе сына было мучительнѣе всякихъ страданій. Цѣлый день сидѣли они въ душевномъ волненіи, на балконѣ, со стороны рѣки, откуда виденъ былъ мостъ, чрезъ который пролегала дорога въ Сборицу.

Тутъ же у дверей стоялъ и Софронычь; заложивъ руки назадъ, то посматривалъ онъ на князя и княгиню, то таращилъ глаза на дорогу.

— Тутъ прежде не роща, а такъ кустарникъ былъ; хорошо было видно и за мостъ въ гору, бормоталъ онъ про себя; а теперь вотъ, вишь, и въ трубу-то, чай, ваше сіятельство ничего не высмотришь.

Княгиня сидѣла въ глубокихъ креслахъ, но ничего не видѣла вдаль; за то князь вынесъ, по напоминанію Софроныча зрительную трубу, и какъ дежурный на старинныхъ телеграфахъ, смотрѣлъ на мостъ не отводя глазъ.

— Что князь? спрашивала княгиня.

— Затекаютъ глаза... никого не видно... Да сегодня врядъ ли онъ будетъ... Посланный сказалъ, что Миша пробудетъ дни два въ Москвѣ.

— Два дни! что ему тамъ дѣлать два дни?

— Какъ княгиня: надо же отдохнуть, закупить что-нибудь; можетъ статься экипажъ исправить; мало ли что въ дорогѣ случается.

— Лишь бы былъ здоровъ, сказала княгиня.

Ночь прошла въ тревожномъ прислушиваніи не ѣдетъ ли кто-нибудь? На другой день ожиданіе было еще томительнѣе. Чуть что зачернѣетъ на дорогѣ, князь пристально смотритъ въ трубу; а княгиня спрашиваетъ: что князь?

— Кто-то кажется ѣдетъ... но руки трясутся никакъ не разсмотришь.

— А ты не забылъ послать верховаго на встрѣчу?

— Трое выставлены на дорогѣ.

Прошелъ и этотъ день; на слѣдующій, подъ утро, утомленные старики уснули; а между тѣмъ князь Михайло пріѣхалъ. Вся дворня радостно бросилась къ нему на встрѣчу. Обнимая всѣхъ, онъ не велѣлъ будить отца и мать. Но бѣготня во всемъ домѣ разбудила ихъ.

Софронычъ пріотворилъ двери въ спальню.

— Кто тамъ? не пріѣхалъ ли Миша? спросилъ князь очнувшись.

— Батюшка! отозвался было князь Михайло, порывисто бросаясь къ дверямъ.

— Постой, постой, погоди! проговорилъ удерживая его порывъ, Софронычъ:—ты пожалуй уморишь отца... постой, я прежде скажу ему...

— Софронычь! что? пріѣхалъ? спросилъ князь.

— Слава тебѣ Господи, отвѣчалъ Софронычъ,—ну вотъ и дождались.

— Гдѣ же, гдѣ? Миша!

— Ну вотъ онъ, вотъ и пріѣхалъ.

Князь Михайло бросился въ объятія отца.

— Ну вотъ, вотъ и пріѣхалъ! повторялъ Софронычъ.

— Миша! повторилъ старый князь дрожащимъ голосомъ.—Пойдемъ, пойдемъ къ матери!

— Постой, постой, я узнаю проснулась ли съ просонковъ, перепугаешь!..

— Мнѣ сказали, что матушка всю ночь не заснула, не надо бы тревожить ея сонъ.

— Правда, правда, сказалъ старикъ,—пусть сама проснется, подождемъ... Ну, постой же, дай мнѣ на себя наглядѣться... Постарѣлъ Миша, постарѣлъ! вдругъ бы и не узналъ тебя... Сколько лѣтъ, а? сколько лѣтъ не видались?.. Да что ужь время, Богъ съ нимъ, благо ты опять у насъ на глазахъ!.. Что встала княгиня?.. пойдемъ на ея половину.

Софронычъ успѣлъ предупредить и княгиню.

— Благодари, матушка княгиня, ваше сіятельство, Бога, Богъ милости послалъ, молитвы твои услышалъ.

— Миша, Миша пріѣхалъ? проговорила она.

— Ужь не даромъ же ждали. Вотъ онъ! сказалъ Софронычъ.

Взглянувъ на сына, княгиня вскрикнула и упала безъ чувствъ.

Князь Михайло сталъ передъ ней на колѣна и цѣловалъ ея руки. Старикъ князь, со слезами на глазахъ, дулъ на нее и требовалъ спирта.

— Ты ли это, Миша? произнесла она слабымъ голосомъ, очувствовавшись и цѣлуя сына въ голову.—Боже мой, Боже мой! я думала, что умру, не дождусь тебя!

И княгиня благоговѣйно обратилась къ кіоту образовъ и молилась. Эта молитва ея, освятившая свиданіе, успокоила взволнованныя радостію чувства стариковъ.

— Нѣтъ, Миша, ни на шагъ отъ себя не отпущу тебя, сказала княгиня, обнимая сына,—ни на шагъ, покуда умру; слышишь? Даешь мнѣ слово не покидать насъ стариковъ?

— Я всегда былъ и буду въ вашей волѣ, отвѣчалъ Луцкій, цѣлуя руку матери.

Въ первыя минуты, князь и княгиня забросали сына вопросами. Отвѣты его перерывались новыми слезами и объятіями.

Когда въ разказѣ всего что̀ съ нимъ сбылось, онъ упомянулъ имя коменданта, отецъ его остановилъ.

— Постой, это̀ знакомая мнѣ фамилія...

— Это вашъ сослуживецъ, батюшка, и нѣкогда другъ, отвѣчалъ Луцкій.

— Онъ? другъ мнѣ? нѣтъ, Михайло! я жалѣю и очень жалѣю, если ты обязанъ былъ чѣмъ-нибудь этому бездѣльнику!

— Батюшка! это честнѣйшій и добрѣйшій человѣкъ! сказалъ, вспыхнувъ, Луцкій.—Я обязанъ ему...

— И не напоминай мнѣ о немъ! сказалъ старый князь, съ какимъ-то чувствомъ боязни затрогивать больную нѣкогда сторону сердца.

Луцкій понялъ это, вздохнулъ и умолчалъ о своей женитьбѣ. Застарѣлое предубѣжденіе неизлѣчимо, думалъ онъ, и въ свою очередь боялся, чтобъ оно не пало ненавистью и на малютку дочь его, которую надѣялся воспитывать при себѣ.

Какъ ни желалъ онъ оправдать своего тестя въ глазахъ отца; но сыновнее чувство не допускало его напомнить отцу заблужденія молодости.

Луцкій отвыкъ отъ общества, и уединенная жизнь отца и матери вполнѣ была бы по душѣ его и соотвѣтствовала

его желанію, еслибы не разлука съ малюткой дочерью, о которой только изрѣдка и тайно извѣщалъ его Наумычъ.

— Ну, теперь пора сложить мнѣ заботы обо всемъ на тебя, Миша, сказалъ старикъ, и поручилъ сыну завѣдываніе имѣніями и всѣ распоряженія; но тщательно повѣрялъ самъ доходы, и получая ихъ пряталъ къ себѣ. Старческая скупость и наклонность копить успѣла уже въ немъ укорениться.

— Миша, все будетъ твое, говорилъ онъ, раскладывая деньги по ящикамъ,—все твое будетъ; а теперь тебѣ вѣдь деньги ни на что не нужны; расходовъ у тебя никакихъ нѣтъ; всѣ расходы у насъ теперь общіе, изъ одного кошелька.

И каждое утро Луцкій проводилъ въ кабинетѣ отца за счетами и перечетами, и чтеніемъ газетъ.

— Что, Миша, выходитъ? говорилъ старикъ выкладывая на счетахъ:—перевѣримъ-ка еще... Говори мнѣ, сколько?... Итого въ итогѣ... хорошо. Ну, теперь снизу вверхъ... я буду скидывать.... Выходитъ, кажется.... нѣтъ! лишніе!.. какъ же это? стало быть я скинулъ не такъ.... ну-ка сначала.

Отъ этихъ перевѣрокъ можно было прійдти въ отчаяніе, но Луцкій терпѣливо исполнялъ желаніе отца.

Счеты и перечеты прерывались только нетерпѣніемъ княгини, которая присылала звать къ себѣ сына.

Софронычъ часто присутствовалъ при этихъ счетахъ; даже и ему они наскучили.

— Только безпокойство одно! говорилъ онъ:—ну, что, ваше сіятельство, повѣрять вамъ князя Михайлу Васильевича, все равно что на рукахъ пальцы считать, всѣ ли тутъ. Изволи ли бы идти къ княгинѣ; она давно ждетъ.

— Ну, ну, ну: ты привыкъ старый песъ лаять на меня!

— Привыкъ! а бывало только и спасенья, что полаешь! бормоталъ Софронычъ, слѣдуя за княземъ и сыномъ его.— Еслибы не перегрызъ горла собакѣ ротмистру, что пріѣхалъ въ гости къ тебѣ въ Москву... пановалъ бы онъ въ этомъ имѣніи съ панной-то, какъ бишь ее? помнишь?...

Старый князь плохъ уже былъ на ухо, и бормотанье Софроныча не доходило до его слуха.

— Садись, мой другъ, подлѣ меня, говорила обыкновенно княгиня, когда входилъ къ ней сынъ.—Теперь, мнѣ хо-

рошо, какъ въ раю; ничего лучшаго не желаю и на томъ свѣтѣ. Князь, и ты со мною, чего же мнѣ и желать болѣе.

Къ однообразію жизни можно привыкать также какъ и къ разсѣянію. Въ разнообразной суетной жизни, человѣкъ какъ будто старается вывернуться и вылиться наружу; тревоги его мелки, но ежедневны. Каждый день онъ теряетъ что-нибудь, и ищетъ чѣмъ замѣнить эту потерю. Въ однообразіи жизни, этой искательности нѣтъ, человѣкъ сосредоточивается, уходитъ въ себя, а тревоги, нарушающія его привычки и обычное мирное состояніе духа, совершаются эпохами.

Четыре года прошли день въ день, и разнообразіе заключалось только въ предметахъ воспоминаній, въ чтеніи газетъ и книгъ, и по вечерамъ въ сдачѣ картъ въ бостонъ втроемъ. Но Софронычъ не видѣлъ въ этомъ разнообразія: говорятъ, читаютъ, да карты—вотъ и все.

— А вамъ, батюшка, князь Михайло Васильичъ, слѣдовало бы хоть на старости лѣтъ, утѣшить родителей да жениться. Молодая жизнь окуражила бы и старую. А тутъ-вотъ, выйдешь посмотрѣть, и ничего-то нѣтъ, на что бы можно было порадоваться.

— Правъ ты, Софронычъ, не на что порадоваться; но и мое время прошло.

— Эва! подъ сорокъ лѣтъ! я въ шестьдесятъ собирался жениться.

— За чѣмъ же дѣло стало?

— За чѣмъ? все некогда было. Ей Богу! то то, то се; а все дѣло. Подумаешь бывало: дай женюсь! да и задремлешь такъ сладко, словно ужь и жена подъ бокомъ; а тутъ, кто-нибудь: ей! Софронычъ!—очнулся, вскочишь, и забылъ про женитьбу.

Напоминаніе Софроныча о женитьбѣ, наводили на Луцкаго грусть о дочери. Ему хотѣлось бы хоть взглянуть на нее; но свобода его ограничивалась только правомъ жить при отцѣ, старики боялись выпустить его изъ глазъ, какъ хранителя остальныхъ дней своей жизни и чѣмъ бы онъ оправдалъ передъ нимъ поѣздку въ Москву? Сами обстоятельства, однакоже, дали ему случай. Княгиня стала часто жаловаться на упадокъ силъ своихъ; состояніе здоровья ея внушало уже опасенія.

Всѣ окрестные медики лѣчили ее безъ всякаго успѣха,

и она горевала, что нѣтъ при ней ея бывшаго домоваго доктора.

— Онъ бы вылѣчилъ меня, говорила она:—сама я ѣхать не могу, а его не упросишь пріѣхать сюда.

Можно понять, что послѣ этихъ словъ матери, ни какія препятствія не остановили бы Луцкаго ѣхать въ Москву.

— По письму, онъ пришлетъ опять совѣты; письмо не убѣдитъ его, сказалъ онъ:—позвольте мнѣ ѣхать я непремѣнно привезу его; чрезъ нѣсколько дней онъ будетъ здѣсь.

Старикъ князь, опасаясь за здоровье жены, рѣшился на поѣздку сына, и самъ убѣдилъ княгиню отпустить его.

Тайною и поспѣшною поѣздкою въ Москву и воспользовался Луцкій, чтобы видѣть дочь, и довѣрить ея воспитаніе Марьѣ Ивановнѣ Лиговской. Воспоминаніе навело его на мысль обратиться къ ней, и мы знаемъ, съ какою готовностію она приняла на себя обязанность замѣнить мать Вѣрочкѣ.

Вполнѣ успокоенный относительно дочери, Луцкій успѣлъ уговорить бывшаго домашняго доктора матери ѣхать съ собой, и сдержалъ данное ей слово возвратиться чрезъ нѣсколько дней.

Пріѣздъ доктора, къ которому княгиня имѣла полную довѣренность, оживилъ ее; здоровье ея возстановилось. Но лѣта понемногу брали свое: постепенно терялась память, являлись странныя причуды, разговоръ становился какимъ-то бредомъ, который не вдругъ замѣчали и мужъ и сынъ. Время не видимо тянулось въ уходахъ за нею и угадываніи ея желаній.

Обѣдъ заказывался еще по ея приказу; но что ни подадутъ — она отвѣдаетъ и оставитъ, все ей не по вкусу; то солоно, то сыро, то чѣмъ-то пахнетъ непріятнымъ.

Займутъ ее игрой въ карты; сдадутъ, она возметъ, долго уставляетъ ихъ, и какъ дитя выбрасываетъ на столъ ту, какая попала подъ руку; но и это утомляетъ ее.

— Нѣтъ, пестритъ въ глазахъ, голова кружится. Лучше почитай, что нибудь, Миша.

Иногда, во время чтенія, она забудется; а иногда внимательно слушаетъ, и вдругъ спроситъ:

— Ты что жь это читаешь?

— Вамъ утомительно слушать, матушка, я перестану.

— Ну, хорошо; да вѣдь мы, кажется, начали игру? Тебѣ можетъ-быть не хочется, князь, играть?

— Отчего же, душа моя, не хочется? Для твоего удовольствія мнѣ все пріятно, отвѣчаетъ князь, ходя грустно и задумчиво взадъ и впередъ по комнатѣ.—Чѣмъ тебѣ угодно, тѣмъ и займемся.

— Отопри-ко, Миша, шифоньерку. Хочется посмотрѣть свои брилліянты.

И княгиня, какъ дитя, пересматривала футляры съ разными драгоцѣнными вещами, вынимала, раскладывала на столъ и снова укладывала.

— Нѣтъ, это не то; это старинныя матушкины серьги; кто жь ихъ носитъ теперь; надо ихъ передѣлать... послать бы за ювелиромъ... Князь!.. гдѣ же онъ?

— Я здѣсь, княгиня, что тебѣ угодно? спрашиваетъ старикъ, приподнимаясь съ мѣста и торопясь подойдти къ ней.

— Гдѣ же фермуаръ, который ты мнѣ подарилъ? Я его берегу для Мишиной жены, когда онъ женится.

— Ужь и я говорю князь Михайлѣ Васильевичу; пора бы порадовать всѣхъ насъ, приложилъ и свое слово Софронычъ, стоявшій тутъ же.

— Гдѣ жь брилліянтовый фермуаръ? Тутъ нѣтъ его, сказалъ князь, разсматривая футляры.

— А какъ сестрицѣ показывали, ваше сіятельство, что изволили подарить барышнѣ-то? Она тутъ юлила, да примѣривала, да цѣловала ручку, пробормоталъ Софронычъ.

— Цецилiи? сказалъ князь, качая головою:—хорошій подарокъ! на него она могла бы выкупить отца изъ бѣды.

— Изъ какой бѣды, батюшка? спросилъ Луцкій.—Чарудатовъ удаленъ отъ должности; но купилъ имѣніе, живетъ пышно, и Цецилія считается богатою наслѣдницей.

— Что Чарудатовъ? спросила княгиня.—Бѣдная сестра и Цецилія! Князь! надо имъ помочь... пошли заложить эти вещи... да надо мнѣ пересмотрѣть свой гардеробъ... я выберу что-нибудь для Цецилiи... принесите мнѣ...

— Хорошо, хорошо, княгиня; да не лучше ли завтра по утру?

— Нѣтъ, послѣ; я не много усну...

Подобныя бесѣды съ княгиней, въ какомъ-то полусонномъ состояніи, возобновлялись часто. Когда она забыва-

лась, старый князь съ сыномъ, ходили, въ ожиданіи ея пробужденія, по комнатамъ, склонивъ головы, и молчали, не зная о чемъ говорить, и не желая напоминать другъ другу о болѣзненномъ, безнадежномъ положеніи княгини.

Постоянно тяжкія чувства могли бы изнурить ихъ въ короткое время; но иногда княгиня приходила въ себя. Надежда на ея здоровье возрождалась, и они отдыхали. Медики перемѣнялись, каждый качалъ головой на лѣченіе предшественника своего, каждый подавалъ надежды, и эти минуты были отрадны. Когда же княгинѣ становилось лучше, одинъ день выкупалъ мѣсяцъ томительныхъ страданій за нее.

Въ этихъ безпрестанныхъ измѣненіяхъ болѣзни, то надеждахъ, то безнадежности, прошли дни, недѣли, мѣсяцы и годы; но времени некогда было считать. А между тѣмъ старый князь совершенно охилѣлъ; сынъ его сохранялъ твердость духа; но сѣдина убѣлила уже и его. Софронычъ, какъ домовой, пройдетъ иногда по комнатамъ, остановится, посмотритъ поочереди на всѣхъ, и пойдетъ назадъ, молча, или пробормочетъ про себя:

— Господи, что жь это ея сіятельство, матушка княгиня, все больна да больна, словно при смерти! Кажись никто не выживаетъ ее съ бѣлаго свѣта? Что жь ей? Жила бы да жила. И всего-то седьмой десятокъ; а князю и всѣ семьдесятъ; а мнѣ, вотъ, и всѣ девяносто съ походомъ, а все же надо до ста дотянуть.

Болѣзненное состояніе княгини стало наконецъ явно прекращаться, всѣ чувства ея какъ будто ожили.

— Я теперь чувствую себя очень хорошо, повторяла она.

Князь и сынъ ея порадовались ея выздоровленію; но не надолго. Княгиня заснула и не просыпалась.

На рукахъ Луцкаго остался старый отецъ, на котораго казалось уже не дѣйствовало ни горе, ни утѣшенія. Въ какомъ-то забытьи ходилъ онъ по всему дому, останавливаясь прислушивался, заглядывалъ то туда, то сюда, и какъ будто искалъ княгини.

— Осиротѣли мы съ тобой, батюшка князь,—говорилъ ему Софронычъ, входя вслѣдъ за нимъ въ опустѣвшія комнаты княгини,—осиротѣли!

Князь не отвѣчалъ на его слова.

Въ этомъ общемъ онѣмѣніи снова тянулось время.

Наконецъ старый князь какъ будто одумался.

— Миша, сказалъ онъ,—намъ надо заняться съ тобой. И онъ повелъ его въ комнату находившуюся за кабинетомъ.

— Вотъ, Миша, продолжалъ онъ, отпирая шкапы въ стѣнахъ,—меня уже тяготитъ это казначейство... Прими ты отъ меня всѣ суммы счетомъ... я велъ дѣла въ порядкѣ. Вотъ, здѣсь все чистое золото; а здѣсь серебро... а здѣсь бумажки... Давай считать.

Огромныя суммы денегъ во всѣхъ видахъ поразили Луцкаго, но болѣе поразило предложеніе отца считать все это богатство. Однако надо было исполнять его волю, и новые счеты, но уже наличнаго капитала, начались.

— Я буду развертывать свертки и пачки и повѣрять, а ты также повѣряй и принимай... Дѣло пойдетъ скоро... Деньги, мой другъ, любятъ счетъ.

Дѣло однакоже шло медленно. Старикъ утомлялся и отдыхалъ. Потускнѣвшія монеты безпокоили его, и онъ обтиралъ платкомъ каждую изъ нихъ и передавалъ сотнями сыну, который обязанъ былъ записывать принятую сумму и тщательно укладывать снова въ сундукъ. Пріемъ казны продолжался нѣсколько мѣсяцевъ, и когда кончился, силы старика совершенно уже истощились.

Вскорѣ Луцкій похоронилъ и отца. Онъ распорядился всѣмъ имѣніемъ; въ память отца и матери, щедро наградилъ всю прислугу, желающихъ отпустилъ на волю, и собрался ѣхать въ подмосковную.

— А мнѣ-то къ чему даешь ты деньги да волю? оставаться здѣсь съ ними?.. нѣтъ не останусь, а ѣду съ тобой, сказалъ почти столѣтній Софронычъ.

— Если только желаешь, поѣдемъ, другъ Софронычъ.

— Еще бы! Ужь если приросъ къ тебѣ, такъ и возись со мной.

XVII.

До Святой оставалось не болѣе двухъ недѣль. Марья Ивановна не возвращалась. Иванъ Артемьевичъ былъ очень доволенъ хозяйствомъ Сары и какъ будто забылъ о женѣ. Но Сара была въ неспокойномъ состояніи духа. Не одинъ уже разъ, какая-то отвратительная женщина встрѣчаетъ ее

у подъѣзда, бросается къ ней, то требуетъ поговорить съ ней наединѣ, то проситъ милостыню на пропитаніе бѣдной матери, и такъ страшно смотритъ на нее, что всякій разъ Сара пугается этого взора. Дикія черты лица этой женщины, покрытаго темными пятнами, такъ впечатлительно отражаются въ памяти и воображеніи, что, повторяясь во снѣ, будятъ Сару; даже и на яву, въ полутьмѣ комнаты, слабо озаряемой ночникомъ, то же привидѣніе крадется къ ея постелѣ изо всѣхъ угловъ.

Въ непріятномъ расположеніи духа встала Сара, когда ей подали записку отъ Авдотьи Петровны, которая просила ее къ себѣ.

Сарѣ не хотѣлось ѣхать; но она превозмогла себя и поѣхала.

— Пора бы Машѣ пріѣхать, сказала ей Авдотья Петровна.—Святая недѣля на дворѣ; надо же къ празднику и пріѣзду жениха какое-нибудь новое платьице тебѣ. Вотъ, Вѣрушка, сто рублей; распорядись, милая, сама.

Самолюбіе Сары затронулось. Подарокъ Авдотьи Петровны показался ей чѣмъ-то въ родѣ милостыни.

— Для чего это, Авдотья Петровна? спросила она, со взглядомъ, въ которомъ не утаилось для старухи пренебреженіе:—я нисколько не нуждаюсь въ этомъ; у меня есть довольно нарядовъ, чтобы встрѣчать и праздникъ и жениха.

— Ну, какъ хочешь, милая; я насильно тебѣ не навязываю. Я думала, что тебѣ нужны на что-нибудь деньги. У васъ, я слышала, и весь великій постъ вечера да обѣды? прибавила Авдотья Петровна, какъ будто перемѣнивъ разговоръ.

— У Ивана Артемьевича? Онъ распоряжается своимъ временемъ какъ ему угодно.

— Ну, конечно. Онъ экономіи не наблюдаетъ, какъ Маша, да и до поста ему дѣла нѣтъ... твоимъ однакоже хозяйствомъ и любезностью всѣ очень довольны... Вчера насмѣшилъ меня Потапъ Савичъ: ну, говоритъ, надо отдать справедливость, Иванъ Артемьевичъ и Вѣра Михайловна живутъ какъ молодые.

— Прощайте, Авдотья Петровна, проговорила вмѣсто отвѣта Сара, вставая съ мѣста.

— Прощай, Вѣрушка.

Возвратясь домой, Сара издали начала всматриваться,

нѣтъ ли опять у крыльца отвратительной нищей. Но не замѣтила никого. Карета остановилась у подъѣзда, человѣкъ отворилъ дверцы...

— Красавица ты моя, раздался вдругъ пронзительный знакомый уже Сарѣ голосъ:—подай, какое-нибудь платьишко дочкѣ моей Сарѣ на свадьбу! на свадьбу бѣдной невѣстѣ, дочкѣ моей Сарѣ!.. слышишь, красавица? вышли что-нибудь бѣдной матери!..

Сара съ содроганіемъ выскочила изъ кареты и вбѣжала на крыльцо.

Человѣкъ снова пугнулъ салопницу, и она отбѣжала отъ крыльца съ проклятіями.

Сара вошла въ свою комнату въ лихорадочномъ состояніи. Ее бросало то въ жаръ, то въ ознобъ. Имя *Сары* раздавалось въ ея ушахъ. Она припомнила это первое свое имя и, казалось, снова готова была вскрикнуть: Я не хочу быть Сарой!

— Что это? проговорила она, бросая испуганный взоръ кругомъ.—Кто это меня преслѣдуетъ? тамъ даютъ на платьишко бѣдной невѣстѣ, здѣсь просятъ на платьишко бѣдной Сарѣ!. Тамъ насмѣхается надо мной богатство, здѣсь дразнитъ меня нищета!..

Сара закрыла обѣими руками лицо; но это отчаяніе недолго продолжалось, глаза ея заблистали.

— А! понимаю, понимаю! проговорила она вдругъ сценическимъ голосомъ:—меня хотятъ здѣсь измучить, свести съ ума, уморить! Нѣтъ! этого не будетъ, это вамъ не удастся.

Съ видимымъ презрѣніемъ къ собственнымъ пугливымъ чувствамъ, она пересилила себя, бросилась къ столу, написала коротенькую записку, на имя князя Ивана Юрьевича, запечатала, велѣла отдать на городскую почту, и вышла въ гостиную, гдѣ Иванъ Артемьевичъ встрѣтилъ ее съ какимъ-то торжественнымъ видомъ.

— Вѣрушка, милая, посмотри какая пріѣхала гостья! и онъ схвативъ Сару за руку, повлекъ къ окну, выходившему на дворъ, гдѣ сваливали съ дровней безобразный, огромный каменный истуканъ.

— Узнала?

— Нѣтъ, эта гостья мнѣ не знакома, отвѣчала сухо Сара.

— Каменная баба! баба каменная! единственный цѣльный экземпляръ!.. Не знаю только, гдѣ бы ее поставить...

— Ужь не въ гостиной ли?

— А какъ ты думаешь? подлѣ средняго окна.

— Безъ сомнѣнія, эта постоянная гостья будетъ пріятна Марьѣ Ивановнѣ.

— Это такая рѣдкость! Изъ Малой Татаріи.

Иванъ Артемьевичъ и поставилъ бы каменную бабу въ гостиной, еслибы пріѣхавшій ввечеру князь Иванъ Юрьевичъ не разочаровалъ его, и не объяснилъ что этихъ могильныхъ истукановъ изъ Новороссійска можно привести сколько угодно.

— Вы ничему, князь, не даете цѣны! сказалъ затронутый Иванъ Артемьевичъ.

— Я умѣю цѣнить только прекрасное, отвѣчалъ князь, обращаясь къ Сарѣ.—Вѣра Михайловна, вы сегодня чѣмънибудь очень огорчены? проговорилъ онъ ей тихо:—я исполнилъ ваше желаніе...

— Походимте, сказала Сара,—меня что-то волнуетъ.

Пройдя ряды комнатъ, князь и Сара возвратились въ гостиную.

— Сядемте, сказала Сара,—у меня кружится голова.

— Вы бы пошли и легли, Вѣра Михайловна, проговорилъ съ участіемъ князь, встревоженный здоровьемъ Сары.

— Да я пойду въ свою комнату... Вы такъ обязательно заботливы обо мнѣ, князь!

И Сара, пожавъ князю, руку вышла изъ гостиной, гдѣ около двухъ игорныхъ столовъ составлялись уже партіи. Князь завербовался въ одну изъ нихъ.

На другой день по утру, Сара приказала нанять для себя карету.

— Для чего же, барышня, нанимать, когда своя есть?— спросила ее Даша.

— Мнѣ нужно дѣлать много покупокъ, по порученію, и я не хочу мучить лошадей Марьи Ивановны.

Въ одиннадцать часовъ, послѣ завтрака, Иванъ Артемьевичъ отправился въ свое засѣданіе. Въ слѣдъ за нимъ, поѣхала и Сара на Кузнецкій мостъ. Во всѣхъ лучшихъ магазинахъ и у всѣхъ славящихся модистокъ, она бывала не одинъ разъ съ Марьей Ивановной. Вездѣ ее знали, вездѣ

встрѣчали любезными спросами: что ей угодно? раскладывали передъ ней всѣ лучшія матеріи, показывали новѣйшія моды полнаго дамскаго туалета.

Сара смотрѣла, выбирала что ей нравилось, откладывала съ почтительно внимаемымъ словомъ: „это я беру“, и, расплачивалась новенькими бумажками, которыми туго набитъ былъ роскошный бархатный портфель, обложенный эмалью и золотомъ. Модистки тотчасъ поняли, что это не простая закупка, въ которую вмѣшивается разчетъ на прочность, и разчетъ на цѣнность, и соображеніе сколько можно издержать денегъ.

Съ догадкой, что Сара закупаетъ богатое приданое, предложенія усилились. Быстро развертывались передъ ней и ловко раскидывались вѣеромъ, въ рукахъ commis, различные сорты дорогаго воздушнаго тюля, для вѣнчальнаго платья, выборы высокой доброты матерій для платьевъ визитныхъ, парадныхъ, бальныхъ, утреннихъ, вечернихъ; выборы только что полученные, которыхъ ни на комъ еще не было

Сара все покупала, какъ будто съ замысломъ закупить все лучшее, все дорогое. Пачки, связки и различнаго рода картонки наполнили ея карету, и она возвратилась домой.

Всѣ люди въ домѣ дивились этому множеству покупокъ, и недоумѣвали, для кого барышня Вѣра Михайловна все это изволитъ покупать?

На слѣдующій день явились модистки съ рисунками модъ и выкроекъ; Сара выбрала по вкусу, велѣла снять мѣрки, отдала матеріи въ шитье, написала новый реестръ покупокъ и снова отправилась по магазинамъ.

И опять разные ящики и картонки привозились, приносились и наполняли ея комнату.

Во всемъ домѣ заговорили, что Вѣра Михайловна строитъ себѣ богатое пребогатое приданое, да Богъ вѣдаетъ на какія деньги.

— Говорили люди Лонскихъ, что ихъ молодой баринъ женится на ней?

— Эва! онъ давно уѣхалъ.

— Да кто жъ женится-то на ней?

— Вѣрить Родіону, такъ стало-быть чортъ.

Спрашивали Митю, какъ онъ думаетъ?

Но онъ пожималъ плечами и говорилъ только про себя:

— Чудна что-то она; да и съ ней чудеса дѣются! Вотъ хоть бы эта колдунья что̀ приходитъ просить милостыню, говоритъ, что знаетъ ея родную мать... Да лжетъ она, морочитъ, чортово навожденье! только сомнѣнье наводитъ на князя!.. а тутъ вдругъ заговорили, что за Лонскаго замужъ выходитъ... и приданое закупаетъ... Подумаешь словно бы и правда... Да когдажь онъ сватался?.. А деньги-то откуда? Родіонъ что̀ съ ней ѣздитъ чудеса разказываетъ, самъ видѣлъ... говоритъ, что пріѣдетъ въ магазинъ, раскроетъ бумажникъ — полнехонекъ ассигнацій; истратитъ всѣ, закроетъ пустой; анъ глядь въ другомъ магазинѣ опять полнехонекъ!...

Домашніе слухи о необыкновенномъ приданомъ, устраиваемомъ для воспитанницы Вѣры Михайловны, дошли и до Авдотьи Петровны. Изумляясь этому, но не совсѣмъ довѣряя, она пріѣхала сама къ Ивану Артемьевичу.

— Какое приданое справляетъ Вѣрушка для себя и на чьи деньги? спросила она его съ подозрительнымъ взглядомъ.

— Какое приданое? спросилъ и онъ, уставивъ на нее глаза, съ невозмутимымъ спокойствіемъ.

— Но весь домъ говоритъ объ этомъ; откуда же берутъ?

— А я почемъ знаю?... Да какое же приданое? нешто она замужъ выходитъ?

— И то правда, батюшка, что ты ничего не знаешь. Не знаешь что̀ въ домѣ дѣлается; не знаешь, что Вѣрушка разъѣзжаетъ по магазинамъ, и что къ ней снесли весь Кузнецкій мостъ!

— Удивительныя вещи вы говорите, Авдотья Петровна,— я ее постоянно вижу дома; распоряжается себѣ хозяйствомъ, и очень хорошо, я доволенъ, все въ порядкѣ.

— Да, слышала я, хозяйничаетъ очень хорошо, гораздо лучше Маши!... Надо навѣстить новую хозяйку.

И съ этими словами Авдотья Петровна, желая навести справку на мѣстѣ, отправилась въ комнату Сары. Вошла и изумилась. Сара примѣривала синяго бархата платье, богато обшитое кружевами.

— Извините, Авдотья Петровна, я сейчасъ кончу,— сказала Сара, продолжая дѣлать замѣчанія модисткѣ.—Передѣлайте такъ, какъ я сказала; на бурнусѣ кружева шире.

— У тебя исѣсть негдѣ, Вѣрушка, замѣтила Авдотья

Петровна, смотря на комнату заставленную ящиками и картонками, на разные футляры на столѣ и на стулья занятыя разными пачками и набросанными на нихъ нарядами.

— Не угодно ли вамъ здѣсь сѣсть?

И Сара, схвативъ картонный ящикъ съ креселъ, бросила его на постель. Крышка свалилась, блондовыя и кружевныя косынки и чепчики вывалились на полъ.

— Поднимите, сказала Сара модисткѣ.

— Снаряжаешь себя, приданое готовишь, Вѣрушка? Люблю, что и о себѣ и обо всемъ сама заботишься.

— Кому же мнѣ поручать, Авдотья Петровна?.. Да, я и забыла, продолжала Сара, обращаясь къ уходившей модисткѣ:—Нѣтъ ли у васъ знакомаго мѣховщика?

— Если вамъ угодно, я пришлю.

— Пришлите; чтобъ онъ принесъ, завтра же по утру, горностаевую пелеринку, да соболій мѣхъ на шубу, и другой чернобурый лисій.

— Въ какую цѣну, прикажете? спросила модистка.

— Я цѣны не опредѣляю: чтобъ были самые лучшіе мѣха.

— Лучшій соболій мѣхъ стоитъ около трехъ тысячъ серебромъ и даже дороже, чернобурый не менѣе;—замѣтила Авдотья Петровна дивясь всему, что̀ слышитъ и видитъ.

— Я право не знаю цѣны; но во всякомъ случаѣ лучшіе мѣха.

Модистка поклонилась и вышла.

Авдотья Петровна смотрѣла на Сару и, казалось, затруднялась съ чего начать разговоръ.

Сара также молчала; но потомъ встала и вынула изъ комода картонный ящикъ.

— Не угодно ли вамъ взглянуть, хороша ли эта шаль? сказала она, развертывая и накидывая на себя превосходную турецкую шаль.

Авдотьѣ Петровнѣ показалось, что она дразнитъ ее своимъ богатствомъ.

— Очень хороша; но должно быть и деньги хороши?

— Кажется, двѣ тысячи пять сотъ рублей.

— Серебромъ?

— Конечно.

— Дешево, дешево, у кого деньги есть—дешево. Въ мое время платили, когда на эти шали была особенная мода, тысячъ до трехъ за такую, разумѣется ассигнаціями.

— Теперь вѣроятно онѣ рѣдки и вздорожали, сказала Сара, не обращая вниманія на замѣчаніе Авдотьи Петровны.—Двѣ тысячи пять сотъ, составитъ, кажется, болѣе восьми тысячъ?

— Да, съ чѣмъ-то: восемь тысячъ семь сотъ пятьдесятъ рублей.... На все это однакоже нужны деньги. Достаточно ли у тебя будетъ ихъ на нужныя вещи, Вѣрушка?

— Я полагаю, очень достаточно.

— Если Маша снаряжаетъ тебя къ свадьбѣ, то не лишнее было бы сдѣлать сначала роспись всему что̀ необходимо, и потомъ сообразить что̀ можно издержать.

— Марья Ивановна не снаряжаетъ меня, отвѣчала Сара.

— Такъ какъ же, стало-быть Иванъ Артемьичъ даетъ тебѣ деньги по ея распоряженію, и сколько нужно? прибавила Авдотья Петровна.

— Иванъ Артемьичъ выдаетъ деньги на свои домашніе расходы, но не на меня.

— Такъ извини, я не постигаю, откуда жь это все берется?

— Мой женихъ богатъ, и нельзя же чтобъ я явилась къ нему въ домъ въ какихъ-нибудь...

— Лохмотьяхъ, ты хочешь сказать? Ну, это дѣло другое; онъ можетъ рядить тебя, какъ ему угодно. Прощай, Вѣрушка, я очень рада твоему счастію.

Отъ Сары Авдотья Петровна проѣхала, кстати, съ визитомъ къ теткѣ Лонскаго, гдѣ застала и мать его.

— Марья Ивановна еще не возвращалась? спросила Любовь Ѳедоровна, усаживая ее.

— Еще нѣтъ; я удивляюсь, что она замедлила. Кто-нибудь тамъ нездоровъ.

— Что̀ Вѣра Михайловна?..

— Я сейчасъ отъ нея.

— Вотъ письмо отъ Алеши, пожалуста передайте ей. Онъ въ отчаяніи, что она считаетъ еще не приличнымъ отвѣчать ему. Да и мнѣ хотѣлось бы ее видѣть, и все это нельзя. Я не знаю, для чего таить о сговорѣ ихъ?

— Сама она, по крайней мѣрѣ, не таитъ, и готовитъ уже приданое, отвѣчала Авдотья Петровна.

— Неужели?..

— Да, и признаюсь, приданое не только богатое, но даже роскошное. Машѣ, конечно, не совсѣмъ будетъ пріятно, что ее предупредили; но она во всякомъ случаѣ не въ состояніи была бы такъ снарядить къ свадьбѣ и своихъ родныхъ дочерей.

— Такъ кто жь дѣлаетъ приданое Вѣрѣ Михайловнѣ? спросила вдругъ Любовь Ѳедоровна.

— Безъ сомнѣнія, это вамъ лучше извѣстно. Женихъ.

— Алеша? спросила снова съ изумленіемъ Любовь Ѳедоровна, обратясь къ матери Лонскаго.

— Я объ этомъ ничего не знаю, отвѣчала она.

Авдотья Петровна посмотрѣла съ недоумѣніемъ на ту и другую.

— Что жь это онъ вздумалъ таить отъ насъ? проговорила, вспыхнувъ Любовь Ѳедоровна: — это странно и забавно!

— Удивляюсь! отвѣчала мать Лонскаго:—но это кажется невозможно!

— Онъ можетъ-быть думалъ, что моя племянница отпустить Вѣрушку изъ дому въ старыхъ тряпкахъ; но я ручаюсь, что этого бы не было, сказала Авдотья Петровна.— Впрочемъ извинительно; любя Вѣрушку и имѣя средства, ему хотѣлось великолѣпной обстановки.

— Такъ стало-быть они имѣютъ сношенія помимо меня?

— Этого я не знаю, отвѣчала Авдотья Петровна.

— Прекрасно! А къ намъ пишетъ жалобы на то, что Вѣра Михайловна не удостоила его отвѣта! Безподобно! Это что за штуки такія?.. и гдѣ жь ему взять деньги?.. стало-быть онъ занимаетъ?

Мать Лонскаго и на этотъ вопросъ пожала плечами. На лицѣ ея постоянно выражалось несочувствіе желаніямъ сына и тетки.

Любовь Ѳедоровна, безъ сомнѣнія, совѣстилась разразиться при Авдотьѣ Петровнѣ; она молчала, и закусивъ губы, потирала руки.

— Молодость не знаетъ цѣны деньгамъ, и не любитъ вести счеты. Что приглянется, то и давай, повела рѣчь Авдотья Петровна.—Напримѣръ, къ чему теперь турецкая

шаль, которыхъ почти не носятъ; да еще въ двѣ тысячи пять сотъ рублей серебромъ. Потомъ двѣ шубы, одна соболья тысячи въ три, другая чернобурой лисицы — не дешевле? Въ наше время такъ не роскошничали.

— Господи! вскричала Любовь Ѳедоровна, да это брошенныя деньги!.. шаль у меня превосходная; я хотѣла ей подарить. Песцовый мѣхъ на шубу, я купила сама для нея, разумѣется не въ три тысячи... ай, ай, ай! скажите пожалуста! ну, Алеша! ну, мать моя, вѣрно сынъ въ отца!

— Вы всегда, при всякомъ случаѣ, находите удовольствіе упрекать своего брата, отвѣчала затронутая мать Лонскаго.

— Правда глаза колетъ; что жь дѣлать!.. Я долговъ не намѣрена платить за Алешу!.. Мое состояніе не Богъ знаетъ какое!.. Все что я могла дать имъ, это десять тысячъ серебромъ въ годъ... мнѣ надо же жить самой!

Мать Лонскаго встала, и вышла изъ комнаты.

— Вотъ воспитаніе сынка! проговорила вслѣдъ ей расходившаяся Любовь Ѳедоровна.

Авдотья Петровна не намѣрена была принимать ни чьей стороны въ домашнихъ счетахъ, а потому и поторопилась уѣхать.

Между тѣмъ, посланники и посланницы изъ магазиновъ, разные commis и разныя швеи, каждый день являлись къ Сарѣ. Люди привыкли безпечно и равнодушно смотрѣть на разный народъ, который проходилъ къ ней, чрезъ заднее крыльцо, безъ всякаго доклада.

Въ одно утро, занятая пересмотромъ разныхъ вещей, записываніемъ, укладкою ихъ, и своими соображеніями, Сара не замѣтила какъ вошла въ комнату Дина.

— Барышня, Вѣра Михайловна! раздался вдругъ сиповатый, глухой ея голосъ, какъ будто выходящій изъ какой-то пустоты.

— Кто тутъ? спросила Сара, не обращая вниманія.

— Или забыла ты въ роскоши и богатствѣ, что ты Сара, нищенькая Сара? голодная Сара, которую матери нечѣмъ было кормить?

Сара оглянулась, вздрогнула и оторопѣла.

— Это я! чего ты испугалась, чего ты боишься своей матери, Дины?

— Вонъ поди! проговорила Сара, съ ужасомъ смотря на знакомую, страшную уже для нея наружность Дины.

— Вонъ! вонъ, родной матери? Въѣлась въ богатство, не хочетъ знать кто родилъ ее!

— Кто тамъ? люди! крикнула Сара, стѣснившимся голосомъ.

— Ворона въ павлиньихъ перьяхъ! не брезгай матерью! слышишь, Сара! А не то я вытащу тебя изъ этихъ хоромъ въ свою трущобу!

Въ испугѣ Сара схватила колокольчикъ и, не помня себя, бросилась къ двери; но Дина заступила двери.

— Куда? не пущу! не пущу, покуда не прокляну твою душу! Не найдешь мѣста ни на этомъ, ни на томъ свѣтѣ, если не поклонишься въ ноги матери!.. Что ополоумѣла? Гадко вѣрно цѣловать руку у нищей?.. а мнѣ каково утирать слезы лохмотьями?.. Что заметалась отцовская холодная кровь!..

Въ это время дверь пріотворилась.

Сара хотѣла снова звать людей, но голосъ ея замеръ; слабо проговорила она:—Гоните, гоните ее!—бросилась въ кресла и закрыла лицо руками.

— Гони, гони! раздавался въ коридорѣ голосъ Дины:— не далеко угонишь! буду умирать у порога твоего съ голоду!..

XVIII.

Смутно и дико озиралась еще Сара вокругъ себя, послѣ того какъ вывели изъ ея комнаты Дину. Она велѣла не допускать къ себѣ никого безъ доклада.

— Нѣтъ, это уже становится страшно невыносимо! Я не могу оставаться здѣсь въ домѣ, я не хочу быть жертвой этой коварной бабы, Лиговской, которая мститъ мнѣ за свою глупую Лидію! проговорила вдругъ Сара изступленно.— Понимаю теперь причину ея отсутствія! Все въ домѣ на меня смотритъ звѣремъ; этотъ злой уродецъ, карликъ, участникъ ея каверзъ, чтобы вывести меня изъ себя и осрамить!.. Этотъ демонъ мутилъ мнѣ душу отцомъ, подговорилъ нищую выдавать себя за мать мою!.. Я видѣла, какъ

онъ сидѣлъ съ ней вмѣстѣ у воротъ, выжидалъ меня и напустилъ на меня это чудовище... Нѣтъ, я не могу здѣсь долѣе оставаться! повторила рѣшительно Сара.

Она сѣла и начала писать письмо. Кончивъ его, позвонила, отдала Дашѣ и велѣла отослать немедленно къ Любови Ѳедоровнѣ Лонской.

Ни къ обѣду, ни ввечеру, когда собрались къ Ивану Артемьевичу обычные его гости, Сара не выходила изъ своей комнаты, и велѣла сказать, что чувствуетъ себя нездоровою.

Утреннее происшествіе, съ какою-то сумашедшею женщиной, напугавшею ее, было уже предметомъ разговоровъ и въ гостиной и во всемъ домѣ, и потому Иванъ Артемьевичъ даже навѣстилъ Сару съ тѣмъ чтобъ успокоить ее.

Смутныя, подозрительныя мысли роились въ головѣ Сары и волновали ее въ продолженіи всей ночи; только со свѣтомъ она заснула.

Въ постели подала Даша ей отвѣтъ отъ тетки Лонскаго.

— Положи на столъ, дай мнѣ одѣться, сказала она, взглянувъ на адресъ.

Даша одѣла ее, причесала. По окончаніи туалета горничная вышла. Сара взяла письмо и распечатала.

„Милостивая государыня, Вѣра Михайловна (писала Любовь Ѳедоровна), странное письмо ваше я получила. Плохо зная французскій языкъ, я сомнѣвалась, не ошибаюсь ли я, что вы пишете будто васъ преслѣдуютъ и терзаютъ въ домѣ Марьи Ивановны; и потому обратилась за объясненіемъ къ Авдотьѣ Петровнѣ. Однакоже она не менѣе меня была поражена письмомъ вашимъ, и сказала, что если участіе въ васъ ея племянницы, Марьи Ивановны, постоянное вниманіе и даже любовь къ вамъ вы принимали за намѣреніе огорчать васъ и мучить, это уже не ея вина. Она сдѣлала для васъ, какъ посторонней для нея дѣвушки, все что могла, чтобы замѣнить вамъ родную мать. Вы изволили также отозваться Авдотьѣ Петровнѣ, что женихъ вашъ дѣлаетъ вамъ великолѣпное приданое. Сомнѣваясь, чтобы мой племянникъ дѣлалъ это безъ моего и материнскаго согласія, я писала къ нему объ этомъ. Эта новость не только удивила его, но и заставила предполагать, что у васъ есть какой-нибудь другой женихъ, съ которымъ онъ не желаетъ соперничать, а потому отказывается получить

вашу руку. Увѣдомляя васъ объ этомъ и желая вамъ счастія, остаюсь доброжелательная вамъ Л. Л.“

Дочитавъ дрожавшее въ рукахъ письмо, Сара изорвала его въ клочки, вынула изъ комода бархатный футляръ, запечатала его въ бумагу и надписала: „Любови Ѳедоровнѣ Лонской. Обратно.“

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, она снова бросилась въ кресло, закинула голову и, казалось, забылась. Лицо ея было блѣдно. Какъ будто очнувшись вдругъ отъ обморока, она осмотрѣлась вокругъ, позвонила и приказала вошедшей Дашѣ велѣть подавать карету, а потомъ отвезти самой посылку къ госпожѣ Лонской и отдать лично, не дожидаясь отвѣта.

Садясь въ карету, Сара велѣла ѣхать на Патріаршіе пруды. Тамъ указала она угольный домъ и подъѣздъ. Здѣсь жилъ Ранѣевъ. Онъ только что всталъ, и облаченный въ шелковый, коричневаго цвѣта архалукъ, пилъ чай.

— Вѣра Михайловна! сказалъ онъ съ удивленіемъ увидя Сару:—какими это судьбами?

— Просто вздумалось навѣстить васъ, Владиміръ Петровичъ.

— Стало-быть Марья Ивановна возвратилась? она здѣсь?

И Ранѣевъ бросился къ дверямъ, чтобы встрѣтить Марью Ивановну, которая, по родству, изрѣдка его навѣщала.

— Не трудитесь, я одна; Марья Ивановна еще не возвращалась.

— А вы теперь исполняете ея обязанности. Очень благодаренъ, что навѣстили меня. Не хотите ли чаю?

— Благодарю васъ, я пью по утру, а теперь уже полдень.

— Ну, какъ же идетъ ваше хозяйство? что Иванъ Артемьевичъ?

— Я его не видала еще сегодня. Мнѣ не здоровилось, и вдругъ пришла мысль ѣхать къ вамъ, тѣмъ болѣе что вы всегда принимали во мнѣ такое участіе.

— По влеченію сердца, прибавилъ шутя Ранѣевъ.

— Вотъ видите ли, къ кому же мнѣ обратиться, какъ не къ вамъ?

— За совѣтомъ? спросилъ Ранѣевъ.

— Да. Вы согласитесь, что моей воли никто не можетъ связывать?

— Это къ чему же такой вопросъ? Конечно, кто же захочетъ связывать вашу волю?

— Помните, вы говорили, что у меня есть талантъ для сцены?

— Да; что жь такое?

— Вы въ самомъ дѣлѣ находите его во мнѣ?

— Рѣшительно.

— Такъ я хочу вступить на театръ.

Ранѣевъ посмотрѣлъ на Сару.

— Вы, кажется, чѣмъ-то взволнованы? сказалъ онъ, продолжая всматриваться въ нее.

— Я взволнована только желаніемъ оставить скорѣе домъ Лиговскихъ.

— Это какъ же понимать?

— Какъ хотите, такъ и понимайте, но желаніе мое непремѣнно.

Ранѣевъ задумался, что-то соображалъ и, казалось, догадался о причинѣ.

— Н-да! проговорилъ онъ, и какъ будто отклоняя разговоръ о намѣреніи Сары, спросилъ:—Что за причина, что Марья Ивановна такъ неожиданно уѣхала съ дочерьми... и такъ долго не возвращается?

— Право я этого не знаю и не хочу знать.

— Н-да! произнесъ Ранѣевъ, сложивъ и потирая, молча, руки.

— Вы можете мнѣ способствовать вступить на театръ? спросила опять Сара.

— Нѣтъ! отвѣчалъ Ранѣевъ, качая отрицательно головою.

— Отчего нѣтъ? если вы признали, что я создана для сцены?

— Вы созданы для сцены, но въ то же время и не можете быть на сценѣ.

— Это какая-то загадка.

— Ее можно разгадать вашимъ независимымъ характеромъ.

— Вы не знаете моего нрава. Женитесь на мнѣ, тогда узнаете.

— Какъ же это сдѣлать для опыта? спросилъ Ранѣевъ.

— Какой опытъ! я знаю, что я за вами была бы счастлива; а при счастіи расположеніе къ независимости исчезаетъ.

Ранѣевъ снова посмотрѣлъ пристально на Сару, которая разгорѣлась пылкимъ румянцемъ; глаза ея блистали очаровательно.

— Вы мнѣ предлагаете столько счастія, что я бы сошелъ съ ума, и потому отказываюсь отъ него.

Румянецъ какъ будто стерся вдругъ съ лица Сары.

— Довольно, прощайте, сказала она съ усмѣшкой,—я хотѣла вамъ доказать свою способность къ сценѣ и представила бѣдную дѣвушку, которая съ отчаянія сама не знаетъ что говоритъ. Прощайте, Владиміръ Петровичъ!

— Да! вы были бы удивительная актриса, сказалъ Ранѣевъ, подавая ей руку.

Сара выбѣжала, сѣла въ карету и велѣла ѣхать домой.

У Ранѣева былъ пытливый умъ, не столько въ научномъ, сколько въ житейскомъ смыслѣ. Онъ терпѣть не могъ недоумѣній, и во всѣхъ обстоятельствахъ сколько-нибудь интересныхъ и загадочныхъ, до кого бы они ни касались, онъ доискивался и добивался до скрытыхъ „концовъ въ воду“. Его занималъ вообще бытъ людской, и онъ изучалъ его во всѣхъ слояхъ общества, начиная съ высшаго круга до нищенскаго угла, и для этого почти ежедневно бывалъ то на гастрономическихъ обѣдахъ, безъ всякой угоды своему желудку, то на балахъ, вечерахъ, въ концертахъ, въ театрѣ, нисколько не для собственнаго удовольствія, а для того, чтобы наблюдательнымъ окомъ видѣть, какъ работаютъ надъ людьми страсти, и что изъ всего этого выходитъ. Часть времени его посвящалась и экскурсіямъ для изслѣдованія нравовъ и событій въ нижнихъ слояхъ и подонкахъ общества, на рынкахъ, на улицахъ и переулкахъ, въ домикахъ и домишкахъ, въ лачугахъ и подвалахъ съ наемными помѣщеніями на палатяхъ, на нарахъ и подъ нарами, словомъ, повсюду, гдѣ на одномъ и томъ же огнѣ кипѣли одни и тѣ же страсти, только въ разной посудѣ и съ разными приправами.

Посѣщеніе Сары поразило Ранѣева; слова Сары навели какой-то туманъ на всѣ его соображенія относительно ея.

— Это не просто капризъ, причуды, она не фантазерка, проговорилъ онъ самъ себѣ.—Это надо изслѣдовать.

И вотъ, кончивъ въ размышленіяхъ и соображеніяхъ свой туалетъ, онъ отправился пѣшкомъ изъ дому, и потихоньку добрелъ до дома Лиговскихъ.

Не доходя до подъѣзда, на тумбѣ, сидѣла женщина, сжавшись, въ накинутомъ на голову платкѣ.

Ранѣевъ остановился, посмотрѣлъ не нее.

— Ты что здѣсь дѣлаешь?

— А вамъ-то что? Видите, сижу, ну и ступайте себѣ, отвѣчала она, окинувъ его черными, впалыми своими глазами и закутавъ еще болѣе лицо въ платокъ.

— А гдѣ органщикъ, съ которымъ ты ходила?

Женщина стала внимательно всматриваться въ лицо Ранѣеву.

— Знакомый вѣрно баринъ? мало ли было у меня въ свое время знакомыхъ!

— А что, похоронила мать?

— Слава Богу, еще живехонька.

— А бѣдною невѣстой долго была?

— Охъ, вы насмѣшники! Ужь насмѣхались бы да не надъ бѣдностью!

— А дочь выдала замужъ?

— Нѣтъ еще; сижу да стерегу жениха. Не хотите ли жениться на ней? вотъ она здѣсь, сказала женщина, указывая на домъ Лиговскихъ.—Богатая невѣста, ей-ей богатая. Присватайтесь; если не пойдетъ волей, за косу стащу къ вѣнцу.

— Пошла прочь, пьяная дрянь! прикрикнулъ Ранѣевъ.

— Не ты одинъ гонишь меня отсюда, и дочь гонитъ, да не уйду!

Ранѣевъ приподнялъ палку. Дина вскочила и отбѣжала отъ него; а онъ вошелъ въ домъ, не обращая вниманія на осиплый крикъ, которымъ она его провожала.

Иванъ Артемьевичъ, всегда довольный, когда являлся лишній гость, уговорилъ Ранѣева остаться обѣдать. Онъ остался съ намѣреніемъ взглянуть на Сару, послѣ загадочнаго ея посѣщенія. Но Сара не выходила къ столу; а между тѣмъ разказы о какой-то сумасшедшей, которая ворвалась въ домъ, называетъ себя ея матерью, и страшнымъ образомъ напугала ее, привели Ранѣева въ новое недоумѣніе.

— Это та самая! подумалъ онъ.

Для всѣхъ происшествіе это казалось забавно, сумасшествіе нищей смѣшно, и только сожалѣли слегка объ испугѣ Вѣры Михайловны. Но Ранѣева затронули разказы; какъ слѣдователь, онъ допытывался подробностей, и, вставъ изъ-

за стола, тотчасъ же взялся за шляпу. Намѣревалсь открыть дѣло, какъ говорится, по горячимъ слѣдамъ, онъ обошелъ дозоромъ около дома, посмотрѣлъ на тумбу, гдѣ сидѣла Дина, прошелся взадъ и впередъ по улицѣ; но предполагаемой безумной нищей уже не было.

Такъ какъ подозрѣваемая скрылась, открыть допросами ея слѣды по ночи было уже невозможно, а потому Ранѣевъ отложилъ изслѣдованіе до утра, и отправился въ клубъ.

Между тѣмъ, мы знаемъ, что Сара не выходила къ обѣду. Но ввечеру она спросила, кто въ гостиной?

— Только еще Варвара Сергѣевна съ его превосходительствомъ, да князь Иванъ Юрьичъ изволили пріѣхать.

— Я буду сама разливать чай, сказала Сара и вышла въ гостиную.

Князь бросился съ разспросами о случившейся съ ней непріятности.

— Да, непріятности, князь; я послѣ разкажу вамъ всѣ эти непріятности.

Передъ чаемъ и во время чаю, князь занялъ одного лишняго гостя игрой въ тентере, проигралъ ему столько, что тотъ, удовольствовавшись успѣхомъ вечера, и не находя для себя новой партій, отправился домой, а князь не видя въ гостиной Сары, прошелся по комнатамъ, увѣренный, что уже не увидитъ ея въ этотъ вечеръ; но къ удовольствію своему, нашелъ ее въ китайской комнатѣ, съ книгою въ рукахъ.

Когда князь вошелъ, она положила книгу.

— Садитесь, князь, подлѣ меня. Мнѣ хочется съ вами говорить. Только эту одну отраду я и имѣю посреди тоски и скуки.

— На эти слова, Вѣра Михайловна, мой отвѣтъ въ душѣ, сказалъ князь съ чувствомъ, садясь подлѣ Сары.

— Это не просто слова, князь, и я докажу это полною моею довѣренностью къ вамъ. Вы здѣсь единственный человѣкъ, принимающій участіе во мнѣ и въ судьбѣ моей... одинъ, котораго я уважаю и люблю...

И Сара, при этихъ словахъ, положила свою руку на руку князя. Онъ, внѣ себя, схватилъ ее и прижалъ къ своимъ губамъ.

— Вы одни, князь, понимали, какъ тяжело мое положеніе,

и одинъ разъ намекали, что отъ меня зависило бы выйдти изъ него, еслибъ я только рѣшилась...

Сара не договорила.

— Да, Вѣра Михайловна, произнесъ князь, прерывающимся голосомъ,—и теперь повторяю, что лѣта мои не могутъ осчастливить васъ любовью; но отъ васъ зависитъ принять мое имя, и располагать и мною, и моимъ состояніемъ.

— Но вы мнѣ сказали это тогда, когда я была, къ несчастію, связана словомъ и не могла уже располагать собою.

Изумленный этими словами, князь сдержалъ порывъ чувствъ своихъ.

— Выслушайте, продолжала Сара,—вы можетъ-быть замѣтили искательство Лонскаго.

— Не могъ не замѣтить, отвѣчалъ князь сознательно,— но признаюсь вамъ, я былъ доволенъ этимъ искательствомъ, если только оно относилось не къ простому препровожденію времени молодаго человѣка.

— Я не шла на встрѣчу; напротивъ, я уклонялась отъ него.

— Для чего же? онъ достойный, прекрасный человѣкъ, и вы, я увѣренъ, были бы счастливы за нимъ.

Сара сдержала вздохъ.

— Можетъ быть... но вѣдь могутъ же не нравиться и прекрасные люди... Самодовольствіе и увѣренность въ своихъ достоинствахъ, прихотливая привычка счастливить какое-нибудь бѣдное сердце своею любовью, мнѣ ненавистны. Признаюсь вамъ, Лонскій мнѣ не по душѣ... и безъ принужденія я бы не рѣшилась идти за него.

— Васъ принуждали?

— Мое положеніе меня принуждало. Меня желали скорѣе сбыть съ рукъ, и намѣрены были устроить мое счастіе замужествомъ съ Четкинымъ...

— Неужели? воскликнулъ князь.

— Разумѣется, я предпочла неожиданное предложеніе Лонскаго чрезъ тетку, которой я имѣла счастіе понравиться. Меня призвали, и я дала согласіе, не зная ни страсти къ нему Лидіи, ни цѣлей ея матери и Авдотьи Петровны. Надо было видѣть, князь, какъ съ этой минуты, все въ домѣ измѣнилось въ отношеніи ко мнѣ... Надо было видѣть сцены съ Лидіей. Марья Ивановна тотчасъ же уѣхала съ дочерьми, и безъ сомнѣнія не съ тѣмъ чтобы

возвратиться покуда я въ домѣ... Что жь мнѣ было дѣлать послѣ этого, князь?.. Надо было заботиться самой о себѣ, имѣть деньги по крайней мѣрѣ на башмаки, и я рѣшилась воспользоваться добрымъ вашимъ предложеніемъ... Но когда стали коварно распускать про меня слухи, чтобъ очернить меня и все разстроить...

— Вѣра Михайловна, клянусь что я ничего не слыхалъ про васъ, кромѣ восторженныхъ похвалъ!

— Князь, кто жь осмѣлится сказать вамъ про меня что-нибудь не доброе, зная ваше расположеніе ко мнѣ?.. Но если Авдотья Петровна рѣшилась упрекать меня, что я завладѣла мужемъ Марьи Ивановны и всѣмъ домомъ?..

— Неужели? Это ужасно! воскликнулъ князь.

— А продѣлки съ пьяною нищей, которую подсылаютъ чтобъ осрамить меня... и кричать на весь домъ, что я ея дочь?

— Какое варварство!

— А между тѣмъ, князь, Марья Ивановна знаетъ, кто мой отецъ. Знаю и я можетъ-быть, и вы узнаете современемъ; но напрасно бы я стала искать своихъ правъ; да и кто жь будетъ моимъ ходатаемъ?

— Вѣра Михайловна, и вы у меня это спрашиваете?

— Но, князь, ходатайство было бы и безполезно. У меня нѣтъ въ рукахъ никакихъ доказательствъ ни на имя, ни на права... Теперь для меня настала рѣшительная минута. Я не хочу быть ни причиной непріятностей для Марьи Ивановны, ни причиной страданій Лидіи. Я уже написала къ теткѣ Лонскаго, что отказываюсь отъ предложенія его; а вмѣстѣ съ тѣмъ не хочу оставаться и здѣсь въ домѣ... я уйду отсюда куда глаза глядятъ!

— Вѣра Михайловна! сказалъ добродушно взволнованный князь, взявъ Сару за руку: — столько великодушія, столько жертвъ! Но неужели и отъ моего участія въ васъ вы отказываетесь?

Сара поняла весь смыслъ этихъ словъ и чувство, съ которымъ они были сказаны.

— Нѣтъ, отъ вашего участія во мнѣ я не въ силахъ отказаться... я такъ привыкла васъ любить... я ваша, отъ васъ теперь зависитъ рѣшить мою судьбу... только вырвите меня отсюда!

Сара подала князю руку; онъ схватилъ ее и пламенно сжалъ въ своихъ рукахъ.

— Я взволнована... походимте, сказала Сара. — Ахъ! нѣтъ... погодите... дайте мнѣ придти въ себя!

Сара пожала руку князю и вышла изъ китайской комнаты во внутренніе покои, обошла кругомъ въ гостиную и сѣла у стола играющихъ.

— Вашу ручку на счастье, сказалъ обратясь къ ней превосходительный Петръ Андреевичъ. — Такъ васъ очень напугала нищая? Не понимаю, какъ можно пускать на дворъ этихъ потаскушекъ!.. Вы съ чего же ходили, Иванъ Артемьичъ?

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ въ гостиную и князь Иванъ Юрьевичъ.

— Ба, ба, ба! а мы думали, что ты, князь, уѣхалъ, или вздремнулъ гдѣ-нибудь въ уголку?

— Вотъ это такъ; въ самомъ дѣлѣ, я сѣлъ и задумался о своей поѣздкѣ.

— Куда?

— Въ Одессу на праздники; а потомъ за границу.

— Помилуй, князь! проговорилъ Иванъ Артемьевичъ.— Къ чему это, что за надобность?

— Извѣстная надобность, сказалъ Петръ Андреевичъ:— въ Одессѣ новая итальянская труппа. Безъ музъ и грацій его сіятельство жить не можетъ.

— Вы въ самомъ дѣлѣ ѣдете за границу, князь? спросила Сара, вставая съ мѣста.

— Думаю, Вѣра Михайловна, отвѣчалъ онъ, отходя вмѣстѣ съ ней отъ стола.

— Ахъ, князь, скорѣй отсюда! тихо произнесла Сара.

— Мы поѣдемъ ко мнѣ въ деревню.

— Куда хотите, но скорѣе!

— Отъ васъ зависитъ, хоть завтра.

— Завтра, завтра!.. Ждите меня въ четыре часа у подъѣзда къ бульвару.

И съ этимъ словомъ Сара торопливо вышла изъ комнаты.

XIX.

Послѣ многихъ лѣтъ ожиданія, старый Наумычъ управляющій подмосковною князей Луцкихъ, дождался наконецъ молодаго барина.

Болѣе двадцати лѣтъ домъ стоялъ никѣмъ не обитаемый. Но часто Наумычъ входилъ въ него, освѣжалъ воздухомъ, и стиралъ со всего насѣдавшую пыль. Передъ пріѣздомъ князя, онъ заново оштукатурилъ домъ, перекрасилъ, вычистилъ, уставилъ окна цвѣтами изъ оранжереи, разостлалъ ковры, снялъ чахлы съ картинъ, размѣстилъ всѣ убранныя вещи и вещицы по тѣмъ же мѣстамъ, на которыхъ онѣ стояли въ памятные ему счастливые дни.

Когда Луцкій пріѣхалъ и вошелъ въ родительскій домъ, все прошедшее живо представилось ему, онъ остановился и обнялъ сопровождавшаго его старика Наумыча.

Молча, отерли они слезы на своихъ глазахъ.

— Батюшка, князь Михайло Васильевичъ, пожалуйте кушать чайку съ дороги, сказалъ Наумычъ, вводя Луцкаго въ комнату, гдѣ на столѣ готовъ уже былъ чайный приборъ и кипѣлъ самоваръ. — Хозяюшки нѣтъ, продолжалъ онъ грустно вздохнувъ: — сами ли изволите наливать, или прикажете моей старухѣ?

Князь обнялъ и стоявшую въ дверяхъ старушку, жену Наумыча, попросилъ ее похозяйничать, усадилъ подлѣ себя ее, Наумыча и дряхлаго Софроныча, который пріѣхалъ съ нимъ и тащился по комнатамъ, всматриваясь во все слѣпыми глазами.

— Вотъ, сударь ты мой, пріѣхали на старое свое пепелище! бормоталъ онъ:—привелъ же Богъ и мнѣ попасть на свою родину. Вѣдь и ты, князь Михайло Васильевичъ, чай родился въ этомъ домѣ?

— Не помню, Софронычъ.

— А я помню. Вотъ оно что. Годковъ сорокъ слишкомъ тому назадъ. Да! годковъ сорокъ; а меня ужь тогда дѣдушкой звали. Вотъ и считай.

— Такъ моя Вѣрочка здорова, Наумычъ? спросилъ Луцкій.

— Недавно былъ Митя изъ дому. Жаловался онъ, правда, что послѣднее время стали барышню рознить отъ своихъ дочерей: по зависти, говоритъ; потому что она поумнѣе да и получше всѣхъ; ну, да я подумалъ себѣ, какъ же писать объ этомъ вашему сіятельству.

— Завтра поутру распорядись, Наумычъ, нанять для меня карету.

— А для чего жь нанимать, ваше сіятельство: лошади есть, а откидная карета совсѣмъ новенькая стоитъ.

— Такъ ты поѣдешь со мной, я совсѣмъ забылъ Москву.

Послѣ чаю, Луцкій написалъ къ Марьѣ Ивановнѣ письмо и приказалъ отправить поутру съ верховымъ въ домъ Лиговскихъ. Но нетерпѣніе скорѣе видѣть дочь томило его, и на другой день, дожидаясь отвѣта, онъ задумчиво смотрѣлъ въ окно на экипажъ, стоявшій уже у подъѣзда. Четверня статныхъ вороныхъ коней фыркала и взрывала землю. Карета съ откинутымъ верхомъ и на лежачихъ ресорахъ только что изъ мастерской.

— Наумычъ, откуда эти славныя лошади? спросилъ онъ наконецъ старика.

— Съ вашей конюшни, ваше сіятельство. Заводъ ведется по сію пору и идетъ порядкомъ.

— Какой заводъ? у насъ былъ дрянной заводъ, а это тысячные кони!

— Охотникъ я до лошадей, такъ позанялся, отвѣчалъ Наумычъ:—дѣло и пошло, благодаря Бога.

— Такъ этихъ коней, Наумычъ, я у тебя покупаю.

— Ваше да вамъ же продавать, ваше сіятельство? Да я что жь такое? Удобрять да умножать довѣренное мнѣ нешто не на моемъ было отвѣтѣ и передъ Богомъ и передъ вами?

— Чѣмъ же мнѣ платить тебѣ за твою службу? сказалъ Луцкій, обнявъ старика.

— Вотъ это лучше денегъ.

— Поѣдемъ же, я не дождусь отвѣта.

Наумычъ, подсадивъ князя въ карету, хотѣлъ самъ садиться на козлы.

— Со мной, со мной, другъ Наумычъ!

— Не мое мѣсто, ваше сіятельство, сказалъ Наумычъ, но долженъ былъ исполнить желаніе князя.

— А откуда ты взялъ карету?

— Карета также вашего сіятельства. Вымѣнялъ на желѣзо съ старыхъ экипажей.

— Заботливъ ты, добрый Наумычъ.

— Куда же прикажете ѣхать? Чай къ Иверской, съ дороги? да слѣдовало бы и поднять ее, матушку, въ домъ.

— Непремѣнно, Наумычъ.

Помолясь въ часовнѣ Иверской Божіей Матери, Луцкій приказалъ ѣхать къ Лиговскимъ. Когда онъ подъѣзжалъ къ дому, сердце его сильно забилось отъ нетерпѣнія скорѣе обнять дочь свою. Образъ ея матери воскресалъ предъ нимъ.

Карета остановилась у подъѣзда. Наумычъ выскочилъ изъ нея и по приказанію Луцкаго побѣжалъ вызвать къ нему Митю.

Въ эту самую минуту сѣнныя двери дома мгновенно отворились и затворились, раздалось: „вонъ, чертовка!“ и вытолкнутая женщина въ капорѣ и ватномъ капотѣ, оступившись, грохнулась на лѣстницу и скатилась по ступенямъ на площадку.

— Батюшки! вскричала она:—помогите! убили злодѣи, убили!.. Проклятая дочь! мать свою вытолкала какъ собаку на улицу!..

Луцкій выскочилъ изъ кареты, подбѣжалъ къ женщинѣ и поднялъ ее. Она съ воплями схватилась за голову.

— Что съ тобой, моя милая? кто ты? спросилъ ее Луцкій.

— Кто я? кто? мать вотъ этой бездушной дѣвчонки что здѣсь въ домѣ на воспитаніи... Барыней стала, зазналась, милостыни матери не подаетъ! вытолкать велѣла меня!.. Голова моя, бѣдная голова, разбили ее въ дребезги!

И она снова схватилась за голову.

— У кого на воспитаніи твоя дочь? спросилъ Луцкій.

— Здѣсь въ домѣ у господъ...

Слова Дины прерваны были появленіемъ карлика Мити. Онъ, какъ полоумный, выбѣжалъ изъ воротъ, бросился къ Луцкому, онѣмѣлъ отъ радости, и какъ ребенокъ, протянулъ къ нему руки. Луцкій поднялъ его и поцѣловалъ.

— Скажи, Митя, что это значитъ? Кто эта женщина? Какая у ней здѣсь дочь на воспитаніи?

— Ваше сіятельство, проговорилъ карликъ, взглянувъ на Дину.—Эта полоумная все ищетъ какой-то дочери... напугала вчера барышню Вѣру Михайловну; а сегодня опять было ворвалась въ домъ.

— Я? я полоумная? вскрикнула Дина:—какая Вѣра Михайловна? Сара-то? Моя дочь Сара—Вѣра Михайловна? воспитанница-то здѣшняя? Нѣтъ, эта змѣя, вотъ изъ-подъ этого сердца!.. вотъ чье проклятое сѣмя взяли господа Лиговскіе. Спросите меня... я вамъ укажу честную женщину, которая обманомъ беретъ за меня пенсію!..

— Это страшно! проговорилъ Луцкій, содрогаясь отъ Дины.—Дома Марья Ивановна? доложи скорѣе обо мнѣ.

— Ваше сіятельство, Марьи Ивановны нѣтъ дома, отвѣчалъ Митя,—онѣ съ дочерьми уѣхали въ деревню къ сестрицѣ...

— О, Боже мой! когда жь я увижу ее! проговорилъ Луцкій.

— Да барышня здѣсь... началъ было Митя.

— Барышня! перервала его Дина:—спросите у Викторины про свою барышню; я жива не хочу быть, если не стащу эту барышню за косу въ рѣку, да не утоплю!

— У какой Викторины? спросилъ Луцкій.

— У акушерки, отъ которой дочь моя взята господами Лиговскими на воспитаніе.

— Наумычъ! слышишь?.. Что это значитъ?

— Не понимаю, ваше сіятельство, отвѣчалъ Наумычъ, пожимая плечами.

Митя весь дрожалъ.

— Боже мой, говорите, что жь это все значитъ? повторилъ дрожащимъ голосомъ Луцкій.—Наумычъ, поѣдемъ!.. и ты со мной!..

— Куда жь это? спросила Дина съ испугомъ.

— Къ Викторинѣ, о которой ты говоришь.

— Къ Викторинѣ? Пожалуй, поѣдемте къ ней; она сама вамъ скажетъ; она сама отдавала Сару къ господамъ Лиговскимъ, сама перемѣнила ей имя, да назвала Вѣрой Михайловной, чтобъ я не узнала ея... Отдала за полную сироту, а у этой сироты мать и бабка съ голоду умираютъ!

— Наумычъ, куда ѣхать?

— Я знаю, знаю куда, ступайте прямо, сказала Дина,—она на прежней квартирѣ, живетъ себѣ въ роскоши, получаетъ пенсію за Сару, да держитъ у себя еще какую-то воспитанницу, и тоже сбудетъ выгодно съ рукъ.

У Луцкаго сердце облилось кровью.

— Ступай скорѣе, крикнулъ онъ кучеру.

Карета наконецъ повернула въ переулокъ, и по указанію Дины, остановилась у воротъ, у которыхъ стояла телѣжка на рессорахъ.

— Насилу узналъ домъ, сказалъ Наумычъ,—сюда на лѣстницу ваше сіятельство.

Луцкій торопливо взбѣжалъ по ступенямъ, отворилъ въ сѣняхъ указанную дверь, и вошелъ прямо въ комнату. Наумычъ и Дина остановились въ передней.

Старушка Викторина сидѣла на диванѣ, а подлѣ оконъ, на стульяхъ, сидѣлъ довольно молодой мущина въ пальто, и рядомъ съ нимъ женщина въ мантильѣ, но повязанная по-русски платкомъ.

— Мнѣ нужно госпожу Викторину, сказалъ Луцкій тревожнымъ голосомъ.

— Я, сударь, Викторина, что̀ вамъ угодно?

— Мнѣ нужно съ вами говорить, продолжалъ Луцкій, бросивъ суровый взглядъ на гостей хозяйки.

Они невольно приподнялись съ мѣстъ.

— Такъ ужь, Викторина Ивановна, позвольте пріѣхать завтра, или ввечеру, сказала женщина въ повязкѣ.

— Сколько я поняла изъ вашихъ словъ, милая, вы напрасно безпокоитесь; здѣсь никакихъ товаровъ для васъ нѣтъ, отвѣчала Викторина.

— Очень сожалительно! отвѣчала женщина, выходя въ переднюю.—А!! сударыня моя! Дуня кофейница! проговорила она, увидя Дину:—вотъ что? надувать! сама пошла въ свахи? Погоди жь ты, моя любезная!

— И не думала, Степанида Михеевна! Мнѣ дѣло здѣсь о своей дочери, а не о чужихъ, отвѣчала Дина.

— Послушате, сказалъ Луцкій, обращаясь къ Викторинѣ, вызвавъ Дину изъ передней,—эта женщина говоритъ, что воспитанница Лиговскихъ—ея родная дочь; правда ли это?

Старушка смутилась, узнавъ Дину.

— Извольте сказать, Викторина Ивановна, я ли мать Сарѣ?

— Да... это правда, Дина, Сара ваша дочь... отвѣчала неспокойнымъ голосомъ Викторина.

— Воспитывается у Лиговскихъ подъ именемъ Вѣры? спросилъ торопливо Луцкій.

— Я не знаю... начала было Викторина.

— Какъ не знаете, подхватила Дина,—какъ не знаете? Да

не по согласію ли матушки моей, вы отдали ее туда? Не сами ли перекрестили ее изъ Сары, изъ некрещенаго имени?

— Я не помню... это такъ давно было.. но что жь изъ этого?

— Такъ гдѣ жь моя дочь, Вѣра? спросилъ дрожащимъ голосомъ Луцкій, бросивъ грозный взглядъ на Викторину.— Наумычъ поди сюда!..

Викторина вскрикнула, вся затряслась и обмерла.

Изъ спальни дверь пріотворилась, съ испугомъ выглянула молоденькая дѣвушка. Наружность ея мгновенно поразила Луцкаго. Взглянувъ на Викторину, блѣдную и безъ чувствъ, она бросилась къ ней.

— Бабушка, бабушка! что съ вами?.. что вы за люди? что вы сдѣлали съ ней! повторяла она обнявъ Викторину, и смотря съ ужасомъ на стоявшаго передъ ней Луцкаго.

— Боже великій! воскликнулъ онъ, всплеснувъ руками:— это она! живая мать ея! Вѣра! Вѣра!

Но дѣвушка не слыхала словъ его; она припала на грудь Викторины, цѣловала ея лицо и звала ее.

— Вѣра! это такой же ангелъ, какъ моя Марія! Вѣра Вѣра! повторялъ Луцкій, сложивъ руки, какъ передъ образомъ.

Наумычъ бросился за водой. Старая Матрена также прибѣжала.

— Милочка, Вѣрочка, что сдѣлалось съ Викториной Ивановной? завопила она.

Викторина пришла въ себя; но вся дрожала. Она обняла Вѣрочку, и боязливо взглянула на Луцкаго.

— Бабушка, васъ испугали!.. проговорила Вѣрочка, цѣлуя ея руку.

— Простите, сказалъ Луцкій, обращаясь къ Викторинѣ,— простите чувства отца; но возвратите мнѣ дочь мою.

Старушка Викторина прослезилась.

— Боже мой, чего вы хотите отъ бабушки? проговорила Вѣрочка, устремивъ умоляющій взоръ на Луцкаго.

— Другъ мой, Вѣрочка, это отецъ твой! сказала старушка.

— Вѣра! обними отца твоего, съ нѣжнымъ чувствомъ произнесъ Луцкій, приближаясь къ Вѣрочкѣ съ распростертыми объятіями.

Съ неудоумѣніемъ взглянула она на него боязливымъ взоромъ чудныхъ глазъ своихъ.

— Вѣрочка, повторила Викторина:—это отецъ твой! другъ мой, это для тебя новое чувство.

На глазахъ дѣвушки выступили слезы; смущенная, она бросилась къ отцу; онъ обнялъ ее, и цѣловалъ ея голову.

— И вы возьмете ее отъ меня?.. Я люблю ее какъ родная мать, я безъ нея умру! проговорила Викторина, залившись слезами.

— Нѣтъ, вы будете всегда при ней, сказалъ Луцкій.

— Ахъ, я ее люблю, любила, берегла ее!.. Когда я должна была передать ее на воспитаніе къ Лиговскимъ, она была больна при смерти... Я выпянчила, выходила ее, не могла разстаться съ этимъ ангеломъ!.. и рѣшилась... какъ хотите, такъ и судите меня... Вѣрочка, проси за меня, за любовь мою къ тебѣ, прощенье у отца твоего!..

— Забудемте объ этомъ, сказалъ Луцкій,—въ случайности та же рука Провидѣнія, и я вамъ обязанъ за сохраненіе дочери моей.

— Барышня, ваше сіятельство, пожалуйте ручку старику.—Помните, я вамъ привозилъ куколокъ?

Вѣрочка удивилась словамъ Наумыча; она посмотрѣла нѣжно на отца, припала къ нему, посмотрѣла ласково на старика, подала ему руку и поцѣловала его въ голову.

— Викторина Ивановна, отозвалась вдругъ, стоявшая у дворей Дина, — теперь пенсію за Сару, вы извольте отдать мнѣ.

— Милая моя Дина, я никакой не получаю пенсіи за Сару; но я дамъ тебѣ все что могу.

— Позвольте, сказалъ Луцкій, обращаясь къ Динѣ,—вы, какъ мать дѣвушки, которая воспитывалась у Лиговскихъ подъ именемъ моей дочери, будете получать отъ меня пенсію. Но вы до времени предоставьте уже свою дочь ея судьбѣ. Она, безъ сомнѣнія, невиновата въ томъ, что воспитываясь какъ сирота, не признала въ васъ мать свою.

— Она? въ этой роскоши? и не узнаетъ? сказала Дина, махнувъ рукой. — Она вся въ отца, который меня бросилъ!

— Вотъ вамъ на первый случай, сказалъ Луцкій, давая нѣсколько бумажекъ Динѣ.

— Теперь, Вѣра, продолжалъ онъ, обращаясь къ дочери, —поѣдемъ ко мнѣ, къ отцу твоему.

— А бабушка? боязливо спросила Вѣрочка, бросивъ на него умоляющій взоръ.

— Боже мой! живая добродушная Марія! проговорилъ Луцкій.—Другъ мой, бабушка поѣдетъ съ нами, и сегодня же переѣдетъ въ нашъ домъ. Наумычъ, твое дѣло будетъ распорядиться этимъ.

— А я-то, а я куда? сказала старая Матрена, умиленно смотрѣвшая на Луцкаго и Вѣрочку. — Вѣра Михайловна, княжна ты моя! вѣдь я такъ всегда тебя и звала, какъ будто знала, чуяла твое счастіе. Я тебя нянчила, не оставь же меня!

И старая Матрена хотѣла поцѣловать руку у Вѣрочки но она отдернула руку и обняла ее.

— Могу я взять и ее къ себѣ?

— Непремѣнно!

Въ нѣсколько минутъ и Вѣрочка, и ея воспитательница, старушка Викторина, снарядились въ путь.

— Скорѣй домой! крикнулъ Луцкій, посадивъ Вѣрочку и Викторину въ карету, и садясь противъ нихъ.

Вѣрочка перекрестилась, и быстро помчались кони въ подмосковную князя.

XX.

По страсти и привычкѣ добираться до всѣхъ началъ, до всѣхъ причинъ и до всѣхъ вообще тайнъ, Ранѣевъ не переставалъ думать о происшествіи съ нищей, называющею себя матерью воспитанницы Лиговскихъ; онъ не могъ оставить безъ изслѣдованія этотъ поступокъ Дины, которая въ его глазахъ нисколько не походила на безумную.

„Вѣра Михайловна сирота, думалъ онъ, взята Марьей Ивановной на воспитаніе отъ какой-то бѣдной матери; отчего жь не могла явиться на сцену бѣдная мать?.. Но какимъ же образомъ Дина, уличная пѣвица, до сихъ поръ молчавшая, вдругъ вздумала такъ настойчиво принимать на себя названіе матери? Странно! этого нельзя оставить такъ; тутъ можетъ быть и умыселъ, отъ котораго надо пре-

дохранить бѣдную Вѣру Михайловну... Это можетъ хоть кого свести съ ума!“

Соображая все это обстоятельно, Ранѣевъ на другой же день собирался идти на поискъ Дины; но неожиданный пріѣздъ цѣлый компаніи и приглашеніе ѣхать на дачу, разстроили его намѣреніе. На слѣдующій день онъ былъ свободенъ отъ свѣтскихъ оковъ; около полудня, обдумывая съ чего начать поискъ, онъ взялъ шляпу, и въ двери.

Раскланиваясь безостановочно со встрѣчными знакомыми, Ранѣевъ останавливался только бесѣдовать со встрѣчными нищими и калѣками, допрашивая ихъ о нѣмчихѣ Динѣ. Не получивъ свѣдѣній на бульварѣ, онъ отправился въ ряды, какъ на обширное поприще бродягъ. Въ ножовой линіи, съ перваго же шагу, онъ встрѣтилъ необходимаго проводника къ цѣли.

— А, голубчикъ, поди-ка, поди сюда, сказалъ онъ мальчику-калѣкѣ съ вывернутыми назадъ ногами.

— Батюшка, баринъ! прокричалъ мальчикъ, ковыляя въ слѣдъ за нимъ изъ рядовъ на площадь; но когда баринъ крикнулъ извощика, маленькій плутъ акробатъ, перепугавшись, выпрямилъ было уже ноги, чтобы бѣжать.

— Постой, молодецъ, сказалъ Ранѣевъ, взявъ его за воротъ и сажая съ собою на дрожки.

— Батюшка, баринъ! да за что жь?..

— Вези къ своей матери!

— Къ какой матери? Я сирота...

— Къ пѣвицѣ, съ которою ты шлялся подъ окнами.

— Къ нѣмчихѣ-то? Да какая жь она мнѣ мать? Вольно ей называть меня сыномъ.

— Все равно, ты знаешь, гдѣ она живетъ; получишь полтинникъ.

Съ помощію акробата, Ранѣевъ добрался до фаланстеріи и чрезъ пучины хламу и грязи до того угла, гдѣ на койкѣ лежала мать Дины.

— Здравствуй, старушка; ты я вижу въ большой нуждѣ.

— Голодная, голодная лежу, господинъ! простонала изнуренная старуха слабымъ голосомъ.

Ранѣевъ посмотрѣлъ на нее съ сожалѣніемъ, далъ деньги сторожу и велѣлъ принести изъ трактира супу и хлѣба.

— Кофею, кофею, господинъ, умираю безъ кофею! проговорила старая Берта.

— Принести и порцію кофею.

— И булку!

— Принести и булку.

— Ахъ! добрый, добрый господинъ!

— У тебя есть дочь; она не дурно пѣла подъ органъ.

— А вы, господинъ, знаете ее?.. Да, Дина пѣла, какъ хорошо было жить, а теперь не то поетъ.

— Кажется, она была замужемъ?

— За мужемъ? Да, да, была... да несчастье! А какъ хошо мы жили... все-то у насъ было...

— У ней и дочка есть?

— Дочка?.. да... она, господинъ, на воспитаньи... тоже у господъ...

— У какихъ господъ?

— Вотъ и забыла фамилію-то... вотъ Викторина хорошо ихъ знаетъ; она къ нимъ сама и отдавала мою внучку... да такая безчестная, пенсію за нее вмѣсто насъ получаетъ, ни копѣйки намъ не даетъ!..

— Кто жь такая Викторина?

— Викторина? Акушерка, частная бабушка-акушерка... такая безчестная!.. Пенсію съ господъ беретъ за нее... а мы въ бѣдности!...

— Кто же такіе господа, у которыхъ живетъ твоя внучка.

— Господа-то?.. вотъ, никакъ не помню... Дина знаетъ, каждый день ходитъ... да ее гоняютъ прочь... богатые, а такіе не добрые... не признаютъ... говорятъ: мы круглую сироту взяли...

— А въ какой части Викторина?

— А что подлѣ башни... не помню... за башней-то...

Дальнѣйшіе вопросы были безполезны. Старуха дрожала надъ принесенною чашкой кофею, и ничего уже не въ состояніи была говорить.

— Надо добывать Викторину! подумалъ Ранѣевъ, и выбравшись изъ нищенской трущобы, онъ дохнулъ чистымъ воздухомъ и отправился на дальнѣйшій поискъ.

— Какія же здѣсь башни? Сухарева башня, Меншикова башня, башня Кутафья...

На первый разъ онъ поѣхалъ къ Сухаревой башнѣ; пробрался въ канцелярію частнаго дома.

Тутъ писарь объявилъ ему, что такой бабушки нѣтъ; а

была ли такая—того не знаетъ; а что если нужна бабушка, такъ новая бабушка, хорошая бабушка, принимаетъ дѣтей по акушерской части, и беретъ на воспитаніе.

— Я тебя спрашиваю про Викторину, а не про твою хорошую, новую бабушку! сказалъ съ сердцемъ Ранѣевъ.

— Такой здѣсь нѣтъ! дополнилъ равнодушно писарь,— можетъ-быть въ какой другой части и есть бабушка, а у насъ здѣсь внучка.

Испытавъ неудачу въ части по сю сторону Сухаревой башни, Ранѣевъ поѣхалъ въ часть по ту сторону Сухаревой башни.

Здѣсь дряхлый сторожъ указалъ ему и квартиру повивальной бабки Викторины, и лѣстницу, на которую надо было подниматься, и дверь, въ которую слѣдовало войдти.

Ранѣевъ, уже безъ указанія вошелъ въ комнату, гдѣ все было въ безпорядкѣ и пожилая, плотная баба укладывала разныя вещи въ ящики.

— Здѣсь повивальная бабка, Викторина?

— У васъ вѣрно родильница? спросила она вмѣсто отвѣта.—Викторина Ивановна не принимаетъ.

— Почему не принимаетъ?

— Потому что не принимаетъ, вотъ и все.

— А ты все-таки доложи, что мнѣ очень нужно ее видѣть.

— Нужно видѣть? Такъ ступайте въ подмосковную его сіятельства.

— Какого его сіятельства?

— А князя, батюшки Вѣры Михайловны. Викторина Ивановна съ ней поѣхала.

— Вѣра Михайловна? А кто такая Вѣра Михайловна?

— Кто-о? А воспитанница, что̀ слыла сироткой.

— Сирота, воспитанница Вѣра Михайловна?

— Ну да; вотъ оно что̀.

Изумленному Ранѣеву оставался еще вопросъ о фамиліи князя.

— Фамилія? На радости-то мнѣ и не въ домекъ; знаю, что князь, его сіятельство, съ меня и довольно; какъ поѣдете въ подмосковную, тамъ вамъ скажутъ.

— А подмосковная-то какъ?

— Какъ какъ? подмосковная да подмосковная; какъ еще вамъ?

Ранѣевъ махнулъ рукой и вышелъ, сѣлъ на дрожки и погонялъ извощика, торопясь къ Лиговскимъ и разсуждая о странныхъ случайностяхъ, о Сарѣ, объ отыскавшемся отцѣ ея, какомъ-то князѣ, и о притязаніяхъ Дины на права матери.

XXI.

Послѣ условія съ княземъ Иваномъ Юрьевичемъ, ночь Сары была мучительна. Какъ будто боясь сна, она не тушила свѣчи, не ложилась въ постель. Уложила нѣкоторыя вещи въ шкатулку, написала письмо, взяла книгу; но ее пугалъ малѣйшій отдаленный звукъ, внезапный лай собаки, даже шорохъ собственнаго платья, и она, то прислушивалась, то оглядывалась, то всматривалась, не остановилась ли на часахъ минутная стрѣлка?

Рано по утру послала Сара за своею модисткой и поручила ей всѣ купленныя и изготовленныя вещи для приданаго взять къ себѣ и уложить для отправленія въ дорогу.

— На дняхъ явится къ вамъ за вещами человѣкъ, съ запиской отъ меня, сказала она ей.

Приказаніе ея было исполнено. Комната опустѣла и приняла свой обычный видъ.

— Все-то вы, барышня, примѣривали на себя, сказала грустно Даша:—кто жь это будетъ носить-то?

— Для кого было шито, отвѣчала ей Сара.

Тревожно ожидала она условнаго времени. Когда Иванъ Артемьевичъ отправился въ обычный свой часъ въ засѣданіе, навѣстить кого-нибудь, или просто *взять воздуху*, Сара задумчиво ходила по всѣмъ комнатамъ и, едва послышится стукъ экипажа на улицѣ, боязливо смотрѣла въ окно, не остановится ли онъ у подъѣзда, не возвратилась ли Марья Ивановна? Тревожное чувство усиливалось съ приближеніемъ назначеннаго часа.

Наконецъ, не спокойнымъ голосомъ приказала она подавать карету.

— Даша, вели сказать Ивану Артемьевичу, что я къ обѣду не выйду... Не ждать меня, я обѣдать не буду.

— Вы вѣрно, барышня, не здоровы? Какія вы блѣдныя! замѣтила Даша, провожая свою барышню.

Не отвѣчая ни слова, Сара сѣла въ карету. Въ концѣ улицы, она подала знакъ остановиться, подозвала человѣка и велѣла ему воротиться домой и отнести лежавшее въ ея комнатѣ на столѣ письмо къ Авдотьѣ Петровнѣ.

Къ извѣстному часу обѣда Иванъ Артемьевичъ возвратился домой. Вскорѣ съѣхался и запасный штатъ виста.

— Что жь, не пора ли обѣдать? спросилъ Иванъ Артемьевичъ, позвонивъ.—Подавайте на столъ.

— Обѣдъ на нынѣшній день не заказанъ, отвѣчалъ человѣкъ?

— Какъ? какъ не заказанъ?

— Не заказанъ, ваше превосходительство.

— Какъ не заказанъ? Это что такое? Попроси сюда Вѣру Михайловну!.. Вотъ забавно! Мы оставлены безъ обѣда!

Весь штатъ виста также съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Ивана Артемьевича, который стоялъ вопросительнымъ знакомъ посреди комнаты, дожидаясь Сары, за которою пошелъ человѣкъ.

Въ этомъ положеніи засталъ его прибывшій съ поисковъ Ранѣевъ.

— Владиміръ Петровичъ, представьте себѣ: мы безъ обѣда по милости Вѣры Михайловны.

— Гдѣ жь Вѣра Михайловна? спросилъ Ранѣевъ.

— Я послалъ за ней.

— Куда?

— Какъ куда? извѣстное дѣло.

— Но я ничего не знаю.

— Прекрасно! какъ будто она живетъ не здѣсь въ домѣ!.. Ну! крикнулъ Иванъ Артемьевичъ возвратившемуся человѣку, что жь Вѣра Михайловна?

— Онѣ изволили поѣхать и сказали, что не будутъ кушать.

— Куда изволили поѣхать? Не будутъ кушать! крикнулъ опять Иванъ Артемьевичъ:—я думаю, что не будутъ кушать, когда обѣдъ не заказанъ!.. Чортъ знаетъ! жена уѣхала, оставила весь домъ на руки дѣвочкѣ!.. Это удивительная вещь!

— Въ самомъ дѣлѣ удивительная вещь! сказалъ Ранѣевъ. — А когда поѣхала Вѣра Михайловна? спросилъ онъ у человѣка.

— Да вотъ только что изволили уѣхать... не такъ здоровы, такъ прогуляться вѣрно.

— Нѣтъ ужь, тутъ ничего не поймешь! сказалъ Ранѣневъ:—прощайте, Иванъ Артемьевичъ.

— Куда жь вы?

— Что жь, прикажете вмѣсто обѣда сидѣть и сокрушаться объ обѣдѣ?

— Такъ поѣдемте куда-нибудь вмѣстѣ.

— Вмѣсто куда-нибудь, я поѣду въ клубъ.

— Такъ поѣдемте вмѣстѣ!

Прошелъ часъ, другой, совершенно уже смерклось. Даша нѣсколько разъ выбѣгала въ переднюю спросить, не пріѣхала ли барышня, Вѣра Михайловна.

— Да что жь она спряталась что ли гдѣ, что ты спрашиваешь, отвѣчалъ ей дежурный офиціянтъ.

— Что жь это значитъ, что ея до сихъ поръ нѣтъ?

— А кто жь ее знаетъ?

Въ то же время въ дѣвичьей хватились карлика. И его нѣтъ, противъ обыкновенія.

Во всемъ домѣ поднялась тревога шепотомъ. То сбѣгутся всѣ въ передней, то въ дѣвичьей, то въ людской; идутъ толки, запросы и недоумѣнія.

— Ты, Семенъ, съ барышней былъ, куда жь она поѣхала?

— Я, Семенъ, съ барышней былъ; а барышня говоритъ: ступай прямо. Ну и поѣхали прямо; а середи дороги барышня кричитъ: Семенъ! — Чего изволите? — Ступай возьми письмо на столѣ, да отнеси къ Авдотьѣ Петровнѣ. Семенъ къ Авдотьѣ Петровнѣ, отнесъ да и вернулся.

— Карета стало-быть не пріѣзжала домой?

— Стало быть.

— Стало-быть Вѣра Михайловна поѣхала куда-нибудь на вечеръ?

— А куда жь она ѣздитъ одна на вечеръ?

— Не ѣздила при Марьѣ Ивановнѣ; а теперь безъ нея, кто ей указъ? вздумала и поѣхала.

— Чу, баринъ!

— А что, докладывать ему, что Вѣра Михайловна еще не возвращалась, али нѣтъ?

— Къ чему жь докладывать? Только безпокоить будешь. Вѣдь не пропадетъ.

— Два часа пробило!

— Ну, что жь? нешто господа время считаютъ?

— И Мити по сю пору нѣтъ; онъ-то гдѣ?

— Не завалился ли гдѣ-нибудь какъ сѣрой котъ? Его вѣдь и не замѣтишь.

— Вездѣ искали.

— Стало-быть съ барышней поѣхалъ?

— Эва! сказалъ выѣздной Семенъ.

Толки продолжались до разсвѣта. Никто изъ людей и спать не ложился въ ожиданіи Сары.

Съ разсвѣтомъ карета пріѣхала и остановилась у конюшни. Извощикъ преспокойно слѣзъ съ козелъ.

— Гдѣ вы пробыли до сихъ поръ? спросили въ одинъ голосъ выбѣжавшіе изъ людской.

— Гдѣ пробыли? на бульварѣ пробыли.

— Какъ на бульварѣ?

— На бульварѣ, повторилъ извощикъ. Пріѣхали на бульваръ, барыня вышла да и пошла; а мнѣ говоритъ ступай на другой конецъ! У Никитскихъ воротъ я ее и ждалъ; да вотъ до сей поры ждалъ.

— Ты, вѣрно, проспалъ барышню-то?

— Къ чему жь мнѣ проспать-то ее? кликнула бы, я бы и подалъ.

Иванъ Артемьевичъ еще покоился крѣпкимъ утреннимъ сномъ, когда пріѣхала озабоченная чѣмъ-то Авдотья Петровна.

— Вѣра Михайловна еще спитъ? спросила она торопливо.

— Никакъ нѣтъ-съ.

— У себя въ комнатѣ?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Да гдѣ жъ она?

— Онѣ уѣхали-съ.

— Когда?

— Вчера еще передъ обѣдомъ уѣхали-съ.

— Прощай! проговорила Авдотья Петровна.—Иванъ Артемьевичъ спитъ себѣ?

— Изволитъ еще почивать.

— Будите!

И взволнованная Авдотья Петровна усѣлась въ гостиной.

— Что́ прикажите, Авдотья Петровна? проговорилъ Иванъ Артемьевичъ, выходя наконецъ изъ спальни.

— Нечего мнѣ приказывать-то тебѣ, мой батюшка; а вотъ скажи, гдѣ Вѣрушка-то?

— Да, странное дѣло! Вы, говорятъ, за ней пріѣхали; а ея дома нѣтъ... да и вчера тоже уѣхала и обѣда не заказала! срамъ! Я позвалъ кое-кого... Жены по сю пору нѣтъ, бросила домъ на руки дѣвочкѣ... не ходить же мнѣ за ней нянькой!

— Такъ ты еще и не знаешь, неповинная голова, что Вѣрушка со вчерашняго дня исчезла изъ дому?

— Какъ исчезла, Авдотья Петровна?...

— Да такъ, гдѣ она?

— Да почему жь я знаю?.. Эй! кто тутъ есть?.. Надо спросить людей...

— Не трудись, мой батюшка; я получила отъ нея очень почтительную записочку, въ которой она проситъ меня поблагодарить васъ за воспитаніе и за попеченіе о ней, въ которомъ она уже болѣе не нуждается.

— Какъ? куда жь она поѣхала?

— Это ея тайна.

— Тайна? скажите пожалуста! такая скромница... да съ кѣмъ же это она ушла?.. не съ Митей же, котораго также со вчерашняго дня нѣтъ дома.

— Неужели? и Митя пропалъ? Это однакоже странная вещь!.. сказала Авдотья Петровна, задумавшись.—ну, прощай, батюшка, я сегодня же пошлю нарочнаго къ Машѣ.

— Да, да, пожалуста, Авдотья Петровна; право безъ нея у меня весь домъ разбѣжится.

XXII.

Лонскій получилъ роковое письмое отъ тетки въ минуту огненныхъ мечтаній о близкомъ счастіи владѣть горделивою Сарой. Когда онъ читалъ гнѣвныя строки, упрекавшія его въ скрываемыхъ будто бы имъ сношеніяхъ съ своею невѣстой и въ безумныхъ долгахъ, которые онъ дѣлаетъ на великолѣпное ей приданое, чувства его мутились, серд-

це опало, затронутое самолюбіе напомнило весь холодъ и безотвѣтность Сары на всѣ его жертвенныя поклоненія.

Въ порывѣ раздраженныхъ и оскорбленныхъ чувствъ, Лонскій схватилъ дрожащею рукой перо, и написалъ, въ короткомъ отвѣтѣ теткѣ, презрительный отказъ Сарѣ.

Вмѣстѣ съ этимъ онъ рѣшился подавить въ себѣ всѣ страстныя воспоминанія о ней, но они врывались въ душу.

„А если все это клевета?“ подумалъ онъ.

Эта мысль стала преслѣдовать его; онъ мучился обвиняя себя въ довѣріи къ безсмысленному письму тетки. Немедленно взялъ онъ отпускъ въ Москву, и въ продолженіи пути страдалъ уже не за себя, а за Сару. Но изъ первыхъ словъ обрадованной пріѣздомъ его матери, онъ понялъ, что Сара уже для него не существуетъ.

— Не знаю, кто изъ насъ виноватъ, и кто былъ слѣпъ, ты или я, сказала ему Любовь Ѳедоровна: — но, слава Богу, что ты съ своимъ сердцемъ, а я съ своимъ приданымъ, оказались литними. Невѣста твоя исчезла; а поступка ея, послѣ согласія выйдти за тебя замужъ, я не понимаю... можетъ-быть тебѣ это болѣе извѣстно.“

— Тетушка, нужно ли мнѣ еще разъ повторять, что я съ ней ни нѣжныхъ, ни тайныхъ сношеній не имѣлъ, отвѣчалъ затронутый ея равнодушіемъ и словами Лонскій.

— Такъ тутъ есть какая-нибудь особенная тайна. Разсказываютъ про нее разныя исторіи, даже волшебныя сказки; но мнѣ теперь до нихъ дѣла нѣтъ... мать удовлетворитъ твое любопытство со всѣми подробностями.

— Подобныя исторіи и меня нисколько не занимаютъ... я въ одномъ только убѣдилась, что сердце матери не обманчивый вѣщунъ.

— Этихъ вѣщуновъ, милая, я также не понимаю, замѣтила Любовь Ѳедоровна.

Равнодушіе тетки ко всему, кромѣ своихъ собственныхъ причудъ, и постоянная ѣдкость и колкость языка ея были невыносимы для Лонскаго. Въ участіи матери онъ думалъ найдти для себя успокоеніе; но для раздраженныхъ чувствъ и ея утѣшенія были тягостны. Ей хотѣлось скорѣе излѣчить больную его душу.

— Можетъ-быть, ты теперь подумаешь о моихъ желаніяхъ, Алеша? сказала она ему чрезъ нѣсколько дней, нѣжнымъ тихимъ голосомъ, слегка испытывая его сердце.

— Не знаю, матушка; по крайней мѣрѣ, во мнѣ никакихъ желаній уже нѣтъ, отвѣчалъ онъ.

Лонская грустно вздохнула и закрыла лицо руками.

— Боже мой, проговорила она,—неужели для меня нѣтъ ни малѣйшей надежды на радость въ жизни?

Невольный ропотъ матери затронулъ глубоко Лонскаго.

— Чего хотите вы отъ меня? спросилъ онъ.

Она молчала.

— Матушка, зачѣмъ же эти слезы?

— Другъ мой, мнѣ легче когда я смотрю на тебя и плачу.

— Повторяю вамъ, чего же вы хотите отъ меня?

— Скажи мнѣ, должно ли любить равнодушныхъ къ намъ и пренебрегать любящихъ насъ?

— Это вопросъ для здороваго сердца, а не для разбитаго... о камень! задумчиво отвѣчалъ Лонскій матери.

На первый разъ этимъ заключился разговоръ, которымъ добродушная Лонская нетерпѣливо желала склонить сердце сына къ Лидіи.

Между тѣмъ, пріѣздъ Лонскаго въ Москву не надолго оставался тайной, хотя онъ никуда еще не показывался, отговариваясь болѣзнью. Надежды Марьи Ивановны въ отношеніи его возобновились; она слышала отъ Авдотьи Петровны, что онъ самъ отказался отъ Сары, и была почти увѣрена, что и намѣреніе его жениться на ней зависѣло болѣе отъ неспреклонной воли и внушеній причудливой тетки нежели отъ собственнаго увлеченія. Марья Ивановна объявила свои предположенія Авдотьѣ Петровнѣ.

— Если Лонскій пріѣхалъ, то это добрый знакъ. Разумѣется, послѣ сватовства на твоей воспитанницѣ, ему не ловко явиться въ домѣ, хотя онъ самъ отказался отъ Вѣры...

— Ахъ, не называйте ее этимъ именемъ, по крайней мѣрѣ при мнѣ! Ее зовутъ Сарой.

— Да вѣдь это твоя тайна съ княземъ Луцкимъ; но не въ томъ дѣло. Къ счастію, только тебѣ да мнѣ извѣстно и то, что Лонскій сватался на этой Сарѣ. Я поѣду къ теткѣ его. Любовь Ѳедоровна тотчасъ же выскажется на счетъ новыхъ своихъ намѣреній относительно племянника.

Авдотья Петровна не откладывала визита къ Любови Ѳедоровнѣ.

Послѣ разговора о здоровьѣ и прекрасной погодѣ, которая стоитъ въ продолженіи всей Святой, Любовь Ѳедоровна сама спросила о Сарѣ.

— Есть какія-нибудь извѣстія, куда она скрылась?.. Разумѣется, я не вѣрю, что у ней нашлись родные, и что она къ нимъ поѣхала.

— Но что же моей племянницѣ отвѣчать, чтобъ избавиться допросовъ о ней? Говорятъ, что она уѣхала за границу съ княземъ Иваномъ; но ужь съ его стороны, кажется, можно было бы понять въ семьдесятъ лѣтъ, что такой своенравной природѣ, какъ воспитанница Маши, нужны были только его деньги и полная свобода.

— Но какой низкій поступокъ относительно Алеши! Для чего же она соглашалась выйдти за него?

— Ну, еще бы! Нѣтъ сомнѣнія, что молодость и достоинства вашего племянника имѣли вліяніе на сердце дѣвушки. Еслибъ онъ былъ здѣсь, на лицо, то конечно побѣда осталась бы за сердцемъ.

— Ну! двуличія я терпѣть не могу; слава Богу, что Алеша избавился отъ нея! Она сбила бы его съ пути, и пошла бы моя денежка къ чорту.

— Я думаю онъ объ этой потерѣ мало и горюетъ; тѣмъ болѣе что это сватовство никому неизвѣстно, кромѣ насъ.

— Еслибы горевалъ, то вѣрно не пріѣхалъ бы съ своимъ горемъ ко мнѣ.

— А онъ здѣсь?

— Разумѣется, еще бы не пріѣхалъ на праздники!..

— Вы пожалуста скажите ему, что ни я, ни Маша нисколько не въ претензіи на него за отказъ Вѣрушкѣ. По причинѣ ли этого отказа, или нѣтъ, она пріискала себѣ покровителя; но во всякомъ случаѣ Маша радехонька, что избавилась отъ ея невыносимыхъ причудъ и капризовъ. Теперь только созналась она, что это было за зелье.

— Для чего же она меня не предупредила?

— Какъ же бы она это сдѣлала, имѣя дочерей невѣстъ, а можетъ-быть и имѣя надежды... Какъ бы вы приняли это предупрежденіе; да и какъ рѣшиться лишать счастія дѣвушку?

— Правда; надѣюсь однакоже, что это обстоятельство не разстроило насъ съ Марьей Ивановной.

— Она была бы давно у васъ, еслибъ была увѣрена, что поступокъ ея воспитанницы не измѣнилъ вашихъ добрыхъ отношеній къ ней.

— Нисколько, Авдотья Петровна; на счетъ же Алеши скажу вамъ, что я дала себѣ слово въ его сердечныя дѣла не мѣшаться. У него есть мать, да еще съ материнскимъ сердцемъ вѣщуномъ.

— Я и сама то же сказала Машѣ, которая сбила меня съ толку своимъ вѣщуномъ, проговорила въ тонѣ Любови Ѳедоровны хитрая Авдотья Петровна.

— Я терпѣть не могу этихъ вѣщуновъ! Впередъ ничего не отгадаешь.

— Я и сама той же вѣры, Любовь Ѳедоровна, заключила Авдотья Петровна, вставая съ мѣста.

Чрезъ нѣсколько дней и Марья Ивановна, съ трепетнымъ сердцемъ, пріѣхала къ Любови Ѳедоровнѣ; но, встрѣченная радостнымъ и радушнымъ взглядомъ матери Лонскаго, она успокоилась. Надежда ея воскресла. То же самое чувство испытала и мать Лонскаго; но сомнѣніе въ сынѣ еще тревожило ее.

— Алеша, сказала она ему послѣ свиданія съ Марьей Ивановной,—у насъ была Лиговская...

— Матушка! высказывая ваши желанія, вы мнѣ приказываетс; но вы знаете, что я вамъ покоренъ... отвѣтилъ онъ на слова матери.

— О, нѣтъ избави Богъ! Я не хочу тебѣ приказывать. Я хочу твоей доброй воли. Я сказала о Лиговской только потому, что мнѣ кажется...

— Что вамъ кажется, матушка? Договорите.

— Что ея пріѣздъ къ намъ... Ахъ, Боже мой! Алеша, вѣдь она мать Лидіи, которой ты оказывалъ вниманіе, подавалъ надежды, которая повѣрила имъ... которая не знаетъ что ты предпочелъ ей другую!..

Эти слова поразили Лонскаго, онъ вскочилъ, бросился къ матери, припалъ къ плечу ея.

— Матушка, довольно! Я виноватъ и передъ Лидіей и передъ вами! Я заглажу вину мою, я исполню ваше желаніе!

Тронутая до глубины сердца, Лонская замолчала; но слезы ея капали на голову сына.

Казалось, сознавъ свое безуміе, онъ мгновенно исцѣлился отъ пожиравшей его страсти. На другой день онъ уже былъ вмѣстѣ съ матерью у Лиговскихъ. Взглянувъ на Лидію, онъ вспыхнулъ.

Никогда взоръ Лидіи не былъ такъ свѣтелъ, и никогда еще не видалъ Лонскій такого безоблачнаго голубаго неба...

Онъ, казалось, поддался этому очарованію.

XXIII.

Когда Марья Ивановна возвратилась въ Москву, въ домѣ Лиговскихъ все пошло обычнымъ порядкомъ. Сары какъ будто въ немъ никогда и не бывало. Марья Ивановна отклоняла всѣ напоминанія и намеки о ней. Она была увѣрена, что Сара уѣхала съ княземъ Иваномъ Юрьевичемъ за границу, рада была этому, и какъ-то невольно оправдывала ея поступокъ и ея рѣшимость предпочесть княжество, богатство и свободу замужству съ вѣтренымъ Лонскимъ. Лидія при Сарѣ была какъ будто связана, какъ будто боялась ея; безъ Сары, она стала свободнѣе, веселѣе и развязнѣе. Когда же Лонскій явился снова въ домѣ, Лидія вполнѣ ожила, и не томилась уже тѣмъ пугливымъ, мучительнымъ чувствомъ, которое она испытывала при Сарѣ.

Надежды Марьи Ивановны относительно Лидіи возобновились, она была спокойна: Сара не могла уже ихъ нарушить, и Потапъ Савичъ, заставъ Лонскаго бесѣдующимъ съ Лидіей, по праву домашняго комика спросилъ ее, указывая на нихъ:—можно надѣяться? Вмѣсто отвѣта, Марья Ивановна усмѣхнулась. Этого было для него достаточно, чтобъ убѣдиться, что дѣло кончено, и поторопиться развезти пріятную новость по Москвѣ.

Проѣзжая мимо одного великолѣпнаго дома, Потапъ Савичъ, замѣтивъ у подъѣзда карету, крикнулъ:—стой!

Вѣрно Софья Петровна пріѣхала изъ Петербурга! проговорилъ онъ самъ себѣ.—Барыня здѣсь?

— Здѣсь, отвѣчалъ кучеръ.

Потапъ Савичъ соскочилъ съ дрожекъ, и вошелъ въ обширныя сѣни—никого нѣтъ; поднялся на лѣстницу, подставилъ себя человѣку бывшему тутъ, чтобъ снялъ съ него шинель, и двинулся въ залу.

Въ слѣдующей комнатѣ заслышалъ онъ женскій звучный голосъ, и зашаркалъ прямо въ двери.

Тутъ, дама въ бархатномъ бурнусѣ и въ соломенной шляпкѣ, украшенной страусовыми перьями, разсматривала планъ дома, который придерживалъ молодой человѣкъ, видимо художникъ.

— Въ этой комнатѣ вы мнѣ сдѣлайте карнизы розе съ позолотой, и обои, вмѣсто раскрашенныхъ стѣнъ въ глупомъ помпейскомъ вкусѣ.... и чтобы все было готово чрезъ двѣ недѣли.

— Время зависитъ отъ цѣны, сказалъ художникъ.

— Я не о цѣнѣ говорю, отвѣчала дама.

Художникъ поклонился. Дама пошла въ противоположныя двери.

— Софья Петровна позволитъ мнѣ поздравить ее съ пріѣздомъ, сказалъ Потапъ Савичъ, шаркая вслѣдъ за дамой.

Она оглянулась.

— Вѣра Михайловна! вскрикнулъ Потапъ Савичъ, разбросивъ руки отъ удивленія: — васъ ли я вижу?

— Потапъ Савичъ... сказала Сара, смутясь отъ нежданной встрѣчи.

— Онѣмѣлъ, онѣмѣлъ, совсѣмъ онѣмѣлъ, языкъ отнялся, не вѣрю глазамъ—обманываютъ! Думаю видѣть хозяйку дома... метаморфозъ, превращеніе.

— Отчего же я не могу быть хозяйкой этого дома?

— Позвольте опомниться... въ нѣсколько дней цѣлое свѣтопреставленіе!... Вы—ужъ хозяйка дома, князь Луцкій—возстаніе изъ мертвыхъ.... но какая у него дочь!... очарованіе изъ очарованій, и также, какъ вы, Вѣра Михайловна...

Живой румянецъ мгновенно потухъ на щекахъ Сары.

— Въ самомъ дѣлѣ, сколько новостей! проговорила она съ принужденною усмѣшкой, усиливаясь сказать что-нибудь.

— Это еще не все... Лонскій—помните, такой писаный?—явился снова въ Москвѣ, сію минуту только видѣлъ его у Маріи Ивановны, и, кажется, есть надежда, что страстная любовь его наконецъ увѣнчается...

— Вы меня заговорили, а меня ждутъ, сказала вдругъ Сара, и порывисто отворотясь отъ Потапа Савича, пробѣжала черезъ залу, и исчезла изъ глазъ Потапа Савича. Поднявъ оброненный ею платокъ, онъ торопливо зашар-

калъ вслѣдъ за нею; но карета далеко уже умчалась отъ подъѣзда.

„Это что жь за видѣніе? спросилъ самъ себя Потапъ Савичъ, стоя на крыльцѣ: Марья Ивановна говоритъ, что она уѣхала изъ Москвы, съ какимъ-то отыскавшимся роднымъ; Варвара Сергѣевна говоритъ за тайну, что она уѣхала съ княземъ Иваномъ Юрьевичемъ за границу; всѣ прочіе говорятъ это вслухъ... кого жь я видѣлъ?“

Повторяя этотъ вопросъ, Потапъ Савичъ сѣлъ на дрожки, имѣя уже въ запасѣ двѣ полновѣсныя новости для сообщенія кому слѣдуетъ.

Между тѣмъ Сара, проѣхавъ довольно значительное разстояніе, вдругъ спохватилась и вскрикнула: „я объ немъ и забыла!“ и приказала ѣхать назадъ къ дому.

На лицѣ ея въ первый разъ выразилось что-то зл вѣщее, глаза какъ будто искали какой-то жертвы. Она выскочила изъ кареты, вошла въ домъ, пробѣжала длинный рядъ меблированныхъ, но пустыхъ комнатъ, и отворила дверь въ кабинетъ. Здѣсь, князь Иванъ Юрьевичъ, утомясь отъ обхода для осмотра дома, сидѣлъ въ широкихъ креслахъ-розвальняхъ, погруженный въ какую-то дремоту думы.

— Князь, мы ѣдемъ за границу! сказала ему отрывисто Сара:—я не хочу оставаться въ Москвѣ!.. Поѣдемте...

— Это было ваше желаніе; но вотъ видите ли, chère, какъ въ васъ благоразуміе беретъ всегда верхъ... хорошо, что можно еще отказаться отъ дома и пропадетъ только задатокъ.

— Поѣдемте, повторила Сара.

Князь взялъ ее подъ руки, они вышли изъ дому, и сѣли въ карету, приказавъ ѣхать домой.

Ввечеру Потапъ Савичъ явился къ Лиговскимъ; расшаркавшись и проговоривъ всѣ титулы почтенныхъ особъ засѣдавшихъ въ гостиной, онъ обратился снова къ хозяйкѣ и торжественно возгласилъ:

— Имѣлъ удовольствіе нежданно, негаданно встрѣтиться сегодня и побесѣдовать съ прекрасною вашею воспитанницей, Вѣрой Михайловной!

— Гдѣ, батюшка? во снѣ? спросила Авдотья Петровна, взглянувъ на Марью Ивановну, которая поблѣднѣла отъ этой новости.—Ты кажется тронутъ ею и грезишь.

— Бываютъ видѣнія, сновидѣнія, грезы и бредъ; но я

еще не въ бѣлой горячкѣ. Въ бывшемъ домѣ Строгиной, я видѣлъ новую хозяйку—Вѣру Михайловну.

И Потапъ Савичъ длиннымъ комическимъ монологомъ разказалъ встрѣчу съ Сарой, и подалъ въ доказательство оброненный ею платокъ съ отмѣткой.

Марья Ивановна взглянула съ отвращеніемъ, и не взяла его изъ рукъ Потапа Савича.

— Ты, батюшка, рехнулся представлять такія комедіи! сказала Авдотья Петровна съ сердцемъ.

— Просто comedia divina, продолжалъ Потапъ Савичъ, держа платокъ, какъ профессоръ магіи, и показывая его всѣмъ присутствующимъ. — Въ домѣ Строгиной является видѣніе, духъ Вѣры Михайловны, и исчезая, роняетъ вотъ эту матеріяльную вещь... Впрочемъ, можетъ-быть лиобатистъ относится къ духовнымъ матеріямъ?

— Эта забавная комедія однакоже довольно серіозна, сказалъ Ранѣевъ, бесѣдовавшій съ Марьей Ивановной и именно насчетъ Сары.—Чего добраго, она, можетъ-быть, и здѣсь. Сейчасъ же отправлюсь на слѣдствіе.

— Ахъ, оставьте пожалуста! сказала Марья Ивановна.

— Нѣтъ, позвольте, не могу!

Ранѣевъ взялъ шляпу и немедленно же отправился въ извѣстный ему домъ Строгиной. Долго звонилъ онъ у подъѣзда, но никто не отозвался. Пошелъ къ воротамъ. У воротъ сидѣлъ на ночномъ караулѣ дворникъ.

— Это домъ Строгиной?

— Нѣтъ, купленъ, отвѣчалъ дворникъ.

— Кто жъ купилъ?

— Ульяна Трифоновна.

— Кто такая?

— Купчиха.

— Никакого выхода! вскричалъ Ранѣевъ.

— Какъ нѣтъ выхода? сказалъ дворникъ:—и входъ и выходъ есть съ улицы.

Ранѣевъ возвратился къ Лиговскимъ.

— Домъ Строгиной дѣйствительно купленъ, сказалъ онъ, входя въ гостиную.

— Изволите видѣть! крикнулъ Потапъ Савичъ.

— Новая хозяйка его купчиха Ульяна Трифоновна.

Всѣ захохотали. Марья Ивановна успокоилась.

Потапъ Савичъ разбросилъ отъ изумленія руки и сталъ какъ вкопаный.

— Чудеса! проговорилъ онъ:—такъ являются только послѣ смерти!

XXIV.

Марья Ивановна и мать Лонскаго, въ дружественныхъ изліяніяхъ, намекали уже слегка другъ другу о возможности породниться.

Въ Лонскомъ проявлялись уже мгновенія новаго увлеченія; но передъ рѣшительною минутой онъ возвратился домой съ чувствами, которыя снова завели борьбу на жизнь и смерть; человѣкъ его, вынувъ изъ кармана письмо, подалъ ему.

— Отъ кого это?

— Приходилъ какой-то человѣкъ и просилъ отдать вамъ съ глазу на глазъ.

Лонскій взглянулъ на адресъ женской руки, развернулъ письмо, пробѣжалъ нѣсколько словъ и поблѣднѣлъ; потомъ онъ положилъ письмо передъ собой, сжалъ руки, и, не сводя съ него глазъ, безмолвно, неподвижно сидѣлъ надъ нимъ, какъ убитый, и казалось перечитывалъ написанное:

„Между нами все кончено. Эти нѣсколько строкъ я пишу вамъ невольно. Всѣ коварныя клеветы взведенныя на меня кажутся мнѣ страшны только въ отношеніи къ вамъ. Теперь, извлеченная изъ бездны, въ которую ненавидѣвшіе меня бросили бѣдную сироту, я могу вамъ сознаться во всемъ. Я виновата передъ вами, я избѣгала васъ вопреки движеніямъ своего сердца, думая исполнять этимъ обязанность мою передъ семействомъ, въ которомъ воспитывалась. Я виновата передъ ними, что была безсильна въ борьбѣ сама съ собою, и согласилась на ваше предложеніе. Мнѣ этого не простили; но месть и коварство были уже слишкомъ безчеловѣчны. Судите меня, я вамъ откроюю и послѣднюю мою тайну, кто мой истинный благодѣтель, который съ младенчества полюбилъ меня какъ родную дочь, который взялъ меня изъ дому Л. подъ свой покровъ, который наконецъ предлагаетъ мнѣ все свое достояніе... это князь Иванъ Юрьевичъ. Когда вы получите это письмо, я буду уже за границей. Еще сознаніе: я васъ любила и

люблю страстно... Прощайте! я все сказала что давно желала сказать вамъ. W.“

Какъ будто вдругъ очнувшись отъ усыпленія, Лонскій вскочилъ съ мѣста, крикнулъ своего человѣка, приказалъ подать карету, немедленно же уложиться въ дорогу,—и—никому ни слова!

Отдавъ приказаніе, онъ написалъ на почтовомъ листѣ:

„Матушка! мнѣ здѣсь не возможно болѣе оставаться, я ѣду, мнѣ надо ѣхать. Я не могу этому доброму существу Л. платить за любовь любовью — я неблагодаренъ, что жь дѣлать? но если я на ней женюсь, я погублю и ее и себя, я буду преступникъ.“

Записка на имя матери пролежала на столѣ до вечера.

Когда хватились Лонскаго въ домѣ, онъ уже былъ далеко.

Письмо отчаянной матери въ Петербургъ не застало его тамъ; онъ уже былъ за границей.

Прошло лѣто и осень. Къ зимѣ князь Иванъ Юрьевичъ возвратился въ Москву. Замѣтно охилѣлъ онъ въ это короткое время.

— А княгиня? спросилъ его кто-то, при Ранѣевѣ.

— Какая? спросилъ сурово и князь.

— Но вѣдь вы, князь, женились, какъ говорятъ.

— Когда?

Ранѣевъ посмотрѣлъ на князя и пожалъ плечами; но не отъ недоумѣнія, какъ обычно; онъ выдержалъ свой характеръ и все выслѣдилъ. Блѣдными призраками пронеслись въ воображеніи его нѣсколько еще недавно цвѣтущихъ существъ, которыя увяли отъ роковаго взгляда Сары; но онъ вздохнулъ и о ней.

А. ВЕЛЬТМАНЪ.

ПОЛЬСКІЕ СЕЙМИКИ

И

НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ НРАВОВЪ

ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVIII ВѢКА

Pamiętniki Kajetana Kożmiana obejmyjące wspomnienia od roku 1780 do roku 1815. Познань, 1858 г., 2 тома.

Мемуары Кожмяна, несмотря на довольно-значительный объемъ, заключаютъ въ себѣ мало данныхъ для разъясненія главныхъ политическихъ событій; за то они представляютъ много яркихъ подробностей для характеристики современнаго ему поколѣнія и государственнаго быта Польши. Въ этомъ отношеніи они напоминаютъ извѣстные мемуары Паська, уступая послѣднимъ однако въ интересѣ и простотѣ изложенія.

Авторъ между прочимъ описываетъ два современныя ему поколѣнія шляхты. Старшее изъ нихъ воспиталось подъ вліяніемъ очень тяжелой среды. Въ дѣтствѣ своемъ отъ грозной отцовской власти оно обыкновенно переходило къ власти педагоговъ, еще болѣе грозной, то-есть въ іезуитскія школы. Здѣсь господствовала схоластика, безсозна-

тельное зубреніе и безпощадные батоги. Между тѣмъ какъ умственныя силы развивались очень туго и односторонне, физическое развитіе совершалось съ гораздо-бо́льшимъ успѣхомъ. Во время рекреацій юноши учились драться на палкахъ; слѣдствіемъ этихъ упражненій часто были разбитыя и окровавленныя физіономіи; но за то шляхтичи умѣли хорошо владѣть саблею и привыкали не обращать большаго вниманія на раны. При такихъ условіяхъ воспитанія не трудно догадаться, какіе элементы вносило въ общественную жизнь это поколѣніе, когда достигало самостоятельности. Суровое обхожденіе, испытанное имъ въ молодости, оно въ свою очередь переносило на дѣтей, слугъ и вообще людей зависимыхъ, беззащитныхъ. Въ прежнія времена, врожденное Полякамъ мужество и искусство владѣть палашомъ имѣли прямое приложеніе къ дѣлу, когда приходилось отбивать казацкія копья, турецкіе и татарскіе булаты. Но теперь война требовала другаго оружія; притомъ и Польша во времена саксонскихъ Августовъ по большей части наслаждалась глубокимъ миромъ съ сосѣдями. Отсюда въ странѣ сильно размножилось число праздныхъ, безполезныхъ рубакъ и буйныхъ молодцовъ. Свою отвагу и энергію они растрачивали на *запъзды* и на разные подвиги во время сеймиковъ, ярмарокъ, праздниковъ и проч. Рѣдко происходило собраніе, на которомъ бы не ссорились, не вызывали и не рубились. Вообще шляхетское поколѣніе, воспитавшееся во времена двухъ саксонскихъ Августовъ, поражаетъ насъ сильнымъ упадкомъ общественной нравственности. При своихъ буйныхъ наклонностяхъ оно отличалось странными понятіями о чести, пьянствомъ, разнаго рода фанатизмомъ и склонностію къ подкупамъ. Авторъ мемуаровъ называетъ нѣсколько шляхетскихъ фамилій въ Люблинскомъ воеводствѣ, которыя болѣе другихъ славились упомянутыми качествами.

Совершенно противоположными красками описываетъ Кожмянъ другое поколѣніе (къ которому онъ относитъ и себя), образовавшееся во времена Станислава-Августа Понятовскаго. Это поколѣніе воспиталось въ школахъ открытыхъ „учебною коммиссіей“, которая была учреждена при Понятовскомъ. Ясность и простота преподаванія, вмѣстѣ съ мягкимъ обхожденіемъ учителей, сообщали воспитанникамъ новыхъ школъ гуманное направленіе и вѣжли-

вость, составлявшія разительный контрастъ съ суровымъ обхожденіемъ шляхтичей стараго покроя. Эти послѣдніе однако долго не хотѣли сознаться въ превосходствѣ новаго метода, и говорили, будто старый вырабатывалъ болѣе твердости и энергіи въ характерахъ; упрекали между прочимъ новыя школы и въ томъ, что онѣ пренебрегаютъ физическими упражненіями. Воспитанники новыхъ школъ отвѣчали, что они не пренебрегаютъ физическими упражненіями, а только упражняются другимъ, лучшимъ способомъ чѣмъ прежде. Вмѣсто драки на палкахъ, они учились владѣть карабинами, и въ рекреаціонные дни ходили для этого за городъ подъ предводительствомъ профессоровъ, напѣвая стихи Красицкаго: „Swięta miłości kochanéj ojczyzny“, или маршъ Нарушевича:

Królu, któryś naród oświecił,
Męztwo, cnotę, honor w nim wzniecił.

Въ 1792 году, когда пришлось оружіемъ отстаивать независимость отечества, на дѣлѣ выказалось превосходство болѣе образованнаго поколѣнія и его горячій патріотизмъ. Немногіе питомцы іезуитскихъ школъ стали въ ряды воиновъ; да и эти немногіе далеко не обнаружили своей обычной неукротимой отваги. Между тѣмъ какъ воспитанники школъ учебной коммиссіи, піаристовъ и театиновъ (Костюшко, Понятовскій, Мокрановскій, Потоцкій и др.) мужественно проливали свою кровь на полѣ битвы, бригада Бѣрнацкаго, составленная по большей части изъ усатыхъ буяновъ (и названная „капотовою“ отъ своихъ бѣлыхъ плащей), подъ Дубенкой обратила тылъ, и произвела безпорядокъ въ войскѣ. Во время возстанія Костюшки, первые люблинскіе рубаки и удальцы вели себя довольно оригинально [1]. Одинъ изъ нихъ, нарядившись въ какую-то звѣриную шкуру, чтобъ походить на Ахиллеса, все время возстанія разъѣзжалъ по улицамъ Люблина, и вербовалъ подобныхъ себѣ удальцовъ. Онъ формировалъ легіонъ, отличительнымъ знакомъ котораго должна была служить мертвая голова, а девизомъ слова: „смерть или побѣда“; но ни вождь, ни легіонъ его не явились на поле сраженія. Другой представитель молодечества легъ въ постель и оказался болѣнъ

[1] Кожмянъ былъ уроженецъ Люблинскаго воеводства, и преимущественно имѣетъ въ виду свою провинцію.

подагрой, хотя во время только что оконченнаго сеймика очень успѣшно рубился на улицахъ съ своею братіей-шляхтою. Но лучшее поколѣніе было еще очень малочисленно и не могло имѣть рѣшительнаго вліянія на послѣдующія судьбы польской націи.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ XVIII вѣка, между аристократами Люблинскаго воеводства, выдался особенно Казимиръ Сапѣга, который женился на богатой вдовѣ князя Сангушко, и сдѣлался паномъ обширныхъ Сангушковыхъ владѣній, приносившихъ 300.000 злотыхъ ежегоднаго дохода. Мать его, сестра гетмана Ксаверія Браницкаго, нѣкогда фаворитка короля, была извѣстна своимъ бойкимъ характеромъ и опытностію въ дѣлѣ интригъ. Руководимый ея совѣтами, молодой Сапѣга скоро захватилъ въ свои руки большое вліяніе на мѣстную шляхту, и по обычаю польскихъ аристократовъ началъ господствовать на сеймикахъ, то-есть по произволу выбирать земскіе чины, депутатовъ люблинскаго трибунала и сеймовыхъ пословъ [1]. Вліянію Сапѣги много способствовала близость къ Люблину его резиденціи, Любартова, въ которомъ часто и щедро угощалась окрестная шляхта. Однако неискусное и неумѣренное пользованіе этимъ вліяніемъ на мѣстныя дѣла вызвало наконецъ сильный отпоръ со стороны большинства.

Въ числѣ своихъ кліентовъ Сапѣга считалъ Андрея Кожмяна (отецъ автора мемуаровъ), одного изъ зажиточныхъ и уважаемыхъ обывателей (помѣщиковъ) той провинціи. Послѣдній въ качествѣ адвоката оказалъ многія услуги гетману Браницкому, и потому пользовался расположеніемъ его сестры и племянника. Однажды Казимиръ, находясь въ обществѣ многихъ обывателей, былъ особенно ласковъ съ Кожмяномъ.

— Пора тебѣ, панъ ловчій, оставить адвокатуру, сказалъ Сапѣга:—Богъ далъ тебѣ достатокъ; пора начать службу

[1] „Депутатами“ собственно назывались выборные члены трибунала (высшаго суда); а представители шляхетства на сеймѣ назывались „послами.“ Соотвѣтственно этому различались сеймики депутатскіе и предсеймовые. Кромѣ того были сеймики: „элекційные“, на которыхъ выбирались нѣкоторые земскіе чины (каковы: подкоморій, судья, подсудекъ и писарь), „экономичные“, на которыхъ обсуждались мѣстныя нужды (дороги, мосты и т. п.), и др.

намъ, твоимъ землякамъ. Попросимъ его быть депутатомъ на слѣдующій трибуналъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ присутствующимъ.

— Ваша княжеская милость забываешь, отозвался Кожмянъ,—что очередь выбирать приходится за Луковскою землей; а я не имѣю тамъ большихъ связей, и слѣдовательно не могу питать надежду.

— Положись, панъ, на меня, отвѣчалъ князь:—Луковская земля въ моихъ рукахъ. Выпьемъ за здоровье будущаго депутата!

Чокнулись бокалами. Кожмянъ принялъ предложеніе князя и обывателей.

Но случилось такъ, что его милость, князь Сапѣга, встрѣтилъ на балу хорошенькую жену Ястшембскаго, дочь люблинскаго подстаросты Суходольскаго; она только что вышла замужъ и жила также не далеко отъ города. Князь началъ учащать свои визиты къ молодой четѣ. Кокетливая, жаждущая свѣтскихъ удовольствій, Ястшембская замѣтила князю, что она охотно поселилась бы въ Люблинѣ, еслибъ ея мужъ былъ выбранъ депутатомъ. Сапѣга съ большимъ удовольствіемъ взялся исполнить ея желаніе, и немедленно, въ присутствіи ея отца, выпилъ за здоровье будущей пани депутатовой. Суходольскій былъ свидѣтелемъ торжественнаго предложенія депутатства Кожмяну, и напомнилъ о немъ Сапѣгѣ.

— Кожмянъ можетъ подождать до слѣдующаго года, отвѣчалъ князь.

Между тѣмъ Луковская земля, не зная ничего о перемѣнѣ княжескихъ мыслей, заявила Кожмяну, что она охотно отдаетъ свои голоса въ его пользу. Вскорѣ послѣдній съ большимъ удивленіемъ узналъ, что въ луковскихъ и люблинскихъ селахъ агенты князя вербуютъ голоса въ пользу Ястшембскаго. Онъ рѣшился ждать объясненій, и пока не дѣлалъ никакихъ попытокъ противодѣйствія. Но наиболѣе значительные обыватели Луковской и Люблинской провинцій, задѣтые заживое слишкомъ безцеремоннымъ произволомъ, говорили, что они не желаютъ быть игрушкою молодаго князя и унижать почтеннаго, заслуженнаго человѣка, котораго сами же упросили быть кандидатомъ. Предупрежденный объ общемъ неудовольствіи, Сапѣга за четыре

недѣли до сеймика пріѣхалъ къ Кожмяну, и притомъ въ довольно-нетрезвомъ видѣ.

— На этотъ годъ пану уже нельзя быть депутатомъ, сказалъ онъ:—я обѣщалъ Ястшембскому; а пана выберемъ на будущій годъ.

— Благодарю покорно пана князя, отвѣчалъ старикъ.—Я готовъ хоть навсегда отказаться отъ кандидатуры; но пусть князь попроситъ обывателей уволить меня отъ даннаго мною согласія; а до тѣхъ поръ я не могу располагать своимъ словомъ. Надѣюсь, что князь не забылъ своихъ рѣчей; если же измѣнилъ свои мысли, то по крайней мѣрѣ не будетъ того же требовать и отъ меня.

— Панъ хочетъ со мной тягаться? закричалъ Сапѣга:— слишкомъ малъ для этого.

— Князь, отвѣчалъ съ достоинствомъ ловчій,—хотя у меня и было намѣреніе отступиться, но знай, что съ этой минуты я не отступлю; пусть обыватели разсудятъ между нами.

Разсерженный магнатъ тотчасъ оставилъ Кожмяна. Теперь обѣ стороны ревностно принялись дѣйствовать и разсылать пріятелей по селамъ между мелкою шляхтой. Въ распоряженіи Кожмяна оказалось много молодыхъ людей, которые готовились подъ его руководствомъ къ поприщу адвокатовъ; притомъ въ Люблинскомъ воеводствѣ не было шляхетскаго селенія, въ которомъ бы у него не нашлось дальнихъ родственниковъ или сватовъ. Въ Луковской землѣ у него были пріятели: Ласкій—земскій судья, Ястшембскій—подсудокъ (однофамилецъ вышеупомянутаго) и Домашевскій—городской судья; они собирали голоса въ его пользу. Съ своей стороны Сапѣга набралъ до пяти сотъ люблинской и луковской шляхты; но, видя что сторона противника многочисленнѣе, прибѣгнулъ къ подкупу. Съ этою цѣлью онъ обратился къ тремъ люблинскимъ банкирамъ; но тѣ, будучи старыми пріятелями Кожмяна, отвѣчали князю, что до сеймика денегъ въ займы не дадутъ, а послѣ сеймика сколько угодно. Сапѣга не остановился передъ подобнымъ препятствіемъ. Онъ поспѣшилъ въ Варшаву и занялъ у столичныхъ банкировъ нѣсколько тысячъ червонныхъ злотыхъ. Между варшавскою молодежью онъ такъ усердно трубилъ о своей близкой побѣдѣ и возбудилъ такой интересъ къ предстоявшей борьбѣ, что нѣсколько праздно-

шатавшихся магнатовъ отправились съ нимъ въ Люблинъ, чтобъ быть свидѣтелями этой борьбы.

Насталъ день сеймиковъ. Толпы сельской шляхты наполнили городскія улицы. Гарнизонъ вышелъ изъ города, а трибуналъ закрылъ свои засѣданія на 24 часа. Сеймикъ начался обѣднею въ костелѣ доминикановъ. На одной сторонѣ сталъ Сапѣга съ своими пріятелями, окруженный группою отборныхъ гетманскихъ рубакъ; на другой сторонѣ былъ Кожмянъ съ толпою благопріятствовавшихъ ему обывателей и почти со всею молодежью *палестры* (училища адвокатовъ). Въ срединѣ находились воеводскіе чины, лавки костела были заняты публикой, въ рядахъ которой помѣстились варшавскіе пріятели Сапѣги, одѣтые по французской модѣ, то-есть напудренные и при шпагахъ. Провинціяльная шляхта подсмѣивалась и передразнивала этихъ столичныхъ франтовъ, отступниковъ національной старины. Когда обѣдня кончилась, старшій чиновникъ открылъ совѣщанія сеймика и предложилъ кандидатовъ въ маршалы (президентъ сеймика). Тотчасъ поднялся шумный споръ. „Прочь Ястшембскаго, луковскаго подсудка, онъ извѣстный пріятель Кожмяна!“ кричала партія Сапѣги. „Прочь Суходольскаго!“ еще громче провозглашала болѣе многочисленная сторона его противниковъ. Посреди этого шума вдругъ Кожмянова партія узнаетъ, что Суходольскій уже присягаетъ на маршальство въ каплицѣ. Тогда одинъ изъ горячихъ сторонниковъ этой партіи, молодой адвокатъ, Янъ Дмуховскій, кричитъ: „или я не буду живъ, или Кожмянъ будетъ депутатомъ,“ и съ толпой своихъ товарищей бросается въ каплицу. Въ одну минуту они опрокинули столикъ, разорвали актъ присяги, выгнали палашами противниковъ, и пригласили присягнуть подсудка Ястшембскаго. Тщетно Сапѣга, ставъ на лавку, хотѣлъ говорить, а партія его вопила: *nie pozwolamy!*—Ястшембскій присягнулъ на маршальство, и спросилъ имена кандидатовъ въ трибуналъ. Земскій судья Ласкій назвалъ Кожмяна; а Сапѣга—Казиміра Ястшембскаго. Повторилась прежняя сцена. Сапѣга, видя что его протестація остается безъ вниманія, схватился за саблю съ словами: „когда такъ, то пусть она разсудитъ!“ Но его тотчасъ столкнули съ лавки; не защитили и гетманскіе рубаки. На этотъ гвалтъ вышелъ изъ сакристіи доминиканскій пріоръ съ дарами въ рукѣ.

Онъ заклинаетъ собраніе успокоиться; но его никто не слушаетъ. Разгоряченная партія Кожмяна бьетъ и рубитъ своихъ противниковъ. Сапѣга бросился подъ лавку; но, угрожаемый однимъ полупьянымъ шляхтичемъ, онъ бѣжитъ отсюда и прячется подъ мантію пріора. Шляхтичъ и тутъ хочетъ его рубить; пріоръ пытается остановить ударъ и получаетъ рану въ палецъ. Кровь брызнула на ступени алтаря. Но толпа не обращаетъ на это вниманія, и принимается за варшавскихъ франтовъ, бьетъ ихъ, рветъ съ нихъ букли и выгоняетъ изъ костела. Сапѣга потихоньку ускользнулъ черезъ сакристію; партія его была уже вся изгнана. Тогда побѣдители запираютъ двери костела, и единогласно выбираютъ Кожмяна. Затѣмъ изъ предосторожности, чтобъ озлобленные противники не собрались въ другомъ мѣстѣ и не раздвоили вѣча, шляхта цѣлую ночь стерегла всѣ костелы, и разошлась тогда только, когда узнала, что Сапѣга въ ту же ночь уѣхалъ въ Любартовъ.

Въ 1788 г. авторъ мемуаровъ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ (въ то время уже земскимъ судьей) поѣхалъ въ Люблинъ, дня за два до сеймика. Подъѣзжая къ городу, увидѣли они густыя облака дыму, разстилавшіяся на лугахъ около рѣки Быстрицы. Вскорѣ передъ ними открылся большой лагерь, похожій на кочевья татарской орды. Между разнообразными шатрами и шалашами пылали очаги, на которыхъ жарились цѣлыя четверти быковъ, тутъ же зарѣзанныхъ. Посреди табора на столахъ, скамейкахъ и просто на землѣ обѣдали группы людей; другіе засѣдали вокругъ чановъ съ горѣлкою и бочекъ съ пивомъ или медомъ, и провозглашали виваты. Были и такія группы, которыя упражнялись въ искусствѣ владѣть палашами. Тутъ же подлѣ паслось нѣсколько сотъ лошадей. Столько же одноконныхъ подлясскихъ повозокъ, съ поднятыми вверхъ оглоблями, съ двухъ сторонъ замыкали таборъ. „Что это такое?“ спросилъ Кожмянъ у встрѣчныхъ шляхтичей. Оказалось, что то была *партія* избирателей, которую призвалъ изъ Подляхіи князь Адамъ Чарторижскій для выбора себя и шести своихъ товарищей въ сеймовые послы.

Между тѣмъ и въ городѣ, улицы были наполнены толпами той же подлясской шляхты. Едва Кожмянъ пріѣхалъ въ свою квартиру, какъ явилось къ нему нѣсколько обывателей съ жалобами: кругомъ не было никакой безопас-

ности; на улицу нельзя показаться, не рискуя подвергнуться оскорбленію или побоямъ; въ городѣ и въ жидовскомъ предмѣстьѣ принуждены были запереть лавки; но шляхта сбивала запоры и производила грабежи. Обыватели просили Кожмяна ходатайствовать у князя, чтобъ онъ удалилъ эту полудикую орду, запретилъ бы ее поить и пускать въ городъ. Кожмянъ вошелъ въ объясненія съ приближенными Чарторижскаго; оказалось, что князь уже поручилъ предводителямъ каждой подлясской деревни держать въ порядкѣ своихъ буйныхъ „пановъ братью,“ и что это порученіе обошлось довольно дорого: каждый предводитель тогда только брался соблюдать порядокъ, когда получалъ въ руки не менѣе десяти дукатовъ. Самъ Чарторижскій сознавался, что его пріятели, вербовавшіе партію, показали болѣе усердія нежели сколько было нужно.

Въ день сеймика шляхта не могла помѣститься въ костелѣ; одна часть ея наполнила монастырскіе дворы и сосѣднія улицы; а другая осталась на берегу Быстрицы около бочекъ и чановъ. Благодаря огромной партіи и популярности князя, сеймикъ окончился благополучно, и единогласно утверждены имена кандидатовъ прочтенныхъ маршаломъ Выбрановскимъ, котораго люблинская шляхта на рукахъ принесла къ маршальскому столику. Чарторижскій въ короткой рѣчи поблагодарилъ шляхту за выборъ. Изъ костела всѣ обыватели отправились къ нему на обѣдъ. Для пословъ сочинили инструкцію; паны начали разъѣзжаться; а мелкую шляхту принялись развозить по деревнямъ. Подлясскій таборъ снялся съ своего кочевья и отправился на родину. Но еще цѣлый день толпы праздношатающихся бродили по улицамъ. Когда трибуналъ возобновилъ засѣданія и гарнизонъ воротился на свои мѣста, въ городѣ водворились спокойствіе и безопасность. Однакоже, „какъ и на всякомъ сеймикѣ“, въ этотъ разъ погибло пять-шесть шляхтичей отъ пьянства и другихъ подобныхъ причинъ.

Вообще панамъ очень недешево обходились голоса своихъ избирателей.

Въ старой Польшѣ каждый шляхтичъ, хотя бы не имѣлъ никакой осѣдлости, уже по самому званію своему былъ избиратель. Въ деревняхъ мелкая шляхта часто жила рядомъ съ хлопами, не отличаясь отъ нихъ ни внѣшностію

своихъ домовъ, ни обычаями. Однако шляхтича можно было всегда узнать по покрою и цвѣту его платья и по саблѣ, безъ которой онъ никуда не являлся. Лазоревымъ цвѣтомъ кунтушей и капотомъ или эпанчою изъ сѣраго сукна, шляхта подходила ближе къ мѣщанамъ занимавшимся земледѣліемъ; но за то, также какъ хлопы, не брила бороды и не заботилась объ изяществѣ своихъ усовъ. Сапоги шляхетскіе были на каблукахъ для отличія отъ хлопскихъ подковокъ, но были также грязны и распространяли вокругъ себя такой же крѣпкій запахъ дегтя. На ярмарку, на богомолье или на сеймикъ, самый бѣдный шляхтичъ ѣхалъ обыкновенно верхомъ на жалкой клячѣ или съ женою въ бричкѣ; если не было своей брички, то онъ присаживался къ сосѣду; а ѣхать въ простой телѣгѣ считалъ униженіемъ шляхетскаго достоинства. Заслышавъ дребезжанье брички, хлопы спѣшили сворачивать съ дороги и снимать шапки, а запугунный Еврей погонялъ лошадь и скакалъ безъ оглядки; когда же случайно обгоняла его бричка, то счастливъ онъ былъ, если шляхетскій возница, зацѣпивъ осью не вываливалъ его на землю, или не вытягивалъ кнутомъ по затылку. Шляхта этого разряда обыкновенно выбирала себѣ патрона изъ сосѣднихъ помѣщиковъ, котораго поддерживала на сеймикахъ. Въ праздники она изъ костела гурьбой отправлялась къ нему, не для того конечно чтобъ узнать политическія новости, а просто чтобы хорошо пообѣдать, выпить, попросить покровительства въ тяжбѣ, получить какой-нибудь подарокъ или позволеніе нарубить лѣсу, накосить сѣна и т. п. Сохрани Богъ отказать въ просьбѣ или гордо обойдтись съ шляхтичемъ: въ такомъ случаѣ ожидала неизбѣжная месть. Нѣкто панъ Пражмовскій, мщоновскій староста, послѣдователь парижскихъ модъ, обидѣлъ однажды шляхтича изъ села Собѣщанъ: шляхтичъ былъ при саблѣ; но отъ его кожуха и сапогъ такъ несло дегтемъ, что староста не вынесъ и попросилъ гостя снять кожухъ въ передней. Послѣ того онъ не смѣлъ и показаться на сеймикахъ, и дѣлалъ большой объѣздъ, когда ему случалось ѣхать мимо Собѣщанъ.

Помѣстье Кожмяна граничило съ тремя шляхетскими селеніями, Собѣщанами, Тарновкою, и Старою Весью, заключавшими въ себѣ до двухсотъ семей мелкой, земледѣльческой шляхты, въ томъ числѣ много дальнихъ родственниковъ и

свойственниковъ Кожмяна. Какъ скоро приближалось время сеймиковъ, домъ его наполнялся посѣтителями. Но недостаточно было кормить и поить безпрерывно смѣнявшихся гостей: надобно было еще на четырехъ станціяхъ по дорогѣ въ Люблинъ заготовлять для нихъ ночлеги, сѣно, солому, съѣстные припасы и поваровъ съ прислугою; ровно какъ и въ Люблинѣ готовить помѣщеніе, столъ и разные напитки. Такъ какъ сеймы происходили обыкновенно лѣтомъ или осенью, то для партіи Кожмяна нанимался всегда пустой неотдѣланный домъ, подъ горой за іезуитскимъ костеломъ; здѣсь настилали сѣно и солому для ночлега; а напротивъ нанимали домикъ для кухни. Если партія набиралась очень многочисленная, то часть ея размѣщалась въ предмѣстьяхъ; а нѣкоторые находили пріютъ по разнымъ кляшторамъ, въ конюшняхъ и другихъ монастырскихъ строеніяхъ. При упомянутомъ пустомъ домѣ была крытая галлерея, гдѣ могло помѣститься вокругъ обѣденнаго стола не болѣе 80 человѣкъ. Поэтому обѣдающіе поочереди смѣняли другъ друга, при чемъ дѣло часто доходило до драки и тому подобныхъ сценъ. Столы накрывались скатертями изъ самой грубой холстины; тарелки и ложки были оловянныя и даже жестяныя; ножи и вилки оправленныя въ простое дерево. И все-таки безпрерывно пропадали со стола не только ложки и вилки, но и скатерти. Кожмянъ сынъ приводитъ изъ своихъ воспоминаній нѣсколько случаевъ, чтобы показать, какого рода сцены происходили иногда за шляхетскимъ обѣдомъ.

Однажды пришелъ какой-то шляхтичъ въ сѣрой епанчѣ съ капомъ назади, и началъ протѣсняться къ столу, уже плотно обсаженному обѣдающими, говоря: „паны братья, вы кушаете, а я голоденъ; со вчерашняго дня ничего не ѣлъ“. „Отчего же панъ не поспѣшилъ? отвѣчали ему:— да потише, не толкайся.“ Но такъ какъ шляхтичъ продолжалъ насильно расчищать себѣ мѣсто, и вырывалъ у кого ложку, у кого вилку, повторяя, что онъ еще ничего не ѣлъ, то его съ позоромъ отогнали отъ стола. Въ это время гайдукъ принесъ огромную мису съ горячимъ супомъ изъ потроховъ. Шляхтичъ бросается къ нему, хватаетъ потроха и обжигается. Тогда нѣкоторые изъ обѣдающихъ вскакиваютъ съ лавокъ, вырываютъ у него мису, и все что въ ней было выливаютъ ему за шею въ капъ. Обва-

ренный шляхтичъ воетъ и прыгаетъ какъ бѣшеный. Другіе атакуютъ его съ вилками въ рукахъ, и, стараясь захватить потроха, попадаютъ въ шею и въ плечи несчастнаго. Крики и суматоха страшная. Наконецъ оторвали капъ, вылили опять въ мису потроха, и принялись за ѣду.

Во время другаго сеймика, повару какъ-то вздумалось угостить шляхту послѣ ужина компотомъ изъ вишень. Сначала паны-братья кушали мирно; потомъ отъ скуки начали мазать другъ друга сокомъ, и бросать косточками. Скоро цѣлое собраніе приняло видъ самый кровавый, такъ что вновь прибывавшіе гости принимали это обстоятельство за послѣдствіе драки, и невольно хватались за сабли. По просьбѣ стараго Кожмяна, за этимъ столомъ предсѣдательствовалъ одинъ собѣщанскій шляхтичъ, по имени Ходковскій, лихой рубака. А такъ какъ между упомянутыми тремя селами бывало нѣкоторое соперничество по вопросу о первенствѣ, то это предсѣдательство не нравилось обитателямъ Тарновки и Старой Веси. Смотря на перепалку вишнями, Ходковскій не выдержалъ и закричалъ: „Паны-братья, перестаньте шалить, а то подумаютъ, что мы рубили другъ друга.“ „Не тебѣ насъ учить, отозвались Тарновка и Старая Весь, а вотъ мы вашу милость поучимъ!“ и, погасивъ свѣчи, бросились съ саблями на президента. Прислонясь спиной къ окну, Ходковскій началъ отмахиваться отъ нападающихъ. Нѣкоторые изъ присутствующихъ поспѣшили къ нему на помощь, другіе побѣжали за Кожмяномъ. „Братья шляхта, не проливайте крови!“ закричалъ Кожмянъ. Принесли свѣчи, и насилу могли развести сражавшихся. У противниковъ Ходковскаго оказались на физіономіяхъ различные слѣды его палаша, и Кожмянъ поспѣшилъ запереть предсѣдателя въ свою квартиру, потому что шляхта грозила изрубить его въ куски.

„По счастію, замѣчаетъ авторъ мемуаровъ, не присутствовалъ при этой сценѣ Домарадскій изъ Старой Веси, извѣстный буянъ и страшный рубака; при немъ не такъ легко было бы успокоить бурю.“ Это былъ шляхтичъ, не умѣвшій не читать, ни писать, но за то по силѣ и по виду совершенный Геркулесъ, саблей и чаркой составившій себѣ грозное имя на ярмаркахъ и сеймикахъ. Кожмянъ сдѣлалъ его своимъ лѣсничимъ, содержалъ его и бралъ съ со-

бою на сеймики. На одномъ изъ нихъ лѣсничій задѣлъ за живое луковскую шляхту, и та запылала жаждою мести. По окончаніи сеймика, она подстерегла его у порога костела, и произвела нападеніе. Домарадскій обнажилъ саблю, и уже успѣлъ нѣкоторымъ сдѣлать отмѣтки, какъ вдругъ клинокъ его отскочилъ отъ рукоятки. Шляхта рубитъ безоружнаго; шапка ослабляетъ удары, однако кровь уже льетъ съ его головы. Находчивый Домарадскій схватилъ въ руки ближайшаго шляхтича, и началъ дѣйствовать имъ какъ щитомъ. Несчастный, получая раны отъ своихъ товарищей, кричитъ: „Стойте, стойте!“ и отмахивается саблею отъ ихъ ударовъ. Замѣтивъ по близости столъ, Домарадскій пустилъ шляхтича, поднялъ столъ на голову, и протѣснился на улицу, между тѣмъ какъ сабельные удары сыпались на доски стола. Но тутъ, изнемогши, онъ упалъ на землю. Непріятели наносятъ ему еще нѣсколько ранъ въ голову, и только подоспѣвшая люблинская шляхта принуждаетъ ихъ оставить свою жертву.

Кожмянъ въ то время присутствовалъ на званомъ обѣдѣ. Когда его извѣстили, что Домарадскій безъ чувствъ лежитъ на улицѣ, онъ тотчасъ отрядилъ двухъ пріятелей; далъ имъ пару дукатовъ на лѣченіе, и поручилъ отвести раненаго въ больницу сестеръ милосердія. Каково же было его удивленіе, когда, воротившись домой, онъ встрѣтилъ Домарадскаго, правда, обагреннаго кровью, но уже не совсѣмъ трезваго; голова его была испещрена лоскутами писчей бумаги, налѣпленными на раны.

— Ты уже здѣсь, сказалъ Кожмянъ, — а я послалъ пару дукатовъ на доктора и на лѣкарства.

— Благодарю пана, я славно покутилъ на нихъ съ братьями шляхтой; завтра хочу опять сразиться, прошу только пана о саблѣ.

— Да ты весь израненъ!

— Это пустыя царапины.

— Однако упалъ безъ чувствъ.

— Далъ бы мнѣ кто саблю, научилъ бы я ихъ разуму! впрочемъ „co się odwleklo, to nie uciekło.“

Но Кожмянъ, опасаясь новой свалки, немедленно отправилъ своего кліента въ деревню.

Д. ИЛОВАЙСКІЙ.

КАКЪ ИЗДАЮТСЯ

У НАСЪ

КНИЖКИ О РАСКОЛѢ.

I.

Повѣсть о новгородскомъ бѣломъ клобукѣ и сказаніе о хранительномъ быліи, мерзкомъ зеліи, еже есть табакъ. Два старинныя произведенія раскольничьей литературы. Спб. 1861 г.

Въ послѣднее время явилось въ нашей литературѣ не мало книгъ, посвященныхъ разысканіямъ о русскомъ расколѣ, и изданъ не одинъ памятникъ раскольничьей письменности. Расколъ такое крупное и такое печальное явленіе въ религіозной и общественной жизни русскаго народа, онъ такъ глубоко пустилъ въ нее корни и доселѣ распространяется такъ быстро и успѣшно, что дѣйствительно пора отнестись къ нему съ бо́льшимъ вниманіемъ и съ большею серіозностью чѣмъ доселѣ. Но именно потому-то самому и должно желать, чтобъ изданіемъ книгъ относящихся до раскола занимались съ надлежащимъ знаніемъ дѣла и съ полною добросовѣстностью; а иначе только сообщится, пожалуй, неправильное, превратное понятіе о расколѣ, что̀, конечно, вовсе не желательно.

Невольно привело насъ къ этой мысли чтеніе нѣко-

торыхъ недавно изданныхъ книжекъ о расколѣ. Мы намѣрены познакомить съ ними читателей. На первый разъ займемся книжкой, заглавіе которой выписали, и въ ней собственно повѣстью о бѣломъ клобукѣ: „сказаніе о хранительномъ былiи“ не заслуживаетъ серіознаго вниманія и, едва ли стоило издавать его еще разъ, особенно при такомъ обилiи болѣе важныхъ памятниковъ раскольничьей письменности.

Мы, конечно, не станемъ входить въ разсмотрѣніе того, правильно ли изданъ текстъ *Повѣсти о бѣломъ клубукѣ:* не указывать же типографскія ошибки и неправильное размѣщеніе знаковъ препинанія, нарушающія, и безъ того не вездѣ ясный, смыслъ текста. Для насъ важно собственно то, объясненъ ли смыслъ раскольничьей повѣсти. Въ „предисловіи“ находимъ нѣчто похожее на объясненія. Объясненія эти заимствованы изъ примѣчаній г. Костомарова, помѣщенныхъ въ изданномъ подъ его редакціей сборникѣ памятниковъ старинной русской литературы, изъ котораго повѣсть перепечатана въ отдѣльной книжкѣ съ дипломатическою точностью даже въ ошибкахъ. Г. Костомаровъ признаетъ несомнѣннымъ, что *Повѣсть о бѣломъ клобукѣ* „никогда не привозилась изъ Рима, а есть самодѣльное новгородское сочиненіе, составленное съ *цѣлію — найдти историческое оправданіе домогательствамъ* (чьимъ?) *на независимость отъ митрополита*,“ и что она явилась послѣ паденія новгородской вольности, которую пережило это стремленіе къ іерархической независимости. Сколько можно догадываться, г. Костомаровъ относитъ составленіе повѣсти именно къ временамъ архіепископа Геннадія и Димитрія Толмача; а издатель отдѣльной книжки говоритъ прямо и рѣшительно, что *честь* составленія *Повѣсти о бѣломъ клобукѣ* остается за именемъ Димитрія Толмача.

Что разказъ Димитрія, въ мнимомъ письмѣ его къ Геннадію, о томъ какъ ему удалось съ большими затрудненіями списать повѣсть о клобукѣ въ Римѣ, гдѣ ее „срама ради таятъ вельми“, весьма невѣроятенъ; что повѣсть никогда изъ Рима не привозилась; что она есть самодѣльное произведеніе русскаго писателя,—во всемъ этомъ, дѣйствительно, не можетъ быть сомнѣнія. Но что русскій сочинитель, и именно Новгородецъ, составилъ ее съ цѣлію найдти

историческое оправданіе домогательствамъ на независимость отъ митрополита, это мнѣніе г. Костомарова кажется намъ болѣе остроумнымъ нежели основательнымъ. Если и справедливо, что во времена Геннадія еще были живы и довольно сильны стремленія новгородскаго высшаго духовенства, и вообще Новгородцевъ, стать въ іерархическую независимость отъ московской митрополіи; если даже допустимъ, что тогда именно и составлена *Повѣсть о бѣломъ клобукѣ*,—самое содержаніе повѣсти все-таки не даетъ ни малѣйшаго основанія предполагать, будто она вызвана именно этимъ стремленіемъ. Нигдѣ въ повѣсти мы не встрѣчаемъ не только прямаго указанія, но даже и намековъ на какой-нибудь антагонизмъ между Москвою и Новгородомъ. Основная мысль повѣсти, напротивъ, та, что православіе и благочестіе, символомъ которыхъ представленъ бѣлый клобукъ, отняты будутъ сначала отъ Рима, потомъ отъ Царяграда, и будутъ переданы отъ Бога—не собственно Москвѣ или Новугороду,—а всей *великцѣй рустѣй земли*. О Новгородѣ сказано только, что епископъ новгородскій Василій первый получилъ и сталъ носить бѣлый клобукъ, и сказано лишь въ соотвѣтствіе историческому преданію, а вовсе не съ заднею мыслію показать преимущество Новгорода предъ Москвою. Наша старинная литература не обладала завиднымъ искусствомъ говорить между строками, до такого совершенства доведеннымъ современными борзописцами; еслибы творецъ повѣсти имѣлъ дѣйствительно мысль, какую усвояетъ ему г. Костомаровъ, онъ непремѣнно высказалъ бы ее прямо, и еслибы даже позволилъ себѣ намекъ, все-таки этотъ намекъ былъ бы довольно ясенъ. Но этого-то именно читатель и не отыщетъ во всей повѣсти, при самомъ искреннемъ желаніи найдти оправданіе для мысли г. Костомарова [1]. Мы думаемъ даже, что происхожденіе повѣсти вообще нельзя относить ко временамъ Геннадія, или ко временамъ новгородскихъ стремленій къ независимости.

[1] Только одно мѣсто во всей повѣсти имѣетъ характеръ нѣкоторой похвалы Новгороду: „посли сего святаго клобука въ русскую землю въ великій Новградъ, и да будетъ тамо носимъ на главѣ Василія архіепископа, *на почесть святѣй апостольстѣй соборнѣй церкви Софѣи премудрости Божіей* и на похвалу православнымъ.“ Но это говорится, очевидно, нисколько не въ униженіе Москвѣ.

Есть основаніе думать, что *Повѣсть о бѣломъ клобукѣ*, въ томъ видѣ въ какомъ издалъ ее г. Костомаровъ, явилась много позже Геннадія, даже не раньше утвержденія въ Россіи патріаршества. Къ такому заключенію прежде всего даютъ основаніе два мѣста въ самой повѣсти, и притомъ особенно важныя, такъ какъ въ нихъ заключена главная мысль всей повѣсти. Папа Сильвестръ, явившись въ сонномъ видѣніи патріарху Филоѳею, говоритъ ему о паденіи, ожидающемъ Царьградъ, о будущемъ величіи Русскаго царства, о томъ что Царьградъ передастъ ему и свою святыню, и свою власть, что наконецъ „и патріаршескій чинъ отъ царствующаго сего града такожде данъ будетъ Русстѣй земли во времена своя“. То же самое повторяется еще разъ въ словахъ ангела къ тому же патріарху Филоѳею [1]. Одно изъ двухъ: сочинитель повѣсти или предсказываетъ будущее учрежденіе патріаршества въ Россіи, или писалъ свою повѣсть послѣ учрежденія патріаршества. Никто, конечно, не усомнится отдать предпочтеніе послѣднему объясненію.

Принимая во вниманіе основную мысль *Повѣсти о бѣломъ клобукѣ* и содержаніе предшествующаго ей письма, при которомъ Димитрій будто бы прислалъ ее архіепископу Геннадію, не трудно указать и другіе слѣды ея происхожденія. Когда именно явилась у насъ мысль о мнимомъ отступленіи церкви греческой отъ православія? Можно думать, что во времена Максима Грека она высказывалась нѣкоторыми изъ нашихъ книжниковъ, но не прямо и нерѣшительно [1]; смѣлѣе начинаютъ выражать ее во

---

[1] ....„и великій чинъ отъ царствующаго града сего такожде данъ будетъ велицѣй Рустѣй земли.“ Это другое мѣсто находится въ Погодинскомъ спискѣ.

[2] О такихъ сужденіяхъ можно заключать изъ нѣкоторыхъ сочиненій самого Максима Грека. Такъ у него есть сочиненіе подъ названіемъ: „сказаніе отрицающимся на поставленіе, еже не пріимати ставленій на митрополію и на владычество *отъ римскаго папы латинскія вѣры и отъ царяградскаго патріарха въ области безбожныхъ Турокъ поганаго царя.*“ Въ этомъ сочиненіи онъ доказываетъ, что сравнивать съ папою константинопольскаго патріарха не законно и что владычество Турокъ не имѣетъ вліянія на вѣру и благочестіе Грековъ; слѣдовательно, противныя этому сужденія ему приходилось слышать между Русскими. Въ другомъ сочиненіи: „сказаніе о томъ, яко не оскверняются святая николіже, аще и многа лѣта обладаемы суть градове отъ поганыхъ“, онъ пишетъ какому-то

время начавшихся книжныхъ исправленій; наконецъ рѣзко и прямо высказывается она уже во время соборнаго исправленія книгъ при патріархѣ Никонѣ. Въ этомъ смыслѣ важно одно мѣсто изъ посланія Димитрія къ Геннадію, гдѣ говорится о судьбѣ греческихъ книгъ послѣ взятія Константинополя: „егда Турки обладающе царствующимъ градомъ, разказывалъ будто бы Димитрію книгохранитель римской церкви, нѣцыи благочестивіи взяша множество греческихъ книгъ, хотяще соблюсти греческія вѣры отъ безбожныхъ Турокъ и отплыша моремъ въ Римъ; латинстіи же людіе *нашедше славни* зѣло (то-есть *наши дѣславніи* зѣло) и тщательны философскому ученію, отъ многихъ лѣтъ восточныхъ учителей желаху видѣти писанія (:) і о гречестѣи (но гречестіи) царіе не изволиша тако быти ради отступленія ихъ отъ православія; егда же улучиша время, принесенныя убо отъ Грекъ книги на свой языкъ преложиша, а греческія книги огнемъ сожгоша“ (стр. 3—4). Подобные разказы о порчѣ и истребленіи греческихъ книгъ латинянами также являются около того времени, когда при исправленіи славянскихъ книгъ стали обращаться къ греческимъ подлинникамъ. А все это опять приводитъ насъ къ тому заключенію, что *Повѣсть о бѣломъ клобукѣ* явилась около времени утвержденія въ Россіи патріаршества, то-есть въ началѣ XVII столѣтія, и никакъ не ранѣе послѣднихъ годовъ XVI. Ее составилъ какой-нибудь изъ тѣхъ „лжесловесниковъ“, въ родѣ клирика Василія, на которыхъ въ свое время горько и справедливо жаловался князь Курбскій, и составилъ съ цѣлію оправдать преимущество церкви русской предъ греческою, о чемъ толковали тогда многіе.

Откуда же однако досужая фантазія такого лжесловесника заимствовала матеріялы для странной сказки о

„честнѣйшему отцу:“ „о немъ же изволилъ еси и *глаголалъ* прежъ малыхъ днехъ рекъ, *яко въ нынѣшнихъ временехъ*, въ лѣпоту убо, *и будетъ и наречется Іерусалимъ* царствующій градовомъ благовѣрныя Руси *великименитая Москва, аки старому Іерусалиму непотребну бывшу уже, занеже многа лѣта обладатися отъ нечестивѣйшихъ срацинъ*. О семъ хощу малыми бесѣдовати къ твоему благоговѣйнству, честнѣйшій отче.“ То же подозрѣніе о крайнихъ опасностяхъ для вѣры отъ владычества Турокъ слышится и въ этомъ вопросѣ Берсеня Максиму: „нынѣ у васъ цари бесерменскіе и гонители и вамъ отъ нихъ люта времена, и какъ вы отъ нихъ проживаете?“

похожденіяхъ бѣлаго клобука? Объ этомъ мы намѣрены представить также нѣкоторыя соображенія, основанныя на сличеніи изданной теперь повѣсти съ списками ея совершенно другой редакціи [1]. Укажемъ только главное и именно то, что̀ нужно для нашей цѣли.

Повѣсть по упомянутымъ спискамъ, вопервыхъ, гораздо короче извѣстной въ раскольничьей редакціи; вовторыхъ, по мѣстамъ отличается отъ нея въ выраженіяхъ и въ самыхъ подробностяхъ разказа; наконецъ, весьма во многихъ мѣстахъ имѣетъ съ нею буквальное сходство. Которая же изъ двухъ редакцій явилась прежде? краткая ли составлена изъ болѣе полной, или пространная дополнила краткую различными произвольными вставками? Мы принимаемъ послѣднее предположеніе, и вотъ почему.

Прежде всего, краткая редакція представляетъ больше простоты и естественности и въ цѣломъ составѣ, и въ подробностяхъ разказа. Передадимъ содержаніе повѣсти по этой редакціи. Царь Константинъ, изъ особеннаго уваженія къ папѣ Сильвестру, сдѣлалъ ему на главу „одѣяніе бѣло, тричастно, еже есть клобукъ“; папа Сильвестръ питалъ къ этому одѣянію особенное благоговѣніе; потомъ царь Карулъ и папа Фармусъ, отступивши въ латинство, бѣлаго клобука не любили; спустя много времени послѣ Фармуса, другой нечестивый папа хотѣлъ отослать клобукъ „во ину страну скверьнаго своего ученія и опоругатися и истребити“; но къ нему явился ангелъ и велѣлъ отослать

---

[1] Мы имѣемъ два такіе списка. Одинъ въ сборникѣ, принадлежащемъ Троицкой Лаврѣ (№ 739), писанный полууставомъ, переходящимъ въ скоропись, не ранѣе XVII в.; другой—въ сборникѣ библіотеки Моск. Духовн. Академіи (№ 196): весь сборникъ писанъ четкимъ полууставомъ и въ числѣ разныхъ статей содержитъ одно сочиненіе Максима Грека,—явный знакъ, что онъ писанъ въ кондѣ, или никакъ не ранѣе второй половины XVI ст. Оба списка не представляютъ существенной разности въ содержаніи; однакоже никакъ не могутъ быть названы сходными между собою. Оба имѣютъ такое заглавіе: „написаніе, чего ради великаго Новаграда архіепископи на главахъ своихъ носятъ бѣлый клобукъ, а не якоже прочіи митрополиты (и архіепископы) и епископы.“ Къ этому въ акад. спискѣ прибавлено: „слышахъ убо, яко сіе перечень о клобукѣ; а истинное начало о клобукѣ, о немъ же сице пишетъ, отъ исторія римскія, велѣнія царска.“ По нашему мнѣнію, редакція повѣсти въ лавр. спискѣ, хоть и болѣе позднемъ, древнѣе, нежели въ акад., такъ какъ она и короче и имѣетъ менѣе сходства съ раскольничьею редакціей.

клобукъ „въ Константинъ-градъ къ патріарху, которому повелѣно будетъ, яже о немъ“, что̀ папа и исполнилъ; между тѣмъ патріарху константинопольскому Ювеналію явился „уноша свѣтелъ“, съ вѣстію, что онъ получитъ изъ Рима клобукъ, и съ повелѣніемъ отослать его въ „Рускую землю, въ великій Новградъ, да будетъ тамо на главѣ святѣйшаго Василія, архіепископа новгороцкого и на прочихъ по немъ архіепископѣхъ“; Ювеналій также поступилъ согласно наставленію; въ свою очередь и Василій увидѣлъ во снѣ ангела Господня, „умиленна образомъ и свѣтла лицемъ“; ангелъ велѣлъ ему принять и носить съ честію клобукъ, который получитъ изъ Царяграда. Въ этомъ краткомъ разказѣ нѣтъ большей части тѣхъ чудесныхъ и до крайности нелѣпыхъ подробностей, которыми изобилуетъ повѣсть о бѣломъ клобукѣ въ раскольничьей редакціи, а именно: нѣтъ упоминанія о двукратномъ явленіи апостоловъ Петра и Павла царю Константину, съ наставленіями, между прочимъ, какъ устроить украшеніе для папы Сильвестра „лицемъ бѣлѣйшимъ, по подобію святительскаго и мнишескаго чина“; нѣтъ упоминанія о чудесномъ явленіи небеснаго свѣта папѣ Сильвестру и небесномъ гласѣ, который повелѣвалъ хранить бѣлый клобукъ въ церкви, „дондеже возстанетъ домувладыка, ему же уготовася свѣтильникъ сей“; нѣтъ всего эпизода о приключеніяхъ бѣлаго клобука на морѣ, когда нечестивый папа послалъ „его во ину страну своего сквернаго ученія“, объ ужасномъ наказаніи нѣкоего Индрика, который хотѣлъ сѣсть верху святаго клобука, о погибели корабля и всѣхъ пловцовъ, о чудесномъ спасеніи клобука нѣкіимъ Іеремѣемъ, при помощи явившихся ему Константина и Сильвестра, о смущеніи и досадѣ папы по случаю возвращенія клобука въ Римъ [1], объ его неистовой злобѣ при извѣстіи, что клобукъ будетъ посланъ въ Русскую землю, „не любяше бо̀ онъ, поганый, русскія земли“; нѣтъ и гнусныхъ подробностей о болѣзни и смерти этого несчастнаго папы; вовсе не говорится о явленіи Константина и Сильвестра патріарху Филоѳею (или Ювеналію), также о чудесныхъ знаменіяхъ, сопровождавшихъ принесеніе клобука въ Константинополь и Новгородъ,—объ исчез-

[1] ... „и нача браду свою торгая кусати“: изображеніе досады чисто въ русскомъ духѣ.

шемъ отъ него благоуханіи, и свѣтѣ, о разныхъ исцѣленіяхъ и проч. Что столькихъ подробностей чудеснаго и страшнаго характера не находится въ краткой редакціи повѣсти, это обстоятельство не лишено значенія для рѣшенія нашего вопроса. Принимая во вниманіе особенную любовь нашихъ предковъ къ чудеснымъ исторіямъ, ко всему что̀ носитъ оригинальную печать сверхъестественнаго, трудно представить, чтобы русскій авторъ, напримѣръ XVI или начала XVII столѣтія, взявшись сокращать повѣсть наполненную сказаніями такого рода, не соблазнился удержать бо́льшую часть ихъ, хотя въ менѣе подробномъ изложеніи; съ другой стороны, понятно, какъ могъ онъ краткую повѣсть наполнить такого рода подробностями, заимствуя ихъ частію изъ собственной изобрѣтательной фантазіи, частію изъ готовыхъ исторій и тѣхъ „бабьихъ бредней и болгарскихъ сказокъ“, которыми, по свидѣтельству Курбскаго, именно пользовались „лжесловесники“ для своихъ „развращенныхъ повѣстей“. Еще важнѣе другое обстоятельство. Краткая редакція повѣсти совсѣмъ не говоритъ о патріаршествѣ, имѣющемъ перейдти изъ Константинополя въ третій Римъ, въ русскую землю, не упоминаетъ о паденіи Царяграда и отпаденіи греческой церкви отъ православія. А между тѣмъ мысли эти такъ характеристичны, такъ близки къ сердцу русскаго человѣка и такъ существенно важны въ повѣсти, что рѣшительно не понятно, какъ могъ исключить ихъ русскій писатель при сокращеніи повѣсти, и напротивъ очень понятно, что сочинитель, живо сочувствовавшій распространявшимся въ народѣ понятіямъ о греческой церкви, воспользовался удобнымъ случаемъ оградить ихъ несомнѣнность авторитетомъ святаго Сильвестра и разныхъ чудесныхъ знаменій.

Представляется возможность объяснить отчасти даже и то, откуда брались матеріалы для дополненія первоначальной краткой повѣсти. При нѣкоторыхъ спискахъ сочиненій Максима Грека помѣщены краткія сказанія о его жизни. Въ одномъ изъ такихъ сказаній [1] читаемъ, будто Максимъ, по осмотрѣ великокняжеской библіотеки, удивляясь ея богатству, говорилъ царю Василію Ивановичу: „ни въ

[1] Оно помѣщено въ большомъ сборникѣ сочиненій Максима, первой половины XVII в., принадлежащемъ библіотекѣ Т. С. Лавры (№ 201).

Грецѣхъ толикаго множества книгъ сподобихся видѣти; сего ради, православный самодержче государь, изъ Греческія земли въ западныя страны отъ младыхъ ногтей вдахся на ученіе, понеже не обрѣтохъ въ Гречестѣй странѣ философскаго ученія, ради великія скудости книжныя. *Егда убо* безбожніи *Турки обладаша царствующимъ градомъ, тогда пѣцыи благочестивіи взяша* множественное *множество греческихъ книгъ, хотяще соблюсти благочестія вѣру*, да не до конца угаснетъ свѣтило—греческое православіе, *отъ безбожныхъ* и богомерзкихъ *Турокъ. И* тако *отплыша моремъ въ Римъ. Латынстіи же людіе тщеславни зѣло* и *отъ многихъ лѣтъ желаху восточныхъ учителей списанія видѣти. Но гречестіи цари не изволиша сему быти ради отступленія и(хъ) отъ православія. Егда же улучиша время, принесенныя убо отъ Грекъ книги во свой римскій языкъ преложиша, и греческіе же книги всѣ огнемъ пожгоша.* И тако конечно оскудѣ отъ грекъ философія.“ Читатель видитъ, что слова эти имѣютъ буквальное сходство съ приведенною выше выпиской изъ письма Димитрія Толмача къ Геннадію; римскій библіотекарь говоритъ Димитрію о судьбѣ греческихъ книгъ то же самое и тѣми же словами, какъ и Максимъ Грекъ великому князю Василію Ивановичу. Сказаніе о Максимѣ носитъ очевидные слѣды самостоятельнаго сочиненія; оно пользовалось извѣстностію [1]; изъ него (а никакъ не наоборотъ) и замствовалъ мнимый Димитрій Толмачъ въ свое письмо къ архіепископу Геннадію объясненіе, что вмѣстѣ съ прочими греческими книгами погибла и греческая повѣсть о бѣломъ клобукѣ.

Сравнивая различные списки древней редакціи, мы можемъ прослѣдить отчасти самый процессъ постепеннаго видоизмѣненія повѣсти о бѣломъ клобукѣ. Въ болѣе краткую редакцію другая, болѣе пространная, вноситъ уже нѣкото-

---

[1] На него есть ссылка въ соловецкой челобитной: „а книги у нихъ у Грековъ, которыя прежняго исправленія были послѣ цареградскаго взятія отняли Римляне и перепечатали у себя, по своему латынскому обычаю, и тѣ имъ свои латынскіе книги роздали, а ихъ греческіе книги всѣ огнемъ сожгли. *О семъ свидѣтельствуетъ въ книзѣ своей* (?) *блаженный Максимъ Грекъ*“. *Повѣсть о бѣломъ клобукѣ*, во времена челобитной, уже пользовалась у раскольниковъ большимъ почетомъ, и это предпочтеніе, оказанное ими сказанію о Максимѣ передъ письмомъ Димитрія, не лишено значенія.

рыя дополненія, хотя состоящія пока только въ амплификаціи мыслей и выраженій, а вовсе не существенныя, но уже близко подходящія къ раскольничьей радакціи; въ раскольнической редакціи, тѣже самыя мысли, въ свою очередь, подверглись новымъ амплификаціямъ [1]. Но тутъ дѣло не останавливается на амплификаціяхъ; вносится множество новыхъ, странныхъ подробностей, вносятся также, что̀ особенно важно, и тѣ понятія о греческой церкви, которыя въ то время ходили между русскими грамотниками. Такимъ-то образомъ, изъ первоначальнаго краткаго сказанія о бѣломъ клобукѣ, составилась пространная повѣсть, о которой изобрѣтательный писатель не затруднился сказать, что ее прислалъ Димитрій Толмачъ изъ Рима архіепископу Геннадію. Подобные примѣры не рѣдкость въ нашей

[1] Покажемъ это въ примѣрѣ; подчеркнутыя выраженія будутъ означать дополненія въ болѣе новой редакціи противъ болѣе древней.

По лавр. „По нѣкоемъ же времени воста новый царь, по имени Карамъ, и папа Фармосъ, православную вѣру обезчестивъ и святую апостольскую церковь осквернища своимъ нечестіемъ, уже нынѣ святый сей клобукъ бесчестіи (безъ чести) твориху, завистію изряднѣ распыхахусь нань, зряще его тако его устроена и ненавидяще его.“

По акад. „*Человѣческому же спасенію врагъ діяволъ сотвори рать велію на святую церковь, воздвиже нѣкоего* царя Карула именемъ и папу Фармоса и *научи ихъ отступити отъ правыя вѣры христіянскія, и раздра союзъ благочестія святыя апостольскія церкви. Сей же Карулъ и папа Фармосъ врагомъ своимъ совѣтомъ* православную *христову* вѣру *предаша во аполлинаріеву ересь и опресночная служенія и отступиша въ латынъство* и святую соборную церковь осквернища *своими нечестивыми служеніи* и святаго сего клобука *не любяху.*“

По раск. „*Супротивникъ же* и человѣческому *роду супостатъ*, врагъ діяволъ сотвори рать велію на святую церковь, воздвиже нѣкоего царя, Карула именемъ, и папу Фармуса, и научи ихъ *прелстити христіянскій родъ своими ложными словесы и ученіи*, и отступити *повельша* отъ православныя христовы вѣры, и раздрати соединеніе благочестія святыя апостольскія церкви. *И бѣсовскимъ умышленіемъ тіи скверніи учителіе* православную христову вѣру и *апостольскія и святыхъ отецъ преданія отвергошася*, во аполлинаріеву ересь *превратишася* и опресночная *вмѣниша въ правду, а истинныя христова преданія и святыхъ апостолъ, отеческая поставившася и опресночная во ложу* (?); и святую *апостольскую* церковь осквернища *не* правыми *ученіи* и служеніи, и святаго *бѣлаго* клобука не любляху.“

литературѣ XVI и XVII столѣтій. Клирикъ Василій сочинилъ житіе Евфросина, наполненное не менѣе странными чудесами, какъ и повѣсть о клобукѣ, также изъ краткаго сказанія, составленнаго первымъ писателемъ житія Евфросинова. А „подписывать“ свои произведенія на чужія имена было вообще въ обычаѣ у нашихъ „лжесловесниковъ“,—„да удобно ихъ писанія пріемлются простыми и ненаученными“.

Надѣемся, мы достаточно показали несостоятельность ученой замѣтки г. Костомарова относительно разбираемой повѣсти. Не стоило бы послѣ того и говорить о соображеніяхъ, какія присоединилъ къ этой замѣткѣ самъ издатель повѣсти, такъ какъ они всѣ основаны на мнѣніи г. Костомарова. Но нельзя не упомянуть о нихъ, для того чтобы показать съ какимъ знаніемъ дѣла у насъ трактуютъ о расколѣ. „Повѣсть о бѣломъ клобукѣ, замѣчаетъ издатель, *ничѣмъ особенно* не обнаруживаетъ своего раскольничьяго происхожденія, но *по тому почету*, какимъ пользуется у раскольниковъ, можетъ быть признана сочиненіемъ раскольничьимъ“. Но если повѣсть о бѣломъ клобукѣ пользуется у раскольниковъ большимъ почетомъ, чѣмъ же объяснить это уваженіе къ ней раскольниковъ? За объясненіемъ дѣло не стало. „Если припомнить, говоритъ издатель, *какое негодованіе* возбуждала она (повѣсть о клобукѣ) въ московскомъ духовенствѣ, какъ на соборѣ 1667 года *обзывали* ее лживою и неправою, писанною Димитріемъ Толмачомъ отъ вѣтра главы своея, то станетъ понятно почему нашла эта повѣсть такое распространеніе у раскольниковъ, *какъ энергическій протестъ противъ Москвы*; но (?) она должна была встрѣтить сочувствіе со стороны людей, у которыхъ *антагонизмъ Москвѣ и московскимъ стремленіямъ* (?) *получилъ силу религіознаго мнѣнія*.“

Итакъ, по мнѣнію издателя книжки, повѣсть о бѣломъ клобукѣ получила распространеніе и пользуется почетомъ у раскольниковъ, вопервыхъ, потому, что она вызвала негодованіе со стороны московскаго духовенства (положимъ, что вызвала и даже именно со стороны московскаго) и что соборъ 1667 года обозвалъ ее лживою и неправою! Читатель имѣетъ полное право замѣтить ему, что дѣло могло быть и наоборотъ: не потому ли въ духовенствѣ явилось негодованіе противъ повѣсти, не потому ли и соборъ

такъ рѣзко отозвался о ней, что она пользовалась особеннымъ почетомъ у раскольниковъ? Впрочемъ о духовенствѣ московскомъ и соборѣ 1667 года замѣчено только мимоходомъ; главная причина въ томъ, что повѣсть о клобукѣ есть протестъ, и даже энергическій протестъ противъ Москвы, а раскольники—люди, у которыхъ антагонизмъ Москвѣ и (какимъ-то) московскимъ стремленіямъ получилъ силу религіознаго мнѣнія! Но вѣдь подъ этими громкими фразами о энергическихъ протестахъ, антагонизмѣ и проч., скрывается не иное что̀ какъ совершенное незнаніе исторіи и ученія раскольниковъ. Кому же сколько-нибудь знакомому съ расколомъ не извѣстно, что *Повѣсть о бѣломъ клобукѣ* пользуется у раскольниковъ особеннымъ уваженіемъ вовсе не потому что служитъ протестомъ противъ какихъ-то московскихъ стремленій (котораго нѣтъ и слѣдовъ въ ней), а потому что представляетъ основаніе для одного изъ главныхъ раскольническихъ мнѣній? Когда противники Никона и его церковныхъ преобразованій стали проповѣдывать, что православіе въ русской церкви истребилось, они въ то же время гласно выражали мысль, что православія давно не стало и въ церкви греческой. Обѣ мысли стояли въ тѣсной связи между собою, такъ какъ исправленія въ русскихъ богослужебныхъ книгахъ и обрядахъ опирались на авторитетъ греческихъ книгъ, и вообще восточной церкви. Для доказательства мнимыхъ отступленій русской церкви отъ православія обильный матеріялъ представляли раскольникамъ самыя перемѣны въ книгахъ и обрядахъ; но чѣмъ было доказать, что греческая церковь утратила православіе? Нашлись и на это доказательства, и однимъ изъ лучшихъ, по мнѣнію раскольниковъ, явилась преславутая повѣсть о бѣломъ клобукѣ. Въ самомъ дѣлѣ, она была для раскольниковъ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ. Нужды нѣтъ, что она составлена недавно, что въ ней видны живыя нитки, которыми сшилъ ее изъ странныхъ и невѣроятныхъ сказаній какой-то ревнитель мнѣній, такъ горячо защищаемыхъ теперь раскольниками: они не разборчивы на такія малости; для нихъ всего важнѣе то, что на основаніи повѣсти можно говорить смѣло и увѣренно, что еще папа Сильвестръ предсказалъ паденіе втораго Рима, то-есть Константинополя, и отъятіе отъ него благодати Св.

Духа въ плѣненіе агарянское. Кромѣ того, въ повѣсти говорится объ искаженіи латинянами греческихъ книгъ, по которымъ Никонъ и его приверженцы *исправили* русскія книги. Здѣсь же, наконецъ, упоминается и о папѣ Формозѣ, котораго раскольники признаютъ изобрѣтателемъ трехперстнаго сложенія. Все это на самыхъ же первыхъ дняхъ раскола и сообщило *Повѣсти о бѣломъ клобукѣ* особенную важность въ глазахъ раскольниковъ; ради этого и ставятъ они ее на ряду съ Стоглавомъ и житіемъ Евфросина; это самое и побудило соборъ 1667 года обратить на нее вниманіе, какъ и на два послѣднія сочиненія.

Такъ просто объясняется уваженіе раскольниковъ къ повѣсти о клобукѣ,—и до этого объясненія вовсе нѣтъ нужды „доходить собственнымъ умомъ“, а достаточно самаго небольшаго знакомства съ раскольничьими сочиненіями. Прочитайте, напримѣръ, хоть письма протопопа Аввакума царю Алексѣю Михайловичу: „а о греческихъ властѣхъ, пишетъ онъ, и вѣрѣ ихъ нынѣшней самъ ты вѣдаешь, что̀ у нихъ изсяче благочестіе по пророчеству святыхъ царя Константина и Сильвестра папы и ангела Божія, явльшихся тогда Филоѳею цареградскому патріарху, и сказа о томъ. Вѣдаешь ли?—*писано се во исторіи о бѣломъ клобуцѣ*. И вѣдая, почто истину въ неправдѣ содержиши?“ Дьяконъ Ѳедоръ въ одномъ изъ своихъ сочиненій также пишетъ: „никто же да дивится о семъ, яко изсяче у Грекъ благочестіе, по пророчеству святаго царя Константина и Сильвестра папы римскаго: *о семъ пишетъ во исторіи о бѣломъ клобуцѣ*, како въ Русь посланъ.“

Замѣтимъ здѣсь кстати еще о нѣкоторыхъ оригинальныхъ толкованіяхъ, какія дѣлаютъ сами раскольники на повѣсть о клобукѣ. Дѣло въ томъ, что благопріятствуя мнѣнію ихъ о греческой церкви, повѣсть эта рѣшительно однако противорѣчитъ ихъ ученію о русской церкви: „древній Римъ, говоритъ повѣсть, отпаде славы и отъ вѣры христовы гордостію и своею волею; въ новомъ же Римѣ, еже есть Коньстянтинѣградѣ отъ насилія агарянскаго такожде христіянская вѣра погибнетъ: *на третіемъ же Римѣ, еже есть на русстѣй земли, благодать Святаго Духа возсія*. И да вѣси Филоѳіе, яко *вся христіянская пріидутъ въ конецъ и снидутся во едино царство Русское православія ради*...

и страна наречется свѣтлая Россія, Богу тако изволившу прославити тацѣми благодареніи русскую землю, *исполнити православія*, величества, и честнѣйшу сотворити паче первыхъ сихъ". Итакъ папа Сильвестръ, предсказывая паденіе православія въ Царѣградѣ, изображаетъ въ самыхъ свѣтлыхъ чертахъ его будущее состояніе въ Русской землѣ, а расколъ напротивъ утверждаетъ, что и на Руси также не стало православія. Раскольники съ самаго начала видѣли это противорѣчіе и почувствовали нужду какъ-нибудь выйдти изъ него. Въ такихъ случаяхъ они, обыкновенно, не слишкомъ стѣсняются логикой и исторіей. Вотъ напримѣръ какой силлогизмъ строитъ протопопъ Аввакумъ: святый Іоаннъ Златоустъ и святый Кириллъ утверждаютъ, что царство противника Христова будетъ въ Римѣ; „святый же Сильвестръ папа римскій, егда съ небеси посланъ къ Филоѳею патріарху Царяграда, нашу Русскую землю признаетъ третьимъ Римомъ": слѣдовательно въ Русской землѣ и долженъ явиться антихристъ. Затѣмъ идутъ доказательства, что онъ явился имѣнно въ лицѣ Никона. Остроумный ученикъ Аввакума, дьяконъ Ѳедоръ, былъ еще изобрѣтательнѣе. Такъ какъ судьбу православія въ первомъ, второмъ и третьемъ Римѣ повѣсть тѣсно соединяетъ съ судьбою бѣлаго клобука, то было нужно лишь доказать, что Никонъ поругался надъ бѣлымъ клобукомъ: погибель православія должна была слѣдовать затѣмъ уже сама собою. И вотъ является такого рода повѣствованіе: „сего святаго бѣлаго клобука носиша святіи архіепископи новгородстіи, посемъ и пять патріарховъ московскихъ и четыре митрополита, до Никона; а *Никонъ и то превратилъ по своему* и на подклейкѣ носилъ, яко жонка кая на кичкѣ своей сороку; гордости образъ показа, а смиренія образъ возненавидѣ прежнихъ святыхъ святителей русскихъ; а *посемъ и до конца отверже бѣлый святый клобукъ*, и черный положи на себѣ: *отерзъ бо ему та благодать, яко и древнимъ отступникомъ и еретикомъ римскимъ*; много бо и они тамо ругалися святому бѣлому клобуку. [1]

---

[1] Не извѣстно впрочемъ, Ѳедору ли принадлежитъ изобрѣтеніе этого сказанія, или самому Аввакуму, у котораго есть отдѣльное сочиненіе о клобукахъ. Онъ утверждаетъ, что камилавки на подклейкахъ и клобуки

Мы показали образцикъ того, съ какимъ знаніемъ дѣла издаются у насъ памятники раскольничьей письменности; постараемся теперь представить не менѣе замѣчательный примѣръ того, съ какимъ знаніемъ и съ какою основательностью нѣкоторыми *излагается* исторія раскола по раскольничьимъ рукописямъ.

(До слѣд. №)

Н. С—НЪ.

рогатые заимствованы отъ римскаго костела. „Въ Римѣ, разказываетъ онъ, была, прежде Флоренскаго собора, на престолѣ въ папахъ баба еретица;“ она-то и устроила себѣ клобукъ на подклейкѣ, точно такой, какой сталъ носить потомъ Никонъ. А въ рогатомъ клобукѣ прителъ на Флоренскій соборъ папа Евгеній; у него переняли Греки носить такіе клобуки, а у нихъ потомъ опять патріархъ Никонъ. Замѣчательно это желаніе сблизить Никона съ папами.

ЯЗЫКЪ ФИЗІОЛОГОВЪ И ПСИХОЛОГОВЪ [1]

Физіологія обыденной жизни. Соч. Г. Г. Льюиса. Перев. съ англійскаго Борзенкова и Рачинскаго. Т. I. II. Москва 1861—62 г.

— Какъ вы себя чувствуете? спрашиваетъ докторъ больнаго.

— Плохо, отвѣчаетъ больной:—голова болитъ нестерпимо.

— Въ какой части?

— Въ передней.

— Это ничего, успокоиваетъ докторъ:—это пройдетъ. Впрочемъ какая боль, острая или тупая?

Больной молчитъ; онъ затрудняется обозначить качество боли.

— Чувствуете ли вы, спрашиваетъ докторъ, желая помочь больному въ самопознаніи:—что въ головѣ будто стрѣляетъ, или просто чувствуете тяжесть, будто туда кто-нибудь свинцу наложилъ?

— Давитъ, гнететъ, тяжело какъ свинецъ, отвѣчаетъ больной послѣ непродолжительнаго вниманія къ своему душевному состоянію.

При этомъ докторъ всматривается больному въ глаза и находитъ, что они помутились: движеніе ихъ медленно, вяло, тупо; они не имѣютъ обыкновеннаго блеска.

— А больше ничего не чувствуете? продолжаетъ докторъ.

— Ничего. Только какая-то усталость. Ноги тяжелы руки тяжелы, все тяжело. Да еще вотъ аппетита не имѣю.

Докторъ посмотрѣлъ языкъ больнаго, пощупалъ пульсъ и изслѣдовалъ кожу въ разныхъ мѣстахъ тѣла. Языкъ оказался

[1] См. *Русскій Вѣстникъ* № 4.

сухимъ, кожа также сухая, безъ испарины; удары пульса были неправильны.

Въ этой діагностикѣ языкъ физіолога и психолога служилъ для одной и той же цѣли. Тотъ и другой языкъ выражалъ одно и то же состояніе больнаго организма. Еслибы наши ощущенія были тоньше, опредѣленнѣе и раздѣльнѣе, то можно бы развить психологическое ученіе о распознаваніи тѣлесныхъ болѣзней. Сухость кожи и языка, неправильное біеніе пульса, мутные глаза,—всѣ эти состоянія и ихъ органическія условія необходимо выражаются въ соотвѣтствующихъ ощущеніяхъ, и по присутствію этихъ ощущеній мы могли бы съ достовѣрностью заключать о болѣзненномъ состояніи тѣхъ или другихъ тѣлесныхъ органовъ. Внѣшнему наблюденію доктора открыты измѣненія только на поверхности живаго тѣла; о болѣзни частей внутреннихъ онъ вынужденъ дѣлать догадки, предположенія, всегда соединенныя съ опасностію ошибки. Ощущенія тонкія, опредѣленныя, рѣзко обозначающіяся, руководили бы его лучше нежели тѣлесныя данныя. Языкъ психологовъ выражалъ бы ясно и вполнѣ здоровыя и болѣзненныя состоянія тѣлеснаго организма.

Еслибы напротивъ докторъ могъ наблюдать живое тѣло такъ, какъ мы наблюдаемъ наши машины, еслибъ онъ былъ въ состояніи обозрѣвать непосредственно каждую часть, каждый органъ, всѣ ткани и системы живаго тѣла; тогда онъ не имѣлъ бы надобности справляться о душевныхъ состояніяхъ больнаго, о чувствахъ боли острой или тупой, о чувствованіи усталости, тяжести, и т. д.; онъ просто и непосредственно видѣлъ бы какой тѣлесный органъ поврежденъ и какъ онъ задерживаетъ и сбиваетъ съ правильной дороги движенія и отправленія остальныхъ частей тѣла. Въ такомъ случаѣ языкъ физіологовъ былъ бы лучшимъ и полнымъ выраженіемъ здоровыхъ или болѣзненныхъ состояній тѣла.

Ни то, ни другое предположеніе не оправдывается въ дѣйствительности. Ощущенія наши, особенно тѣ которыя происходятъ отъ различныхъ состояній организма, каковы напримѣръ чувство тупой или острой боли въ головѣ, чувство усталости или тяжести, такъ неопредѣленны и слитны, являются они въ такихъ разнообразныхъ сочета-

ніяхъ, что положиться на нихъ при распознаваніи тѣлесныхъ болѣзней нѣтъ никакой возможности. Съ другой стороны, какъ ни далеко подвинулось въ настоящее время физіологическое и анатомическое изученіе тѣла, все же докторъ можетъ наблюдать въ живомъ тѣлѣ только наружныя перемѣны, и по этимъ неполнымъ даннымъ онъ вынужденъ дѣлать заключенія о состояніи внутреннихъ частей тѣла,—заключенія, которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ имѣть притязанія, на непогрѣшительность. Поэтому врачъ пользуется для достиженія своихъ цѣлей совмѣстно и языкомъ самосознанія и языкомъ физіологіи: о характерѣ болѣзни онъ дѣлаетъ догадки въ одно и то же время какъ физіологъ и какъ психологъ. Такъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ для достиженія нашихъ цѣлей на практикѣ мы соединяемъ средства самыя разнородныя, средства, которыя по своему качеству, по своимъ постояннымъ свойствамъ, могутъ не имѣть между собою ничего общаго. При встрѣчѣ, напримѣръ, съ какою-нибудь опасностью, человѣкъ мыслитъ и дѣйствуетъ, то-есть, производитъ перемѣну въ положеніи своихъ представленій и въ положеніи окружающихъ его вещей, также онъ въ одно и то же время критикуетъ, обсуживаетъ и отдается авторитету, слѣдуетъ совѣту друзей, поддерживаетъ въ себѣ мужество вмѣстѣ и разчетомъ, и надеждою, и знаніемъ, и вѣрою. Въ дѣлѣ и для дѣла мы совокупляемъ средства, взятыя изъ различныхъ мотивовъ; тутъ насъ интересуетъ не логичность, не послѣдовательность, а успѣхъ.

Но для науки эта практика не можетъ служить руководящимъ правиломъ. Если политика, основанная на началѣ: divide et impera, считается нынѣ дурною, то наука овладѣваетъ міромъ вещей тѣмъ лучше и тѣмъ скорѣе чѣмъ болѣе раздѣляетъ она. Наука должна брать каждое явленіе отдѣльно, должна опредѣлять и изучать прежде всего особенныя качества каждаго явленія. Справедливо, что это аналитическое направленіе науки не удовлетворитъ всѣмъ нуждамъ духа; мы стремимся сообщить нашимъ познаніямъ единство, мы ищемъ одного цѣлостнаго взгляда на окружающія насъ явленія: отрывками, частями несвязанныхъ познаній мы недовольны. Вещи спокойно лежатъ въ пространствѣ одна подлѣ другой, или измѣняются, но все же въ порядкѣ послѣдова-

тельномъ, такъ-что для всякаго измѣненія есть своя очередь. Но понятія о вещахъ сходятся въ нашемъ одномъ, не раздѣльномъ сознаніи, и вступаютъ здѣсь въ отношенія согласія, или противорѣчія, общаго и частнаго, стремясь такимъ образомъ построиться въ одну систему, въ одно знаніе о мірѣ явленій. Тѣмъ не менѣе, если единство или цѣлостный взглядъ на вещи сложился у насъ такъ, что онъ мѣшаетъ намъ различать особенныя качества каждаго частнаго явленія, то мы получаемъ то призрачное знаніе, въ которомъ безспорно мы сознаемъ единство понятія, но не имѣемъ уже никакого опредѣленнаго представленія о разнообразныхъ признакахъ, составляющихъ его содержаніе. Очень часто, напримѣръ, психологія начинала свои изслѣдованія предположеніемъ, что душа составляетъ сущность тѣлеснаго организма, что тѣло есть *инобытіе* духа, его внѣшность, есть самый духъ, только ставшій видимымъ, что глазъ, напримѣръ, есть не что иное, какъ организовавшаяся душевная потребность видѣть, ухо—организовавшаяся душевная потребность слышать, желудокъ—организовавшаяся потребность самосохраненія, и т. д. Также очень часто физіологія основывалась на предположеніи, что тѣлесный организмъ есть источникъ душевныхъ явленій, что душа есть самое тѣло, только ставшее внутреннимъ, что мышленіе есть функція головнаго мозга, зрѣніе—функція зрительнаго нерва, и т. д. Въ разныя времена шла ожесточенная борьба за истину одного изъ этихъ положеній, и это доказываетъ, что дѣло тутъ касается взгляда, который затрогиваетъ различные интересы человѣка и его образованія. Однакоже объ ученомъ, который, на основаніи одного изъ этихъ предположеній, хочетъ построить положительную науку, можно сказать, что онъ начинаетъ съ конца. Предположеніе, что жизнь нашего тѣла и жизнь нашего духа есть одна и та же жизнь, нисколько для нашего наблюденія не сокращаетъ огромнаго разстоянія между качествами явленій душевныхъ и тѣлесныхъ. Поэтому психологи и физіологи, понимающіе значеніе науки, прежде всего заботятся не о слитіи этихъ явленій въ одной общей теоріи, но о правильномъ раздѣленіи ихъ и объ изученіи тѣхъ отношеній, въ которыхъ они даны для непосредственнаго наблюденія. Задача эта только для поверхностнаго ученаго можетъ казаться легкою.

Декартъ, котораго простые и ясные анализы имѣли могущественное вліяніе на развитіе европейской философіи, разсматривалъ человѣческое тѣло какъ машину, которая имѣетъ всѣ условія и средства для того чтобы ходить, ѣсть и дышать. Онъ полагалъ даже, что первый крикъ ребенка послѣ рожденія, его жесты и гримасы, исканіе грудей—все это можетъ происходить безъ участія души, изъ одного тѣлеснаго устройства, потому что и въ послѣдующей жизни часто происходятъ подобныя явленія или противъ воли, или безсознательно. Въ этомъ ученіи, которому Декартъ неосновательно давалъ значеніе метафизическаго взгляда, заключается прямое указаніе на ту методу изслѣдованія, которая рѣзко разграничиваетъ вѣдѣніе физіологическое отъ психологическаго. Духовное начало обнаруживаетъ свою дѣятельность въ стремленіяхъ, чувствованіяхъ, мысляхъ,—вотъ кругъ душевныхъ явленій данныхъ въ опытѣ. Духовное начало изъ этихъ элементовъ созидаетъ науку и искусство, созидаетъ семейство, общество, исторію—вотъ организмы, сущность которыхъ есть духовное начало. Нужно ли еще предполагать, что это же самое духовное начало, которое строитъ эти высшіе организмы, есть вмѣстѣ источникъ и организма тѣлеснаго, что, какъ въ послѣдствіи времени оно создало науку и искусство, такъ въ часы своего безсознательнаго существованія оно занималось изобрѣтеніемъ и построеніемъ нервовъ, костей, мускуловъ и всѣхъ частей своего тѣла? Во всякомъ случаѣ это предположеніе отличается такою смѣлостію, что наука опытная не можетъ основаться на немъ. Съ другой стороны, по взгляду Декарта, тѣло есть машина, только *нарочито* устроенная, то-есть, машина, которая происходитъ не изъ случайной встрѣчи физическихъ дѣятелей. Дѣйствительно, современный физіологъ находитъ въ животномъ тѣлѣ молотки, рычаги, клапаны, цѣдилки, заслонки, веревки, рѣжущіе ножи, трущіе жернова, капилярные сосуды, химическія реторты; только всѣ эти снаряды подчиняются здѣсь общему плану, каждый изъ нихъ помѣщается на особенномъ мѣстѣ и въ особенной системѣ, каждый изъ нихъ находится къ остальнымъ въ отношеніяхъ, разъ навсегда опредѣленныхъ, будемъ ли мы брать во вниманіе пространство, время или способъ и размѣры дѣятельности этихъ механизмовъ.

Наконецъ, Декартово объясненіе крика, жестовъ и гримасъ ребенка въ первые мѣсяцы жизни, прямо указывало на присутствіе закона рефлективныхъ движеній,—закона, который открытъ такъ поздно, вслѣдствіе трудности отрѣшиться отъ воззрѣній жизненныхъ, поэтическихъ, отъ пониманія явленій въ цѣлостномъ и единичномъ образѣ.

Такіе умы, какъ Боэргавъ, сразу оцѣнили достоинство Декартова ученія. Но большинство въ Англіи и во Франціи находило въ этомъ ученіи сухость и безжизненность. „Декартъ раздѣляетъ то что̀ природа соединила, Декартъ видитъ въ тѣлѣ машину мертвую, безъ археевъ, безъ жизненныхъ духовъ, безъ животворящаго эѳира, безъ жизненной силы. Его философія противорѣчитъ нашему ежедневному чувству,“ таковы были общія воззрѣнія противъ этой раздѣляющей методы.

И дѣйствительно, съ этою методой, какъ и со всѣми научными методами, которыя поставляютъ человѣка въ болѣе или менѣе искусственное положеніе, особенно не мирится одно чувство, живое, глубокое, многозначительное. Въ ежедневной жизни и дѣятельности мы вносимъ измѣненія нашего тѣла въ кругъ нашей личности и поставляемъ ихъ въ самое внутреннее отношеніе къ нашему *я*, къ нашей, ни съ кѣмъ не раздѣляемой, чувствительности. Разрѣзъ на моей рукѣ есть не просто предметъ моего наблюденія, какъ разрѣзъ, происходящій на стѣнѣ или на корѣ дерева; нѣтъ, онъ чувствуется какъ боль, какъ страданіе души, какъ мое внутреннее измѣненіе. Движеніе моихъ ногъ не есть только случай, который я замѣчаю подобно тому какъ замѣчаю движеніе воды въ ручьѣ: оно открывается мнѣ какъ рядъ чувствованій и измѣненій моей непосредственной, душевной жизненности. Такимъ образомъ наше тѣло входитъ въ содержаніе нашего *я*, подобно тому какъ входятъ въ это содержаніе наши мысли, чувства и желанія. Мы чувствуемъ себя какъ одно живое существо. Сообразно съ этимъ и въ понятіи: жизнь, живое, жизненность—обыкновенный смыслъ соединяетъ все что̀ грѣетъ и затрогиваетъ наше чувство, все чѣмъ мы можемъ наслаждаться только въ его цѣлостномъ, неразложенномъ существованіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что это чувство одной нераздѣльной жизненности, чувство, которое служитъ могущественнѣйшимъ

двигателемъ нашего образованія, не можетъ удовлетвориться изученіемъ явленій души и тѣла по той рѣзко разграничивающей методѣ, которой начала указываетъ Декартъ. Но едва ли надобно замѣчать, что вообще ни одна положительная наука не имѣетъ намѣренія изслѣдовать міръ вещей съ той высшей и безусловной точки зрѣнія, на которую поставить насъ стремится это глубокое чувство. Кто не отличаетъ въ этомъ случаѣ задачъ метафизики отъ аналитическаго изученія явленій, тотъ открываетъ психологію положеніями въ родѣ того, что душа, какъ мы знаемъ ее изъ нашего непосредственнаго опыта, есть сущность тѣла, или на оборотъ, что тѣло, какъ мы знаемъ его тоже изъ нашего обыкновеннаго опыта, есть сущность душевныхъ явленій.

Физіологія Льюиса интересуетъ насъ прежде всего какъ попытка провести въ научномъ анализѣ первое изъ двухъ воззрѣній, на которыя мы сейчасъ указали. Льюисъ доказываетъ, что раздѣленіе нервовъ на два рода, на нервы чувствительности и нервы движенія, допущено физіологами совершенно произвольно, что напротивъ „нервы обоихъ родовъ возбуждаютъ чувствительность.“ (Т. II. 27.) Онъ утверждаетъ далѣе, что также не имѣетъ основанія принятое физіологами различіе между головнымъ и спиннымъ мозгомъ,—различіе, состоящее будто бы въ томъ, что только мозгъ головной есть центръ чувствительности и сознанія, а спинной мозгъ будто бы только управляетъ движеніями и положеніями тѣла. Льюисъ доказываетъ что „и спинной мозгъ есть центръ чувствительности“ (Т. II. 211), или, какъ онъ выражается вообще, что „чувствительность есть свойство всѣхъ нервныхъ центровъ.“ (Т. II. 69.) Такимъ же образомъ онъ находитъ, что нѣтъ основанія различать въ животномъ организмѣ движенія непроизвольныя и произвольныя: „Всѣ движенія, говоритъ онъ, произвольны. Сознательность составляетъ источникъ всѣхъ ихъ.“ (Т. II. 172.) Во всѣхъ этихъ положеніяхъ, которыя на взглядъ физіолога такъ парадоксальны, проходитъ слишкомъ явственно ученіе, что душа есть сущность и источникъ органическихъ явленій тѣла. Впрочемъ Льюисъ не скрываетъ своего взгляда на отношеніе души къ тѣлу. Доказавъ, что „душа одушевляетъ все тѣло и что отъ нея

зависятъ всѣ движенія тѣла", Льюисъ прибавляетъ: „если-бы намъ сказали, что принять такое положеніе значитъ возвратиться къ ученію Сталя, нашъ отвѣтъ состоялъ бы въ слѣдующемъ: мы должны слѣдовать логикѣ, мы должны идти туда, куда логика ведетъ насъ. Тотъ, кого безпокоитъ мысль о возвратѣ къ прошлому, тотъ, кто не расположенъ повѣрить, что всѣ явленія, совершающіяся въ чувствительномъ организмѣ, имѣютъ одинъ общій источникъ, одну сродственную сущность, одно общее имя — духъ, имѣетъ полную свободу попытаться составить себѣ какое-нибудь другое убѣжденіе, которое было бы не только пріятно для него, но и объясняло бы факты лучше нашего." (Т. II. 189—190.) Итакъ духъ есть общій источникъ всѣхъ явленій, совершающихся въ чувствительномъ организмѣ, онъ есть общая сущность этихъ явленій. Если Льюисъ приписываетъ способность возбуждать ощущенія всѣмъ нервамъ, если онъ считаетъ чувствительность свойствомъ всѣхъ нервныхъ центровъ, если въ сознательности находитъ онъ источникъ всѣхъ движеній животнаго организма; то эти положенія были нужны ему для того чтобы духъ и на самомъ дѣлѣ, то-есть, въ физіологическомъ опытѣ, оказывался сущностію тѣла и источникомъ всѣхъ тѣлесныхъ измѣненій. Шталь училъ: „Душою дышатъ легкія, душою сокращается сердце, вращается кровь, варитъ желудокъ. Душа выбираетъ изъ пищевой смѣси потребные для организма матеріялы и удаляетъ негодные. Душа есть жизнь тѣла." Льюисъ утверждаетъ: „духъ есть сущность органическихъ явленій тѣла и источникъ ихъ; всѣ движенія въ органическомъ тѣлѣ происходятъ изъ сознанія и произвола." Точно, здѣсь мы имѣемъ одно и то же ученіе объ отношеніи души къ тѣлу, и Льюисъ имѣлъ основаніе сослаться на Шталя, какъ на представителя того взгляда, который, по мнѣнію Льюиса, особенно хорошо изъясняетъ явленія жизни.

Я позволяю себѣ вспомнить здѣсь о г. Антоновичѣ и объ его усиліи доказать, что „сущность воззрѣній Льюиса" согласна съ мнѣніями его почтеннаго друга г. Чернышевскаго. Льюисъ учитъ: „душа есть сущность тѣлесной организаціи." Г. Чернышевскій докладываетъ: „напротивъ тѣлесная организація есть сущность и источникъ душевныхъ явленій." Какое согласіе! „Я веду войну съ моимъ

братомъ за обладаніе Миланомъ, говорилъ одинъ герцогъ: что же? Это значитъ, что я согласенъ съ нимъ: и онъ хочетъ владѣть Миланомъ и я хочу владѣть Миланомъ.“ Вообще г. Антоновичъ владѣетъ талантомъ находить сходства: въ наукѣ Льюисъ сходенъ съ г. Чернышевскимъ, въ искусствѣ Тургеневъ сходенъ съ г. Аскоченскимъ, въ жизни Евгеній Базаровъ совершенно похожъ на своего скромнаго и простаго отца, да и въ природѣ—душа, если помнитъ читатель, есть *синонимъ* жизни, а это значитъ, что она такъ же похожа на тѣлесную организацію, какъ Льюисъ на Чернышевскаго, и такъ далѣе. *Философъ Современника* живетъ въ мірѣ полнаго безразличія, живетъ въ мірѣ, гдѣ бѣлое и черное, достойное и пошлое, мысль души и испарина кожи—все равно, гдѣ что ни дай, все выходитъ, какъ и другое. Такъ на праздникѣ Вакха у древнихъ Грековъ всѣ лица превращались въ одинаковыя образины. Такъ въ мистической сферѣ средневѣковаго алхимика, духи звѣздъ и духи земли принимали одинаковый видъ волнующагося тумана. Такъ, по пословицѣ, ночью всѣ кошки кажутся черными. Мышленіе г. Антоновича постоитъ одно и праздниковъ Вакха, и сферы алхимика, и темной ночи. Но вниманію читателя представляется еще одно обстоятельство. Скромный авторъ статей „объ антропологическомъ принципѣ въ философіи“, отозвался о Фихте младшемъ съ полнѣйшимъ презрѣніемъ; онъ выразился, что этотъ философъ имѣетъ такое же значеніе въ вопросахъ науки, какъ г-жа Павлова въ поэзіи. Но вотъ Льюисъ пытается оправдать физіологическими анализами ученіе о душѣ какъ источникѣ тѣлесной жизни, ученіе, которое самъ же онъ находитъ у Шталя и которое, какъ это извѣстно очень многимъ, имѣетъ сильныхъ и ученыхъ защитниковъ въ Карусѣ и Фихте младшемъ. Г. Антоновичъ защищаетъ вышеупомянутыя статьи своего почтеннаго друга и обращается за помощью къ Льюису, обращается къ Льюису, котораго взглядъ на отношеніе души къ тѣлу совершенно совпадаетъ съ ученіемъ Фихте младшаго. Тутъ мы видимъ Немезиду, которая караетъ нашу наглость и невѣжество. Мы ищемъ помощи у боговъ, которыхъ мы отреклись и надъ которыми наругались публично. Г. Антоновичъ куда какъ высоко ставитъ Льюиса! Это такъ и должно быть; потомъ что его почтенный другъ, которому Льюисъ будто бы можетъ не сты-

дясь протянуть руку, стоитъ очень высоко на лѣстницѣ нашихъ русскихъ умовъ. Въ сравненіи съ Льюисомъ оказывается ничтожнымъ даже Либихъ, который роняетъ себя предъ нашимъ философомъ ученіемъ о цѣлесообразности явленій органической жизни. Особенно же, по мнѣнію г. Антоновича, къ чести Льюиса служитъ то, что этотъ физіологъ отрицаетъ жизненную силу. Да, Льюисъ не объясняетъ явленій жизни изъ цѣлей, Льюисъ не признаетъ жизненной силы. „Это мой почтенный другъ или самъ богъ, самъ Бюхнеръ", такъ думаетъ г. Антоновичъ. Что сказать на это? Сказать можно, что все это правда. Если духъ есть источникъ и сущность органическихъ явленій человѣческаго тѣла, если духъ есть жизнь тѣла, то жизненная сила оказывается не нужною, и ея мѣсто уже занято. Льюисъ не объясняетъ явленій жизни изъ цѣлесообразнаго устройства организма. Такое объясненіе было бы нужно, еслибы Льюисъ предполагалъ, что эти явленія не находятся во власти духа, что духъ не есть источникъ ихъ: тогда пришлось бы производить органическое тѣло или изъ случайнаго сочетанія физическихъ условій, какъ дѣлаютъ это матеріялисты, или признать съ Декартомъ *нарочитое устройство*, то-есть то, что Либихъ называетъ цѣлесообразностію. Въ развитіи и оправданіи своего основнаго взгляда Льюисъ очень послѣдователенъ. Духъ есть источникъ тѣлесныхъ явленій; поэтому цѣлесообразное устройство тѣла и его органовъ должно быть результатомъ, а не основаніемъ жизни. По Аристотелю, напримѣръ, цѣль есть главный двигатель организма. Для Льюиса этотъ двигатель есть духъ, или чувствительность, ощущеніе (Т. II. 137); цѣлесообразное же устройство не источникъ, а результатъ движенія. Льюисъ признаетъ цѣлесообразность въ явленіяхъ жизни, какъ признавалъ ее Либихъ или Декартъ. Онъ говоритъ напримѣръ: „какъ чудно приспособлены, прилажены другъ къ другу части этого цѣлаго, которое мы называемъ организмомъ"; онъ согласенъ, что „*приспособленіе* частей сложнаго организма опредѣляетъ ихъ дѣятельность." (Т. II. 134.) Но онъ не ограничивается этимъ представленіемъ цѣлесообразности; онъ идетъ дальше Декарта и Либиха. „Чувствительность, ощущеніе, говоритъ онъ (Т. II. 136), составляетъ необходимую часть механизма, главную пружину часовъ, топливо паровой машины. Безъ ощущеній дѣятельность организма

невозможна". Коротко, различіе между ученіемъ Декарта, Либиха и Льюиса состоитъ въ слѣдующемъ: Декартъ видитъ въ тѣлѣ цѣлесообразно-устроенную машину и находитъ источникъ этого устройства въ непосредственной творческой волѣ. Либихъ объясняетъ эту цѣлесообразность изъ жизненной силы, вслѣдствіе чего организмъ отличается отъ человѣческихъ машинъ еще особеннымъ характеромъ жизненности. Льюисъ находитъ источникъ этого устройства въ духовности, которая и есть сущность тѣла. Декартъ говоритъ о машинѣ разумно-устроенной, но *мертвой*; Либихъ—о машинѣ разумно устроенной и *живой*; Льюисъ—о машинѣ разумно-устроенной и *чувствующей*. „Я признаю, говоритъ онъ, что организмъ есть механизмъ, но *механизмъ чувствительный: въ этомъ жизненномъ механизмѣ каждый зубецъ есть ощущеніе*." (Т. II. 164.) Льюисъ пишетъ эти слова курсивомъ, конечно, для того чтобъ обратить на нихъ особенное вниманіе читателя.

Итакъ, въ физіологіи Льюиса мы имѣемъ воззрѣніе цѣлостное,—воззрѣніе, которое не отступаетъ ни предъ какими послѣдствіями, сколько бы ни противорѣчили они общепринятымъ понятіямъ физіологовъ и психологовъ. „Всѣ явленія, совершающіяся въ организаціи человѣка, имѣютъ одинъ общій источникъ, одну сродственную сущность, одно общее имя—духъ." (Т. II. 190.) „Всѣ дѣйствія въ человѣческомъ организмѣ произвольны, и сознательность составляетъ источникъ всѣхъ ихъ." (Т. II. 172.) „Въ организмѣ не можетъ совершиться никакое дѣйствіе, въ основаніи котораго не лежало бы какое-нибудь ощущеніе." (Т. II. 164). „Организмъ есть *чувствительный механизмъ*." (Т. II. 164.) А это не только означаетъ, что „въ основаніи каждой дѣятельности организма лежитъ какое-либо ощущеніе" (Т. II. 164), что „ощущеніе составляетъ необходимую часть этого механизма, главную пружину этихъ часовъ" (Т. II. 136), что „всѣ дѣйствія организма опредѣляются *импульсомъ управляющихъ ими ощущеній*" (Т. II. 137),—нѣтъ, этимъ выражается мысль, еще болѣе смѣлая, именно, что „въ *жизненномъ механизмѣ каждый зубецъ есть ощущеніе*." (Т. II. 164.) Мы видимъ, что далѣе идти некуда при развитіи этихъ положеній. Въ полномъ соотвѣтствіи съ основнымъ своимъ взглядомъ на отношеніе души къ тѣлу, Льюисъ доказываетъ, что всѣ нервныя нити

имѣютъ способность возбуждать чувствительность нервныхъ центровъ и что поэтому принятое физіологами раздѣленіе этихъ нитей на нервы чувствительности и движенія—произвольно; далѣе, что чувствительность принадлежитъ не одному головному мозгу, а есть свойство всѣхъ нервныхъ центровъ; втретьихъ, что рефлективныя движенія происходятъ не въ элементѣ физіологическомъ, но въ элементѣ психическомъ, происходятъ не такъ, будто физіологическая перемѣна въ одномъ нервномъ центрѣ отражается на другой центръ и производитъ въ немъ также физіологическую перемѣну,—нѣтъ, на этотъ другой центръ рефлектируется не физіологическое измѣненіе центра перваго, а его психическое, сознательное состояніе ощущенія. Итакъ Льюисъ не думаетъ противорѣчить самому себѣ, утверждая, что въ нашемъ организмѣ всѣ движенія рефлективны и вмѣстѣ всѣ они произвольны, сознательны.

Льюисъ ссылается на древнихъ и находитъ, что при вопросѣ о духѣ и его отношеніи къ жизни тѣла древніе были ближе въ истинѣ чѣмъ новые. Теорію, которая въ душѣ находитъ источникъ тѣлесной жизни, развилъ въ древности Аристотель, и развилъ съ ясностію и отчетливостію, которыя свойственны генію и которыя доставили его взглядамъ на душу и жизнь тѣла безпримѣрное историческое значеніе.

Для непосредственнаго наблюденія органическое тѣло представляется какъ бы на краю пропасти, въ которой волнуется и несется вдаль, безъ цѣли и безъ смысла, быстрый потокъ силъ физическихъ и химическихъ. Въ каждую минуту стройное тѣло не только готово оборваться въ этотъ потокъ, разложиться въ немъ на мертвые элементы и исчезнуть безъ слѣда, но оно дѣйствительно обрывается въ этотъ потокъ ежеминутно. Только, какъ при походкѣ мы съ каждымъ движеніемъ ноги падаемъ, но тутъ же сразу и встаемъ, такъ въ тѣлесномъ организмѣ совершается постоянное обновленіе тканей, которыя непрерывно уносятся химическимъ потокомъ. Простой смыслъ, котораго, впрочемъ, вопросы о жизни интересуютъ не менѣе чѣмъ выспренняго метафизика, спрашиваетъ прежде всего: кто тутъ занимается подновленіемъ, постояннымъ непрерывнымъ, ежеминутнымъ? Не мы же сами, существа мыслящія, чувствующія, фантазирующія, занятыя наукою, службою, искус-

ствомъ, мелочами дня, борьбою съ людьми, — не душа же наша, которая не можетъ сказать по совѣсти, чтобъ она когда-нибудь занималась обновленіемъ органическихъ тканей, превращеніемъ пищи въ кровь и перемѣщеніемъ крови изъ венъ въ сердце, въ легкія, опять въ сердце и отсюда въ артеріи? Кто же занимается всѣмъ этимъ? Жизненная сила, отвѣчали всего охотнѣе; жизненный геній, отвѣчаетъ Гумбольдтъ. Эта сила не позволяетъ, чтобы простыя вещества слѣдовали своему непосредственному, естественному желанію; она ограничиваетъ ихъ прирожденныя права, ихъ химическія наклонности и страсти, она заставляетъ ихъ отказываться отъ многихъ сочетаній, въ которыя они непремѣнно вступили бы, еслибъ имъ предоставить полную свободу заявлять свои химическія симпатіи и антипатіи. Очевидно однако же, что этотъ отвѣтъ служитъ только описаніемъ самаго вопроса. Пока мы не знаемъ что̀ такое жизненная сила, до тѣхъ поръ положеніе, что жизненная сила строитъ живое тѣло, будетъ имѣть слѣдующій смыслъ: тѣлесную жизнь строитъ то, что̀ строитъ ее. Задача была найдти того внутренняго дѣятеля, на существованіе котораго, повидимому, такъ настойчиво указываютъ внѣшнія явленія органической жизни, и который пока называется неопредѣленнымъ именемъ жизненной силы. Въ нашихъ опытахъ есть единственный случай, гдѣ мы встрѣчаемся съ внутреннимъ дѣятелемъ. Мы разумѣемъ душу, которая извѣстна намъ не подъ туманнымъ именемъ внутренняго дѣятеля, но извѣстна по своимъ дѣйствительнымъ качествамъ. Если мы воспользуемся этимъ единственнымъ познаніемъ внутренняго, чтобы наполнить существующимъ содержаніемъ общее понятіе жизненной силы, то мы будемъ вынуждены признать, что жизненная сила есть душа.

„Душа, говоритъ Аристотель, есть первый источникъ формы, или первое начало формы физическаго тѣла, имѣющаго жизнь въ возможности: а тѣло это есть оттого органическое.“ Отъ души зависитъ, почему живое тѣло есть не сумма безразличныхъ частей, а система органовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ въ экономіи жизни свое особенное назначеніе. Такое тѣло, котораго масса превратилась въ систему, а части въ органы, мы называемъ органическимъ. Отъ души зависитъ то, почему одно живое тѣло есть сплетеніе клѣточекъ, другое имѣетъ мускулы и нервы,

почему одно тѣло имѣетъ четыре ноги, другое—двѣ ноги и двѣ руки; душа есть источникъ этихъ формъ.

На основаніи опыта Аристотель различаетъ душу питающую или растительную, чувствующую или животную, разумную или человѣческую. Эти представленія повторяются съ различными видоизмѣненіями до нашего времени. Душа растительная дана для физіолога въ органической клѣточкѣ, душа животная — въ мускульномъ и нервномъ волокнѣ. Сообразно съ тѣмъ же порядкомъ мыслей, различали философы силу воспроизведенія, которая становится предметною въ клѣточкѣ, раздражительность, которая воплощается въ мускулѣ, и чувствительность, которая дѣлается предметною въ нервѣ. Все это качества души, какъ жизненной силы тѣла, качества души, поскольку она образуетъ тѣло. Мы увидимъ, что этотъ языкъ не годится для современной психологіи и физіологіи: однакоже замѣтимъ, что происхожденіе клѣточки, раздражительность мускульнаго волокна и чувствительность нерва остаются и доселѣ явленіями необъяснимыми изъ началъ точнаго естествознанія.

Ученіе Аристотеля, что душа составляетъ жизнь тѣла, получило особенное видоизмѣненіе въ началѣ настоящаго столѣтія, съ одной стороны подъ вліяніемъ философскихъ идей Шеллинга, а съ другой—вслѣдствіе быстраго развитія химіи и обширнаго изученія органической и животной жизни. Подъ микроскопомъ вы видите плавающую въ жидкости инфузорію, видите математическую точку, впрочемъ живую и ощущающую. Если въ развитомъ животномъ тѣлѣ одинъ органъ служитъ для питанія, другой для отдѣленія, третій для дыханія, опять другіе органы для движенія, то наше животное принимаетъ пищу и выдѣляетъ ненужные элементы, дышетъ и совершаетъ движенія, посредствомъ одного и того же органа, который есть оно само, есть вся эта видимая нами точка. Органъ души и тѣло животнаго совпадаютъ здѣсь. Вы не различите здѣсь душевной жизни заключенной въ тѣлѣ и потомъ уже открывающейся постороннему наблюдателю въ дѣятельности нѣкоторыхъ, нарочно для этого устроенныхъ органовъ. Вы не найдете здѣсь такой души, которая, покоясь въ тѣлѣ, приводитъ по временамъ въ дѣйствіе то одинъ, то другой органъ тѣла, рождая этимъ въ наблюдателѣ убѣжденіе, что душа есть нѣчто

само по себѣ и тѣло есть нѣчто само по себѣ, и что душа распоряжается своимъ тѣломъ какъ механикъ машиной. Вмѣсто этого различія и раздѣленія, вамъ открывается здѣсь одно существо, одна чувствующая масса, открывается чувствительность *проектированная*, принявшая пространственную форму, чувствительность организованная. „О самыхъ ощущеніяхъ нашихъ, замѣчаетъ Льюисъ, можно сказать, что они организуются въ насъ.“ (Т. II. 136.) Ощущеніе и его органъ, это не двѣ различныя вещи; органъ есть самое ощущеніе, только сложившееся въ пространственную форму. „Въ *жизненномъ механизмѣ*, говоритъ Льюисъ, *каждый зубецъ есть ощущеніе.*“ (Т. II. 164.) Зубцы механизма построены не изъ какого-нибудь посторонняго для души матеріяла, они суть самыя эти ощущенія. Сообразно съ этимъ изученіе животной жизни убѣждаетъ насъ, что тѣлесные органы животнаго, зубцы механизма, вполнѣ соотвѣтствуютъ его ощущеніямъ, его душевнымъ качествамъ, или что тѣло животнаго есть самое вѣрное зеркало души его. Такъ еще Аристотель выражался: „насѣкомыя имѣютъ жало, потому что они имѣютъ гнѣвъ“; или „растенія не имѣютъ органовъ произвольнаго движенія, потому что имъ не достаетъ сильныхъ желаній, которыя могли бы взманить ихъ на перемѣну мѣста.“ Душа и тѣло есть одно существо, только разъ это существо разсматривается само въ себѣ, въ другой разъ оно представляется въ явленіи природы. „Если, говоритъ Карусъ, мы уже хотимъ раздѣлять душу и тѣло, то мы должны сказать: въ человѣкѣ можно различать внутреннюю идею, идею его существа, и схему или отраженіе этой идеи въ явленіи природы“. „Человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла... значитъ ли это, спрашиваетъ Карусъ, что человѣкъ состоитъ изъ души, да еще изъ фосфора, извести, сѣры, желѣза, кислорода, соды, азота и т. д.? Вѣдь все это субстанціи, которыя разсѣяны въ окружающей насъ природѣ въ тысячѣ разнообразныхъ формъ? Кто сказалъ бы, что радуга состоитъ изъ дождевыхъ капель и прекрасныхъ цвѣтныхъ дугъ? Какъ радуга есть цвѣтъ солнца отраженный на дождевыхъ капляхъ и разложившійся въ нихъ, такъ человѣческая организація есть идея духа отраженная на физическомъ и химическомъ потокѣ вещей, и разложившійся въ немъ пространственный образъ. Тамъ капли

дождя, здѣсь элементы тѣла подвержены ежеминутной смѣнѣ, приходятъ и уходятъ, текутъ безостановочно. Существованіе постоянное, прочное и ровное имѣютъ только отраженія, только образы, тамъ солнца, здѣсь духа. Тѣло, повторяемъ, есть образъ духа, есть отраженіе духа и его качествъ на вещахъ физическихъ и химическихъ."

Мы не будемъ слѣдить далѣе за этою теоріей, которая получила особенное развитіе у Каруса. Мы коснулись ея здѣсь только потому, что хотя Льюисъ рѣзко и ярко ставитъ ея главныя понятія, однако онъ не развиваетъ ихъ изъ общихъ основаній, не возводитъ къ общимъ началамъ. Льюисъ предпочитаетъ держать насъ въ области фактовъ, которыхъ пестрый видъ разсѣиваетъ мышленіе. Своему смѣлому ученію, что духъ есть жизнь тѣла, онъ даетъ характеръ безразличной фактической истины. Какъ эмпирическій изслѣдователь, онъ просто разказываетъ, что вотъ какъ оно есть на самомъ дѣлѣ, что вотъ какое обстоятельство, вотъ какой фактъ находитъ физіологія: „духъ есть источникъ органическихъ явленій, духъ есть сущность тѣла." А затѣмъ онъ уже не спрашиваетъ, что же означаетъ этотъ фактъ, что означаетъ это обстоятельство, откуда происходитъ это фактическое отношеніе. „Философичнѣе, говоритъ Льюисъ, разсматривать жизнь, какъ первичный фактъ." Если это значитъ, что было бы глупо спрашивать, какъ дѣлается жизнь, если это значитъ, что жизнь не изготовляется въ мастерской природы съ помощію особенныхъ механизмовъ, какъ изготовляются на нашихъ фабрикахъ шелковыя ткани, что только измѣненія, процессы или явленія жизни могутъ быть объясняемы изъ механическихъ вліяній, но что постоянныя основанія этихъ измѣненій и процессовъ сами не зависятъ отъ физическаго механизма, не состоятъ въ его власти, потому что механизмъ никогда не бываетъ творцомъ, а только развѣ служителемъ творческой идеи; то такой взглядъ на жизнь, какъ на первичный фактъ, совершенно философиченъ. Какой-нибудь Бюхнеръ, напримѣръ, просто себѣ разказываетъ, какъ начинаетъ дѣлаться жизнь силами общаго механизма природы, какъ на поверхности движутся и играютъ живыя существа, словно маріонетки, тогда какъ за кулисами всю эту игру производитъ механизмъ, который одинъ наслаждается истиннымъ бытіемъ, одинъ имѣетъ значеніе первичнаго факта. Но Льюисъ вовсе не развиваетъ своего взгляда на духъ

и жизнь. Онъ говоритъ объ особенныхъ законахъ жизни (т. I. стр. 50), о законахъ жизненныхъ (т. I. стр. 306), какъ будто и въ самомъ дѣлѣ онъ открылъ такіе законы. Химія не находитъ въ организмѣ ни какихъ особенныхъ веществъ, кромѣ тѣхъ, которые разлагаются на простыя неорганическія вещества, а законы жизни суть только ея общія явленія, — явленія, въ основаніи которыхъ лежатъ законы физическихъ и химическихъ измѣненій. Вотъ почему физіологія остается на томъ пути, который указанъ былъ Декартомъ и изучаетъ тѣло какъ простой механизмъ цѣлесообразно устроенный. Льюисъ хочетъ ввести въ оборотъ понятіе „чувствительнаго механизма“; но если чувствительность и содержащееся въ ней знаніе составляетъ, по Льюису, главную пружину тѣлеснаго механизма, то ему слѣдовало бы объяснить что же собственно механическаго остается въ этой машинѣ. Она строится, приводится въ движеніе, заводится чувствительностію или внутреннимъ знаніемъ. Когда внѣшніе механическіе толчки дѣйствуютъ на насъ не своимъ непосредственнымъ качествомъ тяжести, плотности и т. д., но входятъ, какъ представленія, въ наше внутреннее знаніе, и уже въ этой формѣ вліяютъ на нихъ, тогда дѣятельность, опредѣленная и условленная этимъ знаніемъ, будетъ не механическая, а разумная, сознательная. Льюисъ очень послѣдовательно утверждаетъ, что сознательность есть источникъ всѣхъ дѣйствій и движеній человѣческаго организма. Только могутъ спросить его: что же собственно механическаго остается въ такомъ знающемъ, чувствующемъ, мыслящемъ механизмѣ? Это даетъ намъ поводъ оглянуться на ту методу, которая изолируетъ кругъ душевныхъ явленій и противопоставляетъ ему также замкнутый кругъ механическихъ движеній. Вотъ это воззрѣніе въ слѣдующихъ краткихъ положеніяхъ:

1) Хотя въ опытѣ ощущеніе души и движеніе членовъ тѣла даны совмѣстно, однако ихъ не связываетъ никакое фактическое условіе, наблюдая которое, мы могли бы сказать: вотъ причина, почему ощущеніе дѣлается пространственнымъ двигателемъ, вотъ причина, почему качество ощущенія пріобрѣтаетъ силу количественной массы, силу рычага, винта, пружины. Нѣкоторые психологи различали въ душѣ способность представлять, чувствовать, желать, да еще способность приводить

въ движеніе члены тѣла. Хотя признаніемъ такой способности ничего не объясняется, однако оно основывается на весьма естественномъ предположеніи, что движеніе членовъ есть особый кругъ явленій, не имѣющій ничего общаго съ представленіями, чувствованіями и желаніями, что между намѣреніемъ идти и выполненіемъ этого намѣренія нѣтъ аналитически-понятнаго отношенія. 2) Какъ превращеніе пространственныхъ измѣненій нерва въ ощущеніе, знаніе и сознаніе не мыслимо и невозможно, такъ и наоборотъ немыслимо и невозможно превращеніе ощущенія, знанія и сознанія въ пространственное измѣненіе нервовъ двигательныхъ, и отсюда въ движеніе членовъ. Какъ ни варіируйте въ мышленіи, или въ какихъ-нибудь экспериментахъ, ощущеніе, представленіе, намѣреніе, вы не найдете въ нихъ тѣхъ физическихъ условій, которыя необходимы для всякаго пространственнаго двигателя и которыя дѣлали бы изъ ощущенія „главную пружину“ механизма нашего тѣла. 3) Итакъ, совершаются ли движенія тѣла вслѣдъ за намѣреніями души или безъ этихъ намѣреній, во всякомъ случаѣ причины и условія ихъ должны быть тѣ же, какія вообще объясняютъ для насъ пространственное движеніе массъ, то-есть, должны быть механическія.

Но теперь возникаетъ вопросъ: какая же судьба связала механическія измѣненія тѣла съ намѣреніями нашей души? Возникаетъ этотъ вопросъ отчасти оттого, что мы не хотимъ напередъ доискаться, какая судьба раздѣляла эти явленія, да и дѣйствительно ли раздѣляла ихъ эта неизвѣстная намъ судьба? Кто выяснилъ себѣ, что мы не обладаемъ способностію знанія непосредственнаго, интуитивнаго, безусловнаго, и что наше познаніе явленій движется не въ томъ направленіи, въ какомъ природа раждаетъ эти явленія, тотъ догадается, что эта раздѣляющая судьба лежитъ въ условіяхъ нашего опытнаго познанія, а не въ вещахъ. Мы уже выше замѣтили, что Декартъ неосновательно присвоилъ своей методѣ значеніе метафизическое. Когда естествоиспытатель говоритъ о цѣлеобразности въ устройствѣ тѣла, то этимъ онъ обозначаетъ простое явленіе на поверхности жизни, явленіе, объ основаніяхъ котораго онъ предоставляетъ спорить философамъ.

Философъ *Современника* уничтожаетъ Либиха передъ Льюисомъ, за то что Либихъ видитъ въ строеніи орга-

низма присутствіе плана и цѣлесообразности. Не знаю что̀ подумалъ бы онъ о Карлѣ Фохтѣ, который въ своихъ *Физіологическихъ письмахъ* почти на каждой страницѣ пользуется телеологическими объясненіями, и такъ часто приходитъ въ удивленіе при видѣ мудраго и глубоко разчитаннаго устройства тѣлесной организаціи. Конечно, онъ записалъ бы его на первый разъ въ разрядъ старыхъ философовъ, хотя Карлъ Фохтъ куда какой матеріалистъ! Когда дикія племена Патагоніи находятъ у подножья скалъ каменные ножи и клинки, и благодарятъ духа пещеры, который, по ихъ убѣжденію, заготовляетъ для нихъ эти орудія, желая доставить своему любимому народу побѣду надъ врагами: то г. Антоновичъ не только полагаетъ, что благодарность духу пещеры происходитъ у этихъ народовъ изъ суевѣрія и незнакомства съ законами природы, но полагаетъ также, что и самые ножи — не ножи и клинки—не клинки.

Итакъ мы имѣемъ здѣсь дѣло съ общимъ языкомъ механической физіологіи. Языкъ этотъ выражаетъ опредѣленно одну мысль, именно, что строеніе тѣла и его органовъ опредѣляется тѣми законами общей механики, которые съ такимъ успѣхомъ примѣняются къ постройкѣ нашихъ машинъ, различныхъ инструментовъ и снарядовъ, что, напримѣръ, устройство руки опредѣляется законами рычага, устройство глаза законами камеръ-обскуры, и т. д., а какой зодчій далъ тѣлу эту форму, или изъ какихъ началъ она происходитъ—эти вопросы раздѣляютъ философовъ, а не физіологовъ.

Но если такое простое и не притязательное значеніе соединяется въ физіологіи съ представленіемъ тѣла, какъ цѣлесообразно-устроеннаго механизма; то само собою понятно, что для философіи остается здѣсь открытое поле изслѣдованій, что для философіи представляется здѣсь задача найдти то единство человѣческой жизни, о существованіи котораго настойчиво говоритъ наше непосредственное чувство. Бенеке, достигшій въ психологіи, можетъ-быть, всего, чего можно достигнуть въ этой наукѣ съ помощію строгой эмпирической методы, учитъ, что, когда одно и то же содержаніе возбуждается до степени сознательности, оно есть явленіе жизни душевной, когда же это содержаніе познается нами не непосредственно, не въ самосознаніи, не въ само-

чувствіи, а посредствомъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ, оно есть часть или система тѣлесная. Въ этой простой мысли вы имѣете и объясненіе единства человѣческой жизни и указаніе основанія для данныхъ въ опытѣ различій между явленіями душевными и физіологическими. Доказывая единство человѣческаго существа, Бенеке съ тѣмъ вмѣстѣ представляетъ на видъ, что сколько мы ни измѣняли движенія нерва, сколько бы мы ни утончали ихъ, мы не получимъ ничего похожаго на ощущеніе и содержащееся въ немъ знаніе; и наоборотъ сколько бы мы ни видоизмѣняли ощущеніе и содержащееся въ немъ знаніе, мы не получимъ ничего похожаго на массу и ея механическихъ двигателей. Тому же впрочемъ учитъ и Льюисъ: „никогда никакой анализъ нерва, говоритъ онъ, не прольетъ свѣта на чувствительность.“ (Т. I стр. 49.) Если никакой анализъ нерва не приводитъ насъ къ факту чувствительности, то не менѣе труденъ и обратный путь, и наукѣ, которая имѣетъ своимъ матеріяломъ лишь данныя внѣшняго опыта, которая остается на почвѣ механики и химіи, не остается ничего другаго какъ держаться своей точки зрѣнія, и воздерживаться говорить о чувствительномъ механизмѣ, объ ощущеніи, которое есть пружина и зубецъ этого механизма, о намѣреніи, которое есть пространственный двигатель тѣла.

Г. Антоновичъ, сказавъ, что „душа есть *синонимъ* жизни и что различныя группы жизненныхъ явленій составляютъ продуктъ организаціи“, заключаетъ: „вотъ въ чемъ вся суть, а тамъ называйте себѣ явленія какими угодно именами“. Это значитъ, что если единство человѣческой жизни мы обозначимъ именами, каковы: „чувствительный механизмъ, ощущеніе, составляющее зубцы этого механизма, топливо этой машины“ и т. д., то этотъ добродушный мыслитель готовый вступить во всякую сдѣлку, честную или нѣтъ, лишь бы достигнуть мира и единства, согласенъ будетъ и на эти выраженія. Но онъ не замѣчаетъ что въ этихъ выраженіяхъ физіологія превратилась въ психологію и что Льюисъ, на котораго онъ почему-то возложилъ свои надежды, сыгралъ съ нимъ злую шутку.

П. ЮРКЕВИЧЪ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

РОМАНЪ ТУРГЕНЕВА

И

ЕГО КРИТИКИ.

I

Публика уже имѣла время оцѣнить литературное достоинство новаго романа г. Тургенева. Дѣйствительно, все въ этомъ произведеніи свидѣтельствуетъ о созрѣвшей силѣ этого первокласнаго таланта: ясность идей, мастерство въ обрисовкѣ типовъ, простота въ замыслѣ и ходѣ дѣйствія, воздержность и ровность въ исполненіи, драматизмъ возникающій естественно изъ самыхъ обыкновенныхъ положеній, ничего лишняго, ничего задерживающаго, ничего посторонняго. Но сверхъ этихъ общихъ достоинствъ, романъ г. Тургенева имѣетъ еще тотъ интересъ, что въ немъ уловленъ текущій моментъ, схвачено убѣгающее явленіе, типически изображена и запечатлѣна на вѣки мимолетная фаза нашей жизни. Вотъ задача художника, который хочетъ непосредственно дѣйствовать на свое время; вотъ въ чемъ истинный смыслъ того требованія, чтобы художникъ оставался сыномъ своего времени, гражданиномъ своей страны. Искусство можетъ дѣйствовать только тѣми средствами, которыя ему свойственны; насиловать его природу, дѣлать его органомъ какихъ-нибудь преднамѣрен-

ныхъ тенденцій значитъ уничтожать его силу и значеніе. Произведеніе искусства не можетъ быть ни поученіемъ, ни проповѣдью; его сила чисто теоретическаго свойства; оно должно быть созерцаніемъ жизни въ ея правдѣ и сущности. Только въ силу такого созерцанія, произведеніе искусства можетъ быть плодотворно и въ практическомъ отношеніи. Въ истинномъ произведеніи искусства ничто не должно возмущать чистоты созерцанія, которое ровнымъ свѣтомъ простирается на все, представляя каждую вещь въ ея существенныхъ очертаніяхъ, въ ея внутреннихъ отношеніяхъ. Всякая случайная примѣсь не только повредитъ внутреннему достоинству художественнаго произведенія, но и уменьшитъ его значеніе для жизни, отниметъ у него силу дѣйствія, или сообщитъ ему совсѣмъ другое значеніе и пожалуй заставитъ его дѣйствовать въ обратномъ смыслѣ.

Наша умственная жизнь не отличается ни многочисленностію своихъ органовъ, ни богатствомъ, ни внутреннею послѣдовательностію въ своемъ развитіи. Она зависитъ отъ разнородныхъ вліяній, дѣйствующихъ на нее со стороны. Эта скудная струйка нашего умственнаго и общественнаго быта протекаетъ передъ лицомъ великихъ и могущественныхъ цивилизацій, отъ которыхъ она зависитъ, которыя безпрерывно на нее дѣйствуютъ и производятъ въ ней пертурбаціи. Оттого-то наше развитіе, повидимому, идетъ такъ быстро; оттого то оно такъ часто переходитъ изъ одной фазы въ другую, такъ легко измѣняется въ своемъ направленіи и цвѣтѣ. Что ни день, то новое колѣно, новая эпоха, новые герои. Въ нашей литературѣ проходитъ послѣдовательно цѣлый рядъ типовъ, соотвѣтствующихъ этимъ фазамъ. Это герои своего времени. Самъ г. Тургеневъ изобразилъ уже нѣсколько подобныхъ типовъ. Въ прежнихъ типахъ онъ изображалъ болѣе или менѣе прожитыя фазы; но въ послѣднемъ романѣ онъ поймалъ героя прямо на дѣлѣ. Вотъ почему новый романъ г. Тургенева, при своемъ общемъ художественномъ значеніи, имѣетъ еще значеніе непосредственно дѣйствующей силы. То, что дѣйствуетъ теперь вокругъ насъ, что пробѣгаетъ въ умахъ и настраиваетъ ихъ извѣстнымъ образомъ, приведено здѣсь къ сознанію, представлено на видъ, изъ дѣятеля превращено въ простой предметъ, изъ центра отброшено къ периферіи. Для

подобной задачи, необходимо обладать высокою творческою силой; необходима также зрѣлая и чуткая мысль, точка зрѣнія, до которой не всякій можетъ возвыситься, глубокая и обширная наблюдательность, большая власть надъ собою. Только благодаря соединенію этихъ условій, могли мы получить эти исполненные жизни очерки, которые представляетъ намъ послѣдній романъ г. Тургенева. Сфера этого романа, конечно, очень ограничена; она соотвѣтствуетъ тому кругу, въ которомъ вращается наше малокровное образованіе. Это сфера такъ-называемыхъ у насъ образованныхъ людей, кончившихъ курсъ въ университетахъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ, кое-что читавшихъ и групирующихся вокругъ литературы. Всего этого очень не много, все это очень скудно, все это не имѣетъ внутренней силы. Дурныя или хорошія мнѣнія, ложныя или истинныя ученія, равно лишены глубокаго корня и въ отцахъ, и въ дѣтяхъ. Всѣ эти мнѣнія, всѣ эти толки и пренія—дѣло большею частію наносное или продуктъ тепличнаго воздуха. Это общая черта всего что̀ называется у насъ образованнымъ, къ какому бы оно ни принадлежало поколѣнію, молодому или старому. Хороши или дурны люди, даровиты они или бездарны по своей природѣ, вы чувствуете, что главная доля ихъ умственнаго содержанія не выработана жизнію, а случайно занесена со стороны, и является или аффектаціей и безплодною вычурой, или сухимъ былiемъ. Сила здѣсь вовсе не сила, а только относительное безсиліе окружающаго. Таковъ тотъ маленькій міръ, къ которому относится послѣднее произведеніе нашего писателя-художника.

Вслѣдъ за появленіемъ этого романа раздались голоса, которые, отдавая справедливость его достоинствамъ, сѣтовали на то, что молодое поколѣніе представлено въ немъ съ невыгодной стороны. Не отрицая правдивости изображенія выведенныхъ лицъ, находили, что эти лица не могутъ служить типическими представителями обоихъ поколѣній, особенно младшаго. Неужели, восклицали эти критики, всѣ наши молодые люди таковы какъ Аркадій и Базаровъ? Неужели это свѣжее, молодое поколѣніе, въ которомъ заключаются всѣ наши надежды, все наше будущее, таково какъ эти два типа? Но это безотрадно, это ужасно, это невозможно! Однако, что̀ же особенно безотраднаго и ужаснаго въ типическомъ изображеніи молодаго поколѣнія у г. Тургенева?

Мы оставимъ пока Базарова въ сторонѣ. Базаровъ герой; онъ существо болѣе или менѣе исключительное; онъ воплощаетъ въ себѣ тотъ духъ, который болѣе или менѣе примѣшивается къ мнѣніямъ, чувствамъ, дѣйствіямъ людей, но не господствуетъ въ нихъ исключительно, и даже большею частію вовсе не живетъ въ нихъ, а только говоритъ ихъ устами. Каковъ бы ни былъ этотъ духъ, онъ не портитъ ихъ въ основаніи, но и не дѣйствуетъ въ нихъ какъ живая сила, онъ занимаетъ только пустое мѣсто; онъ внѣдряется тамъ, гдѣ ничего нѣтъ. Итакъ, каковъ бы ни былъ герой, котораго мы оставляемъ пока въ сторонѣ, большинство не представляетъ ничего безотраднаго, хотя, правду сказать, и ничего особенно утѣшительнаго. Не понимаемъ почему этотъ типъ молодежи, изображенный г. Тургеневымъ въ лицѣ Аркадія, представляетъ наше молодое поколѣніе будто бы въ невыгодномъ свѣтѣ. Напротивъ, мы думаемъ, что онъ представляетъ собою очень хорошій, очень привлекательный типъ. Презрительные отзывы объ этомъ молодомъ человѣкѣ понятны въ самихъ же Аркадіяхъ, въ людяхъ очень молодыхъ, которые, разумѣется, хотятъ казаться героями, какъ ребенокъ хочетъ казаться большимъ. Очень понятно, почему напримѣръ критикъ журнала *Русское Слово* отзывается съ презрѣніемъ о молодомъ Кирсановѣ, и иначе не называетъ его какъ птенцомъ: по всѣмъ признакамъ, критикъ самъ еще весьма юный человѣкъ, самъ такой же Аркадій, которому можно пожелать только того, чтобъ онъ сохранилъ многія добрыя свойства своего прототипа. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ дурнаго въ этомъ Аркадіи? Онъ не *хищный*,—но это слава Богу; въ этомъ его достоинство. Хороша была бы молодежь, еслибъ большинство ея состояло изъ *хищныхъ*! Художественная правдивость, съ которою изображена эта фигура въ романѣ Тургенева, выше всякихъ похвалъ. Все въ ней поражаетъ удивительною жизненною вѣрностію, и если не всякій юноша захочетъ узнать себя въ Аркадіи, то всякій, пережившій годы юности, смотря на него припомнитъ ихъ съ умиленіемъ и улыбкою. Какъ онъ милъ въ своемъ нигилизмѣ! Таковъ же былъ онъ и тогда, когда сыпалъ термины изъ нѣмецкой философіи, и погружался въ мировую субстанцію. Онъ тотъ же самый и въ трансцендентальномъ идеализмѣ, и въ этомъ добродушномъ превознесеніи силы отрицанія и раз-

рушенія, которая все ломитъ только потому что она сила. Вчера онъ былъ утопистомъ, нынче онъ матеріялистъ; сегодня онъ разрушаетъ и уничтожаетъ, а завтра будетъ строить фаланстеріи, пересоздавать землю и самую солнечную систему. Легкость съ какою играетъ воображеніе юноши, легкость съ какою онъ судитъ о вещахъ, легкость съ какою юный умъ переходитъ отъ одного къ другому и соединяетъ несоединимое, все это дѣло самое естественное. Это физическій признакъ молодости. Зрѣлость приходитъ съ годами; опытъ и наука воспитываютъ умъ и даютъ ему вѣское содержаніе.

Аркадій безподобенъ въ своихъ нигилистическихъ выходкахъ; онъ также безподобенъ въ наивномъ сознаніи своего умственнаго превосходства надъ понятіями отца и дяди. Какъ добродушно сожалѣетъ онъ объ ихъ отсталости. Какъ онъ очарователенъ съ своимъ Бюхнеромъ, котораго подсовываетъ отцу вмѣсто Пушкина, надѣясь просвѣтить его и возвысить! Какъ быстро рѣшаетъ онъ всѣ вопросы, какъ легко справляется онъ со всѣмъ, какъ ни по чемъ ему сломить и уничтожить что̀ угодно изъ чистаго нигилизма! Вы чувствуете какъ подъ этимъ живымъ колоритомъ мѣста и времени, Аркадій остается тѣмъ же самымъ, какимъ знавали вы его въ другихъ мѣстахъ и въ другое время. Эти споры въ романѣ Тургенева, которыхъ каждое слово запечатлѣно удивительною художественною правдой, не напоминаютъ ли вамъ другихъ споровъ, въ другія времена? „Прежде, говоритъ Павелъ Петровичъ Кирсановъ, были гегелисты, а теперь нигилисты.“ Это правда, но гегелистовъ было далеко не такъ много какъ теперь нигилистовъ. Въ теченіи времени учащаяся молодежь значительно умножилась. Лѣтъ двадцать или пятнадцать тому назадъ, кругъ людей разсуждавшихъ и споривщихъ „о матерьяхъ важныхъ“ былъ гораздо тѣснѣе и малочисленнѣе чѣмъ теперь: уже по одному этому онъ не былъ такъ замѣтенъ и не могъ такъ шумно заявлять себя. Но въ былое время подобные споры были не менѣе добродушны и наивны. „Помилуйте, восклицалъ бывало пожилой человѣкъ, съ простымъ здравымъ смысломъ, слыша торжественное доказательство совершеннаго единства между бытіемъ и небытіемъ,—помилуйте, неужели все равно, что быть, что не быть?“—„Все равно,“ отвѣчалъ рѣшительно юный мыслитель. — „Все равно сказать ли,

что этотъ столъ существуетъ или что его нѣтъ?“—„Совершенно все равно“ — „Все равно, существую я или нѣтъ, говорю я теперь съ вами или нѣтъ? — „Совершенно все равно“, былъ опять неумолимый отвѣтъ.—„Боже мой! я теряюсь,“ восклицалъ въ отчаяніи почтенный пожилой человѣкъ прежняго времени, отвертываясь отъ безпощаднаго философа и обращаясь къ другому столь же рѣшительному. „Что жь дѣлать, говорилъ этотъ, съ добросердечнымъ сожалѣніемъ пожимая плечами: что жь дѣлать, такъ выходитъ.“

Но оставьте въ сторонѣ мнѣнія, которыя повторяетъ молодой Аркадій, не затрудняясь никакимъ преувеличеніемъ, не стѣсняясь никакою безсмыслицей. Оставьте эти мнѣнія: они ни чѣмъ не держатся, они изчезнутъ какъ утренній туманъ, и молодой человѣкъ, при первыхъ серіозныхъ шагахъ въ школѣ и въ жизни, легко освободится отъ нихъ. Посмотрите на этого молодаго человѣка въ другихъ отношеніяхъ; вы не найдете въ немъ ничего неисправимо-дурнаго, напротивъ вы найдете въ немъ очень много хорошаго. Онъ податливъ на все доброе; въ немъ много прекрасныхъ зачатковъ. А выйдетъ ли онъ хорошъ или дуренъ въ послѣдствіи,— это будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ, отъ общественной среды, въ которой суждено ему жить, отъ условій, которыя откроются для его дѣятельности. За такую молодежь, каковъ Аркадій, еще нельзя отчаиваться. Можно пожалѣть только объ одномъ, и пожалѣть горько, что она плохо учится; что всѣ эти кандидаты, кончающіе курсъ, такъ мало выносятъ изъ него положительнаго знанія и зрѣлыхъ понятій. Но можно ли ставить Аркадіямъ въ вину верхоглядность и пустоту ихъ образованія? Они приняли то что имъ дано: виноваты ли они, что ихъ плохо учили въ гимназіи, и ничему не учили въ университетѣ, и что вся ихъ наука ограничивается большею частію нѣсколькими затверженными терминами, нѣсколькими усвоенными фразами, что въ ихъ свѣдѣніяхъ нѣтъ ничего точнаго и твердаго, въ ихъ мысляхъ ничего серіознаго, что они не имѣли случая извѣдать собственнымъ опытомъ что значитъ образовать понятіе или составить сужденіе?

Аркадій натура не *хищная:* это открыла ему умная дѣвушка, съ которою, къ счастію для себя, онъ сблизился на первыхъ порахъ своей жизни. Сначала его немножко покоробило при этомъ открытіи: простодушному молодому

человѣку было жаль разставаться съ этимъ качествомъ, которое казалось ему признакомъ силы и героизма; но онъ скоро понялъ свою молодую глупость и, конечно, самъ послѣ смѣялся надъ нею. Онъ не *чищеный* ни по натурѣ, ни по воспитанію. Мнѣнія, которыми онъ щеголяетъ, не проникаютъ у него глубоко внутрь, точно также какъ и не вырастаютъ изнутри; это легкая игра представленій, еще не имѣющихъ для молодаго мягкаго ума никакого опредѣленнаго значенія. Но всѣ практическіе его инстинкты хороши, всѣ непосредственныя движенія его сердца не испорчены и чисты. Они остались нетронуты и свидѣтельствуютъ о свѣжихъ непочатыхъ силахъ, о добромъ задаткѣ на будущее. Они свидѣтельствуютъ о любви, которая окружала колыбель нашего юноши, о мягкой семейной атмосферѣ, въ которой протекло его дѣтство. Правда, въ его умственной организаціи не замѣтно твердыхъ элементовъ; но имъ не откуда было взяться. Чего нѣтъ, того нѣтъ; за то въ немъ много доброты и простосердечія; онъ способенъ къ великодушнымъ порывамъ, и остается пожелать, чтобы дальнѣйшая жизнь дала ему то, чего не могло дать воспитаніе. Можно ли ставить ему въ укоръ это наивное самомнѣніе, этотъ тонъ превосходства, съ которымъ онъ относится къ своему отцу? Впрочемъ, многіе критики легко простятъ ему мнѣніе о своемъ умственномъ превосходствѣ. Можетъ-быть они найдутъ не только очень естественными, а даже еще очень трогательными его заботы подвинуть образованіе своего родителя, и просвѣтить его книжкою Бюхнера. Гораздо серіознѣе упрекъ въ чувствѣ нравственнаго превосходства, которое оказывается у него въ отношеніи къ отцу, — въ этомъ тонѣ великодушнаго покровительства къ отцовскимъ слабостямъ, которое съ такимъ мастерствомъ изображено г. Тургеневымъ. Въ самомъ дѣлѣ, жалко видѣть, какъ конфузится бѣдный Николай Петровичъ передъ своимъ сыномъ. Но кто же виноватъ въ этомъ? Зачѣмъ онъ конфузится, или лучше, зачѣмъ онъ имѣетъ основательный поводъ краснѣть передъ своимъ молоденькимъ сыномъ? Покровительство Аркадія, впрочемъ нисколько не наглое, но столько же наивное и простосердечное, какъ и его учительство, не есть въ немъ что-нибудь самостоятельное, образовавшееся въ немъ изъ собственныхъ элементовъ; напротивъ, и то и другое есть прямое выраженіе дѣйствитель-

ной слабости его отца. Въ Аркадіи нѣтъ и тѣни желанія унизить своего отца, или дать ему почувствовать его слабость; напротивъ, онъ добродушно старается поднять его, подкрѣпить, оправдать его по своему. На Аркадія не похожъ другой молодой человѣкъ, преклоняющійся передъ *базаровщиною*. „Ситниковы" носятъ на лбу своемъ признаки пошлости и ничтожества. Но и онъ удивительно вѣренъ, и его изображеніе исполнено жизненной правды. Ситниковы вездѣ есть, и вездѣ ихъ довольно. Онъ и мадамъ Кукшина нисколько не каррикатуры и не портреты, но живые представители цѣлаго разряда явленій, которыя вошли въ свои типы, какъ своими общими, вездѣ одинаковыми чертами, такъ и со всѣми особенностями времени и мѣста, со всѣми своими *couleurs locales*. Ситниковыхъ встрѣтите вы въ корпусахъ и гимназіяхъ, въ университетахъ и въ обществѣ; они перемѣшаны съ Аркадіями. Госпожъ Кукшиныхъ развелось тоже довольно и въ столицахъ, и въ губерніяхъ. *Хищные* очень хорошо понимаютъ ихъ, и умѣютъ ими пользоваться.

Нѣтъ ничего смѣшнѣе и нелѣпѣе безпрерывно повторяющихся у насъ толковъ о молодомъ поколѣніи какъ о чемъ-то особомъ и отдѣльномъ, будто о какомъ-то сословіи или партіи. Только въ нашей литературѣ, только въ нашей жалкой общественной средѣ, могутъ слышаться подобныя нелѣпости. Молодежь имѣетъ всѣмъ извѣстные физіологическіе признаки, которые характеризуютъ ее и отличаютъ отъ людей пожилыхъ и старыхъ. Но воображать себѣ и говорить серіозно, что молодые люди, именно въ качествѣ молодыхъ людей, представляютъ особую политическую или философскую систему, особенный кодексъ правилъ и мнѣній, съ которыми они явились на смѣну всего чѣмъ жили люди прежде родившіеся на свѣтъ,— это простительно только самымъ юнымъ изъ Аркадіевъ и возможно только въ нашемъ литературномъ мірѣ. Неразвившіеся юноши дѣйствительно воображаютъ, что имъ свойственно быть людьми передовыми и стоять во главѣ движенія, и что всякій достигшій зрѣлаго возраста есть уже eo ipso человѣкъ отсталой. Аркадіи думаютъ это по наивности, а люди другаго сорта, люди свойствъ болѣе или менѣе *хищныхъ*, конечно такъ не думаютъ, но находятъ

нелишнимъ вселять и поддерживать такую мысль въ молодомъ людѣ корпусовъ и гимназій.

Какъ-то недавно одинъ изъ нашихъ литераторовъ, стяжавшій себѣ лестную извѣстность, г. Чернышевскій, сѣтовалъ на то, что молодость его, въ силу неизбѣжнаго закона, должна пройдти и проходитъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ, слѣдуя тому же неизбѣжному закону, онъ изъ передоваго человѣка долженъ превратиться въ отсталаго; съ умиленіемъ говорилъ онъ объ этой ожидающей его участи и указывалъ на другаго болѣе юнаго мыслителя, г. Антоновича, позднѣе появившагося на литературную сцену въ томъ же журналѣ: по свидѣтельству г. Чернышевскаго, этотъ новый мыслитель еще не достигъ полной физіологической зрѣлости, а потому самому и долженъ имѣть бо́льшія чѣмъ онъ, г. Чернышевскій, права на званіе прогрессиста и передоваго человѣка. Слѣдуя этой теоріи, г. Писаревъ, другой мыслитель, какъ кажется, еще болѣе юный, долженъ имѣть бо́льшія права на этотъ титулъ. У студентовъ еще не кончившихъ курса права на этотъ титулъ должны быть еще выше; молодые люди сидящіе на скамьяхъ гимназіи должны быть еще *передовѣе*,—и такимъ образомъ, не форсируя шага, мало-по-малу дойдемъ мы до *сосущаго* младенца, самаго передоваго изъ всѣхъ передовыхъ людей. Мы считаемъ себя не въ правѣ рѣшать изъ какого источника выработалась эта теорія передовыхъ людей у почтеннаго г. Чернышевскаго,—изъ наивности и простосердечія или изъ *фальшивости*, которая по его собственному, немного циническому сознанію [1], будто бы особенно свойственна его характеру.

Кому неизвѣстно, что человѣкъ раждается нагъ и пустъ, безъ всякихъ понятій, безъ всякихъ системъ,—что ребенокъ есть самое отсталое изъ всѣхъ существъ, что все значеніе развитія и образованія состоитъ въ томъ, чтобы привести его въ уровень съ тѣмъ временемъ, среди котораго суждено ему жить,—что только люди вполнѣ зрѣлые, вполнѣ владѣющіе средствами и силами своей эпохи, могутъ двигать впередъ ея дѣло? Но милые малютки, которые пишутъ въ нашихъ журналахъ, этого не знаютъ. Они должно-быть въ

[1] *Совр.* № II „Въ изъявленіе признательности“, стр. 394.

самомъ дѣлѣ думаютъ, что всѣ эти непереваренныя ими доктрины вынесены ими изъ утробы матери. Этотъ добродушный г. Писаревъ, который съ заносчивостію Аркадія (дай Богъ только чтобъ Аркадія, а не Ситникова) толкуетъ о новыхъ великихъ понятіяхъ и взглядахъ, составляющихъ неотъемлемую принадлежность его сверстниковъ,—должно-быть въ самомъ дѣлѣ воображаетъ, что *великіе мыслители*, которымъ онъ поклоняется, которыхъ цитуетъ, гг. Карлъ Фохтъ, Молешотъ и Бюхнеръ, еще учатся въ гимназіи. Увы! Карлъ Фохтъ уже старичокъ, Молешотъ также человѣкъ пожилой, равно какъ и этотъ пресловутый Бюхнеръ, которому, по странному капризу рока, суждено было стать великимъ авторитетомъ въ учебныхъ заведеніяхъ нашего любезнаго отечества.

II.

Произведеніе г. Тургенева находится въ обстоятельствахъ совершенно исключительныхъ. Взятое изъ текущей жизни, оно снова входитъ въ нее и производитъ во всѣ стороны сильное практическое дѣйствіе, какое едвали когда производило у насъ литературное произведеніе. Рампа исчезла, актеры и зрители смѣшались. Романъ какъ будто еще продолжается; произведенное имъ дѣйствіе, явленія которыя онъ вызвалъ—какъ будто новая глава въ немъ, какъ будто эпилогъ къ нему.

Этотъ эпилогъ, разыгрывающійся въ дѣйствительности, служитъ отличнымъ комментаріемъ романа: вотъ почему сказали мы, что онъ находится въ исключительныхъ условіяхъ. Благодаря этимъ условіямъ, чрезвычайно упрощается оцѣнка, и съ совершенною точностію разрѣшается вопросъ объ истинѣ типа, о вѣрности его изображенія. Въ послѣдствіи, историкъ нашей литературы будетъ говорить объ этомъ романѣ не иначе, какъ въ связи съ явленіями вызванными имъ въ той средѣ, изъ которой взято его содержаніе.

Вѣренъ ли типъ изображенный въ Базаровѣ? Есть ли истина въ замыслѣ этого типа? Точно ли въ немъ представлено нѣчто дѣйствительное? Или это капризъ и вы-

и строгимъ тономъ говоритъ г. Антоновичъ о „священной минутѣ смерти“. „Священная минута смерти“: какъ торжественно звучатъ эти слова! Для нѣкотораго смягченія, г. Антоновичъ прибавляетъ: „такъ-называемая священная минута смерти“. „Такъ-называемая“ нѣсколько смягчаетъ эффектъ; эта прибавка разчитана на строптивый слухъ юныхъ и старыхъ вольнодумцевъ, которые, пожалуй, пришли бы въ соблазнъ отъ „священной минуты смерти.“ Но смягченіе смягченіемъ, а благочестивый смыслъ остается, и дѣлаетъ честь молодому прогрессисту и журналу, въ которомъ онъ пишетъ. Однако Базаровъ ни въ какомъ случаѣ не рѣшился бы прибѣгнуть къ подобному славословію, не употребилъ бы его въ качествѣ аргумента или для произведенія какого-нибудь эффекта. Базаровъ, съ своей точки зрѣнія, не видитъ ничего священнаго въ простомъ физіологическомъ процессѣ; но онъ еще на столько честенъ, что не сталъ бы прятаться за Гёте и не сталъ бы бросать пыль въ глаза „такъ-называемыми,“ священными минутами.“ Любопытно было бы послушать, какъ осадилъ бы онъ г. Антоновича за всѣ эти „абракадабры“.

Но не всѣ же Базаровы, и мы можемъ уважить искренность вѣрованія въ какой бы суровой формѣ она ни выражалась. Искреннее убѣжденіе — такая рѣдкость въ мірѣ, что молодому прогрессисту можно простить черезмѣрную ревность благочестія. А ревность дѣйствительно черезмѣрная: представьте себѣ, г. Антоновичъ не можетъ безъ негодованія подумать, что человѣкъ въ „такъ-называемую священную минуту смерти“ помышляетъ о своихъ земныхъ привязанностяхъ. Базаровъ, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, пожелалъ передъ смертію видѣть женщину, которую онъ любилъ, и былъ утѣшенъ ея прощальнымъ поцѣлуемъ. Какъ же вы думаете? Критикъ приходитъ отъ этого въ ужасъ; онъ съ омерзеніемъ говоритъ объ этой сценѣ и осыпаетъ автора язвительными укорами за такую „гадость“... Молодой человѣкъ, чувствуя приближеніе смерти, не смѣй и думать о томъ, что при жизни волновало его сердце, что онъ любилъ съ увлеченіемъ и страстію. Проститься передъ смертію съ предметомъ этой любви грѣшно и безнравственно. Читатель помнитъ эту сцену: кажется, въ ней нѣтъ ничего безнравственнаго и богопротивнаго? Однакожь этотъ ригористъ находитъ ее такою.

Надобно думать, что появленіе тургеневскаго романа произвело какую-нибудь глубокую кутерьму въ почтенномъ журналѣ, гдѣ пишетъ г. Антоновичъ. Въ его критической статьѣ слышатся отзывы этой подземной катастрофы. У г. Антоновича замелькали новыя необыкновенныя выраженія. Не рѣшаемъ, ловко ли, кстати ли употребляетъ онъ ихъ, но онъ говоритъ и о всепримиряющей любви, и о любви возвышенной, и о безконечной жизни. Онъ укоряетъ автора за то, что тотъ не проникся глубокимъ смысломъ этихъ словъ,—за то, что онъ недостаточно питаетъ эти возвышенныя чувства и не вполнѣ руководствуется ими въ отправленіи поэтическаго правосудія. Ему кажется, что авторъ до конца не прощаетъ своему герою. Онъ скорбитъ о такомъ ожесточеніи; и съ горькою ироніей говоритъ о заключительной сценѣ романа. Въ этой сценѣ видитъ онъ лицемѣріе; онъ обливаетъ ядомъ насмѣшки и цвѣточки, и елки, „нарочито посаженныя“, и старичковъ, которые приходятъ плакать на могилу. Г. Антоновичу непріятно, зачѣмъ авторъ не появился самолично передъ одромъ умирающаго, и не напутствовалъ его переходъ въ безконечную жизнь изліяніями всепрощающей любви.

Мы убѣждаемся, что г. Антоновичъ не искрененъ въ своихъ дурныхъ отзывахъ о Базаровѣ. Г. Антоновичъ и ругаетъ Базарова самымъ непозволительнымъ образомъ, и въ то же время желаетъ надѣлить его всевозможными благами; онъ вмѣстѣ и терпѣть его не можетъ, и хочетъ чтобы все ему удавалось. Ему обидно, зачѣмъ всѣ другіе имѣютъ хоть что-нибудь, и хоть что-нибудь да значатъ. Кто что ни скажи, кто что ни сдѣлай, за все попрекаетъ онъ автора. Всякую малость, всякую дрянь,—все бы взялъ онъ и отдалъ Базарову. Вотъ посмотрите: онъ презрительно топчетъ въ грязь братьевъ Кирсановыхъ, „отцовъ“: у одного пѣсенка спѣта, другой пустѣйшій фатъ. Но какъ только подумаетъ онъ о Базаровѣ, ему вдругъ станетъ завидно имъ, и они выходятъ отличнѣйшими людьми, непобѣдимыми мыслителями, удивительными сельскими хозяевами, и умными, и сильными, и добродѣтельными во всѣхъ отношеніяхъ, и критикъ принимается язвить автора зачѣмъ Базаровъ не въ англійскомъ *сьютѣ* щеголяетъ, зачѣмъ онъ природою не любуется, тихимъ мечтаніямъ не предается, безпричинныхъ слезъ не проливаетъ; наконецъ, зачѣмъ

салъ бы онъ ее тогда! Не было бы этихъ судорогъ, этого раздраженія, этого отчаянія.

По толкованію г. Антоновича, Базаровъ есть какая-то жалкая каррикатура на что-то небывалое. По его толкованію, это какой-то нелѣпый хвастунишка, фанфаронъ, обжора, пьянчужка, пустомеля. Мнѣнія, которыя онъ высказываетъ въ спорахъ, глупы и нелѣпы. Сколько онъ глупъ въ своемъ образѣ мыслей, столько же безобразенъ въ своихъ поступкахъ. Словомъ, ничего не можетъ быть омерзительнѣе той фигуры, которую описываетъ г. Антоновичъ подъ именемъ Базарова, героя Тургеневскаго романа. Герой этотъ называетъ себя нигилистомъ; но г. Антоновичъ ужасается при одномъ этомъ словѣ, ничего подобнаго не знаетъ онъ въ нашей литературѣ, и у него вянутъ уши, онъ краснѣетъ отъ той дичи, которую городитъ этотъ нелѣпый нигилистъ. Г. Антоновичъ божится, что въ нашей литературѣ не было и помину о какомъ-нибудь отрицательномъ направленіи. Всякое отрицаніе, поспѣшно учитъ теперь г. Антоновичъ, сопровождается положеніемъ. Никто ничего не отрицалъ въ смыслѣ нигилизма. Г. Антоновичъ возмущенъ неуважительными отзывами Базарова объ искусствѣ, о Рафаэлѣ, о наукѣ и обо многомъ другомъ. Г. Антоновичъ торжественно утверждаетъ, что ничего подобнаго никогда не было въ нашей литературѣ. „Мы, говоритъ онъ автору *Отцовъ и Дѣтей*, отрицаемъ ваше искусство, вашу поэзію, ваше *и* (подъ этимъ союзомъ критикъ разумѣетъ что-то многое); но не отрицаемъ и даже требуемъ другаго искусства и поэзіи, другаго *и*, хоть такого *и*, какое представлялъ себѣ Гёте..." И вотъ мы узнаемъ неожиданно что до сихъ поръ было утаено отъ всѣхъ; передъ нами раскрылось значеніе современной русской литературы, тайна ея стремленій и ея споровъ. Это старый нѣмецкій вопросъ, который до сихъ поръ продолжаетъ служить неистощимою темой разговоровъ на чайныхъ вечерахъ въ Германіи; это преневинный вопросъ о Гёте и Шиллерѣ. Одни стоятъ за Гёте, этого монументальнаго старца нѣмецкой литературы; другіе, должно-быть отцы, болѣе сочувствуютъ меланхолическому, идеальному Шиллеру. Такимъ образомъ Базаровъ, съ своими тенденціями и мнѣніями, съ своимъ безпардоннымъ отрицаніемъ, съ своимъ нигилизмомъ, оказывается совершенною аномаліей, полнѣйшимъ уродомъ, который ничего не представляетъ собою,

которому ничто не соотвѣтствуетъ ни въ нашемъ обществѣ, ни въ литературѣ. Критикъ оскорбленъ намѣреніемъ автора изобразить въ лицѣ этого шута Базарова современное направленіе. Дѣло у насъ шло о Гёте и Шиллерѣ, а авторъ отыскалъ какой-то нигилизмъ. Въ этомъ капризѣ автора, критикъ видитъ не просто капризъ, но и клевету.

Не перебрать ли журналъ, въ которомъ пишетъ г. Антоновичъ, не привести ли изъ него доказательства, что никто въ этомъ журналѣ не выражалъ такъ толково и умно, какъ тургеневскій Базаровъ, всего того что̀ эти господа старались развивать на всѣ лады съ примѣсью невѣжества, отъ котораго сконфузился бы обруганный критикомъ Базаровъ, съ примѣсью недобросовѣстности, которая заставила бы покраснѣть его и отвернуться съ презрѣніемъ? Да, еслибъ этотъ Базаровъ превратился въ живаго человѣка, еслибъ онъ попалъ въ среду этихъ господъ, крѣпко взялъ бы онъ въ руки гг. Антоновича и Чернышевскаго; досталось бы имъ отъ него, и онъ научилъ бы ихъ вести себя приличнѣе въ литературѣ. Имъ нечего обижаться сходствомъ съ этою типическою фигурой; имъ надобно еще дорости до того, чтобы сходствомъ этимъ похвастаться. Базаровъ, нѣтъ сомнѣнія, не сталъ бы прибѣгать къ такимъ уловкамъ, какихъ не постыдился г. Антоновичъ въ своей критикѣ. Онъ навѣрное не написалъ бы такой критической статьи; онъ имѣлъ бы на столько вкуса, что не сказалъ бы: „Г. Аскоченскій предвосхитилъ романъ г. Тургенева“. Наконецъ онъ не сталъ бы юлить, бросаться въ двусмыслія, отпираться отъ самого себя. Онъ не сталъ бы, подобно г. Антоновичу, прикрывать свои мнѣнія несвойственными имъ словами, и не сталъ бы подъ свои слова подлагать несвойственный имъ смыслъ. Одинъ маленькій мальчикъ, воспитанный въ набожномъ семействѣ, боялся произносить всуе имя Бога, и когда нужно было побожиться чтобъ обмануть маменьку, онъ прибѣгалъ къ хитрой уловкѣ, и вмѣсто: „ей Богу“, скороговоркой произносилъ: „ей-бо-лгу“: этого никакъ не сдѣлалъ бы тургеневскій Базаровъ...

Однако все-таки многимъ пріятно будетъ встрѣтить въ человѣкѣ новаго поколѣнія, въ молодомъ прогрессистѣ, суровое пуританское благочестіе. Послушайте, какимъ одушевленнымъ

думка? Повидимому, нѣтъ никакой возможности дать вполнѣ доказательный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Мы можемъ думать такъ, другіе могутъ думать иначе. Одно и то же впечатлѣніе будетъ дѣйствовать совершенно различно на разные умы. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ новаго произведенія искусства, сужденія по необходимости будутъ отзываться тѣми понятіями, настроеніями, предразсудками и пристрастіями, которыя впечатлѣніе преднаходитъ въ умахъ. Но въ настоящемъ случаѣ вопросъ рѣшается безъ всякихъ затрудненій. Самою лучшею повѣркою изображеннаго типа служитъ произведенное имъ дѣйствіе. Посмотримъ, какъ выразилось это дѣйствіе, и какія вызвало оно явленія.

Надобно замѣтить, что для всякаго начала, претендующаго на господство, всего обиднѣе быть выведеннымъ на сцену. Стать предметомъ наблюденія, показаться въ опредѣленномъ образѣ, значитъ сойдти съ высоты и изъ господствующаго начала превратиться въ простой предметъ. Извѣстное дѣло, что человѣкъ не иначе освобождается отъ слѣпыхъ увлеченій какъ путемъ сознанія. Что̀ удается намъ сознать, то теряетъ уже слѣпую власть надъ нами, то напротивъ само становится болѣе или менѣе подвластно намъ. Вотъ почему всякая слѣпая власть боится стать предметомъ сознанія и не любитъ быть представленною. Вотъ почему люди, которые слѣпо покорствуютъ подобной силѣ, упираются руками и ногами, возмущаются и негодуютъ, когда вызываютъ ее на сцену. Особенно боятся они художественнаго изображенія, которое беретъ ее не съ общихъ сторонъ, а въ ея спеціальности, во всѣхъ особенностяхъ ея проявленія, въ ея индивидуальномъ воплощеніи. Общія понятія и разсужденія не покажутъ ея на самомъ дѣлѣ; они представятъ ее въ тѣхъ общихъ стихіяхъ, которыя могутъ относиться къ самымъ разнообразнымъ явленіямъ. Какъ бы ни были точны наши понятія, отъ нихъ всегда ускользнетъ живущее начало. Они только тогда могутъ настигнуть и накрыть его, когда оно уловлено въ своемъ живомъ образѣ, усмотрѣно въ очію, почувствовано въ своемъ непосредственномъ дѣйствіи. Вотъ почему слѣпая сила, владѣющая умами, всего болѣе боится стать предметомъ художественнаго изображенія.

Она останется равнодушна къ безличнымъ изображеніямъ, съ какимъ бы то ни было оттѣнкомъ, симпатическимъ или антипатическимъ, которыя будутъ обозначены ея именемъ. Этого она не боится. Она боится только того что̀ ее дѣйствительно затронетъ, что̀ заденетъ ее заживо. Общіе толки, а также и какія-нибудь отдѣльныя черты, какія-нибудь случайныя проявленія не опасны; не опасна также карикатура: преувеличенное изображеніе какой-нибудь особенности только затемняетъ смыслъ цѣлаго и отвлекаетъ отъ него вниманіе. Глупымъ, бездарнымъ, нелѣпымъ попыткамъ бываетъ она очень рада; оставаясь въ сторонѣ, не тронутая ими, она надъ ними комфортабельно смѣется.

Г. Антоновичъ, критикъ *Современника*, не обратилъ бы никакого вниманія, или отозвался бы самымъ добродушнымъ смѣхомъ на всякую неудачную попытку изобразить то что̀ не хотѣлось бы ему видѣть изображеннымъ; но онъ приходитъ въ совершенное неистовство при чтеніи романа г. Тургенева. Точно будто вырвали что-то изъ его сердца, точно будто онъ чувствуетъ себя пораженнымъ въ самую жизненную часть своего организма. Статья его объ *Отцахъ и Дѣтяхъ* — не критика, а судорога, какая-то ужасная скороговорка, въ которой все столпилось безъ всякаго взаимнаго контроля, повинуясь только чувству сильнѣйшаго раздраженія, не знающаго за что̀ схватиться и что̀ укусить. Онъ пересочиняетъ романъ, навязываетъ автору разныя тенденціи, упрекаетъ его за измѣну чистому искусству и въ то же время истерически хохочетъ надъ этимъ чистымъ искусствомъ, искажаетъ цитаты, переиначиваетъ дѣйствія, приписываетъ героямъ свойства и мнѣнія совершенно противоположныя тѣмъ, съ которыми они являются у автора, всячески старается опошлить главнаго героя, довести его до одного уровня съ какимъ-то романомъ г. Аскоченскаго, отдавая предпочтеніе послѣднему. Въ критикѣ г. Антоновича есть все, даже сравненіе съ г. Аскоченскимъ, который служитъ въ нашей литературѣ послѣднимъ терминомъ всякаго обиднаго сравненія. О, еслибы подъ именемъ г. Тургенева явилось дѣйствительно что-нибудь въ подобномъ родѣ, какъ ликовалъ бы тогда г. Антоновичъ, какимъ благодушіемъ отличалась бы тогда его критика, какъ спокойно и складно напи-

мѣста послышались два голоса, противорѣчащіе другъ другу во всѣхъ пунктахъ, но принужденные слиться въ одинъ общій результатъ. Выходя изъ одного начала и описавъ двѣ интересныя кривыя линіи, они пришли къ одному концу. Одинъ заявилъ, что художникъ не выдумалъ своего типа, а извлекъ его изъ дѣйствительности; другой засвидѣтельствовалъ, что художникъ дѣйствительно извлекъ его.

Болѣзненные вопли критика *Современника* и восторженныя ликованія критика *Русскаго Слова* сливаются въ одинъ звукъ, и равномѣрно свидѣтельствуютъ о силѣ художника и объ успѣхѣ его произведенія.

Но мы сказали не все. Натуралистамъ извѣстно, какъ тщательны и осторожны должны быть опыты и наблюденія, для того чтобы послужить къ отчетливому и правильному наведенію. Употребимъ другой пріемъ, посмотримъ еще, и мы увидимъ, что оба критика, недовольный и довольный, не только противорѣчатъ между собою, но и совершенно согласны. Противорѣчіе есть, и противорѣчія нѣтъ. Во взглядахъ обоихъ философовъ, плачущаго и смѣющагося, совершенное согласіе; но въ ихъ чувствованіяхъ, въ патетическихъ движеніяхъ души, совершенная противоположность. Одно и то же почувствовали они противоположнымъ образомъ. Одинъ узналъ грядущаго героя съ веселымъ ликованіемъ; другой тоже узналъ его, но со скрежетомъ зубовъ. Одинъ спокоенъ и счастливъ; другой волнуется, и терзается, и сыплетъ проклятія.

Вы думаете, что протестующій критикъ въ самомъ дѣлѣ не сочувствуетъ мыслямъ и поступкамъ героя Базарова? Ничуть не бывало; это только взбудораженная страсть въ немъ заметалась. Онъ не только отдаетъ ему полную справедливость, подобно своему собрату, довольному критику, но и идетъ гораздо далѣе. Противоположность и борьба оказываются не между двумя лицами, но въ самомъ лицѣ протестующаго критика. Посмотрите, онъ протестуетъ противъ героя за неласковое обращеніе съ родителями; онъ готовъ отдать Базарова подъ уголовный судъ за эту неласковость въ тонѣ. Мы видѣли какъ удовлетворительно г. Писаревъ объяснилъ отношеніе Базарова къ родителямъ: не сѣсть же ему въ самомъ дѣлѣ на полъ, для того чтобы съ ними сравняться? Но протестующій критикъ не довольствуется этимъ. Онъ потомъ не

просто оправдываетъ Базарова, но возводитъ его въ апоѳеозу. Совершивъ надъ нимъ экзекуцію за непочтительное обращеніе съ родителями, онъ потомъ торжественнымъ и мрачнымъ тономъ припоминаетъ древнихъ мудрецовъ,—кажется это Эмпедоклъ, прибавляетъ онъ въ скобкахъ,—покидавшихъ отца и мать, дабы слушать или проповѣдывать слово истины. Вотъ на какую высоту возводитъ онъ Базарова, котораго за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ въ слѣпомъ бѣшенствѣ подвергалъ торговой казни.

Вы думаете, что онъ въ самомъ дѣлѣ спроста полюбилъ старушку мать Базарова? О, нѣтъ! Онъ потому оказываетъ ей благосклонность, что она совершенно уничтожается передъ своимъ сыномъ, передъ великимъ учителемъ, передъ „Эмпедокломъ“. Всѣ прочія лица романа живутъ сами по себѣ, и они ненавистны критику; а старички, родители Базарова, хотя и не способны понимать его, но преданы ему безъ памяти, до самозабвенія,—и вотъ это-то и умиляетъ критика, это-то и подкупаетъ въ ихъ пользу жреца капища, и онъ только имъ даетъ вкусить *отъ жертвенныхъ*, и гладитъ ихъ по старой сѣдой головѣ.

Вы думаете, что онъ въ самомъ дѣлѣ считаетъ Базарова циникомъ за то, что тотъ похвалилъ „богатое тѣло“ Mme Одинцовой, и заставилъ ее отпрыгнуть въ другой уголъ комнаты? Нисколько! Онъ объясняетъ, что иначе здоровый мущина поступить и не можетъ, и не долженъ. Онъ съ злорадствомъ доказываетъ, что и романтики-отцы никогда не были равнодушны къ „богатому тѣлу“; что всѣ и всегда преусердно добивались отъ женщинъ „толку“, и что безъ этого отцы не были бы отцами, и не рожались бы дѣти.

Вы думаете, что онъ въ самомъ дѣлѣ не признаетъ мыслей высказанныхъ Базаровымъ? Нѣтъ, онъ въ другой части своей статьи старается развить, оправдать и доказать ихъ, но только дѣлаетъ это гораздо хуже чѣмъ самъ Базаровъ съ его энергическимъ, краткимъ и толковымъ словомъ.

Базаровъ для протестующаго критика имѣетъ еще большее значеніе чѣмъ для критика довольнаго; онъ еще глубже сочувствуетъ герою. Но ему невыносима эта рѣзкая, энергически очерченная фигура; ему невыносимо, что на эту фигуру устремлены теперь тысячи глазъ,

самый отъявленный консерватизмъ, и однакожь г. Антоновичъ полюбилъ ее, отличилъ отъ всѣхъ, и говоритъ о ней съ чувствомъ. Но тѣмъ пуще негодуетъ онъ на Базарова, который обходится съ ней непочтительно и сурово. Г. Писаревъ, напротивъ, удивляется снисходительности и долготерпѣнію Базарова въ отношеніи къ старичкамъ-родителямъ. Онъ безконечно выше ихъ. Что ему съ ними дѣлать, о чемъ съ ними говорить? Не садиться же ему на полъ, для того чтобы съ ними сравняться?—такъ выразительно оправдываетъ героя юный поклонникъ его.

Этотъ юный поклонникъ, какъ замѣчено выше, рукоплещетъ мнѣніямъ героя, въ которомъ видитъ яркое и сильное выраженіе началъ нигилизма. Онъ съ удовольствіемъ и признательностію принимаетъ титулъ нигилиста. Онъ привѣтствуетъ героя именно въ этомъ качествѣ. Только разъ онъ не совсѣмъ согласился съ мнѣніемъ Базарова; только однажды показалось ему, что герой немножко „заврался“. Г. Писаревъ — любитель пріятныхъ ощущеній, а потому и любитель красотъ природы и искусства. Его шокировала холодность Базарова къ искусству; его немножко встревожило суровое слово героя о томъ, что природа не храмъ какой-нибудь, а мастерская, въ которой надобно работать. Г. Писаревъ отваживается на легкій диспутъ съ героемъ, и заявляетъ необходимость пріятныхъ ощущеній для человѣка. Онъ осмѣливается поставить герою на видъ его непослѣдовательность въ этомъ пунктѣ, и противъ его авторитета вдругъ выводитъ тройственную силу Карла Фохта, Молешота и Бюхнера. Г. Писаревъ напоминаетъ Базарову, что этотъ великій тріумвиратъ разрѣшилъ употребленіе чарки водки чернорабочему и наркотическія наслажденія людямъ достаточныхъ классовъ; значитъ разрѣшено и искусство. Въ этомъ единственное разногласіе между героемъ и его поклонникомъ; во всемъ прочемъ г. Писаревъ остается ему вѣренъ.

Теперь спрашивается, какимъ же образомъ критикъ *Современника* отрицаетъ существованіе нигилизма? Какимъ образомъ не признаетъ онъ никакой связи между Базаровымъ и дѣйствительностію, и отнимаетъ у него право быть героемъ нашего времени? Допустимъ, что онъ искренно такъ думаетъ; но вотъ г. Писаревъ показываетъ ему своею особой, что онъ ошибся.

О вкусахъ, какъ извѣстно, спорить не слѣдуетъ; въ эстетической оцѣнкѣ самые единомышленные люди могутъ расходиться. Но тутъ дѣло не въ эстетической оцѣнкѣ; мы сближаемъ этихъ двухъ критиковъ не съ тѣмъ чтобъ изъ этого сближенія дѣлать какой-нибудь выводъ относительно художественныхъ достоинствъ произведенія. Пусть во мнѣніи одного оно стоитъ высоко; пусть во мнѣніи другаго оно ниже романа г. Аскоченскаго: это все равно, объ этомъ толковать нечего. Но насъ интересуютъ не мнѣнія этихъ критиковъ, а ихъ личныя отношенія къ роману, который будто бы они разбираютъ, но который накрылъ ихъ самихъ, и произвелъ самое разлагающее дѣйствіе на ихъ умственную организацію.

Читая статью своего собрата, г. Антоновичъ долженъ согласиться, что Базаровъ не выдумка, что есть люди, которые благодарятъ автора за созданіе этого типа и съ восторгомъ узнаютъ въ немъ себя. А г. Антоновичъ честитъ этотъ типъ самыми позорными именами, и пьянчужкой, и обжорой, и хвастунишкой, и картежникомъ, и асмодеемъ г. Аскоченскаго! Вотъ что̀ значитъ страсть! Въ самомъ дѣлѣ, каково было г. Писареву слышать, какъ этого героя, въ которомъ онъ видитъ олицетвореніе самыхъ передовыхъ идей и лучшихъ силъ молодаго поколѣнія, называютъ пьянчужкой, хвастунишкой, и наконецъ асмодеемъ г. Аскоченскаго? Если г. Антоновичъ претендуетъ на автора *Отцовъ и Дѣтей*, то какъ же долженъ претендовать г. Писаревъ на своего собрата?

Странное дѣло! Оба эти философа, и по молодости лѣтъ и по характеру своихъ воззрѣній, равно причисляютъ себя къ передовымъ людямъ, у обоихъ одинъ и тотъ же символъ вѣры, и однако какое радикальное разногласіе по отношенію къ типу, въ которомъ одинъ узнаетъ идеалъ современнаго поколѣнія, другой—его каррикатуру и поруганіе!

Вотъ очевидное доказательство, что художникъ попалъ мѣтко. Въ его произведеніи узнало себя то что̀ онъ изобразилъ въ немъ, узнало себя не только не въ искаженномъ, но даже въ самомъ лестномъ видѣ, и въ то же время почувствовало себя уязвленнымъ. Въ одномъ человѣкѣ было бы невозможно совмѣщеніе этихъ двухъ результатовъ. И вотъ произошло разложеніе. Изъ одного и того же

онъ однажды обремизился въ картахъ. Онъ почти ничего не говоритъ о дуэли, въ которой Базаровъ велъ себя такимъ молодцомъ. Но онъ никакъ не можетъ забыть, что Базаровъ былъ побѣжденъ въ картахъ отцомъ Алексѣемъ. Повѣрятъ ли читатели, что критикъ посвящаетъ нѣсколько самыхъ язвительныхъ строкъ этому грустному обстоятельству. Какіе завидующіе глаза!

Не правду ли мы сказали, что критика г. Антоновича не критика, а болѣзненная конвульсія? Что̀ значитъ эта жадная зависть ко всему, это желаніе совмѣстить все въ одномъ лицѣ? Ему хотѣлось бы, чтобы въ Базаровѣ сидѣлъ и Николай Петровичъ, и Павелъ Петровичъ, и старушка мать его, и отецъ Алексѣй. Ему хочется, чтобъ онъ и лягушекъ рѣзалъ, и стихами наслаждался, и съ дамами держалъ себя элегантно, и въ ералашъ игралъ лучше всѣхъ, и съ мужиками умѣлъ говорить какъ мужикъ, чтобъ онъ былъ и матеріялистъ и романтикъ, и чтобъ онъ былъ силенъ какъ левъ, и чистъ какъ голубица, и съ пошлыми людьми не зналъ, и ни въ какой грязи не пачкался, чтобъ онъ былъ соединеніемъ всевозможнѣйшихъ качествъ, чтобъ онъ былъ все, чтобъ онъ былъ ничто. Дѣло въ томъ, что критика гнететъ опредѣленность этого образа. Онъ хотѣлъ бы замазать это яркое изображеніе, улетучить эту живую фигуру. Онъ хотѣлъ бы уничтожить ее. Увы! всѣ эти усилія напрасны...

Въ то время какъ г. Антоновичъ писалъ свою критику, тѣмъ же дѣломъ занимался и другой совершенно единомышленный ему писатель. Въ *Современной Лѣтописи* [1] были представлены мнѣнія этихъ обоихъ мыслителей въ формѣ оживленнаго диспута. Они расходятся по всѣмъ пунктамъ въ отзывахъ своихъ объ *Отцахъ и Дѣтяхъ*, и особенно о Базаровѣ: что̀ кажется одному дурнымъ, то самое кажется другому безподобнымъ. Г. Писаревъ восторженно благодаритъ автора за художественное изображеніе Базарова, въ которомъ онъ видитъ истинный типъ лучшихъ и сильныхъ умовъ новаго поколѣнія. Онъ совершенно доволенъ Базаровымъ. Онъ съ горячимъ участіемъ слѣдитъ за нимъ во всѣхъ его похожденіяхъ, рукоплещетъ ему въ

---

1 № 18 „Диковинки русской журналистики."

его диспутахъ, радуется его побѣдамъ, живо принимаетъ къ сердцу его невзгоды и съ умиленіемъ присутствуетъ при его смерти, въ которой видитъ образецъ возвышеннаго героизма. Отъ полноты сердца благодаритъ онъ художника за то, что тотъ не увлекся никакими тенденціями и представилъ типъ лучшихъ умовъ нашего времени, съ полною правдивостію. Предполагая, что г. Тургеневъ въ сердцѣ своемъ не сочувствуетъ Базарову, критикъ искренно сожалѣетъ о немъ, сожалѣетъ, что г. Тургеневъ по своимъ лѣтамъ и мягкосердечію не можетъ испытать всей сладости процесса Базаровской мысли и пожить его жизнію. Но онъ отдаетъ художественному творчеству г. Тургенева тѣмъ бо́льшую справедливость, что, по устарѣлости своихъ понятій, онъ не можетъ принадлежать къ той средѣ, гдѣ господствуетъ духъ нигилизма. Правда, манеры у Базарова не отличаются особеннымъ изяществомъ; при большемъ сочувствіи, авторъ могъ бы тотъ же самый духъ вселить въ болѣе элегантнаго джентльмена; но критикъ тотчасъ же спѣшитъ оправдать автора, и объясняетъ это обстоятельство удовлетворительнымъ образомъ: Базаровъ пробивалъ себѣ дорогу собственными усиліями и тяжкимъ трудомъ, — не мудрено, что у него замозолились руки, огрубѣли манеры и очерствѣлъ нравъ; за то онъ совершеннѣйшій джентльменъ по душѣ и по уму, и г. Писаревъ доказываетъ это изложеніемъ цѣлаго романа, и проходитъ тотъ же путь, какой совершилъ г. Антоновичъ.

Особенно кончина героя очаровываетъ г. Писарева. Онъ пишетъ о ней съ гордымъ блескомъ во взорѣ; онъ кичится этою смертію за себя и за все новое поколѣніе; онъ видитъ въ этой смерти истинную апоѳеозу героя нашего времени; онъ не находитъ словъ для изъявленія благодарности автору за эту сцену смерти. Какая противоположность съ воззрѣніемъ г. Антоновича! Кто же правъ?

Г. Антоновичъ съ негодованіемъ говоритъ объ отношеніяхъ Базарова къ родителямъ. Нѣжная душа этого критика съ особенною любовію останавливается на старушкѣ, матери Базарова. Изо всего романа ему понравилось только одно это лицо. Новое доказательство добродѣтельныхъ свойствъ этого прогрессиста: старушка эта и суевѣрна, и эмбріологіи не знаетъ, и операціи литотоміи не видала, ничего въ ней нѣтъ прогрессивнаго, все въ ней застой и

что всѣ могутъ разсматривать ее со всѣхъ сторонъ. Каждый рѣшительный штрихъ въ этой фигурѣ тревожитъ и волнуетъ его душу. Еще никто ничего не сказалъ, а ему уже мерещутся обличительныя физіономіи, укорительные взоры. Автора нѣтъ, автора нигдѣ не видно; но ему тяжко это безпощадно распростертое надъ всѣмъ созерцаніе художника. Онъ жмется, и пугливо взглядываетъ кверху, ожидая удара, и злится, что не за что схватиться...

Увы! храмъ растворенъ, идолъ вынесенъ наружу! Какъ было жрецу остаться равнодушнымъ, не растерзать ризъ, не посыпать главу пепломъ! Какъ ему было не возненодовать на осквернителя святыни!

Наконецъ, еще одно, послѣднее наблюденіе: мы видѣли, что недовольный критикъ, волнуемый страстью, измѣняетъ себѣ, и долженъ признать своего бога въ томъ, кого кощунственно обозвалъ самыми позорными именами. Но что же мы встрѣчаемъ у критика довольнаго? Поклонившись этому божеству и воскуривъ предъ нимъ ѳиміамъ, онъ съ удивительною наивностію объявляетъ собравшимся мирянамъ, что божество это „холера“. Добрый молодой человѣкъ сказалъ это съ чувствомъ достоинства, охарашиваясь и рисуясь предъ толпою...

Одинъ призналъ въ героѣ чуть не скота, а потомъ тѣмъ же духомъ обоготворилъ его и палъ во прахъ передъ нимъ. Другой, совершая передъ этимъ божествомъ жертвоприношеніе, объявляетъ съ самоуслажденіемъ, что духъ, которому онъ жертвуетъ, есть Бгавани...

Итакъ мы видимъ, что противорѣчія нѣтъ, и что природа, на настоятельные вопросы наблюдателя, даетъ отвѣты совершенно ясные.

III.

Теперь спрашивается что хотѣлъ художникъ изобразить въ героѣ своего романа, или лучше сказать что представляетъ собою эта типическая фигура, и чему соотвѣтствуетъ она въ жизни? Мы видѣли, какъ смѣшанно выразилось впечатлѣніе произведенное ею на ту среду, гдѣ она властвуетъ деспотически; мы видѣли, какія противорѣчія совмѣстились въ этомъ впечатлѣніи, сколько отозвалось въ немъ и боли, и радости, и самосознанія, и самопрезрѣнія.

Интересно поближе всмотрѣться въ этотъ образъ и подробнѣе анализировать его значеніе.

Кромѣ тѣхъ критикъ, которыхъ касались мы выше и въ которыхъ слышались лично заинтересованные голоса, мы слышали еще и другіе голоса, болѣе или менѣе свободные отъ лицепріятнаго чувства. Между прочимъ, въ одномъ изъ петербургскихъ журналовъ (*Время* № IV) мы читали очень хорошо написанную статью о романѣ г. Тургенева, въ которой удачно и мѣтко были сопоставлены и разобраны отзывы лично-заинтересованныхъ критиковъ. Но, отдавая должную справедливость многимъ умнымъ замѣчаніямъ автора этой статьи, мы никакъ не можемъ согласиться съ нимъ въ основной его мысли, именно во взглядѣ его на сущность типа, изображеннаго г. Тургеневымъ подъ именемъ Базарова. Взглядъ этотъ не выдержитъ пробы, будемъ ли мы сравнивать его съ самимъ романомъ, или съ нашею общественною средою, изъ которой взяты элементы изображенія. По мнѣнію критика, въ этой фигурѣ выразился господствующій въ наше время духъ реализма, духъ дѣйствующій и въ жизни, и въ наукѣ. Критикъ раздвигаетъ горизонтъ этого типа до всемірнаго значенія, и видитъ въ немъ какую-то всеобщую идею. Онъ видитъ въ немъ тотъ умственный аскетизмъ, который сурово отказывается отъ всего далекаго, отвлеченнаго, туманнаго, и направляетъ мысль и дѣятельность къ достижимымъ цѣлямъ. Но придавая этому типу такое значеніе, критикъ далекъ отъ сочувствія ему; критикъ видитъ въ немъ силу одностороннюю, не удовлетворяющую всѣмъ требованіямъ человѣческой жизни, и подавляющую многія, лучшія изъ нихъ.

Во всякомъ случаѣ, такой взглядъ стираетъ не только всѣ индивидуальныя, но и всѣ типическія особенности этого образа; онъ превращаетъ его въ отвлеченность, которая столько же можетъ относиться къ Базарову, сколько и къ явленіямъ совершенно противоположнымъ. Мы съ умысломъ останавливаемся на этомъ воззрѣніи, потому что оно довольно распространено, хотя нигдѣ такъ рѣшительно не высказано, какъ въ упомянутой критикѣ *Времени*. Ухватившись за одинъ наружный признакъ, критикъ оставляетъ безъ вниманія другіе гораздо болѣе существенные элементы это-

го образа, и изъ одной болѣе мнимой нежели дѣйствительной характеристической черты развиваетъ его значеніе. Благодаря этой операціи, мы должны привѣтствовать въ лицѣ этого типа духъ нашего времени, съ придачею того генія мудраго самообладанія, который олицетворился въ Сократѣ и составляетъ сущность всякаго точнаго мышленія и дѣйствительнаго знанія. Но въ такомъ случаѣ мы рѣшительно не понимаемъ, какое отношеніе можетъ имѣть этотъ типъ къ нашей жизни. Очевидно, критикъ оставилъ не тронутымъ существенное содержаніе своего собственнаго впечатлѣнія и унесся въ сферу общихъ отвлеченій, которыя не имѣютъ съ нимъ ничего общаго.

Еслибы критикъ обратилъ вниманіе на бытовыя стороны типа, то въ немъ не могло бы возникнуть и тѣни мысли о какомъ-то всеобщемъ духѣ реализма, и онъ легко нашелъ бы ключъ къ своему впечатлѣнію. Онъ удивляется жизненности и вѣрности изображенія; дѣйствительно, Тургеневскій типъ отличается въ высокой степени этими качествами. Но какъ же критикъ не подумалъ, что при его толкованіи типъ этотъ оказался бы самою неудачною выдумкой, и во всякомъ случаѣ былъ бы чѣмъ-то совершенно исключительнымъ, чѣмъ-то безъ всякой аналогіи съ окружающею средой? Духъ реализма! Не было ли бы со стороны художника непростительною ошибкой создавать изъ элементовъ нашей умственной жизни типъ того общаго духа реализма, который господствуетъ въ современной мысли? Можно ли представить себѣ что-нибудь смѣшнѣе попытки изобразить героическій типъ русскаго реалиста или русскаго идеалиста изъ элементовъ нашего образованнаго общества. Тутъ не требуется доказательствъ; дѣло очевидно само собою. Можетъ ли, напримѣръ, кому-нибудь придти въ голову изображать изъ русской жизни, типъ изслѣдователя, живущаго интересомъ знанія, посвящающаго свои силы дѣлу науки, сосредоточеннаго въ вычисленіи элементовъ предполагаемой планеты, въ экспериментѣ надъ солнечнымъ спектромъ, въ анализѣ сложной органической комбинаціи, въ тонкихъ изслѣдованіяхъ нервной системы? Возможенъ ли у насъ типъ молодаго или немолодаго человѣка, одержимаго умственнымъ голодомъ дѣйствительности въ какомъ бы то ни было смыслѣ,

одностороннемъ или неодностороннемъ, дурномъ или хорошемъ, истинномъ или ошибочномъ? Какая странная, нелѣпая, непонятная вышла бы фигура! Какою ложью отозвалась бы въ ней каждая черта и какой заслуженный смѣхъ возбудила бы она повсюду! Мы не хотимъ сказать, чтобы въ нашей образованной средѣ не было умственныхъ интересовъ; но проявленія ихъ такъ малочислены и слабы, такъ они незначительны, что всякая попытка воспроизвести ихъ въ типическомъ образѣ была бы нелѣпостію. Точно такою же странностію было бы представить себѣ типъ русскаго купца покоряющаго Индію и создающаго великую имперію (хотя въ давнюю, давнюю пору, нѣчто подобное бывало у насъ) или русскаго мореплавателя, пускающагося въ арктическіе льды отыскивать въ двадцатый разъ остатки сэръ Джонъ Франклина. Было ли бы въ подобныхъ типахъ какое-нибудь соотвѣтствіе съ окружающею средою? Могъ ли самый даровитый художникъ, при всѣхъ благопріятныхъ условіяхъ, создать въ этомъ родѣ что-нибудь типическое, а не экземпляръ совершенно исключительный?

Легко сѣтовать на нашихъ художниковъ за то, что они черпаютъ изъ нашей жизни такъ мало положительныхъ типовъ. Гораздо основательнѣе было бы спросить, представляетъ ли наша общественная жизнь элементы для такихъ типовъ. Гоголь вздумалъ было создавать положительные типы, и всѣмъ извѣстно, какое онъ потерпѣлъ кораблекрушеніе. Критики, ставившіе И. Тургеневу въ упрекъ неудовлетворительность выведенныхъ имъ типовъ молодаго или стараго поколѣнія, не подумали, что если типы эти дѣйствительно неудовлетворительны, то виноватъ не авторъ, а жизнь, изъ которой онъ ихъ взялъ. Онъ взялъ то что есть, и всякая прибавка была бы искаженіемъ и ложью.

Не странно ли, что о произведеніи современномъ, взятомъ изъ текущей жизни, могутъ быть разнородные толки, недоумѣнія и вопросы, какъ будто бы рѣчь шла о какомъ-нибудь памятникѣ давно-минувшей эпохи? Не странно ли, что современный, такъ рѣзко со всѣхъ сторонъ очерченный типъ, становится предметомъ комментарій, какъ будто бы рѣчь шла о характерѣ Гамлета или Макбета? Но чѣмъ индивидуальнѣе художественное изображеніе, тѣмъ труднѣе дается оно анализу. Тургеневскій Базаровъ не просто типъ, но и характеръ, лицо живое до мельчайшей

подробности. Нигдѣ въ этомъ образѣ не обнажается сентенція, нигдѣ не проглядываетъ въ немъ отвлеченное понятіе; онъ съ ногъ до головы живая фигура. Производимое имъ впечатлѣніе совершенно индивидуальнаго свойства, точно такое, какое мы испытываемъ при встрѣчѣ съ живымъ человѣкомъ,—безотчетное чувство симпатіи или антипатіи, которое то заговоритъ громко, то притихнетъ. Казалось бы, что самъ авторъ могъ бы всего легче разрѣшить загадку и дать ключъ къ созданному имъ характеру. Авторъ на лицо, и повидимому всего естественнѣе и проще можно было бы ожидать отъ него окончательнаго слова, которое рѣшило бы дѣло безъ апелляціи. Ком же какъ не автору знать сущность созданнаго имъ характера, понимать смыслъ изображеннаго имъ типа? Однако, это не совсѣмъ такъ: авторъ въ этомъ случаѣ мало разнится отъ всякаго другаго наблюдателя. Къ тому, что вышло изъ его рукъ, онъ находится точно въ такихъ же отношеніяхъ, какъ и всѣ другіе; онъ можетъ имѣть симпатическое или антипатическое чувство къ живому лицу, которое возникло въ его фантазіи, но ему придется совершить точно такой же трудъ анализа какъ и всякому другому, для того чтобы передать въ сужденіи сущность своего чувства. Въ своемъ сужденіи онъ можетъ ошибаться не менѣе всякаго другаго; и часто ему бываетъ еще труднѣе чѣмъ другому произвести тотъ необходимый анализъ, который долженъ дать элементы для яснаго и точнаго сужденія.

О безсознательномъ творчествѣ высказывались у насъ прежде очень туманныя мнѣнія, которыя вызвали справедливую реакцію. Безъ сомнѣнія, невозможно допустить, чтобы такое дѣло какъ художественное творчество, требующее полнаго развитія умственныхъ силъ, происходящее въ самомъ ясномъ элементѣ, въ самомъ центрѣ сознанія, чтобы такое дѣло было въ то же самое время чѣмъ-то безсознательнымъ, похожимъ на безсловесный и темный процессъ природы. Эти образы, эти тоны, эти идеи,—что же все это, какъ не элементы сознанія? Что же самый актъ художественнаго творчества, какъ не приведеніе къ усиленному, полному, ясному сознанію того что происходитъ въ жизни глухо, подусознательно, безсознательно, разсѣянно, случайно? Но есть разныя степени и разные виды сознанія. И ощущеніе есть сознаніе, и понятіе есть сознаніе,—

но какая разница между этими двумя видами сознанія! Точно также есть разница между художественнымъ образомъ и сужденіемъ, которое его анализируетъ. Безъ всякаго сомнѣнія, въ работѣ художника непремѣнно участвуетъ, съ большею или меньшею силою, этотъ элементъ сужденія; безъ него не можетъ обойдтись никакое человѣческое дѣло, но въ работѣ художника оно играетъ второстепенную роль. Еслибъ оно возобладало и стало управлять всѣмъ ходомъ дѣла, еслибы художникъ началъ поступать по указанію анализа, то мы получили бы аллегорію или иллюстрированный трактатъ, а не образъ, не созерцаніе; мы вовсе не имѣли бы той полноты живаго впечатлѣнія, того многосложнаго содержанія, которое требуетъ анализа; не могла бы и возникнуть потребность новаго труда мысли, желающей отдать себѣ отчетъ въ своемъ содержаніи.

Сила, которая творитъ чудеса въ геніяльномъ художникѣ, вовсе не есть чей-нибудь исключительный удѣлъ. Это свойство общечеловѣческое; оно принадлежитъ всѣмъ въ большей или меньшей степени, и всякій можетъ испытать въ самомъ себѣ свойство и дѣйствіе этой силы. Когда намъ случится уловить въ жизни какую-нибудь существенную черту и воспроизвести ее въ воображеніи, то она сама, по мѣрѣ своей силы и значенія, начнетъ привлекать всѣ элементы, сродные ей существенно или съ которыми связала ее жизнь. Одно дополняется другимъ само собою, и чѣмъ менѣе будемъ мы вмѣшиваться въ дѣло, тѣмъ вѣрнѣе и полнѣе будетъ происходить сближеніе ищущихъ другъ друга элементовъ. Постороннія вмѣшательства будутъ только ослаблять ходъ этого дѣла, уменьшать эту силу взаимнаго притяженія, разстраивать работу и вредить ея успѣху. Намъ остается только помогать этому процессу всѣми зависящими отъ насъ способами,—припоминать, соображать, повторять наблюденія, расширять кругъ данныхъ, питать и усиливать тѣ элементы, которые уже найдены нами, чтобъ они съ большею энергіей обнаруживали свое дѣйствіе, полнѣе и обширнѣе привлекали къ себѣ все имъ сродное. Въ этомъ-то и состоитъ вся тайна художественныхъ типовъ,—и художникъ только въ особенной степени обладаетъ условіями благопріятствующими этому процессу, и сила этихъ условій растетъ и развивается отъ упражненія, какъ и при всякой другой дѣятельности. Вѣрность, глубина и выразительность

типовъ зависятъ отъ этой силы и ея развитія. Истинные художники, при этомъ, обладаютъ даромъ фантазіи, даромъ индивидуальнаго созерцанія, такъ что типъ является у нихъ не просто общею схемою, но живымъ лицомъ, которое само отъ себя дѣйствуетъ и само за себя отвѣчаетъ, и въ которомъ не все только типъ, но есть и нѣчто совершенно индивидуальное.

Нельзя однако представлять себѣ это дѣло такимъ образомъ, чтобъ оно могло быть изолировано отъ всякихъ болѣе или менѣе случайныхъ вліяній или постороннихъ соображеній. Истина созерцанія нисколько не пострадаетъ отъ той свободы, съ которою художникъ выбираетъ свои точки зрѣнія, руководствуясь общими соображеніями, отъ того тона, который онъ рѣшается дать своему произведенію, и наконецъ отъ того мотива, который побуждаетъ его соединить типъ съ такимъ или другимъ индивидуальнымъ характеромъ, поставить его въ такія или другія обстоятельства.

Въ *Отцахъ и Дѣтяхъ* замѣтно желаніе автора дать главному типу возможно благопріятнѣйшія условія. Авторъ, видимо, какъ будто опасался показаться лицепріятнымъ. Онъ какъ будто слишкомъ усиливался быть безпристрастнымъ, и эти усилія не остались безъ нѣкоторыхъ послѣдствій. Намъ кажется, что еслибъ этихъ усилій не было, то его произведеніе еще болѣе выиграло бы въ своей объективности, между тѣмъ какъ принципъ невмѣшательства былъ бы соблюденъ еще полнѣе. Впрочемъ слѣды этихъ усилій незначительны; они только показываютъ направленіе мысли автора, который не только не заслуживаетъ упрека въ несправедливости къ герою, но, напротивъ, скорѣе можетъ подвергнуться легкому упреку за излишнюю мнительность, за излишнія усилія быть безпристрастнымъ, потому что излишество во всемъ, даже въ хорошемъ, бываетъ болѣе вредно чѣмъ полезно. Но эта излишняя мнительность лишь кое-гдѣ проглядываетъ, и тотчасъ же исчезаетъ, не производя большаго вреда. Авторъ руководствовался другимъ, болѣе существеннымъ соображеніемъ. Онъ хотѣлъ, чтобъ избранный имъ типъ явился на свѣтъ въ своихъ лучшихъ одеждахъ, чтобы къ производимому имъ впечатлѣнію не примѣшивалось ничего невыгоднаго отъ какихъ-нибудь постороннихъ случайностей. Онъ хотѣлъ создать своего

героя изъ самыхъ лучшихъ матеріяловъ, какіе только могли подойдти къ этому типу. Герой этотъ поставленъ такъ, что личность его производитъ самое выгодное для него впечатлѣніе. Эта личность не бросается прямо въ глаза какою-нибудь слабою стороной; на видъ обращено только все выгодно-дѣйствующее. Мы видимъ передъ собою человѣка способнаго и крѣпкаго, котораго нельзя упрекнуть ни въ какой пошлости. Даже то, что̀ могло бы быть вмѣнено ему въ недостатокъ или въ вину, внушаетъ нѣкоторый респектъ. Ни въ какомъ положеніи не кажется онъ смѣшнымъ или жалкимъ; изо всего выходитъ онъ съ нѣкоторымъ достоинствомъ. Его мужество—à toute épreuve, мужество не поддѣльное, но совершенно естественное. Онъ сохраняетъ полнѣйшее спокойствіе подъ пулею, и авторъ, не довольствуясь впечатлѣніемъ наружнаго вида, заставляетъ насъ заглянуть въ его душу, и мы видимъ дѣйствительно, что смерть, пронесшаяся надъ его головою, произвела на него не большее впечатлѣніе чѣмъ прожужжавшая муха. Онъ постоянно удерживаетъ власть надъ собою; его душевныя настроенія, намѣренія и мысли не запутываются въ рефлексіяхъ, не задерживаются, не расплываются, а переходятъ кратчайшимъ путемъ къ дѣлу. Слово его всегда толково и сжато; онъ высказываетъ только то что̀ хочетъ сказать, и хочетъ сказать только то что̀ ему пригодно. Короче сказать, нравится ли онъ кому или не нравится, хорошъ или дуренъ тотъ духъ который въ немъ выражается, онъ поставленъ авторомъ такъ, что производитъ впечатлѣніе сильной натуры. Авторъ вездѣ даетъ ему центральное мѣсто: вездѣ является онъ главнымъ пунктомъ, а все прочее только группируется около него и выдаетъ только рѣзче и явственнѣе его фигуру. Все располагается такъ, чтобъ онъ производилъ впечатлѣніе силы. Изъ лицъ, близко̀ подходящихъ къ нему, только одно какъ-будто стираетъ его, одно, передъ которымъ онъ пасуетъ: это — Одинцова. Другая женская фигура, также самостоятельная, которая могла бы умѣрять производимое имъ впечатлѣніе, молодая дѣвушка, племянница Одинцовой, поставлена вдалекѣ, и ни разу не приходитъ въ соприкосновеніе съ нимъ. Мы уже говорили о его молодомъ спутникѣ и поклонникѣ,—натурѣ доброй и мягкой, какъ и его отецъ. А отецъ его—существо не дозрѣвшее, не испытанное жизнію, безхарак-

терное, неспособное къ опредѣленной дѣятельности, конфузливое, хотя доброе, кроткое, съ неувядшею поэзіей въ душѣ. Оба они съ братомъ люди умные и хорошіе, и были бы людьми дѣльными, еслибы жили въ другой средѣ, при условіяхъ болѣе благопріятныхъ для образованія характера. Родись Павелъ Петровичъ англійскимъ сквайромъ, онъ былъ бы можетъ-быть славнымъ мировымъ судьею и надежнымъ органомъ политической партіи; точно такъ же какъ при другомъ, болѣе серіозномъ образованіи, чуткая и податливая природа Николая Петровича не осталась бы при однихъ неопредѣленныхъ мечтаніяхъ и настроеніяхъ, и тихая поэзія его души питалась бы болѣе жизненными соками и находила бы пути выражаться какъ-нибудь плодотворнѣе въ жизни. Бѣдный, добрый Николай Петровичъ совсѣмъ уничтожается не только передъ Базаровымъ, но даже передъ своимъ молоденькимъ сыномъ. Братъ его—человѣкъ съ характеромъ; этотъ не пасуетъ, въ немъ чувствуются силы, — но силы погибшія, которыя завяли отъ бездѣйствія, отъ мелочнаго употребленія въ безплодно прожитой жизни. Онъ раздражителенъ и нервенъ; но настоящей силы въ немъ мало. Вы отдаете ему справедливость, вы признаете его настоящимъ джентльменомъ, вы уважаете его благородство; но вы чувствуете, что онъ герой въ Мамбриновомъ шлемѣ, и авторъ безъ пощады выставляетъ на видъ его смѣшныя стороны. Это человѣкъ проигравшій свое прошедшее, безъ настоящаго, безъ будущаго, призракъ между живыми, безплодно гальванизируемый впечатлѣніями, которыя раздражаютъ, кипятятъ его, но не могутъ воскресить погибшей жизни. Въ столкновеніяхъ съ нимъ фигура Базарова еще рѣзче оттѣняется; въ сравненіи съ нимъ только болѣе чувствуется впечатлѣніе силы производимой этою фигурой. О прочихъ лицахъ говорить нечего. Любовь къ Базарову старика отца его, особенно матери, доходящая до благоговѣнія, до самозабвенія, довершаетъ это впечатлѣніе силы, которое сопутствуетъ Базарову. Итакъ онъ рѣшительно господствуетъ надъ всею сценой. Ему данъ полный просторъ, и все служитъ ему матеріяломъ, чтобы выразиться и заявить свою силу.

А въ чемъ же состоитъ его сила? Есть ли это дѣйствительная сила, или только оптическій обманъ, результатъ

сравненія съ окружающею мягкостію и безсиліемъ? Этотъ вопросъ идетъ довольно глубоко; онъ касается тѣхъ элементовъ, которые всѣми безотчетно и невольно чувствуются въ общемъ впечатлѣніи. Этотъ вопросъ ищетъ ключа къ той тайной антипатіи, которую возбуждаетъ Базаровъ, къ тому горькому и язвительному чувству, которое поневолѣ должны испытывать люди носящіе его духъ въ своемъ сердцѣ.

Характеръ Базарова заслуживаетъ подробнаго анализа, и мы возвратимся къ нему.

(До слѣд. №.)

ПОПРАВКА.

Въ апрѣльской книжкѣ *Русскаго Вѣстника*, въ поэмѣ гр. А. К. Толстаго, *Донъ Жуанъ*, на 691 стр., въ первомъ хорѣ братій замѣчены опечатки, искажающія смыслъ, а потому вся строфа перепечатывается здѣсь вполнѣ:

Съ нашей жизнью вѣчно смежная,
Вѣчно ищущая насъ,
Смерть приходитъ, неизбѣжная,
Въ каждый день и въ каждый часъ.
Благо, благо не дремавшему,
Мирно гостью ожидавшему,
Неусыпно посылавшему
Къ небесамъ молящій гласъ!